ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУДХАУЗ

Annotation

В этой книге три романа П.Г. Вудхауза, ранее не публиковавшиеся: «Неуемная Джилл», «На Вашем месте» и «Французские каникулы».

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 12. Лорд Дройтвич и другие

Неуемная Джилл

Перевод с английского И. Митрофановой.
Редактор Н. Трауберг

Моей жене.
Благослови ее Бог

Глава I СЕМЕЙНОЕ ПРОКЛЯТИЕ

1

Фредди Рук холодным глазом окинул завтрак на столе. Через отсверкивающий монокль он смотрел на прегадкое кушанье, которое Баркер, его преданный слуга, поставил перед ним на тарелке.

— Баркер! — с мукой в голосе окликнул Фредди.

— Да, сэр? Что это такое? Яйцо-пашот, сэр. Молча содрогнувшись, Фредди отвел взгляд.

— Ну точь-в-точь моя старая тетка! Уберите его, Баркер!

Поднявшись и запахнув халат вокруг длинных ног, Фредди занял позицию перед камином. С этой позиции, опершись спиной о каминную полку и вжимая голени в узорчатую, трефами, решетку, он оглядел комнату, свой жизнерадостный оазис в промозглом туманном мире, типичную комнату для завтрака лондонского холостяка. Приятного серого тона стены, накрытый на двоих столик, радующее глаз сочетание белого с серебряным.

— Яйца, Баркер, — торжественно изрек Фредди, они как лакмусовая бумажка.

— Да, сэр?

— Точно. Если наутро, после, ты в силах одолеть яйцо-«пашот», значит, ты в порядке. А вот если нет — то, значит, и нет. Это уж точно, поверьте.

— Слушаюсь, сэр.

Фредди, прижав ладонь ко лбу, тяжко вздохнул.

— А стало быть, я прошлым вечером повеселился от души. Может, даже и перепил. Так, слегка. Может, и не накачался до бровей, но, бесспорно, напился здорово. Сильно я шумел по возвращении?

— Нет, сэр. Вошли совсем тихо.

— Так-так. Нехорошо.

Доковыляв до стола, Фредди налил себе чашку кофе.

— Кувшинчик со сливками справа от вас, сэр, — подсказал услужливый Баркер.

— Вот пусть там и остается. Сегодня мне только cafe noir. Черный-пречерный, как вытерпит желудок. — И снова отойдя к камину, Фредди

деликатно отхлебнул. — Насколько мне помнится, вчера был день рождения Ронни Дэверо. Или еще что-то?..

— Мистера Мартина, как мне кажется, вы упоминали, сэр.

— А-а, и то верно. День рождения Элджи Мартина. А мы с Ронни гостями были. Да, вот теперь вспомнилось все. Я хотел, чтобы и Дэрек пошел — он ведь еще не знаком с Ронни, но он отказался. И правильно! У парня в его положении обязанностей полно. Член парламента, то-се, сами понимаете. А, кроме того, — серьезно продолжил Фредди, подчеркивая это обстоятельство взмахом ложки, — он же помолвлен! Женится скоро. То-то же, Баркер. Не забывайте!

— Постараюсь, сэр.

— Иногда, — мечтательно добавил Фредди, — мне и самому хочется обручиться и жениться. Так иногда мечтаешь, чтобы какая-нибудь славненькая девушка заботилась обо мне и… Бр-р? Нет-нет, не желаю! Еще чего! А сэр Дэрек уже встал?

— Встает, сэр.

— Баркер, вы уж позаботьтесь, чтобы все было на высоте. Еда хорошая, то-се… Пусть повкуснее позавтракает, ведь ему сегодня мать встречать. На Чаринг-Кросс. Она мчится с Ривьеры.

— В самом деле, сэр?

— Знали бы ее, не говорили бы так легко и небрежно, — покачал головой Фредди. — Ладно, сегодня увидите. Она придет ко мне на обед.

— Да, сэр.

— И мисс Маринер тоже будет. Обед на четверых. Передайте миссис Баркер, пускай засучит рукава да угостит нас получше. Суп, рыба… ну, и прочее. *Она* уж сама знает. И достаньте из клети в погребе самую старую бутылочку мальвазии. Сегодня особый случай!

— Ее милость в первый раз встретится с мисс Маринер, сэр?

— Вот именно. Самый-самый первый! Здесь, или в любом другом месте. Нам надо сплотить ряды и постараться, чтобы все прошло успешно.

— Не сомневайтесь, сэр, миссис Баркер приложит все усилия.

Баркер двинулся к двери, неся отвергнутое яйцо, но отступил, пропуская входящего высокого, хорошо сложенного молодого человека лет тридцати.

— Доброе утро, сэр Дэрек.

— Доброе утро, Баркер.

Камердинер неслышно выскользнул из комнаты. Дэрек Андерхилл сел за стол. Был он на редкость красивым мужчиной с сильным, волевым лицом, стройным, темноволосым, выбритым до глянца. Таких волей-

неволей выхватывает из толпы глаз. Словом, заметный человек. Единственный изъянец — чересчур тяжелые брови, придававшие ему несколько отталкивающий вид. Однако женщин это не отталкивало. У женщин он был любимцем, а вот среди мужчин — не всегда. Исключение составлял Фредди Рук, преклонявшийся перед другом. Учились они в одной школе, только Фредди был несколько моложе.

— Закончил, Фредди? — спросил Дэрек. Фредди бледно улыбнулся.

— Сегодня утром мы не завтракаем. Душа желала, плоть отказалась наотрез. А совсем начистоту — у последнего из Руков жутко гудит голова.

— Вот осел!

— Капелька сочувствия, — обиженно отозвался Фредди, — была бы весьма кстати. Нам довольно плохо… Какой-то неизвестный воткнул молотилку в старую мою черепушку, а язык подменил обрывком наждачной бумаги. Все вокруг такое темно-желтое, такое зыбкое…

— Нечего было напиваться вчера вечером.

— Да ведь у Мартина день рождения! — запротестовал Фредди.

— Будь я ослом вроде Мартина, — изрек Дэрек, — не стал бы особо рекламировать факт своего рождения. Нет! Помалкивал бы, скрывал…

Он положил себе щедрую порцию рыбы. Фредди с отвращением, но и с легкой завистью наблюдал за ним. Когда тот начал есть, зрелище стало совсем уж непереносимым для страдальца, и он отошел к окну.

— До чего ж гнусный денек!

День и вправду стоял премерзкий. Январь, этот сумрачный месяц, обошелся с Лондоном с обычной своей суровостью. Рано утром с реки накатила волна тумана, и он все густел, превращаясь из жемчужно-белого в грязно-коричневый, цепляясь клочьями за оконные рамы, оставляя на стеклах темные влажные подтеки.

— Да, мерзостный, — согласился и Дэрек.

— Поезд твоей матери опоздает.

— Верно. И досадно. Встречать поезда и так достаточно хлопотно, а тут еще болтайся на сквозняке битый час.

— Я думаю, — продолжал, следуя течению мыслей, Фредди, — наша старушка здорово разозлится, если путешествие затянется. — Еле волоча ноги, он вернулся к камину и раздумчиво потерся плечами о каминную полку. — Как я понимаю, ты написал ей про Джилл?

— Конечно. Потому она и приезжает. Кстати, а ты купил билеты в театр?

— Да. Три места вместе, и одно где-то позади. Если тебе все равно, старик, позади сяду я.

Дэрек, который покончил с рыбой и теперь терзал друга тостом с джемом, рассмеялся.

— Нет, какой трус! Просто заяц? Почему ты так боишься моей матери?

Фредди взглянул на него, словно робкий молодой сквайр на святого Георгия перед битвой с драконом. Как многие добряки, он возводил своих друзей в герои. В былые дни, когда он прислуживал Дэреку как старшему ученику в Винчестере,[1] тот был для него самым замечательным человеком в мире, и мнение это он сохранил. Последующие события даже укрепили его. После окончания школы Дэрек совершил такие поразительнейшие подвиги. Блестяще учился в Оксфорде, а сейчас сидит в Палате Общин, и лидеры его партии уже смотрят на него как на политика, за карьерой которого стоит следить. Хорошо играет в поло, отменно стреляет.

Но из всех талантов и качеств одно вызывало у Фредди восхищение совсем уж безмерное — его поистине львиное мужество. Ярким примером служило его поведение в нынешней ситуации.

Вот сидит, безмятежно поглощая тосты с джемом, а между тем поезд, везущий леди Андерхилл, уже на всех парах мчится из Дувра в Лондон. Ведь это, считай, все равно, что беззаботно играть в кегли, когда на горизонте уже забелели паруса Испанской Армады.

— Да, мне бы твое хладнокровие, — трепетно выговорил Фредди. — Как терзался бы я на твоем месте, если бы мне предстояло встретиться с матерью после того, как я объявил ей о помолвке с девушкой, которую она и в глаза не видела! Уж и не представляю… Лучше с раненым тигром схлестнуться!

— Идиот, — безмятежно проговорил Дэрек.

— Не думай, — гнул свое Фредди, — я не хочу умалить хоть капельку достоинств твоей матушки, если ты меня понимаешь, но факт есть факт — старушку я боюсь до посинения. И всегда боялся, с того самого раза, когда я приехал к тебе погостить. До сих пор вижу ее взгляд в то утро, когда я по чистой случайности угодил яблоком в окно ее спальни, хотя метил в кошку этажом ниже. Матушка твоя находилась от меня футах в тридцати, не меньше, но, чтоб мне треснуть, взгляд ее меня пронзил!

— Нажми-ка звонок, старина, ладно? Я хочу еще тостов. Фредди с восхищением выполнил эту просьбу.

— Осужденный позавтракал с аппетитом, — пробормотал он. — Баркер, принесите еще тостов, — попросил он, когда достойный слуга возник в дверях. — Герой! Да, сущий герой!

Дэрек откинулся на стуле, запрокинувшись на задние ножки.

— Маме Джилл наверняка понравится, когда она ее увидит.

— Вот именно, *когда* увидит! Вот оно, слабое место, юный мой друг! Она же *никогда ее не видела!* В том-то и беда. Месяц назад она знать не знала ни о каких Джилл. Тебе известно и мне известно, что Джилл — прекраснейшая, симпатичнейшая девушка. По-нашему, в добром старом духе, — лучше некуда! Но, черт возьми, мы-то с Джилл росли вместе. Я играл с ней в пятнашки на лугу, то-се… Раз, помню, тогда ей было двенадцать, навела на меня садовый шланг и сшибла с моего лучшего костюма процентов 75 его рыночной стоимости. Подобные происшествия формируют дружеские узы. Я всегда знал, она — самый высший сорт. Но твоей матери еще предстоит это открыть. Очень жаль, честное слово, что у Джилл нет ни отца, ни матери, ни, скажем, бабушки. Некому ее поддержать. Объединились бы в такую шайку. Хорошая штука! Но у нее только и есть этот старый дядя. Большой, кстати, чудак. Видел его?

— Несколько раз. Мне он понравился.

— Да, он славный, никто не спорит. Душа-человек. Но пообщаешься с теми, кто знал его в прежние времена, и много чего услышишь. Да и сейчас я подумаю, прежде чем сесть с ним за карты. Молодой Трипвуд[2] рассказывал, совсем недавно старикан обставил его на 30 фунтов в пике и глазом не моргнул. И Джимми Монро, ну, этот, с фондовой биржи, говорил, что он последнее время только и покупает маржи. Или как это там называется, что они покупают в Сити? Хотя нет, все правильно — маржи. Джимми и меня уговорил купить несколько штук у компании «Объединенные краски». Что надо делать, понятия не имею, но Джимми уверял, что дельце верное, принесет немалую прибыль. О чем это я? Ах, да, старик Сэлби! Субъект он, конечно, вполне честный. Но пока мы не укрепим позиции, лично я не стал бы слишком уж распространяться о нем перед мамашей.

— Наоборот, — возразил Дэрек. — Упомяну его при первой же возможности. Он знал моего отца еще в Индии.

— Ах, вот как! Тогда, чтоб мне треснуть, совсем другое дело.

Вошел Баркер с тостами, и Дэрек продолжил завтрак.

— Возможно, сначала, — заметил он, — и возникнет некоторая неловкость. Но через пять минут все наладится.

— Ну конечно! Но, Господи! Эти самые пять минут! — Фредди мрачно смотрел через монокль. Судя по всему, он претерпевал внутреннюю борьбу; даже сглотнул раза два. — Пять первых минут! — повторил он и снова умолк. Посоветовавшись с собой, он выпалил, будто

кидаясь в омут:

— Знаешь, давай-ка я с тобой пойду.

— Куда это?

— На вокзал.

— Да зачем же?

— Помочь тебе в первые минуты. Сломать лед, то-се… Взаимная поддержка. Когда нам нужен верный друг, ну, и так далее… Скажи словечко, и я помчусь с тобой, окажу моральную поддержку.

Тяжелые брови Дэрека оскорбленно насупились, и лицо у него потемнело. Непрошеное предложение оскорбило его достоинство. Он рассердился, это с ним бывало, наводя, пожалуй, на мысль, что у него не такой уж сильный характер, как внушает его внешность.

— Очень любезно с твоей стороны, — холодно бросил он. Фредди кивнул. Он и сам осознавал всю бездонность своей доброты.

— Пожалуй, кое-кто ответил бы: «Ох, что ты, такой пустяк!» — Но только не последний из Руков. Начистоту, старик, между нами, я и сам понимаю — это мой самый храбрый поступок в данном году! Чтоб я пропал, если б решился на такое ради кого другого…

— Да, Фредди, ты очень любезен…

— Ладно, чего уж там. Я бойскаут, и это мое доброе дело на сегодняшний день.

— Но тебе не к чему мчаться на вокзал. — Дэрек поднялся из-за стола. — Зачем спорить о Джилл на Чаринг-Кросс?

— Да ты что! Я просто буду под рукой, чтобы подкинуть словечко-другое.

— Чепуха!

— Нет, что ты, очень полезно!

— Ерунда!

— Ну, как знаешь, — обескураженно сдался Фредди. — Как скажешь, конечно. Однако шайка — хорошая вещь, старичок.

2

Дэрек, раздраженно крякнув, отшвырнул окурок сигары. На Чаринг-Кросс царила обычная суета. Катились взад-вперед багажные тележки, точно колесницы Джаггернаута;[3] лязгая, въезжали под своды припозднившиеся поезда, радуясь, что добрались домой, а другие, менее удачливые, нехотя уползали в темноту, растворяясь в аду взрывчатых

гуманных сигналов. Дело в том, что туман держался по-прежнему, а воздух был холодный, промозглый, отдающий на вкус медью. Похоронным шагом двигался транспорт под аккомпанемент грубых выкриков, а порой — и грохот столкновений. Пробившись сквозь туманную мглу, солнце зависло было в небе огромным красным апельсином, но вскоре все снова погрузилось в промозглый сумрак с легким флером таинственности и романтики, свойственным лишь лондонскому туману.

Туман и ожидание оказали свое действие на Дэрека. Внешняя решимость, которую он демонстрировал Фредди за завтраком, растаяла без следа после приезда на вокзал. Он явно нервничал. При всем показном хладнокровии и храбрости речей, в глубине сердца Дэрек боялся матери. Есть мужчины — он принадлежал к их числу, — которые так и не расстаются с детством. Они могут выбросить игрушки, добиться богатства и успеха, но жизнью их управляет рука, качавшая их колыбель.

Дэрек повернулся было, чтобы совершить очередную пробежку по платформе, но замер, даже споткнулся, вспыхнув от ярости.

Преисполненный преданности и альтруизма, к нему шагал, сияя улыбкой над воротником клетчатого пальто, его друг Фредди. Подобно преданному псу, который, получив приказ идти домой, все-таки крадется проулками и закоулками, тихонько выглядывая из-за углов и припадая за уличными фонарями, Фредди все-таки последовал за ним на вокзал. А с ним, совсем уж к полной досаде Дэрека, были двое его неразлучных сподвижников — Ронни Дэверо и Элджи Мартин.

— Ну, старик! — Фредди ободряюще похлопал Дэрека по плечу. — А мы все-таки пришли! Знаю, знаю, ты не велел мне появляться, но я же догадался — это не всерьез! Обдумал все еще раз после твоего ухода и решил: нет, нельзя бросить тебя в час нужды! Надеюсь, ты не против, что и Ронни с Элджи подскочили? Видишь ли, дело в том, что я… э… трушу, твоя добрая старая матушка парализует мои нервные центры. Встретил вот их на Пиккадилли, шли в клуб, и мобилизовал. Потопали мы все вместе, на Хеймаркете хватили по рюмочке для поднятия духа и теперь полны огня и задора, готовы к любой судьбе! Я им все объяснил, они за тебя! Готовы стоять насмерть! Шайка, мой дорогой, — великое дело! Вот мой девиз. Да.

— То-то и оно! — подхватил Ронни.

— Абсолютно! — подтвердил и Элджи.

— Поддержим тебя на первой стадии, — продолжал Фредди, — а потом сразу и уберемся. Не дадим угаснуть общей беседе.

— Помешаем ей свернуть на болезненный предмет, — поддакнул Ронни.

— Отведем, — прибавил Элджи, — от щекотливой темы.

— В этом вся соль, — опять вступил Фредди. — Мы… Ой, Господи! Поезд подъезжает!

Голос у него дрогнул. Даже утешительное присутствие двух союзников не укрепило его достаточно для тяжкого испытания. Но мужественным усилием воли он взял себя в руки.

— Сплотимся, ребята! — отважно воззвал он. — Пора всем достойным людям прийти на помощь другу!

— То-то и оно! — откликнулся Ронни.

— Абсолютно! — согласился с ним Элджи.

3

Плавно въехал под своды вокзала поезд, суматошно затрезвонили колокола, изрыгнули пар машины, подняли крик носильщики, загрохотали по платформе багажные тележки. Вагоны стали изрыгать свое содержимое: сначала пассажиры выходили поодиночке, потом — по двое и наконец полились непрерывным потоком. Почти все путешественники казались вялыми и измученными, бледными той бледностью, какая проступает, когда пересечешь неспокойные воды Ла-Манша. Контрастом на общем фоне выделялась, пожалуй, только орлиноликая леди в коричневом пальто, жарко отчитывающая посреди платформы маленькую тихую горничную голосом, резавшим сумрак вокзала, будто стальной нож. Как и другие путешественники, она была бледна, но держалась браво. Никто не мог бы догадаться по манерам леди Андерхилл, что твердая платформа вздымается и опадает у нее под ногами.

Дэрек приблизился, остро осознавая присутствие Фредди, Ронни и Элджи, готовых к сражению на его фланге.

— Мама! Вот и ты!

— Здравствуй, Дэрек!

Дэрек поцеловал мать. Фредди, Ронни и Элджи сбились в кучку, как леопарды. С выражением командира обреченной на гибель роты, Фредди нервно подвигал кадыком и выговорил:

— Здравствуйте, леди Андерхилл.

— Здравствуйте, мистер Рук.

Холодно, не выказывая никакого удовольствия от встречи, леди ему кивнула. Она не любила последнего из Руков. У Всемогущего, полагала она, скорее всего, был какой-то замысел, если Он создал Фредди, но он так

и остался неразгаданной загадкой.

— Позвольте, — проурчал Фредди, — представить вам моих друзей. Леди Андерхилл — мистер Дэверо.

— Счастлив познакомиться, — учтиво протянул Ронни.

— Мистер Мартин.

— В восторге, — со старомодной любезностью откликнулся Элджи.

Леди Андерхилл окинула компанию ледяным взором.

— Здравствуйте. Встречаете кого-то?

— Я… э… мы… ну… э… — Эта женщина всегда действовала на Фредди так, будто ему выпотрошил внутренности какой-то неуклюжий любитель. Лучше бы он отверг веления своих лучших чувств и остался в уютной квартирке, а Дэрек управлялся сам. — Я… э… мы… *вас* приехали встречать. Да.

— В самом деле? Как это любезно!

— О, ничего, пожалуйста!

— Решили, надо устроить вам теплый прием в родном краю, — рассиялся Ронни.

— Что может быть приятнее? — добавил Элджи и вытащил портсигар, откуда извлек чудовищных размеров сигару. Чувствовал он себя легко и спокойно и не мог понять, чего это Фредди поднял столько суматохи из-за премилой старой дамы. — Не возражаете, если я закурю? Воздух сегодня влажноват. В легкие попадает.

Дэрек молча беспомощно злился. Из-за этих непрошеных союзников ситуация усложнялась в тысячу раз. Более проницательный, чем молодой Мартин, он уже заметил жесткие линии у рта матери и разгадал этот признак опасности. Стараясь отвлечь ее светской болтовней, Элджи выбрал несколько неудачную тему.

— Как прошло плавание через Ла-Манш?

Леди Андерхилл замутило. Ветерок донес до нее аромат сигары. Она прикрыла глаза, и лицо ее стало на тон бледнее. Заметив это, Фредди ощутил прилив жалости. Она, безусловно, язва и отрава, это да, но все-таки, милосердно размышлял он, старушка что-то позеленела. Проголодалась, скорее всего. Сейчас самое лучше — отвлечь ее от мыслей о еде, пока ее не приведут в ресторан да не усадят перед чашкой бульона.

— Немного укачало, да? — завопил он, и голос его пробежал по нервной системе леди Андерхилл электрической иглой. — Я боялся, что будет качать, когда прочитал прогноз в газете, — море обещали бурное. Значит, поболтало старую посудину?

Леди Андерхилл испустила слабый стон. Фредди отметил, что она

стала зеленее, чем минуту назад.

— Есть какая-то странность в этом Ла-Манше, — раздумчиво заметил Элджи, выпуская освежающее облако дыма, — Знавал я ребят, которые по всему миру путешествовали легко и приятно. Огибали мыс Горн на парусном корабле, и всякое такое. Но Ла-Манш — нет! Тут они ломались! Уж не знаю, почему. Странно, но так уж оно есть!

— Я и сам из таких! — подхватил Ронни. — Чертово плавание из Кале каждый раз выворачивает меня наизнанку. Сражает наповал. Сажусь я на пароход, по уши набитый таблетками против морской болезни, думаю, ну, на этот раз одурачу их, и ровно через десять минут отключаюсь напрочь, а потом слышу: «Так-так! А вот и Дувр!»

— И со мной та же история! — согласился Фредди, ликуя, как гладко и легко катится беседа. — То ли от душного запаха машин…

— Ну нет, машины тут ни при чем, — вмешался Ронни. — Такого, по логике вещей, просто не может быть. Лично мне запах машин нравится. Вот хоть здесь, на вокзале, — все прямо пропитано машинным маслом, а я упиваюсь и наслаждаюсь. — Он шумно, с удовольствием вдохнул. — Нет, тут что-то другое…

— Ронни прав, — задушевно согласился Элджи. — Это не масло. Все оттого, что пароход подбрасывает вверх, а потом он ухает вниз. И так без конца — вверх-вниз! Вверх-вниз… — Он перебросил сигару в левую руку, чтобы правой поярче проиллюстрировать, как вздымается и падает пароход на Ла-Манше, вздымается и…

Леди Андерхилл, открывшая было глаза, увидела представление и быстро захлопнула их снова.

— Замолчите! — резко прикрикнула она.

— Да я только объясняю…

— Замолчите!

— О, как угодно!

Леди Андерхилл боролась с собой. Женщиной она была железной и привыкла побеждать слабую плоть. Очень скоро глаза у нее открылись снова. Она принудила себя, вопреки свидетельству чувств, признать, что стоит она на платформе, а не на палубе.

Повисло молчание. Обескураженный Элджи был временно выведен из строя, и у его друзей пока что ничего не подыскал ось.

— Мама, — заметил Дэрек, — у тебя было утомительное путешествие. Поезд так запоздал…

— А вот, кстати, насчет тошноты в поезде, — заметил Элджи, снова выныривая на поверхность. — От нее страдает множество людей. Лично я

этого никогда не мог понять.

— Меня тоже в поезде не тошнит, — поддержал беседу Ронни.

— А у меня бывало, — вступил Фредди. — Я препаршиво себя в поезде чувствую. Пятна какие-то плавают, тяжесть в теле, вокруг все чернеет…

— Мистер Рук!

— Э?

— Буду вам премного обязана, если вы сохраните эти откровения для своего врача.

— Фредди, — поспешно вмешался Дэрек, — мама устала. Может, пойдешь, поймаешь такси?

— Ну, конечно, мой дорогой! Поймаю в один момент! Пойдем, Элджи! Шевели ногами, Ронни!

И в сопровождении своего воинства Фредди отбыл, весьма собой довольный. Он чувствовал, что помог Дэреку сломать лед, в полной безопасности проведя друга через первые неловкие минуты. Теперь можно удалиться и слегка подзакусить.

Глаза у леди Андерхилл сверкали. Были они маленькие, пронзительные и черные, в отличие от глаз Дэрека, больших и карих. Однако другие черты лица наглядно свидетельствовали, что они — мать и сын. Длинная верхняя губа, тонкий твердый рот, выступающий вперед подбородок и — фамильная черта — крупный, углом, нос. Большинство Андерхиллов вступали в мир с таким носом, словно намеревались вклиниться в жизнь и ледоколом пройти по ней.

— Еще немного, — напряженно проговорила леди, — и я бы избила этих несносных субъектов зонтиком! Одного я никогда не могла понять, Дэрек, почему ты выбрал этого слабоумного Рука в ближайшие друзья?

— Скорее, *он* меня выбрал, — терпимо улыбнулся Дэрек, — но Фредди очень неплохой человек. Надо только узнать его поближе.

— *Мне,* слава Богу, не надо!

— И очень добрый. Смотри, как мило, что он пустил меня к себе в Олбэни,[4] пока наш дом сдавался. Между прочим, он купил билеты на премьеру новой пьесы. Он предложил, чтобы все мы пообедали у него, а потом отправились в театр, — Дэрек на минутку запнулся. — Джилл тоже приглашена, — выпалил он, и ему полегчало, наконец-то имя произнесено. — Ей не терпится встретиться с тобой.

— Так почему же она не встретилась?

— Ты имеешь в виду здесь, на вокзале? Ну, я… я хотел, чтобы первый раз ты увидела ее в более приятной обстановке.

— А! — коротко бросила леди Андерхилл.

Как это ни печально, оказывается, в этом мире мы столь же сильно страдаем от излишнего благоразумия и осмотрительности, как и от слишком поспешных и импульсивных порывов души. Если бы осмотрительный жених позволил невесте приехать на вокзал и встретить его мать, то, безусловно, не случилось бы многих неприятностей. Возможно, леди Андерхилл была бы неприветлива на первых порах знакомства, зато в ней не проснулись бы настороженность и подозрительность, или, точнее, смутные опасения, бродившие в ее душе, не окрепли бы, превратившись в твердую уверенность, что ждать надо самого худшего. Своей осторожной дипломатией Дэрек достиг одного: мать убедилась, что, на его взгляд, эту невесту без предварительной подготовки нельзя показывать.

Остановившись, леди Андерхилл обернулась к сыну.

— Кто она?

— Мне казалось, — вспыхнул Дэрек, — я все ясно изложил в письме!

— Не заметила.

— В сторо-о-нку! — пропел носильщик позади, и багажная тележка разделила их.

— Мы не можем говорить на станции, здесь такая толкотня! — раздраженно бросил Дэрек. — Давай отведу тебя к такси и поедем в отель. Что ты хочешь узнать про Джилл?

— Все. Откуда она? Кто ее родители? Я никаких Маринеров не знаю.

— Допросов я ей не устраивал, — холодно ответил Дэрек. — Но знаю, родители ее умерли. Отец у нее — американец.

— Американец!

— У американцев тоже бывают дочери, я полагаю.

— Грубостью ты ничего не достигнешь, — отвечала с железным хладнокровием леди Андерхилл.

— По-моему, мы вообще ничего не достигнем этим разговором, — парировал Дэрек. Он досадливо гадал, почему это при матери он теряет над собой контроль. Этого он терпеть не мог. Ему хотелось видеть себя хладнокровным и значительным, стоящим выше обычных слабостей. — Мы с Джилл помолвлены, вот и все.

— Не говори глупостей, — бросила леди Андерхилл, и ее увлекла новая багажная тележка. — Тебе превосходно известно, — возобновила она атаку, — что твой брак непосредственно касается меня и всей нашей семьи.

— Послушай, мама! — От долгого ожидания на ветреной платформе

раздражительность перевесила почтительность к матери, глубоко укоренившуюся из-за многолетних поражений в битвах двух сильных воль. — Позволь в нескольких словах рассказать тебе все, что я знаю о Джилл, и оставим эту тему. Во-первых, она — леди. Во вторых, у нее много денег…

— Андерхиллам нет нужды жениться на деньгах!

— Я и не женюсь на деньгах!

— Хорошо, продолжай.

— Я тебе уже описал в письме ее внешность — быть может, не очень точно, но я старался. Она мила, прелестна, в ней есть что-то такое неуловимое… Но суди сама.

— Я и буду.

— Ну что ж, тогда на этом и закончим. Живет она со своим дядей, майором Сэлби…

— Майор Сэлби? Какого полка?

— Я не спрашивал, — огрызнулся вконец разозленный Дэрек. — Господи, ну какое это имеет значение? Если тебя беспокоит социальный статус майора, могу сообщить тебе, что он был знаком с отцом.

— Когда? Где?

— Много лет назад. В Индии, когда отец служил в Симле.

— Сэлби? Сэлби… Не Кристофер ли Сэлби, случайно?

— А-а, так ты его помнишь?

— Еще бы! Хотя мы с ним и не были знакомы, твой отец частенько его поминал.

Дэрек почувствовал облегчение. Жаль, что подобные вещи что-то значат, но приходится считаться с тем, что для его матери это так. Да, для нее все меняется, если дядя Джилл знал его покойного отца.

— Кристофер Сэлби! — раздумчиво проговорила леди Андерхилл. — Ну да! Я частенько о нем слышала. Тот самый тип, который дал отцу долговую расписку в счет карточного долга, расплатился потом чеком, а банк отказался выдать деньги.

— Что?

— Ты не расслышал? Я повторю, если желаешь.

— Тут наверняка какая-то ошибка!

— Да, одна-единственная. Ее совершил твой отец, доверившись такому субъекту.

— Это наверняка был какой-нибудь другой Сэлби!

— Ну, разумеется! У твоего отца была сотня знакомых Кристоферов Сэлби!

Дэрек прикусил губу.

— В конце концов, — упрямо сказал он, — правда это или нет…

— Не вижу причин, зачем бы твоему отцу лгать.

— Ладно. Предположим, *правда*. Но какое это имеет значение? Женюсь-то я на Джилл, а не на ее дяде.

— Тем не менее было бы приятнее, если б единственный ее живой родственник не был мошенником. Скажи мне, где и как ты познакомился с этой девицей?

— Я был бы рад, если бы ты перестала называть Джилл «эта девица». Ее фамилия, если ты забыла, — Маринер.

— Ну, так где же ты познакомился с мисс Маринер?

— У «Принца». Сразу после того, как ты уехала в Ментону. Нас познакомил Фредди Рук.

— Ах, твой высокоинтеллектуальный друг ее знает?

— Они дружат с детства. Их семьи жили рядом в Вустершире.

— Мне показалось, ты говорил — она американка.

— Я говорил, отец у нее американец. Он поселился в Англии. Джилл не была в Америке лет с восьми-девяти.

— Приятельница мистера Рука… Не особенно блестящая рекомендация!

Дэрек сердито наподдал коробок спичек, брошенный кем-то на платформу.

— Интересно, мама, почему ты никак не можешь уразуметь, что я не нанимаю Джилл в горничные, я женюсь на ней! Ей не нужны рекомендации, как ты выражаешься. И потом, разве ты не считаешь, что самое разумное — подождать, пока вы познакомитесь, а уж потом составлять о ней мнение? Мне надоела эта бессмысленная дискуссия.

— Так как, по-видимому, ты абсолютно не способен разговаривать об этой девушке без грубостей, я с тобой соглашусь. Остается надеяться, что мое первое впечатление будет благоприятным. Опыт научил меня: первое впечатление — самое верное.

— Рад, что ты так думаешь, — откликнулся Дэрек, — потому что я влюбился в Джилл сразу, как только ее увидел.

4

Отступив, Баркер со скромной гордостью оглядел обеденный стол, на который наносил последние штрихи. Мастерская работа, ничего не

скажешь.

— Вот так! — удовлетворенно выдохнул он и, подойдя к окну, выглянул на улицу. Туман, державшийся почти до вечера, наконец растаял, ясный вечер светился звездами. Со стороны Пиккадилли доносилось отдаленное шуршание шин.

Пока он стоял у окна, зазвенел дверной звонок и тренькал, не умолкая, легкими всплесками. Если определять характер по звонкам, как сейчас его определяют по любому виду человеческой деятельности, то можно предположить, что по другую сторону двери стоит целеустремленная, нетерпеливая и энергичная личность.

— Баркер!

Из комнаты дальше по коридору высунул лохматую голову Фредди. Волосы еще предстояло гладко зачесать, да и смазать, чтобы не оскорблять взоры публики.

— Сэр?

— Звонят в дверь.

— Я слышал, сэр. Уже иду открывать.

— Если это леди Андерхилл, скажите, я сейчас выйду.

— По-моему, сэр, это мисс Маринер. Мне кажется, я узнаю ее звонок.

Он отправился к парадной двери, открыл и увидел девушку в серой меховой шубке с капюшоном.

Едва дверь открылась, она серым котенком юркнула в дом.

— Бр-р! Вот так холодина! — воскликнула гостья. — Привет, Баркер!

— Добрый вечер, мисс.

— Я последняя, первая или какая? Баркер подошел помочь ей снять шубку.

— Сэр Дэрек и ее милость, мисс, еще не пришли. Сэр Дэрек поехал за ее милостью в отель «Савой». Мистер Рук одевается в спальне и очень скоро будет готов.

Девушка сбросила шубку, и Баркер быстро, одобрительно оглядел гостью, Наметанным глазом лакея он сразу распознавал аристократизм, а Джилл Маринер, без сомнения, была яркой представительницей аристократии. Это проглядывало и в походке, и в каждом движении маленькой энергичной фигурки, и в том, как она смотрела на вас, и в речи, и в легкой вздернутости подбородка. Волосы у нее были светло-золотистые, а серые глаза сияли живым блеском. Она так и лучилась жизнерадостностью.

Жизнерадостность и составляла главное ее очарование. Глаза у нее были хороши, и улыбка обаятельна, но она расхохоталась бы, назови мы ее

красивой. Иногда она даже сомневалась, хорошенькая ли она. Однако же мало кто из мужчин, встретив ее, оставался равнодушен. Она была очень привлекательна. Один злосчастный молодой человек, бросивший сердце к ее ногам (она велела поднять его и забрать назад), старался объяснить ее привлекательность закадычному другу за печальной бутылочкой вина в таких словах: «Я не знаю, что такое в ней есть, старик, но она как-то умудряется показать, что ты ей очень нужен». Хотя в кругу друзей проницательности его суждений не особо доверяли, тут сомневаться не приходилось, оратор дал приблизительно верный анализ очарования этой особы для противоположного пола. Она интересовалась всем, что предлагала ее вниманию жизнь, будь то коронация или бродячая кошка. Распахнув душу, готовая сочувствовать всем, она слушала любого с огромным и неподдельным интересом. Только мужчина твердого характера устоял бы перед ее обаянием. Женщинам же, а уж тем более — типа леди Андерхилл, удавалось устоять, и без особого напряжения.

— Пойдите подгоните его, — сказала Джилл, имея в виду хозяина. — Пусть скорее выходит поболтать со мной. Где тут ближайший камин? К камину, к камину, и свернуться там клубочком!

— Камин, мисс, хорошо горит в гостиной.

Джилл поспешила в гостиную, где при виде открывшегося ей зрелища восхищенно вскрикнула, от чего еще больше выросла в глазах Баркера. На гостиную он потратил немало времени и усилий. Нигде не было ни пылинки. Все картины висели ровненько, подушки разгладились, огонь весело пылал в очаге, уютно отблескивая на пианино у тахты, на глубоких кожаных креслах, которые Фредди привез из Оксфорда, с этой родины удобных кресел, и на фотографиях, обильно висевших по стенам. В центре каминной полки, на самом почетном месте, стояло ее собственное фото, которое она подарила Дэреку неделю назад.

— Ой, Баркер, вы просто чудо! Прямо не пойму, как вы умудрились навести такой уют! — Джилл присела на узорчатую каминную решетку и протянула руку над пламенем. Не представляю, зачем мужчины вообще женятся. Подумать только, отказываться от *этого!*

— Благодарствую, что оценили, мисс. Я старался изо всех сил, чтобы устроить все поудобнее для вас. Мне кажется, я слышу — идет мистер Рук.

— Надеюсь, что и другие не задержатся. Я умираю с голоду. Миссис Баркер приготовила что-нибудь вкусное?

— Она, мисс, приложила все усилия.

— Тогда я уверена, есть чего ждать. А, привет, Фредди!

Вошел Фредди, блистательный в своем вечернем костюме, оглаживая

галстук заботливыми пальцами. Когда он смотрелся в зеркало в спальне, галстук лежал прямо, но ведь с ними никогда не угадаешь. Иногда так и лежат, а то возьмут да и съедут набок…

— Я не стала бы его теребить, — посоветовала Джилл. — Сейчас очень красиво. И, позволь тебе шепнуть по секрету, действует на мою эмоциональную натуру. Даже не уверена, сумею ли устоять целый вечер. Как нечестно с твоей стороны охлаждать симпатии помолвленной молодой девушки! Фредди, скосив глаза вниз, чуть поуспокоился.

— Привет, Джилл, старушка! Еще никто не пришел?

— Ну, вот я здесь, изящная фигурка, присевшая на решетку. Но может, я вообще не в счет?

— О, я совсем не о том! Что ты!

— Очень надеюсь. Я ведь, между прочим, новое платье купила, чтобы очаровать тебя. Истинный шедевр. Когда платья столько стоят, им надо давать имена. Ну, как тебе?

Фредди присел на другую сторону решетки и оглядел гостью глазами эксперта. Сам превеликий щеголь, он ценил щегольство и у противоположного пола.

— Высший сорт! — оценил он. — Иного не скажешь! Шик, блеск! Ты такая красивая в нем, как не знаю что!

— Вот и чудесно! Всю жизнь мечтала выглядеть, как не знаю что, но все не получалось.

— Лесная нимфа! — воскликнул Фредди в необычайном для него порыве воображения. — Черт побери! Джилл! Есть, знаешь ли, в тебе что-то такое-эдакое! Ты — как это там называется? — такая хрупкая!.. Косточки такие… ну…

— Ф-фу! Надеюсь, это комплимент. Как жутко звучит! Мне сразу представляется, будто я скелетик.

— Я хотел сказать, ты очень изящная.

— Уже получше!

— На вид, веса в тебе и всего-то унция с небольшим. Легонькая вся, точно пушинка! Ты — сказочная принцесса, вот ты кто, черт побери!

— Фредди! Какое красноречие! — Подняв левую руку, Джилл демонстративно покрутила колечко на пальце. — Надеюсь, ты *еще помнишь,* что я обручена, и мое сердце — увы! — отдано другому? Говоришь ты так, будто вот-вот сделаешь мне предложение.

Фредди извлек белоснежный платок и протер монокль. На него облаком опустилась серьезность. Важным отеческим взором он взглянул на Джилл.

— Да, вспомнил. Хотел потолковать с тобой как раз об этом. О помолвках, если ты меня понимаешь. Рад, что застал тебя одну, до того как явилась кара Господня.

— Ты это про мать Дэрека? Н-да, веселенькое прозвище… Воодушевляет.

— Видишь ли, она такая и есть, — серьезно проговорил Фредди. — Та еще птица! Отрицать это незачем. Вечно нагоняет на меня страх. Никогда не знаю, о чем с ней говорить.

— А ты возьми и загадай ей загадку.

— Тут не до шуточек! — не сдался Фредди, дружелюбное лицо его помрачнело. — Погоди, вот познакомишься с ней. Видела б ты ее утром! Ты сама не ведаешь, против кого встала!

— Ой, ой, Фредди! У меня просто мурашки по коже. Против кого же я встала?

Умело помешав огонь, Фредди подбросил угля, помогая пламени располыхаться жарче.

— Дело обстоит так, — начал он. — Дэрек, разумеется, прекраснейший парень…

— Я и сама это знаю, — мягко перебила Джилл и благодарно похлопала Фредди по руке. Его преданность Дэреку всегда трогала ее. Она задумчиво перевела взгляд на огонь, и глаза у нее засияли, соревнуясь с блеском пылающего угля. — С ним никто не сравнится.

— Но, — продолжал Фредди, — он всегда сидел у мамочки под ногтем.

Джилл легонько укололо раздражение.

— Фредди, ну что за ерунда! Как может такой человек, как Дэрек, сидеть у кого-то под ногтем?

— Ну, ты понимаешь, про что я!

— Вот именно, не понимаю.

— А про то, что худо будет, если мамочка настроит его против тебя.

Джилл стиснула зубы. Мигом встрепенулась вспыльчивость, всегда таившаяся совсем близко под верхним слоем жизнерадостности, и ей внезапно стало холодно. Она попыталась уговорить себя, что Фредди — попросту благожелательный кретин, болтающий без всякого смысла или оснований. Но напрасно. Она не могла стряхнуть дурных предчувствий. В сладкой мелодии ее любви всегда звучала дребезжащая нота, страх Дэрека перед матерью. Тот Дэрек, которого она любила, был сильный мужчина, презирающий мнение посторонних, но в его страхе, перед леди Андерхилл проглядывало что-то низменное и постыдное! Джилл старалась

притвориться, что изъяна в ее идоле нет, а теперь уже и Фредди, прямо обожавший Дэрека, тыкает в этот изъян. Ее взяла досада, и она излила ее, как любая женщина, на ни в чем не повинного человека.

— Фредди, ты помнишь, как я окатила тебя водой из садового шланга? — поинтересовалась она, вставая с решетки. — Ну, когда мы были детьми? Когда ты и этот несносный Мэйсон, как там его звали? Ах да, Уолли! — дразнили меня? — И она пронзила беднягу Фредди враждебным взглядом. — Я забыла, из-за чего тогда все вышло, помню только, вы с Уолли страшно разозлили меня, и я направила на вас шланг и вымочила обоих до нитки. Так вот, если ты будешь и дальше нести всякую чепуху, я попрошу Баркера принести кувшин воды и вылью тебе за шиворот! Настроить Дэрека против меня! Как будто любовь можно преспокойненько завернуть, как кран в ванной! Ты что, думаешь, когда двое любят друг друга, как мы с Дэреком, имеет хоть малейшее значение, что говорят другие? Да хоть бы и мать! У меня нет матери, но, предположим, явился бы дядя Крис и вздумал настраивать меня против Дэрека…

Гнев ее исчез так же мгновенно, как нахлынул. Это с ней случалось всегда. Вот она вся кипит и бурлит от ярости, и в следующую же минуту что-то пощекочет ее чувство юмора, и она снова весела. При мысли о том, что добрейший дядюшка Крис не поленится настроить кого-то против чего-то, кроме, разве что, плохой марки вина или низкого сорта сигары, ее гнев моментально испарился. Она прыснула с хохоту, и Фредди, совсем было сникший на каминной решетке, тоже воспрянул.

— Ты, Джилл, необыкновенная девушка! Никогда не угадаешь, с чего ты заведешься.

— Всякий завелся бы, как ты выражаешься! Ну что ты такое говорил?

— Старушка, я только хотел, как лучше!

— Вот! В том-то с тобой и беда. Ты всегда хочешь, как лучше! Бродишь по миру и хочешь, как лучше, пока люди не мчатся, сломя голову, просить защиты у полиции. Да и вообще, что может леди Андерхилл отыскать во мне такого уж дурного? У меня полно денег, я — одна из самых модных светских красавиц. Можешь не верить мне на слово, а сам ты вряд ли это заметишь, но так описал меня мистер Сплетник в «Морнинг Миррор», когда сообщал о моей помолвке с Дэреком. Мне горничная показывала. Длиннющий такой абзац, и весь обо мне. И фото есть! На нем я, правда, похожа на зулусского вождя, снятого в угольном подвале в густой туман. Ну, кто посмеет что-то сказать против меня? Я — идеальный приз. Наоборот, леди Андерхилл, услышав новость, завизжала от радости и распевала песни на всю Ривьеру!

— Д-да… — с сомнением протянул Фредди. — Да-да, не иначе.

Джилл кинула на него суровый взгляд.

— Фредди, ты что-то от меня скрываешь. Ты *не считаешь,* что я самая модная светская красавица! Скажи мне, в чем дело, и я объясню тебе, где ты ошибаешься. Что тебе во мне не нравится? Мое лицо? Манеры? Фигура? Мне рассказывали, как однажды одна невеста бросила жениху: «Какая же ты свинья!» А он ответил: «Ты про мои манеры или на фигуру намекаешь?» Ну, Фредди, на что ты намекаешь?

— Да нет, *лично я* считаю: ты — высший класс!

— Но по какой-то причине опасаешься, что мать Дэрека решит иначе. Почему бы леди Андерхилл не согласиться с мистером Сплетником?

Фредди мялся.

— Да говори же!

— Ну, видишь ли… Не забудь, я ведь знал старую мегеру, еще когда…

— Фредди Рук! Где ты набрался таких словечек? Только не от меня!

— Понимаешь, я всегда называю ее так мысленно. Так вот, я знал ее еще с тех пор, как школьником ездил к ним гостить. И знаю точно, что ее выводит из себя. Она, как это называется… сторонница старых традиций. А ты, старушка, у нас такая импульсивная. Да ты и сама знаешь! Всегда выпаливаешь все, что взбредет на ум!

— Ну, пока на ум не взбредет, так и сказать нечего!

— Ты понимаешь, про что я, — серьезно продолжал Фредди, не давая сбить себя с темы. — Ты говоришь чудные вещи, откалываешь всякие штуки. Словом, какая-то ты… неуемная.

— Нет, интересно, что я такого сделала, что самый суровый придирчивый критик мог бы назвать «штукой»?

— Ну, например, я собственными глазами видел, как ты остановилась посреди Бонд-стрит и помогала каким-то типам толкать застрявшую тележку… Лично я тебя не виню…

— Уж надеюсь! Бедная старая кляча так старалась сдвинуть телегу, но никак не могла. Как тут не помочь?

— О, мне-то понятно! Добрый поступок, то-се… Но сильно сомневаюсь, что это одобрила бы леди Андерхилл. И очень уж ты фамильярно держишься с прислугой.

— Фредди, не будь снобом!

— Вот еще! Никакой я не сноб! — запротестовал уязвленный Фредди. — Когда, к примеру, я наедине с Баркером, я разговорчив, дальше некуда. Но на публике я не интересуюсь у официантов в ресторане, как их радикулит.

— А у тебя он был?

— Нет.

— Так вот, это очень больно, и официанты страдают не меньше, чем герцоги. Нет, даже больше — им вечно приходится нагибаться и таскать тяжести. Как их не пожалеть?

— Как ты вообще узнала, чем он болеет?

— Спросила его, разумеется.

— Ну так, ради Бога, если почувствуешь такой порыв сегодня вечером, ты уж постарайся, сдержись. То есть, я хочу сказать, если тебя разберет любопытство, скажем, захочешь выяснить, какая температура у Баркера, не расспрашивай, когда он станет подавать леди Андерхилл картошку. Ей это точно не понравится.

— Ой! — вскрикнула Джилл. — Так я и знала! Я до того продрогла, и мне так хотелось поскорее присесть к огню и отогреться, что все начисто вылетело из головы! А он, наверное, решил, что я — настоящая зверюга! — И Джилл подбежала к двери. — Баркер! Баркер!

Ниоткуда возник Баркер.

— Да, мисс?

— Простите, совсем забыла спросить. Как ваши суставы?

— Гораздо лучше, мисс, благодарю вас.

— Вы пили лекарство, которое я дала?

— Да, мисс, очень полегчало.

— Вот и чудесно!

— Все в порядке. — Джилл вернулась в гостиную. — Ему гораздо лучше.

Она беспокойно закружила по комнате, поглядывая на фотографии, и наконец, усевшись за пианино, тронула клавиши. Часы на каминной полке отбили полчаса.

— Уж скорее бы приехали! — Надеюсь, теперь уж скоро.

— Как ужасно думать, — заметила Джилл, — что леди Андерхилл мчалась из Ментоны в Париж, из Парижа в Кале, из Кале в Дувр, а из Дувра в Лондон, и все только ради того, чтобы посмотреть — какая я. Поэтому нечего тебе, Фредди, удивляться, что я нервничаю.

— Ты разве нервничаешь? — от изумления у Фредди выпал монокль.

— Еще как! А ты на моем месте не нервничал бы?

— Да-а, никогда бы не подумал…

— А почему же я без умолку тараторю? Почему чуть голову тебе не откусила, бедному, неповинному? У меня же душа стынет от ужаса. Буквально стынет!

— А по виду совсем и незаметно!

— Да, я стараюсь быть стойким солдатиком! Так раньше меня называл дядя Крис. С того дня, когда повел меня вырывать зуб. Тогда мне было десять. «Будь стойким солдатиком, Джилл! — твердил он. — Стойким маленьким солдатиком». И я старалась. — Она взглянула на часы. — Мне не выдержать, если они не появятся совсем скоро. Не могу терпеть такое напряжение. — Она быстро пробежалась по клавишам. — А что, если я ей *не понравлюсь?* Вот видишь, Фредди, как ты меня напугал!

— Я же не сказал «не понравишься»! Я посоветовал только быть хоть капельку посдержаннее.

— Что-то подсказывает мне — нет, не понравлюсь. Все мое мужество уходит прямо на глазах! — Джилл нетерпеливо тряхнула головкой. — Фу, как вульгарно! Я думала, это случается только в комических рассказах да в мюзик-холльных песенках. О-о! Да ведь и правда, была такая песенка! — Она расхохоталась. — Фредди? Всю не помню, но начало такое…

Привел меня Джонни к мамаше своей,
Она посмотрела куда уж грозней
И быстро свой взгляд отвела.
В себе подавила глухую грозу,
Мигнула, вздохнула, смахнула слезу
И жалобно так завела:
«Бедняжка, мой Джон!
Ах, бедняжка мой Джон!»

А ну-ка, Фредди, ты — хор! Подтягивай! Давай развеселимся! Нам это нужно!

Привел меня Джонни к мамаше своей…

— «Мамаше своей!» — хрипло подтянул Фредди. Любопытное совпадение, песню эту он любил, даже с большим успехом исполнял три раза на деревенских праздниках в Вустершире и льстил себя мыслью, что может спеть ее с не меньшим чувством, чем любой другой. От всей души он подпевал Джилл пронзительным голосом, пребывая под твердым впечатлением, что в музыкальных кругах он именуется «вторым».

Она посмотрела куда уж грозней

— Пом-пом-пом!

И быстро свой взгля-я-ад отвела…

Весело, упоенно Джилл заливалась во все горло. Сходство ситуаций поднимало дух, превращая, каким-то образом, все ее страхи в нелепость, а надвигающуюся трагедию, терзавшую ей нервы, — в форменный фарс.

Мигнула, вздохнула, смахнула слезу
И жалобно так завела:
«Бедняжка, мой Джон! Ах…»

— Джилл, — перебил ее голос от двери, — я хочу познакомить тебя с моей матерью.

— «Ах, бедняжка мой Джон!» — подблеял злополучный Фредди, не в силах умолкнуть.

— Обед подан, — возвестил Баркер, возникая у дверей и вторгаясь в тишину, зловеще повисшую в комнате.

Глава II ПРЕМЬЕРА В ТЕАТРЕ «ЛЕСТЕР»

1

Дверь тихонько закрылась. Обед кончился. Баркер только что помог всем одеться. Тонко чувствующий атмосферу, он нашел происшедшее несколько мучительным. Очень уж натянуто проходил обед. Он предпочел бы шумок разговоров и общее довольство.

— Эллен! — кликнул Баркер, шагая по коридору в опустевшую столовую. — Эллен!

Из кухни появилась миссис Баркер, вытирая руки. Работа ее на сегодняшний вечер, как и у мужа, была закончена. Скоро придет девушка-помощница, как ее именуют официально, и перемоет посуду. А они уже свободны, и миссис Баркер хотелось спокойно поболтать за стаканчиком портера, позаимствованного у Фредди.

— Ушли, Хорес? — спросила она, поспевая следом за ним в столовую.

Баркер выбрал сигару из хозяйской коробки, потрещал ею у уха, понюхал, отрезал кончик и закурил. Взяв графинчик, он налил вина жене, а потом смешал для себя виски с содовой.

— Счастливые деньки, — вздохнул Баркер, — миновали…

— А я так и не видала ее милость.

— Немного потеряла! Истинная мегера, вот что я скажу. «Всегда весела и жизнерадостна» — ну уж нет, это не про нее. Лучше бы ты, Эллен, их обслуживала, а я б на кухне оставался. С души воротит. Да, именно. *Невелико удовольствие* приносить да уносить блюда, когда тут искры скачут. Нет, не завидую я им, хоть они и волованами угощались. Лучше уж траву есть, да с любовью, чем разносолы, да с ненавистью, — подытожил Баркер, забрасывая в рот грецкий орех.

— Что ж они, ссорились?

— Такие, Эллен, — нетерпеливо помотал головой Баркер, — не ссорятся. Сидели, молчали да таращились друг на друга.

— Ну, а как ее милость с мисс Маринер? Поладили?

— Видела когда незнакомых собак? — сухо хохотнул Баркер. — Следят друг за дружкой, вот эдак, исподтишка. В точности они! Нет, мисс Маринер, конечно, очень любезная, всякие слова говорит. Она — девица что надо, наша мисс Маринер. Прям принцесса. Не ее вина, что обед

больше смахивал на вечерок в морге. А ты-то старалась! Она тоже старалась, тут, за столом. Но если сэр Дэрек все поджимает губы, а его мамаша сидит — один к одному — эскимо, то, сама подумай, что поделаешь? Ничего! А что до хозяина — скажу одно. Ты бы на него посмотрела. Да, посмотрела бы. Знаешь, Эллен, порой я прям переживаю, как бы он ума не решился. Ничего не скажешь, сигары он умеет выбирать, и портвейн у него, ты говоришь, хорош, сам-то я к нему не притрагиваюсь, но иногда мне так и кажется — съехала черепушка! Весь обед просидел с таким видом, будто боялся — вот-вот какое блюдо подпрыгнет да его и покусает. Еще и подскакивал всякий раз, как я обращусь к нему! Так что ничуть я не виноват, — обиженно заключил Баркер. — Что ж мне — *предупреждать*, прежде чем спросить, чего им надо — хереса или рейнвейна. В колокольчик звонить или в горн дудеть, а? Мое дело — наклониться и шепотом про это спросить. И нет у них никакого права подскакивать на стуле, толкать меня под локоть, чтоб я хорошее вино расплескивал! (Вон, Эллен, посмотри сама — пятно. Так и наподдал мне под локоть!) Хотелось бы мне знать, и чего это молодые люди не могут вести себя разумно, как мы с тобой? Помнишь, мы еще гуляли, я йодил тебя на чай к своей матушке… Красота, кто понимает! Как говорится, лад и склад. Прям, этот, пир любви.

— Мы с твоей матушкой, Хорес, сразу понравились друг другу. — мягко напомнила миссис Баркер. — А это большая разница.

— Ну, мисс Маринер любой бы женщине с мозгами понравилась. Скажу я тебе, чуть не плеснул соусом в эту крокодилиху. Сидит себе, нахохлилась, точь-в-точь старая орлица. Если хочешь знать мое мнение, мисс Маринер чересчур хороша для ее драгоценного сыночка!

— Но, Хорес! Сэр Дэрек — баронет.

— Ну и что из того? Как говорится, доброе сердце ценнее короны, а вера — надежней, чем знатная кровь.[5]

— Ты, Хорес, прямо социалист!

— Никакой я не социалист. Просто рассуждаю. Не спрашивал, кто у мисс Маринер родители, но любому видно, она — самая-разсамая леди. Ну и что толку? Плохо ей придется, бедняжке!

— Хорес! — Мягкое сердце миссис Баркер надрывалось. Ситуация, на которую намекал ее муж, была ей не в новинку—на ней держалась половина сюжетов из серии «Преданное сердце», а они трогали ее до глубины души. — Ты думаешь, ее милость встанет между ними и погубит их любовь?

— Уж эта постарается. Не забудет.

— Но у сэра Дэрека есть свои деньги, верно? Вот сэр Кортни Трэверс влюбился в молочницу, но зависел во всем от своей матери, графини. А тут — совсем по-другому. Сэр Дэрек может поступать, как ему угодно, а?

Баркер печально покачал головой. Роскошная сигара, размягчающий эффект виски с содовой оказали свое действие — раздражение его чуть поулеглось.

— Тебе такого не понять. Женщины, вроде ее милости, уговорят мужчину на что угодно. И отговорят от чего угодно. Мне оно без разницы, да только ясно, что наша мисс влюблена в этого Дэрека по уши. Что уж такого она в нем находит, не пойму, но это ее личное дело.

— Хорес, он такой красивый! — заспорила миссис Бар-кер. — У него сверкающие глаза и твердый рот!

— Думай, как знаешь, — фыркнул Баркер. — Лично *мне* эти всякие глаза ни к чему. И если б он чего поумнее выговаривал этим твердым ртом, а то советует хозяину запирать сигары да прятать ключ. Вот уж чего терпеть не могу, когда мне не доверяют! — Подняв сигару, Баркер придирчиво оглядел ее. — Ну вот! Так и знал! Обгорела вся с одного бока. И как они их раскуривают? Просто стыд. Ну да ладно. — Он поднялся и направился к коробке. — Там их еще хватает. Нет худа без добра, — философски заключил Баркер. — Не будь хозяин такой нервозный, так вспомнил бы про ключ в замке. Плесни-ка себе еще винца, мало мы веселимся!

2

Когда подумаешь, сколько своих проблем и неприятностей у обычного зрителя, приходящего в театр, просто диву даешься, как это драматурги умудряются отвлечь его и позабавить целых два или три часа. Если взять, к примеру, троих зрителей, пришедших на премьеру «Огненного испытания» в театр «Лестер», задача автора, несомненно, была не из легких.

Достаточно только сослаться на замечание Баркера, что обед у Фредди не имел должного успеха. А подыскивая в анналах истории мрачные параллели поездке в такси, выуживаешь лишь одну — отступление Наполеона от Москвы. Да и оно-то, наверное, не происходило в такой мертвящей тишине.

Единственный, кого из компании можно бы назвать, пусть и с натяжкой, счастливым, был Фредди. Сначала он купил три билета на это

«Испытание», но из-за неожиданного приезда леди Андерхилл пришлось покупать четвертый, и место оказалось отделено несколькими рядами от первых трех. На него, как Фредди уже сказал Дэреку за завтраком, собирался сесть он сам.

Немалым утешением философу в этом жестоком мире служит соображение, что, хотя человек и рожден для печали (что так же верно, как то, что искры летят вверх), однако выпадают ему кое-какие мелочи, приносящие счастье. Мысль о том, что находиться он будет за несколько рядов от леди Андерхилл, поднимала настроение Фредди не хуже тоника, наполняя его сладким трепетом, будто мелодия проникновенного гимна. Попроси его кто в этот момент коротко определить счастье, он ответил бы: сидеть за несколько рядов от леди Андерхилл.

Театр был уже полон, когда прибыла компания Фредди. На этот сезон «Лестер» был арендован новым рыцарем театра сэром Честером Портвудом, у которого имелось множество приверженцев. Какова бы ни была, в конечном счете, судьба любого спектакля, хоть один вечер он да продержится на сцене. Кресла партера посверкивали драгоценностями и потрескивали манишками; в воздухе витали дорогие духи, ожесточенно сражаясь с плебейским запашком мяты, тянувшимся из задних рядов. Ложи были полны, а наверху, на галерке, мрачные любители драмы, заплатившие свои шиллинги при входе, твердо рассчитывали повеселиться на эту сумму, и сидели, флегматично ожидая, когда поднимется занавес.

На рампе вспыхнули огни. Свет в зале померк. Стихли разговоры. Занавес взвился. Джилл заерзала, поудобнее устраиваясь в кресле, и просунула ладошку в руку Дэрека. Почувствовав теплоту, когда в ответ он погладил ее руку, она сказала себе, что все прекрасно в этом мире.

Все, за исключением пьесы. Это была одна из тех пьес, которые, сплоховав на старте, никак не могут воспрянуть. Минут через десять по театру стала расползаться неловкость, охватывающая публику на премьерах, когда становится ясно, что спектакль — скука смертная. Сковала партер летаргия, на бельэтаж напал кашель, галерка погрузилась в угрюмую тишину.

Сэр Честер сделал себе репутацию на легких комедиях «чайного» стиля. Его многочисленные поклонники являлись на его премьеры, благодушно предвкушая приятное, пенисто-легковесное зрелище с остроумными диалогами и не слишком запутанным сюжетом. Но сегодня вечером сэр Честер, судя по всему, пал жертвой амбиций, периодически овладевающих антрепренерами его ранга, которые играют и сами: он хотел доказать — да, имя он себе сделал на легких комедиях, но может, подобно

даме, читающей стихи, круто свернуть и стать серьезным. Лондонской публике было известно — чего-чего, а уж тяжеловесности в спектаклях Портвуда опасаться нечего. Но «Испытание» оказалось весьма тяжеловесным. Это была возвышенная драма, и у зрителей даже закрались подозрения, как ни прискорбно проявлять такую несправедливость к автору, а уж не написана ли она белым стихом?

Игра актеров ничуть не помогала рассеять растущую неловкость. Сам сэр Честер, придавленный, видимо, значимостью премьеры и ответственностью за то, что предложил товар незнакомой марки, отказался от своей непринужденной манеры и ударился в напыщенную, высокопарную декламацию. Бульканье ему удавалось, но дикция подвела. По какой-то, известной лишь ему причине роль героини он отдал кукольной мамзельке, к тому же шепелявой. Публика с первого же выхода ее сурово не одобрила.

Где-то посередине первого акта Джилл, чье внимание понемножку рассеивалось, услышала тихий стон. Места, которые купил Фредди, находились почти с краю седьмого ряда. Оставалось еще одно место сбоку. Дэрек сел между матерью и Джилл, и место это оказалось справа от нее. Когда поднялся занавес, оно пустовало, но несколько минут назад на него тихонько скользнул какой-то человек. Темнота мешала разглядеть его лицо, но было очевидно, бедняга страдает, и Джилл моментально прониклась к нему сочувствием. Его мнение о спектакле явно совпадало с ее собственным.

Вскоре первый акт закончился, и вспыхнули люстры. Партер разразился жидкими фальшивыми аплодисментами, слабым эхом отдавшимися в бельэтаже, еще более слабым — на балконе, а уж до галерки эхо не докатилось.

— Ну? — повернулась Джилл к Дэреку. — Что ты об этом думаешь?

— Такой кошмар, что словами не передать, — сурово изрек Дэрек и нагнулся вперед, присоединяясь к разговору, завязавшемуся между леди Андерхилл и ее друзьями, которых она увидела впереди. А Джилл, отвернувшись, обнаружила, что на нее пристально смотрит ее сосед, высокий человек лет двадцати пяти с лохматыми волосами и насмешливым ртом.

На короткий миг, когда глаза их встретились, Джилл решила, что он некрасив, но обаятелен. Сосед напомнил ей большого неуклюжего лохматого пса, который в гостиной все крушит, но в дороге совершенно незаменим. У нее возникло чувство, что ему больше бы пошел спортивный костюм, чем фрак. А вот глаза ей очень понравились. Цвета она не сумела

разобрать, но смотрели они открыто и дружелюбно.

Отметив все это с обычной своей быстротой, Джилл поскорее отвернулась. На секунду у нее возникло странное чувство, будто она где-то уже встречала этого человека, или кого-то, очень на него похожего, но тут же и растаяло. Еще у нее сложилось впечатление, что он смотрит на нее, но она, все так же скромно и сдержанно, смотрела перед собой, не пытаясь это проверить.

Между ними внезапно воткнулась пунцовая и покаянная физиономия Фредди. Опасливо слонявшийся по проходу, пока не стало ясно, что внимание леди Андерхилл прочно переключилось на что-то другое, он занял место позади Джилл, временно покинутое его обладателем. Фредди глубоко стыдился за себя. Он чувствовал, что совершил непростительную ошибку.

— Ты уж прости, — начал он, — я имею в виду, за то, что завлек вас на эту дикую белиберду! Как подумаю, что с таким же успехом мог купить билеты на музыкальную комедию, так и охота лягнуть себя покрепче! Но честно, откуда же я мог знать? И думать не думал, что бывает *такое*. Спектакли Портвуда всегда остроумные, живые, то-се… Понять не могу, чего ему вздумалось это поставить! Скукотища непроглядная!

Сосед Джилл резко засмеялся.

— Возможно, — обронил он, — субъект, написавший эту пьесу, сбежал из сумасшедшего дома и вложил деньги в постановку.

Если что и повергает в шок хорошо воспитанного лондонца, так это обращение к нему незнакомца. Понятия Фредди о приличиях сотряслись до основания. Голос из могилы вряд ли напугал бы его больше. Все традиции, в которых он воспитывался, накрепко упрочили его веру, что это просто невозможно. Так не делают. Ну, может, во время землетрясения или там кораблекрушения, да еще в Судный День такое и бывает, но не чаще. Во всякое же иное время незнакомым людям не полагается с тобой заговаривать. Ну, разве что им потребуется спичка, или время узнать, или еще что в таком же роде. Резко осадить незнакомца не позволяла дружелюбность натуры, но и о продолжении позорной сцены не могло быть и речи. Выход один — бегство.

— О, а… э… — промямлил он. — Ладно, — обратился он к Джилл, — пойду-ка я. До скорого, то-се…

И слабо проблеяв «Пока!», Фредди отступил, вконец расстроенный.

Джилл уголком глаза взглянула на Дэрека. Тот все еще был занят разговором с соседями впереди. Она обернулась к незнакомцу справа. В отличие от Фредди, она не была рабыней этикета. Ее слишком

интересовала жизнь, и воздерживаться от разговора с незнакомыми было просто выше ее сил.

— Вы его шокировали! — разулыбалась она всеми ямочками.

— Да. Вышиб беднягу Фредди из седла. Теперь вздрогнула Джилл.

— Фредди? Изумленно взглянула она на него.

— Это же *Фредди Рук!* Я не ошибся?

— Но… разве вы его знаете? Он вас, по-моему, нет.

— Обычная трагедия жизни. Он забыл меня. Мой дружок детства!

— А-а, вы учились с ним в школе?

— Нет, Фредди ходил в Винчестер, насколько мне помнится, а я — в Хейлибери.[6] Наша дружба ограничивалась каникулами. Мои родители жили рядом с его семьей в Вустершире.

— Вот как? — взволнованно подалась к нему Джилл. — Я и сама там жила, когда была маленькой. И тоже знаю Фредди с детства. Значит, мы с вами должны были встречаться!

— Мы и встречались.

Джилл наморщила лобик. Опять в глазах его мелькнуло что-то странно знакомое. Но память никак не желала прийти на подмогу, и она покачала головой.

— Нет, не помню. Простите.

— Неважно. Может, воспоминания оказались бы не такими уж приятными.

— Как это? Почему?

— Ну, оглядываясь назад, я понимаю, что мальчишкой был препротивным. Я всегда удивлялся, что родители позволили мне вырасти. Было б куда проще уронить на меня что-нибудь тяжелое. Наверняка такой соблазн возникал сотни раз, но они устояли. Да, я был истинным наказанием. Мои грехи искупало только то, что я обожал вас!

— Что!

— Да-да. Возможно, вы этого не замечали. Видите ли, я выражал свое восхищение несколько своеобразно. Но вы остались ярчайшим воспоминанием моего пестрого отрочества.

Джилл внимательно вгляделась в его лицо и снова покачала головкой.

— Ничего не шевельнулось в памяти? — участливо осведомился сосед.

— С ума сойти! Ну почему человек так много забывает? — Она призадумалась. — Вы не Бобби Моррисон?

— Нет, я — не он. Мало того, никогда им не был. Джилл, снова нырнув в прошлое, выудила еще одну кандидатуру:

— А может, Чарли… как его?.. А-а, Чарли Филд?

— Обижаете! Вы что, забыли? Чарли Филд расхаживал в бархатных костюмчиках «лорд Фаунтлерой» и носил длинные золотые локоны. Слава Богу, хоть этим мое прошлое не запятнано!

— А вспомню я вас, если вы назовете мне свою фамилию?

— Не знаю. Я вашу, например, забыл. Имя, разумеется, помню. Джилл. Мне оно всегда казалось самым прекрасным на свете. — Он задумчиво взглянул на нее. — Любопытно, как мало вы изменились. Вот и Фредди совсем как тогда, только стал покрупнее. И, конечно, в детстве он не носил монокля. Хотя теперь приходится. А я вот изменился так, что вы и вспомнить меня никак не можете. Что доказывает, какую сложную жизнь я вел! Прямо Рипом ван Винклем[7] себя чувствую. Старым и морщинистым. Может, это из-за того, что я смотрю такую пьесу.

— Кошмарная, правда?

— Слабо сказано. Беспристрастно судя, я нахожу ее абсолютно невыносимой. Фредди очень верно охарактеризовал ее. Он — великий критик.

— Да, правда. Это самая плохая пьеса, какую мне приходилось видеть.

— Не знаю, какие еще пьесы вы видели, но чувствую, что вы правы.

— Ну ладно. Может, второй акт получше будет! — оптимистически сказала Джилл.

— И не надейтесь! Он еще хуже. Похоже на похвальбу, но это правда. Так и хочется встать и принести публичные извинения.

— О!

Джилл пунцово заалела. Чудовищное подозрение заползло к ней в душу.

— Одна беда, — продолжал ее сосед, — публика меня линчует. Непременно. Вы не поверите, но, может быть, жизнь все-таки еще уготовила для меня счастье, которого стоит дожидаться. Да и вообще, не хочется что-то, чтобы меня на куски раздирали. Неприятный конец, неряшливый какой-то! Прямо вижу, как они разрывают меня на части в приступе справедливой ярости. «Любит» — и отрывают мне ногу. «Не любит!» — прочь летит рука. Нет-нет, думаю, мне все-таки лучше затаиться. Да и потом, мне-то какая забота? Пусть их страдают. Сами виноваты. Пришли по доброй воле.

Джилл порывалась перебить эти пылкие разглагольствования. Она сгорала от любопытства.

— *Так это вы написали пьесу?* Сосед кивнул.

— Вполне справедливо, что голос ваш полон ужаса. Но это — строго

между нами. При условии, что вы не встанете и не выдадите меня, — да, верно. Ее написал я.

— О, простите, мне так жаль!

— И вполовину не так, как мне.

— Я ни за что бы не стала…

— А, ерунда! Ничего вы мне не сказали такого, чего я бы и сам не знал.

Свет начал тускнеть. Сосед поднялся.

— Так, они опять начинают. Вы извините меня? Мне больше не вынести. Если вам захочется чем-то поразвлечься во время этого акта, попытайтесь припомнить мое имя. — И, быстро встав, он исчез.

Джилл вцепилась в Дэрека.

— Дэрек! Какой ужас! Я только что говорила с человеком, который написал эту пьесу. И сказала ему, что в жизни хуже не видела.

— Правда? — фыркнул Дэрек. — Что ж, давно пора, чтоб ему это сказани! — Тут какое-то соображение посетило его. — А кто он? Я и не знал, что вы знакомы.

— Мы не знакомы. Я даже не знаю, как его фамилия.

— Фамилия… вот, написано в программке… Джон Грант. Никогда о нем не слыхал. Джилл, мне бы не хотелось, чтобы ты затевала разговоры с незнакомыми, — с ноткой досады добавил Дэрек. — Никогда не угадаешь, кто они.

— Но…

— Особенно в присутствии моей матери. Ты должна вести себя поосторожнее.

Поднялся занавес. Сцену Джилл видела как в тумане. С самого детства она не могла избавиться от досадной чувствительности к резкости людей, которых любила. Укоры всего остального мира она выдерживала мужественно, но всегда были один-два человека, легчайшее порицание которых ее сокрушало. Раньше так действовали упреки отца, теперь его место занял Дэрек.

И если б она успела хотя бы объяснить… Дэрек не стал бы возражать против ее разговора с другом детства, пусть даже она и забыла его имя. Джон Грант? В памяти не всплывало ни одного юного Джона.

Ломая голову над загадкой, Джилл пропустила почти все начало второго акта. Ее отстраненность с радостью разделила бы и остальная публика, потому что возвышенная драма, неудачно стартовав, совсем уж погрузилась в пучину скуки. В зале почти не смолкало покашливание. Кресла партера, поддерживаемые большими отрядами личных друзей сэра

Честера, храбро боролись, изображая интерес, но задние ряды и галерка явно отказались от всякой надежды. Критик малотиражного еженедельника, которого засунули на балкон, мрачно накропал на программке: «Принимают пьесу вяло». Сегодня он пребывал в самом обиженном настроении: обычно менеджеры сажали его в бельэтаж. Он снова вынул карандаш, на ум пришла свежая фраза, превосходное начало для статьи. «На премьере, — царапал он, — где сэр Честер Портвуд представил «Огненное испытание»,[8] царила беспредельная скука…»

Но заранее не угадаешь. Не стоит называть вечер скучным, пока он не закончился. Каким бы нудным не показался он на первых порах, чуть позже он заискрился такой оживленностью и занимательностью, что угодил бы самой взыскательной публике. Не успел критик из «Лондонских Сплетен» начиркать роковые слова, неуверенно водя в потемках карандашом, как по театру пополз непонятный, но очень знакомый запах.

Сначала он достиг кресел партера, и тот стал настороженно принюхиваться. Потом поднялся в бельэтаж, и зашмыгали носами там. Плывя все выше, запах накрыл молчаливую галерку. И, разом пробудившись в едином порыве к жизни, галерка взорвалась криками: «Пожар!»

Сэр Честер, продираясь сквозь длинный монолог, запнулся и опасливо оглянулся через плечо. Громко взвизгнула шепелявая мамзелька, с притворным вниманием слушавшая долгую речь. Громоподобный голос невидимого рабочего сцены приказал невидимому Биллу бежать сюда, да побыстрее! А от декораций с левой стороны лениво заклубился по сцене черный дым.

— Пожар! Пожар!! Пожар!!!

— Вот огня-то, — проговорил голос у локтя Джилл, — пьесе и недоставало.

Таинственный автор снова сидел на своем месте.

Глава III ДЖИЛЛ И НЕЗНАКОМЕЦ СПАСАЮТСЯ БЕГСТВОМ

1

В наши дни, когда власти, следящие за благополучием общества, взяли на себя хлопоты повторять неоднократно в напечатанных уведомлениях, что весь театр можно освободить в три минуты, и в экстремальной ситуации от публики требуется одно — идти, а не бежать к ближайшему выходу, пожар в театре утратил былой ужас. И все-таки, было бы подтасовкой истинных фактов, возьмись мы утверждать, будто публика, собравшаяся на премьеру новой пьесы, пребывала в таком уж спокойствии. Опустился асбестовый занавес, что должно бы подействовать успокаивающе, но вид у асбестовых занавесов всегда какой-то ненадежный. Взгляду непрофессионала так и кажется, что именно он-то и вспыхнет. Более того, человек у пульта не сообразил включить в зале свет, и темнота увеличивала суматоху.

Одна часть публики отнеслась к происшествию разумнее другой. На галерке поднялась большая суматоха. Топот ног почти заглушал крики. Минуту назад представлялось невероятным, что хоть что-то заставит зрителей галерки оживиться, но инстинкт самосохранения оживил их дальше некуда.

Кресла контроль над собой растеряли не до конца. Тревога висела в воздухе, но еще минутку эти зрители балансировали на самом краешке между паникой и достоинством. Паника подталкивала их шевелиться побыстрее, действовать поэнергичнее; достоинство же советовало терпеливо ждать. Им, как и обитателям галерки, страстно хотелось поскорее оказаться на улице, но было бы дурным тоном бежать опрометью и толкаться. Мужчины помогали женщинам надеть манто, заверяя их, что «все в порядке, пугаться нечего». Но как раз перед тем, как асбестовый занавес опустился до конца, выполз новый клуб дыма, и словам их недоставало убежденности. Движение к выходу еще не обернулось паническим бегством, но те, у кого места были ближе к сцене, начали подумывать, что индивидуумы, сидевшие ближе к выходу, как-то медленно двигаются.

И вдруг, точно бы по общему наитию, самообладание партера стало

рассыпаться. Глядящий сверху наблюдатель уловил бы, как по толпе пробежало нечто вроде дрожи, оттого, что каждый в толпе начал двигаться быстрее.

Чья-то рука ухватила Джилл под локоть. Рука надежная, рука человека, не потерявшего головы. Приятный голос подкрепил это чувство:

— Втискиваться в толпу — бесполезно. Да и больно. Опасности нет никакой, пьесу уже не играют.

Джилл, конечно же, нервничала, но дух у нее был боевой. Она терпеть не могла показывать, что нервничает. Паника стучалась в дверь ее души, но достоинство отказывалось выселяться оттуда.

— Все-таки, — с натянутой улыбкой возразила она, — неплохо бы выбраться.

— Как раз хотел предложить. Мы можем уйти вполне спокойно, своим собственным маршрутом. Пошли.

Джилл оглянулась через плечо. Дэрек и леди Андерхилл затерялись в толпе беглецов. Она их нигде не видела. На минутку ее уколола легкая обида — как же это Дэрек бросил ее? Она ощупью двинулась за своим спутником, и вскоре они через нижнюю ложу вышли к железной двери на сцену.

Когда дверь открылась, вырвался дым, и запах гари стал грозным. Джилл невольно отпрянула.

— Все в порядке, — успокоил ее спутник. — Пахнет всегда хуже, чем надо. И в любом случае отсюда выйти на улицу быстрее всего.

Они прошли на сцену и очутились среда такой шумихи и суматохи, в сравнении с которыми зал казался весьма мирным местом. Дым клубился всюду. Мимо с воплями пробежал рабочий сцены, тащивший, кренясь, ведерко. Откуда-то, с другой, невидимой стороны донесся стук топора. Спутник Джилл быстро подбежал к пульту, нашарил рубильник и дернул его. В узкой щели между углом просцениума и краем асбестового занавеса вспыхнул свет и одновременно — внезапно — упал шум в зале. Партер, выхваченный из путающей темноты, увидевший лица друг друга, обнаружил, что ведет себя некрасиво, и сдержал свой напор, немножко устыдясь. Облегчение было всего лишь минутным, но и этого хватило, чтобы усмирить панику.

— Идите прямо через сцену, — услышала Джилл голос спутника, — в коридор. Потом повернете направо и окажетесь у служебного выхода. А я, поскольку никто не собирается этого делать, выйду и скажу несколько слов зрителям. А то еще перекусают друг дружку.

И он протиснулся сквозь узкую щель.

— Леди и джентльмены!

Джилл не двинулась с места, опершись одной рукой на пульт, не делая ни малейшей попытки последовать указаниям. Рядом с таким человеком, в таком приключении, она чувствовала дух товарищества. Если остался он, значит, нужно остаться и ей. Уйти сейчас в безопасность через служебную дверь — чудовищное дезертирство. Она прислушалась и ясно услышала его голос, несмотря на шум.

Дым стал еще гуще, он ел глаза, теперь фигуры театральных пожарных, мечущихся туда-сюда, казались ей брокенскими призраками.[9] Джилл приложила ко рту уголок шарфа, и дышать стало легче.

— Леди и джентльмены! Заверяю вас, опасности нет. Вы меня не знаете, а значит, и причин верить мне — нет, но, к счастью, я могу дать вам веское доказательство. Ведь существуй опасность на самом деле, я не стоял бы здесь. Произошло вот что: пыл, с каким вы принимали спектакль, воспламенил декорацию…

Раскрасневшийся рабочий сцены, тащивший в почерневших руках топор, заорал ей на ухо:

— Чеши скорей отсюда! — И с грохотом швырнул топор. — Что, не вишь, театр горит?!

— Я… я жду… — Джилл указала туда, где ее союзник все еще обращался к публике, которая никак не желала задерживаться и слушать его. Рабочий заглянул за край занавеса:

— Коли он ваш друг, мисс, уж, пожалуйста, уговорите его закругляться да драпать скорее. Мы все сматываемся. Тут уж ничем не поможешь. Слишком много повсюду хлама. Еще пара минут, и крыша рухнет!

— Эй! — Новый друг Джилл протиснулся обратно на сцену. — Вы еще тут? — Он одобрительно покивал сквозь дым. — Да вы стойкий маленький солдатик! Ну, так что, Огастес, у тебя на уме?

От этого простого вопроса рабочий сцены вроде как растерялся.

— Чо на уме? Ладно, скажу. Правда, он у меня сполз набекрень.

— Не говори. Давай, я сам догадаюсь. О, есть! В театре — пожар!

Рабочий сцены с отвращением откашлялся. Легкомыслие в такой момент задевало его.

— Мы сматываемся! — бросил он.

— Великие умы и мыслят в лад. Мы — тоже.

— Да уж, оно лучше! Пошевеливайтесь.

— Сейчас, сейчас. И обо всем-то ты думаешь!

Джилл поспешила через сцену. Сердце у нее бешено колотилось. Было

уже не только дымно, но и жарко. По сцене промелькивали красные язычки пламени. Рухнуло что-то большое и тяжелое, невидимое в дыму. В воздухе резко пахло горящей краской.

— Где сэр Честер? — окликнул ее спутник рабочего сцены, бегущего рядом.

— Смылся, — коротко бросил тот и залаял, глотнув дыма.

— Странно! — бросил новый знакомец на ухо Джилл, таща ее за собой. — Вот сюда! Не отставайте! Странно, как драма предвосхищает жизнь! В конце второго акта есть сцена, где сэру Честеру приходится таинственно и мрачно исчезать в ночи. Вот он и в самом деле исчез.

Спотыкаясь, они перешагнули порог и очутились в узком коридоре, где хотя и пахло дымом, но все-таки воздух был сравнительно чист. Джилл вдохнула поглубже. Ее провожатый, повернувшись к рабочему, стал шарить у себя в кармане.

— Вот! — Монетка перешла из рук в руки. — Ступай, купи себе выпить. Сейчас не помешает.

— Спасибо, сэр.

— Не за что. Ты спас нам жизнь! Что, если б ты не подскочил и не сообщил про пожар? Пожалуй, мы ничего и не заметили бы! — Он повернулся к Джилл. — Вот служебный выход. Ну, как? Таинственно и мрачно исчезнем в ночи?

Сторож у служебной двери, полный недоумения, топтался у входа в свой закуток. Соображал он туго, а жизнь его всегда текла заведенным порядком, и от нынешних событий он совсем растерялся — как же теперь действовать?

— Что там такое с этим пожаром? — спросил он. Друг Джилл приостановился.

— Пожар? — Оглянулся он на Джилл. — *Вы* что-нибудь слышали?

— Да все бегут, орут, что в театре пожар! — настаивал сторож.

— И впрямь! Теперь, когда я покрепче все обмозговал, то понял, что вы правы. Действительно, пожар! Если будете и дальше топтаться, он вам наподдаст пониже спины. Послушайте старого приятеля, желающего вам добра, и бегите. На красочном языке нашего нового друга — сматывайтесь, да поскорее!

Сторож глубоко задумался над советом.

— Да как же… Мне ведь положено оставаться тут до половины двенадцатого. Вот оно что мне положено-то делать. Оставаться до полдвенадцатого и запереть! А сейчас без четверти одиннадцать!

— Ваши затруднения мне вполне понятны, — раздумчиво

откликнулся спутник Джилл. — Н-да, Касабьянка,[10] н-да… Как вам помочь, не пойму. Это уж дело вашей совести. Не хочу сманивать с горящей палубы. С другой стороны, если останетесь тут, то, скорее всего, поджаритесь с обоих боков… Однако, объясните мне… Вы твердите, что должны запереть что-то такое в половине двенадцатого. И что, собственно?

— Да театр!

— А-а, ну тогда все в порядке! К половине двенадцатого никакого театра уже не будет. Я б на вашем месте тихонько, незаметно ушел. А завтра, если пожелаете, можете прийти и посидеть на руинах, если к тому времени они поостынут. Доброй вам ночи.

2

Снаружи воздух был холодный, бодрящий. Джилл плотнее запахнула теплую шубку. Из-за угла доносились шум и крики. Прикатили пожарные машины. Незнакомец закурил сигарету.

— Желаете остаться и полюбоваться на Большой пожар?[11] — осведомился он.

Джилл передернуло. Оказывается, она больше испугалась, чем думала.

— Нет, спасибо. На пожар я уже насмотрелась.

— Я тоже. Да, волнительный вечерок. Начался, не спорю, вяловато. Но позже здорово разогрелся! Что мне сейчас требуется, это неспешная тонизирующая прогулка по набережной. Знаете, сэру Честеру не понравилось название моей пьесы. Он решил, что оно звучит чересчур мелодраматично. Ну, теперь он никак не сможет сказать, что оно не подошло.

Обогнув улицу, полную народа и пожарных машин, они направились к реке. Когда они пересекли Стрэнд, спутник Джилл оглянулся. В небе краснел отблеск пламени.

— Ну и полыхает! Можно сказать — всесожжение! Так его *наверняка* и назовут газеты. Прекрасное развлечение для масс.

— Вы думаете, его сумеют потушить?

— Ни малейшего шанса. Слишком уж располыхался. Жалко, что при вас не оказалось садового шланга, а?

— Что вы сказали? — Джилл резко остановилась и широко раскрыла глаза.

— А разве вы не помните садовый шланг? Я помню. До сих пор

ощущаю, как холодными струйками сбегает вода по спине.

Память, вечно ковыляющая по обочине и лишь в последнюю минуту наверстывающая упущенное, домчалась наконец до Джилл. Набережная преобразилась в залитый солнцем сад, январский вечер — в июльский день. Джилл уставилась на спутника. Тот со странной усмешечкой смотрел на нее. Эта усмешечка, приветливая сегодня, была издевательской и враждебной в тот день, много лет назад. Джилл всегда чудилось, будто мальчишка глумится над ней, а в двенадцать лет она сердилась, если кто забавлялся на ее счет.

— Нет, не может быть! Так вы Уолли Мэйсон!

— Мне было интересно, когда же вы наконец вспомните.

— Но в программке стоит другое имя… Джон какой-то.

— Хитроумная маскировка. Уолли Мэйсон — вот мое подлинное и единственное имя. Ах ты, Господи! Я только что вспомнил вашу фамилию. Маринер! Кстати, — он запнулся на почти неощутимую секунду, — она не изменилась?

Глава IV НА ПОМОЩЬ СПЕШИТ ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РУКОВ

1

Джилл почти не слышала его вопроса. Она была во власти того минутного чувства нереальности, какое овладевает нами, когда отступают годы и нас внезапно отбрасывает назад, в детство.

Логическая сторона ее ума вполне понимала: нет ничего особо примечательного в том, что Уолли Мэйсон, который все эти годы оставался для нее мальчишкой в итонском костюмчике, предстал теперь взрослым мужчиной. Но преображение это все равно казалось ей трюком фокусника. Изумляла ее не только перемена внешности, но и поразительная перемена личности. Уолли был bete noire[12] ее детства. Эпизод с садовым шлангом она всегда припоминала с приятным чувством — сколько бы она ни отклонялась в дни отрочества от прямой и узкой тропки, но именно в той ситуации совершила единственно правильный поступок. А вот теперь она прониклась к Мэйсону мгновенной симпатией. Как ни легко она заводила друзей, незнакомцы ее все-таки редко притягивали. Исчезла былая враждебность, ее место заняло успокаивающее и приятное чувство товарищества. Джилл почему-то почувствовала себя совсем взрослой, точно выпало какое-то звено, соединявшее ее с детством.

Она оглядела набережную. Поблизости слева нависал мост Ватерлоо, темный, массивный на фоне стального неба. Трамвай, полный стремящихся домой пассажиров, простучал мимо по рельсам, сверкавшим особым морозным блеском, возвещавшим, обычно, снег. На другом берегу реки все тонуло в таинственной тьме, лишь изредка проблескивал случайный фонарь, да смутно светилась верфь. Пейзаж нагонял тоску, и в мыслях у нее промелькнуло, что для обездоленных, чьим ночлегом служит скамейка на набережной, вид этот еще тоскливее. Джилл слегка вздрогнула. Почему-то неожиданное отторжение от прежних дней принесло с собой покинутость, будто она осталась одна в переменившемся мире.

— Холодно? — спросил Уолли.

— Чуточку.

— Давайте прогуляемся.

Они двинулись к западу. Рядом указующим перстом взметнулась «Игла Клеопатры».[13] Внизу, на тихой реке, притулились на якоре гробоподобные лодки. В просвете между деревьями мелькнули на минутку часы Парламента, словно подвешенные к небу, и исчезли вновь, когда деревья сомкнулись снова. Взвыла далекая баржа у Баттерси,[14] и снова воцарилась тишина. Что-то скорбно завыло. Джилл опять вздрогнула, досадуя, что никак не может стряхнуть непрошеную печаль, та противилась всем усилиям. Почему-то вдруг возникло чувство, будто какая-то глава в книге ее жизни завершилась. Почему, сказать она не могла, но чувство держалось.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — сказал Уолли, нарушая молчание, длившееся уже несколько минут, — но мне кажется, вы замерзаете на ходу. У меня, с тех пор как я приехал в Лондон, появилась привычка гулять по набережной в минуты душевной скорби, но, может, все-таки середина зимы — не время для здешних прогулок. «Савой»[15] совсем рядом, если мы не будем и дальше уходить от него. Думаю, недурно бы отпраздновать нашу встречу после долгой разлуки. Как вы считаете?

Вся унылость Джилл исчезла, как по волшебству. Живой темперамент взял вверх.

— Огни! — воскликнула она. — Музыка!

— И еда. Эфирному созданию, вроде вас, это может показаться вульгарным, но я не обедал.

— Бедный вы, бедный! Почему же?

— Да так. Нервничал.

— А, ну конечно! — Интерлюдия с пожаром заставила ее позабыть о его личной связи с вечерними событиями. Ей вспомнилось кое-что, сказанное им в театре. — Уолли… — и, слегка смутившись, она замолчала. — Наверное, мне следует называть вас мистер Мэйсон, но я всегда думала о вас…

— Уолли, пожалуйста, Джилл. Мы вроде не совсем посторонние. Не прихватил с собой книжку этикета, но одиннадцать галлонов холодной воды, вылитых за шиворот, — знакомство, ближе некуда. Так что же вы хотели сказать?

— Вы что-то говорили Фредди про вложенные деньги. Это правда?

— Вложил ли я деньги в эту кошмарную пьесу? Да. Все, до последнего цента. Это была единственная возможность увидеть ее на

сцене.

— А почему?.. Ой, забыла, что хотела сказать!

— Почему мне захотелось ее увидеть? Что ж, это, конечно, странно, но, честное слово, до сегодняшнего вечера я был твердо уверен, что эта чертова писанина — шедевр. Последние несколько лет я писал мюзиклы, а после такого длинного срока душа восстает и вопит: «Хватит, хватит, мой мальчик! Ты способен на кое-что получше!» Так, во всяком случае, вопила моя, а я взял да и поверил. Последующие события доказали, что моя душа меня попросту надула.

— Значит, вы потеряли огромные деньги?

— Все, что у меня было, простите невольный мелодраматизм. И можете себе представить, ни один старый честный слуга, нянчивший меня на коленях, не явился и не предложил мне своих сбережений. К несчастью, в Америке таких слуг просто нет. В Америке о моих простых нуждах заботилась одна шведская особа, но инстинкт мне подсказывает — если я вдруг явлюсь к ней и попрошу раскошелиться в пользу молодого хозяина, она кликнет копа. Однако я все-таки обогатился опытом, а опыт, как говорят, дороже денег. Во всяком случае, у меня достаточно денег, чтобы заплатить по счету, так что пойдемте-ка, поужинаем.

В обеденном зале отеля «Савой» все было, как они и предвкушали, — еда, огни и музыка. Театры еще не выбросили свою публику, так что большой зал был заполнен лишь наполовину. Уолли отыскал столик в углу и стал заказывать ужин, со всей сосредоточенностью оголодавшего.

— Простите, что так увлекся меню, — сказал он, когда официант отошел, — но вы представляете, что означает для человека в моем положении выбрать между poulet en casserole[16] и почками a la maitre d'hotel.[17] Просто странник на перепутье!

Джилл лучисто улыбнулась ему через стол. Ей едва верилось, что надежный друг, с кем она пережила беды вечера и теперь готова пировать, — та самая зловещая фигура, которая омрачала ей детство. По виду Уолли сейчас определенно не способен дергать маленьких девочек за косы.

— Вы всегда были жадиной, — заметила она. — Как раз перед тем, как я окатила вас из шланга, помнится, вы подло присвоили кусок моего именинного торта.

— Вы помните и это? — Его глаза просияли, и он улыбнулся ей. Улыбка у него оказалась обаятельная. Рот был довольно большой, и чудилось, будто губы растягиваются от уха до уха. Джилл он больше

прежнего напомнил большого славного пса. — Я и сейчас его чувствую: торт свалялся у меня в кармане, неразрывно слипшись с рогаткой, парой шариков, коробкой спичек и какой-то бечевкой. В те дни я был ходячей лавкой. Это напоминает мне, что мы уже некоторое время только и обмениваемся детскими воспоминаниями.

— Я все пытаюсь осознать, что вы — и взаправду Уолли Мэйсон. Вы так переменились.

— Надеюсь, к лучшему?

— Да, гораздо! Мальчишкой вы были ужасно противным. Вечно пугали меня. Неожиданно выскакивали то из-за дерева, то еще откуда-то. Помню, как вы гнались за мной много миль, вопя во все горло!

— А все мое смущение. Я только что говорил, что обожал вас. Вопил, потому что стеснялся. Я выкидывал все эти штуки, чтобы замаскировать свое обожание.

— Вам это здорово удавалось. Я и не подозревала ни о чем таком.

Уолли вздохнул.

— И так все в этой жизни! Я никогда не говорил о своей любви, а она, словно червь в бутоне…[18]

— Кстати, о червях! Однажды вы сунули мне червяка за шиворот.

— Нет! Не может быть! — потрясенно воскликнул Уолли. — Только не это. Да, я бывал шумноват, но всегда оставался джентльменом.

— Сунули, сунули! В кустарнике. Была гроза, и…

— А-а, теперь припоминаю. Чистое недоразумение. Я с червяком уже наигрался и решил, что вы обрадуетесь, если я его вам подарю.

— Чего вы только не делали! Однажды подняли меня над прудом и пригрозили сбросить в воду. Зимой! Как раз перед Рождеством! Это была особенно злая выходка, я ведь даже не могла лягнуть вас в ногу, из страха, что вы меня уроните. К счастью, подоспел дядя Крис.

— Ничего себе, к счастью! Может, с вашей точки зрения, но я смотрю на это под другим углом. У вашего дяди была с собой бамбуковая трость. Мои друзья порой недоумевают, когда я жалуюсь, что в морозную погоду у меня ноют старые раны… Кстати, как ваш дядя?

— О, отлично! Такой же лентяй, как и прежде. Сейчас он уехал в Брайтон.

— Мне он ленивым не показался, — задумчиво проговорил Уолли. — Наоборот. Скорее, бойким! Может, я встретился с ним в маниакальный период.

Подоспел официант с нагруженным подносом.

— Вот и еда! Извините, если на минутку-другую отвлекусь. Мне

предстоит мужская работа.

— А после обеда, наверное, припрячете котлету в карман?

— Это я обдумаю. Скорее, немножко супа. Мои запросы очень, очень скромны.

Джилл смотрела на него со все большим удовольствием. Было в этом человеке какое-то мальчишеское обаяние. С ним она чувствовала себя легко и спокойно. Он действовал на нее приблизительно так же, как Фредди. Определенно, он добавлял в ее жизнь счастья. Особенно ее привлекало то, что он умеет красиво проигрывать. Она и сама умела проигрывать и восхищалась этим качеством в других. Как здорово, что он выкинул из беседы и, очевидно, из мыслей свое поражение! Интересно, сколько денег он все-таки потерял? Наверняка, существенную сумму. И, однако, его это как будто не трогает. Джилл сочла, что ведет он себя храбро, и ее сердце потеплело. Именно так и должен мужчина сносить камни и стрелы злой судьбы.

Удовлетворенно вздохнув, Уолли откинулся на стуле.

— Неприятное зрелище, — смущенно произнес он, — но неизбежное. Думаю, вы предпочитаете, чтобы я сидел сытый и довольный, чем валялся на полу, умирая от голода. Замечательнейшая штука еда! Теперь я готов умно рассуждать на любую тему, какую вам вздумается предложить. Я наелся розовых лепестков и перестал быть, скажем так, золотым ослом.[19] О чем же будем беседовать?

— Расскажите мне о себе.

— Да, нет темы достойнее. О каком же аспекте моей натуры вам желательно услышать? О моих мыслях и вкусах? О развлечениях, о карьере? Или о чем-то еще? О себе я могу разглагольствовать часами. Мои друзья в Нью-Йорке частенько на это сетуют.

— В Нью-Йорке? А, значит, вы живете в Америке?

— Да. Приехал сюда только для того, чтобы поставить на сцене этот шедевр.

— Почему же вы не поставили пьесу в Нью-Йорке?

— Там меня слишком многие знают. Видите ли, это ведь новый для меня курс. Критики в тех краях ждут от меня чего-то в духе «Ой-е-ей» или «Девушка из Йонкерса». Они пришли бы в смятение, увидев, что я разразился возвышенной драмой. Люди они грубоватые, мысли их грязны, и меня бы попросту высмеяли. Я и решил, что гораздо умнее приехать сюда, к незнакомым людям, не подозревающим, что это я сижу на соседнем месте рядом с девушкой, которую знаю всю жизнь.

— Когда же вы уехали в Америку? И почему?

— Случилось это года через четыре… пять — ну, в общем, через несколько лет после эпизода со шлангом. Возможно, вы и не заметили, что я уже не кручусь поблизости. Мы тихонько покинули те места и перебрались в Америку. — Тон его на секунду утратил легкость. — Понимаете, у меня умер отец, и все как-то развалилось. Больших денег он не оставил. Очевидно, в те времена, когда я вас знал, жили мы не по средствам. Во всяком случае, я боролся с нуждой, пока ваш отец не раздобыл для меня работу в одной нью-йоркской конторе.

— Мой отец?

— Да. Очень было благородно с его стороны побеспокоиться обо мне. Вряд ли он даже меня бы узнал, а если и вспомнил, не думаю, что воспоминания были приятными. Но хлопотал за меня, как за кровного родственника не хлопочут.

— Это очень похоже на отца, — ласково заметила Джилл.

— Настоящий аристократ.

— Вы теперь больше там не работаете?

— Нет. У меня обнаружился дар к стихотворчеству, и я написал несколько песенок для водевиля. Потом как-то раз, случайно, встретил в музыкальном издательстве такого Бивэна.[20] Он только что начал сочинять музыку, мы объединились и выдали несколько водевильных номеров. Потом один менеджер обратился к нам, чтобы мы подправили шоу, умирающее на гастролях, и нам повезло — оно имело большой успех. Ну, а после этого пошло-поехало. Джордж Бивэн недавно женился. Везет людям!

— А вы женаты?

— Нет.

— Хранили мне верность? — с улыбкой бросила Джилл.

— Именно.

— Ничего, это не продлится долго, — покачала она головой. — Скоро вы встретите какую-нибудь прелестную американку, сунете ей червяка за шиворот или подергаете за волосы. Или… как вы там еще выражаете свое обожание? И… Куда это вы смотрите? За моей спиной творится что-то интересное?

— Да нет, ничего особенного. — Уолли смотрел мимо нее в зал. — Просто одна величественная старая леди не сводит с вас глаз последние пять минут, отрываясь только, чтобы кусок проглотить. Видимо, вы ее загипнотизировали.

— Старая леди?

— Да. Ого! Вот это взгляд! Точь-в-точь «Птица с пронзительным

взглядом».[21] Сосчитайте до десяти и оглянитесь как бы невзначай. Вон на тот столик. Прямо позади вас.

— Господи! — вскрикнула Джилл.

— Что такое? Вы ее знаете? Вам бы не хотелось с ней встречаться?

— Это леди Андерхилл! А с ней — Дэрек.

Уолли как раз поднимал бокал и неожиданно поставил его.

— Дэрек?

— Дэрек Андерхилл. Мой жених. Наступила короткая пауза.

— О-о! — задумчиво проговорил Уолли. — Жених… Да, понятно.

И снова подняв бокал, быстро осушил его.

2

Джилл посмотрела на своего спутника. Недавние события напрочь вытеснили многое. Ее так живо интересовало то, чем она занималась в данный момент, что у нее нередко бывали временные провалы памяти. И только сейчас в голове мелькнуло — как всегда, слишком поздно, — что отель «Савой», пожалуй, последнее место в Лондоне, куда следовало идти с Уолли, ведь там остановилась леди Андерхилл. Джилл нахмурилась. Жизнь внезапно утратила беззаботность, стала сложной, отягченной загадками и недоразумениями.

— Что же мне делать?

При звуке ее голоса Уолли, глубоко погрузившийся в какие-то мысли, вздрогнул.

— Простите?

— Что же мне делать?

— Я бы не стал так уж страдать.

— Дэрек ужасно разозлился. Добродушный рот Уолли чуть заметно отвердел.

— Почему? Что дурного в том, что вы ужинаете со старым другом?

— Н-ну да, — с сомнением согласилась Джилл. — Но…

— Дэрек Андерхилл, — раздумчиво повторил Уолли. — Это тот самый сэр Дэрек Андерхилл, чье имя постоянно мелькает в газетах?

— Да, про Дэрека часто пишут. Он — член парламента и вообще…

— Красивый. А-а, вот и кофе.

— Я не хочу, спасибо.

— Чепуха! Зачем же портить себе ужин? Вы курите?

— Нет, спасибо.

— Бросили, а? Смею сказать, мудро поступили. Курение замедляет рост и увеличивает расходы.

— Как это — бросила?

— Разве не помните, как мы с вами делили отцовскую сигару? За стогом сена? Мы ее разрезали пополам. Свою половинку я выкурил до конца, но вам, по-моему, хватило и трех затяжек. Счастливые были деньки!

— Только не этот! Да, помню и вряд ли когда-нибудь забуду.

— Разумеется, виноват был я. Это я вас подначил.

— А я всегда принимала вызов.

— И вы все такая же?

— А что?

Уолли стряхнул пепел с сигареты.

— Ну, — медленно начал он, — предположим, я стану подначивать вас, чтобы вы подошли к тому столику, посмотрели жениху в глаза и сказали: «Прекрати сверлить мне затылок грозным взглядом! Я имею право поужинать со старым другом!» Решитесь?

— А он сверлит? — удивилась Джилл.

— Да разве вы сами не чувствуете? — Уолли задумчиво затянулся. — Я бы на вашем месте задушил это в зародыше. Отучать мужа от таких привычек надо как можно раньше. Для цивилизованного мужчины грозный взгляд, все равно что тумаки.

Джилл беспокойно поерзала на стуле. Ее вспыльчивый нрав едва терпел такой тон. Ее жалила враждебность его голоса, едва замаскированное презрение. А Дэрека тронуть нельзя. Любой его критик обречен. Уолли за несколько минут до того — друг и приятный собеседник, теперь переменился, снова превратившись в мальчишку, которого она терпеть не могла. В глазах у нее вспыхнул блеск, который должен был бы остеречь, но он продолжал:

— Я лично считаю, что этот Дэрек совсем не похож на солнечный луч. Да и как мог бы он стать лучом, если такая леди — его мать, а наследственность — не выдумка?

— Пожалуйста, не критикуйте Дэрека, — холодно остерегла Джилл.

— Я только говорил…

— Неважно. Мне это не нравится.

Лицо у него медленно покраснело. Он ничего не ответил, и между ними тенью пало молчание. Джилл горестно пила кофе, уже сожалея о своей вспышке. Если бы можно было взять слова обратно! Хотя разорвали эту тонкую материю — дружбу, начавшую легчайшей паутинкой сплетаться между ними, все-таки не сами слова, а манера. Манера

принцессы, отчитывающей лакея. Джилл понимала — даже ударь она Уолли, и то не могла бы оскорбить его глубже. Есть мужчины, чьи кипучие натуры позволяют им возрождаться после щелчка куда оскорбительнее. Но Уолли, подсказывала ей интуиция, не из их числа.

Был лишь один способ поправить дело. В столкновениях темпераментов, этих внезапных штормах, разражающихся средь ясного неба, иногда можно заделать трещину, если решительно зацепишься за психологически подходящий момент и быстро заговоришь на нейтральную тему. От слов расползлась прореха, и слова же могут заштопать ее. Но ни Джилл, ни ее спутник не сумели подыскать их, и угрюмое молчание все тянулось. Когда Уолли наконец заговорил, то ровным тоном вежливого незнакомца:

— Ваши друзья ушли.

Таким тоном осведомлялись у Джилл попутчики в вагоне, предпочитает ли она закрыть окно или оставить его открытым. Тон этот убил все ее сожаления, негодование вспыхнуло с новой силой. Она действительно была из тех, кто принимает вызов, и потому решила сама перейти на вежливый, ровный и холодно-отчужденный тон.

— В самом деле? Когда же?

— Минуту назад.

Мигнул свет, предупреждая, что близится час закрытия. В короткой темноте оба поднялись. Уолли нацарапал свое имя на счете, который незаметно подсунул ему официант.

— Наверное, и нам пора уходить?

Молча они миновали зал. Остальные двигались в том же направлении. Широкая, ведущая в вестибюль лестница была заполонена весело болтающими компаниями. Опять вспыхнул свет.

В гардеробе Уолли остановился.

— Я вижу, — небрежно бросил он, — вон там ждет Андерхилл. Чтобы отвезти вас домой, я полагаю. Что ж, попрощаемся? Я живу здесь, в отеле.

Джилл оглянулась на лестницу. Да, Дэрек уже ждал там. Один. Леди Андерхилл, скорее всего, поднялась к себе в номер на лифте.

Уолли протянул ей руку. Глаза избегали ее взгляда.

— До свидания.

— До свидания, — проговорила Джилл.

Она испытывала непонятную неловкость. В последний момент враждебность ослабела, и ей хотелось как-то загладить вину. Они с этим человеком через многое прошли — и через опасное, и через приятное. На Джилл нахлынуло внезапное раскаяние.

— Вы ведь зайдете навестить нас? — медленно проговорила она. — Я уверена, дядя обрадуется.

— Спасибо. Боюсь, я на днях уезжаю обратно в Америку. Уязвленное самолюбие, этот союзник дьявола, снова цепко овладело Джилл.

— Вот как? Жаль, — безразлично бросила она. — Что ж, тогда прощайте.

— Прощайте.

— Желаю вам приятного путешествия.

— Спасибо.

И Уолли вернулся в гардероб, а Джилл поднялась по лестнице к Дэреку, рассерженная и подавленная, остро осознавая тщету всего земного. Люди возникают в твоей жизни и тут же исчезают.

Ну, в чем тут смысл?!

3

Грозный взгляд Дэрека не стал мягче. Брови его мрачно хмурились, рот улыбался вовсе не приветливой улыбкой. Джилл некоторые частички вечера показались даже очень приятными, но Дэреку он приятных минут не припас. Оглядываясь на свою жизнь, события которой всегда отличались только приятностью, Дэрек говорил себе, что не припоминает другого дня, когда все шло настолько вкривь и вкось. С утра — туман, а тумана он терпеть не мог. Потом встреча с матерью на Чаринг-Кросс; ее одной хватило бы, чтобы его расстроить. После этого, по восходящей, день подкинул ему ситуацию в Олбэни, при воспоминании о которой он до сих пор содрогался. Следом — сумрачный, молчаливый обед, скука первого акта, пожар и недостойное, суетливое бегство. А вот теперь — увидел девушку, с которой помолвлен, за ужином в «Савое», да еще с субъектом, которого он в жизни не встречал. От всего этого Дэрека раздирала почти что ярость. Происхождение и богатство превратили его в баловня мира, плохо подготовив для столкновения с такими катастрофами. Встретив Джилл ледяным молчанием, Дэрек повел ее к ожидавшему такси, и только когда машина тронулась, излил ярость в словах.

— Ну, — выговорил он, с трудом подавляя желание закричать в голос, — не будешь ли ты столь добра объясниться?

Джилл откинулась на подушки. Прикосновение его тела всегда приводило ее в трепет, наполовину приятный, наполовину пугающий. Еще никто не действовал на нее так, как Дэрек. Она чуть прижалась к нему,

нашла его руку. Но рука отстранилась, и сердце у нее упало.

— Дэрек, милый! — Губы у нее прыгали. Другим частенько доводилось наблюдать эту сторону его характера, ведь он полагал, что мир надо ставить на место, но Джилл никогда прежде не видела его таким. Для нее он всегда был верхом совершенства, безупречным рыцарем. Может быть, слишком совершенным, чересчур учтивым. Но она была влюблена и не замечала этого. — Не злись, пожалуйста!

Английский язык — самый богатый в мире, и все-таки в моменты, когда важнее всего слова, мы обычно выбираем неверные. Словечко «злись» покоробило Дэрека, не так определяют гнев громовержца. Все равно, что осведомиться у Прометея, которому терзают печень, не больно ли ему.

— Не злись!

А такси катило, мелькали на окнах блики фонарей. Когда свет падал на Джилл, то высвечивалось бледное взволнованное маленькое личико.

— Я тебя не понимаю, — наконец проговорил Дэрек. Джилл отметила, что он еще не обращается к ней по имени и смотрит прямо перед собой, словно монолог произносит. — Отказываюсь понимать. После всего, что случилось у Фредди, ты еще вдобавок отправляешься в ресторан, где половина публики тебя знает, с человеком…

— Ты не понимаешь!

— Вот именно, не понимаю! — От осознания, что он выиграл очко, Дэреку стало чуть получше. — И признаю это. Поведение твое абсолютно непостижимо. Где ты встретилась с этим субъектом?

— В театре. Он — автор пьесы.

— Тот самый, с которым вы разговаривали? Человек ухитрился пристать к тебе в антракте…

— Выяснилось, что он — старый друг. Я его знала в детстве.

— Этого ты мне не говорила.

— Это выяснилось позже.

— После того, как ты согласилась пойти с ним ужинать? С ума сойти! — закричал Дэрек, и все сегодняшние неприятности нахлынули на него снова. — Как ты полагаешь, что подумает моя мать? Она уже интересовалась, что это за мужчина с тобой. И мне пришлось ответить: «Не знаю!». Как ты полагаешь, что она подумает?

Сомнительно, могло ли хоть что-то возродить воинственный дух в оробевшей душе Джилл, но упоминание о леди Андерхилл совершило чудо. Острая взаимная антипатия, вспыхивающая с первого взгляда, гораздо распространеннее, чем любовь с первого взгляда. Между этими

женщинами неприязнь возникла с первой же минуты, обстоятельства же способствовали тому, что она пустила корни и буйно пошла в рост. Для Джилл мать Дэрека к этой минуте стала уже не просто неприятной дамой, а некоей силой, стремящейся разрушить ее счастье. Она стала угрозой любви.

— Если бы этот вопрос твоя мать задала мне, — с жаром кинулась она в бой, — я бы ответила, что это мужчина, который благополучно спас меня из театра после того, как вы с ней… — Джилл прикусила язык. Ей не хотелось произносить слов, которых не прощают. — Понимаешь, — чуть спокойнее продолжила она, — ты исчез…

— Моя мать — немолодая женщина, — чопорно перебил Дэрек. — Естественно, мне пришлось позаботиться о ней. Я крикнул тебе, чтобы ты шла за нами.

— О, понимаю! Я просто пытаюсь объяснить, как все получилось. Я осталась совсем одна, и Уолли…

— Уолли! — Дэрек издал короткий смешок, почти лай. — Так ты с ним уже накоротке?

Джилл стиснула зубы.

— Сказано тебе, я знаю его с детства. Тогда я называла его Уолли.

— Извини. Я забыл.

— Он вывел меня через сцену, через служебный вход.

Дэрек испытывал неловкое чувство человека, который величественно созерцает горы и вдруг обнаруживает, что перед ним-то кротовые кочки. Такой возмутительный поступок оказался совершенным пустяком. И он ухватился за единственный пункт в поведении Джилл, еще представлявший повод для обиды.

— Ты не обязана была отправляться с ним в ресторан! — Громоподобный гнев упал до жалкого сварливого ворчания. — Надо было сразу же отправляться домой! Могла бы и догадаться, как я о тебе беспокоюсь!

— Нет, ну в самом деле, Дэрек, милый! Не так уж ты и беспокоился. Ты вполне уютненько ужинал и сам.

До чего любопытно устроен ум человека! Стоит отметить, что, несмотря на неодобрение матери, несмотря на все приключения этого кошмарного дня, Дэрек только сейчас, услышав эту колкость, впервые признался себе, что, пожалуй, Джилл Маринер, хотя он ею и увлечен, не такая уж идеальная жена. Мысль эта юркнула и испарилась быстрее, чем след дыхания с зеркала, однако же все-таки юркнула. Для иных мужей остроумные реплики жены страшнее меча разящего. Дэрек был именно из

таких. Подобно большинству цельных мужчин, он пестовал свое величие, и у него скулы сводило от колкостей.

— Моя мать была совершенно разбита, — холодно парировал он — Я и решил, что немного супа пойдет ей на пользу. А насчет того, беспокоился ли я, так я звонил тебе домой, спрашивал, вернулась ли ты.

«А когда тебе ответили, что еще нет, — подумала Джилл, — преспокойно отправился в "Савой"».

Но вслух она этого не произнесла. Хотя язычок у нее и был острый, она умела вовремя прикусить его. У нее не было желания причинять боль Дэреку. Вкладывая душу во все, что делала, она и любила всей душой. Возможно, на ее кумире и есть кое-какие пятнышки, но что у него ноги глиняные, она не поверит ни за что! А пятнышки — что пятнышки? Она его любит.

— Мне очень жаль, дорогой! — воскликнула Джилл. — Ужасно, ужасно жаль! Я плохо себя веду, да?

Она опять потянулась к его руке, и на этот раз он нехотя позволил ей сжать ее.

Такси подкатило к дверям дома на Овингтон-сквер; такой адрес дядя Кристофер счел приличествующим для джентльмена его положения. Точно раскаивающийся ребенок, Джилл подняла лицо, чтобы ее поцеловали.

— Я больше не буду!

На какое-то мгновение Дэрек заколебался. Поездка, хотя и длинная, для него оказалась слишком короткой. Времени восстановить самообладание ему не хватило. Но чувство ее близости, ее нежности, слабый аромат ее волос, глаза, мягко блестевшие в темноте, так близко от него, победили. Он прижал ее к себе.

Со счастливым смехом Джилл исчезла в доме. День был кошмарный, но закончился хорошо.

— В Олбэни! — кинул Дэрек водителю и откинулся на подушки в смятении чувств.

Машина тронулась. Вскоре возвышенный настрой, быстро возникший, с такой же быстротой и растаял. Джилл отсутствующая не действовала на него так, как Джилл присутствующая. Человеком сильного воображения он не был, и стимулирующее воздействие без нее слабело. Задолго до того как такси затормозило перед Олбэни, лицо у него помрачнело снова.

Дома Дэрек увидел Фредди, раскинувшегося в глубоком кресле. Задрав ноги в домашних туфлях на каминную полку, тот восстанавливал растраченные нервные клетки, поглощая виски с содовой. Сигара (одна из тех, какие Баркер отметил печатью личного одобрения) торчала в углу его рта. Рядом с креслом на полу валялась спортивная газета, внимательным чтением которой он успокаивал раздерганные нервы. Чтение он уже закончил и теперь мирно созерцал потолок, выбросив из головы все мысли. Ничто сейчас не имело для Фредди значения.

— Привет, старичок, — бросил он вошедшему Дэреку. — Благополучно спасся из огненной печи? А я гадал, как ты там. Ну, и как ты? Лично я уже совсем не тот! От таких происшествий вся нервная система дыбом! Готов оказать любую помощь — в разумных пределах, разумеется, — но когда от тебя требуют без всяких репетиций и грима сыграть Седраха, Мисаха и Авденаго[22] разом — это уж перебор! Нет, юный мой приятель! Если в этом сезоне пожары войдут в моду, то последний из Руков будет тихонечко посиживать дома да раскладывать пасьянсы. Смешай себе коктейль, старичок, или еще чего глотни. Кстати, а как добрая старая матушка? В порядке? Ни единого ожога? Чудесно! Не стесняйся, угостись сигарой.

Утомившись играть роль хозяина, Фредди поудобнее развалился в кресле и выпустил новое облако дыма.

Дэрек присел, закурил сигару и молча уставился на огонь. С каминной полки улыбалась Джилл (фотография), но он и не взглянул на нее. Вскоре его молчание стало угнетать Фредди. Вечер он пережил тягостный, и сейчас больше всего ему хотелось весело поболтать, но, по-видимому, его друг вовсе не был расположен вносить свою лепту. Сбросив ноги с полки, Фредди свалился набок, чтобы видеть лицо Дэрека. Мрачность приятеля тронула его. Вдобавок к тому, что он им восхищался, он был участливым человеком и сочувствовал печали.

— О чем-то горюешь, старикан? — деликатно осведомился он.

С минуту Дэрек не отвечал. Потом решил, что, как бы низко ни стояли умственные способности друга, все-таки они с Фредди — давние приятели, и, может, ему полегчает, если он выговорится. К тому же, Фредди был старым другом Джилл, он и познакомил их.

— Да, — бросил он.

— Слушаю тебя, старичок, — подтолкнул Фредди. — Запускай свой фильм.

Дэрек, пыхнув сигарой, наблюдал за дымом, плывущим к потолку.

— Все из-за Джилл…

Завалившись еще дальше набок, Фредди продемонстрировал интерес:

— Из-за Джилл?

— Фредди, она такая… неуемная!

Фредди чуть не грохнулся с кресла. «Вот так совпадение!» — как выражаются романисты.

— Странно, что и ты так сказал! — воскликнул он. — Только сегодня вечером я говорил ей в точности то же самое! — И чуть запнулся. — Мне вроде бы понятно, к чему ты клонишь, старик. Ключевая фраза — «Что скажет мама?» Так, а? Ты начал проникаться идеей, что если поведение Джилл не станет осмотрительнее, то ставки на нее упадут до нуля. Так? Да, мне все понятно. Мы-то с тобой отлично знаем, что Джилл — девица высший класс. Но она может показаться и немножко иной. Я хочу сказать, твоя добрая старая матушка судит только по первому впечатлению, а встреча их получилась не совсем такой, как задумывалось… Слушай-ка, старик, — перебил он сам себя, — очень жаль, то-се… ну, сам понимаешь! Не хотел, чтобы так получилось. Как я понял, твоя мама немножко недовольна. Даже раздосадована и возмущена. И я что-то такое заметил за обедом.

— Разумеется, она пришла в ярость. Ничего мне не сказала, когда мы остались наедине, но зачем? Я и так вижу.

Дэрек отшвырнул сигару. Фредди с тревогой отметил этот знак смятения души.

— Да, — согласился он, — все сложилось неудачно. Дэрек пустился разгуливать по комнате.

— Фредди!

— Вот он я!

— Надо что-то предпринять.

— Вернее не скажешь! — торжественно покивал Фредди, принимая ситуацию близко к сердцу. Дэрек был его лучшим другом, Джилл — доброй старой подружкой, и ему было больно видеть, что все расползается по швам. — Вот что я тебе скажу, старичок. Позволь-ка *мне* утрясти этот разлад.

— Тебе?

— Ну да, мне! Последнему из Руков! — Вскочив, Фредди прислонился к каминной полке. — Именно я все урегулирую. Я много лет знаю Джилл. Она меня послушается. Потолкую с ней по-отечески, объясню положение вещей. Приглашу ее на чай, да и отчитаю самым решительным образом! Предоставь все *мне*, старикан!

— А что, — призадумался Дэрек, — может, и получится…

— Еще как! Еще как, дорогой мой. Легко и просто! Ложись себе, спи и доброй тебе ночи. Я все улажу.

Глава V ЛЕДИ АНДЕРХИЛЛ В ШОКЕ

1

Есть улицы в Лондоне, куда солнце как будто никогда и не заглядывает. Иногда они встречаются и в модных кварталах, ибо адрес, престижно выглядящий на бумаге, — достаточная, по мнению обитателей, компенсация за сумрачность. Но большинство все-таки располагается у железнодорожных вокзалов и не предлагает никакой компенсации за отсутствие солнца. Это жалкие убогие улочки, серенькие, как январское небо, непрерывно ветшающие день ото дня, где всегда пахнет капустой и стаями слоняются коты. Вечерами здесь темно и пусто, царят безлюдье и тишина, нарушаемая лишь надтреснутым бренчанием расстроенного пианино, на котором обычно играют какой-нибудь простенький псалом, поскольку именно к такой музыке питают слабость жители прокопченных домов. Днем улочки эти немного оживляются — на них часто мелькают женщины в фартуках, вытряхивающие ковры у парадных подъездов, или спешащие в пивнушку на угол за пивом к ужину. Чуть ли не в каждом окне первого этажа красуется объявление «Сдаются меблированные комнаты». Подобных улиц вы найдете десятки, стоит вам свернуть с главных улиц, чтобы срезать дорогу к Юстону, Паддингтону или Ватерлоо.[23] Самые захудалые, унылые и безлюдные улицы лежат за вокзалом Виктория, а среди них Добени-стрит в Пимлико — самая паршивая.

Утром после описанных событий на Добени-стрит, 9, на втором этаже одевалась девушка. Рядом с восковыми цветами в вазе стоял поднос с остатками завтрака. Из-под столика выглядывал уголок зеленой обложки журнала. Серый попугай Билл в клетке у окна щелкал семечки, поглядывая вокруг насмешливым глазом. Сколько раз он видел Нелли Брайант, прихорашивающуюся для походов по театральным агентам на Стрэнде! Каждый день! Через часок-другой она вернется, воскликнет, как обычно, усталым голосом «О, Господи!», и тогда уж и начнется по-настоящему его день. Биллу нравился звук собственного голоса, а побеседовать обстоятельно ему выпадал случай только под вечер, когда Нелли возвращалась домой.

— Какая разница? — вопросил Билл и разгрыз еще одно семечко.

Если комнаты отражают характер их обитателей, то Нелли с честью

выходила из испытания. Трудно исправить изначальные ужасы лондонской меблирашки, но Нелли приложила вес усилия. Мебель, конечно, так и осталась ни на что не похожей рухлядью, но несколько штрихов тут и там, а главное, хороший вкус придали комнате почти приветливый вид. А при вечернем свете появлялся даже намек на домашний уют. Подобно путешественникам, Нелли научилась Достигать многого при самых скудных средствах. На гастролях в Америке ей иногда удавалось делать сравнительно Удобным номер в захудалой гостинице, а уж большего и представить невозможно! Очень странно, что при ее образе жизни у нее проявлялся дар домовитости.

Сегодня Нелли, не в первый раз, чувствовала себя несчастной. Лицо, смотревшее на нее из зеркала, перед которым она старалась покрасивее приладить шляпку, выглядело утомленным. Оно было довольно хорошеньким, однако одиночество и недоедание придали ему задумчивость, добавляя некую прелесть. К сожалению, не эта прелесть привлекает плотных мужчин, подкрепившихся виски и сидящих с сигарой во рту за заваленным бумагами столом в комнатах театрального агентства с табличкой «Личный кабинет». Нелли на много недель выпала из обоймы — фактически с того самого дня, когда спектакль «Вслед за девушкой»[24] сошел со сцены театра «Регал».

«Вслед за девушкой», американскую музыкальную комедию, привозила из Нью-Йорка театральная труппа, скромным членом которой была и Нелли. Отыграв год в Лондоне и месяца два — в городах помельче, труппа вернулась в Нью-Йорк. В долгие вечера на Добени-стрит Нелли не добавляли бодрости мысли о том, что, пожелай она, то спокойно вернулась бы домой. Повинуясь какому-то сумасшедшему порыву, она решила попытать счастья в Лондоне, и вот застряла тут в безвыходном положении.

— Какая разница, — повторил Билл.

Для попугая, получающего наслаждение от бесед, запас реплик был несколько ограничен, он часто повторялся.

— Такая, дурачок! — откликнулась Нелли, завершая манипуляции со шляпкой и оборачиваясь к клетке. — Тебе хорошо, развлекаешься тут вовсю! Только и дел, посиживать да семечки щелкать! А каково, как ты думаешь, мне? Топчусь без конца по городу и ничего не нахожу. Нравится мне это, по-твоему? А, ладно! — Она взяла перчатки. — Пожелай мне удачи!

— Пока-пока! — выкрикнул попугай, вцепляясь в прутья. Сунув палец в клетку, Нелли поскребла ему головку.

— Не терпится избавиться от меня, да? Ну, до свидания!

— Пока-пока!

— Ладно, ладно, ухожу. Будь умничкой!

— Г-гав, г-гав, г-гав! — залаял попугай, не связывая себя обязательствами.

Несколько минут после ухода Нелли он смирнехонько сидел на жердочке, созерцая вечность. Потом перепорхнул к коробочке с семечками и подкрепился легкой закуской. Ему всегда нравилось растягивать еду, чтобы подольше хватило. Глотнув воды, чтобы запить семечки, он вернулся на середину клетки, где обследовал что-то клювом под левым крылом, после чего мяукнул кошкой и снова погрузился в молчаливое раздумье.

Прикрыв глаза, он размышлял над своей излюбленной проблемой: почему, все-таки, он попугай? Этой загадки всегда хватало на часик-другой, и только в три он пришел к обычному своему выводу — это неведомо никому. Затем, измученный мозговым штурмом и чувствуя некоторую унылость из-за тишины в комнате, попугай огляделся, думая о том, как бы разнообразить существование. Пожалуй, потявкает еще, может помочь.

— Г-гав, г-гав, гав!

Пока тявкаешь — неплохо, но надолго не хватает. Не тянет на настоящее развлечение. Надо сделать что-нибудь более удалое, решил он, подолбил пол клетки, схватил клочок газеты и, завалив голову набок, задумчиво пожевал бумагу. Газета оказалась невкусной. Попугай заподозрил, что Нелли сменила «Дейли Мейл» на «Дейли Экспресс» или еще на какую преснятину. Однако он ее проглотил, и ему пришло в голову, что, пожалуй, надо немножко полазать, вот чего требует душа. Зацепляетесь клювом и когтями и взбираетесь на крышу. Вроде ничего особенного, но хоть какое-то занятие. Когда он уцепился за дверцу клетки, та отворилась. Попугай сразу смекнул, что денек получится на славу. Уже много месяцев ему не выпадало такой удачи. Никогда — если не побуждали внешние обстоятельства — он ничего не делал впопыхах, а потому в комнату вылетел, продвигаясь потихоньку. Он бывал тут и прежде, но всегда под надзором Нелли, а сейчас — совсем другое. Сейчас — это приключение. Билл перепорхнул на подоконник. Там нашелся желтый шерстяной комочек, но он уже наелся и больше не мог проглотить ни крошки. Попугай поднапрягся, стараясь придумать, чем бы заняться еще, вдруг обнаружил, что мир куда больше, чем он до сих пор считал. За стенами комнаты тоже, оказывается, что-то есть. На сколько он там простирается, попугай не ведал, но исследовать нужно. Окно внизу было

приоткрыто, и сразу за стеклом чернело то, что он принял за прутья еще одной клетки, побольше. На самом деле то была ограда, предоставляющая скромную защиту дому № 9. Она огибала весь дом, и мальчишки вовсю развлекались, треща по ее прутьям палками. Один из таких мальчишек как раз пробегал мимо, когда попугай Билл устроился на подоконнике, поглядывая вниз. Треск на минутку напугал его, но потом он пришел к заключению, что только такого и следует ждать, когда выпархиваешь в большой мир. Попугая, который намеревается увидеть жизнь, не должны отпугивать пустяки. Немножко покурлыкав, он, наконец, величественно прошествовал через подоконник, развернул лапки под прямым углом и, уцепившись за прут ограды, стал спускаться. Достигнув тротуара, попугай встал, с любопытством заглядывая за ограду. Мимо трусила собака. Приметив птицу, она подошла понюхать.

— Пока-пока! — общительно проговорил Билл.

Пес растерялся. До сих пор в его ограниченном жизненном опыте птицы были птицами, люди — людьми, а тут — какая-то помесь. Как же реагировать? Он на пробу гавкнул. Потом, обнаружив, что ничего особенного не последовало, сунул нос между прутьями и тявкнул еще разок. Любой, кто знал Билла, мог бы сказать псу, на что он напрашивался. Попугай, наклонившись, цапнул его за нос. Взвыв от боли, пес отскочил; каждую минуту он обогащался новым опытом.

— Г-гав, г-гав, г-гав! — насмешливо тявкнул Билл.

Но тут мир заслонили ноги в брюках, две пары, и, подняв глаза, он увидел, что перед ним стоят два человека из низших слоев общества, пялясь на него в флегматичной манере, свойственной лондонскому пролетариату, узревшему диковинку. С десяток минут они разглядывали птицу молча, а потом один вынес суждение:

— Попугай! — И, вынув изо рта трубку, ткнул черенком в Билла.

— Да, Эрб, самый что ни на есть попугай!

— Угу, — отозвался немногословный Эрб.

— Ну точно, попугай, — продолжил первый. Дело для него становилось все яснее. — Да, Эрб, это попугай. Вон оно как. У жены моего брательника Джо такой есть. Привозят их из-за границы, вон оно как! Нет, у сестры этой жены, ясно? Рыженькая такая. Выскочила замуж за одного, из доков. *Вот у нее* и есть такая птичка. Попугай называется.

Наклонившись, чтобы рассмотреть поближе, он сунул палец сквозь прутья. Эрб, изменив обычной своей немногословности, остерег:

— Ты гляди, осторожней! Как бы она тебя, Генри, не тяпнула!

Генри обиделся.

— Чего? Тяпнула! Я про них, попугаев, все знаю! Ну! У сестры жены моего брательника такой самый. Ты ж видишь, попугай, кто тебе друг? — адресовался он к Биллу, примеривавшемуся к его пальцу полуприкрытым глазом.

— Пока-пока, — уклонился тот от прямого ответа.

— Слыхал, а! — в восторге заорал Генри. — «Пока-пока»! Ну, прям человек! Попугай называется…

— Отхватит тебе кус от пальца, — остерег подозрительный Эрб.

— Чего? Он-то? — Генри кипел негодованием. Ему, видимо, почудилось, что усомнились в его репутации эксперта по попугаям.

— Ничего он не оттяпает!

— Спорю на полпинты, оттяпает, — упорствовал скептик.

— Эт кто, попугай? Хо! У сестры жены брательника тоже такой есть, так он ничего не оттяпал. Да! — Он протянул палец еще дальше и соблазнительно покачал перед клювом Билла.

— Привет, друг! — победно заорал он. — Орешка хочешь?

То ли леность, то ли вера в порядочность того, другого попугая побудила Билла понять, что для птиц его вида существуют определенные правила, точно сказать нельзя, но какое-то время попугай Билл лишь пристально и отстраненно рассматривал палец.

— Ну? Видал? — торжествовал Генри.

— Г-гав, г-гав, г-гав! — гавкнул попугай.

— Гав, гав, гав! — подбрехнул пес, неожиданно вернувшийся на место действия, продолжив спор с того самого момента, где оборвал его.

Эффект этого лая оказался катастрофическим. И всегда-то нервная птица совершенно утратила безмятежность, свойственную аристократам-попугаям высшего порядка. Нервы Билла дрогнули и, как всегда при подобных обстоятельствах, первый его порыв был цапать направо-налево. Он и цапнул за палец Генри (которому любой посочувствует), и тот с громким воплем отскочил.

— С тебя — полпинты, — заметил Эрб, считавший, что дело — на первом плане.

В быстрой череде событий наступило затишье. Пес, тихонько что-то урча, опять удалился и принялся наблюдать за дальнейшим с обочины тротуара. Эрб, выиграв спор, снова погрузился в молчание. Генри посасывал палец. Билл, бесстрашно сразившийся с миром и показавший ему, что к чему, беспечно посвистывал.

Генри, вынув изо рта палец, напряженно попросил:

— А ну-ка, Эрб, одолжи мне свою палку!

Эрб молча протянул другу свою неразлучную и увесистую спутницу. Генри, совершенно не походивший на прежнего добряка, стал яростно тыкать палкой между прутьями ограды. Попугай Билл, охваченный паникой и желающий одного — снова очутиться в своей уютной клетке, пронзительно заверещал, взывая о помощи. А Фредди Рук, выбежавший из-за угла вместе с Джилл, замер на месте, побледнел и закричал:

— О, Господи!

2

Выполняя обещание, данное накануне Дэреку, Фредди сразу же после завтрака связался по телефону с Джилл и договорился увидеться днем на Овингтон-сквер. Явившись туда, он нашел Джилл с телеграммой в руке. Ее дядя Кристофер, понаслаждавшись морским воздухом в Брайтоне, возвращался дневным поездом, и Джилл предложила Фредди прогуляться вместе на вокзал Виктория, забрать дядю Криса и довезти его домой. Фредди, собиравшийся завести разговор наедине, включающий братскую лекцию о вреде неуемности, поупирался, но наконец сдался. И они отправились на вокзал. Путь их лежал через Добени-стрит, и они свернули за угол как раз после коварного нападения попугая на ни в чем неповинного Генри. Вопли попугая Билла, такие жалобные, полные страдания, заставили их остановиться.

— Что это? — вскричала Джилл.

— Убивают, похоже, кого-то!

— Чепуха!

— Ну, знаешь ли, не знаю. На таких улицах ребята круглые сутки кого-то убивают.

Чуть дальше они увидели двоих мужчин и поуспокоились: никто не может смотреть так равнодушно и рассеянно, как Эрб, если у него на глазах происходит убийство.

— Да это птица!

— Ну да, старый славный попугайчик! Видишь? Вон за оградой.

Жаркая волна ярости окатила Джилл. Каковы бы ни были ее недостатки, — а наша история уже показала, что девушка далека от совершенства, но имелось у нее, однако, одно превосходное качество — любовь к животным и жгучая ненависть к тем, кто обижает их. Три, по меньшей мере, ломовых извозчика ходили по Лондону с пылающими ушами после того, как она отчитала их за жестокое обращение с

безропотными лошадьми. С зоологической точки зрения, животным попугай Билл не являлся. Но для Джилл он тоже считался животным, и она помчалась по Добени-стрит ему на выручку.

Фредди в шляпе, щегольских брюках и гамашах — все как и положено лондонскому моднику, несчастно трусил следом — жалкий, удрученный, уныло понимая, что выглядит не самым достойным образом, поспешая на такой скорости. Но Джилл мчалась сломя голову, и Фредди, придерживая шляпу рукой в красивой перчатке, старался не отставать по мере сил.

Прибыв на поле битвы, Джилл остановилась и окинула Генри гневным взглядом. Мы, которые видели Генри в спокойные его моменты и знаем, какой он добрый малый, понимаем — обидели скорее его, чем он. Если в нас есть хоть капля справедливости, мы станем целиком на сторону Генри. В стычке с попугаем Биллом вся правота, безусловно, на стороне этого доброго малого. Его попытки — такие мягкосердечные — завязать с птичкой дружбу отвергли. Его здорово цапнули за руку. А вдобавок — он проиграл полпинты пива Эрбу! Если мы судьи беспристрастные, то нет у нас иного выбора, как только пожелать Генри всяческой удачи и благословить добиваться ее. Но Джилл, не видевшая начальных стадий происшествия, рассудила совсем по-другому. Для нее Генри предстал отъявленным зверюгой, тыкающим палкой в беззащитную птичку.

Девушка повернулась к подоспевшему Фредди, на ходу размышлявшему: и почему, черт дери, именно с ним из всех шести миллионов жителей столицы приключилось такое?

— Фредди! Заставь его прекратить!

— Э, послушай-ка, ну, знаешь ли, ну что это такое?

— Да разве ты не видишь — он делает бедненькой птичке больно? Пусть перестанет! Зверь! — кинула она Генри (за которого у нас просто сердце кровью обливается), когда тот снова ткнул палкой в противника.

Фредди нехотя подступил к Генри и постукал того по плечу. Фредди принадлежал к тем парням, в ком глубоко сидит убежденность, что переговоры такого рода следует начинать не иначе, как похлопав другого по плечу.

— Послушай-ка, знаешь ли, нельзя делать такого, видишь ли! — промямлил Фредди.

— *А ты кто такой?* — Повернул к нему багровое лицо Генри.

Эта атака с тыла вдобавок ко всем прочим неприятностям доконала его.

— Ну… — Фредди заколебался, — дать, что ли, ему свою визитную карточку? Нет, сейчас, пожалуй, глуповато. — В общем, моя фамилия

Рук…

— А кто, интересно, — развил свою мысль Генри, — звал тебя сюда, а? На фиг мне твоя отвратная физия!

— Ну, если вы ставите вопрос так…

— Ходят тут, путаются под ногами, — пожаловался Генри всей вселенной разом, — суются, куда не просят, болтаются тут… Да я, — перебил он сам себя внезапно в порыве красноречия, — я могу сжевать таких двоих, к чаю! Белые гетры он напялил! Хо!

Тут Эрб, до сих пор в разговор не вступавший, заметил «Ага!» и сплюнул на обочину. Именно эту речь, сказал бы наблюдатель, Эрб вполне одобрил. Ловкий выпад, решил он.

— Гетры на нем белые, — продолжил Генри, на чью впечатлительную душу эта деталь костюма произвела, очевидно, неизгладимое впечатление. — А я чихал! Физию свою он мне сует! Птичка меня за палец цапанула. Вот он, палец-то, коли не веришь! И я желаю свернуть ей ее поганую шею, и никакие придурки в белых гетрах мне не указ. Так что тащи свои гетры домой да отдай своей старухе, пускай она тебе их на обед сварит!

Излив душевные муки, опасным грузом лежавшие на сердце, Генри вновь с силой ткнул палкой сквозь прутья ограды.

К нему стремглав метнулась Джилл. Она всегда считала: если хотите, чтобы дело сделали хорошо, делайте его сами! За помощью к Фредди она обратилась лишь для проформы, с самого начала чувствуя, что Фредди — трость надломленная,[25] что и оправдалось. Фредди надеялся на магию слов, но речи его лишились всякой магии из-за того, что он щеголял в белых гетрах. Генри же, совершенно очевидно, принадлежал к некоей лиге или обществу, главная цель которого сводилась к их уничтожению. Джилл понимала, что предоставлять другу ведение боевых действий — затея бестолковая. Делать все придется ей самой. Она ухватилась за палку и вырвала ее у Генри.

— Г-гав, г-гав, г-гав! — тявкнул попугай Билл.

Любой беспристрастный слушатель расслышал бы в его тявканье премерзостный отзвук сарказма, что больно ужалило Генри. Обычно он был не из тех, кто прибегает к рукоприкладству в спорах со слабым полом, — ну, разве что стукнет по голове свою половину, если требуют обстоятельства. Но теперь он отбросил главные принципы всей жизни и тигром кинулся на Джилл.

— Отдай палку!

— Не отдам!

— Э, послушай-ка, знаешь ли… — вмешался Фредди. Генри совсем потерял голову и снова кинулся на Джилл, а Джилл, глаз у которой был меткий, стукнула его палкой, попав точнехонько в висок.

— У-у-у, — взвыл Генри и сел на землю.

И тут внезапно голос сзади произнес:

— Что тут у вас происходит? Здоровяк-полицейский возник из пустоты.

— Прекратить драку! — выкрикнул он.

Эрб, до сей поры молчаливо созерцавший стычку, разразился речью:

— Это она его приложила!

Полисмен взглянул на Джилл. У него был большой опыт службы, и время притупило в нем почтение новичка к дорогой одежде, с каким он приехал из провинции. Одета Джилл была хорошо, но в беспокойную эпоху суффражистских беспорядков полисмена лягали в голень и даже кусали леди, одетые не хуже ее.

На Белгрейв-сквер[26] сердца честны, как и на Севен-Дайлс,[27] но если кто нарушит общественное спокойствие, их надо арестовывать. Взгляд, устремившийся на Джилл, застигнутую на месте преступления с палкой в руках, был суров.

— Ваше имя, пожалуйста? Адрес, мисс?

Неподалеку остановилась девушка в большой шляпе и синем платье, недоуменно глядя на всю компанию. Увидев ее, попугай Билл издал приветственный взвизг. Ура! Вернулась Нелли, и теперь опять все будет замечательно!

— Маринер, — ответила Джилл, бледная, с горящими глазами. — Мой адрес — Овингтон-сквер, 22.

— А ваше, сэр?

— Мое? О! Ах, да! Да, ясно, ясно. Рук. Знаете ли, Ф.Л. Рук. Живу в Олбэни, то-се…

Полисмен записал все в блокнот.

— Послушайте, — закричала Джилл. — Этот человек пытался убить попугая, и я его остановила…

— Не могу ничего поделать, мисс. Вы не имели права бить человека палкой. Придется вам пройти…

— Да вы послушайте! — Фредди пришел в ужас. Под арест его сажали и прежде, но всегда только в день гребных гонок,[28] где аресты, считай, входят в программу развлечений.

— Я хочу сказать!..

— И вы тоже, сэр. Замешаны вы оба.

— Но…

— Прекрати, Фредди, — спокойно перебила Джилл. — Все это абсолютная нелепость, но шумиху поднимать незачем.

— Вот это, — сердечно одобрил полисмен, — правильно.

3

Леди Андерхилл прервала себя, чтобы сделать вдох. Говорила она давно и очень пылко. Они с Дэреком сидели у Фредди в Олбэни, и темой монолога была Джилл. Атаку Дэрек предчувствовал давно и удивлялся только, отчего она не случилась раньше. Весь ужин предыдущим вечером и даже после открытия, что Джилл сидит за соседним столиком с мужчиной, незнакомым ее сыну, леди Андерхилл хранила о будущей невестке мрачное молчание, но сегодня высказалась со всей энергией, вырвавшейся наконец из-под спуда. Она облегчила душу потоком слов, полных долго сдерживаемой враждебности, нараставшей в ней с самой первой встречи в этой самой комнате. Говорила она быстро, потому что торопилась изо всех сил. Городской Совет главного города в избирательном округе на севере Англии решил завтра утром заложить первый камень фундамента их нового муниципалитета, и на торжестве должен председательствовать, как член парламента, Дэрек. Баркеру уже поручили заказать по телефону такси и отвезти депутата на вокзал, а потому беседу могли прервать в любой момент. Вот леди Андерхилл и использовала на полную мощь малое время, бывшее в ее распоряжении.

Слушал Дэрек насупясь и что-то мямлил в ответ. Его мать была бы довольна, знай она, как глубоко затрагивают сына ее аргументы. Маленький бесенок сомнения, досаждавший Дэреку в такси по дороге домой с Овингтон-сквер, не сгинул тем же вечером. Напротив, он подрос и стал еще грознее. И теперь, с помощью союзника извне, превратился в колосса. Дэрек то и дело поглядывал на часы, кляня безвестного таксиста, чье промедление продлевало сцену. Что-то подсказывало ему, что сейчас его спасет только бегство. Он никогда не умел противостоять матери, когда та приходила в воинственное настроение. Она словно бы замораживала все его способности, он не мог ни думать, ни говорить. Другие члены семьи тоже отмечали это качество леди Андерхилл и с горечью обсуждали его в далеких загородных домах, в час, когда мужчины встречаются, чтобы опрокинуть на ночь рюмочку виски с содовой и излить душу.

Высказав все, что она хотела сказать, леди Андерхилл перевела дыхание и начала сызнова. Неоднократное повторение было одним из мощнейших ее орудий. Как частенько острил ее брат Эдвин, любивший грубоватую образность, она сумела бы заболтать и заднюю ногу осла.

— Ты, видно, Дэрек, с ума сошел! Мечтаешь о помехах на решающей стадии карьеры! Такая жена не только не поможет, она станет губительным препятствием. Не виню тебя за то, что тебе померещилось, будто ты ее любишь. Хотя все-таки человек твоей силы воли и характера должен бы… Однако, как я и сказала, я тебя не виню. На первый, поверхностный, взгляд девушку эту, несомненно, можно назвать привлекательной. Лично я не в восторге от такого типа, но, полагаю, она обладает качеством — в мое время его называли наглостью, — которое притягивает современных молодых людей. Могу себе представить, что она с легкостью очарует слабохарактерного недоумка, вроде твоего дружка Рука. Но чтобы ты… Хорошо, нет нужды углубляться в это. Я стараюсь подчеркнуть, что в твоем положении, с карьерой, которая открывается перед тобой — несомненно, через год-другой тебе предложат по-настоящему крупный и ответственный пост, — чистое безумие связывать себя с девушкой, которая позволяет себе дикие выходки. Ее дядя — мошенник…

— За дядю ее нельзя винить.

— … она ужинает с незнакомыми мужчинами в ресторане, на виду у всех…

— Это я тебе объяснил.

— Объяснить ты можешь, но простить такой поступок или сделать его пристойным, безусловно, нельзя. Не притворяйся, *ты не считаешь,* что помолвленная девушка вправе идти с мужчиной, с которым только что познакомилась, ужинать в «Савой». Хорошо, она была с ним слегка знакома много лет назад. Какая идиллия! Неужели детское знакомство извиняет все нарушения приличий? Меня воспитали в других убеждениях. Не хочу быть вульгарной, но ведь это значит, что девушка ужинает — ужинает, ты подумай! Да в наше время они в такой час давно спали! — с человеком, который подцепил ее в театре!

Дэрек беспокойно заерзал. Часть его натуры требовала подняться и оспорить вопиющую, возмутительную фразу. Но он промолчал. Бесенок, обернувшийся колоссом, был ему уже не по силам. А ведь мать совершенно права, нашептывал тот. Это неприятное, но точное описание того, что сделала Джилл. Он опять покосился на часы и в сотый раз пожелал, чтобы наконец-то такси приехало. Стоявшая у часов фотография Джилл улыбнулась ему. Он отвел глаза, у него возникло странное чувство,

что поступает он низко, предает человека, который любит его и доверяет ему.

— Что ж, больше мне нечего сказать, — поднялась леди Андерхилл, застегивая перчатки. — Оставляю тебя, обдумай все. Скажу одно — хотя встретила я ее только вчера, могу тебя заверить, что девушка она ветреная, из так называемых современных девиц, и непременно в один прекрасный день впутается в серьезный скандал. Я не хочу, чтобы она вовлекла в него и тебя. Да, Баркер, что такое? Приехало такси сэра Дэрека?

Длиннолицый Баркер тихонько вошел и почтительно остановился в дверях. На лице у него не отражалось никаких эмоций, разве что легкая грусть, которую, как резонно подсказывало ему чувство приличия, следовало носить всегда, словно маску, в присутствии вышестоящих.

— Такси, миледи, вот-вот приедет. Извините, сэр Дэрек, пришел полисмен с посланием.

— Полисмен?

— С посланием от мистера Рука.

— Ничего не понимаю!

— Я переговорил с констеблем, сэр, — печально сообщил Баркер. — Как я понял, мистера Рука и мисс Маринер арестовали.

— Арестовали? Как это?

— Мистер Рук прислал полисмена и просит вас, если не трудно, внести за них залог.

Блеск в глазах леди Андерхилл разгорелся в пламя, но силу голоса она сдержала.

— За что арестовали мисс Маринер и мистера Рука?

— Насколько я понял, миледи, мисс Маринер ударила кого-то палкой, и их с мистером Руком отвезли в участок, в Челси.

Леди Андерхилл оглянулась на Дэрека, смотревшего на огонь.

— Не совсем удобно, Дэрек, — вкрадчиво проговорила она, — сейчас отправляться в полицейский участок. Ты опоздаешь на поезд.

— Думаю, миледи, будет вполне достаточно, если сэр Дэрек отправит меня с чеком на 10 фунтов.

— Прекрасно. Попросите полисмена подождать минутку.

— Слушаюсь, миледи.

Дэрек усилием воли стряхнул апатию. Лицо у него было сумрачное. Он сел за письменный стол и вынул чековую книжку. С минуту царило молчание, нарушаемое лишь скрипом пера. Взяв чек, Баркер вышел из комнаты.

— Ну, теперь ты, наконец, признаешь, — воскликнула леди

Андерхилл, — что я права! — Тон ее был едва ли не трепетным, ибо такое происшествие именно в этот момент показалось ей прямым ответом на ее молитвы. — Теперь-то тебе нечего колебаться! Ты *должен* порвать эту отвратительную помолвку!

Дэрек молча встал, взял со стула пальто и шляпу.

— Дэрек! Ты порвешь с ней! Скажи — да!

Дэрек надел пальто.

— Дэрек!

— Ради Бога, мама, оставь меня в покое. Мне надо подумать.

— Прекрасно. Я оставляю тебя, думай. — Леди Андерхилл направилась к дверям. У выхода она приостановилась на минутку, намереваясь заговорить снова, но решительно сжала губы. Женщиной она была проницательной, и понимала, что искусство жизни — это умение уловить момент, когда пора замолчать. Излишним многословием можно, пожалуй, и разрушить достигнутое словами.

— До свидания.

— До свидания, мама.

— Я увижу тебя, когда ты вернешься?

— Да. Нет. Не знаю. Я не уверен, когда вернусь. Возможно, я уеду на какое-то время.

Дверь за леди Андерхилл закрылась. Дэрек опять присел за письменный стол, нацарапал несколько слов, порвал листок. Взгляд его устремился на каминную полку. Оттуда с фотографии счастливо улыбалась Джилл. Он снова отвернулся к письменному столу, достал новый листок, подумал несколько минут и начал писать снова.

Тихонько отворилась дверь.

— Такси ждет, сэр Дэрек! — объявил Баркер.

— Хорошо. Спасибо. Да, Баркер, зайдите на почту по пути в участок и отправьте письмо немедленно.

— Слушаю, сэр Дэрек.

Снова глаза Дэрека вернулись к каминной полке. С минуту он постоял, посмотрел на фото… и быстро вышел из комнаты.

Глава VI ДЯДЯ КРИС НЕГОДУЕТ

1

Такси остановилось у дома № 22 по Овингтон-сквер. Из машины выбрался Фредди, за ним — Джилл. Пока Фредди расплачивался с водителем, Джилл счастливо вдыхала свежий воздух. Денек разгулялся на славу. Поднявшийся утром бриз с запада быстро погнал ртутный столбик вверх, разбивая холодный панцирь, сковывавший Лондон. Денек был из тех, которые врываются в пасмурную холодную зиму ложным, но приятным намеком на то, что весна уже в пути. Под ногами мокро, по обочинам течет подтаявший снег. Опьяняюще ярко светит солнце, а небо точно такого цвета, как яйца лесной завирушки.

— Фредди, правда, до чего чудесно пахнет? После нашего тюремного заточения!

— Шик-блеск!

— И подумать только, мы вышли на волю так быстро! Теперь всякий раз, как меня будут арестовывать, стану прихватывать с собой богача. И обещаю, я больше никогда не стану дразнить тебя этой твоей купюрой в 50 фунтов.

— Какой купюрой?

— Сегодня она нам очень и очень пригодилась.

Дверь Джилл отпирала сама, а потому не заметила, как отвалилась у Фредди челюсть, как он внезапно схватился за свой нагрудный карман, а в глазах у него возникло страдальческое, напуганное выражение. Ужас и смятение охватили его. Очутившись в полицейском участке без денег, кроме какой-то мелочи, завалявшейся в карманах, он тотчас послал сообщение Дэреку, моля о помощи. Это показалось ему единственным способом избежать ночи в камере, с Джилл — в соседней. Он понимал, что идет на риск, — Дэрек мог отнестись к беде сурово, а ему не хотелось навлекать неприятности на Джилл. Но ничего другого не оставалось. Проведи они ночь в тюрьме, газеты непременно тотчас же раструбят обо всем, и дело обернется в тысячу раз паршивее. А если обратиться за помощью к Ронни, Элджи или еще какому приятелю, то Лондон на другой же день обо всем узнает.

Потому Фредди, хотя и с опаской, послал сообщение Дэреку, а теперь

слова Джилл напомнили ему, что необходимости в том не было. Года два-три назад он не то прочитал, не то услышал об одном типе, который всегда носил при себе крупную купюру, зашитую в одежду. Эта хитроумная уловка показалась Фредди достойной подражания. Никогда не знаешь, когда окажешься без наличных, а тебе срочно потребуются деньги. И вот теперь, в минуту кризиса, он — ну, напрочь — забыл, что у него в подкладке кармана зашиты деньги! Он вошел в дом следом за Джилл, стеная в душе, но радуясь, что подруга детства приняла как само собой разумеющееся, что освобождения он добился сам. Он не собирался разбивать ее иллюзии. Еще хватит времени пострадать за вину, когда она нечаянно всплывет. Кто знает, может, старину Дэрека это просто позабавит, и он посмеется над нелепым происшествием, как и подобает человеку светскому. От этой мысли Фредди воспрял духом.

Джилл переговаривалась с горничной, чья голова свесилась над перилами лестницы, ведущей на кухню.

— Майор Сэлби, мисс, еще не приехал.

— Как странно! Наверное, приедет более поздним поездом.

— А в гостиной, мисс, сидит леди. Ждет его. Как зовут, не сказала. Говорит только, что подождет, пока майор приедет. Уж давненько дожидается.

— Ладно, Джейн, спасибо. Принесите, пожалуйста, чай.

Они прошли по коридору. Гостиная находилась на первом этаже — длинная, сумрачная комната, похожая, если б не сумрак, на переделанную студию художника. Девушка сидела в дальнем углу, у камина. Когда они вошли, она встала.

— Здравствуйте, — поздоровалась Джилл. — Боюсь, мой дядя еще не приехал.

— Послушайте! — воскликнула посетительница. — Как же *быстро* вас выпустили!

Джилл удивилась. Она не помнила, чтобы встречала эту девушку прежде. Довольно хорошенькая, бойкие манеры составляют пикантный контраст с усталыми глазами и умудренным взором. Джилл сразу же прониклась к гостье симпатией. Такая несчастная, такой у нее трогательно-жалобный вид…

— Меня зовут Нелли Брайант, — назвалась девушка. — Тот попугай был мой.

— А-а, понятно!

— Я слышала, как вы назвали копу свой адрес. Вот и зашла рассказать вашим родным, что случилось. Чтобы они предприняли что-то. Горничная

сказала, что вашего дядю ждут с минуты на минуту. Я и осталась подождать его.

— Спасибо вам большое.

— О-очень любезно! — согласился Фредди.

— Ну что вы! Честно, я не знаю, как вас благодарить. Вы не представляете, что для меня значит Билл. Я б совсем сломалась, если б тот урод убил моего попугая.

— Жаль, что вам пришлось столько ждать!

— Мне у вас понравилось.

Нелли задумчиво оглядела комнату. О такой она иногда мечтала. Ей нравилось и приглушенное освещение, и пухлые подушечки на софе.

— Выпьете с нами чаю? — спросила Джилл, включая свет.

— Спасибо.

— Эй, эй! — воскликнул вдруг Фредди. — Вот это да! Вот так так! Да ведь мы встречались!

— Ой, и правда!

— Ну конечно, у «Одди». Угощал молодой Трипвуд. Да?

— Удивительно, как это вы помните.

— Конечно, помню! Давненько это было, правда? Джилл, мисс Брайант играла в комедии «Вслед за девушкой» в театре «Регал».

— Да, ты меня водил.

— Забавно, вот так встреча! Нет, как чуднб! Горничная Джейн, вошедшая с чаем, прервала их беседу.

— Так, значит, вы американка? — заинтересовалась Джилл. — Ведь труппа была из Америки?

— Да.

— Я и сама наполовину американка. Жила в Нью-Йорке совсем маленькой. Конечно, почти забыла, какой он. Помню какую-то железную дорогу над головой, от нее шел жуткий шум…

— Надземное метро, — подсказала Нелли. На минутку тоска по родине перехватила ей горло.

— И воздух! Как шампанское! А небо — синее-синее!

— Да, — едва слышным шепотом согласилась Нелли.

— Скатать бы в Нью-Йорк! Я не прочь! — заметил Фредди, не подозревая, какие страдания он причиняет. — Очень даже славных типов там встречал. Не знакомы, случайно, с таким Уильямсоном?

— Нет.

— Ас Оксом?

— Нет.

— Вот странно! Оке давным-давно живет в Нью-Йорке.

— И еще семь миллионов человек, — вмешалась Джилл. — Не дури, Фредди! Как бы тебе понравилось, если б кто пристал к тебе, не знаешь ли ты некоего Дженкинса, живущего в Лондоне?

— А вот и знаю! — торжествующе закричал Фредди. — Знаю Дженкинса, есть такой!

Джилл налила чаю гостье и взглянула на часы.

— Непонятно, куда запропастился дядя Крис! Ему давно пора быть дома. Надеюсь, он не впутался в беду с этими буйными брокерами.

Фредди, отставив чашку, громко запыхтел.

— Ой, Фредди, дорогой! — покаянно воскликнула Джилл. — Совсем забыла! Брокеры — тема болезненная. — И повернулась к Нелли. — Сегодня на фондовой бирже случился ужасный обвал, и его… как ты там сказал, Фредди?..

— Меня общипали, — мрачно подсказал Фредди.

— Да, его общипали.

— Общипали, как цыпленка!

— Как цыпленка, — улыбнулась Джилл. — Он позабыл про все, когда стал тюремной птичкой, а я вот нечаянно напомнила.

— Понимаете, — повернулся Фредди за сочувствием к Нелли, — один безмозглый осел в клубе, некий Джимми Монро, присоветовал мне попытать счастья в мерзопакостной компании «Объединенные краски». Ну, знаете, как оно бывает! Сидишь себе в распрекрасном настроении после вкусного обеда, кажешься себе очень умным, а тут кто-нибудь подкатит к тебе, похлопает по руке и посоветует какую-нибудь глупость. А ты так весел и счастлив, что с ходу купишься. «Порядок, старичок! Так и сделаю!» Вот я и влип.

— Послужит тебе уроком, Фредди! — расхохоталась бесчувственная Джилл. — Не будешь делать глупостей. Вдобавок, ты едва ли заметишь потерю. У тебя же куча денег!

— Дело тут не в деньгах, а в принципе. Терпеть не могу, когда окажешься круглым болваном.

— Ну, не болтай направо-налево. Сохраним все в тайне. С этой самой минуты и начнем хранить. Потому что я слышу, приехал дядя Крис. Итак, надеваем личину! За нами следят!. Привет, дядя Крис!

И Джилл, когда открылась дверь, побежала поцеловать высокого, с солдатской выправкой человека.

— Здравствуй, душенька!

— Как ты поздно! Я тебя жду-жду.

— Пришлось заглянуть к своему биржевому брокеру.
— Тс-с! Тс-с!
— Что такое?
— Ничего, ничего… У нас гости. Фредди ты, конечно, помнишь'.
— Как поживаешь, Фредди, мой мальчик?
— Привет! — откликнулся Фредди. — Как у вас? Все нормально?
— И мисс Брайант.
— Здравствуйте! — с обманчивой сердечностью проговорил дядя Крис. Благодаря таким сердечным, обаятельным манерам он в молодые годы выудил немало пятифунтовых купюр у мужчин и ласковых взглядов у их сестер, кузин и тетушек.
— Садись, выпей чаю, — позвала Джилл. — Ты как раз вовремя.
— Чай? Чудесно!

Нелли тихонько съежилась в большом кресле. Почему-то она почувствовала себя лучше и значительнее, после того как с ней поздоровался дядя Крис. Почти все после встречи с ним испытывали подобные чувства. Дядя Крис умел обходиться с людьми не то чтобы снисходительно, но и не на равных. Говорил-то он с ними как с равными, но человек осознавал, что великодушно с его стороны так с тобой держаться. На рядовых собратьев дядя Крис воздействовал почти так же, как добрый рыцарь средних веков на презренного слугу, ненадолго отказываясь от социальных различий и деля с ним в таверне дружеское застолье. Словом, он не разговаривал с собеседником свысока, но сам факт, что он воздерживается от подобного тона, почему-то производил неизгладимое впечатление.

Впечатлению этому очень помогала его внешность. Красивый, статный, он выглядел куда моложе своих сорока девяти лет, несмотря на зловеще поредевшие волосы, которые он так холил и лелеял. Твердый подбородок, рот, часто и обаятельно улыбающийся под коротко стриженными усами, яркие синие глаза, встречающие взгляд собеседника открытым, честным взором. Хотя в молодости он служил в Индии, У него и намека не осталось на англо-индийскую желтизну "т долгого пребывания на солнце. Лицо у него было свежее и цветущее, вид такой, будто он только что вышел из-под холодного душа, что неверно, — холодную воду дядя Крис ненавидел всей душой и утреннюю ванну принимал горячей, насколько можно вытерпеть.

Однако еще больше, чем внешность, людей очаровывал его костюм. В Лондоне был лишь один портной, на голову выше тщеславных ремесленников, шьющих пальто и брюки, и дядя Крис был его лучшим

клиентом. Точно так же Лондон наводнен молодыми субъектами, пытающимися заработать на жизнь производством обуви, но мастером, в подлинном смысле этого слова, был лишь один — тот, который шил обувь для дяди Криса. А что касается шляп, то да, несомненно, вы можете купить множество разнообразных предметов в лондонских магазинах, которые уберегут вашу голову от холода, но единственный шляпник, в глубинном смысле этого слова, — тот самый, чьими услугами пользуется майор Кристофер Сэлби. Короче, с головы до ног, с самого дальнего Юга до крайнего Севера, дядя Крис — само совершенство, украшение для любой среды. Благодаря ему даже сама столица выглядит краше. Так и видишь, как Лондон, будто мать с выводком расхристанных детишек, в готовых галстуках, мятых пальто и брюках, пузырящихся на коленках, тяжко вздыхает про себя, созерцая их; но потом, просветлев, шепчет с удовлетворением: «Ах, ладно! Зато у меня все-таки есть дядя Крис!»

— Мисс Брайант — американка, — сообщила дяде Джилл. Он широко расставил длинные ноги перед камином и с большой теплотой взглянул на Нелли.

— В самом деле? — Подняв чашку, он помешал чай. — Бывал я в Америке в молодости.

— А где? — подалась к нему Нелли.

— О, тут и там. Всюду. Я много ездил.

— Вот так и я, — заметила Нелли, воодушевясь от любимой темы и забыв о застенчивости. — Иногда мне кажется, я знаю все города в каждом штате. От Нью-Йорка до самого маленького городишки в три дома. Америка — великая старинная страна, правда?

— Конечно, — согласился дядя Крис— И очень скоро я туда поеду. — Он задумчиво помолчал. — Да, очень, очень скоро.

Нелли закусила губку. Прямо рок какой-то сегодня — она только и встречает людей, собирающихся в Америку.

— Когда это ты надумал? — Джилл недоуменно смотрела на дядю. За годы совместной жизни она научилась быстро распознавать его настроения, и сейчас не сомневалась: что-то тяготит ему душу. Вряд ли другие заметили это, потому что манеры его были сердечны и учтивы. Но нечто в нем — мелькающее в глазах выражение, случайное подергивание рта — выдавали ей, что что-то неладно. Она немножко заволновалась, но не особенно сильно. Какие у дяди Криса могут быть трагедии? Пустяк, скорее всего, какой-то, который, как только они останутся одни, она уладит в пять минут. Протянув руку, Джилл ласково потрепала его за рукав. Она любила дядю Криса больше всех в мире, кроме Дэрека.

— Идея, — ответил дядя Крис, — осенила меня сегодня утром, когда я читал за завтраком утреннюю газету. За день она развилась и окрепла, и сейчас ее вполне можно назвать одержимостью. Америка мне очень нравится. Я провел там несколько счастливых лет. В тот раз, должен признаться, отправился я в эту землю обетованную не совсем охотно. По собственной воле, может, и не очутился бы там. Но все так хотели, чтобы я поехал, что я уступил, можно сказать, требованию публики. Нетерпеливые руки друзей, родных и близких подталкивали меня, и я поддался. И ни разу о том не пожалел. Америка — непременная часть образования каждого молодого человека. Тебе, Фредди, тоже не мешало бы съездить.

— Вот это да! — откликнулся Фредди. — Я только-только перед вашим приходом говорил, что почти решил туда скатать. Но эти поездки!.. Хлопот не оберешься — упаковывать багаж, то-се…

Нелли, чей багаж состоял из одного небольшого чемодана, тихонько вздохнула. Вращаться среди богачей-бездельников тоже порой несладко.

— Америка, — разглагольствовал дядя Крис, — научила меня покеру, за что я ей бесконечно благодарен. А также одной разновидности игры в кости, которая в то трудное время оказалась большим подспорьем. Но тут я, боюсь, подрастерял сноровку. Мало выдавалось случаев попрактиковаться. Однако в молодости я был незаурядным игроком. Дайте-ка вспомнить, — раздумчиво проговорил дядя Крис, — каков уж там в точности ритуал? А-а, вспомнил! Лети-ка, семерочка!

— Лети-ка, восьмерочка! — взволнованно подхватила Нелли.

— Крошке… н-да, просто уверен, что сюда как-то вплетается слово «крошка»…

— «Моей крошке нужны сапожки!»

— «Моей крошке нужны сапожки!» Да, точно.

— А мне эта игра, — вмешался Фредди, — кажется дурацкой.

— О, нет! — укоризненно вскричала Нелли.

— Какая-то чушь, а?

— Игра эта благородная, — твердо отрезал дядя Крис— Достойная великой нации, ее породившей. Несомненно, когда я снова приеду в Америку, у меня появятся возможности восстановить былое искусство,

— Господи, какая Америка! — воскликнула Джилл. — Ты будешь посиживать в покое и безопасности дома, как и полагается доброму старенькому дядюшке. Я не хочу, чтобы ты, в твоем возрасте, носился по свету!

— Что значит, в моем возрасте? — возмутился дядя Крис— Что там с моим возрастом? В настоящий момент я себя чувствую на двадцать один.

Мечты постукивают меня по плечу, нашептывая: «На Запад, молодой человек!». Годы опадают с меня, дорогая Джилл, с такой скоростью, что еще несколько минут, и я спрошу: «Куда это запропастилась моя нянюшка»? Мной овладела жажда странствий! Смотрю я на себя, на все это благополучие, — продолжал дядя Крис, сурово оглядывая кресло, — весь этот комфорт и роскошь, которые держат меня тисками, и содрогаюсь! Я жажду активности! Я хочу кипучей жизни!

— Тебе это совсем не понравится, — невозмутимо возразила Джилл. — Ты и сам знаешь, ты у меня — ленивый-преленивый старичок!

— Вот именно! Я и стараюсь объяснить, что я ленюсь! Вернее, ленился до сегодняшнего утра.

— А сегодня утром, значит, приключилось что-то особенное? Я уж вижу!

— Я увяз в роскоши! Я, как говорится в Библии, «утучнел, потолстел и разжирел».[29]

— Не надо, дядя Крис! — запротестовала Джилл. — Я ем тост с маслом.

— Но теперь я снова стал самим собой!

— Ну, и распрекрасно!

— Услышал я ветра морского порывы, — декламировал дядя Крис, — услышал и дождь, и могучий прибой! Услышал и песню летающей рыбы. Скорей же в дорогу! За мною, за мной!

— Дядя и «Гунга Дин»[30] умеет декламировать, — повернулась Джилл к Нелли. — Вы уж простите за все это. Обычно он у меня просто золотой.

— Мне кажется, я понимаю его чувства, — ласково отозвалась Нелли.

— Разумеется, понимаете! Вы и я, мисс Брайант, мы — цыгане в этом мире! Не овощи, как молодой Рук.

— Э, что? — встрепенулся «овощ», очнувшись от своих мыслей. Он засмотрелся на лицо Нелли, загипнотизированный его мечтательностью.

— Мы счастливы, — не унимался дядя Крис, — только в пути, только в дороге!

— Видели бы вы дядю Криса по дороге в его клуб по утрам, — вмешалась Джилл. — Катит себе на такси, распевая цыганские песни, и никакая усталость его не берет.

— Что ж, оскорбление справедливое, — согласился дядя Крис— Я до глубины души содрогаюсь, видя, в какую пропасть сбросило меня богатство. — Он выпятил грудь. — В Америке я стану другим человеком.

Америка *из тебя*, Фредди, сделает другого человека.

— Я в порядке, спасибо, — отозвался неприхотливый Рук. Дядя Крис повернулся к Нелли, указывая на нее драматическим жестом.

— На Запад, мой друг! Возвращайтесь на свою энергичную, бодрую родину! Долой из этого расслабляющего Лондона! Вы…

Нелли резко поднялась. Слушать дольше было невыносимо.

— Думаю, мне пора, — сказала она. — Билл по мне скучает, когда я надолго задерживаюсь. До свидания. Спасибо вам огромное за все, что вы сделали.

— Очень мило, что вы зашли, — откликнулась Джилл.

— До свидания, майор Сэлби.

— До свидания.

— До свидания, мистер Рук.

Фредди вновь очнулся от задумчивости.

— Э? О, послушайте-ка! Секундочку! Пожалуй, и я с вами потопаю. Пора и мне домой. Одеваться к обеду, то-се… Провожу вас, ладно? А потом поймаю такси на Виктории. Пока-пока!

Проведя Нелли через холл, Фредди придержал для нее парадную дверь. Вечер был прохладный, туманный, но в воздухе все еще держался неясный, но бодрящий намек на весну. Влажный аромат шел от деревьев, с которых капала вода.

— Вечерок-то! — словоохотливо завел беседу Фредди. — Блеск!

— Да.

Площадь они миновали в молчании. Фредди постреливал одобрительным взглядом на свою спутницу. Как он откровенно признавался и сам, он не очень подходил для современных девушек. Современные девушки, по его мнению, были чересчур бойкими, какими-то бурными для человека мирных вкусов. Но эта, которая шла с ним рядом, обладала всеми признаками девушки несовременной. У нее был тихий мягкий голосок. Чудноватый, правда, акцент, но голосок — мягкий и приятный. И сама такая тихая, совсем без этой бойкости. Такие качества в девушках Фредди высоко ценил. Хотя он ни за что и не признался бы в этом, но побаивался девиц того типа, каких ему приходилось водить на обеды или танцы. Чересчур уж умны, только и подкарауливают случай тебя подколоть. Эта совсем на них непохожа. Ну, совершенно! Ласковая, мягкая, то-се…

Именно в этом месте его размышлений до Фредди дошло, что спутница его что-то совсем притихла. И то сказать, за последние пять минут не проронила ни словечка. Он уже намеревался сам нарушить

молчание, когда вдруг понял — они как раз проходили под фонарем, — что она плачет. Совсем тихонечко, будто ребенок в темноте.

— Ой, Господи! — оторопел Фредди. От двух вещей он терялся вконец — плачущих девушек и собачьих боев. При виде заплаканного личика он застыл, онемел, и в таком состоянии дошагал до ее дома на Добени-стрит.

— До свидания, — попрощалась Нелли у двери.

— До свида-а-а-ния, — автоматически протянул Фредди. — То есть, я хочу сказать, секундочку! — быстро прибавил он и нервно посмотрел на нее, крепко держась рукой за темную ограду. Когда девушки плачут на улице, это, как ни крути, паршиво, тут надо что-то предпринять.

— В чем дело? — спросил Фредди.

— Да ничего, ничего. До свидания.

— Милая моя старушка, — покрепче вцепляясь в ограду, не отступал Фредди, — что-то да есть! Уж непременно! Может, не сразу и догадаешься, взглянув на меня, но на самом деле я ужасно проницательный. И сейчас мне *яснее ясного* — что-то да есть! Почему бы вам не выложить весь сюжетец? Может, я смогу помочь?

Нелли повернулась было к дверям, но остановилась. Стыдно ей было за себя, дальше некуда.

— Я — дура!

— Нет-нет, что вы!

— Дура, дура! Со мной это редко… то есть, я редко плачу. Но сегодня, Господи! Когда я слушала, как вы все собираетесь в Америку… Будто это легче легкого, просто вам неохота суетиться, ну, меня и допекло. Подумать только! Ведь я могла быть сейчас в Америке, не будь я дурой.

— Дурой?

— Ну да! Настоящей простофилей! Вот до этой нитки искусственного жемчуга я в порядке, а выше — кочан, а не голова!

Фредди стал докапываться до смысла ее слов.

— То есть, вы хотите сказать, что откололи какую-то глупость?

— Глупее некуда! Взяла да и осталась в Лондоне, когда вся остальная труппа отправилась обратно домой. И теперь застряла в Англии!

— Театры контрактами забросали?

— Плохой вы отгадчик! — горько рассмеялась Нелли. — Нет, за меня тут не дерутся. Я вольна, словно ветер, как пишут в «Эре».

— Дорогая моя, — серьезно проговорил Фредди, — если ничто не держит вас в Англии, отчего же не рвануть в Америку? Я хочу сказать, тоска по родине — гибельная штука. Помню, гостил я у своей тетки в

Шотландии в позапрошлом году, не мог слинять оттуда недели три, так я прямо ошалел, до того хотелось увидеть старушку-столицу. Проснусь иной раз ночью, а мне так и чудится, будто я у себя в Олбэни, и когда вспомню, где я, буквально взвывал, как пес. Не отмахивайтесь! Прыгайте на первый пароход и плывите в Америку.

— Пароход? Какой же компании?

— Что-что? А-а, понятно! Пароходом какой компании плыть?.. Так… так… Сам-то я никогда не плавал, так что затрудняюсь посоветовать. Неплохо отзываются о «Кьюнар[31] де». А у некоторых, опять же, с языка не сходит «Уайт Стар». Да выбирайте любую, они все хороши. Все, по-моему, вполне солидные.

— А какая из них возит бесплатно?

— Э? О-о! — Наконец смысл ее слов осенил Фредди, и он с глубоким ужасом ее оглядел. Жизнь так милостиво обходилась с ним, что он почти забыл, что существуют люди, у которых не столько денег, сколько у него. Под его отлично сшитым жилетом вскипело совершенно бескорыстное сочувствие. То, что Нелли очень хорошенькая, никак на него не повлияло. Главное, что она — в затруднительном положении. Вот это плохо. Подумать противно, что кто-то — в затруднительном положении.

— Ах, вот оно что! Так вы на мели?

— На мели? — рассмеялась Нелли. — Будь доллары бубликами, считайте, у меня и дырки от них нет.

Фредди был тронут до глубины души. Он уже много лет не встречал человека, у которого не было бы кучи денег, — только нищих на улице, которым он подавал шиллинги. Правда, приятели его в клубах иногда сетовали, что у них нет ни гроша, но грош этот обычно означал пару тысяч фунтов на новенькую машину.

— Ой, Господи! — воскликнул он.

Наступила пауза. Затем, во внезапном порыве, Фредди бросился ощупывать нагрудный карман. Странно, как порой все оборачивается к лучшему! Всего час назад он готов был поколотить себя за то, что вовремя не вспомнил об этих фунтах, зашитых под подкладку, они бы так пригодились в полицейском участке. Но теперь Фредди понял, что Провидение все держало под контролем. Вспомни он про эти деньги, да выложи их констеблю, сейчас бы их у него не было. А именно сейчас они и нужны. На него накатила донкихотская щедрость. Проворными пальцами он сдернул купюру с якоря и, как фокусник, выставляющий на обозрение кролика, извлек ее на свет.

— Старушка! — крикнул он. — Не могу я такого выносить!

Абсолютно! Нет и нет! Я настаиваю на том, чтобы вы взяли деньги! Да, решительно настаиваю.

Широко раскрытыми глазами Нелли посмотрела на купюру, нерешительно взяла ее и оглядела под тусклым светом газового фонаря.

— Нет, не могу!

— Ну, в самом деле! Берите!

— Но тут же целых пятьдесят фунтов!

— Вот именно! Этого хватит на билет до Нью-Йорка. А? Вы спросили, какая компания возит бесплатно? Компания «Фредди Рук», чтоб мне треснуть! Пароходы отплывают каждую среду и субботу. Ну, так что?

— Я не могу взять у вас двести пятьдесят долларов!

— Ну, что вы! Конечно, можете! Наступила новая пауза.

— Вы решите… — Бледное личико вспыхнуло. — Вы подумаете, что я специально рассказала вам про себя, чтобы…

— Разжалобить меня? Нет и нет! Начисто выкиньте из головы! Перед вами, старушка, человек, который больше разбирается в выманивании денег, чем любой другой в Лондоне. То есть, я что хочу сказать — мне все уши прожужжали, дай и дай в долг. Есть шестьдесят четыре способа давить на жалость. Их все попробовали на мне. Я таких типов распознаю с закрытыми глазами. Вы и в мыслях ничего подобного не держали!

Купюра музыкально похрустывала в руке у Нелли.

— Прямо не знаю, что и делать!..

— Все нормально!

— Не понимаю, почему… Господи! Хотела бы я суметь высказать все, что о вас думаю.

— Знаете, — весело рассмеялся Фредди, — именно так, и не раз, говорили мне стервятники в школе! То есть учителя.

— Вы уверены, что деньги эти лишние?

— О, конечно! Абсолютно!

Глаза ее засияли под светом фонаря.

— Никогда не встречала таких, как вы! Не знаю, как и… Фредди беспокойно переминался с ноги на ногу. Он всегда чувствовал себя скверно, когда его благодарили.

— Ладно, поскачу, пожалуй. Надо еще домой забежать, переодеться, то-се… Ужасно рад, что встретил вас… ну, в общем, ясно.

Нелли отперла дверь и приостановилась на пороге.

— Куплю себе меховую накидку, — проговорила она.

— Шик-блеск! Непременно купите!

— И орешков для Билла.

— Для какого Билла?

— Для попугая.

— А, добрый старый Билл! Непременно купите! Ну, пока!

— До свидания… Вы такой добрый…

— Да ладно, чего там! — неловко буркнул Фредди. — В любое время, как станете проходить мимо…

— Ужасно добрый… Что ж, прощайте.

— Пока-пока!

— Может, еще встретимся когда-нибудь.

— Надеюсь! Абсолютно!

На мгновение к его щеке прикоснулось что-то мягкое и теплое, а когда он, споткнувшись, отступил, Нелли, легко взбежав по ступенькам, уже исчезла за дверью.

— Ой, Господи!

Фредди потрогал щеку. Странная смесь смущения и восторга переполняла ему душу.

Откуда-то снизу раздалось легкое хмыканье. Фредди резко обернулся. Горничная в грязной наколке, кокетливо сбитой на ухо, напряженно смотрела через прутья ограды. Глаза их встретились, Фредди чуть зарумянился. Ему показалось, что горничная вот-вот захихикает.

— Тьфу ты! — тихонько буркнул Фредди и поспешил по улице. Он думал о том, не сглупил ли, разбрасываясь деньгами. Всучил, можно сказать, незнакомому человеку. Но тут ему вспомнилось, как глаза Нелли смотрели на него под фонарем, и он решил — нет! Абсолютно! Не глупо, а правильно. Сам он такие поступки одобрял. Красота, а не поступок!

2

Когда Фредди с Нелли ушли, Джилл уселась на низкую табуреточку и задумчиво уставилась на огонь, гадая, ошиблась она или нет в своих предположениях, что дядя Крис встревожен. Эта суетливость, внезапная тяга к путешествиям совершенно ему не свойственны. Он всегда вел себя, как добрый ленивый кот, упиваясь комфортом, который только что так красноречиво обличал. Она внимательно на него посмотрела; он занял свое излюбленное место у камина.

— Милая девушка, — заметил дядя Крис. — Кто такая?

— Знакомая Фредди, — дипломатично объяснила Джилл. Не к чему тревожить дядю подробностями дневных событий.

— Очень, очень милая. — Дядя Крис вынул портсигар. — Не к чему спрашивать, слава Богу, можно ли закурить. — Он зажег сигару. — Помнишь, Джилл, много лет назад, когда ты была совсем маленькая, я пускал тебе дым в лицо?

— А как же! — улыбнулась Джилл. — Говорил, что тренируешь меня для семейной жизни. Только те браки счастливы, где жена любит запах табака. И оказалось, к лучшему, потому что Дэрек дымит, не переставая.

— Джилл, ты ведь очень любишь Дэрека? — спросил дядя Крис.

— Конечно. И тебе он тоже нравится, да?

— Превосходнейший парень. С деньгами, к тому же. Это большое преимущество. — Дядя Крис яростно пыхнул сигарой. — Преогромное. — Он смотрел в пространство поверх ее головы, — Приятно знать, что ты счастливо выходишь замуж. И у тебя есть все в мире, что ты только пожелаешь.

Взгляд дяди Криса упал на Джилл и слегка затуманился. Она разрешила для него огромную проблему. Брак всегда пугал его, но в пользу семейной жизни говорило то, что у женатых людей есть дочки. Ему всегда хотелось иметь дочку, умненькую девочку, которую он мог бы вывозить в свет, которой мог бы гордиться. И судьба подарила ему Джилл именно в нужном возрасте. Совсем маленький ребенок утомил бы дядю Криса — он любил детей, но они вечно устраивают жуткий шум и считают, что лучшего украшения для лица, чем джем, просто нету. Однако девчушка четырнадцати лет — совсем другой разговор. Они с Джилл стали очень близки друг другу с тех пор, как умерла ее мать, через год после смерти ее отца. Он наблюдал, как племянница растет, с радостью, к которой примешивалось легкое недоумение — росла она почему-то слишком быстро; с каждым годом ее богатой событиями жизни он любил ее все больше.

— Ты у меня красавец, — проговорила Джилл и погладила ближайшую к ней брючину. — Как это ты умудряешься делать такую изумительную складку? Я тобой горжусь.

Наступила минутная пауза. В честном взгляде дяди Криса обозначилась легкая тень смущения. Тихонько кашлянув, он подергал себя за усы.

— Хотел бы я, чтобы это было так. Хотел бы, но это не так. Боюсь, я недостойный человек.

— Про что это ты? — вскинула на него глаза Джилл.

— Да, недостойный, — повторил дядя Крис— Твоя мать совершила огромную глупость, доверив тебя мне. У твоего отца здравого смысла было

побольше. Он всегда твердил, не тот я человек.

Джилл быстро встала. Теперь она уверилась, что дядю что-то тяготит.

— В чем дело, дядюшка Крис? Что-то случилось? Да? Отвернувшись, дядя Крис стряхнул пепел с сигары. Этот жест дал ему время собрать силы. Он был из тех редких, беспечных натур, которые отмахиваются от невзгод судьбы, пока последствия их не выльются в ощутимые бедствия. Иными словами, он жил минутой. Хотя за завтраком дела были так же плохи, как сейчас, только сейчас, когда перед ним встала необходимость выложить все, его жизнерадостность поугасла. Он не выносил испытаний. А ему предстояло именно испытание. До этой минуты он легко отмахивался от ситуации, хотя на ком-нибудь другом она повисла бы тяжким грузом. Он же в любую минуту мог отключить ум, как телефон, если бы беда вознамерилась заговорить в полный голос. Но грянул миг, когда волей-неволей, а придется этот голос послушать. Дольше уже не отвертишься.

— Джилл…

— Да?

Дядя Крис снова примолк, соображая, как бы половчее выложить свою новость.

— Джилл, не знаю, разбираешься ли ты в таких вещах, но сегодня на фондовой бирже произошел обвал. Другими словами…

— Разумеется, я все знаю! — рассмеялась Джилл. — Бедняга Фредди про это только и твердил, пока я не заставила его сменить тему. Он был в такой тоске, когда пришел к нам. Заладил: «Общипали, общипали»! В «Объединенных красках». Он потерял около двухсот фунтов. И злился, как бешеный, на своего друга, присоветовавшего ему купить какие-то…

— Боюсь, — дядя Крис откашлялся, — у меня для тебя дурные вести. Я тоже купил акции «Объединенных красок». — Он потеребил усы. — И потерпел большие убытки. Очень большие…

— Ай-я-я-я-яй! Ты же знаешь, тебе нельзя играть в азартные игры.

— Джилл, будь сильна. Я… я… хм, дело в том… а, ладно! Что толку топтаться вокруг да около! Словом, я потерял все! Все!

— Все?

— Да, все! Ужас! Кошмар! Этот дом придется продать.

— Но… но ведь он мой?

— Милая, я твой опекун. — Дядя Крис яростно пыхтел сигарой. — Слава Богу, что ты выходишь замуж за богатого!

Джилл стояла, глядя на него в недоумении. Деньги, как таковые, никогда не участвовали в ее жизни. Были вещи, которые хотелось иметь и за которые следовало платить деньгами, но это была забота дяди Криса, а

она все воспринимала как должное.

— Я не понимаю…

Но тут же поняла, что понимает, и огромная волна жалости затопила ее. Дядя такой хороший! Как ему трудно стоять вот так и рассказывать! Она не ощущала, что ущерб нанесен ей, а только смущалась, что приходится видеть унижение старого друга. Все приятное в ее жизни было неразрывно связано с дядей. Она помнила, как он, точно такой же, как сейчас, только волосы чуть погуще, неустанно играл с ней на жарком солнце. Она помнила, как он сидел с ней допоздна, когда она вернулась домой с первых своих взрослых танцев. Они пили какао и обсуждали, обсуждали, обсуждали все, пока не запели птицы и не взошло солнце, не наступило время завтрака. Помнила, как ходила с ним в театры, а после — на веселые ужины. Поездки за город, ланчи в диковинных старых гостиницах, дни на реке, дни на бегах, на крикете, на выставках. Он всегда был один и тот же — веселый и добрый. Он был дядюшка Крис, и навсегда останется для нее милым дядюшкой, что бы он ни сделал. Джилл сунула свою ладошку в его руку и пожала ее.

— Бедный ты мой! — вздохнула она.

Дядя Крис смотрел красивыми синими глазами прямо перед собой. Поза его намекала на стойкость. Посторонний, заглянувший в комнату, решил бы, что девушка старается улестить прямолинейного, воинственного папу на поступок, которому противится его честная натура. Сейчас дядя Крис мог бы позировать для статуи «Нравственность». Когда Джилл заговорила, он как будто сломался.

— Я — бедный?

— Разумеется! И перестань напускать на себя величественный и трагический вид. Тебе он не подходит. Для этого ты слишком элегантен.

— Но, моя дорогая! Ты ничего не поняла!.. — Нет, я все понимаю.

— Я растратил все твои деньги. *Твои!*

— Понятно. Ну какое это имеет значение?

— Как, какое! Джилл, разве ты на меня не сердишься?

— Да как же можно сердиться на старенького добряка? Отшвырнув сигару, дядя Крис обнял Джилл. На минутку она испугалась, что сейчас дядя расплачется. Она молилась, хоть бы он не заплакал. Ну, это совсем уж кошмар! У нее появилось чувство, будто дядя — совсем маленький и не может о себе позаботиться. Ей надо утешать и защищать его.

— Джилл, — проговорил дядя Крис, давясь слезами, — ты… ты — стойкий маленький солдатик!

Джилл поцеловала его и отошла, занявшись цветами, повернулась к

нему спиной. Напряжение было снято, и она хотела дать ему время опомниться. Она знала дядю достаточно хорошо и не сомневалась, что очень скоро жизнеспособность возьмет верх. Он не умеет долго пребывать на дне пропасти.

Тишина дала ей возможность обдумать все четче, чем в первом порыве жалости. Теперь она поняла, чем это обернется для нее. Нелегко принять голый факт — она без гроша, и все эти удобства, вся красота больше не принадлежат ей. На минутку ее обуяла паника, даже дыхание перехватило, точно ледяной водой плеснули в лицо. Она ощутила почти физическую боль, словно оживали занемевшие ноги. Когда она поправляла цветы, руки у нее дрожали и, чтобы не расплакаться, ей пришлось прикусить губу.

С паникой она сражалась в одиночку и победила. Дядя Крис, быстро приходивший в себя у камина, и не заподозрил, какая борьба шла рядом. Он опять обрел веселость и жизнерадостность. Теперь, когда с неприятной обязанностью было покончено, он снова смотрел на мир веселым взглядом авантюриста. Для него лично, убеждал он себя, лучшего и не придумать. От такой жизни он обленился и постарел. Ему требовался толчок. Его смекалка, за счет которой он некогда так весело жил, притупилась в стоячем болоте благополучия. Что ж, ему выпал шанс снова потягаться с миром. Огорчался он только из-за Джилл, но оптимизм его, никогда не сдававшийся надолго, твердил: с ней все будет в порядке! С тонущего корабля она шагнет в безопасное укрытие, под крылышко Дэре-ка Андерхилла, богатого, с высоким положением в обществе. А сам он отправится на поиски новой жизни. Синие глаза дяди Криса заблестели новым огнем — он воображал, каким станет. Он чувствовал себя охотником, выступающим в охотничью экспедицию. Для человека с мозгами всегда найдутся приключения и трофеи, он сумеет отыскать и захватить их. Да, очень удачно, что у Джилл есть Дэрек…

Джилл тоже думала о Дэреке. Паника улетучилась, и непонятная ликующая возбужденность охватила ее. Если Дэрек сейчас захочет взять ее в жены, то, значит, его любовь — самое сильное, что есть в мире. Она придет к нему, словно нищенка-девица к королю Кофетуа.[32]

Покашляв, дядя Крис нарушил молчание. От этого кашля Джилл опять улыбнулась, сразу догадавшись, что дядя снова стал самим собой.

— А теперь скажи, дядя Крис, — попросила она, — что на самом деле случилось? Когда ты говорил, что кануло все, ты вправду имел в виду *все*, или просто играл мелодраму? В каком мы сейчас положении?

— Ну, как тут скажешь, душенька! Думаю, сотня-другая у нас

осталась. Достаточно, чтобы продержаться, пока ты не выйдешь замуж. А потом — это уже неважно. — Дядя Крис щелчком сбил пылинку с рукава. Невольно Джилл подумалось, что жест этот — символ его отношения к жизни. Столь же беспечно и легко сощелкивает он и жизненные проблемы. — Обо мне, дорогая, беспокоиться не надо. Со мной все будет хорошо. Я и прежде прокладывал себе дорогу в жизни. Отправлюсь в Америку, попытаю удачи. Ты не представляешь себе, сколько вариантов там возникает! Ей-богу, что касается меня, лучшего просто и быть не могло. Обленился до невозможности. Самому противно. Поживи я такой жизнью еще годика два и, черт подери, я просто впал бы в старческий маразм. Решительно, у меня случилось бы ожирение мозга! Да-да.

Джилл, свалившись на тахту, хохотала до слез. Пусть дядя Крис и виноват в этом несчастье, но, безусловно, он помогает его вынести. Какого бы ни заслуживал он порицания с точки зрения строгой морали, вину свою загладить он умеет. Да, он разрушил ее жизнь, зато помогает улыбаться на ее руинах.

— Дядя Крис, ты читал «Кандида»?

— «Кандида»? Нет. — Дядя Крис помотал головой. Он читал запоем разве только спортивную прессу.

— Это роман Вольтера. Там есть такой доктор Панглосс, и он считает — все к лучшему в этом лучшем из миров.

Дядю Криса кольнула неловкость. Ему пришло в голову, что, пожалуй, чересчур живой темперамент подвел его, и он невольно занял слишком восторженную позицию. Подергав себя за ус, он снова настроился на минорный лад.

— Ты только не подумай, будто я не понимаю, что натворил. Я очень виню себя, — прочувствованно проговорил он, сощелкивая еще одну пылинку. — Очень и очень. Твоей матери ни в коем случае не следовало назначать меня опекуном. Она всегда верила в меня, и вот как я отплатил ей. — Он высморкался, маскируя чувства, не подобающие мужчине. — Не гожусь я для такой роли. Нет! Смотри, Джилл, никогда не соглашайся на опекунство! Просто чертовщина какая-то творится, когда хранишь чужие деньги. Сколько ни тверди себе, что чужие, а все равно так и чудится, будто твои собственные. Все равно кажется — можешь делать с ними, что угодно. Лежат себе и кричат: «Потрать нас! Потрать!» Ну, ты и черпаешь понемножечку, пока вдруг — бац! — а черпать-то больше и нечего! Осталось лишь далекое шуршание, лишь призраки утраченных купюр. Вот так все было и со мной. Как-то само катилось. Я едва осознавал, чтб происходит. Сегодня — чуточку, завтра — капельку… Словно снег,

тающий на вершине горы. И однажды утром — все исчезло! — Дядя Крис подчеркнул слова жестом. — Я сделал, что смог. Когда обнаружил, что осталось всего несколько сотен, то рискнул ради тебя. Сплошные чувства и ни капли разума! Вот тебе весь Кристофер Сэлби! Один тип в клубе, болван какой-то — забыл уж, как его зовут, — шепнул мне: «Объединенные краски». А-а, Монро, вот как его зовут! Джимми Монро. Болтал о великом будущем британских красок, когда Германия сошла с дорожки… ну, короче говоря, послушался я его совета. Купил, черт возьми! А сегодня утром эти краски полыхнули синим пламенем. Вот тебе и вся история!

— А теперь, — заметила Джилл, — наступила расплата.

— Какая там расплата! — легко отмахнулся дядя Крис— Счастье на пороге, дорогая! Счастье! Свадебные колокола, и… тому подобное! — Он храбро расставил ноги на каминном коврике и выпятил грудь. На этой стадии он не допустит ни малейшего пессимизма. Праздник начинается. — Ты же не предполагаешь, что если ты потеряла деньги… э, ну, то есть, *я потерял твои деньги*, это повлияет на превосходнейшего молодого человека? Нет, он не из таких! Он всегда мне нравился. Кому-кому, а ему можно доверять! Кроме того, — раздумчиво добавил он, — зачем сообщать ему немедленно? Скажешь после свадьбы. Так, с месяц легко будет сохранить видимость.

— Конечно, мы должны ему сказать!

— Думаешь, это разумно?

— Понятия не имею. Иначе нельзя. Наверное, сегодня я увижусь с ним. Ой, нет! Забыла. Он уехал дня на два.

— Вот и прекрасно! У тебя есть время обдумать все.

— Тут и обдумывать нечего.

— М-да. Да, правильно.

— Напишу ему письмо.

— Напишешь, э?

— Гораздо легче все написать.

— Письма… — начал было дядя Крис, но его остановила открывшаяся дверь. С письмом на подносе вошла горничная.

— Для меня? — обернулся дядя Крис.

— Нет, сэр. Для мисс Джилл. Джилл взяла с подноса письмо.

— От Дэрека.

— Посыльный ждет, мисс. Ему не сказали, будет ли ответ.

— Если записка от Дэрека, — вмешался дядя Крис, — то вряд ли требуется ответ. Ты же сказала, он куда-то уехал.

Джилл распечатала конверт.

— Будет ответ, мисс? — выдержав подобающую паузу, спросила горничная самым нежным голоском. Она была большой поклонницей Дэрека и сочла очень красивым посылать записку, когда его все равно нет в Лондоне.

— Джилл, так что, будет ответ? Джилл будто очнулась. Она побледнела.

— Нет, ответа не будет.

— Спасибо, мисс— Джейн отправилась доложить кухарке, какая эта Джилл бесчувственная. «Так читала, ну, будто счет получила, а не любовное письмецо! — негодовала Джейн. — *Лично мне* нравятся люди чувствительные».

Джилл опустилась на стул, вертя листок в пальцах. Лицо у нее стало совсем белым. Ее придавила тяжесть, огромная, свинцовая, неподъемная. Ледяная рука стиснула горло. Дядя Крис, поначалу не заметивший ничего, теперь нашел ее молчание зловещим.

— Дорогая, надеюсь, ничего плохого? Джилл все крутила листок.

— Джилл, неужели дурные вести?

— Дэрек порвал помолвку, — тускло проговорила Джилл. Листок упал на пол, она сидела неподвижно, опершись подбородком на ладони.

— Что! — Дядя Крис соскочил с коврика, будто его внезапно лизнуло пламя. — Что ты сказана?

— Он порвал нашу помолвку.

— Негодяй! — заорал дядя Крис — Мерзавец! Да просто… просто… Он никогда мне не нравился! Я никогда ему не доверял! — Он кипел от злости. — Это… это невозможно! Как мог он узнать? Никак не мог. Это… ну, невозможно!

— Он и не знает. Наше банкротство тут ни при чем.

— Как же тогда? — Дядя Крис наклонился к листку. — Можно?..

— Да. Если хочешь, можешь прочитать.

Дядя Крис вынул очки и стал читать, глядя на листок бумаги, словно на мерзкое насекомое.

— Негодяй! Хам! — разорался он, комкая письмо. — Да чтоб мне… Джилл! Моя милая маленькая Джилл!

Он бухнулся на колени рядом с ней, а она, зарывшись лицом в ладони, разрыдалась.

— Моя девочка! Хам, подлец! Моя милая девочка! Я изобью его до полусмерти!

Отстукивали минуты большие часы на каминной полке. Джилл встала.

Личико у нее было заплаканное, дрожащее, но рот уже сложился в твердую линию.

— Джилл, дорогая!

Она позволила ему сжать свою руку.

— Все случилось как-то вдруг, дядя Крис. В один день. — Она криво улыбнулась. — У тебя презабавный вид! Взлохмаченный весь, очки набок съехали!

Дядя Крис тяжело дышал носом.

— Когда я встречу этого человека… — зловеще начал он.

— О, что толку! — сказала она. — Не стоит того! Ничто того не стоит! — Джилл повернулась к дяде, стиснув руки. — Давай уедем! Сейчас же! Дядя Крис, я хочу поскорее уехать! Увези меня куда угодно! Возьми меня с собой в Америку!

Вскинув правую руку, дядя Крис потряс ею. Резво заплясали очки, свисавшие с левого уха.

— Мы отплывем первым же пароходом! Первым же! Я позабочусь о тебе, дорогая. Я поступил, как подлец. Ограбил тебя! Смошенничал! Но я возмещу все! Я дам тебе новый дом, не хуже этого! Умру, но дам! Я пойду на что угодно! На что угодно! — Дядя Крис уже неистово вопил. — Я… я работать пойду! Да, клянусь Богом, если дойдет до крайности, так и пойду!

И он с треском ухнул кулаком по столу, где стояли цветы Дэрека. Ваза, подпрыгнув в воздухе, опрокинулась, и цветы разлетелись по всему полу.

Глава VII ДЖИЛЛ УЕЗЖАЕТ ПОЕЗДОМ 10.10

1

В жизни каждого из нас, когда мы оглядываемся назад и обозреваем ее в ретроспективе, отыщутся какие-то потери, от которых память в страхе съеживается, будто уставший путник перед сумрачным отрезком дороги. Даже из безопасности более позднего счастья мы не можем без содрогания всматриваться в них.

Одной из самых компетентных столичных фирм потребовалось четыре дня, чтобы навести хоть приблизительный порядок в сумбуре, вызванном финансовыми операциями майора Сэлби. Все эти дни Джилл пребывала в состоянии, которое можно назвать «жизнью» только потому, что она дышала, ела и внешне была похожа на человека, а не на привидение.

Табличка, возвещающая, что дом продается, появилась на ограде, через которую Джейн вела ежедневные переговоры с торговцами. В комнатах толклись посторонние, разглядывая и оценивая мебель. Дядя Крис, которого беда подхлестывала, успевал всюду, буквально воплощая бурлящую энергию. Тут можно и ошибиться, но глазу случайного постороннего он в те дни испытаний казался человеком на подъеме.

Монотонность сидения у себя в комнате — единственном месте, где Джилл не рисковала наткнуться на мебельного торговца с блокнотом и карандашом, — она разнообразила долгими прогулками, старательно избегая того маленького квартала, который прежде и составлял для нее весь Лондон. Но все равно ей не всегда удавалось уклониться от встреч с прежними знакомыми. Однажды, срезая путь по Леннокс Гарден к большой пустынной Кингс-роуд, простиравшейся в кварталах, неведомых тем, для кого весь Лондон ограничивался Уэст Эндом, она нечаянно наткнулась на Фредди. 1от куда-то шел в своих красивейших брюках и белых гетрах, больно уязвивших чувства его друга Генри. Встреча была не из самых приятных. Остро чувствующий неловкость ситуации, Фредди пунцово алел и нес какую-то околесицу. Да и Джилл, которой меньше всего хотелось беседовать с человеком, тесно связанным в ее сознании со всем, что она потеряла, была не речистей. Расстались они без сожаления. Одно хорошо — Джилл узнала, что Дэрека в Лондоне еще нет. Он

телеграфировал, чтобы ему переслали его вещи, и уехал дальше на север. Фредди об их разрыве узнал от леди Андерхилл, в разговоре, оставившем неизгладимый след в его памяти. О денежных трудностях Джилл он и понятия не имел.

После этой встречи тяжесть, лежавшая на душе у Джилл, стала чуть легче. Случайной встречи с Дэреком ей было бы не вынести, и теперь, когда она узнала, что такая опасность ей не грозит, жизнь стала капельку приятней. Тянулись кое-как дни и, наконец, наступило утро, когда в сопровождении дяди Криса, многословно и обстоятельно разглагольствующего об «улаживании дел», она отправилась в такси на вокзал к поезду на Саутгэмптон. Ее последним впечатлением от Лондона были длинные ряды унылых домов, кошки, бродившие по задним дворам среди чащоб сохнущего белья, и дымная серость, сменившаяся, когда поезд набрал скорость, ясной серостью пригородов и красивыми буро-зелеными красками деревень.

Потом — суета и суматоха на лайнере; спокойное однообразие плавания, когда, выходя на палубу по утрам, ты обнаруживаешь, что судно демонстративно торчит на том же самом месте, где находилось накануне, и невозможно понять, сколько же сотен миль оно миновало. Но вот, наконец, и плавучий маяк нью-йоркской гавани, и сам Нью-Йорк, вздымающийся в небо, точно город из сказки. Манящий и зловещий одновременно, приветливый, но и угрожающий.

— Ну вот, милая, — снисходительно проговорил дядя Крис, будто бы даря ей игрушку, которую смастерил для нее самолично. — Вот он, Нью-Йорк!

Они стояли на палубе, опершись на поручни. У Джилл перехватило дыхание. В первый раз с той минуты, как грянула беда, ей стало повеселее. Невозможно смотреть на огромные здания, окружавшие нью-йоркскую гавань, без восторженного предвкушения. В памяти Джилл осталась с детства смутная картинка того, что она видела сейчас, но неверная, неотчетливая. Зрелище этого высоченного города как-то стерло все случившееся. Она ощутила, что жизнь начинается заново.

Дядя Крис, старый путешественник, реагировал не так бурно. Безмятежно покуривая, он говорил на земные темы — про грейпфруты и гречишные оладьи.

Только сейчас он впервые затронул будущие перспективы с практической точки зрения. В плавании он много разглагольствовал, но в детали не вдавался. Когда же появилась земля обетованная — совсем близко, бисквитом добросишь, и вдоль кромки огромного лайнера

засновали буксирные суденышки, будто щенки вокруг матери-собаки, он снизошел до подробностей:

— Себе я сниму где-нибудь комнату и начну оглядываться. Интересно, на месте ли еще старый «Холланд Хаус». Слышал краем уха, вроде бы его уже снесли. Роскошное было местечко. Ел я там стейки в… забыл уж в каком году. Да, наверное, его все-таки снесли. Ничего, найду еще, куда пойти. Сразу же тебе напишу и сообщу свой адрес, как только он у меня появится.

Джилл резко отвернулась от линии горизонта.

— Что значит — напишешь?

— А я тебе разве не говорил? — весело воскликнул дядя Крис, избегая, однако, изо всех сил ее взгляда, поскольку понимал, что сообщать такую новость все-таки не совсем ловко. — Я договорился, ты погостишь пока что в Брукпорте — это на Лонг-Айленде, ну, где-то там, у твоего дяди Элмера. Ты, наверное, и забыла совсем, что у тебя есть еще один дядя, Элмер, — быстро тараторил он, не давая ей словечка вставить. — Брат твоего отца. Раньше он был дельцом, но несколько лет назад ушел на покой и занялся фермерством. Кукуруза и… — запнулся дядя Крис, — словом, кукуруза. Ну, всякое такое. Тебе он понравится. Расчудеснейший человек. Сам с ним незнаком, но все так говорили, в один голос, — добавил дядя Крис, который ни словечка не слыхал про Элмера Маринера. — Как только мы решили плыть сюда, я дал ему телеграмму и получил ответ, он с радостью примет тебя в гости. Тебе будет с ним распрекрасно!

В смятении и недоумении слушала Джилл эту программу. Ее манил Нью-Йорк и ничуть не соблазнял Брукпорт. Она перевела взгляд вниз, на буксиры, пыхтящие между разбитыми глыбами льда, которые напомнили ей вату кокосовых конфет, привычного лакомства ее детства.

— Я хочу быть с тобой!

— Невозможно, моя дорогая. Пока что — невозможно. Я буду очень занят. Как говорится, по горло. Две-три недельки, пока не встану на ноги. Ты будешь только мешать… Тот… э, путешествует быстро, кто путешествует один. Я должен буду в минуту срываться с места и делать, что потребуется. Но помни, дорогая, — Дядя Крис ласково похлопал ее по плечу, — работать я буду для тебя. Я дурно обошелся с тобой, но намерен загладить вину. Я не забуду, что любые деньги на самом деле принадлежат тебе. — И он милостиво взглянул на нее, как король финансов, который зарезервировал парочку миллионов в пользу достойной благотворительности. — Джилл, ты все получишь обратно.

Говорил он тоном человека, осыпавшего ее благодеяниями, и Джилл почувствовала, что обязана поблагодарить его. Дядя Крис всегда умудрялся выжать из людей благодарность за то призрачное золото, каким он их осыпал. Он щедро сорил деньгами, которые намеревался получить на следующей же неделе.

— Что ты собираешься предпринять, дядя Крис? — полюбопытствовала Джилл. Кроме весьма неопределенной картинки — дядя прогуливается по городу, подбирая с тротуаров долларовые бумажки, — представления о его планах у нее не было ни малейшего.

Дядя Крис подкрутил усики. Так вот, с ходу дать четкий ответ он был не готов. У него имелась только вера в собственную звезду. Что-то да подвернется! В былые дни всегда что-то подворачивалось, а при таком бурном развитии цивилизации возможностей, уж конечно, стало куда больше. Где-то среди этих высотных зданий его поджидает Богиня Удачи с руками, полными даров. Но где именно и какие эти дары, сказать сейчас определенно он не мог.

— Я буду… э… как бы это выразиться?

— Оглядываться? — подсказала Джилл.

— Вот именно! — благодарно подхватил дядя Крис— Оглядываться! Надеюсь, ты заметила, что я из кожи вон лез во время нашего плавания, стараясь очаровать попутчиков? С особой целью. Знакомства, завязавшиеся на пароходе, частенько распускаются пышным цветом на берегу. Когда я был молод, то никогда не пренебрегал возможностями, какие предоставляет плавание по океану. Предложишь книгу одному, подсуетишься с пледом для другого, кинешь поощрительное словечко болтливому зануде в курительной — казалось бы, мелочи, но они могут много принести. На лайнере встречаются весьма влиятельные люди. Ты по виду и не догадаешься, но вон тот человечек в очках, с тонким носом, с которым я только что болтал, один из богатейших людей в Милуоки!

— Да какой же толк иметь богатых друзей в Милуоки, когда сам ты в Нью-Йорке?

— Вот именно! Ты угодила в самую точку. Это я и пытался растолковать. Возможно, мне срочно потребуется уехать. Для этого я должен жить один. Должен, как говорится, обладать маневренностью. Я бы рад, чтобы и ты жила со мной, но ты же видишь — пока что ты будешь только обузой. Потом, разумеется, когда мои дела уладятся…

— О, я понимаю. Я не спорю. Но, Боже мой! В Брукпорте будет так скучно.

— Ерунда! Ерунда! Очень милое местечко.

— Ты там бывал?

— Я — нет, но кто ж не знает Брукпорта! Здоровый, бодрящий… Ну, чудо, а не городок! Ты будешь там радоваться целый день!

— Каким же длинным покажется мне этот день!

— Прекрати, прекрати! Ты не должна видеть только черную сторону.

— А что, есть другая? — засмеялась Джилл. — Ах ты, старый плут! Ты, дядя Крис, прекрасно знаешь, на что обрекаешь меня. Наверняка Брукпорт — это что-то вроде нашей провинции зимой. Ну ладно, буду храброй. Но поскорее делай деньги, потому что я хочу жить в Нью-Йорке!

— Моя дорогая! — торжественно произнес дядя Крис— Если в этом городе хоть один-единственный доллар болтается без присмотра, будь спокойна, я его приголублю! А если беспризорных нет, отниму у другого на всей скорости. В дни моего упадка ты знала меня только бездельником, ни на что не годным завсегдатаем клубов. Могу заверить — у меня есть Деловая хватка. Да, есть, даруемая лишь немногим…

— О, если ты ударился в поэзию, — перебила Джилл, — я тебя оставляю. Мне пора спускаться вниз и упаковывать вещи.

2

Хотя представление Джилл о Брукпорте, как об английском захолустье в зимнюю пору, оказалось не совсем верным, но и картинка дяди Криса оказалась искаженной. В хороший сезон у городка, как и у большинства летних курортов на южном берегу Лонг-Айленда, были свои привлекательные стороны, но в январе мало кто согласился бы тут жить. При первом знакомстве перед Джилл предстала продуваемая всеми ветрами железнодорожная станция, запрятанная далеко от мест обитания, посреди неровной сельской местности, немножко напомнившей ей Сёррей. [33]

Станция эта, собственно, была сараем на фундаменте из досок, положенных вплотную к рельсам. Когда к нему, погромыхивая, подошел поезд, появился высокий человек в истертом пальто, с чисто выбритым морщинистым лицом. Он неуверенно оглядел Джилл маленькими глазками. Что-то в его облике напомнило ей отца; так напоминает оригинал грубая карикатура на государственного деятеля. Она сказала:

— Если вы дядя Элмер, то я — Джилл.

Человек протянул длинную руку, но не улыбнулся. Насквозь унылый и пасмурный, точь-в-точь восточный ветер, продувавший платформу.

— Рад видеть тебя снова, — уныло пробубнил он.

Вот это да! Джилл и не знала, что они встречались. Интересно, где? Дядя восполнил информацию.

— Прошлый раз я видел тебя, когда ты была совсем маленькой девчонкой в коротком платьице. Все носилась и кричала так, что перепонки лопались. — Он оглядел платформу. — Никогда не встречал такого горластого ребенка!

— Теперь я совсем тихая, — успокоила Джилл. Воспоминания о ее детском буйстве явно тревожили родственника. Оказалось, однако, что мучает его не только это.

— Если желаешь ехать на машине, — буркнул он, — то нужно позвонить в Дарэм-хаус, чтоб прислали. — Он призадумался. Джилл молча стояла рядом, никак не желая вторгаться в те тайные печали, с которыми он сражался. — Люди в этих местах — сущие грабители! Доллар! А тут и езды-то мили полторы. Любишь ходить пешком?

Джилл была сообразительна и намеки ловила с ходу.

— Обожаю. — Она могла бы, конечно, добавить: «Только не в такой день, когда дует пронзительный восточный ветер», — но прикусила язык, видя явную радость дяди, сумевшего обмануть алчных акул из Дарэм-хауса. Ее независимая душа еще не вполне приспособилась к житью на щедроты ближних, пусть даже и родственников, и ей хотелось облегчить, насколько возможно, легшее на них бремя. — А как же мой сундук?

— Посыльный принесет. За пятьдесят центов! — с тоской поведал дядя Элмэр. Высокая стоимость развлечений явно вгоняла его в пучину отчаяния.

— А, вон что! — Джилл не понимала, как можно избежать этого расхода. Ей очень хотелось быть приятной, но она никак не могла тащить сундук до места назначения. — Так мы идем?

Дядя Элмер первым зашагал по покрытой льдом дороге. Неистовым псом рванулся им навстречу ветер. Несколько минут они шли молча.

— Твоя тетя будет рада тебе, — наконец проговорил дядя тем тоном, каким объявляют о смерти близкого друга.

— Спасибо, что позволили мне погостить у вас, — отозвалась Джилл. Люди в такие минуты склонны к мелодраме, и она непроизвольно начала смотреть на себя как на героиню романа, изгнанную из старого дома в большой мир. Готовность, с какой эти добрые люди — совершенно, как ни крути, незнакомые, — предложили ей кров, тронула ее. — Надеюсь, я не буду вам мешать.

— Мне только что звонил майор Сэлби, — сообщил этот дядя, — и

сказал, что ты, возможно, надумаешь обосноваться в Брукпорте. Есть тут у меня пара неплохих домишек. Может, пожелаешь взглянуть на них? Арендуешь какой или купишь. Купить — дешевле. Брукпорт — развивающийся город. Он становится популярным курортом. Дальше по дороге стоит бунгало, я покажу его тебе завтра. Стоит на большом хорошем участке, а стоит всего двенадцать тысяч. Выгоднейшая сделка.

Джилл изумилась так, что даже ничего не ответила. Дядя Крис явно ни словечка не обронил о переменах в ее положении, и этот человек считает ее богатой. Она подумала, как же это типично для дяди Криса. Поистине мальчишеское озорство. Она живо представила, как он стоит у телефона, вкрадчивый, вальяжный. Наверняка, трубку повесил с самодовольной ухмылкой, крайне довольный тем, что оказал ей превосходнейшую услугу.

— Лично я, как только сюда переехал, все свои деньги вложил в недвижимость, — гнул свое дядя Элмер. — Я верю в этот городок. Растет, как на дрожжах.

Они подошли к окраине беспорядочно раскинувшейся деревушки. Приветливо манил теплом свет в окнах; темнота во время их прогулки быстро сгустилась, а ветер бил еще пронзительнее. В воздухе появился привкус соли, и Джилл уловила глухой рокот волн на отдаленном берегу. Это Атлантический океан бился о песчаный берег. Сам Брукпорт прятался в лагуне под названием Великий Южный Залив.

Они прошли деревней, держа вправо, и очутились на дороге, обрамленной большими садами, в которых стояли массивные особняки. Зрелище это вдохновило дядю Элмера на разговорчивость, почти красноречие. Он сыпал цифрами, суммами, заплаченными за каждый дом, запрашиваемыми ценами, и ценами предлагаемыми, и ценами, какие заплатили пять лет назад. Постепенно дома становились мельче, все дальше отстояли друг от друга, и, наконец, когда окрестности стали опять пустынными и заброшенными, они свернули на узкую подъездную дорогу и подошли к высокому мрачному дому, одиноко высившемуся в поле.

— Вот и Сандрингэм,[34] — объявил Маринер.

— Что! — воскликнула Джилл. — Как вы его назвали?

— Сандрингэм. Мы тут живем. Название я слыхал от твоего отца. Помню, он рассказывал, имеется такое местечко в Англии.

— И правда есть. — Джилл едва сдерживала смех. — Там король живет.

— Вон как? Н-да, спорю, у него нет таких забот с прислугой, как у нас здесь. Мне приходится платить горничной пятьдесят долларов в месяц да еще двадцатку парню, который присматривает за печью и рубит дрова. Все

тут обдиралы. А чуть слово скажешь — берут да увольняются!

3

В Сандрингэме Джилл выдержала десять дней, а оглядываясь потом на этот период своей жизни, удивлялась, как ее и на десять хватило. Одиночество, охватившее ее на станции, росло, а не уменьшалось; она не могла привыкнуть к окружающей обстановке. Восточный ветер стих, и солнце порой пробивалось, даря тепло, но пасмурность ее дяди оказалась постоянной и не зависела от погодных условий.

Тетя, увядшая, вечно простуженная женщина, никак не способствовала просветлению. Остальные домочадцы — мрачный Тибби восьми лет; спаниель, скорее всего, — несколькими годами старше, и приходящий кот, который всегда становился душой и радостью общества, но появлялся редко.

Представление мистера Маринера о Джилл как о богатой молодой леди, обожающей недвижимость, не тускнело. Он завел привычку водить ее по окрестностям, показывая разные дома, в которые вбухал большую часть заработанных денег. Жизнь его сосредоточивалась вокруг недвижимости Брукпорта, и смущенной Джилл приходилось осматривать гостиные, ванные, кухни и спальни, но скоро одно звяканье ключа в замке стало приводить ее на грань истерики. Большинство дядиных домов были переоборудованы из ферм и, как заметил один злополучный покупатель, не так уж сильно изменились. Дни, проведенные Джилл з Брукпорте, осели в памяти запахом сырости, холода и духоты.

— Дом надо купить, — всякий раз наставлял мистер Маринер, запирая дверь. — Не арендовать. Купить. Тогда, если не захочешь жить тут, то сможешь сдавать его летом.

Ей даже не верилось, что тут когда-нибудь бывает лето. Зима цепко держала Брукпорт в своих лапах. Впервые в жизни Джилл испытала вкус подлинного одиночества. Она бродила по полям в заснеженных проплешинах, доходя до самого залива, сейчас замерзшего, а вокруг стояла не спокойная, а гнетущая тишина, лишь изредка нарушаемая далекими выстрелами какого-то оптимиста, пытающегося подстрелить утку. Невидящими глазами смотрела она на зловещую красоту подернутых льдом болот, отливающих под солнцем красноватым и синим. Полное одиночество предоставляло ей полную возможность думать вволю, а мысли ее сейчас были настоящей пыткой.

На восьмой день пришло письмо от дяди Криса, жизнерадостное и даже беспечное. Видимо, дела у него шли недурно. Не утруждаясь, как обычно, деталями, он многословно распространялся о крупных сделках, которые вот-вот заключит, и о грядущем богатстве. В качестве осязаемого свидетельства успехов он вложил подарок — 20 долларов, чтобы Джилл купила себе что-нибудь в Брукпорте.

Письмо прибыло с утренней почтой, а через два часа мистер Маринер повел Джилл по обычному маршруту, на осмотр очередного дома. Этот был поближе к деревне, чем другие. Запас коттеджей, принадлежащих лично ему, Маринер исчерпал; дом принадлежал его приятелю. При удачной сделке дяде Элмеру полагалось кое-что как посреднику, а он был не из тех, чтобы пренебрегать и мелочишкой.

Сегодня утром в его пасмурности проглянул лучик надежды, точно проблеск солнечного света в дождливый день. Как следует все обмозговав, он пришел к заключению, что Джилл никак не реагирует на дома, поскольку хочет купить что-то пороскошнее, поимпозантнее. Сегодняшний дом стоял на холме с видом на залив и был окружен несколькими акрами земли. Имелась и частная пристань, своя маслобойня и спальные веранды. Короче, все, что только может пожелать разумная девушка. Мистер Маринер даже и предположить не мог, что и сегодня потерпит неудачу.

— Они просят сто пять тысяч долларов, — сообщил он, — но уступят и за сто. А если предложить наличные в задаток, то и еще сбросят. Дом отличнейший. Будешь жить в нем в свое удовольствие. Миссис Брагенхейм арендовала его прошлым летом, а потом хотела купить, но не пожелала платить больше девяноста тысяч. Если надумаешь купить, так поскорее решайся. Такой дом мигом перехватят.

Выносить это дольше Джилл была не в силах.

— Видишь ли, — мягко возразила она, — все мое богатство в этом мире — двадцать долларов.

Потянулась болезненная пауза. Мистер Маринер кинул на нее быстрый взгляд в надежде, что она так шутит, но вынужден был заключить, что ошибся.

— Двадцать долларов! — воскликнул он.

— Двадцать, — подтвердила Джилл.

— Но твой отец был богатым человеком, — тонким жалобным голосом проговорил мистер Маринер. — Он же состояние сделал перед отъездом в Англию.

— Все сгинуло. Меня общипали. — Джилл это все изрядно забавляло. — В «Объединенных красках».

— Что еще за краски?

— Фирма такая, — объяснила Джилл, — где людей общипывают.

Мистер Маринер переваривал эти сведения.

— Ты играла на бирже?

— Да.

— Кто же тебе разрешил?! — сокрушался мистер Маринер. — Майор Сэлби мог бы и сообразить.

— Да, правда, мог бы, — серьезно согласилась Джилл. И новая пауза растянулась примерно на четверть мили.

— Н-да, неважнецкие дела, — заключил мистер Маринер.

— Да, — согласилась Джилл. — Я и сама понимаю.

После этой беседы атмосфера в Сандрингэме переменилась. Поведение экономных людей, когда они обнаруживают, что гостья, которой они оказывают гостеприимство, нищая, а не богачка, меняется тонко, но отчетливо, в большинстве же случаев — даже и не очень тонко. Вслух ничего не говорится, но мысли слышны и без слов. В воздухе плавает напряженность. Именно такое впечатление производит греческая трагедия. Так и чувствуешь, что это продолжаться не может.

Тем же вечером, после ужина, миссис Маринер попросила Джилл почитать ей вслух.

— От печатных слов, дорогая, у меня так утомляются глаза, — пожаловалась хозяйка.

Мелочь, бесспорно, но равнозначная маленькому облачку, вынырнувшему из моря, словно человеческая рука. Джилл уловила дурное предзнаменование. Хозяева явно хотели, чтобы она приносила хоть какую-то пользу.

— Конечно, с удовольствием, — сердечно отозвалась она. — Что вам почитать?

Читать вслух Джилл терпеть не могла. У нее начинало болеть горло, а глаза, скользнув книзу страницы, извлекали сразу все интересное. Но она храбро читала, потому что покалывала совесть. Ее сочувствие делилось поровну — и на невезучих людей, на которых свалилась непрошеная гостья, и на саму себя, оказавшуюся в положении, против которого восставал каждый кусочек ее независимой души. Даже ребенком она ненавидела быть обязанной чужим, особенно тем, кто ей не нравился.

— Спасибо, дорогая, — поблагодарила миссис Маринер, когда голос Джилл перешел в хриплое карканье, — Ты так хорошо читаешь. — Она тщетно боролась с простудой, своей хронической хворобой. — Очень

будет мило, если ты станешь читать мне каждый вечер. Ты прямо не представляешь, как печатные буквы утомляют мне глаза.

На другое утро после завтрака, в час, когда они с мистером Маринером обычно отправлялись обследовать дома, Тибби, которого до сих пор Джилл видела только за едой, предстал перед ней, одетый и обутый для улицы, и окинул ее скучным взглядом.

— Ма сказала, веди меня на прогулку.

Сердце у нее упало. Детей она любила, но Тибби был не очень обаятельным ребенком. Такой мистер Маринер в миниатюре, та же фамильная пасмурность на лице. Иногда Джилл недоумевала, почему эта ветвь семьи смотрит на жизнь так мрачно? Своего отца она помнила веселым, бодрым, живо откликающимся на комические стороны жизни.

— Хорошо, Тибби. А куда мы пойдем?

— Ма сказала, мы должны ходить только по дороге. И я не должен кататься по льду.

На прогулке Джилл была задумчива. Тибби тоже был не из болтливых и предоставлял ей полную свободу для размышлений. Думала она о том, что за несколько часов ее социальный статус упал крайне низко. Если и была теперь разница между ее положением и положением платной няни, то только та, что ей не платили. Она оглядела мрачные окрестности, вспомнила неприветливую мрачность дома, куда ей предстояло вернуться, и сердце у нее сжалось.

Приближаясь к дому, Тибби осмелился на первое самостоятельное замечание:

— Наш наемный работник уволился.

— Вот как?

— Ага. Сегодня утром.

Посыпался снег. Они направились к дому. Полученная информация не вызвала у Джилл серьезных опасений. Вряд ли все-таки в ее новые обязанности включат растопку печи. Печь и, пожалуй, кухня, лежали за пределами ее сферы.

— Один раз он крысу убил в дровяном сарае, — словоохотливо сообщил Тибби. — Топором. Вот так взял да и порубил. Крови-то, ой!

— Посмотри, какой красивый снег на деревьях! — слабо попыталась перевести разговор Джилл.

За завтраком на следующее утро миссис Маринер, прочихавшись, высказала предложение:

— Тибби, милый, правда, будет интересно, если вы с кузиной Джилл поиграете в пионеров на Дальнем Западе?

— Какие еще пионеры? — буркнул Тибби, перестав терзать овсянку на тарелке.

— Пионеры — первые поселенцы в этой стране, дорогой. Ты же читал про них в учебнике истории. Они переносили много трудностей, потому что жизнь тогда была очень, очень тяжелой. Не было ни железных дорог, ничего. По-моему, очень интересная игра.

Тибби оглянулся на Джилл. В глазах у него плавало сомнение. Джилл сочувственно ответила на его взгляд. В умах у обоих бродила одна мысль: «Тут какой-то подвох!»

Миссис Маринер опять чихнула.

— Развлечетесь на славу!

— А что нам надо делать? — с опаской спросил Тибби. Один раз его уже дурили. Прошлым летом мать предложила поиграть в матроса, потерпевшего крушение и выброшенного на необитаемый остров, и он целый дань обливался потом, подрезая траву на лужайке. Матрос, видите ли, делал из травы постель.

— А я знаю! — вмешалась Джилл. — Мы притворимся, будто мы пионеры и нас застигла снежная буря. Мы прячемся в хижине в лесу, а снаружи воют волки, и мы не смеем выйти, а потому разведем большой костер, сядем перед ним и будем читать.

— И жевать конфеты! — загорелся Тибби.

— Да, и жевать конфеты!

— Лично я хотела предложить, — насупясь, ледяным тоном выговорила миссис Маринер, — чтобы вы побросали снег от крыльца.

— Замечательно! — воскликнула Джилл. — Ой, я совсем забыла! Сначала мне нужно сбегать в деревню.

— Ладно, успеете побросать снег, когда вернешься.

— Хорошо. Побросаем, когда я вернусь.

Ходу до деревни было четверть часа. Джилл остановилась у почты.

— Скажите, пожалуйста, когда отходит ближайший поезд на Нью-Йорк?

— Есть поезд в 10.10,— ответила женщина из окошка кассы. — Но вам придется поторопиться. — Я быстро! — откликнулась Джилл.

Глава VIII ПОСЛЕОБЕДЕННЫЕ МУКИ ДЭРЕКА

1

Врачи, устанавливая закон в своей безапелляционной манере, утверждают, что жизнедеятельность человеческого тела слабее всего в два часа ночи, а потому именно в это время ум менее всего способен воспринимать настоящее хладнокровно, будущее — стойко, прошлое — без сожаления. Однако каждый думающий человек прекрасно знает, что это не так. Истинный час-ноль — одинокий, мрачный, полный призраков, — наступает перед ужином, пока мы томимся в ожидании коктейля. Именно тогда, лишенные на короткий миг обычной брони самодовольства и самоуважения, мы видим себя такими, какие мы есть, — безобразными болванами в дурацком мире, сером мире, где, нацеливаясь на успех, только и получаешь щелчки по носу, а воодушевясь наилучшими намерениями, совершаешь грубейшие промахи и сажаешь любимых людей в трясину.

Так размышлял Фредди Рук, этот славный малый, сидя в «Трутнях» недели через две после отъезда Джилл из Лондона, ожидая, когда же наконец объявится его друг Элджи, а там и угостит обещанным обедом. Хлядя, как развалился он в кресле мягкой кожи, автор убеждается, как ограничен в своем мастерстве. Такая удрученность, как у Фредди, взывает к перу гения. Недурно справился бы с ней Золя. Пожалуй, яркими мазками описал бы ее Горький. Достоевский просто смаковал бы такое уныние; но для меня оно слишком всеобъемлюще, обычными уловками не обойдешься. Унылость Фредди и так была бы глубокой — Элджи Мартин, как всегда, опаздывал, а Фредди раздражался, когда долго ждал обеда. Но ее усугубляло и то, что Фредди не принадлежал к клубу, а потому, пока не явится этот болван, ему даже коктейля здесь не дали бы.

И вот он сидел, окруженный веселыми молодыми людьми, пьющими добрый старый коктейль, и абсолютно не мог установить ни с кем контакт. Иногда случайный знакомец кивал ему, но, помахав, продолжал пить, как ни в чем не бывало, а Фредди испытывал чувства, которые испытал бы раненый воин, на глазах которого сэр Филип Сидни[35] поднес бы стакан воды к собственным губам и выпил, беззаботно бросив: «Ваше здоровье!»

Так что же удивляться, что Фредди испытывал ту бездонную печаль, какая поражает русского крестьянина, когда тот, после тяжких трудов дня — задушив отца, поколотив жену и швырнув ребенка в колодец, — лезет в шкаф и обнаруживает, что в бутылке нет ни капли водки.

Фредди совсем пал духом и, как всегда теперь, в горькие минуты, вспомнил про Джилл. Ее беда была для него вечным источником печали. С самого начала он винил себя за ее разбитую помолвку. Не отправь он Дэреку просьбу из полицейского участка, все было бы хорошо. А вдобавок через несколько дней разнеслась весть о разорении Джилл со всеми вытекающими последствиями. На Фредди новость обрушилась ударом молнии, которую метнул Ронни Дэверо.

— Эй, ты, — обратился к нему Ронни, — слыхал последние новости? Твой дружок Андерхилл порвал помолвку с Джилл Маринер.

— Знаю. Паршиво, конечно, что говорить!

— Паршиво? Мягко сказано! Так не делают. Нельзя бросать девушку, когда она потеряла все деньги. Это уж, старик, просто подлость!

— Как это — деньги потеряла? Ты что?

Ронни удивился. Разве Фредди не в курсе? Да, достоверный факт. Из надежного источника. Неизвестно, как это приключилось, но Джилл абсолютно без гроша. Вдобавок, Андерхилл нанес ей удар, и бедняга скрылась. Куда — никто не знает. Ах, Фредди встретил ее, и она сказала, что уезжает в Америку? Тогда, значит, в Америку. Но главное, эта свинья Андерхилл дал ей отставку из-за того, что она разорилась. Вот где подлость, вот где мерзость. Кто-кто, а Ронни считал: чем меньше у девушки денег, тем больше ты обязан ее поддерживать.

— Но… — кинулся Фредди на защиту своего героя, — но дело совсем не в этом. Все было иначе. Дэрек и не знал даже, что Джилл разорилась. Помолвку он с ней порвал из-за того… — Фредди внезапно оборвал фразу. Он не хотел, чтобы все узнали про позорный арест, а все непременно узнают, стоит поделиться с Ронни. — Порвал помолвку он из-за другого.

— Ну конечно! — скептически бросил Ронни.

— Нет, правда!

— Не верь ты этому, старик, — покачал головой Ронни. — Не верь! Всякому понятно, все из-за того, что она, бедняга, разорилась. Ты бы так не поступил, и я бы не поступил. А вот Андерхилл взял и поступил. В этом вся суть. По-моему, что сделано, то сделано, и больше ничего не добавишь. Да, знаю, Фредди, он — твой приятель, но следующий раз, когда я его встречу, я с ним не поздороваюсь. Только вот обидно, я с ним и так не знаком! — заключил Ронни.

Новость расстроила Фредди. В Олбэни Дэрек вернулся дня два назад, задумчивый и молчаливый. Они отправились в клуб, и Фредди больно укололо отношение соратников. Обычно, когда он сидел тут, столик его становился центром светской жизни. Веселые юнцы слетались к нему, добрые приятели подкатывали распить вместе кофейку, и тому подобное. На этот раз не подкатился ни один, все угощались кофе еще где-то. В клубе явно потянуло неприятным холодком, и Фредди остро ощутил его, хотя Дэрек вроде бы ничего не заметил. Дошло до Дэрека только вчера в Олбэни, когда случился тягостный эпизод с Уолли Мэйсоном. А получилось все так…

— Привет, Фредди, старик! Прости, что заставил ждать! Очнувшись от тяжких размышлений, Фредди увидел, что

наконец-то появился его гостеприимный хозяин.

— Привет!

— Хлопнем быстренько по глоточку, — предложил Элджи, — а потом и пообедаем. А-а, уже довольно поздно, я вижу. И не заметил, как бежит время.

За супом Фредди мрачно хмурился. На этот раз всеисцеляющему джину с вермутом не удалось осуществить свою благородную задачу. Фредди пил его хмуро, так хмуро, что даже Элджи обратил внимание.

— Хандришь? — участливо осведомился он.

— Ещё как!

— Лошадь проиграла?

— Да нет.

— С желудком нелады?

— Нет… Беспокоюсь я.

— О чем же?

— О ком. О Дэреке.

— Дэрек? Кто такой?.. А-а, ты про Андерхилла! — Элджи охотился за увертливым кусочком моркови, с интересом наблюдая, как тот хитро упрыгивает от его вилки.

— Вот как? — с внезапной холодностью проговорил он. — Что же с ним такое?

Фредди, слишком поглощенный темой, не заметил перемены в голосе друга.

— Чертовски неприятная штука приключилась. Вчера, у меня дома. Я как раз собирался пойти на ланч, когда в дверь позвонили, и Баркер сказал, какой-то Мэйсон желает меня видеть. Я никакого Мэйсона не помнил, но Баркер сказал, что тот тип сказал, что он знал меня в детстве. Ну, значит,

он его впустил, и оказалось, я с ним давным-давно жил рядом в Вустершире. Сначала я его не узнал, но постепенно стало что-то проступать, и я вспомнил. Уолли Мэйсон, так его зовут. Вот странность, он ведь еще в театре со мной заговаривал. В тот вечер, когда случился пожар. Но тогда я не узнал его и отшил. Ну, бывает иногда. Субъект, которого тебе никто не представлял, заговаривает с тобой в театре, ты буркнешь что-то в ответ и испаришься.

— Да, верно, — согласился Элджи, целиком одобряя принципы Фредди. — Испариться, что тут еще сделаешь?

— В общем, теперь, когда он возник снова и объяснил мне, кто он, я припомнил. Представляешь, мы еще в детстве играли вместе. (Что это? Семга? О, прекрасно.) Ну, в общем, я засуетился, угостил его, дал хересу, то-се… Поболтали с ним о добрых старых деньках, и так далее, если ты ловишь мою мысль. Потом он переводит разговор на Джилл. Он ведь знал ее тогда, в Вустершире. Мы все дружили, понимаешь. Ну, так вот, этот Мэйсон прослышал, что Джилл потеряла все деньги, и захотел узнать, правда ли это. Я говорю — абсолютно. Деталей не знаю, но мне Ронни рассказывал, а Ронни слышал еще от кого-то, кто знает точно, ну, то-се… Я говорю: какое безобразие, а? Она в Америку уехала, знаешь? «Нет, я не знал, — отвечает он. — Как я понял, она собиралась выходить замуж». Ну, само собой, я ему объяснил, что уже не собирается. Он помолчал немного, а потом переспрашивает: «Не собирается?» Я говорю: «Вот именно!» — «Это она ее порвала?» — спрашивает Мэйсон. Я отвечаю: «Нет. Вообще-то, он». Он говорит: «О!» (Что? Да, кусочек фазана будет недурно!) На чем это я? А, да! Говорит, значит: «О!» Но сначала должен тебе сказать, что Мэйсон пригласил меня на ланч. А я сказал, что уже договорился пойти на ланч с Дэреком, и он сказал: «Ну и ничего! Захватим его с собой!» Дэрек, видишь ли, ушел прогуляться, мы как раз его ждали. И вот как раз в этот момент, если ты меня понимаешь, возвращается Дэрек, и я говорю: «Эге-гей!» — И представляю ему Уолли Мэйсона. «Ты знаком с Андерхиллом?» — говорю я, ну, что-то в этом роде. В общем, как обычно. И тут…

Фредди застыл с бутылкой в руке. От воспоминаний о мучительном происшествии он разволновался. Светские трудности — штука тяжелая.

— Ну, а дальше? — подтолкнул Элджи.

Дальше получилось, хуже некуда. Дэрек, естественно, протягивает руку, как и полагается, а Уолли будто и не видит, будто мы совсем одни, представляешь?! Вот смотри! Тут стою я, тут, где нож лежит, Дэрек, эта вилка— протянутая рука. Мэйсон — этот кусочек хлеба. Мэйсон смотрит на часы и говорит: «Извини, Фредди, но у меня уже назначена встреча, я

только что вспомнил». И выкатывается, точно бы и не ведая ни про каких Дэреков. Да-а… — Фредди потянулся за бокалом. — Жуть, как неловко! Даже и не помню, когда себя так погано чувствовал!

— Твой Мэйсон, — рассудил Элджи с большой твердостью, — поступил совершенно правильно..

— Нет, я что хочу сказать…

— Абсолютно, — сурово припечатал Элджи. — Андерхилл не может разгуливать, отвергнув девушку, с которой помолвлен, из-за того, что она разорилась, и надеяться, что никто ничего не заметит. Если желаешь знать мое мнение, твой дружок Андерхилл… не представляю, что ты вообще в нем находишь? Ну, ладно, в школе вместе учились, это меняет, конечно, дело… Так вот, если желаешь знать, то этому Андерхиллу надо бы дать такой совет: езжай следом за Джилл и женись на ней. Или пусть носа не высовывает, пока люди про все не забудут. Я хочу сказать — вроде Ронни и меня, и Дика Уимпола, и Арчи Стадда, и всех наших. Мы все знали Джилл и считали, что она — высший класс. Мы с ней танцевали, ужинали. Естественно, нам не все равно! Андерхилл не из наших, но вообще-то все друзья общие, и вот — на тебе! Моя сестра, они дружили с Джилл, говорит, что ни одна девушка не здоровается с Андерхиллом. Да, Фредди, в Лондоне станет жарко, если он чего-то не предпримет, и побыстрее! На большой скорости!

— Да ты не понимаешь!..

— Неужели?

— Ну, я хочу сказать, ты думаешь, и Ронни думает, и вообще, что он из-за денег. Это не так!

— А как?

— Э… э… очень уж глупо получается… но уж так и быть, лучше я тебе расскажу. Мы с Джилл шли по улице неподалеку от Виктории, и какой-то придурок вздумал пришибить попугая…

— Известное дело, — саркастически вставил Элджи. — Охота на попугаев — любимый тамошний спорт.

— Не перебивай, старик. Этот попугай вылетел из одной квартиры, а какой-то придурок тыкал в него палкой, и Джилл — сам знаешь, какая она… неуемная, — так вот, Джилл вырвала у него палку и стукнула его по голове, а тут подкатывается полисмен, субъект поднимает бучу, и полисмен забирает нас с Джилл в кутузку. И я, осел, послал к Дэреку, чтобы он нас выкупил. Вот так он и узнал про это происшествие. Ну, рассердился и порвал помолвку.

Элджи слушал эту повесть с растущим изумлением.

— Так он из-за этого порвал с Джилл?
— Да.
— Какая чушь! Не верю!
— Да ты послушай!
— Ерунда! — убежденно повторил Элджи. — И никто не поверит. Очень порядочно с твоей стороны слепить такую сказочку. Ты его выгораживаешь, подлеца, но — не сработает. Нет, такой ерунды!.. — возмущался Элджи.
— Да это правда!
— Ну, зачем ты так, Фредди? Между старыми-то друзьями? — протестующе воскликнул Элджи. — Ты же отлично понимаешь, что Андерхилл — самый первостатейный червяк… Прознал, что Джилл потеряла деньги, и бросил ее.
— С какой ему стати волноваться, богата Джилл или нет? У него у самого денег хватает.
— Денег никому не хватает, — умудренно изрек его приятель. — Андерхилл считал, что женится на девушке, у которой их куры не клюют, а когда они испарились, он… нет, ради бога, давай не будем говорить про этого мерзавца. Тошно о нем вспоминать.

2

Домой Фредди вернулся в сумрачном и беспокойном настроении. Разговоры с Элджи, вдобавок к эпизоду с Уолли, растревожили его. Лондон, в котором они с Дэреком вращались и существовали, всего лишь деревня, и было очевидно, что по деревне идут нехорошие сплетни. О Дэреке судачат. Глас местного общества вынес приговор. Один человек уже с ним не поздоровался.
Фредди даже побледнел от неожиданного видения: улицы, заполненные мужчинами, целые длинные Пиккадилли, и все не здороваются с Дэреком, один за другим. Что-то следовало предпринять.
Как он обнаружил, обсуждать эту тему с грозным другом, вернувшимся полчаса спустя, было нелегко. Дэрек побывал на банкете, дублируя там одного из ораторов, руководящего члена парламента, который не сумел прийти, и теперь испытывал ту тошнотворную переполненность желудка, какую обычно и вызывают обеды в Сити. Однако, хотя, судя по молчанию, прерываемому редким сердитым бурчанием, Дэрек был не расположен обсуждать личные дела, Фредди все-

таки показалось, что дольше тянуть невозможно. Ему вспоминался Ронни, и то, что тот сказал; Элджи, и то, что сказал он. Вспомнился и Уолли Мэйсон в тот день, в этой самой комнате. И набравшись храбрости, он все-таки приступил:

— Дэрек, старичок… Бурчание.

— Послушай-ка, Дэрек, старик!

Поднявшись, Дэрек мрачно глянул через комнату в сторону Фредди, гревшегося у камина.

— Ну, что такое?

Фредди с трудом подбирал слова. Щекотливое, однако, дельце. Из тех, что и дипломата поставят в тупик. Но Фредди дипломатом не был, что и позволило ему изыскать маневр в данном кризисе. Наделенный приятной бестактностью и, вдобавок, счастливым даром выкладывать все в лоб, он рванулся напрямую к главному пункту и спикировал на него, точно цирковой слон, приземляющийся на бутылку.

— Послушай-ка, это насчет Джилл!

И наклонился почесать ногу, которую слишком припекал огонь, отчего и не заметил, как вздрогнул его собеседник, как грозно сдвинулись густые брови.

— И что же?

Фредди набрался храбрости. В мозгу у него пронеслось, что Дэрек сейчас — точная копия леди Андерхилл. Впервые он увидел, какое у них явное семейное сходство. — Ронни Дэверо говорит… — заикался Фредди.

— К чертям твоего Ронни!

— О, ну да… Но…

— Ронни Дэверо! Да *кто такой*, черт его дери, этот Ронни Дэверо?

— Ну, старик, ты же столько про него слышал! Я тебе рассказывал, да? Приятель мой. Он еще на вокзал приходил с Элджи. Маму твою встречать.

— Ах, так это *тот самый! №* он сказал что-то насчет?..

— Не только он, знаешь ли, — поспешно перебил его Фредди. — Элджи Мартин тоже об этом говорит. И другие наши ребята. И сестра Элджи… и вообще. Все говорят.

— Что же именно?

Наклонившись, Фредди опять растер ногу. Он просто не мог смотреть на Дэрека, когда у того физиономия — точь-в-точь как у леди Андерхилл. Прежде он никогда не замечал, как необычайно тот похож на мать. Фредди ощутил слабую обиду. Словами он не сумел бы выразить ее, только чувствовал, что мужчина не имеет права так походить на эту даму.

— Ну и что же они говорят? — мрачно повторил Дэрек.

— Э… — мялся Фредди —…что немножко жестоко… по отношению к Джилл, видишь ли…

— Они считают, что я повел себя недостойно? — И Дэрек улыбнулся бледной призрачной улыбкой. Призрачность и бледность ее объяснялись не только душевным смятением. Тупая тяжесть, последствие обеда, стала переходить в нечто более неприятное — пробивалась подспудная, но резкая боль, то вспыхивая, то угасая, словно молния сквозь грозовое облако. Дэрек разозлился еще больше.

— Интересно, — с яростной вежливостью произнес он, — а почему бы тебе не выбрать для болтовни с друзьями другую тему? Не мои личные дела?

— Извини, старик. Начали, знаешь ли, они.

— А если тебе так уж неймется меня обсуждать, то уж будь любезен, держи это про себя. Не приходи и не выкладывай мне досужие домыслы твоих дружков. Что тебе сказали, что ты ответил… Меня это утомляет. Мне это неинтересно. Для меня их мнение не столь ценно, как для тебя. — Дэрек умолк, молча сражаясь с деспотической болью. — Ты, конечно, очень добр, что оказываешь мне гостеприимство, — продолжил он, — но думаю, не стоит злоупотреблять им. Попроси завтра Баркера упаковать мои вещи. — И Дэрек величественной, надменной походкой двинулся к дверям. — Я переезжаю в «Савой».

— Да послушай, старик! Не надо.

— Доброй ночи.

— Ты послушай…

— И передай своему другу Дэверо: если не прекратит совать свой нос в мои личные дела, хуже будет.

— Н-ну, — с сомнением проговорил Фредди, — ты его, конечно, не знаешь, но он здоровущий такой. В прошлом году боксировал за Кембридж и победил, вот оно как! Он…

Дэрек хлопнул дверью. Фредди остался один. Постоял несколько минут, растирая ноги, со скорбной миной на обычно жизнерадостной физиономии. Он терпеть не мог ссор. Ему нравилось, когда все катилось себе и катилось. В какое же паршивое местечко превратился с недавней поры мир? Прямо на глазах разваливается! Сначала разорилась и исчезла бедняжка Джилл. Без нее очень скучно. Она такая славная! Такой веселый, прекрасный дружок! И нате вам — взяла да уехала. Сорвалась куда-то. Теперь вот Дэрек. Они ведь дружат, более или менее, с самой школы. А теперь — бенц!

Испустив вздох, Фредди потянулся за спортивной газетой, всегдашним своим утешением. Закурил новую сигару и уютно умостился в кресле. Его одолевала усталость. После ланча он весь день играл в теннис, и играл прекрасно… Ну, сами понимаете…

Тикали минуты. Скользнула на пол газета, за ней — потухшая сигара. Из глубин кресла доносился слабый храп.

Похлопывание по плечу вывело Фредди из сновидений. Рядом стоял Дэрек, скрюченный, всклокоченный, просто корчась от боли.

— Фредди…

— А, что?

Спазм исказил лицо Дэрека.

— У тебя найдется пепсин? — Дэрек застонал. Как же насмехается над нашим мелочным величием эта диспепсия! Сбрасывает с высот даже самых надменных! Рядом стоял совсем иной Дэрек, не тот, что так величественно покинул комнату всего два часа назад. Гордость его была сломлена пытками боли.

— Пепсин?

— Ну да! У меня приступ, живот болит.

С Фредди окончательно слетела дымка сна. Он очнулся и тут же ринулся на помощь. Бывают случаи, когда очень неплохо иметь рядом последнего из Руков. Фредди предложил Дэреку поскорее сесть в кресло; Фредди слетал за угол в круглосуточную аптеку и вернулся с магическим пузырьком, гарантирующим облегчение мук даже после того, как наешься крупных гвоздей. И Фредди же налил лекарство, смешав с водой.

Старания его были вознаграждены. Вскоре мучительная боль стала ослабевать, несчастному полегчало.

Можно было бы даже сказать, что Дэрек снова стал самим собой, но пока он полулежал в кресле, на него снизошло кроткое, покаянное настроение, совершенно чуждое его натуре. Таким смиренным Фредди его не видел. Он стал похож на выздоравливающего ребенка, будто бы в промежутке между обедом и круглосуточной аптекой совершилось чудо. Подобные перемены характера часто следуют за обедами в Сити. Важное лицо можно застигнуть в ангельском настроении на другой день после банкета. Вот тогда смело ступайте к нему, и оно подарит вам не только часы, но и цепочку в придачу.

— Фредди, — тихо окликнул Дэрек.

Они сидели у гаснущего камина. Часы на каминной полке, там раньше стояла и фотография Джилл, показывали десять минут третьего. Голос у

Дэрека был тихий, мягкий. А может быть, врачи все-таки правы, и в два часа ночи нас покидает самомнение, и рождаются сожаление о прошлых грехах и добрые намерения вести себя хорошо?

— Так что же говорят о… ты знаешь о чем?

Фредди колебался. Жалко было заводить все сызнова.

— Да я и сам догадываюсь, — продолжал Дэрек. — Говорят, конечно, что поступил я, как скотина.

— Ну…

— И они совершенно правы. Так я и поступил.

— Ну, я бы так не сказал, знаешь ли. Вы оба виноваты, то-се…

— Нет, виноват, конечно, я. — Дэрек уставился на огонь.

Разбросанные по всему Лондону его сотрапезники, возможно, в эту самую минуту вот так же маялись без сна, кротко и смиренно оглядываясь на свое черное прошлое.

— Это правда, Фредди, что она уехала в Америку?

— Говорила, что уезжает.

— Какого же дурака я свалял!

Тикали в тишине часы. Тихонько потрескивал огонь, изредка испуская слабый вздох, словно дряхлый старик. Дэрек уставился на золу.

— Как бы мне хотелось поехать туда и разыскать ее…

— Так отчего же не поехать?

— Ну, что ты! В любой момент могут назначить выборы. Я двинуться из Лондона не смею.

Фредди сиганул из кресла. От внезапности его прыжка голову Дэрека пронзила раскаленная боль.

— Что такое, черт тебя дери? — раздраженно спросил он. Даже самое кроткое настроение в покаянную, послепепсинную минуту не гарантирует, что выздоравливающий сумеет такое вытерпеть.

— Старик! У меня идея!

— А плясать-то зачем?

— Меня, знаешь ли, в Англии ничто не держит. Почему бы мне не смотаться в Америку, да и не разыскать там Джилл?

Воспламененный идеей, Фредди пританцовывал на месте. Каждый притоп его ноги терзал Дэреку нервы, но он стоически терпел.

— И ты сможешь? — жадно спросил он.

— Ну конечно, конечно! Да я только на днях говорил, что почти надумал скатать в Америку! Мне раз плюнуть! Отплыву первым же пароходом и выступлю, как говорится, в роли посла! Р-раз, и готово, она здесь! Предоставь все мне, старичок! Уж тут-то я себя покажу!

Глава IX ДЖИЛЛ РАЗЫСКИВАЕТ ДЯДЮ

1

Нью-Йорк приветствовал Джилл, когда она вышла с вокзала Пенсильвания на Седьмой авеню, вихрями мелкого снежка, точно поцелуями касавшегося ее лица. Холодными и крепкими. Такого приветствия и ждет человек от энергичного города. Девушка остановилась у выхода с вокзала — тоненькая фигурка подле массивных колонн, оглядывая все вокруг жадными глазами. По авеню гулял ветер. Небо ясное, сверкающего оттенка ярчайшей синевы. Воздух пропитан энергией и надеждами. Интересно, наведывался ли в Нью-Йорк Элмер Маринер? Вряд ли. Ведь даже его мрачность не устояла бы против напора и бодрости этого опьяняющего города.

Джилл вытащила из сумочки письмо дяди Криса. Обратный адрес — 57-я Ист-стрит. Сейчас самое время поймать его, перед тем как он уйдет на ланч. Она махнула такси, отъезжавшему от вокзала.

Ехали они медленно, постоянно застревая в пробках, но Джилл поездка показалась короткой. Она сама себе удивлялась: столичная жительница, а чувствует себя, будто провинциалка, всему поражается. Но Лондон далеко отсюда. Он принадлежал жизни, которая протекала много лет назад, в мире, с которым она рассталась навсегда. Кроме того, город, по которому она ехала сейчас, безусловно, колоссальный. На Таймс-сквер поток транспорта вливался в водоворот, врывающийся с Бродвея навстречу бурным потокам машин, плывущим с востока, запада и севера. А на Пятой авеню собрались все машины мира! По тротуарам торопливо шагали прохожие, закутавшись от кусачего ветра. Надо всем распростерло свой бархатный покров сапфировое небо, на фоне которого высоченные небоскребы четко белели минаретами восточного города из сказки.

Такси затормозило перед каменным домом, и Джилл, выйдя, прошла под козырьком крыльца, через какое-то подобие средневекового дворика, оживленного растениями в горшках, к внутренней двери. Она была потрясена. По-видимому, россказни о богатствах, нажитых в одну ночь, в этом волшебном городе все-таки правда. Одна такая сказка выпала на долю дяди Криса. Ведь человек, стесненный в средствах, ни за что не мог бы снимать квартиру в таком доме. Приди сюда Крез и граф Монте-Кристо,

владелец, пожалуй, оглядел бы их с большим сомнением и предложил уплатить за месяц вперед.

В стеклянной будке, сразу за внутренней дверью, восседал, почитывая газету и жуя жвачку, импозантный старый джентльмен в роскошной форме генерала Гватемальской армии. Зрелище он являл роскошное. Драгоценностей на нем, правда, не было, но, без сомнения, объяснялось это его личной неприязнью к показухе. Так как поблизости не было никого, перед кем Джилл могла бы ходатайствовать о знакомстве и просить об аудиенции, то она рискнула на смелый шаг и обратилась к генералу:

— Нельзя ли мне увидеть майора Сэлби?

Гватемальский генерал на секунду приостановил ритмичное движение челюстей, приспустил газету и взглянул на пришелицу, вскинув брови. Сначала Джилл решила, что так он выражает высокомерное презрение, но потом поняла, что он удивился.

— Майора Сэлби?

— Да, майора Сэлби.

— Здесь никакого майора нет.

— Майор Кристофер Сэлби.

— Нету, — бросил заместитель посла, избалованный любимчик гватемальских красоток. — Никогда про него не слыхал.

2

Джилл доводилось читать романы, в которых перед глазами героини все плывет, но сама она до сей поры не испытывала столь поразительного ощущения. Спаситель Гватемалы, быть может, и не поплыл перед ее глазами, но, несомненно, завибрировал. Джилл пришлось поморгать, чтобы восстановить изначальную четкость его силуэта. Суета и шум Нью-Йорка уже одурманили ее, погрузив в состояние нереальности, какое человек порой ощущает во сне, и эти поразительные слова оказались последней каплей.

Возможно, ее вежливость тронула сердце героя многих революций. Каким бы величественным и живописным ни представал он взору постороннего, но обитал он — хотя противно про это и писать — в мире, где пренебрегают мелкими любезностями. «Ну!», «Привет!» и «Черт тебя дери!» — это да, а вот «Нельзя ли мне» — большая редкость. Джилл ему понравилась. Он перекатил жвачку в позицию, позволявшую ему изъясняться членораздельно, и со всем рвением ринулся на помощь.

— Как, говорите, его фамилия?
— Сэлби.
— А пишется как?
— С-э-л-б-и.
— Сэлби… Сэлби, стало быть.
— Ну да. Сэлби.
— А зовут как?
— Кристофер.
— Кристофер?
— Да, Кристофер.
— Н-да, Кристофер, стало быть, Сэлби… Нет, тут такие не проживают.
— Да нет. Он здесь живет!
Снисходительно улыбаясь, ветеран покачал головой.
— Я знаю, вам нужен мистер Сипперли, — милостиво предположил он. В Гватемале такие ошибки случаются сплошь и рядом. — Да, мистер Джордж Сипперли. Он — на четвертом этаже. Как сказать, кто его спрашивает?
Он уже взялся было за трубку, но Джилл остановила его. В наш век и в самом деле можно заменить, что хочешь, но она отказывалась принять неведомого Сипперли вместо дяди Криса.
— Нет, мне не нужен Сипперли. Мне нужен майор Сэлби!
— Как, еще разок, это пишется?
— С-э-л-б-и.
— Ага, С-э-л-б-и… Нет, такие тут не проживают. Вот мистер Сипперли, — ублажающим тоном произнес он, как будто твердо решив заставить Джилл, несмотря на все ее отговорки, уразуметь, что так для нее же лучше, — мистер Сипперли живет на четвертом этаже. Занимается недвижимостью, — вкрадчиво присовокупил он. — Волосы, знаете, светлые, и бостонский бульдог…
— Да-да, конечно… Хоть десяток бульдогов.
— Нет, всего один. По кличке Джек.
— Но мне не он нужен. Какой-то абсурд! Майор Сэлби указал этот обратный адрес. Это ведь дом 18 по 57-й Ист-стрит?
— Да, верно, 18 по 57-й Ист-стрит, — осторожно согласился собеседник.
— Вот тут у меня его письмо… — Джилл открыла сумочку и смущенно вскрикнула. — Ой, а оно пропало!
— У мистера Сипперли прошлой осенью гостил друг. Мистер

Робертсон. Черный такой, с усиками.

— Я вынимала его, чтобы взглянуть на адрес, и была уверена, что положила обратно. Наверное, обронила.

— А есть еще мистер Рейнсби на седьмом этаже. Он брокер с Уоллстрит. Невысокий такой, немножко заикается…

— Неважно, — защелкнула сумочку Джилл. — По-видимому, я ошиблась. Была совершенно уверена, что адрес тот самый, но очевидно — нет. Спасибо вам большое. Извините, что побеспокоила.

И она зашагала прочь, оставив Грозу Парагвая и всех других мест к югу от Нью-Йорка в полном остолбенении: люди, которые говорили «Спасибо вам большое», встречались ему еще реже, чем те, кто спрашивал «Нельзя ли». Он провожал незнакомку ласковым взглядом, пока она не скрылась из виду, а потом, снова принявшись за жвачку, вернулся к внимательному чтению газеты. На минутку у него мелькнуло соображение, что на самом-то деле Джилл требовался мистер Уиллоби с восьмого этажа, но предлагать такой вариант было уже поздно. И, окунувшись в повествование о вспыльчивом домовладельце из Канзаса, который, в припадке ярости, изрубил топором шестерых, генерал выбросил всю эту чушь из головы.

3

Джилл опять вышла на Пятую авеню и, перейдя дорогу, задумчиво побрела по ветреной улице, по одну сторону которой тянулся Парк, а по другую — отель «Плаза» с зеленой крышей, потом дома богачей.

Джилл думала, что попала в положение, знакомое ей по мелодрамам, — оказалась одна-одинешенька в громадном городе. От таких мыслей ей стало не по себе. В сумочке, болтающейся на запястье, находилось все ее богатство в этом мире — жалкие остатки от двадцати долларов, присланных дядей Крисом в Брукпорт. Идти некуда, негде спать, и никаких видимых способов быстро пополнить капитал. Отправляясь на вокзал в Брукпорте, такой ситуации она не предвидела.

Тайне исчезновения дяди Криса никакой отгадки не было. На конверте написан именно этот адрес. Однако о дяде в этом доме и не слыхали, даже имени его не знали. Нырять в более глубокие воды для расследования Джилл не рисковала.

Она бесцельно брела по авеню, вскоре очутилась на Колумбус-серкл, перешла Бродвей там, где его наводняют автосалоны, и оказалась напротив

ресторана с фасадом зеркального стекла. Тут она неожиданно почувствовала, что ей ужасно хочется есть. По другую сторону стекла за столиками с мраморными столешницами сидели обедающие, явно безразличные к тому, что личная их жизнь выставлена на всеобщее обозрение, каждый глоток — зрелище для прохожих. Все равно, решила Джилл, что наблюдать за рыбками в аквариуме. В центре витрины, рассеянно поглядывая на горки яблок и грейпфрутов, человек в белом халате бойко жонглировал у плиты гречишными оладьями. Вот он, последний штрих — священнослужитель, чей ритуал не таит никаких секретов. Зеваки, у которых доставало времени постоять и поглазеть, могли пронаблюдать за полуденной едой в Нью-Йорке на всех ее стадиях, от зародыша в виде тягучей желтовато-белой жидкости, выливаемой на сковороду, до конечного блаженства исчезновения готовых оладий в желудке обедающих. Такого зрелища не вынести ни одной голодной девушке.

Джилл вошла в ресторан, а когда она проходила между столиками, ее окликнули:

— Мисс Маринер!

Джилл подскочила. На минутку ей показалось, что это, конечно, слуховая галлюцинация. Невероятно, чтобы в ресторанчике Нью-Йорка кто-то мог ее окликнуть. Никого, кроме дяди Криса, где бы он сейчас ни находился, она здесь не знала. Но ее окликнули снова — голос доблестно состязался с перестуком посуды, таким громким, что он казался даже осязаемым.

— Поверить не могу, что это вы!

Из-за ближайшего столика поднялась девушка в синем, изумленно глядя на нее. Джилл тут же ее узнала. Эти огромные жалобные глаза, точно у потерявшегося ребенка, забыть было невозможно. Конечно же, девушка с попугаем. Та, которую они с Фредди обнаружили на Овингтон-сквер в тот день, когда фундамент мира пошатнулся и обрушился.

— Господи! — воскликнула Джилл. — Я думала, вы в Лондоне.

Вся пустота и паника после беседы с гватемальским генералом исчезли как по волшебству. С легким сердцем Джилл присела за столик неожиданной подруги.

— А как вы оказались в Нью-Йорке? — спросила та. — Я и не думала, что вы сюда собираетесь.

— Все получилось немножко неожиданно, — ответила Джилл. — Но вот я здесь. И умираю с голоду. Что это вы все едите?

— Гречишные оладьи.

— А, да. Помню, дядя Крис рассказывал на пароходе. Я тоже возьму.

— Когда же вы приехали?

— На берег высадилась десять дней назад. Но потом я жила в местечке под названием Брукпорт на Лонг-Айленде. Как забавно, вот так наткнуться на вас!

— Я удивилась, что вы меня помните.

— Имя забыла, — откровенно призналась Джилл, — но это неважно. Имена я вечно забываю.

— Нелли Брайант.

— Ну конечно! И вы играете в театре, да?

— Только что получила работу у «Гобла и Коэна»… Привет, Фил!

У столика, по пути к кассе, остановился молодой человек с гибкой фигурой и гладкими, зализанными волосами.

— Привет, Нелли.

— Я не знала, что ты тут обедаешь.

— Не часто. Репетировал с Джо в «Крыше века», и выдалось четверть часика перекусить. Можно присесть?

— Конечно. Это моя приятельница, мисс Маринер. Молодой человек обменялся рукопожатием с Джилл, стрельнув на нее одобрительным взглядом темных беспокойных глаз.

— Рад познакомиться!

— Это Фил Браун, — назвала его Нелли. — Он играет с самим Джо Виджоном. Лучший номер в гастрольных труппах.

— Ах, брось! — скромно перебил мистер Браун. — Всегда ты делаешь мне рекламу.

— Но ты и сам знаешь! Сколько раз давали занавес в «Паласе»!

— И то верно, — признался молодой человек. — Зажигаем, наверное, публичку, а? Спроси — не отвечу. Целых восемнадцать раз выходили!

Джилл зачарованно слушала.

— Не понимаю ни словечка! — заметила она. — Будто на иностранном языке.

— Вы ведь с той стороны океана? — уточнил мистер Браун.

— И приехала всего неделю назад, — объяснила Нелли.

— Так и догадался по акценту. Значит, разговор наш выше вашего разумения? Ничего, выучитесь скоро. Покрутитесь тут с месячишко, и готово.

— Я уже немного выучилась, — похвасталась Джилл. От облегчения, что она встретилась с Нелли, настроение у нее было самое приподнятое. И ей нравился этот молодой человек с гладкими волосами. — Сегодня утром

один пассажир в поезде спросил у меня: «Сестра, газету желаешь?» А я не растерялась, ответила: «Спасибо, брат. Мне хочется в окно посмотреть и подумать».

— В поездах нахалов хватает, — строго сообщил мистер Браун. — Таких надо отшивать с ходу. Скажем так, обдавать морозцем. — Он повернулся к Нелли. — Ну как, наведалась к Айку?

— Да.

— И как, обломилось что?

— Представь, да! В жизни счастливее не была. Я почти час дожидалась на площадке, потом вышел Джонни Миллер, и я ему прямо в ухо провопила, что ищу работу, он ответил — хорошо, все будет нормально. Он всегда добрый к девушкам, которые с ним работали. Если бы не он, я б и до сих пор там сидела.

— А кто такой Айк? — полюбопытствовала Джилл, изо всех сил стремясь не оказаться за бортом беседы.

— Это мистер Гобл. Там, где я только что получила работу. Агентство «Гобл и Коэн».

— Никогда про таких не слыхала! Молодой человек протянул руку.

— Держи пять! Они тоже никогда не слыхали про меня. По крайней мере, тот, на кого я наткнулся, когда забежал в агентство.

— А, так и ты заходил к ним? — заметила Нелли.

— Ну! Джо охота встрять в новое шоу на Бродвее. Ему водевили уже обрыдли. Слушай, Нелли, не хочу тебя пугать, но, по-моему, они сейчас ставят какую-то кислятину! Вряд ли Айк хоть один личный цент вложил. Не иначе, ставит он его для любителей. Слушай-ка, заскочили мы с Джо поразведать, нет ли номера для нас, а в офисе торчит какая-то долговязая дубина в черепаховых стекляшках. Автор, видите ли, набирает актеров на главные роли. Мы разобъяснили ему, кто мы такие, а этот болван и ухом не повел. Никогда, говорит, про нас не слыхивал. Мы рассказали, показали, — он говорит, нет, таких номеров не требуется. Хочет, видите ли, чего-то поярче, а не замусоленной дребедени. Никаких вставных номеров. Пытается, видите ли, возродить традиции Гилберта и Салливана.[36] Слушай-ка, кто, черт их дери, эти Гилберт с Салливаном? Вечно про них талдычат, а я ни одного человека не встречал, кто их знает. Если желаешь мое мнение, у Айка ставят комическую оперу.

— Бр-р!

Перед таким старомодным жанром Нелли, актриса мюзиклов, испытывала настоящий ужас— Да ведь комическая опера скончалась сто лет назад!

— Так вот эти ребята и намерены ее выкопать! Такое мое впечатление. — Он понизил голос: — Слушай-ка, наткнулся я вчера вечером на Клариссу, — он перешел на доверительный полушепот: — Все в норме!

— Да?

— Да, мы помирились. Получилось так…

И беседа приняла интимный оборот. Разворачивая перед Нелли всю историю, со многими ответвлениями, о недавнем злополучном разрыве между ним и какой-то Клариссой, он подробно пересказывал, что сказал он, и что ответила она, что сказала ее сестра, и как все в конце концов уладилось. Джилл немножко огорчилась, что ее исключили из разговора, но, с другой стороны, ей было не до того — ее осенила захватывающая идея. И откинувшись на спинку стула, она задумалась… В самом деле, а что еще остается? Нужно же где-то работать…

Подавшись вперед, Джилл перебила мистера Брауна посреди описания оживленной перепалки между ним и упомянутой сестрой, которая в его пересказе представала не очень приятной особой.

— Мистер Браун!

— А?

— Как вы думаете, есть у меня шанс, если я попрошу работу У «Гобла и Коэна»?

— Вы шутите! — воскликнула Нелли.

— Нет.

— Зачем вам работа?

— Нужна. И немедленно!

— Не понимаю.

Джилл заколебалась. Свои личные дела обсуждать она не любила, но сейчас этого явно не избежать. Нелли сидела заинтригованная, с круглыми глазами, а мистер Браун не выказывал ни малейших намерений тактично удалиться. Он жаждал услышать все.

— Я потеряла деньги… — начала Джилл.

— Как это, потеряла? То есть, вы хотите сказать?..

— Ну да. Потеряла все. До последнего пенни.

— Облом, — беспристрастно прокомментировал мистер Браун. — Как-то раз я и сам очутился на мели в одном захолустном городишке. Наш менеджер смылся со всеми деньгами. Последний раз мы видели его, когда он катил в Канаду. Такой вот простачок!

— Но как же?.. — выдохнула Нелли.

— Случилось это приблизительно в те дни, когда мы с вами

познакомились. Помните Фредди Рука? Он еще был у нас в гостях в тот день.

В глазах у Нелли появилось мечтательное выражение. После их расставания не проходило и часа, чтобы она не вспоминала этого безупречного джентльмена. Фредди поразился бы, узнай он, что для нее нет человека совершеннее в этом несовершенном мире.

— Помню ли?! — восторженно выдохнула она.

— Ага! — остро взглянув на нее, вскричал мистер Браун. — А ну-ка, Нелли, кто это такой? Кто этот голубоглазый красавец?

— Если желаешь знать, — вызывающе откликнулась Нелли, — так это тот самый человек, который подарил мне пятьдесят фунтов, когда я застряла без гроша в Лондоне! Если б не он, я б и до сих пор там торчала.

— Подарил деньги! — воскликнула Джилл. — Фредди!

— Вот именно. О, Господи! — снова вздохнула Нелли. — Наверное, я уже никогда больше не встречу его в этом мире.

— Если встретишь, обязательно познакомь меня с ним, — пылко попросил мистер Браун. — Как раз с таким человеком мне давно хотелось завести знакомство!

— Ну так вот, Нелли. Помните, Фредди рассказывал, что потерял деньги в обвале на фондовой бирже, — продолжила Джилл. — И я свои потеряла. История долгая, не стоит ее рассказывать. Но вот так сейчас обстоят дела. Поэтому мне нужно найти какую-то работу. Кажется, в театре у меня больше шансов, чем где-то еще.

— Мне ужасно жаль. Ужасно!

— О, ничего. Сколько эти «Гобл и Коэн» дадут мне, если я получу ангажемент?

— Долларов сорок в неделю.

— Сорок долларов! Да это же целое состояние! Где они?

— В театре «Готэм» на 42-й стрит.

— Сейчас же бегу туда!

— Да вам не понравится. Вы не представляете, как это все. Вам придется дожидаться много часов, пока кто-то заметит. А могут и не заметить.

— Почему бы мне просто не войти и не сказать — пришла наниматься на работу?

Большие глаза Нелли округлились еще больше.

— Так нельзя!

— Почему?

— Нельзя, и все.

— Не понимаю, почему.

— Ты абсолютно права, — одобрительно решил мистер Браун. — Если спросишь меня, только так и нужно. Какой толк плесневеть на лестнице? Менеджеры тоже люди. Ну, во всяком случае, некоторые… Возможно, если ты попробуешь такой ход, им понравится. Докажет им, что в тебе есть перчик. Ступай и попробуй, так вот прямо и войди. Не съедят же тебя. Меня с души воротит, когда я смотрю, как все эти бедолаги маются под дверью, дожидаясь, пока их заметят, а на них все — нулем. Если конторский мальчишка попытается тебя остановить, двинь его по физии. Смело входи. Только, послушай, ни в коем случае не оставляй имени и адреса! Это их старый трючок! Они непременно попытаются выкинуть его и с тобой. Заяви с порога — нет, так не пойдет. Скажи, решение тебе нужно прямо сейчас! Поставь их, гадов, на голову'

Воспламененная его красноречием, Джилл вскочила и попросила счет.

— До свидания, — попрощалась она. — Исполню все в точности. А где я смогу найти вас? — повернулась она к Нелли.

— Да неужто вы и вправду пойдете?

— Непременно!

Нелли нацарапала на листке адрес.

— Вот. Дома буду вечером.

— Зайду. До свидания, мистер Браун. И спасибо вам.

— Всегда просим!

Круглыми глазами Нелли следила за убегавшей Джилл.

— Зачем ты ей насоветовал?

— Ну, а что? — парировал мистер Браун. — Воодушевил девочку, что, нет? Ладно, пожалуй, и мне пора. Надо возвращаться на репетицию. Слушай-ка, а мне понравилась эта твоя подружка. Смелая такая, о-го! Желаю ей удачи.

Глава X ДЖИЛЛ ПОБЕЖДАЕТ ВЛАСТЬ ПРЕДЕРЖАЩИХ

1

Офис «Гобла и Коэна» был расположен, как и большинство театральных офисов Нью-Йорка в районе Таймс-сквер. Он занимал пятый этаж театра «Готэм» на 42-й стрит. Так как лифта в здании не было, за исключением маленького, частного, каким пользовались только эти два члена фирмы, Джилл стала подниматься по лестнице пешком и признаки процветающего бизнеса обнаружила уже на третьем этаже, где с десяток терпеливых особ обоего пола пристроились на перилах, будто совы на ветке. На четвертом этаже особ еще поприбавилось, а площадка пятого, служившая фирме приемной, была совсем уж забита.

Таковы порядки у нью-йоркских театральных агентов, стоящих на том уровне умственного развития, ниже которого располагаются разве что limax maximus, или улитка садовая. Они наотрез отказываются принимать в расчет то, что каждодневно к ним является масса посетителей, которым приходится ждать. Посетителям этим надо где-то сидеть, но такие соображения им и в голову не приходят. Для визитеров «Гобла и Коэна» поставили на площадке малюсенькую скамеечку, очень остроумно разместив ее на стыке трех сквозняков, и на том успокоились.

Пустой скамейку эту никто никогда не видел, разве что ночной сторож. В какой бы час вы ни заглянули сюда, вы всегда обнаружите на ней трех томящихся индивидуумов, сидящих бок о бок, вперив глаза в крошечную приемную, где помещались конторский мальчишка, телефонистка и стенографистка мистера Гобла. В глубине приемной темнела дверь с табличкой «Личный кабинет», в которую, когда та открывалась, чтобы впустить какого-нибудь беспечного, бурлящего весельем комика, стоящего тысячу долларов в неделю, входившего вразвалочку с бойким «Хэлло, Айк!», или звезду женского пола, раздушенную, в мехах, перед рядовыми театра, словно Моисеем на Фасге,[37] мелькал фрагмент земли обетованной в виде огромного письменного стола и частички огромного лысого толстяка в очках или человека помоложе, со светлыми волосами и двойным подбородком.

Ключевой нотой лестничной массовки было нарочитое, почти

вызывающее щегольство. Мужчины — в ярких плащах с поясами, на женщинах — искусственные меха, стоившие, на неискушенный взгляд, куда дороже настоящих. У всех очень дерзкий, молодой вид. Выдавали одни лишь глаза — усталость сквозила почти во всех взглядах, обратившихся на Джилл. Девушки, все как одна блондинки, решили, что золото — самый эффектный цвет. А мужчины, словно на одно лицо, настолько похожи, будто они — члены одного большого семейства. Иллюзию усиливали обрывки доносившихся до ушей Джилл разговоров, в которых так и мелькали словечки «дорогой», «старина», «милый»… Десяток пахучих и терпких ароматов, витавших на площадке, вели жестокую борьбу за превосходство.

На минутку такое зрелище огорошило Джилл, но она почти тут же и опомнилась. В ней все еще бродил пьянящий, своевольный дух Нью-Йорка. Бесстрашие владело ею, вспомнилось наставление Брауна из команды «Браун и Вид-жон»: «Смело входи!». Припомнив это зерно его вдохновляющей речи, Джилл протолкалась сквозь толпу и оказалась в маленькой приемной.

Здесь были выставлены аванпосты врага: в одном углу с бешеной скоростью тарахтела на машинке девушка; вторая, сидевшая за коммутатором, спорила с «Центральной», уже готовая перейти на личности; а на стуле, запрокинутом так, что спинка его упиралась в стенку, сидел мальчишка, жевавший сладости и уткнувшийся в юмористическую страничку вечерней газеты. Все трое, точно звери в клетке, были отгорожены высокой стойкой с медными прутьями.

Позади этих стражей виднелась дверь с табличкой «Личный кабинет». Оттуда до Джилл, когда она достигла внешней линии обороны, донеслись звуки пианино.

Хамство конторских мальчишек — не результат простой случайности, как думают многие, изучив этот предмет, и уж тем более, конторских мальчишек, которые служат у театральных агентов. Где-то на криминальных задворках Нью-Йорка, в некоей зловещей берлоге существует школа, где мальчишек специально тренируют для такой работы. Высококвалифицированные учителя нещадно выкорчевывают лучшие стороны их натуры и систематически прививают грубость и хамство.

Цербер конторы «Гобл и Коэн» в этой школе наверняка блистал. Быстро разглядев его таланты, учителя уделяли ему особое внимание. Окончил он эту школу, осыпаемый самыми сердечными пожеланиями всего персонала. Они научили его всему, что знали сами, и гордились им.

Мальчик делал им честь.

Так вот, мальчишка этот вскинул на Джилл глаза, окруженные розовыми ободками, фыркнул, куснул ноготь большого пальца и заговорил. Был он курносым, уши и волосы у него багряно алели. Звали его Ральф. На лице у него цвело семьсот сорок три прыща.

— Чо-на-а? — вопросил Ральф с предельной лаконичностью.

— Мне нужен мистер Гобл.

— Нету! — отрезал Король Прыщей и снова уткнулся в газету.

Классовые различия, вне всякого сомнения, существовать будут вечно. В Спарте были свои цари и свои илоты. В королевстве Круглого Стола имелись и рыцари, и чернь. В Америке есть Саймон Легри[38] и дядя Том. Но ни у одной нации ни в какой период истории не было человека, высказывающего такую презрительную надменность любому посетителю, пожелавшему увидеть его менеджера, какую в бродвейской театральной конторе выказывает мальчишка-рассыльный. Томас Джефферсон[39] считал самоочевидным, что все люди созданы равными, и твердо верил, что Создатель наделил всех неотъемлемыми правами, и в том числе — правом на жизнь, свободу и погоню за счастьем. Но театральные конторские мальчишки не смотрят на жизнь глазами Джефферсона. Надменно со своей вершины взирают они на всякое быдло, хладнокровно подвергая сомнению право на погоню за счастьем. Джилл порозовела. Мистер Браун, ее проводник и наставник, предвидя такую ситуацию, рекомендовал, как ей вспомнилось, «двинуть мальчишке в физию», и на минутку ей ужасно захотелось последовать его совету. Но то ли благоразумие, то ли простой факт, что находился мальчишка вне пределов досягаемости, за медными прутьями, удержали ее. Без дальнейших проволочек она направилась к двери кабинета. Ее целью была дверь, и Джилл не собиралась уклоняться от курса. Она схватилась за дверную ручку, не успел никто из присутствующих и догадаться о её намерениях. Но тут стенографистка прекратила стучать на машинке, подкошенная ужасом, подняв пальцы. Девушка на телефоне оборвала на полуслове фразу, обернувшись через плечо, а Ральф, конторский мальчишка, разозлившись, отшвырнул газету и назначил сам себя представителем захваченной армии.

— Эй, вы!

Приостановившись, Джилл воинственно его оглядела.

— Это вы мне?

— Вот именно!

— С набитым ртом лучше не разговаривать, — посоветовала Джилл,

снова взявшись за ручку.

В розоватых глазах мальчишки внезапно погас боевой огонь, залитый слезами. Расплакался он не от раскаяния, а потому, что в пылу момента сглотнул большую зазубренную конфету и жестоко страдал.

— Ту-да… не-льзя! — ухитрился выговорить он. Железная воля восторжествовала над плотью.

— Но я *уже* вхожу!

— Это личный кабинет мистера Гобла!

— А мне и нужно поговорить лично с мистером Гоблом. Ральф, чьи глаза еще были влажны от слез, растерялся.

Ситуация ускользала из-под контроля. Такого с ним прежде не приключалось.

— Сказано, нету его!

Джилл строго на него взглянула.

— Ты плохой мальчик, — бросила она, воодушевясь отчетливым хихиканьем из-за коммутатора. — Знаешь, куда попадают мальчики, которые говорят неправду? Я же слышу — вон он, играет на пианино. А теперь поет! И незачем лгать мне, будто он занят. Если бы он был занят, он бы не пел. Если ты так лжешь в таком возрасте, каким же ты вырастешь? И вообще, ты противный. У тебя красные уши, а воротничок тебе велик! Поговорю-ка я о тебе с мистером Гоблом…

И с этими словами Джилл, открыв дверь, вошла.

— Добрый день! — весело поздоровалась она.

После толкучки на площадке, где негде было даже присесть, кабинет, в котором очутилась Джилл, показался уютным и почти роскошным. У дальней стены, почти во всю ее длину, тянулся просторной лакированный стол, заваленный бумагами; на одном краю высилась устрашающая гора сценариев в переплетах буйволовой кожи. Налево стояла книжная полка. Стены сплошь покрывали фотографии. Рядом с окном стояла мягкая кожаная кушетка; справа от нее — пианино, а круглый табурет занимал молодой человек с небрежной шевелюрой, которую не мешало бы постричь. На крышке пианино привлекала глаз яркая картонная афиша, на которой юноша в костюме для поло склонялся над белокурой богиней в купальном костюме. Надпись под ними возвещала:

«АЙЗЕК ГОБЛ И ДЖЕЙКОБ КОЭН»
представляют музыкальный спектакль
«РОЗА АМЕРИКИ»
Сюжет и стихи Отиса Пилкингтона

Музыка Роланда Трэвиса

Отведя от афиши взгляд, Джилл уловила, что по другую сторону письменного стола что-то происходит. Это поднимался второй молодой человек; такого худющего и длинного она в жизни не видела. Поднимался он часть за частью, словно змея, разворачивающая кольца. В момент ее появления он сидел, откинувшись, так что виднелась лишь верхняя часть туловища. Теперь же, когда он выпрямился во весь рост, голова его чуть ли не уперлась в потолок. У него было длинное лицо, резко очерченный нос и срезанный подбородок. Он вперился в Джилл через те самые «черепаховые стекляшки», о которых упоминал ее новый знакомец мистер Браун.

— Э… а…? — выговорил он тонким невыразительным голосом.

Мозг у Джилл, как и у многих людей, управлялся двумя диаметрально противоположными силами, точно машина, за рулем которой сменяются два разных водителя: смелый, рисковый парень, пренебрегающий всякими ограничениями скорости, и робкий новичок. До сей минуты руль крутил тот, рисковый. Он мчал ее на головокружительной скорости, чихая на все препятствия и полицейские правила. Теперь же, доставив ее в такую ситуацию, он внезапно передал руль боязливому напарнику. Джилл, минуту назад пылавшая отвагой, внезапно лишилась дара речи, скованная непомерной застенчивостью.

Она сглотнула, сердце у нее запрыгало. Над ней башней нависал долговязый. Черноволосый пианист встряхивал кудрями, точно Банко в «Макбете».

— Я… — начала она.

Тут ей на помощь подоспела женская интуиция. Что-то подсказало ей, что они боятся не меньше ее самой. При этом открытии рисковый смельчак снова перехватил руль, и она хладнокровно преодолела все сложности.

— Я хочу видеть мистера Гобла.

— Мистера Гобла нет. — Долговязый молодой человек нервно теребил бумаги на столе. Джилл произвела на него огромное впечатление.

— Нет? — Выходит, она несправедливо обидела конторского мальчишку.

— И сегодня мы его не ждем. Могу ли я чем-то помочь?

Говорил он ласково. Этому молодому человеку показалось, что он в жизни не встречал такой девушки, как Джилл. Та и вправду была сейчас прехорошенькой — щеки у нее распылались, глаза сверкали. Она задела сокровенную струнку в душе долговязого, и весь мир для него превратился в благоухающий сад, полный прекраснейших цветов и нежной музыки.

Отис Пилкингтон частенько влюблялся с первого взгляда, но еще ни разу ему не доводилось влюбляться так безоглядно. Когда Джилл ему улыбнулась, он почувствовал, что перед ним отворились врата небесные. Сколько раз прежде отворялись эти самые врата, вспоминать он не стал, ему было не до подсчетов. Однажды врата обошлись ему в восемь тысяч долларов; в такую сумму встало улаживание конфликта с девушкой, грозившей обратиться в суд. Но в подобные минуты человеку не до таких воспоминаний, они вносят диссонанс. Отис Пилкингтон влюбился с первого взгляда. Вот и все, о чем он думал.

— Присаживайтесь, пожалуйста, мисс…

— Маринер, — подсказала девушка. — Спасибо.

— Мисс Маринер… Разрешите представить вам мистера Роланда Трэвиса.

Субъект за пианино поклонился, и его черные волосы взметнулись и опали, словно морские водоросли на бурных волнах прибоя.

— А я — Пилкингтон. Отис Пилкингтон.

Неловкое молчание, всегда наступающее вслед знакомству, нарушила трель телефонного звонка. Отис, уже передвинувшийся на середину кабинета, протянул нескладную конечность и без труда достал трубку.

— Да? О, пожалуйста, скажите — у меня сейчас совещание. Так Джилл узнала, что люди в театральном мире никогда не разговаривают, они всегда «проводят совещания».

— Передайте миссис Пилгрим, я перезвоню ей попозже. Сейчас никак не могу. Ни на минуту. — И положил трубку. — Секретарша тети Оливии, — театральным шепотом бросил он Трэвису. — Тетя Оливия желает, чтобы я поехал с ней на верховую прогулку. — Он повернулся опять к Джилл. — Извините. Чем могу помочь вам, мисс Маринер?

Самообладание уже полностью вернулось к Джилл. Интервью оборачивалось совсем по-иному, чем она опасалась. Атмосфера была светская, уютная, ей показалось, будто она опять очутилась у себя, на Овингтон-сквер, и угощает чаем Фредди Рука, Ронни Дэверо и других своих друзей лондонского периода. Для полноты иллюзии недоставало чайного столика. Деловитости в разговоре не было. Однако, так как именно дело и было ее целью, она решила, что пора приступить к нему.

— Я пришла насчет работы.

— Работы! — воскликнул мистер Пилкингтон. По-видимому, и он воспринимал разговор как чисто светский.

— В хоре, — пояснила Джилл.

Пилкингтон отшатнулся, будто слово это укусило его.

— В «Розе Америки» нет хора!

— Я думала, это музыкальная комедия. Пилкингтон опять содрогнулся.

— Нет! Это *музыкальная фантазия!* И хора в ней нет, — с оттенком укоризны добавил он. — А есть ансамбль из двенадцати изысканных девушек.

— Что, конечно же, — рассмеялась Джилл, — звучит гораздо красивее. А как вы считаете, я достаточно изысканна для ансамбля?

— Буду счастлив, если вы присоединитесь к нам, — быстро ответил мистер Пилкингтон.

Но длинноволосый композитор смотрел с сомнением. Резко взяв дискантовую ноту, он крутанулся на табурете.

— С твоего позволения, Отис, позволь тебе напомнить, у нас уже есть двенадцать девушек.

— Значит, будет тринадцать! — твердо заявил Отис.

— Это несчастливое число!

— Мне все равно. Мы должны взять мисс Маринер. Ты же сам видишь — она именно того типа, что нам требуется.

Спорил он с огромным энтузиазмом. С того самого дня, как начался набор актеров, он тоскливо вспоминал вечер, когда состоялась премьера «Розы Америки» в доме его тети прошлым летом в Ньюпорте[40] со звездными любимцами светского общества и ансамблем, целиком набранным из дебютанток и неопытных матрон. Такую труппу он жаждал собрать и для профессиональной постановки, но до сегодняшнего дня его преследовали сплошные разочарования. Джилл показалась ему единственной девушкой в театральном Нью-Йорке, отвечавшей желаемому стандарту.

— Спасибо вам огромное, — сказала Джилл.

Повисла новая пауза. В атмосферу опять вползла светская нотка. Джилл ощутила желание хозяйки не дать угаснуть оживленной беседе.

— Я слышала, что эта комедия в стиле Гилберта и Салливана.

Мистер Пилкингтон обдумал замечание.

— Признаю, когда я писал пьесу, идеалом для меня был Гилберт. Достигли я успеха…

— Пьеса, — вмешался мистер Трэвис, пробегаясь по клавиатуре, — так же хороша, как любая у Гилберта.

— О, будет тебе, Роли! — скромно запротестовал Отис.

— И даже лучше, — настаивал мистер Трэвис — Во-первых, она современная.

— Да, я *старался* сделать посовременнее, — пробормотал мистер Пилкингтон.

— И ты избежал ошибки Гилберта — излишней надуманности.

— Верно. Гилберт, действительно, грешил излишней фантазией, — признал Отис— А музыка, — продолжил он, в великодушном порыве отплатить добром за добро, — обладает мелодичностью Салливана, но ей присуща новизна ритма, очень индивидуальная. Музыка вам понравится.

— Судя по вашим словам, — любезно заметила Джилл, — комедия обречена на шумный успех.

— Мы очень на это надеемся, — с чувством заметил мистер Пилкингтон. — Мы считаем, что наступило время, когда публике требуется что-нибудь получше, понеожиданнее. Люди потихоньку устают от безмозглой ерунды и бравурных мелодий, которыми их потчуют людишки вроде Уоллиса Мэйсона и Джорджа Бивэна. Публике хочется блеска… Точно так же было во времена Гилберта и Салливана. Они начали писать, когда музыкальные спектакли опустились до ужасающей легковесности. Театр был отдан на откуп бурлескам самого дурацкого толка. Публика жаждала спектаклей классом повыше. То же самое и сегодня. Но менеджеры не желают этого понимать. «Роза Америки» много месяцев странствовала по Бродвею, стучась в разные двери.

— Ей следовало войти без стука. Вот как я, — заключила Джилл и встала. — Что же, очень любезно с вашей стороны, что взяли меня на работу, хотя и вошла я так бесцеремонно. Но я чувствовала, что нет толку дожидаться на лестничной площадке. Я так рада, что все уладилось. До свидания.

— До свидания, мисс Маринер. — Отис почтительно взял протянутую руку, — Репетиция ансамбля назначена на… когда, Роли?

— На 11 утра послезавтра.

— Я приду. До свидания, и большое вам спасибо. Молчание, воцарившееся в кабинете после ее ухода, нарушил Трэвис:

— Вот это красоточка!

Вздрогнув, Отис очнулся от мечтаний.

— Что ты сказал?

— Да девица эта… Какая красотка!

— Мисс Маринер, — ледяным тоном отчеканил Отис, — самая очаровательная, утонченная, воспитанная и прелестная девушка, если ты это имеешь в виду.

— Ну да! — подтвердил мистер Трэвис— Именно это самое!

2

Джилл вышла на 42-ю стрит, окидывая улицу взглядом победителя. Мало что переменилось в Нью-Йорке с тех пор, как она вошла в театр «Готэм», но город показался ей совсем иным. Час назад она была тут чужой, бесцельно плыла по его быстринам. Теперь она в Нью-Йорке своя, а Нью-Йорк — ее город. Она смело сразилась с ним и отвоевала у него средства к существованию. Теперь она шагала по улице бойко и беспечно. Адрес, который дала ей Нелли, отсылал на восточную сторону Пятой авеню. Джилл отправилась туда по 42-й стрит. Какая веселая и оживленная улица! Она и не бывала на таких прежде. Музыкой звучал для нее перестук поездов метро, когда она пересекала Шестую авеню, и ей нравилась бурлящая вокруг толпа.

Джилл дошагала до угла Пятой авеню, когда полисмен на перекрестке взмахнул жезлом, разрешая машинам двигаться в центр. И мимо нее покатился поток машин, забивавший дорогу, насколько видел глаз. Ехали они двойным рядом — красные лимузины, синие, розовато-лиловые, зеленые. Джилл стояла, пережидая, пока иссякнет их поток, и в это время мимо неё проплыл самый большущий, самый красный лимузин. Огромнейшее авто с полярным медведем у руля, и еще одним с ним рядом. А сзади вольготно раскинулся, устремив благожелательный взор на массивную леди в норковом манто, — дядя Крис!

На секунду он оказался так близко от Джилл, что если б не поднятое стекло, она до него могла бы дотронуться. Но тут медведь за рулем, углядев просвет в потоке транспорта, надавил на акселератор и ловко вильнул в него. И машина, быстро набрав скорость, исчезла.

Джилл испустила глубокий вздох. Жезл взмахнул снова. Она перешла дорогу и зашагала дальше на поиски нужного дома. Пять минут спустя ей пришло в голову, что девушка практичная и сообразительная обязательно бы запомнила номер лимузина.

Глава XI ЛЮБОВНЫЙ ЖАР МИСТЕРА ПИЛКИНГТОНА

1

Репетиции, музыкальных комедий — под это определение подпадают и «музыкальные фантазии» — начинаются обычно хаотично и беспорядочно в Брайант-холле, этом любопытном здании на Шестой авеню, сразу у 42-й стрит. Тут, в пыльном зале без ковра, вся мебель — несколько деревянных стульев да длинные деревянные скамейки, хор, или в случае «Розы Америки» — ансамбль, усаживается вокруг пианиста и старается с помощью дирижера затвердить слова и мелодии первого акта. Покончив с этим, они переходят к балетмейстеру — тот учит их нужным па, ансамблевым танцам и выходам на «бис», которых, как рассчитывает этот неисправимый оптимист, должно быть не меньше шести. Потом в хоровые номера вводятся главные герои. И наконец, расставшись с Брайант-холлом и кочуя из одного незанятого театра в другой, герои и хор репетируют вместе, повторяя весь спектакль снова и снова, до самого показа на предпремьерных гастролях.

Джилл на ранних стадиях репетиций показалось, будто она опять очутилась в школе. Ей вспомнилась ее первая учительница, которую дирижер несколько напоминал манерами и внешностью. Она наигрывала псалмы на пианино, ведя слабеньким сопрано ретиво орущую ораву ребятишек, каждый из которых старался, побуждаемый самолюбием, переорать ближайшего соседа.

В первое утро репетиция началась с появления мистера Зальцбурга, дирижера и концертмейстера, суетливого деловитого человечка с доброжелательными глазами за большими стеклами очков. Он, подпрыгивая, подошел к пианино, уселся и выдал громкий аккорд, своего рода сигнал горна, призывающий леди из углов, где они уютно устроились группками и шушукались. Процесс общения начался за десять минут до того — встреча тех, кто уже был знаком по предыдущим спектаклям, и быстрое знакомство их со своими подружками. С Нелли Брайант тепло поздоровалась хорошенькая рыженькая девушка, и Нелли тут же познакомила их. Звали ее Бэйб. Рядом с Бэйб сидела похожая на иву блондинка по имени Луис. Все четверо уселись на скамейку и завели

беседу. Через минуту ряды их пополнились темноволосой девушкой с южным акцентом и еще одной блондинкой. Рядом сбивались другие компании, в зале точно щебетали скворцы. Особняком держались серьезные, безупречно одетые молодые люди; девушки не обращали на них ни малейшего внимания; с десяток таких подпирали стенку, с видом мужчин в бальном зале, которые не танцуют, а только смотрят.

Джилл больше слушала разговоры. Она чувствовала себя, будто в первый день в новой школе, — немного робела, желая стушеваться. Болтовня крутилась вокруг нарядов, мужчин, шоу-бизнеса именно в таком порядке. Вскоре один молодой человек небрежной походочкой пересек зал и, подойдя к девушкам, заметил, что денек-то выдался отличный. Приняли его, как показалось Джилл, несколько сдержанно, но потихоньку он ассимилировался в группе. Вскоре прибился и второй, напомнив девушке-иве, что они работали вместе в шоу «Ты — та самая». Его узнали и представили другим. Прием в компанию он вскоре оправдал, весьма правдоподобно изобразив бой котов. Через пять минут он уже обращался к южной девушке, а Джилл сообщил, что поступил в это шоу, только чтоб заполнить паузу перед премьерой другого, где у него шикарнейший номер с пением и танцами. Его он будет делать с одной малюткой в кабаре у Гезенхаймера.

В эту атмосферу, полную гармонии и дружелюбия, диссонансом вторгся резкий аккорд мистера Зальцбурга. Началось общее движение, к пианино придвигали стулья и скамейки. Мистер Зальцбург на минутку подзадержался, открыв огромную музыкальную папку и копаясь в ней точно терьер в крысиной норе, и разговоры зашелестели снова.

Наконец дирижер вынырнул из папки с руками, полными нот, и воззвал:

— Детьи! *Де-тьи!* Пожалуйста, не шумите, внимание на меня! — Он раздал ноты. — Акт первый. Вступительный хор. Я сыграю мелодию три — нет, четыре раза. Послушайте внимательно. Потом споем ее — ла-ла-ла! А после — споем со словами.

Он энергично ударил по желтым клавишам пианино, отозвавшемуся жалобным металлическим треньканьем. Наклонясь так, что очки его чуть не касались нот, он решительно заковылял вперед, изобразив мелодию, потом сыграл ее еще раз, вызвав сам себя на «бис», и бисировал. После чего, сняв очки, протер их. Последовала пауза.

— Иззи, — общительно шепнула девушка-ива, перегнувшись через Джилл к подружке южной девушки, блондинку— обещал мне брошку.

Общий всплеск интереса, девичьи головки сомкнулись теснее.

— Не может быть! Иззи?!

— Вот именно, Иззи!

— Ой-ой!

— Он только что получил премию!

— Вот так так!

— Сам сказал мне вчера и пообещал купить брошку! Правда, он под газом был, — не без грусти добавила ива, — но, надеюсь, все-таки сдержит слово. — Она умолкла, тревожное облачко затуманило ее безупречно красивый профиль, и она стала похожа на задумавшуюся греческую богиню. — А если не сдержит, — добавила она, полная девичьего достоинства, — фиг я куда-нибудь пойду с этим жадюгой! Ославлю его, не успеет и глазом моргнуть!

Шорох одобрения приветствовал эти похвальные чувства.

— Детьи! — снова воззвал мистер Зальцбург. — Де-тьи! Поменьше шума и болтовни! Мы здесь, чтобы работать! Нельзя терять времени! Итак! Акт первый. Вступительный хор. Так, теперь все вместе. Ла-ла-ла…

— Ла-ла-ла…

— Там-там-тамти-тамти…

— Там-там-тамти…

Мистер Зальцбург страдальчески прижал ладони к ушам.

— Нет, нет и нет! Фальшь, фальшь, фальшь!.. Еще раз! Ла-ла-ла…

Круглолицая девушка с золотистой фивкой и личиком удивленного херувима перебила его, окликнув:

— Мистел Зальцбулг!

— Ну, что такое, мисс Тревор?

— А что это за шоу?

— Музыкальное, — сурово объяснил мистер Зальцбург. — И у нас здесь репетиция, а не говорильня. Еще раз, пожалуйста.

Но обескуражить херувима было не просто.

— А музыка, мистел Зальцбулг, холошая?

— Когда выучите, сможете судить сами. Итак…

— А она такая же класивая, как тот ваш вальс, котолый вы нам иглали, на лепетициях «Смотли, как идешь»? Ну, помните… Он еше начинается вот так…

Высокая величественная девушка с томными карими глазами и манерами герцогини, случайно забредшей в помещение для слуг, чуть подалась вперед, проявив к беседе живейший интерес.

— О, так вы сочинили вальс, мистер Зальцбург? — с милой снисходительностью поинтересовалась она. — Как любопытно! Может, вы

его и нам сыграете?

Собравшиеся единодушно пожелали отложить разучивание мелодии и послушать вальс мистера Зальцбурга.

— О, мистер Зальцбург, сыграйте!

— Пожалуйста!

— Кто-то мне говорил, ваш вальс — сплошной восторг!

— Я вальсы просто обожаю!

— Ну пожалуйста, мистер Зальцбург!

Мистер Зальцбург явно сдавался. Пальцы его нерешительно тронули клавиши.

— Но, детьи…

— Уверена, мы все получим огромнейшее удовольствие, — снисходительно проговорила герцогиня. Больше всего на свете я люблю хорошие вальсы.

И мистер Зальцбург сдался. Подобно всем дирижерам, он в свободные минуты сочинял музыку и большую часть свободного времени тратил на то, что устраивал засады на либреттистов, пытаясь заманить их к себе. Вечная трагедия дирижерской жизни сравнима лишь с пытками официанта, который, постясь сам, помогает пировать другим. В музыке у мистера Зальцбурга идеалы были самые высокие, и душа его восставала против вечной обязанности репетировать и исполнять произведения других, куда менее достойных. Обычно особых уговоров «сыграть что-то свое» не требовалось, он всегда был готов проиграть хоть всю партитуру сочиненного им спектакля.

— Так вы желаете? — спросил он. — Ну что ж! Вальс, как вы сами поймете, — это ключевая тема моего музыкального шоу. В первом акте его поет героиня, во втором — герой с героиней, дуэт. Вплетается он и в финал второго акта, а в третьем вальс звучит эхом за кулисами. Сейчас я сыграю вам дуэт из второго акта. Со словами выходит еще длиннее. Итак! Начинает мужской голос…

Минут десять хор с большой приятностью проводил время.

— Ах, но это же не репетиция! — покаянно вскричал мистер Зальцбург под конец. — Мы не занимаемся делом. Начнем, начнем! Вступительный хор первого акта и, пожалуйста, соблюдайте тональность. В тот раз звучало фальшиво, фальшиво, фальшиво! Итак! Ла-ла-ла…

— Мистел Зальцбулг!

— Мисс Тревор?

— Помню, как-то вы иглали нам такой ужасно миленький фокстлот. Ах, как бы мне хотелось…

— В другой как-нибудь раз! В другой! Сейчас мы должны работать! Начнем, начнем! Ла-ла-ла…

— Ах, девочки! — сокрушенно вздохнула херувимчик. — Вот бы вы послушали! Такая плелесть! Такая плелесть!

И весь хор разразился возгласами:

— О, ми-и-стер Зальцбург!

— Пожалуйста, мистер Зальцбург!

— Сыграйте нам ваш фокстрот, мистер Зальцбург!

— Просим, просим!

— Если он так же хорош, как вальс, — уронила герцогиня, вновь снисходя до уровня простонародья, — то он великолепен. — Она припудрила нос— А в наши дни так редко услышишь мелодичную музыку, правда?

— Какой именно фокстрот? — слабо уточнил мистер Зальцбург.

— Сыграйте, — постановил голос слева, — все!

— Да! Правильно! Сыграйте все! — подхватила вся труппа.

— Уверена, это будет очаровательно, — согласилась герцогиня, убирая пуховку в сумочку.

И мистер Зальцбург заиграл. По-видимому, дирижер уже потерял всякий стыд, Драгоценные минуты, принадлежавшие его нанимателям и предназначенные для «Розы Америки», упархивали одна за одной. Леди и джентльмены ансамбля, которым полагалось бы впитывать и учить мелодии Роланда Трэвиса и стихи Отиса Пилкингтона, блаженствовали, вольготно развалясь на стульях. Под стремительной атакой пальцев так и мелькали желтые клавиши. Собрание окончательно перестало походить на репетицию, напоминая, скорее, счастливый домашний вечерок, и самодовольного херувимчика осыпали благодарными взглядами. Она проявила, читалось в них, такт и сообразительность. Опять потекли приятные беседы.

— …прошла я пару кварталов и в витрине у «Шварца и Гулденстейна» вижу точно такую же модель за 26.50…

— „он ко мне прицепился еще на 42-й стрит и нахальничал с самого начала. На 66-й выскочил из машины и окликнул: «Хэлло, птичка!» Ну, я собралась, да и…

— …пусть даже ты муж моей сестры! — заявила я ему. — Да, наверное, я немножко вспылила. Меня, знаете ли, трудно завести, но могу и взбеситься…

— …нет, милочка, ты и половины не знаешь! И половины! Настоящий купальник! Да, можно его назвать и так. Но пляжный коп утверждал, что

это детский носочек! А когда…

— …я и говорю: «Слушай-ка, Иззи, хватит с меня таких словечек! Мой отец был джентльмен, хотя и не думаю, что ты о них слышал, и я не привыкла…»

— Эй!

Резкий окрик откуда-то от двери врезался в шелест болтовни, точно нож в масло, — грубый и скрипучий, громкий и властный, — и шорох бесед вмиг оборвался. Только мистер Зальцбург, вконец опьянев от музыкальной лихорадки, продолжал терзать старенький инструмент, не ведая о появлении неблагодарного слушателя в его аудитории.

— А сейчас я вам играю комическое трио из моего второго акта. Это коронный номер. Исполняют тенор, комик и субретка. На втором припеве выбегают четыре девушки и двое юношей. Девушки танцуют с солистами, а юноши — с субреткой. Итак! На «бис» выходят четыре девушки и двое юношей. На третий «бис» — соло для комика, а остальные на сцене отбивают ритм, хлопая в ладоши. На новый «бис» все поют припев еще раз и умолкают. Последний «бис» — три солиста исполняют танец со всем хором. Шикарнейший коронный номер, можете поверить! Одного его хватит для успеха! Но я никак не могу добиться прослушивания. Нет! Когда бы я ни просил менеджеров прослушать мою музыку, они вечно заняты. А когда прошу дать мне либретто для постановки, они хохочут — ха-ха-ха! — И мистер Зальцбург с большим воодушевлением и правдоподобием изобразил, как хохочет менеджер на его просьбу предоставить либретто.

— Сейчас я сыграю вам еще раз!

— Как бы не так! — прогремел голос— Что тут вообще происходит? У нас тут что, концерт?

Ошеломленный и напуганный, мистер Зальцбург развернулся на табурете, чуть не свалившись с него. Божественное вдохновение покинуло дирижера, словно высвистал воздух из проколотого воздушного шарика, и он, подобно шарику, внезапно скукожился. Отвалив челюсть, он глядел на вновь вошедших.

Вошли в зал двое — долговязый мистер Пилкингтон и другой, ростом пониже, казавшийся рядом со спутником-жирафом еще толще, чем был на самом деле. Чуть за тридцать, чисто выбритый, светлые волосы гладко зачесаны назад, цвет лица нездоровый, близко посаженные зеленоватые глазки… Стоя у конца полукруга, толстяк грозно поглядывал поверх хористов на незадачливого мистера Зальцбурга.

— Почему девушки не работают?

Мистер Зальцбург, нервно приподнявшийся с табурета, пугливо отшатнулся от этого взгляда и, споткнувшись о табурет, плюхнулся задом на пианино, произведя любопытный аккорд, в духе футуристов.

— Я… мы… э… мистер Гобл…

Мистер Гобл обратил свой зеленый взор на концертную аудиторию, посеяв в ее рядах тихую панику, будто спрыснул их из шланга ядовитой жидкостью. Девушки, сидевшие к нему поближе, трепеща, опустили глаза себе на туфли, а те, что подальше, норовили укрыться за спинами соседей. Даже герцогиня, тешившая себя убеждением, будто обладает даром непомерного высокомерия, перед которым пасуют любые нахалы, а пристающие с ухаживаниями отступают в смущении, отвела глаза; поникла и девушка-ива, подружка Иззи, точно хрупкое деревцо под ураганным ветром, несмотря на свои победы над обладателем почетного титула.

Одна Джилл бесстрашно встретила взгляд агента. Сидя на внешней стороне полукруга, она открыто смотрела на него. Ей не доводилось видеть ничего похожего. Такое поведение выделяло ее из толпы, и мистер Гобл сосредоточился на ней.

Несколько секунд он молча взирал на Джилл, потом, подняв палец-сосиску, обежал взглядом остальных, будто погрузившись в сложные математические подсчеты.

— Тринадцать, — наконец подвел он итог. — Да, все верно, я насчитал тринадцать. — Он обернулся к мистеру Пилкингтону. — Я же говорил, в хоре будет двенадцать девушек.

Вспыхнув, мистер Пилкингтон споткнулся о собственные ноги.

— Ну да… да… — неопределенно промычал он. — Да.

— А здесь — тринадцать. Сами посчитайте! — Мистер Гобл круто повернулся к Джилл. — Как ваша фамилия? Кто вас нанял?

Хриплый звук откуда-то из-под потолка известил, что мистер Пилкингтон прочищает горло.

— Я… э… *это я* нанял мисс Маринер, мистер Гобл.

— Ах, вон оно как?

Гобл опять уставился на Джилл. Осмотр затянулся надолго, и ее охватило чувство, будто в ее одежде что-то не в порядке. Она ответила на взгляд дерзко, насколько удалось, но сердце у нее бурно колотилось. Еще ни разу в жизни она никого не боялась, но в этом светловолосом толстяке было что-то змеиное, и ей стало тошно, как от тараканов в детстве. В уме у нее на секунду мелькнуло: как было бы отвратительно, если б он до нее дотронулся! Весь мягкий, липкий…

— Ладно, — заключил наконец мистер Гобл и кивнул мистеру Зальцбургу. — Продолжайте! И постарайтесь на этот раз хоть немножко поработать. Я вас не для того нанял, чтоб музыкальные представления тут устраивать.

— Да, мистер Гобл. То есть, я имею в виду — нет, мистер Гобл!

— Сегодня днем можете репетировать на сцене «Готэма», — бросил мистер Гобл. — Назначьте репетицию ровно на 2.00.

За дверью Гобл повернулся к Пилкингтону:

— Глупая выходка с вашей стороны нанимать эту девицу. Тринадцать! Да я лучше под лестницей в пятницу пройду, чем дам премьеру в Нью-Йорке с хором из тринадцати девушек. Ладно, неважно. Выбросим какую-нибудь после гастрольных показов. — Он призадумался на минутку.

— А девчонка прехорошенькая! Где это вы такую подцепили?

— Она… э… пришла в офис, когда вас не было. Я сразу увидел — тот самый типаж, какой требуется нам для музыкального ансамбля, поэтому я и нанял ее. Она… — Мистер Пилкингтон сглотнул, — такая… очаровательная! Такая… утонченная!

— Да, верно, хорошенькая, — согласился мистер Гобл, погрузившись в свои мысли. Мистер Пилкингтон боязливо поспешал следом. Вот такие эпизоды побуждали его жалеть, что он не обладает уверенностью в себе. Он тосковал, что не из тех он мужчин, чтобы, сбив шляпу набок и вздернув подбородок, бросить вызов всему миру. Финансовое бремя спектакля нес он. Если спектакль провалится, в убытке будет только он один. И все же, каким-то манером этот грубиян, этот неотесанный субъект, шагающий перед ним, никогда не позволит ему и словечка вставить, будто он ребенок. Гобл деспотически правил один; кричал и вел себя так, точно командовать пристало только ему. Мистер Пилкингтон вздохнул, уже жалея, что ввязался в театральное дело.

В зале мистер Зальцбург вытер лоб, очки и руки с видом человека, очнувшегося посреди кошмарного сна.

— Де-тьи! — едва прошептал он. — Де-тьи! Пожалуйста, еще раз! Акт первый. Вступительный хор. Начали! Ла-ла-ла!

— Ла-ла-ла! — вторили ему укрощенные члены ансамбля.

2

К тому времени как две половинки труппы — ансамбль и солисты —

слились в одно целое, новизна для Джилл притупилась. Ей стало казаться, будто она всю свою жизнь работает в театре, и только и знает, что репетирует. Приятные светские сборища вокруг пианино мистера Зальцбурга через несколько дней сменились гораздо менее приятными и более напряженными репетициями — разучиванием танцев под руководством знаменитого Джонсона Миллера. Ростом Миллер был невелик, с белоснежной шапкой волос и каучуковым телом акробата-подростка. Сколько ему лет, никто в точности не знал, но, несомненно, он достиг возраста, когда человек уже не способен на те подвиги выносливости, какие он совершал каждодневно с неутомимым энтузиазмом фокстерьера. Издевками и бранью он вывел по тернистой дороге к успеху больше театральных трупп, чем десяток других хореографов страны, вместе взятых, несмотря даже на свой физический изъян — глухоту. Миллер обладал волшебным даром улавливать мелодии, фактически не слыша их. Казалось, будто он впитывает музыку, под которую ему надо ставить танцы. Манеры у него были грубоватые и деспотичные, и он неизменно выкладывал все, что думает, откровенно и без обиняков. Привычка эта, как ни странно, принесла ему популярность там, где язык двусмысленностей и туманных намеков культивируется почти так же усердно, как в международной дипломатии. То, что Джонсон Миллер высказывал вам в лицо, возражений не предполагало, и люди это ценили.

Как-то вечером, когда девицы из ансамбля переодевались, снимая практичные платья после особо изматывающей репетиции, подружка Иззи, то есть ива, дала ему исчерпывающую характеристику, защищая от нападок южной девушки, жаловавшейся, что хореограф совсем загонял ее.

— Ну конечно, он тебя загонял. И меня тоже. У меня прямо на глазах тают девичьи округлости, а тело так деревенеет, что я едва наклоняюсь ботинки зашнуровать. Но он знает свое дело, он — балетмейстер высший класс, а так редко про кого можно сказать в нашем шоу-бизнесе.

— Это правда, — согласилась блондинка. — Дело свое он знает. Он обеспечил успех многим шоу, которые, если бы не он, шмякнулись бы об пол, как уставшие собаки.

Герцогиня зевнула. Репетиции всегда утомляли ее, а то, что она видела в «Розе Америки», не производило на нее особого впечатления.

— Вот уж удивлюсь, если он и с нашим шоу умудрится добиться успеха! Мне оно кажется дикой чепухой.

— Плямо конец света, душечка, — откликнулся херувим, поправляя перед зеркалом золотистую гривку, — Меня от него вообще тошнит. И

чего это Айк взялся за такую чушь?

Девушка, которая знала все — в любой труппе непременно сыщется такая, — заторопилась с объяснениями:

— Ой, а я слыхала! Айк не вкладывает ни гроша. Он получит двадцать пять процентов с проката. Ангел-спаситель — тот, долговязый, который все к нам заглядывает. Пилкингтон.

— А позже Рокфеллер потребуется, — вывела блондинка.

— Да ну! Палу дней обкатаем шоу на гастлолях, а там подыщут какого-нибудь автола подчистить, — оптимистически воскликнул херувим. — Так всегда делают. Видала я шоу и похуже нашего, и из них получались хиты. Все что тлебует-ся— новый сценалий, новое либлетто и длугая музыка.

— И новые герои, — подсказала рыженькая Бэйб. — Видали таких тюфяков?

С усталым вздохом герцогиня приподняла красиво очерченные брови и поизучала в зеркале эффект.

— Удивляться приходится, где только они находят подобных актеров, — томно согласилась она. — Похожи на заголовок из сегодняшней газеты: «Тонны ветчины, не пригодной для потребления». Девочки, кто в мою сторону? Могу подбросить двоих-троих на своем лимузине.

— Плости, дологуша! Большое спасибо, и так далее, — отозвался херувим, — но я велела Клаленсу, моему поклоннику, подогнать на угол тламвай. И он очень расстлоится, если я не плиду.

Нелли уже договорилась с другой девушкой пойти с ней выбрать весенний костюм; подобные торжественные ритуалы в одиночку не совершаются. Джилл с херувимом дошли до угла вместе. Джилл с самого начала понравилась эта невысокая девушка, напоминавшая ей лондонскую ласточку. Такая миниатюрная, живая и бойкая, и так умеет заботиться о себе.

— Ее лимузин! — фыркнул херувим. Заключительная фраза герцогини еще отдавалась в ее душе мучительной болью. — Тошнит плямо от нее!

— Разве у нее нет лимузина? — удивилась Джилл.

— Еще чего! Нет, конечно. Она помолвлена с шофелом из автокомпании «Спидвел», и тот, когда удается, укладкой заимствует машину. Вот и весь ее лимузин! Полазительно, почему это нашим девушкам нлавится пликидываться женщинами-вамп, с десятком миллионелов на ключке. Не выставляйся Мэй, да не веди себя, как

ласотка из «Мулен Луж», холосая была бы девчонка. Она без ума от палня, с котолым помолвлена, и не взглянет ни на одного миллионела, хоть на блюдечке его плеподнеси. Планилует выйти за своего палня замуж, как только тот скопит на мебель, и тогда она поселится в Галлеме, и станет на кухне возиться, да носы детишкам подтилать. В общем, плевлатится в настоящую домохозяйку из низшего следнего класса. У Мэй один недостаток — она любит женские лассказики и считает, что именно так следует вести себя девушке из хода.

— Вот забавно! — откликнулась Джилл. — А я б ни в жизнь не догадалась. Проглотила этот ее лимузин со всеми колесами!

Херувим бросил на нее любопытный взгляд. Джилл была для него загадкой, предметом тайных недоумений; как и для остальных девушек из хора.

— Это ведь твое пелвое шоу, плавда? — спросила она.

— Да.

— Слушай-ка, а что ты вообще делаешь в театле?

— В основном, терплю ругань мистера Миллера.

— Вот-вот! Телпишь лугань мистела Миллела! А что ж не сказала, как другие, — «телплю, как Джонни олет»?

— Понимаешь, большую часть жизни я прожила в Англии. Нельзя ждать, что я так скоро выучусь изъясняться по-американски.

— Так и знала, что ты англичанка. У тебя такой же акцент, как у палня, котолый иглает фата в нашем шоу. Слушай-ка, а почему ты вообще пошла в театл лаботать?

— Ну… А почему ты? Почему идут другие?

— Я-то? Я в театле — своя. Настоящая блодвейская клы-са. Нигде больше мне не будет холошо. Я лодилась в шоу-бизнесе. У меня обе сестлы делают номел, а блат в лепелтуалном театле в Калифолнии. И папа — комедиант, очень хо-лоший. Но ты тут — чужая, это слазу видно. И чего ты встля-ла в хол?

— Ну, это просто. У меня нет денег. А никак иначе я заработать не могу.

— Честно?

— Честно.

— У-у, палшиво! — херувим призадумался, круглые глаза внимательно вгляделись в лицо Джилл. — А замуж чего не выйдешь?

— Не просит никто! — рассмеялась Джилл.

— Кое-кто неплеменно поплосит. Во всяком случае, если он на уловне, а я думаю — он такой. Палня по виду всегда опледелишь. Если

сплосишь меня, — у нашего длуга Пилкингтона уже и лицензия на блак в калмане, и колечко заказано, и все такое плочее.

— У Пилкингтона! — ошеломленно воскликнула Джилл.

И ей припомнились некоторые случаи во время репетиций, когда хор отдыхал и слушал, как работают солисты на сцене, а долговязый Пилкингтон внезапно возникал на соседнем месте и застенчиво заводил разговор. Неужели влюбился? Если так, очень досадно. У Джилл уже был опыт в Лондоне с влюбленными молодыми людьми, которые, следуя кодексу нации, отказывались признать поражение, и ей вовсе не доставляло удовольствия охлаждать их пыл. У нее было доброе сердце, и она расстраивалась, когда приходилось кому-то причинять боль. Действовало на нервы и преследование пораженных в сердце представителей мужского пола, пытавшихся поймать ее взгляд, чтобы обратить ее внимание на свое разбитое сердце. Ей припомнилась одна домашняя вечеринка в Уэльсе, тогда беспрерывно лил дождь, и ей пришлось ускользать от жертвы любви, которая то и дело выскакивала из сумеречных углов и начинала все свои мольбы словами: «Послушайте-ка, а знаете…» Хотелось надеяться, что Отис Пилкингтон не намерен излагать свои мольбы в таких выражениях. А вот зловредную привычку выныривать невесть откуда тот определенно приобрел. Раза два он даже напугал ее, материализовавшись рядом, точно бы выскочил из люка.

— О, нет! — воскликнула Джилл.

— О, да, — настаивал херувим, властно махнув приближавшемуся трамваю. — Ну, мне пола ехать на свою оклаину. У меня свидание. Пока!

— Я уверена, ты ошибаешься!

— Ну, нет!

— Почему ты так решила?

Херувим ухватился за поручни трамвая, готовясь туда забраться.

— Ну, во-пелвых, — начал он, — кладется за тобой, как только мы вышли из театла, будто индеец в засаде. Оглянись! До свидания, дологуша! Не забудь, плишли мне кусочек свадебного толта!

И его увез трамвай. Джилл увидела напоследок широкую обаятельную улыбку, а оглянувшись, и в самом деле узрела змееподобные формы Отиса Пилкингтона, башней нависающего сбоку.

Мистер Пилкингтон, хотя и нервничал, явно был полон решимости. Лицо у него было наполовину скрыто шелковым шарфом, которым он укутал горло, — он очень берег здоровье, подозревая, что подвержен бронхиту. Над шарфом на Джилл кротко взирали глаза сквозь очки в черепаховой оправе; и бессмысленно было уговаривать себя, будто

нежный блеск за стеклами — это не свет любви. Истина была слишком очевидна.

— Добрый вечер, мисс Маринер, — поздоровался мистер Пилкингтон из-за шарфа приглушенным и далеким голосом. — На окраину идете?

— Нет, в центр, — быстро ответила Джилл.

— И мне туда же, — не растерялся мистер Пилкингтон.

Джилл стало досадно, но она чувствовала полную беспомощность. Можно ли тактично распрощаться с человеком, заявившим о своем намерении идти в одну сторону с вами? Оставалось идти рядом с назойливым поклонником. И они вместе зашагали по Бродвею.

— Устали, наверное, после репетиции? — своим специфическим тоном осведомился мистер Пилкингтон. Он всегда говорил так, будто, взвесив каждое слово, отстригал его от кинопленки.

— Немножко. Мистер Миллер такой энтузиаст.

— То есть, ему очень нравится мюзикл?

— Нет, я имела в виду — трудится он очень усердно.

— А про мюзикл он что-нибудь говорил?

— Да нет. Понимаете, он не особо с нами откровенничает. Откровенно высказывается только насчет того, как мы выполняем па. Судя по этим высказываниям, не очень-то мы ему нравимся. Но девушки говорят, он каждому хору, с каким репетирует, твердит, что хуже них еще никого не видал.

— А хор… вернее, леди из ансамбля, что они думают о мюзикле?

— Ну, они вряд ли такие уж хорошие судьи, — дипломатично ответила Джилл.

— Иными словами, он им не нравится?

— Некоторые просто еще не до конца его понимают. Мистер Пилкингтон на минутку примолк.

— Я и сам начинаю подумывать — а может, публика не доросла до него? — печально проговорил он. — Когда его поставили в первый раз…

— О-о, так его уже ставили?

— Любители — да. Прошлым летом в доме моей тети миссис Уоддсли Пигрим в Ньюпорте. В помощь армянским сиротам. Тогда его приняли очень тепло. Мы почти покрыли расходы. Такой был успех, что… я чувствую, вам я могу довериться. Но мне бы не хотелось, чтобы вы пересказывали мои слова вашим… вашим… другим леди… такой был успех, что я, вопреки совету моей тети, решил поставить спектакль на Бродвее. Между нами, это ведь я оплачиваю практически все расходы. Мистер Гобл никак не участвует в финансировании. Все — на мне. А

мистер Гобл за определенное вознаграждение — долю в прибылях — предоставляет нам свой опыт в антрепризе. Что я считаю крайне важным. Мы с Трэвисом создали мюзикл, еще когда вместе учились в колледже, и все наши друзья сочли его просто блестящим. Моя тетя, как я уже сказал, была против моей затеи с Бродвеем. Она придерживается мнения, что я в бизнесе ничего не смыслю. Возможно, до некоторой степени она и права. По темпераменту я, без сомнения, художник. Но я хочу показать публике нечто получше этих хитов с Бродвея! Ведь они — настоящий хлам! К сожалению, я начинаю сомневаться в успехе. Когда играют актеры такого грубого типа, поставить спектакль, равнозначный «Розе Америки», очень трудно. Эти люди не улавливают духа пьесы, ее тонкого юмора, каламбуров, изысканной фантастичности сюжета. Сегодня днем, — мистер Пилкингтон запнулся, — сегодня я случайно услышал, как двое солистов, не подозревавших, что я нахожусь поблизости, обсуждали спектакль. Один из них — эти люди так причудливо изъясняются — сравнил его с айвой, так же застревает в горле. А другой сравнил с головкой овечьего сыра. При таких настроениях разве можно рассчитывать на успех?

Джилл стало несказанно легче. Оказывается, бедняге нужно только сострадание. Она ошиблась, блеск в его глазах — не жар любви, а огонь паники. Он — автор пьесы. Всадил большие деньги в постановку, и теперь у него особенно после критики, как выразились бы ее подруги по хору, «дрожат от трусости ножки». Чувство очень понятное. Отис ужасно походил на подростка-переростка, нуждающегося в утешении. Джилл даже растрогалась, и от облегчения сняла все линии обороны. И потому, когда, дойдя до 34-й стрит, мистер Пилкингтон пригласил ее на чашку чая — его квартира всего в двух кварталах от Мэдисон-авеню, — она без колебаний приняла приглашение.

Всю дорогу до дома он продолжал в том же минорном ключе. Он был куда откровеннее с ней, чем была бы она с человеком, сравнительно незнакомым, но она знала, что мужчины часто ведут себя так. Дома в Лондоне ей частенько приходилось выслушивать самые личные откровения от молодых людей, которых она впервые встретила тем же вечером на танцах; и невольно Джилл уверилась — что-то в ее личности действует на определенный тип мужчин, как трещина в дамбе, давая волю бурным потокам их красноречия. К такому же типу явно принадлежал и Пилкингтон — раз начав говорить, он не утаивал ничего.

— Не то чтобы я завишу от тети Оливии, — изливался он, помешивая чай уже в своей квартире, студии в японском стиле, — но знаете, как бывает. У тети есть возможность здорово подпортить мне жизнь, если я

отмочу глупость. Сейчас у меня есть все основания полагать, что она намеревается оставить мне практически все свое состояние. А ведь это — миллионы! — добавил Отис, протягивая Джилл чашку. — Уверяю вас, миллионы! Но ей присуща твердая коммерческая жилка. И на нее произведет пагубное впечатление, если я потеряю на этой постановке крупную сумму, тем более что она специально остерегала меня. Она вечно ворчит, что я совсем не похож на моего покойного дядю, что я не бизнесмен. Мой дядя Уоддсли Пигрим состояние нажил на копченых окороках. — Взглянув на японские гравюры, Отис слегка содрогнулся. — До самой своей смерти он уговаривал меня войти в его бизнес, но для меня это невозможно. Однако, когда я услышал, как эти двое обсуждают мою пьесу, я почти пожалел, что не послушался его.

Теперь Джилл была вконец обезоружена. Она даже погладила бы этого несчастного молодого человека по голове, сумей до нее дотянуться.

— Я не стала бы беспокоиться, — заметила она. — Где-то я не то слышала, не то читала, что если актерам пьеса не нравится — это вернейший залог успеха.

Мистер Пилкингтон подвинул свой стул на дюйм поближе.

— Какая вы добрая!

С огорчением Джилл сообразила, что все-таки ошиблась. Тот блеск был жаром любви. Черепаховые очки опаляли ее, будто пара прожекторов. Отис стал похож на овцу, а уж это, как ей было известно по опыту, признак безошибочный. Когда молодой человек становится похожим на овцу, пора исчезать.

— Боюсь, мне пора, — поднялась Джилл, — Спасибо большое за чай. И мой совет: я бы на вашем месте ни чуточки не боялась. Уверена, все выйдет превосходно. До свидания.

— Как, вы уже уходите?

— Да, пора. Я и так опаздываю. Я обещала…

Какую бы там выдумку ни собиралась преподнести Джилл в ущерб своей душе, ее перебил звонок я дверь, Шаги слуги-японца тихо приблизились к гостиной.

— Мистер Пилкингтон дома? Отис сделал умоляющий жест,

— Не уходите, Джилл, — пылко попросил он. — Это один мой знакомый. Пришел, наверное, напомнить мне, что я обедаю е ним сегодня вечером. Он и минутки не задержится. Ну, пожалуйста, не уходите!

Джилл присела снова. Теперь у нее и семой уже не было ни малейшего намерения уходить. Жизнерадостный голое у парадной двери принадлежал давно потерянному дяде, майору Кристоферу Сэлби.

Глава XII ДЯДЯ КРИС ЗАИМСТВУЕТ КВАРТИРУ

1

Легко и бойко вошел в комнату дядя Крис, беспечно постукивая перчаткой о руку, Но увидев, что Пилкингтон не один, остановился как вкопанный.

— О, прошу прощения! Как я понимаю… — Он вгляделся в Джилл. Освещение в студии Пилкингтон устроил сумеречное, артистическое, и вошедшим с яркой улицы требовалось к нему привыкнуть, — Если вы заняты…

— Э… позвольте мне… мисс Маринер… Майор Сэлби…

— Здравствуй, дядя Крис! — воскликнула Джилл,

— Господи, помилуй! — откликнулся пораженный джентльмен и рухнул на кушетку как подкошенный.

— А я тебя по всему Нью-Йорку разыскивала, — сообщила Джилл.

Интеллектуальное напряжение беседы оказалось не под силу бедному Пилкингтону,

— Дядя Крис? — слабо проблеял он.

— Майор Сэлби — мой дядя,

— Вы уверены? — выговорил мистер Пилкингтон. — Я хочу сказать… — Не поняв и сам, после минутного допроса внутреннего «я», что же, собственно, он хотел сказать, Отис погрузился в молчание.

— Как ты тут очутилась? — спросил дядя Крис.

— Я пила чай с мистером Пилкингтоном.

— Но… почему с мистером Пилкингтоном?

— Он пригласил меня.

— Откуда же ты его знаешь?

— Мы в театре познакомились.

— В театре?

Отис Пилкингтон обрел утраченный было дар речи.

— Мисс Маринер репетирует в маленьком спектакле, к которому я имею отношение, — объяснил он.

Дядя Крис чуть приподнялся с кушетки и дважды мигнул. Джилл никогда еще не видела его таким выбитым из колеи.

— Только не говори мне, Джилл, что ты пошла работать в театр!
— А я пошла. Я в хоре…
— В ансамбле, — мягко поправил мистер Пилкингтон.
— Я в ансамбле спектакля «Роза Америки». Мы уже давно репетируем.
С минуту дядя Крис молча переваривал информацию. Потом он потеребил свои коротенькие усики.
— Ах, ну конечно же!
Услышав жизнерадостные нотки, Джилл, так хорошо его знавшая, сразу догадалась, что дядюшка вполне пришел в себя, обмозговал ситуацию и готов взять ее под контроль. Догадка вполне подтвердилась в следующую же минуту дядя встал с кушетки и занял позицию перед камином. Мистер Пилкингтон, питая неприязнь к паровому отоплению, весь город обшарил, пока не отыскал студию с открытым камином. Дядя Крис расставил ноги и выпятил колесом грудь.
— Ну конечно! — повторил он. — Теперь я припоминаю, ты же писала мне, что подумываешь пойти на сцену. Моя племянница, — объяснил дядя Крис внимательно слушавшему Пилкингтону, — приехала из Англии позже. Я ждал ее только через несколько недель, потому так и удивился. Ну, конечно! Ты сообщила мне, что намереваешься пойти на сцену, и я настоятельно рекомендовал тебе начать с нижней ступеньки. Досконально познакомиться с театром, с самого низу, прежде чем выходить на яркий свет рампы.
— Ах, вот как? — задумчиво заметил мистер Пилкингтон.
— Нет лучшей выучки, — заключил дядя Крис, уже вполне овладевший собой, — чем попеть в хоре. Сколько знаменитейших актрис начинало так! Десятки! Буквально — десятки! Давай я совет любой молоденькой девушке, мечтающей о театральной карьере, я бы непременно сказал ей: «Начинайте в хоре!» Но все-таки, — продолжал он, повернувшись к Отису, — думаю, не стоит вам упоминать своей тете, что моя племянница поет в хоре. Она может не так понять.
— Именно, именно! — горячо согласился мистер Пилкингтон.
— Само словечко «хор»…
— Терпеть его не могу!
— Как бы намекает…
— Вот именно.
Вполне довольный, дядя Крис опять раздул грудь.
— Вот и замечательно! — бросил он. — Ну что ж, заскочил я только, чтобы напомнить вам, мальчик мой, что вы с тетей обедаете у меня.

Побоялся, что такой деловой человек может и запамятовать.

— Я с великим нетерпением предвкушаю обед, — отозвался мистер Пилкингтон, весьма польщенный такой характеристикой.

— Адрес не забыли? Дом 9, 41-я Ист-стрит. Я переехал, помните?

— А-а, так вот почему я не могла найти тебя в том, первом доме, — вставила Джилл. — Швейцар сказал, он про тебя и не слышал.

— Идиот какой-то! — брюзгливо обронил дядя Крис. — Можно подумать, этих нью-йоркских швейцаров набирают исключительно из домов для слабоумных. Новичок, наверное. Ну что ж, Пилкингтон, мальчик мой, жду вас в 7.00 вечера. До свидания. Пойдем, Джилл.

— До свидания, мистер Пилкингтон, — попрощалась Джилл.

— До свидания, мисс Маринер, — откликнулся мистер Пилкингтон, наклоняясь, чтобы взять ее за руку. Черепаховые очки в последний раз скользнули по ней ласковым лучом.

Едва за ними закрылась парадная дверь, как дядя Крис испустил вздох облегчения.

— Фу-у! Надеюсь, я выкрутился из сложной ситуации тонко и дипломатично. Да, я проявил просто чудеса дипломатии,

— Если ты подразумеваешь, — сурово отозвалась Джилл, — что нагородил кучу бессовестных выдумок…

— Выдумки, моя дорогая, или, скажем так, творческая лепка бесформенной глины реальности, это… ну как бы выразиться?.. В общем, они пришлись очень кстати. Миссис Пигрим ни в коем случае не нужно знать, что ты поешь в хоре. Стоит ей пронюхать, что моя племянница поет в хоре, и они непременно заподозрит во мне авантюриста. И хотя, — раздумчиво продолжил дядя Крис, — я, конечно, авантюрист и есть, всякому приятно иметь свои маленькие секреты, К тому же, у милой дамы закоренелая враждебность к девушкам этой вполне достойной, но очерненной профессии, с того самого дня, как нашему молодому другу, когда тот учился на втором курсе колледжа, всучили иск за нарушение брачных обещаний от одной хористочки, Что ж, у всех у нас есть свои предубеждения, У нее — вот такое, Но, думаю, мы вполне можем положиться на нашего друга, он ни словечка не обронит… Однако зачем тебе это понадобилось? Моя дорогая девочка, что побудило тебя пойти на такой шаг?

— В точности то же самое, — расхохоталась Джилл, — спросил у меня сегодня днем мистер Миллер, когда мы репетировали один танец, только по-другому поставил вопрос, — Она взяла дядю под руку, — А что мне еще оставалось делать? Я оказалась одна в Нью-Йорке с остатками от

тех двадцати долларов, что ты прислал мне, И никакого просвета.

— Отчего же тебе не жилось в Брукпорте, с твоим дядей Элмером?

— А ты когда-нибудь видел этого дядю Элмера?

— Нет, Как ни странно — ни разу,

— Вот если б видел, так и не спрашивал бы, Брукпорт! Бр-pl Я сбежала, когда они попытались заставить меня, чтобы я заменила наемного работника, который от них уволился.

— Что!

— Да, им надоело меня содержать, Я их не виню! Вот они и стали изыскивать способы сделать меня полезной в доме. Я не возражала, когда меня попросили читать тете Джулии, стерпела прогулки с Тибби, Но когда дошло до того, что мне предложили расчистить от снега крыльцо, я тихонько, молча испарилась.

— Нет, ничего не понимаю! Я же намекнул твоему Дяде. — очень тонко, дипломатично, что у тебя имеются большие личные средства.

— Знаю, знаю! И он без конца таскал меня смотреть дома и уговаривал купить их всего за сто тысяч наличными. — Джилл хихикнула, — Видел бы ты его лицо, когда я открыла ему, что все мое состояние в этом мире — двадцать долларов!

— Не может быть! Ты ему сказала?

— Ну да!

Дядя Крис покачал Головой, словно снисходительный папаша, разочарованный в любимом ребенке.

— Ты, Джилл, девушка хорошая, но у тебя совершенно нет… как бы это выразиться?.. тонкости. Твоя мама была в точности такой же. Премилая женщина, но никакой дипломатии, никакого умения разобраться в ситуации. Помню, она как-то раз выдала меня, после того как мы лазили в шкаф за вареньем. Ничего дурного бедняжка и в мыслях не имела, просто по природе своей не способна была на тактичное отрицание. — На минутку дядя Крис ушел мыслями в прошлое. — Без сомнения, превосходное качество, но немножко неудобное. Я не виню тебя за то, что ты сбежала из Брукпорта, раз тебе было там плохо. Но все-таки следовало посоветоваться со мной, прежде Чем поступать на сцену,

— Стукнуть мне, что ли, этого человека? — спросила Джилл у мироздания, — Ну как, интересно, я могла бы с тобой посоветоваться? Мой дорогой, мой драгоценный дядюшка, разве ты забыл, что растворился в пространстве, бросив меня без гроша? Мне пришлось что-то предпринимать. И раз уж мы про это заговорили, может, ты объяснишь мне эти свои переезды? Почему ты написал мне с 57-й стрит, раз ты там и не

жил?

Дядя Крис откашлялся.

— Ну, в некотором роде… когда я писал письмо… Я был там.

— Наверное, это что-то да значит, но что — выше моего разумения. Я, дядя Крис, совсем не такая умная, как тебе кажется. Так что придется тебе объяснить,

— Видишь ли, дорогая, все обстоит так. Если ты помнишь, я находился в щекотливом положении. На пароходе я завел нескольких очень богатых друзей, и вполне вероятно, ненароком дал им понять, что и у меня денег немало. Ну, в общем, у них сложилось впечатление, и вряд ли было целесообразно ломать его. Существует, понимаешь ли, у богачей достойное сожаления свойство — они проявляют свои лучшие и дружеские чувства лишь к тем, кого считают не беднее себя. Разумеется, на пароходе то, что я плыл, как сказали бы пуристы, под фальшивым флагом, значения не имело. Проблема была, как же поддержать… э… невинный обман после прибытия в Нью-Йорк. Женщина вроде миссис Уоддсли Пигрим — жуткое, кстати, создание, дорогая, но богата, как филиал казначейства, — так вот, она косо посмотрит на человека, пусть самого обаятельного, если тот возьмется цементировать дружбу, завязавшуюся на пароходе, из дешевеньких меблирашек. Было крайне необходимо найти, ну, я назвал бы это базой для военных операций. И что же? Судьба благоволила ко мне. Представь, первым, на кого я наткнулся в Нью-Йорке, был мой старый денщик, которому я в прежние времена оказал немаловажную услугу. Просто-таки доказывает, что надо пускать хлеб по водам,[41] и он непременно вернется. С помощью маленького займа у меня он в свое время и сумел эмигрировать в Америку. Ну, стало быть, встретил я его, и в нашей короткой беседе открылось, что служит он швейцаром в том доме, который ты посетила. В том самом, на 57-й авеню. А в это время года, как мне известно, многие богачи уезжают на юг. Во Флориду или там Каролину. Вот мне и пришло в голову, что в его доме может случиться пустая квартира. И она нашлась. Я ее занял.

— Господи, откуда у тебя нашлись деньги платить за квартиру?

Дядя Крис снова покашлял.

— Милая, я же не сказал, что я платил за нее. Я сказал — я ее занял. В этом и есть, как можно бы выразиться, суть моей истории. Мой старый друг, желая отплатить мне добром за мою услугу, согласился стать моим соучастником в… э… невинном обмане. Я давал своим новым друзьям адрес и телефон этого дома, сам, между тем, обитая в жилище поскромнее и подешевле. Каждое утро я заходил туда за письмами. Если кто-то звонил

мне, то достойнейший швейцар отвечал как мой слуга, записывал сообщение и передавал его мне, в меблирашки. А если кто-то заходил, то говорил, что я вышел. Во всей схеме нет ни малейшего изъяна, моя милая. Главное ее достоинство — изящная простота.

— Так что же вынудило тебя от нее отказаться? Совесть?

— Еще ни разу, моя милая, совесть не вынуждала меня ни от чего отказываться, — твердо возразил дядя Крис — Нет. Существовал один-единственный шанс против ста, что что-то пойдет не так. И этот единственный взял да выпал. Вот поживешь в Нью-Йорке подольше и сама увидишь одну особенность этого города: рабочий класс тут находится в беспрерывном движении. В понедельник ты встречаешь слесаря. Ага, говоришь ты себе, слесарь пошел! Ну и прекрасно. Но в следующий четверг, когда ты встречаешь этого человека снова, он уже — вагоновожатый. Еще через неделю он наливает тебе содовую в аптеке. А все виноваты эти чертовы журналы с их рекламой заочных курсов. «Вы зарабатываете все, что заслуживаете? Напишите нам, и мы заочно научим вас выращивать цыплят!»… И в умах людей начинают бродить дурацкие идеи. Они будоражат, срывают с места. Вот так получилось и в нашем случае. Катилось все без сучка и задоринки, как вдруг моего швейцара стукнула мысль — а ведь судьба-то предназначала его для работы садовником! И он уволился.

— Оставив тебя бездомным!

— Да, как ты правильно заметила — бездомным… Но — временно. К счастью, мне поразительно везло. Так и кажется, что судьба не бросает хорошего человека в беде. Так вот, к счастью, у моего друга был еще один друг, который работал швейцаром в доме на 41-й Ист-стрит, и по чудесной случайности единственная квартира в этом здании пустует. Само здание — офисное, но на самом верхнем этаже там есть, как часто бывает в таких зданиях, маленькая холостяцкая квартирка.

— А ты у нас маленький холостяк?

— Вот именно. Мой друг объяснил суть дела своему другу, мы уладили, к общему удовлетворению, финансовые детали — и я совершенно счастлив в самой уютной квартирке в мире, без всякой арендной платы. Я даже лучше устроился, чем прежде, потому что жена моего нового союзника — отменная кулинарка, и я уже дал парочку приятных обедов в моем новом жилище. Если ты можешь немножко поразвлечь друзей, это придает правдоподобие. А если тебя всегда нет дома, у них начинают возникать всякие недоумения. Вот сегодня вечером я, например, даю обед твоему другу Пилкингтону и миссис Пигрим, По-домашнему уютно,

вкусно и гораздо дешевле, чем в ресторане,

— А что ты будешь делать, если настоящий владелец квартиры нагрянет *в* разгар обеда?

— Это исключено. Швейцар сообщил мне, что тот несколько недель назад уехал в Англию и намерен остаться там на несколько месяцев.

— Да, ты действительно обо всем подумал,

— Любой мой успех, — ответил дядя Крис е достоинством промышленного воротилы, делящегося секретами с журналистом, — объясняется тем, что я всегда вее досконально продумываю.

Джилл залилась смехом. Было в ее дяде нечто, что всегда действовало на ее моральные устои будто опиум, усыпляя их, мешая им восстать и вознегодовать. Укради он часы е цепочкой, и тут убедил бы, что действовал он из самых лучших побуждений, по велению альтруизма.

— Да какого же такого успеха ты достиг? Когда ты бросил меня, то отправился наживать богатство. Ну и как? Нажил?

— Ну, пока еще нельзя сказать, что я держу его в руках, — признался дядя Крис, — но оно так и витает в воздухе. Я даже слышу шуршание долларовых купюр, когда они летают и порхают совсем рядышком, протяни руку — и схватишь! Рано или поздно, я обязательно схвачу. Я никогда не забываю, милая, о задаче, стоящей передо мной, — возместить тебе деньги, которых я тебя лишил. В один прекрасный день, можешь не сомневаться, я их возмещу! В один прекрасный день ты получишь от меня письмецо, а там будет крупная сумма — пять тысяч, или десять, а еще скорее — двадцать, ну посмотрим, сколько, с простыми словами: «Первый взнос». — И дядя Крис повторил фразу, точно бы она очень ему понравилась: — Да, первый взнос!

Джилл погладила его руку. На нее напало настроение, в каком она раньше, много лет назад, слушала, как он рассказывает ей волшебные сказки.

— Продолжай! — вскричала она, — Продолжай! Это так чудесно! В един прекрасный день шел дядюшка Крис по Пятой авеню и встретил там случайно бедную старушку, собирающую хворост для костра. Такую старенькую и такую усталую, что ему стало ее жалко, и он подарил ей 10 центов, у швейцара одолжил. И вдруг старушка превратилась в прекрасную девушку «сказала: «Я — фея! В награду за твою доброту я дарую тебе три желания!» Дядюшка Крис поразмышлял с минутку и сказал: «Я желаю, чтоб у меня появилось двадцать тысяч долларов, чтобы послать их Джилл. И волшебница ответила: «Будет исполнено. А следующее твое желание?»

— Тебе все бы смеяться! — возмутился дядя Крис, оскорбленный

таким легкомыслием. — Но позволь сказать тебе, мне не требуется помощь феи, чтобы разбогатеть. Ты можешь понять, что в домах» вроде дома миссис Пигрим, я все время встречаюсь с людьми, которым стоит только словечко шепнуть, и я стану миллионером? Седые толстяки с рыбьими глазами, в больших жилетах. Сидят, попыхивают сигарами и размышляют, что им предпринять на фондовом рынке. Умей я читать мысли, я б уже не один десяток состояний нажил. Я сидел напротив этого старого разбойника Брюса Бишопа больше часа в тот самый день, когда он и его шайка опустили на 20 пунктов «Объединенные орехи»! Знай я, откуда ветер дует, сомневаюсь, что сумел бы удержаться — я б этого субъекта попридушил и заставил признаться, что он задумал. В общем, Я стараюсь объяснить тебе: придет все-таки день, когда кто-то из этих старых устриц разжалобится на минутку и выдаст Подсказку, как мне действовать. Это соображение и привязывает Меня так крепко к дому миссис Пигрим. — Дядя Крис слегка вздрогнул. — Жуткая женщина! Весу в ней фунтов[42] 180, а игрива — ну тебе молодой ягненок по весне! Заставляет меня танцевать с ней! — Губы дяди Криса мученически дрогнули, И он на минутку примолк. — Еще спасибо, что я когда-то был футболистом!

— На что же ты живешь? — поинтересовалась Джилл, — Я понимаю, в следующий вторник ты всенепременно станешь миллионером, но как же ты обходишься сейчас?

Дядя Крис кашлянул.

— Ну, что касается Повседневных расходов, я сумел кое-что предпринять и приобрел небольшой, но вполне достаточный доход. Живу я, верно, в меблирашках, но Я придумал, как не подпускать волка нищеты к моей скромной двери, которая, между прочим, сильно нуждается в покраске, Слыхала про «Нервино»?

— Нет, как будто. Похоже на патентованное Лекарство.

— Это и есть патентованное лекарство! — Дядя Крис приостановился и озабоченно взглянул на нее. — Джилл, что-то ты бледненькая, дорогая моя.

— Правда? У нас сегодня была утомительная репетиция.

— А ты уверена, — серьезно продолжил дядя Крис, — что дело только в репетиции? Может, твои жизненные силы подорваны бурной суетой столичной жизни? Ты представляешь хотя бы, что приключится с тобой, если ты допустишь, чтоб твои красные кровяные шарики утратили жизнеспособность? У меня есть, например, один друг…

— Прекрати, дядя! Ты меня до смерти запугаешь!

— Чего я и добивался. — И дядя Крис удовлетворенно подкрутил

усики. — Да, я тебя здорово напугал. Ты даже не захотела слушать историю о моем чахоточном друге. А жаль! Она — одна из лучших! Еще я бы обронил ненароком, что у меня и самого до недавнего времени были такие же проблемы, но вот как-то на днях я совершенно случайно попробовал «Нервино», прекраснейшее, особое… Это я тебе наглядно показал, как я действую. Случайно я увидел как-то рекламу, и меня осенила идея. Захожу я к ним и говорю: «Вот он я, представительный джентльмен, с обходительными манерами и обширными знакомствами среди сливок нью-йоркского общества. Во сколько вы оцените, если я изредка стану подбрасывать намеки на званых обедах, и тому подобное, что «Нервино» — это панацея для богатых? — В общем, ясно и доходчиво изложил им идею. Конечно, — говорю, — у вас в городе сотни агентов-распространителей, но есть ли у вас хоть один, кто непохож на агента и говорит не как распространитель? Есть ли хоть кто-то, кто вхож в дома богачей, допущен к их столу, а не топчется на парадном крыльце, стараясь просунуть ногу в дверь, чтоб не захлопнули? Вот этот пункт вы должны обдумать». Идею они уловили на лету, и мы договорились об условиях — не такая щедрая плата, как мне хотелось бы, но ничего, хватает. Каждую неделю я получаю сравнительно удовлетворительный гонорар, а в обмен распространяю в золоченых дворцах богачей добрые слухи о «Нервино». Только к этим людям, Джилл, и стоит с этим обращаться. Они так заняты выжиманием денег у вдов и сирот, что им некогда заботиться о своем здоровье. Поймаешь такого после обеда, когда он погружен в раздумья — а надо ли было съедать вторую порцию омара? — и он воск в твоих руках. Я придвигаю к его стулу свой, проявляю сочувствие, распространяюсь, что и у меня были точно такие же проблемы, упоминаю своего доброго старого друга, который, бедняга, умер от несварения, и потихоньку-полегоньку подвожу беседу к «Нервино». Лекарства я им не навязываю, Боже упаси! Даже не прошу его пробовать. Я просто указываю на себя — цветущего, полного сил, — и объявляю, что всем обязан «Нервино». Дельце в шляпе! Они многословно благодарят меня и записывают название на манжете. Вот и все! Думаю, — философски заключил дядя Крис, — вряд ли лекарство причинит им особый вред.

Они дошли до угла 41-й стрит. Дядя Крис нашарил в кармане ключ.

— Если желаешь взглянуть на мое маленькое гнездышко, ступай одна. Квартира на 22-м этаже. Да, непременно выйди на крышу и полюбуйся оттуда видом. Стоит посмотреть. Даст тебе некоторое представление о размерах города. А город чудесный, изумительный, моя девочка! Полный людей, которым необходим «Нервино». Я загляну в клуб на полчасика.

Мне дали членскую карточку на две недели. Шикарное местечко. Вот тебе ключ…

Джилл свернула на 41-ю стрит и подошла к гигантскому строению из стали и камня, рядом с которым скромные особняки казались карликами. Было странно думать, что на самой верхотуре этой горы гнездится частная квартира. Джилл вошла, и лифт с головокружительной стремительностью вознес ее на 22-й этаж. Она очутилась перед коротким пролетом каменной лестницы, упирающейся в дверь. Поднявшись по ступенькам, она вставила ключ в скважину и, повернув его, вошла в холл, а там, миновав коридор, вышла в гостиную.

Небольшая комната, обставленная солидно и удобно, подействовала на нее успокоительно. В первый раз с той минуты, как Джилл приехала в Нью-Йорк, у нее возникло чувство, что она — за много миль от шума и суеты города. Тишина тут стояла глубокая, благотворно действующая на нервы. Она была одна среди покоя, книг и мягких кресел, на которые с широколицым благожелательством взирали высокие напольные часы. Таким мирным было это гнездышко, примостившееся высоко наверху, над шумом и грохотом цивилизации, что каждый нерв в ее теле расслабился в восхитительном успокоении, точно попала она к Питеру Пэну, на верхушку дерева.

2

Джилл была присуща сильнейшая тяга к исследованиям, свойственная каждому из нас. Она была откровенно любопытна и не могла и двух минут пробыть в незнакомой комнате, чтобы не прогуляться по ней, не почитать названия книг на корешках, не посмотреть картины и фотографии. И теперь она сразу же пустилась бродить по гостиной.

Сперва ее привлекла каминная полка. В гостях Джилл первым делом всегда подходила к этой полке, потому что там-то больше всего и проявлялся характер владельца. Здесь она была заставлена фотографиями, большими и маленькими, в рамках и без них. В центре, на особицу от других, приткнулся моментальный снимок, выглядевший странно среди своих фасонистых соседей.

У полки было темновато, и Джилл понесла снимок к окну, под угасающий свет дня. Почему, объяснить она не могла, но он заинтересовал ее. В нем чувствовалась какая-то тайна. Казалось бы, совеем плохонький… Почему же он занимает столь почетное место?

Сделан он был явно любителем, но выпал тот редкий случай, когда любителю повезло, такие успехи обычно вдохновляют на дальнейшие занятия своим хобби. На крыльце старого дома стояла девочка в белом коротком платьице, открывавшем стройные темные ножки. Одной рукой она придерживала летнюю шляпу, а другой поглаживала ирландского терьера, упершегося передними лапами ей в талию и заглядывавшего в лицо с унылой грустью, такой типичной для ирландских терьеров. По-видимому, ярко светило солнце — девочка сморщилась в улыбке, кривой, но очаровательной. Первой мыслью Джилл было: «Какой забавный ребенок!» А потом сердце у нее подскочило, и ей стало трудно дышать от кома в горле: она поняла, что на этом снимке — она сама!

Летящим прыжком память перемахнула через годы, и Джилл опять ощутила на лице палящее солнце, услышала возбужденный голос Фредди — тогда ему было четырнадцать, и он только что стал обладателем камеры. Он упрашивал ее постоять еще вот так, ему и требуется-то всего полминутки, какая-то проклятая штуковина внутри заела. Раздались резкий щелчок и неуверенные клятвы, что снимок получится отличным, разве только он забыл передвинуть пленку — тогда Джилл окажется в компании е коровой, которую он щелкнул по пути домой. Она вспомнила, с каким облегчением исчез терьер Пат, радостно удравший, так как он ничего не смыслил в фотографии… Сколько же лет назад все это было? Бог его знает. Теперь Фредди превратился в высокого мужчину, а она сама достигла возраста благоразумия и длинных платьев. Пат умер, в старом их доме поселились чужие… Но вот оно, молчаливое свидетельство солнечного дня, здесь, за тысячи миль от того английского вала, в котором оно появилось.

Сумрак сгустился. Вершина огромного здания чуть качнулась, отчего маятник напольных часов гулко стукнулся о бок деревянного корпуса. Джилл вздрогнула. Шум после мертвой тишины напугал ее: она старалась понять, что это. У нее возникло нервное ощущение, что она больше не одна, будто бы в тенях прятались гоблины, подглядывая за вторгшейся гостьей. Метнувшись к каминной полке, она поставила фото на место, ощущая себя героиней сказки, разглядывающей мебель в замке великана, Вскоре раздадутся бухающие шаги огромных ног — бум, бум…

Бум!

Сердце у Джилл подпрыгнуло снова, Она была совершенно уверена, что слышала стук, Будто бы хлопнула дверь. Собравшись с духом, она стояла, прислушиваясь, напрягшись всем телом. И тут, раскалывая тишину, из коридора донеслось громкое пение:

Идут проводники,
Грядут проводники,
Дыша о-де-ко-ланом,
Проворны и легка,
Изящны и тонки,
По новеньким ва-го-нам!

На мгновение Джилл затруднилась определить, что же она чувствует: то ли облегчение, то ли еще больший испуг, Цепенящее чувство сверхъестественного действительно отпустило, Разум подсказывал ей, что привидения не поют песенок в стиле рэг-тайма. Но, с другой стороны, владельцы квартир очень даже могут. А она, пожалуй, с большей охотой встретилась бы с привидением, чем с владельцем этой квартиры. Совсем растерявшись, она гадала: как же ей объяснить ему свое присутствие здесь? А что если он окажется ужасно вспыльчивым и не пожелает принять никаких объяснений?

У них воротнички,
Ах-ах, воротнички
Бе-ле-е снежной пены,
Проворны и легки,
Идут проводники,
Не ве-да-я из-мены!

Так, теперь совсем близко. Почти у самой двери…

Они всегда верны,
Они всегда скромны,
Но надо их под-мазать…

В черном проеме двери обозначился смутный бесформенный силуэт.

По стене зашарили пальцы.

— Ну, куда ж это ты запропастился? — спросил голос, адресуясь, видимо, к выключателю.

Джилл вся съежилась, отчаянно вцепившись в спинку кресла. Вспыхнул свет. В дверях стоял Уолли Мэйсон.

Глава XIII ПОСОЛ ПРИБЫВАЕТ

1

В наши дни стремительных передвижений, когда существование превратилось в серию встрясок различной силы, удивление проходит быстро. Какой-то миг Джилл изумленно смотрела на Уолли, а Уолли — на Джилл; потом оба, почти одновременно — процесс протекал подсознательно, — стали смотреть на встречу не как на изолированный, абсолютно необъяснимый случай, а как на завершение вполне логической цепочки обстоятельств.

— Привет! — проговорил Уолли.

— Привет! — откликнулась Джилл.

Не самая возвышенная нота для начала беседы, но словечко это обладало одним достоинством — оно дало обоим немножко опомниться.

— А… э… не ждал, что вас увижу… — пролепетал Уолли.

— А я не ожидала увидеть *вас*.

Новая пауза. Уолли, вероятно, анализировал последнее заявление, крутя его так и эдак, ибо оно никак не согласовывалось с возникшими у него теориями.

— Не ожидали?

— Разумеется, нет.

— Но… вы же знали, что я тут живу?

Джилл помотала головой. Уолли пораздумывал еще, и в счастливом озарении ткнул в самую сердцевинку тайны.

— Тогда почему же вы сюда пришли?

Он порадовался, что задал этот вопрос. Ощущение нереальности, охватившее его в первый момент встречи и снесенное, было, напором логики, навалилось с прежней силой. Если Джилл не знала, что он тут живет, тогда зачем, о Господи, она сюда пришла? На минутку у него даже мелькнуло, а уж не замешана ли тут телепатия, какое-нибудь духовное озарение? Ведь он же вспоминал о ней чуть не каждую минуту с тех пор, как они расстались в отеле «Савой», три недели назад. Да и раньше тоже… Нет, это нелепо. Должна существовать какая-то разумная причина. И Мэйсон стал ждать, пока Джилл объяснит ее.

С минуту она просто физически не могла ничего объяснять, с тоской

ощущая неизбежность объяснений, словно путник при виде необозримой пустыни. Ей просто невмоготу было вдаваться во все хитрые подробности. И она ответила вопросом на вопрос:

— А когда вы приплыли в Нью-Йорк?

— Сегодня днем. По расписанию пристать мы должны были еще утром, но пароход опоздал. — Уолли почувствовал, что его отвлекают от главного пункта, и снова пробился к нему. — Но что *вы* тут делаете?

— О… это такая долгая, запутанная история, — самым жалобным голосом проговорила она.

Уолли ужалило раскаяние. Как же он груб! Ни словечка участия, а у нее такие беды! Стоит столбом, таращась в изумлении, и докучает ей пустыми вопросами. Какая в конце концов разница, как она тут очутилась? Ему мерещились Долгие и утомительные розыски по запутанным лабиринтам Нью-Йорка, а судьба вдруг привела ее к самому порогу, и он, вместо благодарности, только и допытывается, отчего да почему. Н-да, туповат, однако!..

— Ладно, неважно! Расскажете, когда вам самой захочется, — И он пылко взглянул на нее. Время, по-видимому, стерло то маленькое недоразумение, под бременем которого они расстались, — Как чудесно вас видеть! Я слышал… — Уолли запнулся, — обо всем, — неуклюже заключил он.

— О моем… — замялась Джилл, — банкротстве?

— Да, Фредди мне рассказал. Мне ужасно жаль.

— Спасибо.

Повисла пауза. Оба подумали о втором ее несчастье. Невидимым призраком встал между ними Дэрек Андерхилл, Наконец Уолли сказал первое, что пришло в голову, лишь бы сломать молчание.

— Ничего квартирка, а?

Джилл почувствовала, что ей открыли дорогу для нудных объяснений.

— Дядя Крис тоже так считает, Уолли опять не понял.

— Дядя Крис? А-а, ваш дядя!

— Да.

— Он же тут не бывал.

— О нет, бывал! Он даже дает тут сегодня званый обед.

— Что?..

— Ничего. Я просто начала с конца. Ладно, расскажу по порядку. И тогда… тогда вы, наверное, ужасно разозлитесь и поднимете бучу.

— Не таков я, как сказал бы Фредди, чтобы поднимать бучу. И не могу себе представить, чтоб я злился на вас, тем более — ужасно,

— Что ж, рискну. Не будь я такой храброй девушкой, я предоставила бы дяде Крису объясняться самому, а сама взяла бы да удрала без оглядки,

— Нет-нет, только не это! Настоящее чудо, что я встретил вас здесь, и я не хочу лишаться плодов этого чуда, Говорите что угодно, только не убегайте.

— Вы разозлитесь…

— На вас — ни за что!

— Надеюсь. Я-то ничего не натворила, Я — невинная героиня. Вы разозлитесь на дядю Криса.

— Раз он ваш дядя, его моя злость тоже минует. Кроме того, когда-то он выбил из меня всю смелость бамбуковой тростью, После таких случаев между людьми образуются определенные узы. Ладно, приступайте,

Джилл призадумалась, Она обещала начать с начала, но трудно было распутать, где тут это самое начало.

— Вы слышали о капитане Кидде?[43] — наконец спросила она,

— Уклоняетесь от сути, да?

— Нет-нет. Так *слышали?*

— О пирате? Конечно,

— Так вот, дядюшка Крис — его прямой потомок. Это все объясняет.

Уолли недоуменно взглянул на нее.

— А нельзя ЛИ попонятнее?

— Могу изложить все в десяти словах, Но тогда получится совсем уж резкий поворот событий,

— Ладно, излагайте.

— Дядя Крис украл вашу квартиру,

— Ага, ага… — медленно покивал Уолли. — Украл, значит…

— Ничего вы не поняли. Придется все-таки рассказать по порядку.

Рассказ об эпопее майора Кристофера Сэлби в Нью-Йорке Уолли слушал с лестным вниманием. Каковы бы ни были его эмоции, скуки он, безусловно, не испытывал.

— Вот так все и получилось, — закончила Джилл.

С минуту Уолли молчал, переваривая услышанное.

— Понятно, — наконец проговорил он. — Вариант на тему рекламы, которую Печатают в журналах; «Зачем вам платить ренту? Завладейте чужим домом!»

— Да, пожалуй,

— Удивительный тип! — Разразился хохотом Уолли, Джилл перевела дыхание. Несмотря на всю ее показную храбрость, ей не доставляло удовольствия выкладывать ему правду. Она знала, что у него есть чувство

юмора, но даже и человек с чувством юмора может все-таки не углядеть ничего комического в том, что у него украли квартиру,

— Я так рада, что вы не сердитесь.

— Разумеется, нет.

— Другие рассердилось бы.

— То другие, а то — я!

— Как замечательно, что вы — хозяин! А что, если бы это был совершенный незнакомец? Как мне тогда выпутываться?

— Все обернулось бы точно так же. Вы покорили бы его в Две минуты. Никто не может против вас устоять.

— Как мило!

— Я всегда говорю правду. Как Джордж Вашингтон.

— Значит, вы не станете возражать, если дядя Крис устроит тут званый обед?

— Я его благословляю.

— Вы и вправду настоящий ангел! — благодарно произнесла Джилл. — Судя по его словам, этот обед для него крайне важен. Он пригласил одну очень богатую женщину, которая тоже часто оказывала ему гостеприимство, некую миссис Пигрим…

— Миссис Уоддсли Пигрим?

— Да. А вы что, знаете ее?

— И очень даже хорошо. Она изо всех сил старается быть богемной и привечает всех, кто пишет, рисует, играет… ну и так далее. Это напомнило мне, что я дал Фредди Руку рекомендательное письмо к ней.

— Фредди!

— Ну да. Он вдруг решил съездить в Америку, и пришел ко мне посоветоваться. Отплыл дня за два до меня. Наверное, сейчас он уже в Нью-Йорке, если только не отправился прямо во Флориду. Он не сказал мне, какие у него планы.

На Джилл разом напало уныние. Как бы ей ни нравился Фредди, он принадлежал к той главе ее жизни, которая закончилась и которую она изо всех сил старалась забыть. Невозможно думать о нем, не вспоминая Дэрека, а вспоминать о Дэреке — все равно, что дотрагиваться до обнаженного нерва. Новость, что Фредди в Нью-Йорке, сбила ей настроение. Нью-Йорк уже проявил себя как город случайных встреч. Сумеет ли она избежать случайной встречи с Фредди?

Она так хорошо его знала. В мире нет никого милее и добросердечнее, но он начисто лишен тонкости и деликатности, которые проводят человека через щекотливые ситуации. Юношей Фредди был незатейливым.

Инстинкт подсказывал, что стоит им встретиться, и он непременно заговорит о Дэреке. А если вспоминать Дэрека, все равно, что касаться обнаженного нерва, то говорить о нем — точно колотить по этому самому нерву. Джилл вздрогнула.

Уолли был очень приметливым человеком.

— Если вам не хочется, нет никакой необходимости с ним встречаться.

— Да не то чтобы… — неуверенно протянула Джилл.

— Нью-Йорк — город большой. И кстати, — спохватился Уолли, — возвращаясь к интересной теме моего жилища… Ваш дядя тут ночует, не знаете?

Джилл благодарно взглянула на него. Вот он незатейливым не был. Нежелание встречаться с Фредди, тактично дал он понять, ее дело, и он вторгаться сюда не намерен. Ей понравилось, что он так легко откинул тему.

— По-моему, он говорил — нет, не ночует.

— Хм, уже неплохо. Крайне мило с его стороны. Интересно, смогу ли я вернуться сюда часов хотя бы в одиннадцать? Закончится ли к тому времени пир? Насколько я знаю миссис Пигрим, она захочет пойти куда-нибудь потанцевать. Очень любит танцы.

— Даже не знаю, как тут просить прощения… — покаянно начала Джилл.

— Пожалуйста, не надо. Все в полном порядке. — Его глаза устремились на каминную полку, уже не в первый раз за их беседу. В спешке Джилл поставила снимок криво, и Уолли нервничал, как человек, с чьим самым драгоценным достоянием дурно обошлись. Теперь, не вытерпев, он встал и, перейдя комнату, поставил фото правильно. Потом постоял, с минуту глядя на него.

Джилл про снимок уже забыла, но сейчас к ней вернулось любопытство.

— Где вы его раздобыли?

— А, так вы видели? — обернулся Уолли.

— Как раз рассматривала, когда вы чуть не до смерти меня напугали.

— Мне его Фредди продал четырнадцать лет назад.

— Четырнадцать?

— Исполнится в июле, — уточнил Уолли. — Я отдал ему пять шиллингов.

— Целых пять шиллингов! Ну, акула этот Фредди! Наверное, это были все ваши деньги.

— Вообще-то даже немножко больше. У меня было всего три шиллинга шесть пенсов. Но, по воле Провидения, в то утро один человек оставил коробку для пожертвований на деревенский орган… Просто поразительно, что можно сотворить, если у тебя есть склонность к преступлениям и маленький перочинный ножик. Кажется, больше никогда деньги не доставались мне так быстро. — Он опять взглянул на фото. — Хотя в те минуты я думал иначе. Я раз десять умирал мучительной смертью, вскрывая коробку. Вы замечали, как медленно ползет время, когда извлекаешь шиллинг и шесть пенсов из чужой коробки? Будто целый век! Ах ты, забыл. У вас же нет такого опыта.

— Бедный вы, бедный!

— Дело того стоило.

— И фото хранится у вас с тех пор?!

— Я не расстался бы с ним и за все миллионы миссис Пигрим! — е неожиданной страстностью воскликнул он. — Правда, пока она мне их не предлагала.

Опять наступило молчание. Джилл украдкой поглядывала на Уолли, пока тот возвращался на прежнее место, Она видела его новыми глазами, точно этот пустяковый случай сбросил какой-то покров. Уолли как будто ожил. На секундочку она заглянула в скрытые тайники его души и почувствовала смущение.

— А Пат умер, — наконец сказала она, испытывая потребность сказать хоть что-то. — Мне нравился Пат.

— Съел что-то ядовитое, бедняге… Как давно это было, правда?

— Для меня это всегда недавно. Интересно, кому теперь принадлежит ваш старый дом?

— Кажется, — говорить ей стало полегче, странная неловкость пропала, — каким-то… ой, как же их фамилия?

— Дэбен, по-моему.

Снова воцарилась тишина. Ее нарушил звонок у двери, словно будильник, вторгшийся в сон.

— Ваш дядя, — поднялся Уолли.

— Вы ведь не станете открывать дверь?

— Хотел открыть.

— Его удар хватит, если он вас увидит,

— Пусть взглянет на дело в свете арендной платы. Не понимаю, почему бы и мне не поразвлечься.

И Уолли вышел из комнаты, Джилл услышала, как открывается дверь. Затаив дыхание, она ждала. Жалость к дяде Крису сражалась с чувством

более жестоким: пусть хоть это послужит ему уроком!

— Здравствуй, — услышала она голос Уолли.

— Здра-с-с-! — радостно ответили ему. — Гадал, застану ли тебя дома. Слушай, высоко же ты забрался! Точно тренируешься на небо взлетать, а?

Джилл быстро огляделась, будто пойманный в капкан зверек. Нелепо, конечно, но каждый нерв ее тела протестовал против встречи с Фредди. От одного его голоса заныли старые раны.

Она прислушивалась, стоя в дверях. Где-то в коридоре невидимый Фредди, судя по звукам, снимал пальто. Джилл на цыпочках прокралась из гостиной в коридор и метнулась к спальне. Окно выходило на крышу, о которой так красноречиво распространялся дядя Крис. Она бесшумно выскользнула на нее, прикрыв за собой окно.

2

— Послушай-ка, Мэйсон, старик! — воскликнул, входя в гостиную, Фредди. — Ты не злишься, что я так вот к тебе нагрянул? Суть в том, что все стало совеем уж не разбери-пойми. Не знаю тут больше ни души, с кем бы это обсудить. Вообше-то я даже сомневался, что и ты-то в Нью-Йорке, но потом вспомнил— ты ведь говорил, что на днях вернешься в Америку. Вот я и отыскал тебя в телефонной книге, да и заскочил наобум, Слава тебе, Господи, ты и вправду вернулся. А когда?

— Сегодня днем,

— Я здесь уже дня два-три. Повезло, что застал тебя. Видишь ли, хочу спросить совета…

Уолли покосился на часы, Он не удивился, обнаружив, что Джилл улизнула, Он вполне понимал ее чувства, и ему не терпелось избавиться от нежданно свалившегося гостя.

— Только пожалуйста, побыстрее, — попросил он. — Видишь ли, я сдал эту квартиру на вечер одному человеку, и он пригласил на обед гостей. Так в чем трудности?

— Это насчет Джилл.

— Вот как?

— Ну, Джилл Маринер, знаешь? Ты ведь ее помнишь? Я тебе рассказывал про нее. Как она все деньги потеряла и ускакала в Америку.

— Да уж, не забыл,

Фредди пропустил кое-какие оттенки в голосе собеседника. Некую

нотку взволнованности и смятения.

— Конечно, — продолжал он, как будто стараясь объяснить все и себе, — ты ее мало знаешь. Встретил как-то со времен старой детской дружбы, то-се… А я ее добрый приятель, и меня просто выбила из колеи вся эта заварушка. Тревожит меня очень, я хочу сказать. Бедная девочка, без гроша в чужой стране. Понимаешь, беспокоит меня все это. Словом, как только приехал, я попытался разыскать ее. За тем-то я, в общем, и махнул в Америку — разыскать Джилл. Помимо всего прочего, бедняга Дэрек жутко о ней беспокоится.

— Нам обязательно приплетать сюда Андерхилла?

— Да, я знаю, ты его недолюбливаешь. По-твоему, повел он себя странновато. Но теперь все уладилось.

— Вон как? — сухо заметил Уолли.

— Абсолютно! Все опять в силе.

— Что именно?

— Ну, то есть, он опять хочет на ней жениться. Я для того-то и прикатил — разыскать ее и передать.

Глаза Уолли заблестели.

— Если ты приехал в Америку в роли посла…

— В самую точку! Старый добрый посол. Лучше бы я и сам не выразился.

— Если ты явился как посол, чтобы начать переговоры с Джилл от имени этого свинтуса…

— Ну, старик! — обиделся Фредди. — Он все-таки мой друг, знаешь ли!

— Если после всего, что было, он тебе друг, твои мыслительные процессы выше моего понимания.

— Что-что, старичок?

— Мыслительные процессы.

— А-а. — Фредди впервые узнал, что они у него есть. Уолли пристально посмотрел на него. Простодушное лицо приятеля дышало недоумением.

— Не понимаю я тебя, Фредди. Уж кто-кто, а ты мог бы верно оценить его поведение. Ты ведь учился в колледже. Общаешься с достойными людьми. Сам не совершил бы непорядочного поступка даже ради спасения жизни. И все-таки твое мнение об Андерхилле ничуть не переменилось, хотя он совершенно по-хамски поступил с твоей большой приятельницей. Видимо, ты по-прежнему его обожаешь. Проехал три тысячи миль, чтобы передать от него послание! О, Господи! *К Джилл!* О том, насколько я

понимаю, что он все взвесил и пришел к выводу — ладно уж, девица ничего себе, так и быть, сойдет!

Фредди поднял монокль, выпавший от удивления, и принялся сокрушенно протирать стеклышко. Вот странно, размышлял он, как это люди остаются одинаковыми всю жизнь. Мальчишкой Уолли Мэйсон был грубым и противным, и теперь не переменился. Правда, прежний Уолли, распалясь, непременно лягнул бы его, а теперь только ругается. И все-таки, ведет он себя нехорошо. Так ошибаться насчет бедняги Дэрека! Это обстоятельство Фредди и решил прояснить.

— Ты не понимаешь! Ты не все знаешь! Ты ведь никогда не встречался с леди Андерхилл, верно?

— Она-то тут при чем?

— При всем, старичок, при всем! Если б не она, то и не было бы никаких неприятностей. Она влезла в помолвку и грызла беднягу Дэрека, и грызла, пока не прогрызла до конца.

— Фредди, если ты еще раз назовешь его беднягой, — не на шутку разозлился Уолли, — я выкину тебя из окна, а следом выброшу твою шляпу! Что он, червяк бесхребетный? Мать, видите ли, может…

— Ты представления не имеешь, что это за женщина! Одно слово, мегера.

— Мне наплевать…

— Не увидишь — не поверишь, — гнул свое Фредди.

— Да наплевать мне, какая она! Любой мужчина, который мог…

— Встретишь — не забудешь!

— Черт тебя побери! Не перебивай ты меня каждую секунду!

— Извини, старик! Больше не буду.

Подойдя к окну, Уолли стал смотреть на город. Он еще много мог сказать по поводу Дэрека, но эти вскрики сбили его с толку.

— В общем, что тут скажешь? — свирепо бросил он. — Если ты прикатил в Америку как посол, чтобы помирить Джилл и Алдерхилла, от всей души надеюсь, что ты никогда не найдешь ее!

Фредди слабо кашлянул, как старая астматичная овца. С каждой минутой Уолли все больше подавлял его. Он уже подзабыл деньки своего детства, но эта беседа встряхнула его память. Он понимал, что Уолли так и остался тем, кто властвовал над его развивающимся интеллектом, когда оба они носили итонские костюмчики. Тогда Фредди был всецело за мир. За мир он был и сейчас, а потому следующую свою реплику подал очень робко:

— Я уже нашел ее…

— Что?!

— Нет, я ее еще не видел, я только знаю, где Джилл. Вот насчет этого я и заглянул к тебе. Решил обсудить, понимаешь. Ситуация — хуже некуда. И запутанная такая. Дело в том, старичок, что Джилл стала работать в театре. В хоре поет, знаешь ли. К чему это я клоню?

— В хоре?

— Вот именно, в хоре!

— Откуда ты знаешь?

Фредди поискал свой монокль, который выпал снова, и сурово оглядел стеклышко. Он любил его, но оно вечно выкидывало фокусы. Закавыка в том, что если вы хотите удержать монокль в глазу, нельзя выражать никаких эмоций, но когда болтаешь с типом вроде Уолли Мэйсона, эмоции то и дело выражаются.

— В общем-то мне улыбнулась удача. Когда я только что приехал в Америку, то, знаешь ли, решил, что вернее всего нанять старого доброго сыщика и отдать все в его руки. Ну, как описывается в рассказах: «А это, Ватсон, если не ошибаюсь, наш новый клиент!» Тут же влетает клиент и вываливает суть дела. Отыскал я ищейку в телефонном справочнике и потопал к нему. Эх, и чудные ребята, эти сыщики! Встречался с ними? Нет? Мне-то они всегда казались худощавыми такими, длиннолицыми, с загадочной и непроницаемой улыбкой. А этот — точь-в-точь мой дядя Тэд, который ОТ удара умер. Веселый такой, круглый и все похохатывает из-за толстенной сигары. За метил, какие огромные сигары здесь курят? Чудная страна, Америка эта. Ты бы видел, как он перебрасывал сигару Из одного угла рта в другой простым движением челюсти! Р-раз — и готово! Занимательное зрелище, ничего не скажешь. Так,,

— Фредди, слушай, может, прибережешь свои впечатлен ния от Америки для книги и перейдешь к сути? — бесцеремонно перебил Уолли.

— Ох, извини, старик! — кротко откликнулся Фредди. — Рад, что напомнил. Значит, так… Ах, да! Добрались мы до этой ищейки в образе человеческом. Ну, значит, изложил я ей дела. Сказал, что мне требуется найти девушку, показал фото, ну, то-се… Послушай, — снова отвлекся Фредди, — а почему эти типы всегда говорят «барышня»? Этот все твердил: «Мы найдем вашу барышню!» Ой, опять я съехал с рельс! Так, промелькнуло в уме, я и подумал, стоит с тобой поделиться, Ну, гак вот, субъект этот разнюхивал и разведывал пару дней, но никаких результатов не выдал. Заметь, я его не виню. Сам я нив жизнь за такую работенку б не взялся. Девушек-то сколько в Нью-Йорке, обалдеть! В общем, старался он, старался, но ничего у него не клеилось, И надо же! Сейчас, как раз перед

тем как к тебе зайти, встретилась мне одна моя знакомая, я ее еще в Англии знал… в общем, такая Нелли Брайант…

— Нелли? Я тоже ее знаю,

— Да? Надо же! Она играла в шоу «Вслед за девушкой» в Лондоне. Не видел случайно? Классное! Была там одна сцена…

— Не отвлекайся! Я сам его написал,

— Ты? — Фредди просиял простодушным восторгом. — Ну-у, это да! Поздравляю! Одна из самых лучших комедий, какие я видел! Двадцать четыре раза ходил. Вот странность, а я не помню, что написал ее ты, Наверное, на имена в программке никто толком не смотрит. Да, ходил двадцать четыре раза. Первый раз с парой приятелей, которые…

— Слушай, Фредди! — лихорадочно перебил Уолли. — В другой как-нибудь раз я с превеликим наслаждением выслушаю историю твоей жизни, но сейчас.

— Абсолютно, старик! Ты прав. Ну, короче, Нелли сказала, что они с Джилл репетируют какую-то «Розу Америки»,,

— «Розу Америки»!

— Да, по-моему, так,

— Это шоу Айка Гобла, Он звонил мне насчет неге с полчаса назад. Я обещал прийти посмотреть завтра-послезавтра. Так, значит, Джилл там играет?

— Да. Ну и как тебе? Я не очень-то много знаю насчет этих шоу, но ты как считаешь, стоит ей этим заниматься?

Уолли беспокойно заходил по комнате. Новость взволновала его. Репутацией Гобл обладал самой прескверной.

— Да, я много про это знаю! — воскликнул он, — Конечно, не стоит, — Он грозно нахмурился, глядя на ковер, — А, черт всех побери!

Фредди примолк, предоставляя ему шанс продолжить, но Уолли, видимо, высказал все, что хотел, И друг его продолжал, проясняя сторону дела, волновавшую его больше всего:

— Я думаю, бедняге Дэреку совсем не понравится, что Джилл поет в хоре.

Уолли передернуло, да так, что на минутку Фредди стало не по себе.

— Ну, то есть, я имею в виду, Андерхиллу, — поспешно поправил он себя.

— Фредди, ты очень славный парень, но уходи ты побыстрее! Спасибо, что забежал, рассказал, очень с твоей стороны мило. Но… выход — вон там!

— Однако, старичок…

— Ну, что еще?

— Я надеялся, мы с тобой обсудим это дело, решим, что предпринять, то-се…

— В другой как-нибудь раз! Мне надо все обдумать…

— Так ты подумаешь насчет этого?

— Да, непременно.

— Класс! Видишь ли, ты такой башковитый. Может, ударишь в самую суть…

— Могу и ударить, если ты не уберешься.

— А? Ах, да-да! — Фредди поспешно влез в пальто. Уолли очень живо напомнил ему опасного юнца давних лет. — Ну пока, будь здоров!

— И тебе того же!

— Ты дашь мне знать, если надумаешь что интересное? Я в «Балтиморе».

— Очень недурное местечко. Туда и топай!

— Иду, иду. Ну, пока!

— Лифт внизу, — напутствовал Уолли. — Нажми на кнопку, и он поднимется. Великое изобретение! Доброй тебе ночи.

— А, да. Минутку…

— Доброй тебе ночи!!! — завопил Уолли.

И, захлопнув за гостем дверь, помчался по коридору.

— Джилл! — окликнул он, открыл окно спальни и вышел на крышу.

— Джилл! Ответа не было.

— Джилл! — снова позвал Уолли, но опять никто не откликнулся.

Подойдя к парапету, он заглянул через него вниз. Под ним огромным треугольником простирался город. Острие упиралось в гавань, по сторонам тускло серебрились реки, Ист Ривер и Гудзон. Прямо перед ним, увенчанный белым прожектором, грациозно взметнулся к звездам Метрополитен-Тауэр.[44] А вокруг из окон высоких зданий, видных с бастиона, на котором он стоял, низко пригнувшись, на него смотрели миллионы огней, недреманое око Нью-Йорка. От этого зрелища Уолли, тонко воспринимающий красоту, не уставал никогда, но сегодня оно потеряло свою притягательность. Приятный ветерок с Нью-Джерси приветствовал его, быстро нашептывая что-то о весне и романтике, но и он не снял тяжести с сердца, полного тревог и опасений.

Глава XIV УСПЕХ МИСТЕРА ГОБЛА

1

Весна, чей приход возвестил ветерок, когда Уолли курил на крыше, в полную силу поплыла над Нью-Йорком двумя днями позже, утром. Город проснулся навстречу сине-золотому дню с чувством, что все тяжелое — позади, наступили хорошие времена. В своей квартире на Парк авеню Айзек Гобл, шумно подышав воздухом из окна комнаты для завтрака, вернулся к еде и к «Морнинг Телеграф» с решением заскочить в театр на репетицию. Такое же решение приняли и Джилл с Нелли, закусывающие тушеным черносливом в своей меблирашке. На верху своего небоскреба Уолли, проделав шведские упражнения, к удовольствию разнокалиберных клерков и стенографистов в верхних окнах соседних зданий, почувствовал себя молодым, энергичным и полным оптимизма и отправился в душ, с мыслями о Джилл. О Джилл мечтал и молодой Пилкингтон. Облокотясь долговязым туловищем на подушки, он пил утреннюю чашку чая. В первый раз за несколько дней легкая грусть покинула его, и он блаженно грезил наяву.

Однако блаженство Отиса не объяснялось ни целиком, ни даже отчасти, улучшением погоды. Источником его служила беседа, состоявшаяся между ним и дядей Крисом накануне вечером. Как именно она завязалась, понял Пилкингтон не совсем отчетливо, но каким-то манером, не успел он и опомниться, как уже изливал в сочувственные уши майора Сэлби историю своей любви. Вдохновленный добротой и чуткостью слушателя, он поведал ему все — и о своей любви к Джилл, и о своих надеждах, что однажды на нее ответят, и об осложнении ситуации в силу известных предрассудков миссис Уоддсли Пигрим насчет Девушек, поющих в ансамблях музыкальных комедий. Излияния его майор Сэлби слушал крайне внимательно и, наконец, выдвинул одно из своих блистательных предложений, крайне простое и одновременно премудрое, на какие способен лишь человек с богатым жизненным опытом. По словам майора Сэлби, Джилл давно мечтала блистать в мире кино.

А что, перебил Сам себя майор, думает на этот счет Отис?

Тому идея очень понравилась. В кино мисс Маринер с ее обаянием и внешностью будет неотразима!

— Да, — согласился дядя Крис, — в кино у нее есть будущее. Пилкингтон согласился от всей души. Великое будущее, тут и сомневаться нечего!

— Заметьте, — продолжил дядя Крис, набирая обороты, выпячивая грудь и расставив ноги перед камином, — как упростится все, стань Джилл киноактрисой, да завоюй славу и богатство в этой профессии. Вы идете к своей превосходнейшей тетушке и объявляете, что помолвлены с Джилл Маринер, Наступает мгновенная пауза. «Неужели с той самой Джилл Маринер?» — лепечет тетя. «Да, со знаменитой мисс Маринер!» — отвечаете вы. Ну, спрашиваю я, мальчик мой, можете себе представить, чтобы она выдвинула хоть какие-то возражений? Абсурд! Нет-нет, я в этом проекте не вижу ни легчайшего изъяна, — Тут дядя Крис, как и миссис Пигрим в его рассказе, выдержал мгновенную паузу, — Но, конечно, необходимы кое-какие предварительные действия…

— Предварительные?

Голос дяди Криса зазвучал сладчайшей музыкой. Сам он рассиялся улыбками,

— Ну, как же, мой мальчик! Сами подумайте! Такие вещи без денег не делаются. Я ни за что не позволю, чтобы мой племянница теряла время и энергию в рядовых этой профессии, томись многолетним ожиданием, карауль шанс, который может никогда и не выпасть. В верхних рядах мест полно, там-то и следует начинать карьеру. Если Джилл пойдет в киноактрисы, то непременно потребуется создать специальную фирму по ее раскрутке. Из нее необходимо сделать сенсацию, звезду с самого начала, А вот захотите ли вы, — дядя Крис стал разглаживать складку на брючине, — внести долю в такую фирму…

— О-о…

— …это уж, — дядя Крис Не заметил возгласа, — решать не мне. Возможно, на твой кошелек есть и другие притязания. Возможно, этот музыкальный спектакль забрал всю наличность, которую вы и рады бы вложить куда-нибудь еще. Возможно, вы посчитаете затею слишком рискованной, Возможно., да существуют сотни причин, почему вы, может быть, не пожелаете присоединиться к нам. Но я знаю с десяток бизнесменов — а пройдусь по Уоллстрит и наберу еще хоть двадцать, — которые с радостью авансируют необходимый капитал. Могу заверить, что лично й, не колеблясь ни секунды, рискну — если это вообще можно назвать риском — всей свободной наличностью, которая Лежит мертвым грузом у моего банкира.

И, позвякав свободной наличностью, что лежала мертвым грузом в

кармане его брюк — на общую сумму в 15 центов, — он приостановился, чтобы смахнуть пушинку с рукава, предоставляя возможность Пилкингтону Вставить и свое слово.

— А сколько вам нужно? — поинтересовался тот.

— Н-да, — задумчиво протянул дядя Крис, — определить точно несколько затруднительно. Чтобы назвать точные цифры, я должен повнимательнее вникнуть в вопрос. Но давайте прикинем наугад — вы вкладываете в кампанию аванс — хм, сколько же?… сто тысяч? пятьдесят? Нет, для начала поскромнее, Пека что, пожалуй, хватит и десяти. Позже вы всегда сможете прикупить еще акций, Я и сам начну тысяч с десяти, не больше,

— Ну, десять-то тысяч я свободно могу вложить.

— Вот и распрекрасно! Мы уже продвигаемся. Мы продвигаемся! Чудесно! Я отправлюсь к своим друзьям на Уоллстрит, изложу им свой план, и Добавлю: «Десять тысяч уже есть! А каков ваш взнос?» Это ставит наш проект на деловую основу, знаете ли, Ну, а там уж по-настоящему приступим к работе, Но только, мой мальчик, решение вы принимаете сами. Судите самостоятельно. Я и в мыслях не хочу уговаривать на такой шаг, Если чувствуете какие-то сомнения, взвесьте все хорошенько. Переспите с этим, как говорится. Но что бы вы ни решили, Джилл про это — ни словечка. Сами понимаете, жестоко возбуждать у нее надежды, пока мы сами не уверены, что сумеем их осуществить. И, конечно же, ни намека миссис Пигрим.

— Да-да.

— Ну так, значит, и договорились, мой мальчик, — дружелюбно заключил дядя Крис. — Оставляю вас все обдумывать. Действуйте, как посчитаете нужным. Как, кстати, ваша бессонница? «Нервино» пробовали? Превосходнейшее средство! С ним ничто не сравнится! Лично со мной оно сотворило чудеса! Ну, доброй ночи! Доброй ночи!

С той минуты Отис так и эдак крутил в мозгу проект, с перерывом на сон. Чем больше он думал, тем привлекательнее представлялся ему замысел. При мысли о десяти тысячах долларов он чуть кривился, потому что происходил из расчетливой семьи и воспитан был в привычках экономии, но ведь в конце концов, утешал он себя, деньги эти — всего лишь заем. Как только их компания встанет на ноги, они вернутся стократ. И нет сомнений, что это придаст совершенно другой оборот его ухаживаниям за Джилл в глазах тети Оливии. Вон его кузен, молодой Брустер Филмор, женился на кинозвезде всего два года назад, и никто и словечка не проронил. Брустера часто видели с его невестой под крышей

миссис Пигрим. Против высших слоев богемы предубеждений тетя не таила. Даже напротив. Ей нравилось общество знаменитостей, чьи имена часто мелькали в газетах.

Короче, Отису показалось, что любовь проторила себе дорожку. Он с наслаждением отхлебнул чай, а когда слуга-японец принес тосты, подгоревшие с одной стороны, выбранил его мягко и ласково, что, надо надеяться, тронуло восточное сердце и вдохновило его со всем усердием служить лучшему из хозяев.

В половине одиннадцатого Отис, сбросив халат, принялся одеваться для поездки в театр. Всю труппу собирали на репетицию к 11.00. Одевался он в настроении самом солнечном, таком же, как день за окном.

А денек к половине одиннадцатого стал ярким, светлым, какими только и бывают деньки в стране, где весна приходит рано, солнечная и теплая с самого начала. Над счастливым городом сияло синее небо. Суетливо шагали по улицам его жители, радуясь прекрасной погоде. Всюду царили веселье и бодрость, только не на сцене театра «Готэм», где Джонсон Миллер созвал раннюю репетицию, предваряющую генеральную, чтобы подчистить последние огрехи в номере «Я и мое се-ер-дце», который при поддержке мужского хора исполняла в первом акте героиня.

Мрачность на сцене «Готэма» царила и в буквальном смысле — сцена была широкой и глубокой, а освещалась одной-единственной лампочкой, и в фигуральном — номер шел хуже обычного. Миллер, человек по природе крайне эмоциональный и вспыльчивый, впал просто в бешенство из-за неумех из мужского хора. Приблизительно в ту минуту, когда Отис сбросил свой цветастый халат и потянулся за брюками (пестренькими, шерстяными, с красной саржевой ниткой), Миллер расхаживал по мостику между оркестровой ямой и первым рядом партера, размахивая одной рукой, терзая седые кудри — другой, и голос у него звенел взбешенным криком.

— Джентльмены, вы все идиоты! — громко жаловался мистер Миллер. — У вас было целых три недели, чтобы задолбить эти па своими тупыми мозгами, а вы ни одного не делаете правильно! Разбежались по всей сцене! Стоит вам повернуться, как вы налетаете друг на друга! Ну точно увальни из Пенсильвании! Что с вами творится? Вы не выполняете движений, которые я вам показывал! Вытанцовываете черт-те что собственного изобретения! И препаршиво! Не сомневаюсь, вы уверены, будто умеете придумать па поизящнее моих, но мистер Гобл нанял в хореографы меня, так что, уж будьте добры, делайте так, как я вам показывал. Не пытайтесь изобретать свое, у вас ума не хватит. Хотя я вас

не виню, просто няньки уронили вас в младенчестве. Но это все-таки мешает придумывать красивые па.

Из семи джентльменов, членов мужского ансамбля, шестеро смотрели оскорбленно, с видом добродетельных людей, терпящих напраслину, и, судя по всему, молча взывая к небесам, чтобы те рассудили их по справедливости с мистером Миллером. Седьмой же, длинноногий молодой человек в безупречно сшитом костюме английского покроя, смущенно мялся. Наконец он шагнул к рампе и покаянно заговорил, испытывая угрызения совести:

— Послушайте!..

Мистер Миллер, эта жертва глухоты, жалобного блеяния не расслышал. Резко развернувшись, он возбужденно зашагал по центральному проходу в глубь театра. Его каучуковое тело двигалось конвульсивными рывками. Только развернувшись и отправясь в обратный путь, он разглядел оратора и приготовилея внести свою лепту в беседу,

— Что? — заорал он. — Не слышу!

— Я говорю, это, знаете ли, я виноват,

— Что?

— Только я, так сказать, знаете ли…

— Что? Да говорите вы громче! Что такое?

Мистер Зальцбург, сидевший за пианино и рассеянно наигрывавший мелодию из непоставленной музыкальной комедии, очнулся, поняв, что требуются услуги переводчика. Услужливо встав с табурета, он тихонько, по-крабьи, двинулся к краю ложи у сцены, обнял мистера Миллера за плечи, приложил губы к его левому уху и, набрав побольше воздуха, крикнул:

— Он говорит, это его вин а-а-а!

Мистер Миллер одобрил кивком эти достойные чувства,

— Да я и сам вижу, — заметил он. — Все они даром хлеб едят! Мистер Зальцбург терпеливо вдохнул новую порцию воздуха,

— Этот молодой человек сказал, только он виновен, что танец сбился!

— Скажите ему, в ансамбль я вступил сегодня утром, — подсказал мистеру Зальцбургу молодой человек.

— В ансамбль он вступил сегодня утро-о-ом! Но-во-бра-нец!

Это привело мистера Миллера в полнейшее недоумение.

— Кто, *он* — голодранец? Ну, знаете!

Побагровев от натуги, мистер Зальцбург сделал последнюю попытку.

— Новичок он! Но-ви-чок! — проорал он, тщательно выговаривая это слово, — Па еще не знает. Сегодня — его первый день. Вот он и не знает

па. Потанцует подольше и выучит. — А сейчас пока что не знает!

— Он вам говорит, — любезно подоспел на подмогу молодой человек, — что я не знаю па.

— Да! Не знает па! — взревел мистер Зальцбург.

— Я и сам вижу, ни черта он не знает. Почему? У него было достаточно времени все выучить!

— Он — не-о-фит!

— Такая фамилия?

— Да нет! Он — новичок!

— Ах, новичок?

— Ну да! Я и говорю, новичок.

— Да откуда, дьявол все раздери, вдруг свалился новичок?! — возопил мистер Миллер, до которого внезапно дошел смысл объяснений, вызвав новый приступ бешенства. — Почему же он с остальными не начал? Как я могу ставить танцы, если на меня каждый день невесть откуда сваливаются новички? Кто его взял?

— Кто вас нанял? — повернулся мистер Зальцбург к преступнику.

— Мистер Пилкингтон.

— Мистер Пилкингтон! — прокричал мистер Зальцбург.

— Когда?

— Когда? — повернулся к новичку мистер Зальцбург.

— Вчера вечером.

— Вчера, говорит, вечером.

В немом отчаянии мистер Миллер вскинул руки и, развернувшись, стрелой понесся по проходу, а потом, снова развернувшись, примчался обратно.

— Ну как тут можно работать! — надрывался он. — У меня связаны руки! Мне чинят помехи! Чинят преграды! Через две недели — премьерный показ, а мне каждый день подсовывают новичков, которые губят все! Сейчас же иду к мистеру Гоблу, пусть разрывает со мной контракт. Я… Ну, давайте же! Давайте! Давайте! — внезапно перебил он сам себя. — Чего мы тратим время попусту?

Молодой человек потрусил обратно к остальным джентльменам, нервозно оттягивая пальцем воротничок. К такому он не привык. Ни разу за все свои многочисленные участия в любительских спектаклях он не сталкивался ни с чем подобным! В паузе, выпавшей между первым куплетом и припевом, который пела героиня «Розы», он улучил минутку и поинтересовался у танцора сбоку:

— Слушайте, он всегда такой?

— Кто? Джонни?

— Тот чудила с волосами, поседевшими за одну ночь. Крикун на линии горизонта. Часто он так заводится?

Танцор терпеливо улыбнулся.

— Это еще ерунда! Погодите, увидите, как он по-настоящему злится! А это был так, ласковый шепот!

— Боже мой! — охнул новичок, вперясь взором в безотрадное будущее.

Героиня дошла до конца припева, и джентльмены ансамбля, стоявшие, замерев, в глубине сцены, начали легкими проворными прыжками подступать двойным рядом к ней. Новичок, не спуская глаз с соседа, старался прыгать так же легко. Хлопок в ладоши из темного зала — в самый неподходящий момент — указал, что ему это не удалось. Мистер Миллер виднелся не очень четко, но было ясно, что всей пятерней он вцепился в шевелюру.

— Освободите сцену! — рявкнул он. — Вы — нет! — закричал он, когда несчастный новичок пустился было вслед за остальными. — Вы — останьтесь!

— Я?

— Да-да, вы! Придется вас одного поучить, или мы никогда с места не сдвинемся! Уйдите в глубь сцены. Музыка, сначала! Мистер Зальцбург! Ну, а теперь на начале припева, пошел! Грациознее! Грациознее!

Раскрасневшийся молодой человек, полный рвения, двинулся, насколько мог грациозно, к рампе. В это самое время за кулисы вошли Джилл с Нелли — с приближением 11-ти помещение заполнялось — и его увидели.

— Кто это? — спросила Нелли.

— Новичок, — ответил один из джентльменов. — Сегодня утром появился.

— Как он похож на мистера Рука! — обернулась к Джилл Нелли.

— Да *это и есть* мистер Рук! — отозвалась та.

— Не может быть!

— Безусловно, это он!

— Как же он тут очутился?

— Вот об этом-то, — прикусила губку Джилл, — я и намерена его спросить!

Шанс для приватного разговора с Фредди представился не сразу. Десять минут он в одиночку скакал по сцене, следуя бранным наставлениям мистера Миллера, потом еще десять репетировали номер героини с остальными членами ансамбля. Когда наконец рык в глубине зала возвестил о приходе мистера Гобла, одновременно указывая, что он желает, чтобы сцену очистили и началась основная репетиция,

Фредди сумел одарить Джилл бледной улыбкой узнавания и слабым «Эге-гей!» Девушкам тотчас же пришлось идти на сцену и занять места для вступительного хора. И только когда хор прогнали четыре раза и сцену освободили для двух главных героев, Джилл улучила минутку утянуть последнего из Руков в темный уголок и подвергнуть допросу:

— Фредди, как ты тут оказался?

Фредди отер взмокший лоб. Работа Джонсона Миллера с вступительным хором всегда была напряженной. В данном случае ансамбль изображал гостей на домашней вечеринке, и мистеру Миллеру казалось, что все они поголовно страдают пляской святого Витта. Фредди будто бы избили, он едва волочил ноги, но, как он понял, худшее еще ждало его.

— Э? — слабым голосом откликнулся он.

— Как ты тут оказался?

— А-а! Ага, да! Удивилась, наверное, что я в Нью-Йорке?

— Что ты в Нью-Йорке, я не удивилась. Я знала, что ты приехал. Но очень удивилась, увидев тебя на сцене. Да еще под крики мистера Миллера.

— Слушай-ка, — голосом, полным священного ужаса, спросил Фредди, — он у вас малость чокнутый, а? Напоминает мне мидян[45] из гимна. Ну, этих, которые рыщут. Пари держу, он уже канавку в ковре протоптал. Прямо тигрица в зоопарке, когда ждет кормежки. Не удивлюсь, если он, того гляди, мне ноги оттяпает!

Джилл взяла его за руку и встряхнула.

— *Прекрати тараторить.* Объясни, как ты очутился в театре.

— О, все получилось очень просто. У меня было рекомендательное письмо к такому, знаешь, Пилкингтону. Он финансирует это шоу. Мы с ним очень сдружились за последние дни. Вот я и попросил у него разрешения присоединиться к вашей веселой компании. Говорю, деньги мне никакие не нужны, а что я тут наиграю, на шоу не отразится. Он и согласился. «Ладно, — говорит, — о-го-го!» Ну, что-то такое, в общем. И вот он я!..

— Зачем? Не ради же развлечения!

— Ничего себе развлечение! — Мука исказила лицо Фредди. — Как-то меня не развлекает этот ваш Миллер. Что-то я боюсь, он сделал целью своей жизни придирки ко мне. Нет, пришел я в театр, конечно, не для развлечений. Позавчера я говорил с Уолли Мэйсоном, и он вроде бы считает, что петь в хоре — не самое для тебя подходящее занятие. И вот я, обдумав все, решил — а надо бы вступить в вашу труппу. Тогда я всегда буду у тебя под рукой, на всякий пожарный случай. Да, не такой уж я силач, но все же, если что, могу сгодиться. Приглядывать за тобой, то-се… ну, сама понимаешь!

— Фредди, какой ты милый! — Джилл была тронута.

— Подумал, знаешь ли, что и Дэреку от этого немножко на душе полегчает.

Джилл застыла.

— Я не желаю говорить о Дэреке!

— О, я понимаю твои чувства. Тебе довольно погано, а? Но если б ты его видела…

— Я не желаю о нем говорить!

— Он, знаешь ли, очень страдает. Горько сожалеет, то-се… Хочет, чтобы ты к нему вернулась.

— Ясно! И послал тебя за мной?

— В общем, да.

— Безобразие! А ты зачем согласился? В наши дни можно куда угодно послать мальчишку-рассыльного. Дэрек мог бы сообразить.

Фредди неуверенно взглянул на нее.

— Ты это шутишь, верно? То есть, я хочу сказать, тебе вряд ли понравилось бы…

— Что он послал тебя, мне нравится не больше.

— А, да ведь я все равно хотел прошвырнуться в Америку. Давно мечтал повидать эту страну.

Джилл мрачно перевела взгляд на темную сцену. Личико у нее застыло, глаза смотрели безрадостно.

— Ну как же ты не понимаешь? А ведь мы так давно знакомы. Я все-таки надеялась, ты уже сумел разглядеть, что у меня есть гордость. Если Дэрек хочет помириться, ему надо самому приехать и разыскать меня.

— Вот чудно! То же самое сказал и Мэйсон. Вы оба просто не понимаете, как сейчас занят Дэрек!

— Да?

Что-то в ее лице подсказало Фредди, что ляпнул он невпопад, но все-таки он, запинаясь, продолжил:

— Да, очень занят. У него ведь выборы на носу. Он из столицы и шагу сделать не смеет.

— Ну, разумеется! Нельзя же, чтобы он хоть как-то повредил своей карьере!

— Абсолютно! Я знал, что ты поймешь! — Фредди был покорен ее разумностью. А сколько чепухи болтают о слабом женском уме! — Так что, все улажено?

— То есть как?

— Ну, мы отплываем домой при первой же возможности. Бедняга Дэрек будет так счастлив!

Джилл резко, негармонично расхохоталась.

— Бедняга Дэрек! — эхом повторила она. — Значит, это с ним дурно обошлись, так выходит?

— Ну, не то чтобы… — неуверенно протянул Фредди. — Конечно, если смотреть в корень, то в общем-то это его вина… Более или менее. А, что?

— Более или менее?

— Ну, то есть, я хочу сказать…

— Более или менее!

Фредди беспокойно вгляделся в нее, уже не настолько уверенный в ее разумности. Что-то не понравилось ему в выражении ее глаз, да и тон у нее какой-то странный. Особой проницательностью он не отличался, но все-таки даже в его мозговые центры начали закрадываться подозрения: а, пожалуй, не так уж все прекрасно и складывается. «Дай-ка сообразить, — обратился Фредди к своей бессмертной душе. — Кажется, меня отшивают!» И на какое-то время наступило молчание.

Сложности жизни начали тяготить последнего из Руков. Жизнь, думал он, похожа на игру в сквош: попасть по мячу, казалось бы, проще простого, пока не попытаешься, а тогда мяч все увертывается из-под руки, и ты его никак не можешь стукнуть. Да, эта самая жизнь, брезжило в мозгу у Фредди, способна на ловкие скачки. Когда он брался за поручение, у него и сомнений не возникало, что единственной сложностью будут розыски Джилл. Как только он ее разыщет, она с восторгом примет добрые вести и весело помчится с ним домой, в Англию, на первом же пароходе. Теперь же выясняется, что настроен он был чересчур оптимистично. Но при всем своем оптимизме сейчас ему приходилось признать, что его радужные надежды лопнули, как мыльный пузырь. Коту ясно.

И Фредди решил взяться за дело с другого бока:

— Э, послушай-ка!

— Да?

— Ты ведь любишь старину Дэрека, верно? Я хочу сказать… ой, ну ты сама понимаешь, что я хочу сказать. В общем, *ты любишь его*, то-се…

— Я и сама не знаю.

— Не знаешь! Послушай-ка, ну ты что! *Должна знать!* Подтяни носочки, старушка… то есть, я имею в виду, возьми себя в руки! Или ты любишь его, или нет!

— Вот было бы здорово, — горько улыбнулась Джилл, — будь все так просто и незамысловато! Ты разве никогда не слышал, что любовь и ненависть разделяет линия толщиной с нитку? Поэты часто про это пишут.

— Да ну, поэты! — И Фредди одним взмахом руки отмел всех гениев разом. Его, конечно, заставляли в школе читать Шекспира и всяких этих, но поэзия оставила его равнодушным, и, повзрослев, он ее забросил. Ему нравился Досс Чайдердосс в «Спортинг Тайме», а все остальное совершенно не трогало.

— Неужели ты не можешь понять, что девушке в моем положении трудно решить, любит она мужчину или презирает?

— Не могу, — покачал головой Фредди. — Это чушь какая-то.

— Тогда какой толк в нашем разговоре! — возмутилась Джилл. — Только боль причиняет.

— Ну, а в Англию… разве ты не вернешься?

— Нет.

— Послушай! Будь умницей! Попробуй!..

Джилл рассмеялась опять, тем же резким смехом, вселявшим во Фредди самые дурные предчувствия. Что-то в его миссии не ладилось. У него зародились опасения, что в каком-то пункте беседы — где точно, определению не поддавалось, — он проявил себя не таким искусным дипломатом, как требовалось.

— Фредди, ты как будто приглашаешь меня на вечеринку! Нет, ничего я не стану пробовать. Тебе еще много предстоит узнать о женщинах!

— Да, женщины — ужасные чудачки, — согласился растерянный посол.

Джилл двинулась к дверям.

— Не уходи! — взмолился Фредди.

— А что? Что толку в дальнейших разговорах? Ты, Фредди, ломал когда-нибудь руку или ногу?

— Да, — ответил заинтригованный Фредди. — На последнем курсе в Оксфорде. Играл в футбол за колледж в дружеском матче, какой-то болван налетел на меня, и я упал на запястье. Но…

— Больно было?

— Еще бы!

— А потом стало заживать, да? Так вот, ты бил по запястью? Крутил его, колол острым или оставил спокойно заживать? Я не желаю больше говорить о Дэреке! Не желаю, и все! У меня вся душа изранена, и я не знаю, поправлюсь я когда-нибудь или нет. Но я хочу хотя бы дать себе шанс. Я работаю изо всех сил и заставляю себя не думать о нем. Я в гипсе, Фредди, как твое запястье, и не хочу, чтобы меня били по больному. Надеюсь, мы будем часто встречаться, пока ты тут, — ты очень милый, но ты даже имени его не упоминай, не проси меня ехать домой. Если станешь избегать этих тем, у нас с тобой опять все будет славно. Ну, а теперь я оставляю тебя бедняжке Нелли. Она уже минут десять маячит, караулит случай поговорить с тобой. Нелли, можешь себе представить, обожает тебя!

— Да ну! — Фредди заметно вздрогнул. — Какая чушь! Джилл ушла, а он все смотрел ей вслед, разинув рот, но тут подошла Нелли — робко, точно богомолец, приближающийся к алтарю.

— Здрасьте, мистер Рук! — сказала Нелли.

— Привет-привет!

Нелли уставилась на него своими большущими глазищами. В голове у Фредди мимолетно промелькнуло: «Какая же она хорошенькая сегодня!» — и впечатление это было вполне верным. Ведь Нелли впервые надела новенький весенний костюмчик, результат многочасовых блужданий по десяткам магазинов, и сознание того, что костюм очень идет ей, освещало ее внутренним светом. Она чувствовала себя счастливой, и счастье оживило яркими красками лицо, поселило мягкий блеск в глазах.

— Как чудесно, что вы здесь!

Фредди ждал неизбежного вопроса, с него начала разговор и Джилл, но его не последовало. Он удивился, но ему стало легче. Долгих объяснений он терпеть не мог, к тому же сильно сомневался, позволительно ли пускаться в подробные объяснения перед Нелли. Причина его приезда была тесно связана с сокровенными делами Джилл. И волна благодарности затопила его, когда он понял, что Нелли то ли нелюбопытна, то ли слишком деликатна, чтобы выказывать любопытство.

От вопроса ее удержала деликатность. Видя Фредди в театре, она сложила два и два и получила ответ — как зачастую бывает со смертными, — неверный. Четырем сумма не равнялась. Ее ввели в заблуждение косвенные улики. Джилл, которую она оставила в Англии богатой и благополучной, встретилась ей в Нью-Йорке без гроша в

кармане, из-за биржевого катаклизма. Но ведь в него же, как ей смутно припоминалось, угодил и Фредди Рук. Правда, говорили, что потери сравнительно невелики. Однако его присутствие в хоре доказывало, что они все-таки и не малы. Никакой иной причины для появления его в театре придумать она не могла, так что приняла эту, и, с присущей ей деликатностью, не притупившейся даже от тяжелой жизни, решила, как только увидела Фредди, не упоминать про его беду.

Сочувствие придало ее поведению материнскую ласковость, и ласковость эта подействовала на Фредди, еще нервничающего после общения с мистером Миллером и растревоженного отношением Джилл к бедняге Дэреку, будто целительный бальзам. Эмоции его бурлили, но одна проступала четко: он был рад Нелли, как никогда никому не радовался. Он и не предполагал, что какая-то девушка может так действовать на него.

Он пустился в бессвязную болтовню о разных пустяках, с каждой минутой все больше убеждаясь, что Нелли совсем другая, чем все остальные девушки. Надо бы почаще встречаться с ней.

— Послушайте-ка, — тут же перебил он сам себя, — когда этот гудеж закончится, ну, то есть после репетиции, как вы насчет того, чтобы перекусить?

— С удовольствием. Обычно я хожу в «Автомат».

— Куда-куда? Никогда про него не слыхал.

— Это на Таймс-сквер. Там дешево.

— Я-то подумывал про «Космополис».

— Ой, это ж такой дорогущий ресторан!

— Ну, как сказать… Не дороже, чем другие, верно? Поведение Нелли стало совсем уж материнским. Наклонившись, она ласково дотронулась до его руки.

— Вам не к чему держать передо мной фасон. Мне все равно, богатый вы или бедный, или какой еще. Конечно, очень жаль, что вы потеряли свои деньги, зато теперь нам гораздо легче стать настоящими приятелями, правда?

— Я… потерял деньги?

— Ну да! Я все поняла. Иначе вы бы не нанялись в театр… Я не хотела касаться этой темы, но раз уж вы про «Космополис» заговорили, пришлось. Вы ведь потеряли деньги тогда же, когда и Джилл? Я сразу догадалась, как только вас увидела. Ну и ладно! Деньги — еще не все!

От изумления Фредди с минуту молчал, а потом уже по доброй воле воздержался от объяснений. Он принял ситуацию и наслаждался ею. Как и у многих богатых и скромных молодых людей, у него всегда где-то в

подкорке тлело подозрение, что у любой девушки, которая с ним вежлива, смешанные мотивы, а вернее даже, совсем и не смешанные. Но черт подери, вот девушка, которой он вроде бы нравится, хотя она и считает, что он разорен вчистую!

— Знаете, — чуть заикаясь, выговорил он, ему вдруг стало трудно владеть голосом, — вы такая славная!

Наступило молчание; между ними, во всяком случае. В другом, внешнем мире, позади декораций, под укрытием которых они стояли, все кипело и бурлило. Там как будто разгорелся бурный спор. Из невидимого пространства доносился голос мистера Гобла. Они смутно что-то улавливали, но были слишком поглощены друг другом, чтобы вникать в детали.

— Как вы назвали эту забегаловку? — спросил Фредди.

— «Автомат».

— Ага, вон как! Так пойдем туда, ладно?

— Еда там очень хорошая. Идешь и сам берешь все из машины, то есть из автомата.

— Мой любимый вид спорта! — с энтузиазмом воскликнул Фредди. — Эй, а что там такое происходит? На перекрестке творится что-то не то!

Помреж звал резким и возбужденным голосом, нервозностью кипела каждая буква:

— Все джентльмены хора на сцену! Мистер Гобл желает, чтобы все джентльмены хора вышли на сцену!

— Ну что ж, пока! — бросил Фредди. — Пожалуй, мне лучше показаться там.

И он направился к сцене.

3

В атмосфере репетиций любого мюзикла всегда таится коварство, разрушающее прекрасные чувства актеров. Разомлев от красоты весенней погоды, Гобл ехал в театр нынешним утром в превосходнейшем настроении и твердо намеревался пребывать в нем весь день. Но пять минут репетиций привели его в обычное состояние. К десяти минутам двенадцатого он уже нервно жевал сигару и гневно пялился на сцену, от умиротворенности не осталось и следа. Когда в четверть двенадцатого появился Уолли Мэйсон и опустился в кресло рядом с ним, менеджер

встретил его ворчанием и даже не угостил сигарой. А уж когда нью-йоркский менеджер допускает такое упущение, это верный признак, что он не в духе.

Но можно найти извинение и для Гобла. «Роза Америки» лишила бы самообладания и человека куда более добродушного. Гобла жутко раздражало то, что Отис Пилкингтон именовал «тонким юмором». Взрос он на более вульгарном юморе музыкальных комедий, где о сюжете напрочь забывают после первого же вступительного хора, и остаток спектакля заполняется девушками, появляющимися в самых разнообразных экзотических нарядах, а хорошие мастера водевиля поставляют забавные репризы, добиваясь смеха у публики. Мюзикл для Гобла был спектаклем, включающим дрессированных тюленей, акробатов и две-три группы искусных чечеточников, а главное, чтобы на сцене все — от дерева до абажура — могло превратиться в хористку. Строго выстроенный сюжет «Розы» действовал ему на нервы. Сюжеты он вообще ненавидел, а в «Розе Америки» только он и был.

Зачем же тогда мистер Гобл, такой земной и простецкий, связался с постановкой интеллектуальной пьесы? Да все оттого, что подобно другим нью-йоркским менеджерам иногда думал: «А ведь, пожалуй, созрело время для возрождения комической оперы!» Порой за обедом в своем излюбленном углу «Космополиса» он, перегнувшись через стол, убеждал другого менеджера поверить ему на слово — время для оперы созрело! Или давал более осторожный прогноз — вот-вот созреет. А второй менеджер кивал головой, задумчиво оглаживая три подбородка, и соглашался — да, верно, время для возрождения комической оперы, оно вот-вот созреет, как райское яблочко. Потом оба набивали желудки вкусной едой и, закурив огромные сигары, погружались в задумчивость.

У большинства менеджеров приступы эти — их можно сравнить с накатами угрызений совести — так же быстро и пропадают, и они, вполне довольные, возвращаются к вульгарным мюзиклам. Однако Пилкингтон, случайно возникший с рукописью «Розы» и наличными на ее постановку, угодил как раз в разгар приступа у мистера Гобла, и контракт был заключен, не успел этот приступ миновать. Теперь мистер Гобл горько сожалел о своем опрометчивом поступке.

— Послушай-ка, — сказал он Уолли, не спуская глаз со сцены, цедя слова уголком рта, — придется тебе повозиться с этим шоу после гастрольной обкатки. Условия обговорим позже. Просто необходимо довести его до кондиции, любой ценой. Уловил?

— Считаешь, надо доработать? — переспросил Мейсон.

Мистер Гобл грозно посверкивал глазом на ничего не подозревающих актеров, репетировавших особенно занудный кусок диалога.

— Доработать, ха! Тут все не так! Чушь какая-то. Придется тебе переписывать с начала до конца!

— М-да… У меня уже имеются кое-какие идейки. Я ведь видел эту штуку прошлым летом, любители ставили. Если желаешь, управлюсь быстро. Но согласится ли автор?

Мистер Гобл наконец отвел пылавший гневом взор от сцены и вперил его в Уолли.

— Послушай-ка! Он на все согласится, что я скажу. Я тут отдаю приказы! Я — Большой Босс!

И, как бы в подтверждение своих слов, он оглушительно рявкнул. Эффект это произвело магический. Старательные актеры замерли, как подстреленные в лет. Помреж ретиво наклонился над рампой, прикрывая глаза суфлерским экземпляром пьесы.

— Прогоните еще раз! — заорал мистер Гобл. — Да, то место, где жизнь как арбуз. Это же бред какой-то! — Он загнал сигару в угол рта и рьяно вслушался. Хлопнул в ладоши. Действие снова замерло. — Выбрасываем! — лаконично подвел он итог.

— Выбросить этот диалог, мистер Гобл? — подобострастно уточнил помреж.

— Да. Выбросьте весь. Полная галиматья.

Вскочив с заднего кресла, по проходу замелькал Отис Пилкингтон, раненый в самое сердце.

— Мистер Гобл! Мистер Гобл!

— Ну, что еще?

— Это же остроумнейшая сентенция во всей пьесе!

— Сен — что?

— Сентенция. Лучшая в пьесе.

— Публика, — мистер Гобл сбил пепел с сигары, — никаких сентенций не желает. Публика их не любит. Я в шоу-бизнесе пятнадцать лет, и я вам это говорю! От сентенций ей худо. Ладно, поехали.

Мистер Пилкингтон взволнованно трепетал. Это было его первое столкновение с Гоблом в качестве режиссера. Обычно на ранних стадиях тот предоставлял репетировать субъекту, который для того и существовал, чтобы «размять» материал. После этого Гобл являлся лично и перекраивал большую часть его работы — выбрасывал какие-то куски, учил актеров, как произносить реплики, в общем, развлекался от всей души. Ставить спектакли он очень любил, мало того, он считал, что у него огромный

талант, и уговаривать его было бесполезно, даже и пытаться не стоило. Несогласных он убивал презрительным взглядом восточного деспота.

Ничего этого Пилкингтон пока еще не знал.

— Однако, мистер Гобл!.. Властелин раздраженно обернулся.

— Ну, что еще? *Что еще?* Не видите, я занят?

— Но эта сентенция…

— Выброшена!

— Но…

— Вы-бро-ше-на!

— Да ведь, — чуть ли не плача запротестовал мистер Пил-кигтон, — и у меня есть голос…

— Разумеется, голос есть, — согласился мистер Гобл, — вот и пользуйтесь где угодно, только не в моем театре. Сколько угодно пользуйтесь! Ступайте за угол и поговорите сами с собой. Спойте что-нибудь в ванной! Но не являйтесь с этим своим голосом сюда, тут только я говорю! Этот тип меня просто утомляет! — пожаловался он Уолли, когда Пилкингтон удалился с видом огорченного питона. — Ни черта не смыслит в шоу-бизнесе и вечно суется с какими-то дурацкими предложениями. Должен радоваться, что его первую пьесу ставят, а не учить меня режиссуре. — Он властно хлопнул в ладоши. Помреж наклонился над рампой. — Что сказал вон тот? Да, этот, лорд Финчли. А ну-ка, еще раз! Джентльмен, игравший роль лорда Финчли, английский характерный актер, имевший успех в Лондоне, раздосадованно вскинул брови. Как и Пилкингтон, он никогда еще не сталкивался с Гоблом-режиссером, и, привыкнув к обходительным манерам своей родной страны, столкновение это находил весьма тягостным. Особенно его огорчило, что выбросили фразу об арбузе, это была единственная стоящая реплика. Любая реплика, которую выкидывают из роли, становится единственной

— Слова про Омара Хайяма? — подавляя раздражение, осведомился он.

— Вот-вот! Так мне и показалось… Это неправильно! Говорить надо «Омар Хайямский»

— По-моему, стоит уточнить. Хайям —… э… общепринятая версия, — возразил исполнитель роли лорда Финчли, шепотом добавив: «Ну и осел!»

— Сказано, Омар Хайямский! — рявкнул Гобл. — Кто, по-вашему, главный в этом шоу?

— Ну, как желаете.

Гобл повернулся к Уолли.

— Актеришки эти… — начал он, но тут у его локтя снова появился Пилкингтон.

— Мистер Гобл! Мистер Гобл!

— Ну, *что теперь!*

— Омар Хайям персидский поэт. Это его фамилия, Хайям.

— А я вот слышу не так! — упрямо возразил мистер Гобл. — А ты? — повернулся он к Уолли. — Я считаю, он родился в Хайяме,

— Возможно, ты и прав, — откликнулся Уолли. — Тогда ошибаются все остальные, и уже много лет. Обычно считается, что этого джентльмена называют Омар Хайям. Так сказать, О. Хайям. Родился в 1050 году н. э., учился в Багдадском университете. Представлял Персию на Олимпийских играх 1072 года, стал чемпионом в прыжках сидя и в гонках с яйцом на ложке. В Багдаде Хайямы были хорошо известны, и поднялся большой шум, когда юный Омар, любимый сынок миссис Хайям, стал пить и кропать стишки. Предполагалось, что он войдет в дело своего папы.

На Гобла эта речь произвела впечатление. Он уважал мнение Уолли, потому что Уолли написал «Вслед за девушкой», а каким сногсшибательным успехом пользуется эта комедия! И он снова остановил репетицию.

— Значит, повторите про Хайяма, — перебил он лорда Финчли на середине фразы.

Актер прошипел от всей души хорошее английское ругательство. Вчера он засиделся допоздна, а потому, несмотря на прекрасную погоду, тоже был не в настроении.

— Вот у Омара Хайяма…

— Выбросьте этого Омара! — распорядился мистер Гобл. — Монолог и без того затянут.

И, виртуозно расправившись с щекотливым пунктом, откинулся в кресле, откусив кончик новой сигары.

После этого репетиция несколько минут катилась гладко. Если Гобл и не получал особого удовольствия от пьесы, то критическими замечаниями делился только с Уолли. Ему он время от времени поверял, какие мучения доставляет «Роза Америки».

— И как я вообще согласился ставить такое барахло, прямо в толк не возьму! — ворчал мистер Гобл.

— Возможно, ты разглядел хорошую идею, — предположил Уолли. — И знаешь, она есть. Если ее обработать, пьеса может иметь успех.

— А как бы ты, например, это переделал?

— Да так, знаешь, эдак… — осторожно бросил Уолли. Прошли те

молодые годы, когда он, неоперившийся юнец, опрометчиво выбалтывал свои выдумки, а потом обнаруживалось, что их с благодарностью приняли и осуществили, посчитав дружеским подарком. Его симпатии к Гоблу не простирались так далеко, чтобы подарить ему свои замыслы. — Явлюсь в любое время, как только захочешь, чтобы я переделал для тебя шоу. Процента полтора с прибылей мне, думаю, хватит.

Изобразив на лице крайнюю степень изумления и ужаса, Гобл повернулся к нему.

— Полтора процента? За переделку такого вот шоу? Ха! Да тут и делать-то почти нечего! Уже все есть.

— Но ты сам только что сказал — барахло.

— Ну, я просто подразумевал, что вещица не нравится мне лично. А публика скушает за милую душу. Поверь мне, время для возрождения комической оперы почти созрело!

— Ну, эту придется гальванизировать. Без техники не обойтись.

— Этот долговязый болван… ну, Пилкингтон… он же ни за что не потерпит, чтобы я платил тебе полтора процента.

— А мне казалось, ты тут всем распоряжаешься.

— Деньги вложил он.

— Что ж, если он желает вернуть хоть частичку, ему все равно придется кого-то звать. Не хочешь, можешь не нанимать меня. Но я уверен, что сделаю из этой штуки конфетку, фортель-другой, и пожалуйста!

— Что именно? — небрежно полюбопытствовал мистер Гобл.

— Да так… подброшу штришки, остроты всякие… Ну, ты сам знаешь. Вот и все, что требуется.

Сбитый с толку Гобл грыз сигару.

— Думаешь? — наконец произнес он.

— Ну, и еще, может, вдохну кое-где что-нибудь такое… неуловимое… — прибавил Уолли.

Перебросив сигару в другой угол рта, мистер Гобл пошел в новую атаку:

— Ты не раз делал для меня работу. И хорошую!

— Рад, что тебе понравилось.

— Ты добрый малый. Мне нравится, когда ты работаешь со мной. Я вот тут подумывал, а не заказать ли тебе осенью новое шоу. Сюжет потрясный. Французский фарс. Уже два года идет в Париже. Но как же я могу, если тебе прямо весь шар земной в уплату подавай?

— Шар земной никогда не помешает.

— Слушай, если перекроишь этот спектакль за полпроцента, закажу и

то, другое.

— Выговаривай слова разборчивее. А то мне послышалось, будто ты произнес «полпроцента». На самом деле, конечно, ты сказал «полтора».

— Если не согласишься на полпроцента, другого шоу не получишь.

— Ну и ладно, — хмыкнул Уолли. — В Нью-Йорке менеджеров хватит. Разве сам не видел? Так и шмыгают по городу. Богатые, предприимчивые… и все меня любят, как сына родного.

— Ну, пусть будет один. Я постараюсь уладить дело с Пилкингтоном.

— Полтора…

— О, черт побери! Ладно, твоя взяла, — угрюмо уступил Гобл. — Какой толк спорить по мелочам? Соломинку, понимаешь, расщеплять!

— Забытый спорт былых времен, «расщепление соломинки». Ладно, нацарапай строчку-другую и подпишись четко, полным именем. Буду хранить бумажку у сердца. А сейчас мне пора бежать. У меня свидание. До скорого. Рад, что все уладилось, все счастливы.

Несколько минут после его ухода мистер Гобл сидел, ссутулясь, и мрачно попыхивал сигарой. От солнечного настроения и следа не осталось. Обитая в узком мирке подхалимов, он злился на то, что Уолли обращается с ним небрежно, а то и высокомерно. Да, жаль, что приходится нанимать для переделки именно его. Казалось бы, зачем? Нью-Йорк кишел либреттистами, которые сделали бы работу не хуже и за половину этой суммы, но, как и большинство менеджеров, мыслил Гобл на уровне овцы. Мюзикл «Вслед за девушкой» имел оглушительный успех, пьесу написал Уолли, значит, никто, кроме него, не перекроит «Розу Америки». Это представлялось мистеру Гоблу неотвратимым, как судьба. Ему только и оставалось мысленно побурчать, что кое у кого — раздутое самомнение. Больше ничего он сделать не мог. Побурчав про самомнение, но не почувствовав себя лучше, мистер Гобл сосредоточился на сцене. Добрая порция действия уже прошла, пока они разговаривали, и теперь в новом эпизоде снова появился злосчастный Финчли. Мистер Гобл воззрился на него. Он ему не нравился, особенно — манерой речи.

Роль была без пения, характерная. На поиски актера Отис отправился в драматический театр и раздобыл Вентворта Хилла, который приехал из Лондона играть в английской комедии, а та только что сошла со сцены. Пьесу газеты разругали, но Вентворта Хилла считали блестящим комедиантом. Сам Хилл придерживался такого же мнения, а потому его раздерганные нервы испытали настоящий шок, когда рык из партера перебил его в середине монолога и скрежещущий голос сообщил, что он все делает неправильно.

— Простите? — с опасным спокойствием осведомился мистер Хилл, шагнув к рампе.

— Все неправильно, — повторил мистер Гобл.

— Вот как? — Вентворт Хилл несколько лет назад проучился два семестра в Оксфорде, пока его не отчислили за исключительную лень. Из знаменитого университета он мало что вынес, за исключением манер, и теперь демонстрировал их перед мистером Гоблом. Ледяная вежливость оказалась последней каплей для взбудораженной души менеджера. — Не будете ли вы тогда любезны, — спросил актер, — объяснить мне, как именно вам видится исполнение этой роли?

Мистер Гобл промаршировал по проходу.

— Говорить надо на публику! — указал он, останавливаясь у оркестровой ямы. — А вы, трам-там-там, все время отворачиваетесь!

— Возможно, я и ошибаюсь, — парировал мистер Хилл, — но я переиграл множество ролей, знаете ли, в довольно солидных театрах, и всегда полагал, что реплики свои актер должен адресовать партнеру, с которым ведет сцену, а не декламировать для галерки. Насколько я понимаю, таков принятый метод.

От этого словечка весь динамит в мистере Гобле взорвался. Чего он терпеть не мог, так это методов. В его представлении режиссура состояла в том, чтобы наставлять актеров, робко приближающихся по его приказу к рампе. Актеришки, которые смотрят на задник сцены и говорят затылком к публике, вызывали в нем отвращение.

— Метод! Ну, знаете! Где это вы набрались всяких методов? Тут вам не Ибсен какой-нибудь!

— Но и не разухабистый скетч!

— Не смейте мне так отвечать!

— А вы, будьте любезны, *не орите.* У вас и так достаточно неприятный голос, незачем его повышать.

Никто не отваживался давать открытый отпор мистеру Гоблу, и на минутку тот лишился дыхания. Однако почти моментально обрел его снова.

— Вы уволены!

— Вот уж нет! — огрызнулся мистер Хилл. — Я ухожу! — И, вынув из кармана роль в зеленой обложке, величественно протянул ее бледному помрежу. Потом из глубины сцены изящно прошествовал к выходу под руководством мистера Миллера.

— Надеюсь, вы сумеете разыскать актера, которому удастся сыграть роль согласно вашим представлениям об актерской игре.

— А то! Непременно! — гаркнул мистер Гобл в удалявшуюся спину. — Да любой хорист ее исполнит! — И махнул помрежу. — Хористов на сцену!

— Все джентльмены из хора, на сцену, пожалуйста! — пронзительно завопил помреж, кидаясь за кулисы, точно поисковая собака. — Мистер Гобл желает, чтобы джентльмены из хора вышли на сцену!

Когда семеро юношей из мужского ансамбля «Розы» смущенно выстроились на сцене перед сверкающим взором мистера Гобла, тот раскаялся в своем задиристом обещании. В душе у него промелькнуло неуютное чувство, что судьба поймала его на блефе и ему не выкрутиться. Стоявшие хористы были все на одно лицо, все похожи, как близнецы, и непохожи ни на что путное. Даже мистер Гобл, горя желанием закрыть глаза на недостатки, не сумел убедить себя, что в их ряду хоть один напоминает английскою лорда.

Но тут, как раз когда им овладела холодная рассудочность, сменившая лихорадочный запал, он вдруг увидел, что Провидение все-таки благоволит к нему. В самом конце линии мялся молодой человек, внешне идеально подходивший на роль лорда Финчли, и даже — опять-таки внешне — куда более приятный, чем изгнанный Хилл. Гобл властно махнул рукой.

— Вы, там, в конце!

— Я? — переспросил молодой человек.

— Ну да, вы. Вы кто такой?

— Рук. Фредерик Рук, знаете ли.

— Англичанин?

— Э? А? А, да, абсолютно.

— Играли роли со словами?

— Роли? А, понимаю! Да, в любительских постановках, знаете ли, то-се…

Слова его прозвучали музыкой для мистера Гобла. Он почувствовал, что его наполеоновский поступок оправдан успехом. Ярость утихла. Будь он способен на сияющую улыбку, мы бы сказали, что он сияюще улыбнулся Фредди.

— Значит, так, с этой минуты вы играете роль лорда Финчли. Зайдите ко мне в офис подписать контракт. Очистить сцену! Мы достаточно времени потратили впустую.

Через пять минут, за кулисами, получая поздравления от Нелли, Фредди выказал властность:

— Сегодня никаких «Автоматов»! А, что? Теперь, когда я звезда, это невозможно. Как только репетиция закончится, отправляемся в

«Космополис»! Намечается маленький банкет, а, что? Эгей-хо! Кутим, милая, кутим!

Глава XV ОБЪЯСНЕНИЯ ДЖИЛЛ

1

Вестибюль отеля «Космополис» — вот настоящий центр Нью-Йорка, где в определенные часы непременно встретишь всех своих знакомых. Первой, кого увидели Нелли с Фредди, пройдя через крутящиеся двери, была Джилл, сидевшая у большой колонны посередине зала.

— Эгей-хо! — воскликнул Фредди. — Ждешь кого-нибудь?

— Привет, Фредди. Да, жду Уолли. Получила от него утром записочку, просил встретиться с ним здесь. Я рановато пришла. Да, я ведь еще не поздравила тебя. Ты — просто чудо!

— Спасибо, старушка. Юный герой шагает семимильными шагами, а? Мистер Рук, совсем простой и неиспорченный успехом, отвечает на вопросы нашего корреспондента насчет его будущих планов, что он намерен отправиться в гриль-зал и сжевать ланч за 18 долларов. Да, недурно все складывается. В общем и целом, а, что? Я хочу сказать, получать буду много, знаешь ли… Большая помощь, когда ты разорился!

Джилл удивленно заметила, что последний из Руков корчит гримасы и странно подмигивает, вкладывая в это скрытый смысл. Она послушно подыграла, хотя ровным счетом ничего не поняла.

— Да, разумеется!

На лице его расцвела благодарность, и с сердечным «Пока-пока!» он повел Нелли дальше, в гриль-зал.

— А я и не знала, что Джилл знакома с Мэйсоном, — заметила Нелли, когда они усаживались за столик.

— Да? — рассеянно отозвался Фредди, опытным взглядом пробегая меню, и сделал тщательно продуманный заказ. — Что-что? А, абсолютно. Джилл с Уолли еще детьми играли вместе.

— Как забавно, что все вы вот так встретились.

— Угу. О, Господи!

— Что случилось?

— Да нет, ничего. Забыл послать телеграмму старому приятелю. Ладно, отправлю после ланча.

И, вынув носовой платок, Фредди завязал его узелком. Ему было чуточку неловко идти на такие предосторожности, но все-таки лучше

подстраховаться. Разговор с Джилл в театре оставил его в твердом убеждении, что предпринять остается одно — телеграфировать бедняге Дэреку, пусть забудет о всех этих выборах и срочно, галопом, скачет сюда. Он знал, самому ему никогда больше недостанет мужества снова затевать с Джилл разговор на эту тему. В качестве посла на нем можно поставить крест. Если кому и удастся сломать ее несговорчивость, то только самому Дэреку. Фредди не сомневался, что, увидев его, Джилл растает и упадет в его объятия. Чертовская нелепость, считал Фредди, что два любящих сердца разделены океаном. Он с облегчением убрал платок в карман и взялся развлекать Нелли, уйдя в это занятие с головой. Задача оказалась несложной — чем дольше он находился рядом с этой девушкой, тем легче ему было болтать с ней.

Для Джилл, оставшейся в одиночестве, время текло приятно. Ей нравилось наблюдать за входящими. Вот впорхнули, словно стайка птичек, несколько девушек из труппы, их подхватили кавалеры, и все исчезли в гриль-зале. Мелькнула мимо рыженькая Бэйб, тепло кивнув Джилл, а вскоре появилась Луис Денхэм, девушка-ива, в компании молодого человека с бледным тонким лицом и бегающим взглядом. Это, как правильно догадалась Джилл, и был тот самый Иззи. Луис была тоже бледной, гордой, и, судя по нескольким долетевшим до Джилл словам, досадовала на то, что ее заставили ждать.

Почти сразу же двери крутанулись энергичнее обычного, и влетел мистер Гобл.

Лицо его затуманивало облачко, верный признак того, что недовольство жизнью еще не рассеялось. Но едва он заметил Джилл, как облачко растаяло. Он подошел к ней с улыбкой, которую сам считал чарующей.

— Привет! — окликнул мистер Гобл. — Сидим в одиночестве?

Джилл не успела и объяснить, что положение это временное, как менеджер уже продолжил:

— Пойдемте перекусим.

— Большое спасибо, — вежливо отказалась Джилл, — я жду кое-кого.

— Да ну его к лешему! — сердечно заметил мистер Гобл.

— Нет, спасибо. Я, правда, не могу.

И снова на лицо мистера Гобла стало набегать облачко. Он привык, чтобы приглашения его принимали как королевские приказы.

— Пойдемте!

— Простите, это невозможно.

Пронзив ее долгим пристальным взглядом, мистер Гобл как будто

хотел продолжить уговоры, но передумал и угрюмо повернул в гриль-зал. К отказам он не привык.

Едва он ушел, как появился Уолли.

— Что он вам говорил? — резко, даже не поздоровавшись, спросил он.

— Приглашал меня в зал.

Уолли помолчал с минуту. На его добродушном лице появилось сердитое выражение.

— Он, конечно, пошел туда? — указал он на гриль.

— Да.

— Значит, мы отправимся сюда, — решил Уолли, обретая прежнее добродушие. — Очень мило, что вы пришли. Я не был уверен, сумеете ли.

— Мило, что вы меня пригласили.

— Какие безупречные у нас манеры! — усмехнулся Уолли. — Приятно слушать! Как вы догадались, что мне хотелось, чтоб вы надели именно эту шляпку?

— О, это носится в воздухе! Так вам она нравится?

— Просто изумительная! Давайте сядем вон за тот столик, ладно?

2

Они уселись. Сумрак зала в гобеленах расслабляюще действовал на Джилл. После репетиции она чувствовала себя немножко усталой. В дальнем конце зала оркестр наигрывал мелодию, которую она помнила и любила. Память ее вернулась к последнему разу, когда они с Уолли сидели друг против друга в ресторане. Кажется, это было так давно! Вернувшись к настоящему, она обнаружила, что Уолли что-то говорит.

— Вы так внезапно убежали…

— Не хотелось с Фредди встречаться. Уолли сочувственно посмотрел на нее.

— Простите, что порчу вам ланч, но Фредди знает, где вы. Он вас выследил. Встретил случайно Нелли Брайант, с которой вроде бы подружился в Лондоне, и та рассказала ему, где вы и чем занимаетесь. Послушайте, вы так стремительно улепетнули от него позавчера, а сейчас как-то не очень растревожились, — заметил Уолли, и Джилл звонко расхохоталась.

— Вы разве не слышали?

— О чем?

— Фредди попросил мистера Пилкингтона взять его в хор нашего

спектакля. Сегодня утром, когда я пришла в театр, он репетировал на сцене, а его всячески поносил мистер Миллер. А позже мистер Гобл разругался с актером, игравшим роль англичанина, и заявил, что любой хорист сыграет не хуже. Взял да и выбрал Фредди. Так что теперь Фредди — один из главных героев, очень гордится!

Запрокинув голову, Уолли одобрительно взревел, отчего у обедающего за соседним столиком выпала на полдороге ко рту устрица.

— Не устраивайте такого шума, — строго одернула Джилл. — На нас оглядываются.

— Простите, не удержался! Ну и дела! Да, такого бреда, как в этих шоу и мюзиклах, нигде нет! Там может случиться, что угодно! «Алиса в стране чудес» — пустячок перед театром!

— Вы тоже так считаете? Именно такое чувство и у меня. Будто я на бесконечном чаепитии у Безумного Шляпника.

— А с какой стати Фредди вообще вступил в труппу? Джилл стала серьезной. Вопрос напомнил ей про то, что она все время изгоняла из мыслей.

— Хочет работать в театре, чтобы приглядывать за мной. Серьезность заразительна. Улыбку Уолли как стерли. Он тоже вернулся к мыслям, не самым приятным, и принялся мрачно крошить булочку.

— А знаете, он совершенно прав. Даже не подозревал, что у него столько здравого смысла.

— Нет, не прав! — вспыхнула Джилл. Воспоминание о разговоре с новой звездой все еще жгло огнем ее независимую душу. — Я не ребенок, и могу сама о себе позаботиться. Как я поступаю, это мое личное дело.

— Боюсь, скоро вы поймете, что ваши личные дела касаются еще нескольких человек. Меня, к примеру. Мне лично не нравится, что вы работаете в театре. Ну, откусите мне голову!

— Очень любезно с вашей стороны, что вы беспокоитесь обо мне…

— Я же просил откусить мне голову, а не заморозить меня. На правах старого друга, который в былые времена совал вам червяков за шиворот, повторяю — мне не нравится, что вы на сцене.

— Вот уж не думала, что вы такой… — Джилл поискала словечко поуничижительнее, — замшело-викторианский!

— Когда дело касается вас, да, я самый что ни на есть замшелый и викторианский. Викторианец — мое второе имя. — Уолли смело встретил ее негодующий взгляд. — И мне, повторяю, не нравится, что вы на сцене. А уж тем более в труппе Айка Гобла.

— Почему же именно Гобла?

— Потому что он не из тех, с кем следует близко общаться.

— Вот еще ерунда!

— Ну, нет! Я думаю, вы немало читали о нравах театральных менеджеров…

— Да, но это все выдумки.

— Так оно и есть. В большинстве своем, они неплохие, вполне порядочные ребята, даже на редкость порядочные, если вспомнить, какое положение они занимают. Я не говорю про деньги, тут они вытворяют, что угодно. В театре, когда доходит до денег, в ход идет все, кроме разве укусов. «Ни Божий закон, ни закон людской не дальше сороковых».[46] В данном случае подставьте улицу, а не широту, хотя вопрос и не изучен досконально. Возможно, точнее сказать, что золотое правило «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой» здесь отменено. К этому привыкаешь. Ну, разве что, отправляясь с визитом, оставишь часы и бумажник дома, да не поворачиваешься спиной, чтоб не стянули ненароком задней запонки. Вроде игры. Если менеджеру удалось надуть тебя, значит, он выиграл очко и получает все почести. Если одурачил его ты, то и победа за тобой. При любом раскладе это никак не влияет на отношения. Он все так же потчует тебя сигарой из жилетного кармана и твердит, что ты славный малый. Тут нет ничего личного. Возможно, он облапошил утром своего лучшего друга, но за ланчем они сидят вместе, довольные и счастливые. К менеджерам надо проявлять терпимость. Все они — жертвы наследственности. Когда грабитель женится на гардеробщице, их отпрыск автоматически идет в театральный бизнес. Разве он может потом избавиться от уроков раннего детства? Нет, конечно. Но нравы… Уолли замолчал, давая возможность поставить перед ним жареную камбалу. Официанты всегда умудряются выбрать момент, когда клиент разглагольствует с особым красноречием.

— Так вот, что касается нравов, — возобновил свою речь Уолли, — тут совсем другое дело. Большинство менеджеров — вполне почтенные люди средних лет с женами и семьями. Они в бизнесе, чтобы делать деньги, и больше их ничего не интересует. Девушки в труппе для них — вроде клерков. Просто машины, помогающие получить прибыль. Они толком их и в лицо не знают. Но наш добрый Айк совсем другой! — Уолли проглотил кусочек камбалы. — Айк — нехороший человек. Он — вор, мародер и распутник! Он — чума и червь. Он толст, вял и дрябл. У него сальная душа, иссохшее сердце и глаза трески. Я не критикую его, Боже упаси! — благородно добавил Уолли. — Нет! Критика — не в моем характере. Однако с превеликим уважением скажу, что он — гибрид кота и

той пакости, которую мы находим под лежачим камнем. Вот почему мне жаль, что вы в его труппе.

Эту обличительную речь Джилл слушала с некоторой тревогой. Ее короткие встречи с мистером Гоблом подсказывали, что каждое слово, скорее всего, — правда, ей было не по себе даже сейчас, когда Гобл просто на нее глядел, как справедливо выразился Уолли, глазами трески. Но гордость запрещала ей проявлять слабость.

— Я и сама могу о себе позаботиться! — повторила она.

— Не сомневаюсь! Возможно, вы сами сумеете о себе позаботиться, если свалитесь в заболоченный пруд. Но вряд ли я остался бы стоять на берегу, спокойно на это глядя. Я знаю, что приходится терпеть девушкам в хоре. Часами они болтаются на сквозняке, пока свои сцены репетируют солисты. Им нечем заняться, а если они попытаются разнообразить томительность рабства легкой болтовней, на них вопят.

— Да, — признала Джилл, — так бывало много раз.

— Так бывает всегда. Джилл, вы должны уйти из театра. Такая жизнь вам не подходит. Работа…

— Мне она нравится.

— Ну да, пока она в новинку…

— Как вы не можете понять! — жарко перебила Джилл. — Я хочу работать. Мне нужна работа. Мне нужно что-то делать, чтобы занять ум. Очень трудно говорить об этом, но вы же знаете, что со мной случилось. Фредди наверняка рассказал. А если и нет, вы и сами могли догадаться, раз уж я здесь одна. Неужели у вас не бывало беды или разочарования, когда весь мир будто развалился на куски? Тогда обнаруживаешь, что единственное спасение — работать, работать и работать! Когда я только что приехала в Америку, я просто с ума сходила. Дядя Крис отослал меня в городишко на Лонг-Айленде, и мне целый день было нечем заняться, я только думала и думала. Долго я там не вытерпела и сбежала в Нью-Йорк. Встретила тут Нелли Брайант, получила эту работу. Театр спасает меня. Я занята целый день, ужасно выматываюсь, и у меня нет времени на всякие мысли. Чем тяжелее работа, тем лучше она мне подходит. Это противоядие. Я просто не могу бросить ее сейчас. А что до вашего Гобла, придется мне с ним смириться. Другие же девушки терпят. Чем я лучше?

— Они притерпелись и не обращают внимания.

— Ну, и я должна притерпеться. Что мне еще осталось? Должна же я что-то делать.

— Выходите за меня замуж, — сказал Уолли, перегнувшись через стол и прикрывая своей ладонью ее руку. Сияние в глазах осветило его лицо,

словно фонарь.

3

От внезапности этих слов Джилл онемела. Вытянув руку из-под его руки и откинувшись на спинку стула, она в изумлении смотрела на Уолли. В сознание ее смутно проникала сумятица звуков — разговоры, смех, веселая мелодия, которую наигрывал оркестр. Все ее чувства точно бы обострились. Она чутко воспринимала мельчайшие детали. Потом, вдруг, весь мир сузился до глаз, прикованных к ней, — молящих, влюбленных, и ей панически захотелось избежать их взгляда.

Отвернувшись, она стала оглядывать зал. Просто невероятно, что все эти люди, мирно занятые едой и пустой болтовней, не уставились на нее, мучаясь догадками — а что же она сейчас ответит? — подталкивая друг друга локтями, строя предположения. Среди такого равнодушия она почувствовала себя одинокой и беспомощной. Она для всех — ничто, им все равно, что с ней будет, словно она одна посреди замерзших болот Брукпорта. Да, она одна в равнодушном мире, и свои проблемы должна решать только сама.

Мужчины и раньше предлагали ей замужество, добрый десяток раз, то там, то сям, в загородных домах, на танцах в Лондоне, еще до того, как она встретила и полюбила Дэрека. Но ничто из прежнего опыта не подготовило ее к предложению Уолли. Те, другие, давали ей время выстроить защиту, собраться с силами, взвесить не спеша их достоинства. Прежде чем высказаться напрямую, они выдавали свою влюбленность сотнями признаков — краснели, заикались, просто стекленели в смущении, а не выстреливали предложение точно пулю под прикрытием беседы на темы, не имевшие ни малейшего касательства к их чувствам.

И все же теперь, когда шок постепенно стихал, ей стали припоминаться признаки, которые она отмечала и раньше; речи, которые должны были бы остеречь ее…

— О, Уолли! — выдохнула Джилл.

Она обнаружила, что действует он на нее совершенно по-другому, чем поклонники тех лондонских дней. Он больше для нее значил, играл более важную роль, он был — хотя все в ней восставало против такого слова — даже опасным!

— Позвольте мне избавить вас от всего этого! Вы не созданы для жизни в театре! Я не могу видеть, как вы…

Наклонившись, Джилл прикоснулась к его руке. Он вздрогнул, словно от ожога. Мускулы его горла еще двигались.

— Уолли… — Джилл приостановилась в поисках подходящего слова: сказать «Спасибо» — настоящий ужас! Так холодно, почти высокомерно. «Как мило», — это, скорее всего, прощебетала бы Луис своему дружку Иззи. Джилл начала снова: — Вы такой великодушный, что предложили мне выйти замуж… но…

— Вы что, думаете, — сдавленно засмеялся Уолли, — я это из альтруизма? Ну, нет! Я такой же эгоистичный и сосредоточенный на себе, как и любой другой человек, когда ему чего-то очень сильно хочется. Во мне столько же альтруизма, сколько в ребенке, хнычущем, чтобы ему луну с неба достали. Я хочу, чтобы вы вышли за меня, потому что я люблю вас. Другой такой девушки нет. Я всегда вас любил. Я столько лет мечтая о вас, гадал, как вы живете, — где вы, что делаете, как выглядите. Раньше я воображал, что это все сантименты, просто вы воплощаете самое счастливое время моей жизни. Я думал, вы — вроде крючочка, на который я навешиваю трогательную тоску о днях, которые никогда не вернутся. Вы были богиней памяти о минувшем. Но потом я встретил вас в Лондоне, и все переменилось. Мне нужны *именно вы,* а не память о старых временах и ушедшем счастье. Я понял, что люблю вас, сразу, как только вы заговорили со мной в театре. Я полюбил ваш голос, ваши глаза, вашу улыбку, ваше мужество. А потом вы упомянули, что помолвлены. Что ж, разумеется, этого можно было ждать, но я не сдержался и выказал ревность. А вы осадили меня, как я того и заслуживал. Но теперь… теперь все переменилось. Все по-другому, кроме моей любви.

Джилл отвернулась к стене. На нее тут же начал глазеть человек за соседним столиком, тучный и краснолицый. Слышать он ничего не мог, потому что говорил Уолли очень тихо, но догадался, что за их столом творится что-то инте-ресненькое, и теперь с тупым любопытством наблюдал, от чего Джилл тут же вспыхнула негодованием. За минуту до того она обижалась на безразличие окружающего мира, а теперь этот глазеющий сосед показался ей целой толпой. На глаза ей навернулись слезы, и она почувствовала, что краснолицый их приметил.

— Уолли… — Голос ее сломался. — Это невозможно.

— Почему? Почему, Джилл?

— Оттого, что… О, невозможно, и все. Наступило молчание.

— Из-за… — с трудом начал он, — из-за Андерхилла?

Джилл кивнула. Она была очень несчастна. Оркестр разразился бравурной музыкой, и нога ее невольно начала постукивать в такт. За

ближним столиком кто-то зашелся в хохоте. Два официанта за стойкой были так близко, что она улавливала обрывки их разговора. Они спорили о заказе на жареную картошку. И снова чувства ее круто переменились, ей стало отвратительно безразличие мира, но уже не к ней, а к Уолли. Она не могла смотреть на него, зная в точности, что увидит честные умоляющие глаза, высматривающие в ее лице то, чего она дать не может.

— Да, — отозвалась она.

Стол скрипнул — Уолли подался еще больше вперед. Такой большой и трогательный, просто большой пес в беде. Ей было очень трудно причинять ему боль. А ее ножка, между тем, не переставала отстукивать такт рэг-тайма.

— Вы не можете жить воспоминаниями!

Подняв глаза, Джилл взглянула ему в лицо. Его глаза были точно такими, как она и думала.

— Вы не понимаете, — ласково проговорила она. — Не понимаете.

— Но там же все кончено… Джилл покачала головой.

— Не можете вы любить его после того, что произошло!

— Я и сама не знаю, — печально откликнулась Джилл. Это озадачило Уолли, как раньше озадачило Фредди.

— Как это, не знаете?

Джилл крепко зажмурила глаза. Силуэт Уолли, дрожа, расплылся. Такой трюк она проделывала еще ребенком. Не зная, как поступить, она всегда крепко жмурила глаза, словно бы прячась от всего.

— Уолли, пожалуйста, помолчите минутку. Я хочу подумать.

Глаза у нее открылись.

— Все обстоит так… Вряд ли я смогу объяснить толком, но все обстоит так. Предположим, у вас есть комната, и она забита всякой мебелью. Места в ней совсем не осталось; что-то еще туда просто не влезет, пока не вынесли старую мебель, Может, эта мебель и не нужна, но она стоит в комнате и занимает все пространство.

— Да, — кивнул Уолли, — понимаю.

— Уолли, дорогой, мое сердце занято. Я знаю, его загромождает хлам, но места там нет. Требуется время. Я внесла туда мебель, считая, что она — самая прекрасная в мире. Но меня… обманули. Оказалось, это просто хлам. Но он стоит. Он там все время. Что же мне теперь делать?

Грохнув напоследок, умолк оркестр. Внезапная тишина будто разбила наваждение. Мир вторгся на тот маленький островок, где они уединились. Мимо них проследовали щебечущие девушки со спутниками. Официант, рассудив, что сидят они достаточно долго, подсунул Уолли счет,

перевернутый для приличия цифрами вниз. Взяв деньги, он удалился за сдачей.

— Я все понимаю, — повернулся к Джилл Уолли. — Разговора, считайте, не было. Мы по-прежнему добрые друзья?

— Да.

— Но… — Он выдавил смех, — запомните мои слова. Может быть, все-таки, когда-нибудь…

— Не знаю…

— Все бывает, — не сдался Уолли. — Во всяком случае, позвольте мне так думать. Хотя я тут ни при чем. Решать, разумеется, вам. Я не буду досаждать вам своими речами. Когда очистите эту свою комнату, вам не придется вывешивать табличку «Сдается». Я буду рядом, я буду ждать, и вы всегда будете знать, где найти меня. А пока что, я в вашем распоряжении. Я — ваш. Это ясно?

— Вполне. — Джилл ласково посмотрела на него. — Нет никого, кого я охотнее впустила бы в эту комнату, Уолли.

— Это правда?

— Святая правда.

— Тогда, — воскликнул Уолли, — через две минуты вы увидите обалдевшего официанта. Сдача должна быть долларов четырнадцать, с тех двадцати, что он унес, а я отдам ему все.

— Не надо!

— Все, до цента, — твердо заявил Уолли. — А молодой греческий разбойник, который уволок мою шляпу при входе, получит доллар. Вот я какой, как сказал бы наш аскетический и достойный друг Гобл.

Краснолицый толстяк за соседним столиком не отрывал от них взгляда, когда они уходили, оставив позади официанта, который дрожащей рукой цеплялся за спинку стула.

— Поссорились, — решил он, — а потом помирились.

И попросил зубочистку.

Глава XVI МИСТЕР ГОБЛ ИГРАЕТ С СУДЬБОЙ

1

На променаде в Атлантик Сити, многострадальном морском курорте, которому довелось стать местом рождения стольких музыкальных комедий, есть ресторан, открытый круглосуточно, с той же администрацией и тем же гостеприимством, что и на Коламбус-серкус, где Джилл обедала в первый свой нью-йоркский день. В зале всегда людно и шумно, но выпадают моменты, когда устанавливается чуть ли не монастырская тишина, и тогда клиенты, смущенные холодным величием сине-белого мрамора и молчаливой серьезностью официантов, бессознательно понижают голос и изо всех сил стараются не шаркать ногами, точно посетители в храме. Спустя две недели после событий, описанных в последней главе, хористки просачивались в ресторан по одной, по две в шесть утра, переговаривались шепотком, и завтрак заказывали приглушенным тоном.

Только что кончилась генеральная репетиция. В обычае жителей Атлантик Сити, которые живут только ради развлечений, посещать в воскресенье вечером своеобразный вариант мюзикла, неверно именуемый духовным концертом. Декорации концерта вывозятся из театра только в час ночи, после чего и смогли занести декорации для первого действия «Розы». А так как, по неписаному закону театра, ни одна генеральная репетиция не начинается без опоздания часа по меньшей мере на полтора, то занавес для вступительного хора поднялся лишь в половине третьего ночи. Прошли показы костюмов, нескончаемые споры о свете между помрежом и таинственным человеком без пиджака, опять показы костюмов, снова споры, неполадки с декорациями, новые дебаты о свете, синем и янтарном, и установка прожектора. Заправляли всем этим помреж и чей-то жалобный голос, откликающийся на имя Чарли. К шести часам утра спектакль был сыгран, хотя и рваными кусками. После чего хор, который ничего не ел с вечера, поплелся за угол позавтракать, прежде чем отправиться спать.

Все были взъерошены и неопрятны. У одних темнели круги под глазами, другие полыхали ненатурально ярким гримом, слишком усталые, чтобы его снять. Герцогиня, надменная до предела, спала, уронив голову на

стол. Рыженькая Бэйб откинулась на спинку стула, уставившись в потолок. Южная девушка мигала совой на яркий утренний свет.

Херувим, чья победительная юность позволила сохранить свежесть после бессонной ночи, отпустил лишь одну реплику, пока все ждали еды.

— Вот оно, очалованье театлальной жизни! И чего это девушки сбегают из дома в театл? — Он посмотрелся в зеркальце, вынутое из сумочки с косметикой и раздумчиво пробормотал: — Ну и личико! Нет, с таким я долго ходить не намелена!

Молодой человек с землистым цветом лица и расторопностью, присущей тем, кто трудится в ночную смену, со стуком бухнул на стол поднос. Герцогиня очнулась. Бэйб отвела от потолка глаза. Южная девушка перестала моргать. При одном виде еды необычные способности актеров восстанавливать силы мигом воспрянули. Минут через пять девушки совсем оправятся и опять будут готовы на что угодно.

После первого же глотка завязалась беседа, тишины в зале как не бывало. День в ресторане начался.

— Шикалная жизнь, если хватает сил, — начал херувим, — жадно набрасываясь на омлет, — А худшее впеледи! Я думаю, все вы, душеньки, сооблазили, что шоу будут пелелицовы-вать с начала до конца, и на гастлолях лепетиловать нам плидется день и ночь!

— Почему? — поинтересовалась Луис— Что с ним не так?

— Не смеши меня, — отпив кофе, обронила герцогиня. — Что не так? Спроси лучше, что в нем так!

— А еще велнее сплосить, — вмешался херувим, — и почему это мы такие дулочки? Так и тянет на сцену, когда со всех столон только и слышишь— даже официантки, и те залабатывают по шестьдесят доллалов.

— Танцы очень красивые, — заспорила Бэйб.

— Я не про танцы, а про пьесу. Джонни их правда здорово поставил.

— Он всегда прекрасно ставит, — согласилась южанка. — Еще гречишных оладий, пожалуйста. Но вот сюжет…

— За сюжетом я не слежу.

— И плавильно! — расхохотался херувим. — Ну, а я слушала все, и повель, спектакль — тоска зеленая. Конечно, они его пелеклоят. С таким шоу нечего и соваться в Нью-Йолк. Моя плофессиональная лепутация этого не пеленесет! Вы что, не видели в палтеле Уолли Мэйсона? Он все пометки делал. Его плигласили для пеleклойки.

Джилл, до того слушавшая их болтовню вполуха, сражаясь с волнами сонливости, встрепенулась.

— Так Уолли… мистер Мэйсон был в зале?

— Ну да. Сзади сидел.

Джилл толком не поняла, обрадовалась она или огорчилась. Уолли она не видела с того самого дня, как они вместе ходили в «Космополис». Сумасшедшая гонка репетиций оставляла мало возможностей думать о нем. Где-то в уголке подсознания сидело чувство, что рано или поздно ей придется о нем задуматься, но эти две недели она слишком была занята и слишком уставала, чтобы воспринимать его как действующее лицо своей жизни. Иногда мысли о нем ее согревали, точно солнечный луч в зимний день, но потом, отчетливо и остро, наплывало воспоминание о Дэреке, и стирало все.

— Самое палшивое, — чирикал херувим, — что днем мы будем лепетиловать, а вечелами давать шоу, вымотаемся до пледела, а когда все станет ласплекласно, одну из нас — бац, да и выкинут вон!

— Да, верно, верно! — согласилась южанка.

— Не может быть! — воскликнула Джилл.

— А вот поглядишь! — возразил херувим. — Низа что они с тлинадцатью девушками не отклоются в Нью-Йолке. Айк для этого слишком суевелен!

— Не могут же они кого-то выгнать после всех наших трудов! В ответ раздался хохот, дружный и насмешливый. Джилл, на взгляд ее более опытных товарок, явно переоценивала благородство театральных менеджеров.

— Эти способны на что угодно! — заверил ее херувим.

— Ты и половины всего не знаешь, дорогуша! — насмешливо фыркнула Луис— И половины!

— Вот погоди, потрудишься в шоу, сколько я! — тряхнула рыжими кудряшками Бэйб. — Самое обычное дело: выжмут все соки на предпремьерных гастролях, а в Нью-Йорке выкидывают из спектакля. Даже премьеру не дают сыграть.

— Но это безобразие! Это несправедливо!

— Если человек желает, чтобы с ним обходились по справедливости, — зевнула герцогиня, — так нечего и соваться в шоу-бизнес.

И бросив эту, глубоко правдивую, истину, герцогиня задремала.

Сон ее послужил сигналом для общего ухода. Сонливость оказалась заразительной. Восстановительный эффект от еды потихоньку улетучивался. На четыре часа дня была назначена новая репетиция, и сейчас самое мудрое было, конечно, пойти и поспать, пока еще оставалось время. Герцогиню пробудили кубиком льда, оплатили счет, и вся труппа,

позевывая и болтая, вывалилась на солнечный пустынный променад.

Отделившись от остальных, Джилл побрела к скамейке, смотрящей на море. Свинцовым грузом навалилась на нее усталость, лишив всякой силы, и при одной мысли о том, чтобы идти в меблирашки, где, из экономии она снимала комнату вместе с херувимом, ее сковал паралич.

Утро было отличнейшее, — ясное и безоблачное, теплая свежесть предвещала скорую жару. Посверкивало на солнце море, лениво бились о серый песок легкие волны. Джилл прикрыла глаза — яркость солнца и воды слепили. Мысли ее вернулись к словам, сказанным херувимом. Если Уолли и правда станет переделывать пьесу, им часто придется сталкиваться. Джилл не была уверена, что готова к этому. С другой стороны, появится хоть кто-то, с кем можно поболтать на другие темы, кроме бесконечных пересудов о театре. Кто-то, кто принадлежит к прежней жизни. Фредди уже не в счет: получив большую роль, он крайне серьезно ее воспринял, стал ярым приверженцем театра, отказываясь последнее время беседовать на какие-либо темы, кроме спектакля «Роза Америки» и его роли в нем. Джилл стала избегать его, и Фредди еще сильнее сдружился с Нелли Брайант. Они были просто неразлучны. Джилл раза два ходила с ними в кафе, но разглагольствования Фредди на театральные темы, которые никак не могли прискучить Нелли, утомляли ее. Теперь она частенько оставалась одна. В труппе были девушки, симпатичные ей, но они дружили парами, и у нее часто возникало чувство, что она — лишняя в их компании. Словом, Джилл была одинока и, продумав вопрос, насколько позволял усталый ум, пришла к выводу, что ей приятна мысль о неизбежных встречах с Уолли.

Сморгнув, Джилл открыла глаза. Коварно, исподтишка, подкрался к ней сон, и она чуть не свалилась со скамейки. Она уже собиралась с силами, чтобы встать и начать долгий утомительный поход к меблирашкам, когда ее окликнули:

— Доброе утро! Джилл подняла глаза.

— А, это вы, Уолли!

— Удивляетесь, что я тут?

— Нет. Милли Трэвор говорила, что заметила вас ночью на репетиции.

Уолли обошел скамейку и присел с ней рядом. Глаза у него были уставшие, подбородок зарос темной колючей щетиной.

— Уже позавтракали?

— Да, спасибо. А вы?

— Еще не успел. Как вы себя чувствуете?

— Устала очень.

— Еще поражаюсь, как это вы не умерли. На многих генеральных репетициях я бывал, но эта побила все рекорды. Почему они не могли спокойно и тихо провести ее в Нью-Йорке, а сегодня ночью прогнать спектакль без декораций, ума не приложу. Разве что в музыкальных комедиях по этикету положено все усложнять. Прекрасно же знают, что установить декорации в театре раньше, чем глубокой ночью, возможности нет. Вы наверняка вконец вымотались. Почему вы не в постели?

— Идти не могла. Но сейчас уже пойду. Все-таки пора. Джилл поднялась было, но рухнула обратно. Блеск воды гипнотизировал ее. Она снова прикрыла глаза, слыша, как Уолли что-то говорит ей, потом вдруг голос его стал слабее, затихая где-то вдали, и она перестала бороться с восхитительным сном.

Проснулась Джилл как от толчка, открыла глаза и тут же закрыла их снова. Теперь солнце палило вовсю. Стоял один из тех теплых дней ранней весны, когда вдруг обрушивается расслабляющая жара, будто в разгар лета. Джилл снова открыла глаза и поняла, что чувствует себя вполне свежей. А также обнаружила, что голова ее покоится на плече Уолли.

— Я что, спала? Уолли рассмеялся.

— Что называется, вздремнули. — И он энергично помассировал свою левую руку. — Ну, как, легче теперь?

— Господи, Боже! Так я все время отдавливала вам плечо? Почему же вы не отодвинулись?

— Боялся, что вы упадете. У вас попросту закрылись глаза, и вы свалились набок.

— А который час? Уолли взглянул на часы.

— Десятый.

— Десятый! — пришла в ужас Джилл. — Так я вам целых три часа не давала шелохнуться!

— Ничего-ничего. По-моему, я и сам вздремнул. Вот только что не прилетали птички и не осыпали нас листьями, а то мы были бы с вами, как дети в лесу.

— Но вы же не завтракали! Вы, наверное, умираете с голоду!

— Да, не отказался бы подцепить вилкой яичницу, проплывай она мимо. Но времени для завтрака у меня еще уйма. А многие врачи даже считают, что завтракать вообще не следует Индийские факиры обходятся без еды несколько дней кряду ради души. Давайте провожу вас домой. Вам надо выспаться как следует, в постели.

— Ну, что вы! Ступайте и поешьте.

— О, с этим можно подождать! Я хочу в целости и сохранности доставить вас домой.

И Джилл с новой силой поняла, как надежен Уолли. Да, он совсем другой, чем остальные мужчины. Она вдруг почувствовала себя виноватой, будто бы обманным путем получала что-то ценное.

— Уолли!

— Да?

— Вам… вам не обязательно быть со мной таким добрым.

— Чепуха! Что особенного? Протянул руку или, вернее, подставил плечо другу в беде.

— Вы понимаете, про что я. Я не могу… ну, то есть… Я не…

— Если вы пытаетесь сказать, — улыбнулся Уолли усталой дружелюбной улыбкой, — то, что я думаю, это ни к чему! Мы все обсудили две недели назад. Я вполне понимаю положение дел, вам нечего терзаться. — Он взял ее под руку, и они вышли с променада. — Мы в правильном направлении идем? Ведите вы. Я прекрасно понимаю ваши чувства. Мы — старые друзья, и ничего больше. Но, как старый друг, я настаиваю на своем праве поступать как старый друг. А то, если уж старому другу не позволяется поступать как старому другу, как же ему поступать. И не будем об этом говорить. Но, может, вы так устали, что вообще говорить не в состоянии?

— О, нет!

— Тогда я сообщу вам о печальной кончине мистера Пилкингтона.

— Что?!

— Нет-нет, слово «кончина» я употребил в переносном смысле. Человек-жираф еще дышит и, судя по той скорости, с какой он рванул в отель, сейчас питается. Но сердце его разбито. После генеральной репетиции у нас состоялось совещание, и наш друг мистер Гобл выложил ему все напрямик. Даже в шоу-бизнесе я такого не слышал. Говорит, это мура, ерунда, белиберда и так далее, и ее необходимо перелопатить другими руками. И вот они, эти руки. Справа — правая, слева — левая. Да, меня избрали для убийства творческих дерзаний. Первый акт и большую часть второго я уже переделал. Гобл предвидел такой поворот и две недели назад велел мне приниматься за дело. Вот я и тружусь с тех самых пор. Новый вариант мы начнем репетировать завтра, и в следующий понедельник откроемся в Балтиморе, считайте, новой пьесой. Это будет, поверьте, чудо что такое, — скромно заявил наш герой. — Две недели посменно пыхтели композиторы, вымарав почти всю первоначальную музыку, и мелодии вполне приличны. А вот вам, боюсь, придется трудно.

Все номера придется ставить заново.

— Ничего, мне нравится работать, — заметила Джилл. — Но мне жалко Пилкингтона.

— С ним все в порядке. Ему принадлежат семьдесят процентов шоу. Возможно, он состояние наживет, ну, а уж кругленькую сумму получит наверняка, если не продаст сгоряча своей доли. Судя по его высказываниям перед концом совещания, он продаст ее первому, кто о том заикнется. Во всяком случае, он заявил, что умывает руки. Сегодня же днем он уезжает в Нью-Йорк и даже не станет ждать гастрольной премьеры. Конечно, мне тоже его жаль. Но он не имел права размазывать такую блестящую сюжетную линию. О, кстати!

— Да?

— Еще одна трагедия. Неизбежная, но очень уж страшная! Беднягу Фредди тоже выкинули.

— О, нет!

— О, да!

— Он же вчера так хорошо играл.

— Играл он отвратительно, но не в том суть. Гобл пожелал, чтобы лорда превратили в шотландца. Ему захотелось пригласить Макэндрю, он сейчас модный актер. Это в музыкальных шоу случается сплошь и рядом. Приходится подгонять роль под хороших актеров, каких можно заполучить в данный момент. Мое сердце обливается кровью, но что же делать? С Фредди еще не так обошлись, как с одним актером в другом моем шоу. Тот во втором акте должен был играть сумасшедшего, и менеджер, в своей страсти к реализму, потребовал, чтобы он побрился наголо. А на другой день прослышал, что освободился один хороший комик, и выкинул беднягу из спектакля. Да, театр — жестокий бизнес.

— Девушки говорят, что одну из хористок уволят.

— Ну, это вряд ли.

— Надеюсь.

— И я тоже. Почему мы остановились?

Джилл встала перед обшарпанным домишком, одним из тех убогих строений, что вырастают за ночь на морских курортах, и начинают рассыпаться, не успеют отойти строители.

— Я тут живу.

— Тут? — Уолли в ужасе взглянул на нее. — Но…

— Мы, трудящиеся девушки, — улыбнулась Джилл, — должны экономить. Кроме того, здесь относительно удобно. Да ведь и всего-то на неделю. — Она зевнула. — По-моему, я опять засыпаю, лучше мне

поскорее отправляться в постель. До свидания, Уолли. Спасибо. Непременно сходите позавтракайте.

2

Когда Джилл пришла на репетицию к четырем часам, удар еще не обрушился. Никто не устранил тринадцатую девушку, чье присутствие терзало суеверную душу мистера Гобла. Но других девушек все еще терзали дурные предчувствия. «Вот погодите!»— стало их мрачными ключевыми словами.

Репетиция прошла без особых событий. Она продлилась до шести часов, а потом Джилл, херувим и еще две-три девушки отправились перекусить на скорую руку перед вечерним спектаклем. Обед прошел безрадостно. Все, даже херувим, которого редко покидала жизнерадостность, сидели подавленные, и мысли о нависшем роке давили их. Теперь им уже казалось, что менеджеру осталось только решить, кого именно выбрать жертвой. Все эти разговоры вызвали у Джилл чувство вины — она ведь последней вступила в труппу и довела число хористок до несчастливой цифры. Она обрадовалась, когда наступило время возвращаться в театр.

Не успела Джилл с подружками войти в гримерную, как стало ясно, что удар грянул. В уголке на стуле притулилась невезучая герцогиня, чью надменность смыли потоки слез. Ее утешала группка девушек, ограничиваясь похлопыванием по спине и предложением чистого носового платка.

— Как это жестоко, дорогуша! — причитала одна из них, когда вошла Джилл.

Другая воскликнула, что это мерзко, мерзко. Третья заявила, что дальше, поистине, некуда. Четвертая с самыми добрыми, но бесполезными намерениями рекомендовала жертве не расстраиваться.

История беды была коротка и незамысловата. Герцогиня, вплыв через служебный вход, приостановилась у почтового ящика посмотреть, не прислал ли ей верный торговец машинами телеграммы с пожеланиями удачи. Телеграмму он прислал, но все его добрые пожелания, к несчастью, свелись на нет тем, что рядом лежало письмо от менеджеров, деловое и немногословное, без обиняков уведомляющее, что ее услуги ни сегодня вечером, ни в дальнейшем театру не потребуются. Коварная низость удара и вызвала бурю негодования, слишком уж подло выбрали момент.

— Бедняжка Мэй! Если б она сыграла сегодня, им пришлось бы выплатить деньги за двухнедельное уведомление, или жалованье. А теперь они ей не заплатят, она ведь только репетировала, но ни разу не сыграла спектакля.

Герцогиня разразилась новым потоком слез.

— Не переживай, дорогуша, — снова посоветовала та, с добрыми намерениями. — Не расстраивайся.

— Нет, какая подлость! — приговаривала девушка, избравшая эту форму утешения.

— Это просто мерзко! — твердила девушка, предпочитавшая такое прилагательное.

Еще одна, будто придумав что-то новенькое, сообщила, что дальше некуда. Герцогиня жалобно всхлипывала. Ангажемент был ей очень нужен. Зарплата хористки не бог весть какая, но скопить немножко денег в Нью-Йорке можно, особенно если ты проработала три года у модистки и умеешь сама шить себе наряды, как и делала герцогиня, несмотря на все уверения, что наряды она покупает только на Пятой авеню. Она-то надеялась, что теперь, после того как эту нелепую комедию отшлифует человек, знающий свое дело, спектакль продержится долго, и она сумеет отложить несколько долларов, таких важных, когда вы начинаете семейную жизнь. Катберту, несмотря на всю его преданность, не вытянуть финансовые трудности одному, а значит, свадьбу опять придется отложить. И герцогиня, забыв все свои манеры, определяемые одними товарками как «фу-ты, ну-ты», другими как «задавака», сидела на стуле и орошала слезами носовые платки с той же быстротой, с какой ей протягивали новые.

Только Джилл не проронила ни словечка утешения, и не потому, что ей не было жаль герцогиню. Она в жизни никого так не жалела. Падение с высот высокомерия ранило ее чувствительное сердечко, но ей претила сама мысль вторить банальным словам утешения. Какой толк в словах, думала она, стискивая зубы и сверля взглядом отсутствующих менеджеров, скорее всего, услаждавшихся роскошным обедом. Действие — вот что ей требовалось. На нее напало то же неистово-яростное настроение, что и тогда, в Лондоне, когда она бросилась на защиту попугая. Воинственный дух, подугасший в ней из-за ночной репетиции, возродился в полной мере.

— Что же вы намерены делать? — воскликнула она. — Неужели ничего?

Хористки неуверенно переглянулись. Им и в голову не приходило, что можно как-то действовать. Такие случаи бывают, и это очень печально, но

делать… ну, что тут, собственно, сделаешь?!

Джилл побледнела. Глаза у нее сверкали. В комнатке, набитой девушками, она властвовала, словно маленький Наполеон. Перемена поразила всех. До этой минуты хористки считали ее на редкость тихой. Она со всеми держалась скромно, ненавязчиво и приветливо. Она всем нравилась, никто и не подозревал, что в ней таятся столь воинственные качества. Никто ничего и не сказал, но все заволновались — Джилл подбросила свежую идею, и та начала пускать корни. Делать? А что, вполне возможно!

— Мы не должны выходить сегодня на сцену, если ей не позволят играть, — сказала Джилл.

Легкое волнение перешло в бурление. Энтузиазм заразителен, а каждая девушка в душе бунтарка. Идея вдохновила их. Отказаться играть в спектакле в вечер премьеры! Разве какой-нибудь хор такое откалывал? Они войдут в историю!

— Мы что, бастуем? — трепетно выговорил кто-то.

— Да! — вскричала Джилл. — Бастуем!

— Ула-аа! Вот это здолово! — воскликнул херувим, что и решило исход дела. Его все любили, и эти слова укрепили сомневающихся. — Бастуем!

— Бас-ту-ем!

Джилл повернулась к герцогине, изумленно разинувшей рот. Рыдать она прекратила и сидела теперь в ступоре.

— Одевайтесь и готовьтесь к спектаклю, — скомандовала Джилл. — Мы все будем готовы. А потом я пойду, разыщу мистера Гобла и объявлю ему, что мы намерены сделать. Если он не уступит, мы останемся здесь, в уборной, и спектакль не состоится!

3

Когда Джилл отыскала мистера Гобла, тот, сбив шляпу на затылок, с неизменной сигарой во рту, наблюдал за возведением декораций к первому акту. Стоя спиной к противопожарному занавесу, он сердито хмурился на синее полотно, которому полагалось изображать живописное летнее небо, которое мы видим на лучших курортах Лонг-Айленда. Спустившись с лестницы, ведущей в гримерные, Джилл заслонила ему линию горизонта.

— Не загораживайте свет! — рявкнул мистер Гобл, человек откровенный. И прибавил для пущей убедительности: — Чтоб вас растак!

— Пожалуйста, отойдите в сторонку, — перевел помреж. — Мистер Гобл смотрит декорации.

Главный плотник, последний в этой маленькой группке, не проронил ни слова. Театральные плотники никогда ничего не говорят. Длительное общение с режиссерами научило их, что единственно возможная тактика в вечер премьеры — завернуться в молчание как в занавеску и не высовывать носа, пока враг не утомится и не отправится донимать другого.

— Не то! — заключил мистер Гобл, наклонив голову набок.

— Понятно, понятно… — подобострастно заверил помреж. — Чересчур… э, вернее, недостаточно… в общем, мне понятна ваша мысль.

— Оно чересчур синее! — проскрежетал мистер Гобл, раздраженный такой невнятной реакцией. — Вот в чем дело!

Главный плотник изменил проверенной тактике молчания. Его так и подзуживало высказаться. Дома он большей частью валялся в кровати, читая разные журналы, но прошлым летом, по чистой случайности, ему довелось увидеть небо, и теперь он решил, что это дает ему право высказаться как специалисту.

— Небо вообще синее! — хрипло заметил он. — Да-с, сэр, си-не-е. Сам видел. — Он опять погрузился в молчание, а чтобы предотвратить новую оплошность, заткнул рот большим куском жвачки.

Мистер Гобл кинул на красноречивого оратора зловещий взгляд. Он не привык, чтобы с ним спорили. Скорее всего, он хотел добавить к взгляду какое-нибудь хорошее словцо, но тут вмешалась Джилл:

— Мистер Гобл…

— Ну, что там еще? — резко обернулся он.

Грустно думать, как скоро симпатии в нашем мире превращаются в неприязнь. Две недели назад мистер Гобл смотрел на Джилл благосклонным взглядом. Она казалась ему очень хорошенькой. Но ее отказ пойти с ним в зал, а через неделю — отказ поужинать вместе, кардинально переменил его взгляды. Если б решать, какую из тринадцати уволить, предоставили ему, как предоставляли большинство решений в этом театре, он, конечно, выбрал бы Джилл. Но на этой стадии спектакля приходилось, к сожалению, идти на уступки темпераментному Миллеру. Гобл прекрасно понимал, что услуги балетмейстера потребуются для перекройки номеров уже в ближайшую неделю; знал он и то, что десятки менеджеров жадно подстерегают минуту, чтобы сманить Миллера к себе. Пришлось самым смиренным образом обращаться к нему, интересуясь, кем из женского хора легче всего пожертвовать. У герцогини была привычка вести себя на сцене с надменной томностью, заменяя ею пляску святого

Витта, и потому балетмейстер ее и выбрал. А к неприязни Гобла примешалась злость монарха, которому в чем-то воспрепятствовали.

— Ну? — потребовал он. — Ну, что нужно?

— Мистер Гобл крайне занят, — поторопился помреж. — Крайне!

Некоторые сомнения насчет того, как лучше подойти к теме, одолевали Джилл по пути вниз, но теперь, когда она оказалась на поле битвы, лицом к лицу с неприятелем, она обрела хладнокровие, собранность и холодную ярость, что укрепило ей нервную систему, не нарушая ясности ума.

— Я прошу вас, позвольте Мэй д'Арси играть.

— Какая еще, черт ее дери, Мэй д'Арси? — заорал мистер Гобл, но прервал себя, чтобы рявкнуть на рабочего сцены, устанавливавшего стену особняка миссис Стайвесант ван Дайн с Лонг-Айленда, в глубине сцены. — Не туда, болван! Ближе!

— Вы сегодня ее уволили, — объяснила Джилл.

— Ну и что?

— Мы хотим, чтобы вы это отменили.

— Какие такие «мы»? — Девушки из хора.

Мистер Гобл вздернул голову так яростно, что с нее слетела шляпа. Поднял ее, сдул с нее пыль и надел на хозяина помреж.

— А, вам это не нравится? Что ж, вы прекрасно знаете…

— Да. Знаем. И объявляем забастовку.

— Что?!

— Если вы не разрешите Мэй играть, мы тоже не выйдем на сцену. И спектакль не состоится. Разве что вы дадите его без хора.

— Вы что, спятили?

— Может быть. Но не капитулируем.

Мистеру Гоблу, как и большинству театральных менеджеров, не очень давались слова длиннее двусложных.

— Что-что?

— Мы все обсудили и не отступим.

Шляпа мистера Гобла, свалившись снова, ускакала за кулисы, и помреж метнулся за ней, будто поисковая собака.

— Чья идея? — сурово спросил мистер Гобл. Глазки его подернулись пленкой, поскольку мозг с трудом переваривал новую ситуацию.

— Моя.

— Ах, ваша! Так я и думал. Не сомневался!

— Что ж, я им скажу, что вы не желаете выполнить наше требование. Мы не станем снимать грим на случай, если вы передумаете.

И она повернулась.

— Эй, эй!

Когда Джилл шла к лестнице, чей-то хриплый голос шепнул ей на ухо:

— Вперед, малышка! Вы все правы!

Дважды за один вечер главный плотник нарушил клятву трапписта,[47] чего с ним не случалось уже три года, с тех пор, как уставший после спектакля, он опустился в темном уголке передохнуть и обнаружил, что именно туда один из его помощников спрятал ведерко с краской.

4

К мистеру Гоблу, изрыгающему диковинные ругательства подошел Джонсон Миллер. Балетмейстер всегда бывал особенно язвителен в вечер премьеры и, пока шла предшествующая беседа, летал по сцене седым мотыльком. Из-за глухоты он пребывал в полнейшем неведении, что в театре творится что-то нехорошее. И теперь приблизился к мистеру Гоблу с часами в руках.

— Восемь двадцать пять, — сообщил он. — Девушкам пора выходить на сцену.

Обрадовавшись, что появилась конкретная мишень для ярости, мистер Гобл обрушил на балетмейстера двести пятьдесят изощренных ругательств.

— Э? — Приложил руку к уху мистер Миллер.

Гобл повторил последние сто одиннадцать, самые лучшие.

— Не слышу, — с сожалением пожаловался мистер Миллер. — У меня, понимаете ли, легкая простуда.

Серьезную опасность, что мистера Гобла может хватить удар, отвел помреж, который, вернувшись со шляпой, преподнес ее, будто букет, своему нанимателю и, сложив освободившиеся руки воронкой, сообщил через живой мегафон дурные новости.

— Девушки на сцену не в-ый-дут!

— Я так и сказал, — согласился мистер Миллер, — на сцену им пора.

— У них — забасто-о-ов-ка!

— Листовка? При чем тут листовка? Они обязаны быть на сцене. Через две минуты мы поднимаем занавес.

Помреж набрал еще воздуху, но передумал. У него были жена и дети, и если их папу хватит удар, что станет с семьей, самым священным достижением цивилизации? Расслабив мускулы диафрагмы, он потянулся

за карандашом и бумагой.

Мистер Миллер осмотрел листок, поискал очечник, нашел, открыл, вынул очки, убрал очечник на место, поискал платок, протер стекла, убрал на место платок и, наконец, стал читать. На лице у него отразилось полное недоумение.

— Ничего не понимаю.

Помреж, жестом призвав к терпению, снова взял листок и нацарапал еще одну фразу. Мистер Миллер внимательнейшим образом ее прочитал.

— Из-за Мэй д'Арси, — в изумлении уточнил он. — Да она не умеет станцевать ни одного па!

Махнув рукой, дернув бровью, сморщив нос, помреж сообщил, что ситуация, какой бы безрассудной она ни представлялась разумному человеку, именно такова, и надо как-то выпутываться.

— Что же делать? — вопросил он, хитроумно скривив губы и вздернув плечи.

С минуту мистер Миллер пребывал в задумчивости.

— Пойду, поговорю с ними! — заявил он наконец.

И он упорхнул, а помреж тяжело привалился к асбестовому занавесу. Он вымотался, у него саднило горло, но тем не менее он испытывал тихое счастье. Его жизнь протекала в постоянном страхе, что в один прекрасный день мистер Гобл его уволит. Если такая беда приключится, он надеялся на карьеру в кино.

Едва исчез мистер Миллер со своей миротворческой миссией, как раздался шум, будто сквозь заросли живой изгороди продиралась сова, и на сцену через дверь в декорации влетел Зальцбург, размахивая дирижерской палочкой, словно он дирижировал невидимым оркестром. Дважды сыграв с музыкантами увертюру, он десять минут просидел в тишине, ожидая, что вот-вот поднимут занавес. Наконец натура его сломалась, не выдержав напряжения. И вот, оставив дирижерское кресло, он ринулся на сцену по коридору для музыкантов, выяснять причину задержки.

— Что такое, что такое, что такое? — вопрошал мистер Зальцбург. — Я жду, жду и жду… Мы не можем снова играть увертюру. Что такое? Что та-ко-е?

Мистер Гобл, эта измученная душа, удалился за кулисы, где расхаживал взад-вперед, заложив руки за спину, и жевал сигару. Помреж снова изготовился к объяснениям:

— Девушки забастовали!

Мистер Зальцбург тупо моргал сквозь очки.

— Девушки? — тупо повторил он.

— О, черт! — не выдержал помреж, чье терпение наконец истощилось. — Кто такие девушки, знаете? Видели их когда-нибудь?

— А что они сделали?

— Забастовали! Подвели нас! Не хотят выходить на сцену!

— Ну, что вы! Кто же будет петь вступительный хор?

В разговоре с человеком, которому можно излить душу, не страшась последствий, у помрежа прорезался грубый юмор:

— Не волнуйтесь, все улажено! Плотников загримируем. Публика ничего и не заметит!

— Может, мне поговорить с мистером Гоблом? — с сомнением спросил мистер Зальцбург.

— Валяйте, если вам жизнь недорога. Мистер Зальцбург призадумался.

— Поднимусь и поговорю с детьми, — решил он, — Меня-то они знают! Я уговорю их вести себя разумно.

И он рванулся туда же, куда ушел мистер Миллер. Фалды фрака так и летели за ним. Помреж с усталым вздохом повернулся и оказался лицом к лицу с Уолли, который вошел через железную дверь из зала.

— Привет! — весело крикнул он. — Ну, как тут у вас? Прекрасно? И у меня все прекрасно! Между прочим, я ошибаюсь или действительно сегодня в театре намечался какой-то спектакль? — Он оглядел пустую сцену. За кулисами со стороны суфлера смутно маячил наряженный мужской ансамбль во фланелевых костюмах для тенниса у миссис Стайвесант ван Дайк. У дальнего выхода в полнейшем недоумении стояли исполнители главных ролей. Правая сторона, по общему молчаливому согласию, была целиком предоставлена мистеру Гоблу для его пробежек, и он периодически мелькал в прорези декораций. — Как я понял, на сегодняшний вечер намечено возрождение комической оперы. Где же комики? Почему они ничего не возрождают?

Помреж в очередной раз повторил надоевшее объяснение, несколько разнообразив его:

— Нам нанесли удар.

— Удары часов я слышал. Девять раз. Уже идет десятый.

— Нет, ты не понял. Хористки не хотят выходить на сцену. Бастуют.

— Не может быть! А в чем дело? Чисто творческое отвращение к паршивой пьеске или еще что?

— Они разозлились, потому что одну из них уволили. Говорят, не станут играть, пока ее не примут обратно. Забастовали, в общем. А заварила все мисс Маринер.

— О, вот как! — Интерес Уолли резко подскочил. — Она такая, — одобрительно проговорил он. — Героиня!

— Склочница! Мне эта девчонка никогда не нравилась!

— Вот здесь, — заметил Уолли, — мы как раз и расходимся. Мне она нравилась всегда, а знаю я ее всю жизнь. Поэтому, дружище, если у тебя имеются нелестные замечания по поводу мисс Маринер, придержи их! — И он резко ткнул собеседника в брюхо. Улыбался он приятно, но помреж, встретив его взгляд, решил, что совет лучше принять. Для семьи сломанная шея не лучше инсульта.

— Надеюсь, ты не на их стороне? — резко спросил он.

— Кто, я? Ну, как же! Я всегда на стороне униженных и оскорбленных. Если тебе известен более грязный трюк, чем выкинуть девушку из спектакля перед премьерой, чтобы не платить ей выходного пособия, скажи. А пока не скажешь— я считаю, что это переходит всякие границы! Разумеется, я на стороне девушек! Даже сочиню для них речь, если они попросят! Или возглавлю марш протеста, если им вздумается пройтись по бульвару. «Мы — с тобою, отец Авраам…»[48] Если желаешь моего глубокого, продуманного мнения, наш старый приятель Гобл давно напрашивался, вот и получил. И я рад, рад, рад, если не возражаешь, что я цитирую «Полианну».[49] Надеюсь, его удушье хватит!

— Эй, поосторожнее! Услышит еще!

— Au contraire,[50] как выражаемся мы, парижане. Я специально постараюсь, чтоб он меня услышал! Избавься, да поскорее, от неверного впечатления, будто я боюсь какого-то Гобла в сверкающих доспехах. Нет, не боюсь! И намерен высказать ему все, что думаю. Я оттаскал бы его за бороду, будь у него борода. Или обкромсал бы ее, что тоже неплохо. Но — тс-с! Кто тут у нас? Скажи, ты видишь то же, что вижу я?

Словно авангард потерпевшей поражение армии, на сцену вышел мистер Зальцбург.

— Ну что? — кинулся к нему помреж.

— Они и слушать меня не захотели, — побито отозвался мистер Зальцбург.

— Чем больше я говорил, тем меньше они слушали. — Он содрогнулся от мучительного воспоминания. — Мисс Трэвор вырвала мою дирижерскую палочку, все они встали в ряд и запели «Звездное знамя».[51]

— Неужто со словами? — недоверчиво вскричал Уолли. — Не может быть! Только не говорите мне, что они знают слова!

— Мистер Миллер еще там, спорит с ними. Но это бестолку. Что же

нам делать? — беспомощно спросил мистер Зальцбург. — Мы должны были начать еще полчаса назад! Что де-е-елать?!

— Пойти поговорить с Гоблом, — предложил Уолли. — Что-то надо решить, и быстро. Когда я уходил, публика уже проявляла нетерпение, и я думал даже, что они бросятся на нас. Очень уж они неприятные! Итак, пошли!

Мистер Гобл, остановленный в минуту, когда он намеревался пуститься в новую пробежку, окинул мрачным взором делегацию и задал тот же вопрос, каким помреж встретил мистера Зальцбурга:

— Ну что?

Уолли бойко приступил к изложению дела:

— Придется уступить девушкам. Или выйти и произнести речь перед публикой, которая, пожалуй, потребует назад свои деньги. Эти Жанны д'Арк крепко держат тебя.

— Не уступлю ни за что!

— Тогда выходи в зал. Возвращай публике деньги, если тебе больше нравится. Давай, ступай, скажи, что им возместят по четыре с половиной доллара каждому.

— Я уже пятнадцать лет в шоу-бизнесе… — Гобл свирепо жевал сигару

— Знаю! И никогда прежде с тобой ничего подобного не бывало! Всегда что-то случается первый раз. Человек всю жизнь набирается опыта.

Мистер Гобл яростно перебросил сигару в другой угол рта, сверля Уолли взглядом. Что-то подсказывало ему, что сценарист не на его стороне.

— Они не смеют так поступать *со мной!* — прорычал он.

— Да ведь поступают, а? — откликнулся Уолли. — И если не с тобой, то с кем же?

— Так бы и уволил их всех!

— А что, хорошая мысль! Без пятна и порока. Вот разве что премьера задержится недель на пять, и ты потеряешь все контракты плюс арендную плату за театр. Да еще придется шить костюмы заново, а исполнители главных ролей сбегут в другие театры. Такие вот пустячки, а в остальном идея блестящая!

— Много болтаешь, — неприязненно глянул на него мистер Гобл. — Давай, *ты* скажи что-нибудь разумное.

— Ситуация очень серьезная… — начал помреж.

— О, ты хоть там заткнись! — рявкнул мистер Гобл. Помреж унырнул в воротничок.

— Я не могу еще раз играть увертюру! — запротестовал мистер Зальцбург, — Просто не могу!

В этот момент появился мистер Миллер и очень обрадовался, увидев мистера Гобла. Он искал его, ему не терпелось поделиться новостями.

— А девушки забастовали! — возвестил мистер Миллер. — Ни за что не желают выходить на сцену!

Безнадежно махнув рукой, как человек, осознавший все бессилие слова, мистер Гобл ринулся в свою любимую пробежку вдоль задника сцены. Уолли извлек часы.

— Шесть секунд с небольшим, — одобрительно известил он, когда менеджер вернулся. — Очень и очень недурной результат. Хотелось бы еще подсчитать твое время в спортивном костюме.

За шесть секунд с небольшим мистер Гобл успел, видимо, принять решение.

— Передай хористкам, — повернулся он к помрежу, — пусть эта дура д'Арси сегодня играет. Давно пора поднимать занавес!

— Слушаюсь, мистер Гобл. И помреж галопом умчался.

— Возвращайтесь на свое место, — повернулся менеджер к мистеру Зальцбургу, — сыграйте увертюру еще раз.

— Опять!

— Ну, кто знает, может, первые два раза публика ее не расслышала, — ввернул Уолли.

Мистер Гобл, проследив взглядом за уходящим Зальцбургом, повернулся к Уолли.

— А все эта чертова Маринер! Она все затеяла! Сама мне призналась. Ну, с ней я посчитаюсь. Завтра же уволю!

— Минуточку! — остановил его Уолли. — Минуточку! Идея, опять же, не спорю, блестящая, но она не пройдет!

— А ты-то тут при чем?

— При том, что, если ты уволишь мисс Маринер, я возьму этот замечательный сценарий и разорву на тысячу клочков. Или на девятьсот. В общем, порву на мелкие кусочки. Или мисс Маринер будет играть премьеру в Нью-Йорке, или я ухожу.

Зеленые глазки мистера Гобла заблестели.

— А, втюрился в нее? — ухмыльнулся он. — Тогда понятно…

— Послушай, дорогой. — Уолли железной хваткой вцепился в рукав менеджера. — Кажется, ты готов перейти на личности в нашей маленькой беседе. Обуздай свой порыв! Позволь уж своему позвоночнику остаться на месте, а то его натянут на твою же шляпу! Не уклоняйся от главной темы.

Будет мисс Маринер играть премьеру в Нью-Йорке или нет?

Повисла напряженная пауза. Мистер Гобл быстро проанализировал ситуацию. Чего б он только не сотворил с Уолли! Для начала вышвырнул бы из театра… Но осмотрительность взяла верх. Уолли был ему нужен, нужен для бизнеса. А в мире театра бизнес всегда одерживает победу над личными чувствами.

— Ну ладно, — нехотя пробурчал он.

— Так, слово сказано, — одобрил Уолли. — А я уж позабочусь, чтоб ты его сдержал.

Он оглянулся через плечо. Сцена запестрела яркими платьями. Мятежницы вернулись к своим обязанностям.

— Ладно, я побежал. Жалко, что мы договорились не переходить на личности. Мне хотелось сказать, что на конкурсе вонючек ты бы непременно выиграл. Однако, согласно нашему соглашению, губы мои запечатаны, и я не могу даже намекнуть на это. До свидания, я полагаю?

Мистера Гобла, очень правдоподобно изображавшего живую статую, оторвало от мрачных мыслей похлопывание по плечу. Крайне заинтригованному мистеру Миллеру, чей злосчастный недуг мешал находиться в курсе беседы, очень хотелось узнать, как идут дела.

— Что он сказал? Я как-то не расслышал. Что он сказал, а? Просвещать его мистер Гобл не стал.

Глава XVII ЦЕНА ССОРЫ

1

Отис Пилкингтон уехал из Атлантик Сити через два часа после совещания, состоявшегося, в свою очередь, после генеральной репетиции, с твердым намерением никогда и близко не подходить к «Розе Америки». Он был оскорблен в лучших чувствах. Мистер Гобл предоставил ему выбор — или пьесу перепишут, или спектакль отменят, и он даже склонялся к героическому курсу поведения. Но тогда нужно в открытую бросить вызов менеджеру и отнять пьесу, что невозможно по простой причине — к дню генеральной репетиции расходы на постановку возросли до чудовищной суммы, 32 859 долларов 68 центов, и все из кармана Пилкингтона. Цифры, представленные ему в виде аккуратно написанных колонок, растянувшихся на два больших листка бумаги, ошеломили Отиса. Он и представить себе не мог, что музыкальные комедии так дорого обходятся. Одни костюмы встали в 20 663 доллара и 50 центов. Почему-то эти приплетенные 50 центов расстроили беднягу чуть ли не больше всех остальных цифр в списке. Черное подозрение, что Гобл, занимавшийся исполнительской стороной постановки, вступил в тайный сговор с костюмером и получил от того, скрытно, долю прибыли, усугубляло его мрачность. Да Бог ты мой, на 10 663 доллара и 50 центов можно одеть все женское население Нью-Йорка да еще и на Коннектикут бы осталось! Так раздумывал Пилкингтон, читая плохие новости в поезде. Только-только перестал он хмуриться над завышенной стоимостью костюмов, как в следующей строчке его ударила по глазам цифра 498 долларов — «Одежда». А костюмы-то, что же, не одежда?! Почему он должен дважды платить за одно и то же? Пилкингтон еще негодовал по этому поводу, когда кое-что ниже в колонке цифр зацепило его глаз. То были слова:

«Одежда — 187 долларов 45 центов».

Прочитав это, Пилкингтон испустил придушенный вскрик, такой истошный и полный боли, что пожилая дама на соседнем месте, угощавшаяся молоком из стакана, выронила его, тот разбился, и ей пришлось возмещать железнодорожной компании 35 центов убытка. И потому до самого конца путешествия она опасливо косилась на Пилкингтона, в трепете ожидая, что тот выкинет еще.

Происшествие это если не умиротворило Отиса, то хоть угомонило. Краснея, он снова внимательно прочитал цифры расходов. Почти каждая строчка, содержавшая очередной пункт, приводила его в ярость и недоумение. «Туфли — 213. 50», ладно, это еще понятно, но что за неведомое «Акад. Рел. — 105. 50»? Что такое «Подгонка — 15 долларов»? И что, во имя всего святого, означает пункт — «Каркасы»? На эту неведомую роскошь он щедро отпустил 94 доллара 50 центов. «Реквизит» встречался в списке не менее 17 раз. Какое бы ему ни уготовано будущее, в каком бы доме для бедняков ему ни суждено провести свои преклонные годы, реквизитом его обеспечили до конца дней.

Отис тускло поглядывал на пейзаж, мелькавший за окнами поезда. Пейзаж… ага, декорации! За декорации проставлена оплата дважды («Фридман, Сэмюел —… декорации — 3711 долларов» и «Юнитт и Вике» — декорации — 2120 долларов»). Отис испытывал все терзания проигравшегося в пух картежника. 32 859 долларов 68 центов! А вдобавок, пришлось еще выложить и чек на 10 тысяч долларов дяде Крису, как свою долю инвестиций для раскручивания Джилл в кино. Нет, это просто кошмар! Никакой разум не выдержит!

Способность мыслить, однако, вернулась к Пилкингтону почти тут же, потому что, вспомнив заверения Трэвиса, будто ни одна музыкальная постановка, кроме разве что самых шикарных кордебалетов в 90 девушек, никак не может обойтись дороже чем в 15 тысяч долларов, он задумался о Трэвисе, и думал о нем, даже когда поезд уже въехал на вокзал Пенсильвания.

С неделю после приезда удрученный финансист сидел затворником в своей комнате, дымя сигарами, глазея на японские гравюры и изо всех сил стараясь прогнать из мыслей «каркасы» и «реквизит». Потом почти материнское желание увидеть дитя своего ума ворохнулось сначала слабо, но постепенно все сильнее, и, наконец, ему уже нельзя было противиться. Приказав своему японскому слуге упаковать самое необходимое, Отис Пилкингтон доехал на такси до вокзала и отправился дневным поездом в Рочестер, где, насколько ему помнился маршрут гастролей, должны были сейчас играть «Розу Америки».

По пути он заглянул в свой клуб, чтобы обналичить чек, и первый, на кого он там наткнулся, был Фредди Рук.

— Господи, Боже! — воскликнул Отис— А ты-то чего тут околачиваешься?

Фредди тупо оторвался от газеты. Резкий конец профессиональной карьеры, можно бы сказать — дела жизни, оставили его ни с чем; и таким

пустым казался ему мир в эту минуту, такими серо-тусклыми — все его так называемые соблазны, что, убивая время, он даже принялся за чтение «Национального Географического Журнала».

— Привет! — откликнулся он. — А что такое? С тем же успехом могу находиться и здесь. А? Что?

— Почему ты не на сцене?

— Меня выкинули! Перекроили мою роль в болвана шотландца! Сам понимаешь, не могу же я его играть.

Пилкингтон мученически застонал. Больше остальных персонажей в своей музыкальной фантазии он гордился лордом Финчли. Лорд был его любимцем. И вот его задушили, убили, вымарали! Для чего? Чтобы освободить место для неведомого шотландца.

— Он теперь называется «Маквастл из рода Маквастлов», — пасмурно поведал Фредди.

Маквастл из рода Маквастлов! Узнав эту сокрушительную новость, Пилкингтон чуть не отказался от поездки в Рочестер.

— Он выходит в первом акте в юбочке!

— В юбочке! На вечеринке у миссис Стайвесант ван Дайк!

— Нет больше никакой миссис Стайвесант, — добил его Фредди. — Ее переделали в жену короля маринадов.

— Короля маринадов!

— Да. Сказали, роль должна быть комедийной.

Если б страдания не вынудили Пилкингтона ухватиться для поддержки за спинку стула, он, несомненно, заломил бы руки.

— Да это же и есть комедийная роль! — возопил он. — Полная тонкой, изощренной сатиры на общество. В Ньюпорте все были от нее в восторге! Нет, это уж чересчур! Я заявлю самый решительный протест! Буду настаивать. Пусть эти роли сохранят так, как их написал *я!* Мне нужно немедленно ехать, не то я опоздаю на поезд. — Он приостановился у дверей. — А как прошел спектакль в Балтиморе?

— Паршиво! — буркнул Фредди и вернулся к «Национальному Географическому».

Потрясенный Пилкингтон поспешил к такси. Его прекраснейшую пьесу начисто загубили! И вдобавок, даже для своего мерзейшего коммерческого варианта успеха не добились. Подумать только! В Балтиморе спектакль прошел паршиво. А это дальнейшие расходы, новые колонки цифр с «каркасами» и «реквизитом»! Неверным шагом он вбежал на вокзал.

— Эй! — окликнул его таксист. Пилкингтон обернулся.

— С вас, мистер, 65 центов, уж, пожалуйста! Позабыли, что я не ваш личный шофер, да?

Пилкингтон отдал ему доллар. Деньги, без конца только деньги! Жизнь — нескончаемый круговорот платежей, платежей, платежей!

2

День, выбранный Пилкингтоном для посещения провинции, был вторник. Премьера «Розы» состоялась в Рочестере накануне вечером после недельного прогона в Атлантик Сити первоначального варианта и недели в Балтиморе, так сказать, второй инкарнации. Спектакли успеха не имели ни там, ни там; малочисленная публика в Рочестере тоже приняла шоу холодно, что окончательно ввергло труппу в уныние. Критики в Рочестере, как и в Балтиморе, дали благожелательные отклики. Но один из театральных девизов: «Рецензия в провинции — не рецензия».

Сомнительно, однако, что главным героям и хору битком набитые залы добавили бы веселости. Две недели без перерыва все работали как ломовые лошади и были изнурены вконец. Новым главным героям пришлось выучить роли ровно за половину обычного срока, а хор, убив больше месяца на отработку одних па и вскриков, был вынужден забыть их и репетировать абсолютно новые. С самого утра, после первого представления в Атлантик Сити, они вырвались из театра буквально на полчасика, наскоро перекусить.

Апатично стоя за кулисами, пока рабочие устанавливали декорацию второго акта, Джилл заметила, что к ней от служебного входа направляется Уолли.

— Мисс Маринер, я полагаю? — спросил он. — Надеюсь, вам уже сообщили, что вы в этом платье обворожительны? Весь Рочестер только про это и судачит. Поговаривают даже, что неплохо бы организовать экскурсионные поезда из Трои и Аттики.[52]

Джилл улыбнулась. В эти дни долгих напряженных репетиций Уолли действовал на нее как тоник. Его совершенно не затронуло общее уныние. Сам он объяснял это тем счастливым обстоятельством, что может посиживать и наблюдать, как пыхтят другие, хотя на самом деле, знала Джилл, работает он не меньше остальных. Работает круглосуточно, меняя эпизоды, добавляя реплики, оттачивая рифмы и при этом забалтывая главных героев, чьи нервы пошатнулись от бесконечных репетиций, а также удерживая в границах рвение Гобла. Жизнерадостность его

подпитывалась силой духа, и Джилл ценила это. С начала штурма по переделке «Розы» она очень сблизилась с Уолли.

— Что-то публика вялая сегодня, — заметила Джилл. — Мне даже кажется, что половина зала спит.

— В Рочестере они всегда так. Привыкли маскировать подлинные чувства. Скрывают их под личиной. Но по остекленелым глазам можно понять, что на самом деле внутри у них все так и клокочет. Но подошел я, собственно, чтобы, во-первых, отдать вам это письмо…

Взяв конверт, Джилл взглянула на почерк (от дяди Криса) и положила его поверх пожарного ведерка — почитает позже.

— Его мне отдал человек в кассе, — заметил Уолли, — когда я заглянул выяснить, каков сегодня сбор. Сумма оказалась так мала, что он едва шептал.

— Боюсь, спектакль провалится.

— Ерунда! Мы прекрасно продвигаемся. Что подводит меня ко второму пункту моей речи. Я встретил в фойе беднягу Пилкингтона, и он сказал в точности то же самое, что и вы. Только пространнее.

— Значит, мистер Пилкингтон здесь?

— По-видимому, примчался дневным поездом, чтобы взглянуть на шоу. И со следующим же поездом уезжает обратно в Нью-Йорк. Вот интересно! Всякий раз, как я встречаю его, он вечно стрелой мчится на первый поезд в Нью-Йорк. Бедняга! Вы когда-нибудь совершали убийство? Если нет, не стоит и пробовать. Мне это не понравилось. Поговорив две минуты с Пилкинггоном, я проникся сочувствием к Макбету, ему тоже пришлось разговаривать с Банко. Пилкингтон чуть ли не рыдал и так жалобно описал мне, как музыкальную фантазию увлекают в темный переулок, а там зверски убивают, что меня чуть слеза не прошибла. Я почувствовал себя истинным злодеем.

— Бедненький! Мне тоже его жаль.

— И опять вы сказали то же, что и он, только более конкретно. Я утешал его как мог. Уговаривал, что все к лучшему, а он сунул мне листок доходов и заявил, что спектакль провалился не только творчески, но и коммерчески. И я ничего не мог возразить, только попросил его взглянуть на горизонт, где вскоре засияет солнце успеха. Другими словами, я заверил его, что мюзикл вот-вот воспрянет и вскоре у него руки занемеют от стрижки купонов. Сам он воспрять не желал ни в какую, и опять обругал меня за то, что я загубил пьесу. А кончил тем, что стал канючить, чтобы я купил его долю по дешевке.

— Но вы не купите?

— Ни за что! После фиаско в Лондоне я поклялся страшной клятвой, что больше никогда, ни за что в жизни не вложу ни цента в постановку. Я напуган. Но если Отису удастся заловить азартного человека с тысячей-другой свободных долларов, то человек этот наживет состояние. Наш мюзикл — золотые прииски.

Джилл взглянула на него с удивлением. Говори это кто другой, она бы приписала такую самоуверенность авторскому тщеславию. Но для Уолли это, конечно, не так. Он оценивал пьесу беспристрастно, и Джилл не могла понять, откуда у него такая вера, когда публики — четверть зала.

— Почему вы так думаете? Пока что у нас совсем плохие сборы.

— И в Сиракузах до конца недели, — кивнул Уолли, — будут плохие сборы. А почему? Ну, прежде всего, потому что спектакля еще нет. С какой же стати людям выкладывать денежки и смотреть генеральные репетиции неведомой пьесы? Половине героев пришлось выучить роли на ходу, они их только обкатывают. А девушки танцуют пока что очень неуверенно, боятся сбиться с нужных па. Словом, шоу еще не слепилось. Пока что это так, обрывки. А вот посмотрите на него через две недели! Я-то знаю! Я не говорю, что музыкальная комедия — такое уж высокое искусство, но и у нее есть свои тонкости. Вот поиграете подольше, узнаете все фортели. А пока что, поверьте мне на слово, когда актеры талантливы и есть два-три коронных номера, комедия обречена на успех. А у нас сейчас актеры прекрасные и все номера — хиты. Уверяю вас, как я пытался убедить и Пилкингтона, только он и слушать не хочет, — с этим мюзиклом полный порядок! Но, думаю, Пилкингтон сейчас, в вагоне для курящих, старается всучить проводнику свою долю вместо чаевых.

Отис в буквальном смысле этого не делал, а в переносном — как сказать. Мрачный и насупленный, подскакивая на неудобном сиденье, он ругал себя, зачем ему вообще понадобилось мчаться в Рочестер? Увидел он именно то, чего и ждал: изуродованную карикатуру на свое творение. Играют ее в полупустом театре, да и тот равнодушно зевает. Одно хорошо, мстительно думал он, вспоминая заверения Роланда Трэвиса о стоимости музыкальных постановок, — новые музыкальные номера, без сомнения, красивее тех, прежних.

А «Роза Америки» после вялого приема на утреннике в среду в среду же вечером упаковала вещички и двинулась в Сиракузы, где тоже провалилась. Еще две недели она странствовала из одного небольшого городка в другой, по всему штату Нью-Йорк: потерпела провал и в Коннектикуте, мотаясь там взад-вперед, точно побитый штормом корабль. И вдруг проницательные зрители Хартфорда устроили ей такой прием, что

главные герои, уже обкатавшие свои роли, уставились друг на друга в полном обалдении. А уставший хор, забыв про всякую усталость, бисировал свои номера, да с таким блеском, что даже Джонсон Миллер ворчливо признал, что это, собственно говоря, неплохо. Конечно, хор никак не дотягивает до хоров его прежних дней, но все-таки играют прилично, вполне даже ничего.

Настроение у труппы подскочило. Герои и героини цвели счастливыми улыбками и убеждали всех, что всегда верили в этот мюзикл. Леди и джентльмены из ансамблей обсуждали вероятность целого года в Нью-Йорке. А жители Хартфорда сражались за билеты и, если не удавалось достать мест, стояли сзади.

Обо всем этом Отис Пилкингтон не ведал ни сном, ни духом. Свою долю в шоу он продал две недели назад за десять тысяч долларов юристу, действовавшему от имени неизвестного клиента, и был рад-радешенек, что спас хоть какие-то крохи.

Глава XVIII ДЖИЛЛ ПОЛУЧАЕТ УВЕДОМЛЕНИЕ

1

Всхлипнули на последней ноте скрипки, издал финальный стон фагот, меланхоличная личность на задворках оркестровой ямы, как раз под ложей миссис Уоддсли Пигрим, в чьи обязанности входило стучать по барабану в определенные моменты, изобразила на этом многострадальном инструменте финальную дробь и, отложив палочки, позволила своим мыслям устремиться к прохладительным напиткам. Мистер Зальцбург опустил дирижерскую палочку и, усевшись, отер лоб. Упал занавес после первого акта, и в театре «Готэм» разом обрушились оглушительные аплодисменты. Театр был забит от партера до галерки людьми, составляющими публику нью-йоркских премьер. Аплодисменты длились и длились, грохоча, словно волны прибоя о каменистый берег. Взмывал и падал занавес; взмывал и падал, снова и снова. Билетер, пробившись по центральному проходу, вручил мистеру Зальцбургу огромный букет роз, а тот передал его примадонне. Примадонна приняла цветы с ослепительной улыбкой, очаровательно сочетая в нем и скромность, и радостное изумление. Начавшие было ослабевать аплодисменты грянули с новой силой. Букет был роскошнейший, размерами чуть ли ни с самого Зальцбурга. Примадонне он обошелся утром почти в сотню долларов, но он того стоил, до последнего цента окупив затраты.

Вспыхнули люстры. Публика начала двигаться по проходам, чтобы размять ноги и обсудить в антракте спектакль. Бурлили разговоры. Композитор, не получивший заказа на вставной номер, растолковывал второму композитору, тоже не получившему заказа, откуда третий композитор, написавший этот самый номер, стянул мелодию. Два комедийных актера, временно пребывающие без ангажемента, сошлись во мнении, что примадонна, безусловно, прелесть, но, хотя они в жизни никого не осуждали, здесь все-таки вынуждены отметить, что становятся заметны следы прожитых лет. Драматические критики, рассредоточившись по двое — по трое в темных уголках, втолковывали друг другу, что «Роза Америки», конечно, всего лишь очередная поделка, но это уже переходит всякие границы.

Обычная же публика придерживалась мнения, что комедия сногсшибательная.

— Оти, милый, — проворковала миссис Уоддсли Пигрим, прислонясь пышным плечом к безупречно скроенному рукаву дяди Криса и переговариваясь через него с молодым Пилкингтоном. — Поздравляю тебя, дорогой! Это сплошной восторг! Уж и не припомню, когда так наслаждалась музыкальной комедией. А вы, майор Сэлби, как считаете? Правда, прелесть?

— Несомненно! — согласился этот дипломат, которому так прискучило зрелище, что стало уже все равно. — Поздравляю вас, мой мальчик!

— Какой же ты умница, просто умница! — щебетала миссис Пигрим, игриво ударяя племянника веером по колену. — Я горжусь, что я твоя тетя! А вы, мистер Рук, разве не гордитесь, что вы приятель Оти?

Четвертый зритель ложи очнулся от ступора, в какой его ввергло созерцание Маквастла из рода Маквастлов. Случались темные моменты в его жизни и раньше. Бывало, ничего не скажешь. Как-то раз, еще в Лондоне, Паркер отправил его в самое сердце Вэст Энда без гетр, и отсутствие их он обнаружил только на середине Бонд-стрит. В другой раз, поспорив с незнакомцем на матче, он слишком поздно открыл, что незнакомец этот — экс-чемпион Итона. Он печалился, узнав о разрыве между Джилл и Дэреком, и загрустил, когда до его сведения довели, что Лондон Дэрека отверг. Но ни разу за всю свою жизнь он не переживал такой глубокой грусти, не впадал в такое уныние, как сегодня вечером, когда смотрел на этого субъекта в юбочке, гробившего его роль. А публика, вот проклятие, ревела от хохота на каждую глупейшую реплику!

— А? — откликнулся он. — А, да, абсолютно!

— Оти, милый, *мы* гордимся тобой, — продолжала миссис Пигрим. — Спектакль имеет необыкновенный успех. Ты заработаешь кучу денег. А я-то, подумать только, майор Сэлби, я-то изо всех сил старалась отговорить дорогого мальчика! Считала, что это опрометчиво. Театральные спектакли — такое рискованное дело. Но ведь я видела пьесу только в Ньюпорте, и тогда получилась такая тягомотина! Могла бы и догадаться, что ты кардинально ее переработаешь, прежде чем ставить в Нью-Йорке. Я всегда говорю, пьесы не пишут, а переписывают! Ты, Оти, усовершенствовал эту пьесу на сто процентов! Я ее просто не узнаю!

И она энергично похлопала его веером еще раз, не ведая, какие наносит раны. Бедняга Пилкингтон терзался двойной пыткой. Во-первых, его терзала болезненная ревность потерпевшего крах творца. Ну мыслимо

ли сидеть тут и смотреть, как огромный зал аплодирует фарсу, которым этот Мэйсон подменил его тонкую социальную сатиру? А во-вторых, он даже не может утешиться корыстными соображениями. Он продал свою долю и чувствовал себя как человек, который за гроши спихнул акции шахты, вроде бы истощившей свои запасы, а на следующее утро прочитал в газете, что обнаружили новый золотоносный пласт. Что и говорить, в жизни каждого порой накрапывает дождик, но в жизни молодого Пилкингтона сейчас лил настоящий ливень.

— К тому же, — продолжала миссис Пигрим, — пьесу в моем доме играли любители. Сами знаете, что это такое! А сегодня состав просто блистательный. Хоть этот шотландец! Ну, такая прелесть! Как, по-вашему, мистер Рук? Вы тоже находите, что он просто изумителен?

Мы со всей твердостью заявляем, что не любим верхних слоев общества. Но ничего не скажешь, воспитание у них есть. Опираясь на традиции класса и крепкую поддержку воспитания, последний из Руков сумел заменить слова, так и просившиеся на язык, светским поддакиванием. Если Пилкингтон чувствовал себя как чересчур импульсивный продавец золотоносной шахты, то чувства Фредди можно уподобить страданиям спартанского мальчика с лисицей.[53] Однако Винчестер и колледж Магдалины[54] позволили ему выдавить улыбку, пусть кривую, пусть неискреннюю, но все-таки!

— О, да! Нет слов…

— Раньше он был англичанином, правда? — не унималась миссис Пигрим. — По-моему, да. Но это же настоящее озарение! Шотландец такой комичный. Просто нет слов! А какой актер!

Фредди поднялся, ноги у него дрожали. Такого не вынести никому.

— Э-э, — промычал он, — поскачу-ка, выкурю сигарету.

— Я с тобой, мой мальчик! — встрепенулся дядя Крис, которому настоятельно требовалась хоть пятиминутная передышка. — Давай выскочим на воздух. Здесь что-то жарковато.

Фредди согласился. Воздух, вот что ему нужно.

Оставшись в ложе наедине с племянником, миссис Пигрим еще несколько минут продолжала в том же духе, не ведая, что бередит открытую рану, и изредка удивляясь, что милый Оти как-то вяло отзывается на похвалы. Она приписала это нервному напряжению, такому понятному на премьере первой пьесы молодого автора.

— И в общем ты, — заключила она, — заработаешь на этом спектакле тысячи и тысячи долларов. Я уверена, он станет новой «Веселой вдовой»!

— Ну, по премьерной публике судить нельзя, — угрюмо пробурчал Пилкингтон, повторяя театральную мудрость, подхваченную им на репетициях.

— Очень даже можно! Легко отличить искренние аплодисменты от вежливого похлопывания. Конечно, у многих зрителей есть друзья в труппе или какие-то свои соображения. Но взгляни, ярусы и галерка тоже веселятся от души. Не станешь же ты уверять, что это все подстроено? Им нравится. И очень. Как же сильно тебе пришлось потрудиться, бедный мой мальчик, — сочувственно продолжила она. — Нет, так перекроить пьесу! Мне не хотелось говорить, но теперь даже ты со мной согласишься — первоначальный вариант был несусветной дичью! А сколько пришлось репетировать заново! Ах, Оти! — вскричала миссис Пигрим, загоревшись новой идеей. — Что я придумала! Завтра вечером после спектакля ты должен дать ужин для всей труппы.

— Что?! — вскричал Отис, чья апатия слетела от такого предложения. Ему, человеку, который ухлопал 32 859 долларов 50 центов на «каркасы» и «реквизит» и вдобавок продал свою долю за жалкие гроши, 10 тысяч, предлагают еще и новые мучения!

— Они это заслужили, правда, после *такой* работы?

— Не могу! — с жаром воскликнул Отис. — Категорически!

— Оти, милый, я говорила с мистером Мэйсоном, когда тот приезжал смотреть пьесу прошлым летом, и он сказал, менеджеры всегда устраивают ужин для труппы. А уж тем более, если было много добавочных репетиций. Такова уж традиция.

— Вот пусть Гобл и угощает их ужином.

— Но ты же знаешь, что Гобл, хотя его имя и стоит в программке, в сущности, не имеет к спектаклю никакого отношения.

На минутку Пилкингтону захотелось раскрыть все, но он воздержатся, слишком хорошо зная свою тетю Оливию. Если она услышит, что он расстался с ценной собственностью и понес большие убытки, то ее отношение к нему круто переменится или, вернее, станет прежним, как у строгой няни к слабоумному питомцу. При всех мучениях его грела новая непривычная нотка, с какой она обращалась к нему после того, как опустили занавес. Легко ли лишиться уважения, пусть и незаслуженного?

— Это да, — твердо отвечал он. — Вот это — да.

— Именно.

— А ужин представляется мне ненужным. Подумай сама, во сколько это влетит!

Ход был ложный. Из тона миссис Пигрим исчезло уважение,

сменившись холодком. Веселая и щедрая, она не упускала случая укорить племянника за склонность к чрезмерной бережливости.

— Отис, что за скупость! Мы не имеем на нее права! Пилкингтона пронзило острое негодование. Еще чего, «мы»! А кто, интересно, будет оплачивать счет? «Мы», рука об руку? Нет, он один, болван и простофиля, которому только и подсовывают всякие счета!

— Вряд ли возможно получить сцену для ужина, — проблеял он, выдвигая новое возражение. — Гобл не разрешит.

— Да ни в чем тебе Гобл не откажет после такого успеха! Ведь и он получает свою долю прибылей? Ступай сразу после спектакля и спроси. Конечно, он с радостью предоставит тебе сцену. Хозяйкой буду я, — блаженно прибавила миссис Пигрим. — А теперь, давай сообразим, кого же нам пригласить?

Пилкингтон мрачно уставился в пол, настолько сломленный бременем новых забот, что даже и не возмутился этим «нам». Он пытался прикинуть размеры ущерба, какие нелепое развлечение нанесет его финансам. Если миссис Пигрим возьмет ужин в свои руки, а, скорее всего, так и будет, то, пожалуй, расходы выльются в четырехзначную цифру!

— Ну, майора Сэлби, само собой, — раздумчиво проговорила она с воркующей ноткой в голосе. Этот лощеный джентльмен производил на нее глубокое впечатление. — Итак, во-первых, майора Сэлби. И мистера Рука. Потом еще пару моих друзей, которые обидятся, если их не пригласить. А как насчет мистера Мэйсона? Он ведь тебе друг?

Пилкингтон фыркнул. Он вынес многое и приготовился терпеть дальше, но всему есть границы. Проматывать деньги на субъекта, который подкрался к его творению с топором и искромсал на мелкие кусочки!

— Нет, он мне *не друг!* — выговорил Отис— Я не желаю его приглашать.

Победив в главном, миссис Пигрим была готова на мелкие уступки.

— Ну и ладно, если он тебе не нравится. А я считала, что вы дружите. Ведь это ты попросил меня пригласить его в Ньюпорт прошлым летом.

— Много чего, — холодно возразил Пилкингтон, — случилось с прошлого лета.

— О, хорошо! Значит, Мэйсона включать не станем. В общем, Оти, дорогой, как только опустят занавес, быстренько беги за кулисы, разыщи Гобла и расскажи ему, что ты надумал!

Не только души-близнецы стремятся к встрече в этом мире. Между Отисом и Гоблом было мало общего, но когда Отис отправился на розыски мистера Гобла, Гобл больше всего на свете жаждал встретиться с Отисом. С конца первого акта менеджер пребывал в душевном смятении. Если вновь вернуться к этой шахте, то Гобл находился в положении человека, которому подворачивался шанс ее купить. Слишком поздно узнав об открытии нового пласта, он со всей глубиной прочувствовал строки: «Из всех печальных слов, нет слов печальней, чем "Если бы…"».[55] Бурный успех «Розы» ошеломил его; и поняв, что он мог выкупить у Отиса его долю акций, дешевле грязи, на гастролях, он провел очень плохие полчаса наедине с собой. Единственным лучиком во тьме было соображение, что это еще возможно, если он изловит Пилкингтона прежде, чем появятся рецензии. Грустно покачав головой, он порассуждает об обманчивых надеждах, которые так часто вспыхивают у молодых авторов после оглушительного успеха премьеры. Постарается внушить, что уж эксперта-то, который варится в шоу-бизнесе пятнадцать лет, успех премьеры никогда не обманет, и мрачно обронит, что он нечаянно подслушал, как пара критиков разносит спектакль в пух и прах. Тогда, возможно, ему удастся пригасить энтузиазм молодого Пилкингтона, и тот продаст свою долю по бросовой цене великодушному другу, который просто спасает его. Да и в конце концов, провалившись в Нью-Йорке, спектакль иногда имеет шанс окупиться на гастролях.

Такие мысли и доводы бродили в голове мистера Гобла, когда занавес упал после последнего акта под неистовые аплодисменты, и он отправил посыльных во все концы с наставлениями разыскать Пилкингтона и привести к нему. А сам, между тем, нетерпеливо топтался по пустой сцене.

Неожиданное появление Уолли Мэйсона, невесть откуда свалившегося в этот самый момент, ужасно его расстроило. Вот фактор, которого он не учел. Бессердечный, бестактный тип, только и норовящий расстроить честную сделку. Если он останется при разговоре с Пилкингтоном, ничего не получится. Ляпнет что-нибудь невпопад! Не в первый раз Гоблу захотелось, чтобы Уолли хватил удар.

— Недурно прошло, а? — дружелюбно бросил тот. Ему Гобл не нравился, но на премьере спектакля, имеющего такой успех, о личных антипатиях можно и забыть. Настроение у него было самое прекрасное, и он готов был даже с Гоблом общаться как с другом и братом.

— Хм-хм! — с сомнением отозвался Гобл.

— Как это «хм-хм»? — удивился Уолли. — Успех-то какой.

— Никогда не угадаешь, — самым минорным тоном отозвался Гобл.

— Ну и ну! — воззрился на него Уолли. — Уж не знаю, чего тебе и желать. Публика скакала и вопила. Что еще не так?

— Есть у меня свои опасения, — возразил Гобл, повышая голос, — долговязая фигура уже шагала к ним через сцену. — Критики разнесут спектакль. Если спросишь меня, — еще громче продолжал он, — вот такие мюзиклы критики и разделывают под орех. Я пятнадцать лет…

— Критики! — возопил Уолли. — Да я только что говорил с Александром из «Таймса», и он сказал, что в жизни такого не видел. И все остальные придерживаются того же мнения.

Мистер Гобл повернул перекошенное лицо к Пилкингтону. Ему страстно хотелось, чтоб Уолли испарился. Но Уолли этот, горько раздумывал он, из тех, кто никогда не испаряется.

— Конечно, у спектакля *шанс есть*, — угрюмо буркнул он. — У любого спектакля есть шанс! Но не знаю, не знаю…

Меньше всего Пилкингтона интересовали шансы «Розы». Он пришел просить о любезности, добиться, по возможности, отказа и сразу же уйти. Ему пришло в голову, что если просьбу заменить резким требованием, то, пожалуй, ему и удастся сэкономить тысчонку долларов.

— Мне нужна завтра после спектакля сцена! — бесцеремонно бросил он. — Хочу устроить ужин для всей труппы.

И печально увидел, что Гобл любезно закивал.

— Ну конечно, конечно! Пожалуйста! — Взяв Пилкингтона под локоть, Гобл увлек его в глубь сцены. — А теперь послушай-ка, — понизил он голос до конфиденциального полушепота, — я хочу с тобой потолковать. Но только — ни гу-гу! Так вот, лично я считаю, спектакль в Нью-Йорке и месяца не продержится. Чего-то ему недостает, понимаешь…

С жаром, изумившим менеджера, Пилкингтон воскликнул:

— Вполне с тобой согласен! Вот если б ты оставил спектакль в первоначальном варианте…

— Теперь поздно об этом жалеть, — вздохнул мистер Гобл, осознавая, что звезда его удачи в зените. На минутку он совсем запамятовал, что Пилкингтон — автор. — Теперь уж придется выкручиваться, с чем есть. Но, видишь ли, Отис, ты славный малый. Я не хочу, чтобы ты ходил да рассказывал, как я подвел тебя. Бизнес, конечно, так не делается, но мне жалко, что на тебя свалится такой удар, а потому я готов выкупить твою долю акций. Может, мюзикл на гастролях хоть как-то окупится. Вряд ли, конечно, но хиленький шансишка есть. Пожалуй, рискну. Я, наверное, сам себя граблю, но я дам тебе пятнадцать тысяч за твою долю акций, если пожелаешь продать.

Рядом раздался ненавистный голос.

— А я делаю тебе предложение получше. — Конечно же, влез Уолли. — Продай мне свои акции за три доллара наличными, а я подброшу тебе еще подтяжки и брошюру Ингерсола.[56] Идет?

— Ну кто тебя просит влезать? — бросил на него злобный взгляд мистер Гобл.

— Совесть! Старая добрая совесть! Я не могу смотреть на избиение младенцев. Почему бы тебе не подождать, пока он умрет? Тогда и сдирай с бедняги шкуру. — Уолли повернулся к Пилкингтону. — Разве ты не видишь, что спектакль — самый громкий за последние годы? Ты же понимаешь, этот Джесси Джеймс[57] и цента тебе не предложил бы, не будь он уверен, что состояние наживет. Ты что, думаешь, будто…

— Для меня несущественно, — надменно перебил Отис, — что предлагает мистер Гобл. Я уже продал свою долю акций.

— Что! — завопил Гобл.

— Когда? — закричал Уолли.

— Когда шли гастрольные спектакли, — отвечал Пилкингтон. — Юристу, действующему от имени неизвестного мне клиента.

В молчание, павшее за этим откровением, вторгся новый голос:

— Я хотела бы, мистер Гобл, поговорить с вами минутку. Джилл, никем не замеченная, присоединилась к группе. Мистер Гобл сердито оглянулся на нее, она спокойно встретила его взгляд.

— Я занят! — рявкнул он. — Завтра приходите!

— Я бы предпочла сегодня.

— О-о! Вы бы предпочли! — Мистер Гобл безнадежным жестом вскинул руки, словно призывая небеса в свидетели — как же допекают тут, на земле, доброго человека.

— Насчет этого. — Джилл протянула бумагу. — Я нашла письмо в ящике, когда выходила.

— И что это?

— Похоже на уведомление об увольнении.

— Да, — буркнул мистер Гобл, — оно самое и есть.

— Ты хочешь сказать?.. — воскликнул Уолли.

— Вот именно, — набросился на него менеджер, ликуя, что обыграл наконец этого типа. — Я согласился, чтобы она играла премьеру в Нью-Йорке. Она ее сыграла, так? А теперь пусть убирается. Она мне не нужна. Я бы не оставил ее в труппе, даже если б мне приплатили. Она — склочница! Вечно затевает скандалы. Так что пусть убирается!

— Я бы предпочла не уходить, — сказала Джилл. Слова ее привели мистера Гобла в ярость.

— Ах, вы бы предпочли! А при чем тут ваши предпочтения?

— Совсем забыла сказать вам, — отвечала она. — Теперь этот спектакль принадлежит мне.

3

Челюсть у мистера Гобла отвисла. Он снова взметнул руки, да так и застыл, похожий на семафор. Сегодня вечером удары обрушивались на него один за другим.

— Что? — выдавил он.

— Шоу принадлежит мне, — повторила Джилл. — А это, конечно, дает мне право сказать, что я предпочитаю.

Воцарилась тишина. Мистер Гобл, у которого что-то случилось с голосовыми связками, сглотнул два раза. Уолли с Пилкингтоном молча глядели в пространство. В глубине сцены припозднившийся рабочий, собираясь, насвистывал припев популярной песенки, уж как ему удавалось.

— Что вы имеете в виду? — наконец пробулькал мистер Гобл. — Как это *вам?*

— Я купила его.

— Купили?

— Я купила долю мистера Пилкингтона через юриста за десять тысяч долларов.

— А где это вы раздобыли десять тысяч? — На мистера Гобла внезапно снизошло озарение. Ему все стало ясно. — А, черт подери! — завопил он. — Я мог бы и догадаться, что за вами стоит мужчина! Вы ни за что не вели бы себя так нахально, если бы какой-то тип не оплачивал ваши счета! Да-а, из всех…

Он резко умолк, не потому что высказал все, что хотел, — наоборот, он затронул лишь самый краешек темы, а потому что в этот момент кулак Уолли ткнул его неподалеку от третьей пуговицы жилета, выбив из него дыхание.

— Тихо! — тоже тихо произнес Уолли, и повернулся к Джилл.

— Джилл, вы не скажете мне, откуда вы достали десять тысяч долларов?

— Конечно, скажу. Их мне дядя Крис прислал. Помните, вы отдали мне от него письмо в Рочестере? В конверте был чек.

Уолли смотрел на нее.

— Ваш дядя! Но у него же нет денег!

— Ну, наверное, где-то раздобыл.

— Как это он умудрился?

Внезапно дар речи прорезался у Отиса Пилкингтона. Он издал не то фырканье, не то вопль. Ошеломленный сведениями о том, что именно Джилл купила его долю, разум его опомнился не сразу, но, опомнившись, заработал с необычной для него скоростью. Слушая беседу, Отис усиленно соображал, и ему открылось все.

— Это мошенничество! — пронзительно заголосил он. — Преднамеренное мошенничество! — Очки в черепаховой оправе метали искры. — Меня одурачили! Оболванили! Ограбили!

Джилл смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— О чем вы говорите?

— Вы сами знаете!

— Разумеется, нет! Вы же хотели продать свою долю.

— Я не про это! Вы знаете, про что я! Меня ограбили! Уолли перехватил его руку, когда та взметнулась вверх, оставив далеко за флагом аналогичный жест мистера Гобла. Сейчас мистер Гобл прислонился к асбестовому занавесу, пытаясь опомниться.

— Не дури! — резко прикрикнул Уолли. — Подумай сам! Ты прекрасно знаешь, что мисс Маринер не станет мошенничать.

— Ну, она, может, в этом и не участвовала, — уступил мистер Пилкингтон. — Но этот ее дядя надул меня на десять тысяч! Сладкоречивый старый мошенник!

— Не смейте говорить так про дядю Криса! — сверкая глазами, крикнула Джилл. — Объясните толком, в чем дело!

— Вперед, Пилкингтон! — мрачно подтолкнул его Уолли. — Давай послушаем, какие у тебя основания. Выдай хоть пару связных слов.

Мистер Гобл пополнил наконец воздухом свои опустошенные легкие.

— Если вы спросите меня… — заикнулся было он.

— Не спросим, — перебил его Уолли. — Ты тут совершенно ни при чем. Ну, — повернулся он к Отису, — ждем объяснений.

Мистер Пилкингтон сглотнул. Подобно большинству не очень умных людей, ставших жертвой волков нашего мира, он не хотел признаваться, что его облапошили. Куда приятней выглядеть проницательным молодым человеком, который соображает, что к чему, и ловко проворачивает свои дела.

— Майор Сэлби, — начал он, поправляя очки, которые от сильных

чувств соскользнули ему на самый кончик носа, — пришел ко мне несколько недель назад и предложил организовать компанию, чтобы мисс Маринер стала кинозвездой.

— Что! — воскликнула Джилл.

— Да, кинозвездой, — повторил мистер Пилкингтон. — Он спросил, не желаю ли я вложить в это капитал. Я все тщательно продумал и решил, что проект мне нравится. Я… — Мистер Пилкингтон сглотнул снова, — я дал ему чек на десять тысяч долларов.

— Вот это да! — захохотал мистер Гобл, но, поймав взгляд Уолли, утих снова.

Пальцы мистера Пилкингтона суетливо метнулись к очкам.

— Я поступил глупо, — закричал он, — но когда эти самые десять тысяч возвращаются ко мне в обмен на… на… Нет, мои же собственные деньги… и ими же мне платят.

И мистер Пилкингтон снова утратил дар речи.

Сердце у Джилл похолодело. Ни на минутку не усомнилась она в правдивости этих слов. Вплетенное в каждую нить ткани, четко проступало фирменное клеймо дяди Криса. Действовал дядя, конечно же, именно так, как сказал Пилкингтон. Что говорить, здесь та же проказливость, та же бесцеремонность, то же трогательное желание сделать ей добро за счет другого, какие побудили его — если эти поступки поддаются сравнению — сплавить Джилл злополучному мистеру Маринеру под видом богатой девушки.

Уолли убедить было не так легко.

— У тебя же нет никаких доказательств…

— Это правда, Уолли, — покачала головой Джилл. — Я знаю дядю Криса. Конечно, это правда.

— Но, Джилл!..

— Посудите сами, откуда еще мог дядя Крис раздобыть деньги?

Воодушевленный таким приемом, мистер Пилкингтон снова заголосил:

— Он — мошенник! Мошенник! Он меня ограбил! Ограбил! Он все подстроил, чтобы…

Джилл оборвала поток разоблачений. Сердце у нее надрывалось от муки, и заговорила она почти неслышно:

— Мистер Пилкингтон, если то, что вы говорите, — правда, а я боюсь, сомнений тут нет, то я могу сделать одно — вернуть вам вашу собственность. Пожалуйста, попытайтесь понять. Считайте, что вы дяде никаких денег не давали. Вы получите обратно ваши десять тысяч и ваш

спектакль. А значит, и говорить больше не о чем.

Мистер Пилкингтон, смутно осознававший, что финансовый аспект дела более или менее урегулирован, все-таки не мог избавиться от чувства, что его не вовремя остановили. Он мог еще много сказать о дяде Крисе и его методах.

— Да, но… Все это очень хорошо, но я еще не закончил…

— Нет, ты закончил, — вмешался Уолли.

— Тут не о чем больше говорить, — повторила Джилл. — Мне очень жаль, что все так получилось, но теперь вам больше не на что жаловаться. Доброй ночи.

И быстро повернувшись, она направилась к выходу.

— *Не закончил!* Постойте! — завопил мистер Пилкингтон, вцепляясь в Уолли. Его терзало острое разочарование. Обидно когда ты разоделся, а пойти тебе некуда, но еще обиднее, когда тебя переполняют слова, а высказать их некому. Отис мог еще минут двадцать говорить о дяде Крисе, а Уолли оказался ближайшим объектом с ушами.

Но играть роль доверенного лица тот был совершенно не расположен. Он с силой пихнул мистера Пилкингтона в грудь и помчался за Джилл. А мистер Пилкингтон, ощущая, что весь мир против него, перешел в объятия мистера Гобла, который, уже совсем воспрянув, был готов к обсуждению деловых вопросов.

— На, угостись хорошей сигарой, — сказал он. — Ну а теперь, давай прямо к делу. Если ты желаешь продать за двадцать тысяч…

— Не желаю! — возопил измученный Пилкингтон. — И за миллион! Не продам! Ты хочешь меня ограбить! Ты — обманщик! Ты — мошенник!

— Ну-ну, — мягко пожурил его мистер Гобл. — Однако, шутки в сторону. Предположим, я подниму до двадцати пяти тысяч?.. — Он любовно зацепил пальцем лацкан Пилкингтонова пиджака. — Ну! Ты ведь добрый малый! Как? Скажем, двадцать пять тысяч?

— Нет, не скажем! Отпусти меня!

— Ну-ну! — не отставал мистер Гобл. — Не надо так нервничать. Послушай, угостись хорошей сигарой…

— Не хочу! — заорал мистер Пилкингтон.

И, высвободившись рывком, помчался длинными шагами через сцену. Мистер Гобл проводил его погасшим взглядом. Тяжелое чувство давило его. Если ты уже не в состоянии облапошить идиота-любителя, тогда кого вообще ты можешь надуть? И он печально вздохнул.

Когда Уолли нагнал Джилл, они взглянули друг на друга в свете фонаря. В полночь 42-я стрит — тихий оазис. Улица принадлежала им.

Джилл была бледна и дышала прерывисто, но умудрилась выдавить улыбку.

— Видите, Уолли, моя карьера менеджера недолго продлилась.

— Что же вы теперь будете делать?

— Не знаю, — оглядела улицу Джилл. — Наверное, что-то подыщу.

— Но…

Джилл внезапно потянула его в темный проулочек, ведущий к служебной двери соседнего с «Готэмом» театра. И тут же мимо промелькнула долговязая тощая фигура в плаще и цилиндре.

— Вряд ли я бы выдержала еще одну встречу с Пилкингтоном, — заметила Джилл. — Он ни в чем не виноват, наоборот, во всем прав, но тем не менее мне больно, когда ругают дядю Криса.

Уолли, у которого бродили опасные мысли, благоразумно оставил их при себе.

— Бедненький дядя Крис! — продолжала Джилл. — Он очень похож на Фредди. — Тоже хочет, как лучше…

Наступила пауза. Выйдя из проулка, они пошли по улице.

— Куда вы сейчас? — спросил Уолли.

— Домой.

— А где дом?

— На 49-й стрит. Я живу в меблированных комнатах.

Он вспомнил меблирашки в Атлантик Сити, и это качнуло стрелку весов.

— Джилл! — закричал он. — Так нельзя! Я должен сказать! Я хочу спасти вас! Я хочу о вас заботиться! С какой стати вам жить так, когда… Почему вы не позволите мне?..

Он умолк. Джилл была не из тех, кого можно завоевать словами.

С минуту они шли молча. Пересекли Бродвей, шумный от ночного потока машин, и нырнули в тишину на другой стороне.

— Уолли, — наконец выговорила Джилл, глядя прямо перед собой.

— Да?

— Уолли, — Джилл чуть запнулась, — вы бы не захотели жениться на мне, если бы знали, что вы — не единственный человек в мире. Правда?

Ответил Уолли только на Шестой авеню.

— Нет, не захотел бы.

С минуту Джилл не могла определить, что за чувство пронзило ее, точно удар по обнаженному нерву, — облегчение или разочарование. Потом вдруг поняла, что второе вернее. Ну что за нелепость! Однако сейчас ей хотелось, чтобы Уолли ответил по-другому. Если б хоть эту проблему решили без нее! С каким облегчением она вздохнула бы, если бы он властно отмел все ее колебания, грубо схватил ее и утащил, точно пещерный человек, меньше заботясь о ее счастье, думая только о собственном. Как бы удачно тогда все разрешилось… Но тогда он не был бы Уолли… И все-таки она легонько вздохнула. Ее новая жизнь уже изменила ее, пообточив острые края былой независимости. Сегодня вечером ей так хотелось опереться на сильного, уютного, сочувствующего друга! Пусть бы он отнесся к ней, как к маленькой девочке, заслонил от грубостей жизни… Ее воинственный дух исчез без следа, она больше не чувствовала себя стойким солдатиком, выступающим против всего мира. Ей хотелось поплакать и еще ей хотелось, чтобы ее ласково утешили.

— Нет! — повторил Уолли. Если в его первом «нет» еще сквозило легчайшее сомнение, то вторым он выстрелил, словно пулей. — И вот почему. Мне нужны *вы.* А если вы выйдете за меня с такими чувствами, то это уже не вы. Мне нужна Джилл, вся Джилл, и никто, кроме Джилл. Если я не могу ее получить, лучше уж совсем не надо. Брак — это не крупный план в кино с плавным затемнением. Это — партнерство. А какой же толк от партнерства, если в нем не участвует сердце? Все равно, что сотрудничать с человеком, который тебе не нравится. Наверное, иногда вам хочется — может быть, нечасто, но когда вы очень уж несчастны и очень одиноки, — чтобы я заставил вас… что такое?

Джилл вздрогнула. Тревожно, когда читают твои мысли.

— Да нет, ничего.

— Только толку от этого не будет, — продолжал Уолли, — потому что тогда это тоже буду *не я*. Я не выдержу и сам возненавижу себя за одно то, что пытался. Ради того, чтобы помочь вам, я на что угодно пойду, хотя знаю, что нет смысла предлагать вам помощь. Вы — храбрый солдатик и предпочитаете сами вести битву. Может случиться и так, что если я стану досаждать вам, когда-нибудь почувствовав себя уж очень одинокой, вы и согласитесь за меня выйти, но мне этого не надо. Даже если вы уговорите себя, мне этого не надо. Наверное, пещерной женщине иногда бывало легче, что все решали за нее. Но пещерному мужчине трудно было потом избавиться от мысли, что вел он себя как последний хам. Я не хочу испытывать такие чувства. Тогда я не смог бы сделать вас счастливой. Уж лучше относитесь ко мне по-прежнему… но знайте, если чувства

изменятся, я здесь, я жду…

— К тому времени и ваши чувства изменятся!

— Ну, нет! — рассмеялся Уолли.

— Вы встретите другую девушку…

— Я встречал уже всех девушек в мире. Ни одна из них мне не подходит. — Уолли снова перешел на легкий тон. — Очень сочувствую им всем, но нет! Не годится. Только вы одна на свете… И почему это всегда тянет цитировать строчки из песен? Но так оно и есть. Я не стану вас донимать. Мы — друзья. И в качестве друга, могу я предложить вам денег?

— Нет! — ответила Джилл и улыбнулась ему. — Я знаю, вы бы и последнее пальто мне отдали…

— А оно вам нужно? — приостановился Уолли. — Пожалуйста!

— Уолли, ведите себя прилично! На вас полисмен посматривает.

— Ну ладно, если не хотите… А пальтишко, между прочим, очень неплохое.

Повернув за угол, они остановились перед особняком с высоким крыльцом и грязными ступеньками, ведущими к парадной двери.

Уолли окинул неодобрительным взглядом мрачное здание.

— Вы всегда выбираете такие жуткие дома?

— Я не выбираю, мне их навязывают. Если хотите точно знать комнату — то вон, третье окно снизу, над парадной дверью. Ну, доброй ночи.

— Доброй ночи. — Уолли примолк. — Джилл?

— Да?

— Я знаю, нельзя снова говорить об этом. Это нарушает наше соглашение, но… вы ведь поняли меня?

— Да, Уолли, дорогой. Поняла.

— Я тут, за углом. И всегда жду. Если ваши чувства когда-нибудь изменятся, вам только и нужно подойти ко мне и сказать: «Все в порядке!»

Джилл рассмеялась чуть дрожащим смехом.

— Звучит не очень романтично!

— Да? Попробуйте подыскать что-нибудь романтичнее этих слов. Ладно, неважно, как они звучат. Вы только произнесите их, и посмотрите, что будет! А теперь вам пора спать. Доброй ночи!

— Доброй ночи, Уолли.

Она исчезла за дверью. Уолли постоял, с мрачным отвращением глядя на грязную дверь. Более грязной и обшарпанной он в жизни не видел.

Потом он отправился домой. Шагал он быстро, стиснув кулаки, и в голове у него мелькало: а может, все-таки, что-то есть в этих пещерных

методах! Хорошо, пещерного мужчину мучает совесть, но он хоть имеет право заботиться о пещерной женщине.

Глава XIX МИССИС ПИГРИМ КУРИТ СЕБЕ ФИМИАМ

1

— «Мне сказали… Мне сообщили…». Нет, минуточку, мисс Фрисби…

Миссис Пигрим наморщила ясный лоб. Правильно говорят, что нет мучений, подобных поиску слова. Как она настрадалась, стараясь подбавить огоньку в свое сообщение прессе! Она закусила губу и непременно вцепилась бы дрожащими пальцами в волосы, но ее удерживало соображение, что она нанесет ущерб прическе. Мисс Фрисби, ее секретарша, анемичная, бесцветная, хотя и молодая особа, терпеливо дожидалась с блокнотом на колене, постукивая карандашиком по зубам.

— Пожалуйста, мисс Фрисби, прекратите стучать, — сварливо попросила страдалица. — Вы мешаете мне думать. Оти, дорогой, может, ты предложишь яркую фразу? Как драматург.

Пилкингтон, развалившийся в кресле у окна, очнулся от своих раздумий, которые, судя по складке над перемычкой черепаховых очков, не приносили ему радости. Это было наутро после премьеры, и Отис провел бессонную ночь, перебирая те дерзкие слова, которые бросил Джилл. Простит ли она его? Достанет ли у нее великодушия понять, что человек не отвечает за выкрики в минуту прозрения? Всю ночь он размышлял об этом, ему хотелось размышлять и сейчас. Но вопрос тети мешал течению мыслей.

— Э? — пробормотал он.

— Да не будь же таким рассеянным! — прикрикнула на него миссис Пигрим, вполне справедливо недовольная. — Я стараюсь сочинить заметку о нашей сегодняшней вечеринке и никак не могу подыскать подходящую фразу… Прочитайте, мисс Фрисби, что вы написали.

Секретарша, глядя бледным взором на крючки и петли в своем блокноте, бледным голоском перевела их:

— «Безусловно, из всех знаменитых хозяек в нью-йоркском светском обществе мало найдется более разносторонних, чем миссис Уоддсли Пигрим. Я всякий раз просто поражаюсь, когда прихожу в ее изумительный дом на Вэст Энд авеню и вижу, как широк и разнообразен

круг ее друзей. Тут можно увидеть посла с фифой…»

— С кем? — резко перебила миссис Пигрим.

— С фифой. Мне послышалось, вы так продиктовали, — апатично ответила мисс Фрисби.

— С дивой. Думайте все-таки немножко, моя милая. Продолжайте.

— «…тут можно увидеть посла с дивой из оперы. Он делится последними сплетнями министерства в обмен на пикантные подробности из мира кулис. А там автор последнего романа ведет дискуссии о литературе с юной дебютанткой светского общества. Поистине, можно сказать, миссис Пигрим возродила салун…»

— Салон! — прикусив губу, поправила миссис Пигрим.

— …салон, — бесстрастно поправила себя мисс Фрисби. — Мне говорят, мне сказали, мне сообщают… — Она приостановилась. — Вот и все, что у меня записано.

— Вычеркните последнюю фразу! — раздраженно приказала миссис Пигрим. — Нет, вы безнадежны! Неужели вы не поняли, что я перестала диктовать и просто подыскивала слово? Оти, как бы покрасивее выразить «Мне сказали»?

Усилием воли Пилкингтон сосредоточился.

— Я слышала, — наконец предложил он.

— Ф-фу! — отреагировала его тетя. Потом лицо ее просветлело. — Нашла! Продолжайте записывать, мисс Фрисби. «Маленькая птичка нащебетала мне, что вчера на сцене театра «Готэм» произошло значительное событие. Сразу после окончания спектакля «Роза Америки», сочиненного, как всем известно, талантливым молодым племянником миссис Пигрим, Отисом Пилкингтоном…»

Миссис Пигрим стрельнула глазом на талантливого молодого племянника, оценил ли тот ее рекламные похвалы, но мысли Отиса опять уплыли далеко. Он развалился в кресле, все раздумывая и раздумывая. Миссис Пигрим возобновила диктовку:

— «…в честь исключительно шумного успеха спектакля миссис Пигрим, которая, безусловно, во все вкладывает душу, устроила ужин для труппы. Среди гостей мелькало немало знаменитостей, а сама искрометная миссис Пигрим блистала в роли хозяйки. Очаровательнее она не выглядела никогда. Бурное веселье продолжалось чуть ли не всю ночь. И все как один соглашались, что более восхитительного приема не припомнят». Ну вот. Напечатайте, мисс Фрисби, сколько надо экземпляров, и разошлите сегодня днем с фотографиями.

Мисс Фрисби, как обычно, незаметно испарилась, а блистательная

хозяйка снова принялась за племянника.

— Должна сказать, Оти, — жалобно начала она, — что для человека, имевшего такой успех, ты не очень-то весел. Я считала, что от рецензий на спектакль ты будешь просто петь и плясать.

В какой-то мелодраме, на которой галерка всегда утопала в слезах, ребенок гонимой героини лепетал: «А что такое счастье, мамочка?» В точности таких слов Пилкингтон не произнес, но тон воспроизвел неплохо:

— Что мне эти рецензии?

— Не притворяйся! — закричала миссис Пигрим. — Не прикидывайся, будто не выучил каждое словечко наизусть!

— Тетя Оливия, я их даже не читал, — уныло отозвался Отис.

Теперь миссис Пигрим посмотрела на него с явной тревогой. Она никогда не питала к своему долговязому племяннику чрезмерной привязанности, но после его триумфа что-то вроде симпатии всколыхнулось в ней, и теперь его мысли ее тревожили.

— Оти, ты, наверное, нездоров, — озабоченно заметила она. — Ты заболел?

— У меня болит голова, — пожаловался страдалец. — Я провел бессонную ночь.

— Сейчас пойду приготовлю тебе замечательную микстуру, — заботливо предложила миссис Пигрим. — Бедный мой мальчик! Неудивительно, после всех этих волнений…. Посиди спокойненько, отдохни. Через минутку вернусь.

И она суетливо вышла из комнаты, а Пилкингтон опять обмяк в кресле. Он едва успел снова погрузиться в свои думы, как открылась дверь, и горничная объявила:

— Майор Сэлби.

— Доброе утро! — весело и беззаботно воскликнул дядя Крис, плывя по курсу с вытянутой рукой. — Как вы… о!

Он резко тормознул, увидев, что миссис Пигрим в комнате нет, а Отис, что еще хуже, как раз тут. Было бы преувеличением утверждать, что дядя Крис смутился. Смущаться он не умел. Но бойкости у него определенно поубавилось, и ему пришлось дважды дернуть себя за усы, прежде чем он, с присущим ему апломбом, совладал с ситуацией. Наткнуться здесь на Отиса он никак не рассчитывал. Встречаться с ним хотелось меньше всего. Он только что расстался с Джилл, которая откровенно высказала ему все, что думает. Хотя дядя Крис обладал лишь зачатками совести, он все-таки понимал, что следующая встреча с Пилкингтоном, пожалуй, породит некоторую неловкость, а потому ему

требовалось время, чтобы приготовиться к защите. Однако, вот он, и надо как-то выкручиваться.

— А, Пилкингтон! — воскликнул он. — Дорогой мой мальчик! Вот кого мне хотелось увидеть! Боюсь, произошло маленькое недоразумение… Теперь, конечно, все уладилось, но все-таки я настаиваю на том, чтобы дать и личные объяснения. Всенепременно! Самое нелепое недоразумение. А дело обстояло так…

Тут дядя Крис приостановился на две-три секунды. Едва выговорив «А дело обстояло так…», он дернул себя за усы, словно бы пытаясь почерпнуть в них вдохновение. Голубые глаза его светились, как обычно, честностью, но себе он вынужден был признаться: если ему удастся убедить своего слушателя, что действовал он в его же интересах, то он, то есть майор, — гений.

К счастью, коммерческая сторона Пилкингтона сегодня утром отключилась. Десять тысяч представлялись ему мелочью в сравнении с более тяжкими проблемами, занимавшими его мысли.

— Вы видели мисс Маринер? — жадно спросил он.

— Да. Только что с ней расстался. Она очень расстроена, бедняжка.

Пилкингтон глухо застонал.

— Она на меня сердится?

От полнейшей непонятности вопроса дядя Крис онемел. С какой стати ей сердиться на облапошенного Пилкингтона? Однако, по-видимому, именно это было сейчас важно, и дядя Крис, великий стратег, срочно перегруппировал войска, чтобы справиться с новым поворотом событий.

— Сердится?.. — медленно повторил он. — Ну, безусловно…

В чем суть, он ведать не ведал, но знал, что, если ограничиться отрывочными, ничего не значащими фразами, вскоре прояснится все.

— Боюсь, в пылу минуты, — признался Отис, — я наговорил мисс Маринер… э… лишнего. О чем очень сожалею.

Дядя Крис тут же обрел под ногами твердую почву.

— Ай-яй-яй! — горестно пропел он.

— Сгоряча, понимаете, не подумав…

— Мальчик мой, надо думать, прежде чем говорить.

— Я считал, что меня обжулили…

— Мой дорогой мальчик! — Голубые глаза дяди Криса наивно раскрылись. — Я же сказал, что могу объяснить все. Случилось чистейшее недоразумение…

— О, теперь мне безразлично!..

— Да-да! — сердечно одобрил дядя Крис— Не к чему ворошить

прошлое. Начнем с чистого листа. Ты получил свои деньги обратно, и незачем опять о них думать. Забудем, — заключил он, проявляя широту натуры. — Можешь рассчитывать на меня. Я пущу в ход все свое влияние, чтобы рассеять злосчастный разлад, случившийся между вами.

— Вы считаете, есть шанс, что Джилл может забыть мои слова?

— Как я сказал, я использую все мое влияние, чтобы заштопать прореху. Ты нравишься мне, мальчик мой, и я уверен — ты нравишься и ей. Она проявит снисхождение к твоим словам, вырвавшимся в пылу момента.

Пилкингтон просветлел, и миссис Пигрим, вернувшись с порцией микстуры, порадовалась, увидев, что вид у племянника стал гораздо лучше.

— Вы, майор Сэлби, настоящий волшебник, — лукаво заметила она. — Что вы такое сказали бедному мальчику? Он так повеселел. У него с утра жуткая головная боль.

— Головная боль? — Дядя Крис встрепенулся, словно боевой конь при звуках горна. — Не помню, упоминал ли я прежде, нол и *сам* страдал от жесточайших головных болей. Ну просто невыносимых. Я перепробовал все, пока однажды один мой знакомый не порекомендовал мне лекарство — не знаю, слышали ли вы когда-нибудь…

Миссис Пигрим в роли ангела-хранителя была поглощена добрым делом. Она подносила мензурку к губам племянника, а потому семя упало на каменистую почву.

— «Нервино»! — выпалил дядя Крис.

— Ну вот! — похвалила миссис Пигрим. — Теперь тебе сразу полегчает. А *вот вы*, майор Сэлби, всегда отлично выглядите!

— Но раньше, — упорно гнул свое дядя Крис, — я был жертвой…

— Не помню, сказала ли я вам вчера о вечеринке. Сегодня вечером мы устраиваем после спектакля ужин для труппы, играющей пьесу Оти. Вы, конечно, придете?

Провал свой дядя Крис принял философски. Возникнут и другие возможности.

— С восторгом! — откликнулся он. — С восторгом!

— Так, скромная богемная вечеринка, — продолжала миссис Пигрим. — Я решила, будет только справедливо устроить бедняжкам развлечение. Они так тяжко работали.

— Конечно, конечно! Замечательная идея!

— Совсем скромная вечеринка. Если я начну приглашать кого-то, кроме своих самых близких друзей, мне придется позвать массу народа!

Дверь открылась.

— Мистер Рук! — объявила горничная.

Фредди, как и Пилкингтон, ходил мрачнее тучи. Он прочитал несколько рецензий, где щедро рассыпали похвалы Маквастлу из рода Маквастлов. Нью-йоркская пресса привела Фредди в отчаяние. Вдобавок разбудили его в семь часов утра, а заснул он только в три часа ночи. В 7.00 в дверь позвонили и сообщили, что его желает видеть какой-то джентльмен, и теперь он находился во власти тяжелой апатии, чьей жертвой всегда становятся люди, чей ночной отдых нарушили.

— Как поживаете, мистер Рук? — спросила миссис Пигрим.

— Здрасьте. — Фредди поморгай на яркий свет, падавший из окна.

— Надеюсь, я не вторгся, то-се?.. Я насчет сегодняшней вечеринки, знаете ли.

— Да?

— Хотел спросить, вы не станете возражать, если я приведу с собой моего друга? Свалился на меня сегодня утром из Англии. В семь часов! — жалобно добавил Фредди. — Кошмарная рань, правда? Так я буду вам очень признателен, если разрешите его привести.

— Ну конечно! — ответила миссис Пигрим. — Любой ваш приятель, мистер Рук…

— Огромное спасибо! Есть особая причина, если вы меня понимаете. Фамилия его — Андерхилл. Сэр Дэрек Андерхилл. Давний мой друг.

— Андерхилл? — вздрогнул дядя Крис— Дэрек Андерхилл в Америке?

— Прикатил сегодня спозаранку. Вытащил меня из постели в семь утра!

— А, так и вы его знаете, майор Сэлби? — осведомилась миссис Пигрим. — Тогда я уверена, что он очарователен!

— Не то слово, — сказал дядя Крис— Лично я…

— В общем, огромное спасибо, — перебил Фредди. — Ужасно любезно с вашей стороны. А теперь потопаю. Дел много.

— О, вам уже пора?

— Абсолютно.

Дядя Крис протянул руку хозяйке.

— Наверное, миссис Пигрим, и я покину вас. Фредди, я пройдусь с тобой, мой мальчик. Мне хотелось бы обсудить кое-что. До вечера, миссис Пигрим!

— До вечера, майор Сэлби.

Как только дверь за гостями закрылась, она повернулась к Отису: — Какие манеры! Старомодная учтивость. Так гладко говорит!

— Да, поет он сладко! — угрюмо буркнул Отис.

2

Не успели они очутиться за дверью, как дядя Крис накинулся на Фредди:

— Что это значит? Господи милостивый! У тебя, что, совсем нет такта?

— А что такое? — растерянно промычал Фредди.

— Зачем ты тащишь Андерхилла на этот вечер? Ведь там будет и бедняжка Джилл. Ты что, не понимаешь, каково ей придется, когда она увидит этого мерзавца? Этого хама, который ее бросил? Разбил, можно сказать, ей сердце!

Челюсть у Фредди отпала. Он нашарил выпавший монокль.

— О, Господи! Так вы считаете, ей будет неприятно?

— Такой тонкой девушке, как Джилл?

— Нет, послушайте… Дэрек опять хочет жениться на ней.

— Что?!

— Ну да! За тем он и в Америку примчался. Дядя Крис встряхнул головой.

— Что-то не пойму. Я же сам видел письмо.

— Да. Но теперь он очень жалеет. О том, что поступил так низко, то-се. В общем, потому и я в Америке. Как посол. Я объяснил ей все сразу, но она как-то не прониклась. Так что я телеграфировал Дэреку, пусть катит сюда лично. Я думаю, она, скорее всего, помирится с ним, когда увидит его самого.

— Правильно, — кивнул дядя Крис, обретая обычное хладнокровие. — Безусловно, мальчик мой, действовал ты весьма разумно. Дэрек поступил очень низко, но Джилл, несомненно, его любила. Самое лучшее, конечно, если они соединятся снова. Мое самое заветное желание — видеть, что Джилл благополучно устроена. Я даже надеялся, что она выйдет замуж за молодого Пилкингтона.

— Ой, Господи!

— А что, очень приятный молодой человек, — заспорил дядя Крис— Не слишком умен, но Джилл восполнила бы этот недостаток. Конечно, Андерхилл все-таки лучше.

— Замуж ей выйти за кого-то надо, — серьезно заметил Фредди. — Нехорошо, когда такой девушке приходится выносить грубую жизнь.

— Золотые слова!

— Но, — задумчиво продолжал Фредди, — закавыка в том, что Джилл ужасно независимая. Очень может быть, что она возьмет, да и отвергнет Дэрека.

— Что ж, будем надеяться, что она благосклонно посмотрит на Пилкингтона.

— М-да… э-э… Я не сказал бы, что Пилкингтон такой уж подарок. Хотя, может, все оттого, что сегодня у меня хандра. Подняли, понимаете, в семь часов! А вообще-то, я думаю, она их обоих прогонит. Может, я и ошибаюсь. А? Что?

— Будем надеяться, мальчик мой, что ошибаешься, — мрачно заметил дядя Крис— Иначе придется мне сделать одну вещь, от которой, признаюсь, меня в дрожь бросает.

— Что-что?

— Фредди, мой мальчик, ты старый друг Джилл, а я — ее дядя. Значит, я могу говорить с тобой откровенно. Джилл для меня дороже всего в мире. Она доверяла мне, а я ее подвел. Я виноват в том, что она потеряла деньги, и теперь я должен, просто обязан вернуть ей положение, которого я ее лишил. Если она выйдет замуж за богатого, все уладится. Конечно, по любви, по любви, о чем говорить! Самый лучший поворот событий. А если не выйдет, есть и другой способ… Тогда придется мне жениться на богатой женщине.

— Господи! — крикнул Фредди. — Неужели… Неужели вы решили жениться на миссис Пигрим?!

— Сам я имен называть не стал бы, но раз уж ты догадался… Да, если дойдет до худшего, придется мне принести последнюю жертву. Сегодняшний вечер решит все! Итак, до свидания, мой мальчик. Хочу заскочить к себе в клуб. Передай Андерхиллу, желаю ему успеха!

— Да уж, пари держу, очень желаете! — проговорил ошарашенный Фредди.

Глава XX ДЭРЕК УПУСКАЕТ ПРИЗ, НО ВЫИГРЫВАЕТ ДРУГОЙ

Для историка, который ценит точные факты, безопаснее всего выждать, пока совершится событие, а уж потом писать о нем. Иначе, пожалуй, он может и промахнуться. С миссис Пигрим, расписавшей заранее небывалый успех своего приема, так и получилось. Быть может, она и впрямь была блистательной и искрометной и, если стандарты не слишком завышены, выглядела очаровательно. Но когда она хвастала, что все присутствующие единодушно восхищались ее вечером, тут уж она явно вводила публику в заблуждение. Дядя Крис — первый, Отис Пилкингтон — второй и Фредди Рук — третий, вечер провели отнюдь не восхитительный. С превеликим трудом они маскировали свои подлинные чувства, удерживая на лице улыбку.

Отис, например, и этого не смог, а потому уехал совсем рано, на двадцатой минуте, когда, схватив пальто и шляпу, стремглав вылетел в ночь. Ничего не видя, промчался он по Бродвею и дважды обежал вокруг Центрального парка, но тут ноги ему отказали, и он позволил себе доехать до дома на такси. Джилл держалась с ним очень ласково и мило, была полна сочувствия, но вопрос, становиться ли ей миссис Пилкингтон, был явно решен.

Можно искренне посочувствовать Отису в час его страданий. Ведь это приключалось с ним уже не то пятый, не то шестой раз, и он даже утомился. Умей он заглянуть в будущее, то увидел бы, как блаженно шествует по церковному проходу под руку с сестрой Роланда Трэвиса, Анджелой, и мрачность его рассеялась бы. А может, усугубилась бы, сейчас Анджеле было пятнадцать, она была легкомысленной, веснушчатой и вдобавок совершенно не нравилась Отису, который резонно подозревал, что она над ним смеется. Словом, сама мысль о том, чтобы связать с ней свою судьбу, устрашила бы его. Однако пять лет спустя он пылко эту мысль приветствовал.

Но заглянуть в будущее Пилкингтон не мог, а потому все его раздумья в эту ночь печали стекались к Джилл. Он грустно мечтал о ней до половины третьего, а потом заснул прямо в кресле, и она ему приснилась. В 7.00 японский слуга, которого отпускали на ночь, вернувшись домой, подал ему завтрак, после чего Пилкингтон отправился в кровать, разложил три раза пасьянс и проспал до обеда, а проснувшись, вновь взвалил на себя

тяготы жизни, скорбя о трагедии, подкосившей его. Только две недели спустя, когда его познакомили на танцах с рыжеволосой девицей из Детройта, он наконец опомнился от пережитого.

Новость сообщил дядя Крис. С трепетом человека на плахе, ожидающего отсрочки смертного приговора, он глядел, как Джилл с Пилкингтоном удалились за кресла партера в глубину зала, и вскоре увидел, как Отис несется обратно. Смысл красноречивых движений, даже самых легчайших, убедил дядю Криса, что, оценивая его шансы, Фредди не промахнулся.

Последнего из Руков дядя нашел в одной из верхних лож, где тот болтал с Нелли Брайант. На сцене вовсю шли танцы, но Фредди, который обычно танцевал охотно и искусно, сегодня воздержался. Место былых триумфов и товарищи счастливых дней, от которых его оторвало увольнение, подкосили страдальца. Глядя на счастливую толчею, он испытывал чувства пери,[58] которая, если верить поэту, «стояла горестно у райских врат».

Извинившись перед Нелли, он последовал за дядей Крисом по коридору и меланхолично выслушал новости. Ну и что такого? Он никогда не принимал кандидатуру Пилкингтона всерьез и не предполагал, что Джилл за него выйдет. Сочувствуя Отису в какой-то степени, он и в мыслях не имел, что тот победит.

— А где Андерхилл? — нервозно поинтересовался дядя Крис.

— Дэрек? Его еще нет.

— Как же так? Ты ведь хотел привезти его с собой.

— Ну да, хотел, но, оказывается, он пообещал каким-то типам на пароходе, что пойдет с ними в театр, а потом — в ресторан. Я узнал про это, когда вернулся домой.

— Господи милостивый! Разве ты не сказал ему, что здесь будет Джилл?

— Сказал, конечно. Он приедет, как только сумеет вырваться. С минуты на минуту должен прийти.

Дядя Крис мрачно подергал усы. Апатия Фредди угнетала его. Он рассчитывал на более живое участие, большее понимание.

— Ладно, пока-пока. — И Фредди направился обратно к ложе. — Занят, спешу. До скорого.

И он исчез, а дядя Крис медленно стал спускаться по ступенькам. Не успел он дойти до последней, как открылась дверь ложи, и появилась миссис Пигрим.

— О, майор Сэлби! — воскликнула искрометная хозяйка. — А я не могла понять, куда это вы подевались. Ищу вас, ищу…

Дядя Крис слегка вздрогнул, но, скрепившись, приступил к выполнению долга.

— Могу ли я… — начал он, но остановился, увидев человека, выходящего из ложи позади хозяйки.

Схватив его за руку, он пылко потряс ее.

— Мой дорогой мальчик! А я и знать не знал, что вы приехали!

— Сэр Дэрек появился всего минуту назад, — заметила миссис Пигрим.

— Как поживаете, майор Сэлби? — Дэрек чуточку удивился. На такую сердечность он не рассчитывал.

— Дорогой мой мальчик! Как же я рад вас видеть! — ликовал дядя Крис— Так вот, миссис Пигрим, могу ли я пригласить вас на этот танец?

— Этот танец я пропущу, — удивленно ответила миссис Пигрим. — Я уверена, вам есть о чем поговорить. Может, поведете сэра Дэрека наверх и угостите чашечкой кофе?

— Грандиозно! — откликнулся дядя Крис, — Сюда, дорогой мой друг. Как справедливо заметила миссис Пигрим, нам есть о чем поговорить. Сюда, по коридору. Осторожнее. Тут ступенька. Так, так, так! Рад, чрезвычайно рад видеть вас снова! — И дядя Крис снова помассировал руку Дэрека. Всякий раз, как он замечал сегодня хозяйку, он содрогался от того, что ему предстоит, если у Дэрека с Джилл ничего не сладится; и теперь, когда Дэрек прибыл, оказавшись еще красивее, чем прежде, ему и думать не хотелось ни о каких опасностях. Воспарив духом, он тараторил: — Джилл, вы, конечно, еще не видели?

— Нет. — Дэрек заколебался. — Она… Я имею в виду… Дядя Крис снова занялся рукой собеседника. Теперь он мял рукав его смокинга.

— Дорогой мой мальчик! О чем разговор?! Словечко-другое, и все уладится! Все мы совершаем ошибки. Я и сам, бывало… Просто убежден, все будет в полном порядке!.. А вот и она! Джилл, милая, а тут старый друг приехал!

2

Когда Пилкингтон поспешно ушел, Джилл сидела в зале, вполуха слушая музыку и глядя на танцующие пары, Неизвестно почему, ею овладела мирная удовлетворенность. Она была счастлива тихим,

спокойным счастьем, хотя ей следовало бы нервничать и терзаться. Раньше, предвидя разговор с Отисом, она сжималась от дурных опасений. Ей было очень трудно причинять людям боль и, хотя она понимала, что очень скоро время эту боль залечит, понимала она и то, что долговязый молодой человек, если сумеет изловить ее наедине, неизбежно получит рану. Догадки ее сбылись. Пилкингтон высказал все, что хотел, и удалился, ужасно жалкий. Ее сердцу полагалось бы обливаться кровью, но оно не обливалось. Лишь на один мимолетный миг, когда она произносила слова отказа, что-то кольнуло ее. Но теперь она стала забывать о неприятном происшествии.

Если от прошлого ей следовало бы впасть в уныние, то от будущего надо было погрузиться в полную депрессию. Ничего хорошего оно не сулило — ни теперь, ни в отдаленной перспективе. И, однако, когда она откинулась в кресле, сердце ее танцевало в такт веселой музыке нанятого миссис Пигрим оркестра, что и у нее самой вызывало удивление.

А потом, как-то вдруг, но не резко, без неожиданностей и открытий, словно она давно все знала, ей открылась причина. Уолли! На свете есть Уолли, и это очень хорошо. Надежный, утешительный, подбадривающий в мире сомнений и путаницы. Ей даже и не надо быть с ним рядом, чтобы обрести уверенность и покой, достаточно о нем думать. Он согревал ее, утешал, словно солнце, или музыка, или морской ветерок. А может, как мирный свет ночника, который оставляли гореть в детской, когда она была маленькой, чтобы она, не боясь гоблинов, добежала до страны сновидений.

А что, если б Уолли не было?

Джилл охнула, поежилась и выпрямилась. Она почувствовала то, что чувствовала ребенком, когда на грани сна и яви ей мерещилось, будто она шагнула с обрыва. Но ведь есть разница, она не спит, она ясно чует опасность. Какой-то внутренний голос остерегал ее — будь осторожна. Что, если бы Уолли не было?.. А почему он всегда должен быть в твоей жизни? Сам он уверенно заявил, что других девушек нет. Но ведь они *есть!* Их тысячи, миллионы… Разве можно быть уверенной, что одна из них не покусится на такое сокровище, как Уолли? Разыгравшись, живое воображение превратило туманную вероятность в свершившийся факт, и Джилл ощутила, что все потеряно. Как обычно, явилась и мысль о Дэреке. И тут Джилл совершила еще одно открытие: она о нем думает, а ей не больно! Думает о нем спокойно, ясно, и у нее не ноет сердце.

Джилл откинулась на спинку кресла и крепко зажмурилась, как всегда, когда оказывалась в тупике. С ней что-то приключилось, но как, когда и почему, понять она не могла. Она знала одно: сейчас, впервые, ей дано

проникать в суть вещей, видеть их в истинном свете.

Ей нужен Уолли. Она не может без него жить. У нее нет тех бурных чувств, как тогда, с Дэреком. Они с Уолли будут весело идти по жизни и строить свои отношения на прочном фундаменте счастья, смеха и доверия. Если Дэрека она любила, значит, Уолли она не любит. Но, скорее всего, она его не любила. Да, был блеск и треск фейерверка, но не огонь в камине, не ночничок в детской. Словом, ей нужен Уолли, как воздух, как солнечный свет.

Открыв глаза, она увидела дядюшку Криса, спешащего по проходу к ней. С ним шел какой-то мужчинами, и когда они подошли ближе, то в сумеречном свете Джилл узнала Дэрека.

— Джилл, милая, — сказал дядя Крис— Смотри, кто к тебе приехал!

И достигнув цели, устроив их встречу, дядюшка Крис деликатно удалился туда, откуда пришел. Приятно сообщить, что его немедля изловила миссис Пигрим. Решив не пропускать танец, она увлекла своего партнера, наступив ему по ходу фокстрота три раза на ногу.

— А, Дэрек! — весело воскликнула Джилл. Появление его ничуть ее не взволновало. Она просто удивилась, что он тут. — Откуда ты взялся?

Дэрек присел рядом с ней. От сердечности ее тона ему стало легче, но не только; на мужчин вообще трудно угодить. Чего-то в ее поведении недоставало, штришка какого-то…

— Джилл… — хрипловато выговорил он. Хрипловатость представлялась ему наиболее уместной. Его организованный разум полагал, что данную ситуацию надо урегулировать просто и незамысловато: сильный мужчина смирился, не чересчур, конечно, а так, в меру. Для этого требовались хрипловатость, сцепленные руки и прерывистый шепот. Хрипловатость сразу задала правильный тон. А может, у него что-то не получилось от того, что Джилл его опередила, заговорив так легко и весело? Какое тут может быть веселье! Он часто представлял себе на пароходе их первую встречу, но ни разу не думал, что Джилл будет безмятежно улыбаться. Минуту назад ему было и легче, и труднее. Сейчас осталось только замешательство. Он призадумался: что она делает не так? И пришел к заключению: слишком уж приветлива. Приветливость по-своему хороша, но в такой беседе совершенно неуместна.

— Ну как доплыл? — поинтересовалась она. — Ты по делу приехал?

Дэрек был окончательно сбит с толку. Все разворачивалось неправильно. Конечно, может быть, она маскирует чувства, но очень уж хорошо это у нее получается. Как доплыл! Сейчас она, пожалуй,

поинтересуется, не удалось ли ему выиграть на пароходе в тотализатор. Чувствуя, что он поднимает неподъемную тяжесть, Дэрек попытался перевести разговор на более высокий уровень.

— Я приехал *к тебе!* — проговорил он хрипловато, но не очень. В хрипотцу вкралась и нотка раздражения.

— Да-а?

Дэрек уже закипал. Что Джилл полагалось говорить, он в точности не знал, но уж никак не «Да-а?». Это же, в сущности, значит: «Ну, в самом деле?»

Повисла пауза. Джилл смотрела на него ясным взором, от которого досада его почему-то усугублялась. Смотри она холодно, он мог бы это понять и даже оценить. Он ждал холодности и приготовился отразить ее.

Дэрек еще не определил до конца, играть ли ему роль кающегося или роль короля Кофетуа. И в том, и в другом случае он подготовился к некоторому холоду, растопить который легко и просто. Но он и думать не думал, что смотреть на него будут как на экспонат в музее. А именно так и смотрела Джилл — она разглядывала его, изучала, и он, естественно, нервничал.

Не ведая об этом, она продолжала его разглядывать, стараясь понять, в чем же он переменился, почему перестал быть для нее богом. Он все так же красив, даже стал еще красивее — ему чрезвычайно идет загар, подаренный солнцем и ветром Атлантики. И все-таки, он определенно переменился, ведь она может смотреть на него и без всякого трепета оценивать его внешность. Так смотрят на копию великого полотна. Все точно, как в оригинале, недостает лишь самого существенного — магии подлинника. На память ей пришла сцена в Балтиморе: Луис Денхэм, счастливая обладательница брошки от Иззи, решила, подталкиваемая девичьим любопытством, понести ее к ювелиру, и тот омрачил ее юную жизнь, сообщив, что это не бриллианты, а стразы. Джилл припомнила, как бедняжка, уже позвонившая Иззи по междугородной и сказавшая много неприятного (хотя, быть может, и не нового), послала брошку по кругу, чтобы все ее осмотрели. Девушки сочли, что от настоящих бриллиантов ее никак не отличить. Ювелир, однако, шестым чувством за десять секунд распознал подделку. Только что открытая любовь к Уолли подарила ей шестое чувство, и с его помощью она впервые увидела Дэрека таким, каким он был.

Способностью читать мысли Дэрек не обладал. Джилл он видел только снаружи, и она, как и всегда, его привлекала. Не в первый, не во второй и даже не в третий раз он изумился силе ее обаяния, так сильно

действующей на него, когда она рядом, но не тогда, когда они в разлуке. И он предпринял еще одну попытку придать сцене другой тон.

— Каким же дураком я был! — тяжело вздохнул он. — Джилл! Ты сумеешь хоть когда-нибудь простить меня?

Он попытался взять ее за руку. Джилл ловко увернулась.

— Дэрек, да я тебя простила! Было бы чего прощать!

— То есть как? — Дэрек набирал обороты. Такой разговор был все же нормальней. — Я поступил как подлец. Как хам!

— Ну, что ты!

— Да! Да! Но потом я немыслимо мучался. Поистине, как в аду!

Джилл отвернулась, чтобы спрятать улыбку. Ей не хотелось обижать Дэрека, но удержаться она не сумела. Она не сомневалась, что он непременно произнесет эти слова.

Дэрек неправильно истолковал ее жест, приписав его сильным чувствам.

— Скажи мне, что все осталось по-прежнему! Она снова повернулась к нему:

— Боюсь, Дэрек, что этого я сказать не могу.

— Конечно-конечно, — согласился он, нежась в уютном тепле мужского раскаяния. Он нравился себе в образе пристыженного, но сильного мужчины. — Я понимаю, нельзя требовать слишком многого. Когда мы поженимся…

— А ты хочешь на мне жениться?

— Джилл!

— Мне просто интересно.

— Ты еще можешь сомневаться?!

— А ты подумал о том, что будет?

— В каком смысле?

— Ну, твоя мать, например…

— О! — Дэрек величественным жестом сбросил со счетов леди Андерхилл.

— Нет-нет! — настаивала Джилл. — Уж если она не одобряла нашего брака прежде, сейчас он ей тем более не понравится. Теперь, когда я нищая хористка…

Дэрек издал какой-то сдавленный звук.

— Хористка?

— А ты не знал? Я думала, Фредди просветил тебя.

— Хористка… — Дэрек запнулся. — Я думал, ты в гостях у миссис Пигрим…

— Ну да. Как и вся остальная труппа.

— Но… но…

— Сам видишь, это вызовет немалые трудности. — Лицо у нее было серьезно, но губы подергивались. — Ты — человек довольно известный, и если женишься на хористке…

— Никто не узнает… — слабо возразил Дэрек.

— Да что ты! И не думай. — Она рассмеялась. — Ты еще не видел нашего пресс-агента. Девушка из театральной труппы вышла замуж за баронета и члена парламента! Этого он не упустит. На другой же день новость украсит первые страницы всех газет, с массой фотографий. Воскресные газеты поместят статьи, с иллюстрациями. А потом все это передадут по телеграфу в Англию, и напечатают там. Ты же очень важная персона.

Дэрек сидел, вцепившись в ручки кресла. Лицо у него мертвенно побледнело. Хотя за ним не наблюдалось склонности недооценивать свою значимость на политическом небосклоне, минусов, связанных с такой известностью, он как-то не учитывал. Он приготовился храбро противостоять гневу леди Андерхилл, но тут совсем другое…

С интересом и некоторой жалостью Джилл наблюдала за ним, легко читая его мысли. Ее разбирало любопытство, что же он скажет, как выпутается из положения. Никаких иллюзий на его счет у нее не осталось. Она не надеялась, что происходившую в его душе битву выиграют благородство и отвага.

— Нехорошо получится, да? — подлила она масла в огонь. И тут ее охватила жалость. Дэрек дурно обошелся с ней; какое-то время ей даже казалось, будто он разбил ей сердце. Но теперь он страдает, а она не могла смотреть на страдания ближних.

— Кроме того, — добавила Джилл, — я помолвлена с другим.

Как задыхающийся человек, к чьим губам поднесли кислородную подушку, Дэрек медленно оживал, пока смысл ее слов постепенно проникал в его сознание. Потом окончательно очнулся.

— Что?!

— Я выхожу замуж за другого. Его зовут Уолли Мэйсон. Дэрек дернулся. Меловая бледность сошла с его лица, и он густо покраснел. Глаза его засверкали под густыми бровями. С минуту он сидел молча.

— Могла бы сказать и раньше, — обиженно буркнул он.

— Да-да, надо бы! — посокрушалась Джилл.

— Довести меня…

— Неважно, Дэрек! — Джилл потрепала его по руке. — Теперь все

кончено. Это очень забавно, а?

— Забавно!

— Пойдем, потанцуем? Слышишь, как раз начинается новый танец!

— Я *не желаю* танцевать!

— А я, — Джилл поднялась, — желаю! Я так счастлива, что просто не могу сидеть спокойно. Прощай, на всякий случай, если больше не встретимся. Приятно было повидаться после долгой разлуки. А ты не изменился. Ну, совсем!

Дэрек смотрел, как легко она пробежала по проходу, вспрыгнула на маленькую лестницу, ведущую на сцену, и затерялась в круговороте танца. Он потянулся за сигаретой, открыл портсигар и обнаружил, что тот пустой. И Дэрек рассмеялся жестким байроническим смехом — пустота показалась ему символичной.

3

Не найдя сигареты, Дэрек отправился на розыски единственно знакомого ему тут человека, одолжить у него сигарету, и через несколько минут розыска наткнулся на Фредди в темном углу, вдали от суетной толпы. Фредди был совсем другим, чем тот, который вернулся в ложу после беседы с дядей Крисом. Привалившись к декорации, он запрокинул голову, и его изумленное лицо сияло счастьем. Он был так погружен в свои мысли, что даже не заметил подошедшего Дэрека, пока тот не заговорил:

— Фредди, сигаретка найдется?

— Привет, старичок! — Фредди оторвал взгляд от потолка. — Сигаретка? Конечно есть. Сигаретка… Где же они у меня? А, вот!

Он протянул свой портсигар Дэреку. Тот мрачно вытянул сигарету, находя ликование друга поистине несносным.

— Послушай, Дэрек, случилось что-то невероятное! Ты в жизни не догадаешься! Короче говоря, я женюсь! Женюсь, старичок! Ну, ты меня понимаешь — я, то есть, женюсь!

— Уф-ф! — угрюмо буркнул Дэрек, хмурясь над сигаретой.

Фредди посматривал на него с удивлением. Друг не захлебывался от восторга, а ему хотелось бы, чтобы тот выказал побольше энтузиазма.

— Сам не могу поверить. Спохватившись. Дэрек вспомнил о манерах.

— Поздравляю, — пробурчал он. — Я с ней знаком?

— Пока нет, но скоро познакомишься. Она из этой труппы, в хоре поет. Нелли Брайант. Потрясающая девушка. Скажу больше — высший

класс. Тебе она понравится, старик.

Дэрек смотрел на него в изумлении.

— Господи Боже!

— Странно, как все оборачивается, — продолжал Фредди. — Оглядываясь назад, я, конечно, вижу, что она всегда мне очень нравилась, но чтобы жениться… Это мне и в голову не приходило, если ты меня понимаешь. Мы с ней были хорошими друзьями, но мне и не мерещилось, что она прельстится таким субъектом, как я. Мы просто общались, болтали, то-се… Развлекались, и тому подобное. А потом, сегодня вечером, на меня такая тоска напала, тоже ведь нахлебался гадостей за последнее время. А Нелли вела себя так мило, так терпеливо. Утешала меня и… и… ну, сам понимаешь. У меня будто пелена с глаз упала, ясно? Я точно заглянул себе прямо в душу и сказал: «Фредди, старичок, что творится? А не упускаешь ли ты свое счастье?» И, честное слово, услышал: «Упускаешь». Она такая добрая! Я тоскую, горюю, то-се, жизнь ведь такая западня, такая иллюзия, а она меня утешает, и вдруг, смотрю, мы целуемся! А глаза у нее — это надо видеть, и рядом никого нет. Короче, старик, я и сказал: «Давай поженимся!», а она отвечает «Когда?» Вот так все и получилось, если ты меня понимаешь. Теперь надо галопом скакать за лицензией. Оказывается, это нужно, если хочешь обтяпать дельце быстро и успешно. А уж потом — ого-го! — и за священником! Как посмотришь, хорошо все склеилось, ей-богу! Счастливый я человек. Самый счастливый в мире, то-се…

В этом месте своего несколько бессвязного повествования Фредди приостановился, подумав, что, пожалуй, он не дает другу и слова вставить.

— Ты прости меня, что я так разболтался, ладно? — сказал он. — Я ведь никогда не встречал девушки, которая взглянула бы на меня второй раз. Но я только что подумал, что, пожалуй, слишком распространяюсь о своих делах. Теперь твоя очередь. Присаживайся, как говорят в романах, и расскажи мне про себя. Ты, конечно, уже повидался с Джилл?

— Да.

— Теперь все в порядке, а? Ну и прекрасно! Устроим двойную свадьбу, а, что? Хорошая мысль! Может, Божий служитель и скостит малость, сделает работу за полцены!

Отшвырнув окурок, Дэрек растоптал его. Наблюдатель проницательнее Фредди уже давно бы разглядел, что он совсем не похож на счастливого и удачливого поклонника.

— Мы с Джилл не женимся.

Тупое недоумение овладело Фредди. Он даже не поверил, что

правильно расслышал. Действительно, тогда, во мраке, он предрекал дяде Крису, что по своей независимости Джилл, пожалуй, откажет Дэреку, но всерьез в это не верил. А теперь, на волне счастья, это представлялось просто немыслимым.

— Ах ты, черт! — вскричал он. — Она что, тебе отказала? Сомнительно, чтобы гордость Андерхиллов позволила

Дэреку ответить «Да», если бы Фредди даже спросил по-другому. Жестокая же прямота сделала ответ невозможным. Ничем Дэрек не дорожил больше, чем собственным достоинством. Признаваться открыто, что хоть кто-то в мире отказал Дэреку Андерхиллу, было выше его сил.

— Нет! — огрызнулся он. — Просто мы оба поняли, что наш брак невозможен. Почему ты не сказал, что Джилл поет в хоре?

Рот у Фредди медленно приоткрылся. Душа у него была преданная, и уже много лет — считай, всю жизнь — он смотрел на Дэрека снизу вверх, и потому не хотел поверить, что слова эти что-то значат. Если так, то… честное слово, это же подлость! Элджи Мартин все-таки прав. Дэрек просто…

— Ты не хочешь сказать, старик, — почти умоляюще проговорил Фредди, — что раздумал жениться на Джилл из-за того, что она хористка?

Отведя глаза, Дэрек насупился. Фредди-инквизитор нравился ему не больше, чем Фредди-жених. Его гордость оскорбляло, что он вынужден давать объяснения человеку, которого всегда лишь надменно терпел, считая достаточно милым, но все же полным ничтожеством.

— Мне приходится проявлять благоразумие, — проронил он, раздражаясь еще больше оттого, что неблагородство проявляется все очевиднее. — Ты же сам понимаешь, что это значит — фотографии во всех газетах… новость сообщат в Англию… все прочитают, неправильно поймут… Нужно и о чести подумать… Нельзя же, в конце концов…

Голос его утих, на минуту наступило молчание. Потом добродушное лицо Фредди скривилось от несвойственного ему презрения. Второй раз за вечер пелена спала с его глаз. Как и Джилл, он увидел Дэрека таким, каким тот был на самом деле.

— Ах, вот оно что! — сказал он. — Да-а! А я-то тебе поклонялся, как не знаю кому! Смотрел на тебя снизу вверх, хотел стать похожим на тебя. Господи милостивый! Если ты такой, я рад, что мы непохожи. Теперь проснусь среди ночи, подумаю, до чего ж я непохож на тебя, и похлопаю себя по спине. Ронни, оказывается, был совершенно прав. Добрый старый Ронни не раз объяснял мне, какой ты есть, а я, кретин, пытался его разубедить. Нет, вылитая мамаша! Нечего стоять столбом, сейчас мы с

тобой расстанемся. А если когда встретимся, не утруждайся заговаривать со мной, я не отвечу. Надо и о чести подумать.

Едва Фредди закончил свою речь, как появился дядя Крис, разгоряченный и взъерошенный после танцев с миссис Пигрим. Он суетливо подскочил к ним, избавляя Дэрека от необходимости отвечать бывшему другу.

— Андерхилл, дорогой мой друг! — приветливо начал дядя Крис, вцепляясь в его рукав. — Ну, как?..

И оборвал фразу, потому что Дэрек, рывком высвободив руку, быстро зашагал прочь. Ему не хотелось проигрывать сцену сызнова еще и с дядей Крисом. Он желал остаться один и отстроить — болезненно, трудолюбиво — руины своего достоинства. Для гордости Андерхиллов выпал неудачный вечерок.

— Что такое? — недоуменно повернулся дядя Крис к Фредди.

— Я скажу вам, что! — закричал Фредди. — Этот болван не хочет жениться на бедняжке Джилл! Он передумал, видите ли! Все кончено!

— Кончено?

— Да.

— Да?

— Да, да и да! — заверил Фредди. — Он боится за свою проклятущую карьеру, если женится на хористке.

— Дорогой мой мальчик, — начал дядя Крис, — дорогой мой мальчик… Это же нелепо… Конечно, если б я поговорил с ним…

— Пожалуйста, если желаете. *Лично я* не стану разговаривать с этим типом, хоть приплатите мне! Но толку не будет, зачем же стараться?

Дядя Крис медленно проникался масштабом катастрофы.

— Значит, ты имеешь в виду?..

— Все кончено!

С минуту дядя Крис стоял неподвижно. Потом судорожным рывком распрямил спину, мертвенно побледнел, но бойко и живо дернул себя за усы.

— Morituri te salutant![59] — произнес он. — Прощай, Фредди, мой мальчик!

— Куда это вы?

— В атаку!

— То есть?

— Я иду, — твердо проговорил дядя Крис, — на розыски миссис Пигрим!

— Господи!

Фредди побежал за дядей Крисом, слабо протестуя, но тот будто и не слышал. Он следил, как дядя Крис исчезает в ложе, а повернувшись, обнаружил рядом Джилл.

— Куда это он пошел? — спросила она. — Я хочу поговорить с ним.

— Он в ложе, с миссис Пигрим.

— Вот как?

— Делает ей предложение, — мрачно добавил Фредди.

Джилл удивилась.

— Предложение? Почему?

Отведя ее в сторонку, Фредди стал объяснять.

4

В полумраке ложи дядя Крис, со стеклянным взором и смятенной душой, гадая, как бы половчее приступить к делу. В дни пылкой юности он был настоящим мастером говорить всякие слова и урывать между танцами поцелуи. Ему припомнилось, как в Бангалоре… но это к данному случаю не относится. Сейчас суть в том, как начать разговор. А то, что четверть века назад он обнимал под сенью гималайских кедров девушку, чье имя уже позабылось, хотя он помнил, что платье на ней было такое розовенькое, несущественно и к делу не относится. Может, обнять и миссис Пигрим? Нет, решил дядя Крис, пока что — нет. И удовольствовался тем, что, устремив на нее пристальный взгляд, осведомился, не устала ли она.

— Немножко, — пропыхтела миссис Пигрим, которая танцевала часто и рьяно, но стройности не обретала, поскольку украдкой лакомилась сладостями. — Я чуточку запыхалась.

Дядя Крис и сам это видел, что не помогало ему приступить к делу. Самая очаровательная женщина несколько утрачивает свою прелесть, если пыхтит и отдувается. Про себя он решил, что больше всего хозяйка ложи напоминает морскую львицу, третью слева. Львов этих он видел в варьете, куда изредка захаживал.

— Нельзя так себя утомлять, — с вымученной ласковостью заметил он.

— Я просто обожаю танцы! — воскликнула миссис Пигрим и, несколько обретя дыхание, взглянула на собеседника с тенью игривого лукавства. — Вы всегда так внимательны, майор Сэлби?

— Я? М-м-м… я? — промычал дядя Крис.

— А кто же еще?

Дядя Крис быстро сглотнул.

— Я вот думаю, не думали ли вы, — начал он и запнулся, получалось не так уж гладко, — Вам никогда не приходило в голову, что этому есть причина?.. — Он опять остановился. Что-то такое он читал в журнальной рекламе. — Скажите, миссис Пигрим, а не приходило вам в голову, — снова завел дядя Крис, — что внимателен я потому… оттого… неужели вы не заподозрили, что вы… то есть я… — Нет, надо все-таки взять себя в руки! Изъясняющийся обычно гладко и бойко, сегодня он просто блеял. Тут он поймал взгляд хозяйки, и нежный блеск его загнал дядю Криса в молчание, словно в окоп.

— Вы говорили?.. — поощряюще промурлыкала миссис Пигрим, тронув собеседника за руку.

Дядя Крис закрыл глаза. Пальцы его вцепились в бархат занавески. Он испытывал те же чувства, что в Индии, необстрелянным лейтенантиком, когда этикет службы обязывал его подняться и прохаживаться перед своими солдатами под беспорядочным градом пуль. Ему и сейчас слышался их посвист… и он почти мечтал, чтобы они и вправду засвистели. Пуля-другая сейчас пришлась бы очень кстати.

— Ну, ну? — подтолкнула его миссис Пигрим.

— Вы никогда не чувствовали, — мямлил дядя Крис, — что я, можно сказать, чувствую… то есть, испытываю чувство…

В дверь ложи постучали. Дядя Крис сильно вздрогнул. Вошла Джилл.

— О, прошу прощения! — сказала она. — Я хотела поговорить…

— Со мной? — вскочил дядя Крис— Сейчас, дорогая! Сию минуту! Извините, я на секундочку…

Миссис Пигрим холодно кивнула. Помеха раздосадовала ее. Кто такая Джилл, она понятия не имела, и ей не понравилось, что та вторглась в такую минуту. Зато дядя Крис вышмыгнул в коридор с резвостью молодого барашка.

— Не опоздала? — шепнула Джилл.

— То есть как?

— Ты знаешь, о чем я. Дядя Крис, послушай! Тебе не надо, если ты сам не хочешь, жениться на этой кошмарной женщине!

— Жребий брошен, — упрямо помотал головой дядя Крис.

— Ничуть не бывало! — возразила Джилл. — Если только ты сам… — Она в ужасе остановилась. — Неужели ты уже сделал предложение?

— В общем-то нет. Конкретно — нет. Но…

— Ну и прекрасно. Я знаю, почему ты идешь на это. Ты очень добрый,

но совсем не надо…

— Джилл, ты не понимаешь…

— Понимаю.

— У меня есть причина…

— Знаю я твою причину, Фредди мне все рассказал. Не волнуйся за меня, дорогой. Со мной все в порядке. Я выхожу замуж.

Блаженное облегчение осветило лицо дяди Криса.

— Значит, Андерхилл…

— Я выхожу не за Андерхилла. Мой жених… Не думаю, что ты его знаешь. Но я люблю его, полюбишь и ты. — Она притянула к себе дядю и поцеловала. — Ну, теперь возвращайся.

Дядю Криса настолько переполняли чувства, что он не мог вымолвить ни словечка.

— Джилл… — дрожащим голосом наконец выговорил он. — Это… это же замечательно! Мне гораздо легче!

— Я так и знала.

— Если ты выходишь замуж за богатого человека…

— Не то чтобы такого уж богатого… С лица дяди Криса сбежала радость.

— Но если он не богат, если не может дать тебе все, что я…

— Ой, не говори глупостей! У него столько денег, сколько нужно человеку. Да и что такое деньги?

— Что такое деньги? — Дядя Крис уставился на нее. — Деньги, дорогое мое дитя, это… это… в общем, не следует так пренебрежительно говорить о них. Но если ты правда считаешь, что тебе хватит…

— Конечно! Ну, а теперь возвращайся. Миссис Пигрим, наверное, уже беспокоится, что с тобой стряслось.

— А нужно? — с сомнением спросил дядя Крис.

— Конечно. Где твоя учтивость?

— Ладно, хотя нелегко свернуть на общие темы. Ладно, была не была!

А в ложе миссис Пигрим обмахивалась веером с демонстративным нетерпением.

— Что ей нужно, этой девице? — спросила она.

Дядя Крис сел. Слабость миновала, он снова стал самим собой.

— Да так, ничего. Мелкие сложности. Я уладил их несколькими словами.

Миссис Пигрим хотела бы продолжить расспросы, но ее Удержало соображение, что, пожалуй, мудрее не отклоняться от главного пункта.

— Вы собирались мне что-то сказать, — наклонилась она к нему, — когда эта девица перебила нас.

Изящным жестом дядя Крис поддернул манжеты.

— Вот как? Вот как? А, конечно! Я хотел сказать, вам не следует так утомляться. Это очень вредно. Подумайте о своем организме.

Миссис Пигрим обескураженно молчала. Атмосфера переменилась, и ей это не нравилось. Она энергично кинулась восстанавливать прежний тон.

— Вы такой внимательный, — вздохнула она, решив, что лучше всего опять начать сначала. Эта фраза уже принесла замечательные результаты, отчего же не попробовать снова?

— Ну да! — весело согласился дядя Крис— Видите ли, я все это уже встречал. Я знаю, что такое современная суета и напряженность жизни для женщины в вашем положении. Вечеринки каждый вечер… танцы… тысяча и одна забота… словом, рано или поздно это непременно скажется, если только, — торжественно произнес дядя Крис, — не принять меры. Необходимо начать вовремя. У меня есть приятельница… — Он слегка опечалился, — вернее, была добрая приятельница в Лондоне, леди Алиса, но имя ее вам ничего не скажет, а суть в том, что она вела точно такой же образ жизни. И наступил неизбежный конец. Пошла среди зимы на вечер и подхватила пневмонию, а жизненных сил, чтобы бороться с болезнью, у нее уже не было. — Дядя Крис вздохнул. — Сгорела в три дня. Но теперь, в наше время, — снова воспрянул он, — я знаю то, чего не знал прежде. Услышь я про «Нервино» тогда… — Он покачал головой, — оно могло бы спасти бедняжку. Что там, оно бы ее *спасло!* Уверяю вас, миссис Пигрим, нет ничего, чего не излечит «Нервино». Этот препарат дает жизненную энергию. Сам я не медик, но знаю, что оно воздействует на красные кровяные шарики…

Лицо у миссис Пигрим окаменело. Она молчала только потому, что он не давал ей возможности и слова вставить, но наконец жестким тоном перебила его:

— Майор Сэлби!

— Да, миссис Пигрим?

— Меня не интересуют патентованные лекарства!

— Ну, вряд ли можно назвать так «Нервино», — укорил ее дядя Крис — Это очень эффективное средство. Его можно купить в любой аптеке. Оно выпускается в двух дозировках. За доллар 50 центов — небольшая доза, а за…

— Майор Сэлби, — величественно поднялась миссис Пигрим, — я

устала…

— То-то и оно! Как я уже сказал, «Нервино»…

— Пожалуйста, — холодно перебила миссис Пигрим, — ступайте к служебной двери и найдите мой лимузин. Он должен ждать меня на улице.

— Конечно! Сейчас! Сию минуту!

И дядя Крис побежал через сцену беспечной, легкой походкой. Глаза у него сияли. Те, мимо кого он проходил, решили, что у элегантного джентльмена что-то болит, им почудилось, будто он постанывает. На самом деле он не постанывал, а мурлыкал веселый припев легкомысленной песенки.

Глава XXI УОЛЛИ МЭЙСОН ИЗОБРЕТАЕТ НОВОЕ УПРАЖНЕНИЕ

1

На крыше своей квартиры, высоко над суетой и блеском деловой жизни города, Уолли Мэйсон в 11.00, наутро после вечеринки миссис Пигрим, приветствовал новый день спортивными упражнениями. Человечество делится на два класса: на тех, кто делает гимнастику перед завтраком, и тех, кто понимает, что делать ее надо, но все равно не делает. К первому, достойному всяческой похвалы классу, принадлежал Уолли, причем с самого детства. Жизнь, возможно, и суетна, а мир — пустое место, но он, согласно ритуалу, каждое утро касался пальцев ног положенное количество раз и поворачивался из стороны в сторону. Этим утром он действовал энергичнее обычного, отчасти потому, что засиделся накануне допоздна, чересчур много курил, и, проснувшись бессовестно поздно, едва разлепил веки. Отчасти же он надеялся, утомив плоть, утишить смятение духа. Весной его охватывало беспокойство, но никогда прежде оно не доходило до такого лихорадочного смятения. Итак, он лежат на спине и крутил в воздухе ногами. И только встав, увидел, что рядом стоит Джилл.

— Господи! — вскричал он.

— Не останавливайтесь, — попросила она. — Я с удовольствием на вас смотрю.

— И долго вы тут?

— Да нет, только что пришла. Я позвонила, и милая старая леди, готовящая вам ланч, сообщила мне, что вы здесь. На крыше.

— Не ланч. Завтрак.

— Завтрак! В такой-то час?

— Может, присоединитесь?

— Присоединюсь, хотя я уже давным-давно позавтракала.

Уныние его рассеялось без следа. Поразительно, но от одного присутствия Джилл мир преобразился. Правда, солнце светило и до ее прихода, но как-то тускло, блекло. Зато как же оно засверкало, когда он услыхал ее голос!

— Если вы подождете минутки три, пока я приму душ и

переоденусь…

— О, представление окончено? — огорчилась Джилл. — Вечно я всюду опаздываю.

— Как-нибудь на днях вы увидите в моем исполнении всю программу, включая бой с тенью и гусиный шаг. И подружек приводите! А пока что, я думаю, будет очень интересно посмотреть, как я ем яйцо. Смотрите, отсюда виден даже Хобокен![60]

— Я его уже видела. Ничего особенного.

— Ну, тогда с этой стороны можете полюбоваться на Бруклин. Ограничений нет. Прогуливайтесь и наслаждайтесь. Свидание в гостиной, минуты через четыре.

И Уолли исчез, нырнув в стеклянную дверь, но тут же высунул голову снова.

— Послушайте!

— Да?

— Мне только что в голову пришло… Вашему дяде квартира не понадобится еще хотя бы с полчасика? Ну, то есть, успею я наскоро позавтракать?

— Вряд ли ему потребуется ваш дом раньше вечера.

— Фу! Прямо гора с плеч!

Уолли опять исчез, и через несколько секунд до Джилл донеслись всплески воды. Подойдя к парапету, она глянула вниз. Окна ближайших домов сверкали, отражая солнечные лучи, но чуть дальше город окутывала прозрачная дымка. Воздух был напоен весенней влажностью. На улице ей это было неприятно, но на продуваемой вершине этой горы из стали и гранита дышалось легко и радостно. Умиротворенность потихоньку завладевала сердцем, пока она смотрела на лодки, плавно скользящие по Ист Ривер, поблескивающей тусклой сталью сквозь дымку. Джилл достигла конца пути, и была счастлива. Все беспокойства и сердечные муки казались такими же далекими, как суетящиеся черные муравьи внизу на улице. Она чувствовала себя далеко от мира, на прочной горе покоя, и, испустив легкий вздох, повернулась — ее уже звал Уолли.

В гостиной чувство безопасности стало еще крепче. Отсюда мир был еще дальше. Даже слабый шум, доносившийся до крыши, сюда не проникал. Тишину отмеряло лишь уютное тиканье напольных часов.

Джилл посмотрела на Уолли. Он был наделен от Бога даром молчать в нужный момент. Да, тут ее дом. Здесь она — своя.

— Меня вы не обманули, так и знайте, — наконец строго проговорила Джилл, облокачиваясь на стол и сурово глядя на Уолли.

— Что? — вскинул он глаза.

— Да с душем. Холодную воду вы включили, я слышала. Но сами встали подальше, чтобы вас и брызги не коснулись. Вы только смотрели, как льется вода!

— Бог свидетель! — взмахнул Уолли вилкой. — Взгляните на мои волосы! Еще влажные. И я могу показать полотенце!

— Значит, вода была горячая. А почему вас не было у миссис Пигрим?

— Все мотивы перечислять слишком долго. Но один из них — меня не пригласили. Как все прошло?

— Прекрасно! Да, кстати, Фредди женится!

— Женится? — Уолли отставил чашку кофе. — То есть, как говорится, он помолвлен?

— Вот именно! С Нелли Брайант. Она мне все подробно описала, когда вернулась домой. Фредди воскликнул: «Эгей-хо!» А она ответила: «Ну!» А Фредди заключил: «Пип-пип?» — Джилл прыснула. — Он собирался выступать с ней в мюзик-холлах!

— Не может быть! Фокусник Рук! Или Рук и Брайант, юмористический скетч? Очень изысканно, в роскошных туалетах?

— Вот уж не знаю. Но это неважно. Нелли такая домовитая. Она хочет свить гнездышко за городом, и будет там выращивать цыплят и свиней.

— Папочка в свином загоне, вы его узнаете по шляпе?

— Ну да. Они будут очень счастливы. Фредди станет папочкой ее попугаю.

Веселость его немного поугасла. Завидная судьба Фредди напомнила ему о его собственной. Маленькое гнездышко в деревне… А, да ладно!

2

Наступила пауза. Джилл стала серьезной.

— Уолли?

— Да?

Она отвернулась. В глазах у нее так и плясали озорные огоньки, и ей не хотелось, чтобы он это заметил.

— На вечеринке был Дэрек.

Уолли как раз собирался намазать маслом тост. Масло, слетевшее с ножа, описало в воздухе полукруг и шлепнулось на скатерть.

— Не обращайте внимания. Меня приглашают на следующие Олимпийские игры. Состязания «Передай масло». Практикуюсь… Значит,

Андерхилл был там?

— Да.

— И вы с ним говорили?

— Да.

— Он приехал… — Уолли играл ножом, — чтобы повидать вас?

— Да.

— Угу, понятно… Повисла новая пауза.

— Он, что же, хочет на вас жениться?

— Сказал, что хочет.

Поднявшись, Уолли отошел к окну. Теперь Джилл в полной безопасности могла улыбаться. Она и улыбалась, хотя голос у нее оставался очень серьезным.

— Как же мне поступить, Уолли? Я подумала, надо спросить совета, раз уж мы такие друзья.

Не оборачиваясь, Уолли бросил:

— Конечно, надо выйти за него.

— Вы так думаете?

— Да! Надо выйти за него! — упрямо повторил Уолли. — Вы его любите, а если он приехал издалека в Америку, значит, он по-прежнему любит вас. Выходите за него замуж.

— Но… — запнулась Джилл, — понимаете, есть одна трудность.

— Какая?

— Я сказала ему кое-что перед тем, как он ушел…

— Что же вы ему сказали?

— Ну, кое-что… такое, что ему не очень понравилось… Это может помешать нашей женитьбе.

— Да что вы ему сказали?!

— Что выхожу замуж за вас.

Уолли круто повернулся и одновременно подскочил. Комбинация этих двух движений привела к тому, что он пролетел, спотыкаясь, через всю комнату и, проделав два-три импровизированных па, которые заинтересовали бы миссис Пигрим, едва успел схватиться за каминную полку, чтобы не рухнуть на пол. Джилл с тихим одобрением наблюдала за ним.

— Да, Уолли, блестяще, ничего не скажешь! Здорово получилось. Еще одно утреннее упражнение? Если Фредди и правда станет играть в мюзик-холле, непременно попроситесь к нему в номер.

Уолли у каминной полки растерянно хлопал глазами.

— Джилл?

— Да.

— Что… что… что…

— Ну, зачем же подражать Фредди, даже если вы и хотите делать с ним номер?

— Вы сказали… что выходите за меня?

— Да, сказала. Я и выхожу!

— Но… но вы имеете в виду… то есть…

Озорство исчезло из ее глаз. Она открыто и серьезно встретила его взгляд.

— Старую мебель вынесли. Но мое сердце не опустело. Оно полно до краев. И это навсегда!

Отцепившись от полки, Уолли медленно направился к ней.

— Джилл! — задохнулся он. — Джилл!

Он бросился к ней и, схватив в объятья, ликующе приподнял. Джилл издала легкий крик.

— Уолли! Ты же не одобряешь пещерных мужчин!

— Ничего, это утреннее упражнение, — заверил он. Джилл, задыхаясь, опустилась на стул.

— Часто ты собираешься его делать?

— Каждый день! До самой смерти!

— О Господи!

— Да ты привыкнешь! Жить без него не сможешь!

— А ты не считаешь, что я совершаю ошибку?

— Ну, что ты! Я долго об этом думал. В общем, нет!

— Ты прав, — медленно проговорила Джилл. — Наверное, из тебя получится прекрасный муж. Если нам понадобится передвинуть пианино или еще какую тяжесть… Уолли! — вдруг перебила она себя.

— Слушаю!

— Уолли, пойдем на крышу! Я хочу показать тебе кое-что забавное.

Уолли последовал за ней. Они встали у парапета вместе, глядя вниз.

— Вон, смотри! — указала Джилл.

Он удивился.

— Я много чего вижу, но что же там забавного?

— Да все эти люди! Вон там — и там — и там. Мельтешат и воображают, что знают всё на свете. Но ни один из них и понятия не имеет, что я самая счастливая девушка в мире!

— А я — счастливейший из мужчин! Их невежество — какое тут слово подойдет? — а, вот — бездонно! Они и понятия не имеют, что значит стоять рядом с тобой и видеть эту ямочку на подбородке… Да они и

про ямочку понятия не имеют… Они не знают… не знают… Да, Господи, они и не подозревают, что я тебя сейчас поцелую!

— Зато вон те девушки в окне это заподозрили, — сообщила Джилл. — Они зорко, как ястребы, следят за нами!

— Ну и ладно! — сказал Уолли.

На вашем месте

Перевод с английского Н. Трауберг

Глава I

Сквозь широкие окна гостиной, расположенной в Ленгли-энд, вустерширской резиденции пятого графа Дройтвичского, можно было увидеть немало достойных зрелищ. За гравиевой дорожкой, окаймленной рододендронами, лежала бархатная лужайка, над которой веками трудились прилежные садовники. За нею было озеро в бахроме деревьев, а дальше — холм, поросший лесом. Те, кому довелось попасть в гостиную, нередко вставали у окна, чтобы пропитаться красотою.

К числу их не принадлежал лакей по имени Чарльз. Пейзаж ему приелся. Кроме того, он говорил по телефону. Звонок раздался как раз тогда, когда он принес чайные принадлежности.

— Слушаю, — сказал Чарльз. — Да, Ленгли, 330. Кто говорит?

Дворецкий по имени Слингсби вошел в эту минуту и с неодобрением на него взглянул. Как все дворецкие, он полагал, что разговор по телефону требует мастерства, недоступного лакеям.

— Ал-ло! — взывал Чарльз. — Алло-алло-алло!

Лунообразный лик мажордома совсем затуманился.

— Исполняете охотничью песню? — осведомился он.

— Да это из Лондона, мистер Слингсби, — честно отвечал Чарльз. — Просят его милость.

— Кто?

— Не расслышал, мистер Слингсби. Линия барахлит.

Дворецкий приник к телефону большим ухом и сурово спросил:

— Простите, в чем дело? Не слышу. Приложите трубку к губам. Так, так. А, «Дейли Экспресс»!

— И чего им надо?! — вмешался Чарльз.

Слингсби не был демократом, и одним мановением большого пальца поставил наглеца на место.

— Нет, — сказал он далекому собеседнику, — я не лорд Дройтвич, я дворецкий его милости… его милость в гараже… нет, нельзя. На частные вопросы отвечать не уполномочен. Если это правда, его милость сообщит во все газеты…

До сих пор манера его была поистине безупречна; но вдруг, обратившись в человека, он крикнул:

— Эй! Не вешайте трубку! Кто выиграл в 2.30?

Ответа услышать он не смог, ибо с газона, через французское окно,

вошла леди Лидия Бессинджер, тетка его хозяина. Изысканный наряд свидетельствовал о том, что она вернулась с местной выставки цветов и декоративных растений.

— В чем дело, Слингсби?

— Из «Дейли Экспресс», миледи. Хотели проверить разнесшийся по столице слух о помолвке его милости.

— Что-о? Дайте мне трубку.

Она схватила трубку, но первыми ее словами были «А, Фредди!», обращенные к элегантнейшему существу, которое тоже вошло из сада и направилось к газетному столику.

— Кто это? — спросило оно.

— «Дейли»… Алло! Да-да. Что-о? — Леди Лидия удивленно и гневно обернулась к племяннику. — Это сумасшедший. Говорит мне «Красотка»!

Слингсби попытался взять у нее трубку, бормоча «помехи на станции, миледи», но она ее не отдала.

— Ничего не понимаю! — восклицала она. — Красотка пришла первой, Томат — вторым, Янки — третьим. А, вон что! Вы на кого ставили?

— На Салата, миледи.

— Очень глупо.

— Без сомнения, миледи.

— Какой кретин вам подсказал?

— Мастер Фредерик, миледи.

Достопочтенный Фредерик Чок-Маршалл поднял взор от газеты.

— Вы уж простите, Слингсби! Бывает…

— Так вам и надо, — сказала леди Лидия. — Кто слушает идиотов?

Слингсби вздохнул, поклонился и вышел, один на один с горем. Леди Лидия вернулась к телефону.

— Алло! Вы еще там? Простите, отвлеклась. Говорит леди Лидия Бессинджер, тетя лорда Дройтвича. А? Что? Нет, не думаю. Он бы непременно мне сказал. Десять лет, со смерти родителей, мы с мужем заменя… Алло, алло! Куда вы делись? Что ж, занимательный разговор.

Она повесила трубку и опустилась в кресло.

— Господи! — выговорила она. — Сейчас растаю. Фредди выглянул в сад, сверкающий на июльском солнце.

— Да, жарковато, — признал он. — Как выставка?

— Что там может быть? Мы получили приз за кальцеолярии.

— Ура, ура, ура, — заметил Фредди, — А что это?

— Такой цветок. Ну… кальцеолярия.

— Ага, ага! Ясно. Что-то быстро вы вернулись.

— Дядя сказал, что падает в обморок. Нет, вон идет… Действительно, в комнату вошел человек лет пятидесяти с лошадиным, но красным лицом. Облик его заслужил одобрение Фредди.

— Вот это да! Одно слово — денди! Леди Лидия восторга не выразила.

— Иди, иди, симулянт, — сказала она.

— Я не симулянт, — возразил сэр Герберт, — У меня в глазах потемнело. А у кого не потемнеет? Жилет, цилиндр, цветы эти пахнут… Да я чуть не умер! Нет, ты мне объясни, почему я каждый год…

— Наша семья, — объяснила леди Лидия, — должна быть представлена на выставке.

— Какая семья? Нет, какая семья? Глава рода — Тони. Что я, лорд Дройтвич? Жаришься, жаришься, а он лежит в гамаке…

— В гараже, — поправил Фредди, — под машиной. Леди Лидия серьезно кивнула.

— Ну вот, — сказала она, — Ясно, что это чушь. Если бы они обручились, он был бы с нею.

— Она принимает ванну, — сообщил Фредди.

— Обручились? — удивился сэр Герберт. — Кто? С кем? Зачем?

— «Дейли Экспресс» считает, что Тони обручился с Вайолет

— Э?

— Прости, дядя Герберт, — сказал Фредди. — Это я виноват.

— А?

— Понимаешь, Кубик поссорился с отцом, намекнул, что тот… э-э — лысеет. Старик его выгнал. Пришлось идти в газету. А я хотел ему помочь и послал телеграмму насчет Тони.

— Бывают же кретины, — сказала леди Лидия. — Тони не собирается жениться.

— Собирается, собирается.

— Он тебе говорил?

— Нет. Он целовался с Вайолет среди роз.

— Где? Среди роз? Вот я и говорю, кретин. Все там целуются, это ничего не значит.

— Ты так думаешь? — всполошился сэр Герберт.

— При чем тут я? Молодые люди. Фредди поднял руку.

— Это не все. У Тони был такой взгляд…

— Пылкий?

— Скорее растерянный. Как будто он подписывает контракт, но

толком его не прочитал.

Сэр Герберт попыхтел и задумался.

— Наверное, ты прав, — сказал он наконец. — Значит, женится на этих супах. Да, неплохой выстрел!

Леди Лидия не разделяла его восторгов.

— Не хотела бы тебя огорчать, — начала она, — но целоваться в саду… Чепуха какая!

— Позволь заметить, — возразил сэр Герберт, — что и я был молод. Позволь заме…

— Доспорите позже, — предложил им племянник. — Идет старый Суп.

— О, а! — заметил сэр Герберт, полируя цилиндр. Дверь открылась, и вошел коренастый человек, который выглядел так, словно природа обрекла его носить бакенбарды, но он ее преодолел.

— Привет! — учтиво воскликнул он. — Слыхали, э? Леди Лидия вздрогнула.

— Не хотите ли вы сказать…

— Хочу, хочу. Дройтвич и моя Вайолет…

— Будете теперь мне верить? — осведомился Фредди.

— Замечательно! — сказал сэр Герберт. — Великолепно!

— Какой приятный сюрприз, — сказала леди Лидия.

— Сюрприз? — удивился новоприбывший. — Ну, что вы! А кто недавно…

— Да, да, мистер Уоддингтон, — перебила его леди Лидия. — Поговорим немного позже. Вот — Вайолет.

Вайолет была высокой, гибкой и несокрушимой, как картинка из модного журнала. По-видимому, пошла она в мать, ибо Суп красотой не отличался, равно как и изысканной томностью.

— Душенька! — взвыла леди Лидия. — Ваш отец нам все сказал.

— Да-а?

— Я так рада!

— Спаси-ибо…

— Поздравляю.

— Спасибо, сэр Ге-ерберт…

— Здорово!

— Спасибо, Фре-еди… Значит, — Невеста подавила зевок, — вы все довольны.

— Надо сообщить Кубику, — решил младший брат.

Он сел и стал составлять телеграмму, тогда как леди Лидия, хлопоча

вокруг невесты, пыталась поднять общий дух.

— Я так этого ждала, так надеялась!

— Хороший парень, твой Тони, — прибавил Уоддингтон.

— Исключительная личность, — поддержал его сэр Герберт. — Однако пойду, переоденусь.

— Иди, иди, — согласилась леди Лидия. — Портвейна сегодня не получишь.

— Скажите, леди Лидия, — спросила невеста, — как удержать мужчин от портвейна?

— Вайолет! — воскликнул шокированный отец.

— Кого-кого, — сказала леди, — а вас это не должно беспокоить. Тони слишком за собой следит.

— Да, — согласилась Вайолет, снова подавляя зевок, — он такой здоро-овый, просто атлет…

В дверях, словно облачная гряда, заколыхался Слингсби.

— Вы звонили, миледи?

— Это я звонил, — сказал Фредерик. — Машина в гараже?

— Да, сэр.

Пускай Роберт отвезет на почту телеграмму. А где он?

— На кухне, сэр.

— Что ж, пойду и я на кухню, — сообщил молодой аристократ, стремясь скорее внести свет и сладость в жизнь бедного Кубика.

Слингсби повернулся к хозяйке:

— Простите, миледи…

— Да, Слингсби?

— Я насчет сестры, миледи…

— А, она сегодня приедет!

— Вот именно, миледи. — Дворецкий стал еще печальней. — С вашего разрешения, миледи, она привезет сына и одну молодую особу, которая служит маникюршей в его заведении.

— Что ж, чем больше народу, тем веселее.

— Спасибо, миледи. Не разрешите ли вы показать молодой особе наш парк? Она не имела возможности, миледи, побывать в исторических местах.

— Пускай смотрит.

— Благодарю вас, миледи.

Дворецкий удалился, напоминая посла, вручившего протокол, или что они там вручают.

— У него есть сестра? — спросила Вайолет. — Это не та няня, о

которой мне Тони рассказывал?

— Да, это няня. Она была замужем за парикмахером. Они жили в Лондоне. Вот и жили бы! — с неожиданным пылом прибавила леди Лидия.

— Вам она не нравится?

— Терпеть ее не могу.

— Почему?

— Плохой характер, — мрачно ответила леди, — и пьет много. Что ж, последую Герберту, переоденусь во что-нибудь человеческое. Вы начинайте пить чай без меня.

— С удовольствием, леди Лидия. Папа, тебе налить?

Какое-то время отец и дочь молчали. Она хлопотала у столика, он стоял у окна, не без угрюмости глядя на озеро и лужайку. Однако, судя по его первой фразе, огорчил его не пейзаж.

— М-да, — сказал он, — докатились…

— В чем дело? — спросила дочь.

— Быть может, я старомоден, — продолжал отец, разгораясь по ходу речи, — быть может, я сентиментален, но мне казалось, что невесты хоть немного радуются.

Вайолет вздохнула.

— А зачем?

— Затем.

— Хорошо, — сказала невеста, — договоримся сразу. Оба мы знаем, что это — обычная сделка. Я даю деньги, Тони — титул. Ты меня привез, чтобы я подцепила лорда. Я его подцепила. Чему тут радоваться?

— Ти-ш-ш! — заволновался отец. — У стен есть уши.

— Ну и что? Леди Лидия старалась на славу. Прогулки при луне…

— Прекрати! — заорал Уоддингтон.

Вайолет положила в чай кусок сахара и принялась его размешивать.

— Знаешь, — сказала она, — мне даже неудобно, как будто я подстрелила сидящую птицу.

— Сколько тебе говорить!..

— Ну, ладно, папочка. Когда Тони предложил мне руку, я просто обомлела! Я поверить не могла, что он ко мне так относится! А благородство, а чистота? Истинный агнец! На что мне эти титулы? Ах, ах! Одно жалко, слишком легкая добыча.

Старый Суп сдержался. Он знал, что дочь не переиграешь.

— Какая есть, — сказал он. — Позвоню-ка я в газеты.

— Если можно, не здесь.

— Э?

— Не хочу слышать, как ты булькаешь. Позвони из кабачка.

— Ладно-ладно, — сдался отец. — Ладно-ладно-ладно. Какие мы тонкие аристократки! Только смотри, — прибавил он в дверях, — ты еще не графиня! Поосторожней с этим Тони, не ляпни чего-нибудь.

— Па-па! — удивилась Вайолет. — Я же с ним не беседую. Я застенчиво улыбаюсь.

— Ну, знаешь! — воскликнул отец.

Да, не так уж выразительно, зато последнее слово.

Глава II

Несколько минут Вайолет сидела одна, спокойно поедая сандвичи с огурцами. На третьем сандвиче вернулся Фредди, отдавший телеграмму шоферу.

— Пип-пип, — сказал он. — Все ушли?

— Да, — отвечала Вайолет. — Леди Лидия переодевается, отец — на пути в «Герб Дройтвичей».

— Выпить захотелось?

— Нет. Позвонить в газеты. Фредди нахмурился.

— Нехорошо, — сказал он. — Жаль нашего Кубика. Кстати, вы знакомы?

— Нет.

— Очень хороший человек, только с отцом ссорится. Кстати об отце, хочу ему продать лосьон от облысения.

— Не знала, что вы торгуете!

— Да так, заработать надо. Тони купил его у этого Прайса. Старый рецепт, еще прадедушкин, они все были парикмахеры.

— Сегодня ваш Прайс приезжает. С мамашей.

— Это плохо. Знаете, она была няней у Тони.

— Знаю.

— Мерзкая баба. А сын еще хуже.

— Да вы с ним и не встретитесь.

— Если случайно не напорюсь.

Они помолчали, а потом увидели, что в среднее из трех французских окон входит сам лорд Дройтвич.

— Чай! — обрадовался он. — Честное слово, чай!

— Вам жарко? — осведомилась Вайолет.

— Еще бы! Чинить машину в такую погоду… Надо было съездить в деревню, купить батарейку.

Пятый граф Дройтвичский отличался могучим телосложением. Судя по фотографии, стоявшей на столике, он бывал вполне благообразным, во всяком случае — чистым; но сейчас мы его таким бы не назвали. Не назвал и младший брат.

— Тони, — заметил Фредерик скорее печально, чем сердито, — у тебя совершенно жуткий вид.

Лорд Дройтвич с этим согласился.

— Налейте-ка мне чашечку, — сказал он, — а я сейчас вернусь.

Действительно, вернулся он скоро, причесанный и чистый, но без пиджака, тот остался в гараже. Вайолет протянула ему чашку.

Он ее жадно выпил и сказал:

— Еще.

Вайолет налила снова. Третьей он просить не стал и закурил сигарету.

— Фредди знает? — спросил он. Вайолет кивнула.

— Ну и как он?

— Потрясен.

Неизвестно, как развивалась бы беседа, если бы извне не донеслись неприятные звуки. Фредди, сидевший ближе всего кокну, выглянул было, но Тони, перегнувшийся через его плечо, уже крикнул:

— Ой!

— Неужели гости? — спросила Вайолет.

— Это ко мне. Няня.

— Вы ее любите?

— Я ее боюсь. Она будет меня целовать. И плакать. Знаете, это слишком! Или то, или другое.

— Она сына привезла, — сообщил Фредди.

— А он будет вас целовать? — поинтересовалась Вайолет,

— Ну что вы! Я — пэр, он — социалист.

— Там еще девушка, — прибавил Фредди, — очень хорошенькая. Кто это?

— Маникюрша.

— Откуда вы знаете?

— Слингсби сказал, — Вайолет встала. — Что ж, пойду пройдусь, взгляну на эту няню. Все-таки женщина, целовавшая моего жениха…

— Говорят, я был очень милый ребенок, — сказал Тони.

— Пойдете со мной?

— Мне надо купить батарейку.

— Что ж, передам этой няне, что вы жаждете ее поцелуев.

— Только без слез, — прибавил Тони, — Всухую.

— Как говорится, «sec»,[61] — сказала Вайолет. — Ладно, пока.

Закрыв за невестой дверь, Тони вернулся к столику и увидел, что младший брат смотрит вдаль совершенно рыбьим взглядом. Ему это не понравилось. Он нередко чувствовал, что Фредди гораздо мудрей и опытней его.

— Ну, что, Червяк? — нежно спросил фаф Дройтвичский.

— Да так, Жаба, — откликнулся достопочтенный Фредерик. Они

помолчали. Тони очень хотелось узнать, не огорчен ли брат помолвкой.

— Как ты, вообще? — осведомился он. — Ну, насчет нас. За или против?

Фредди нахмурился, словно верховный жрец, беседующий с юным прислужником.

— Вообще-то, за, — ответил он. — Но и против.

— Не понимаю.

Фредди снял с рукава пушинку. Серьезность его граничила с суровостью.

— Надеюсь, — сказал он, — ты понимаешь, что Суп сможет хлопать тебя по спине?

— Да, наверное…

— Хорошо, твое дело. Но если он думает, что я введу его в «Трутни», он глубоко ошибается.

Тони немного поразмыслил.

— Ты прав, — признал он. — Ему там не место. Ты лучше скажи насчет меня. Повезло мне, верно?

Фредди смотрел на него с нежной жалостью.

— Врать или не врать?

— Не ври.

— Значит, говорить правду?

— Вот именно.

— Тогда, надеюсь, ты понял, что тебя подцепили?

— Подцепили?

— Разыграли все как по нотам.

— Какая чушь!

— Ничего подобного.

— Зачем я такой девушке?

— Зачем мышка мышеловке?

— Да я еще вчера и не думал…

— Ничего, она думала.

— И все-то ты знаешь!

— Да, Антони Клод Уилбрэм Брюс, — твердо отвечал Фредди, — я знаю все и никогда не ошибаюсь.

— Слушать противно!

— А ты не горюй. Значит, ты ценишься на рынке. В общем, поздравляю. Ты будешь очень счастлив… наверное.

— Почему «наверное»?

— Да так, к слову пришлось.

Ответ, трепетавший на устах Тони, нам неизвестен. Беседу прервал молодой человек с отвратительными усиками.

— Пардон, — сказал незнакомец. — Я думал, тут никого нету. Здрасьте, милорд.

Глава III

Тони с трудом переключил мысли с неприятного разговора на неприятного посетителя.

— А, Сид! — добродушно сказал он. — Не сразу вас узнал. Это Сид Прайс, — напомнил он брату.

— Как жизнь, мистер Фредерик?

— Ф-ф-фуф, — сурово ответил Фредди.

— Мама здорова? — спросил Тони.

— Да не очень, милорд. Опять на нее нашло. Как говорится, приступ.

— Какая жалость! Она что-нибудь приняла?

— Бутылку, не меньше, милорд.

— У няни больное сердце, — объяснил Тони брату.

— Да? — холодно откликнулся тот.

— Что ж, — сказал Тони, — я рад, что она приехала. Где она, в людской?

— Да, милорд. Как говорится, немного не в себе. Фредди заморгал от боли.

— Жаль, — сказал Тони. — Наверное, она хочет меня видеть?

— Хочет-то хочет, а увидит две штуки, ха-ха-ха!

— Господи! Ей так плохо?

— Понимаете, милорд, при этих самых припадках надо пить бренди. А вот вы не рассердитесь, если я скажу?

— Пожалуйста, Сид, говорите.

— Волос у вас плохой.

— Голос?

— Волос. Стригут плохо. Да что с них взять, с деревенщины? Вот у нас в Лондоне…

— Ах, эти столичные жители!

— Ну! — сказал Сид. — Уж кто-кто, а мы-то столичные. Чья лавочка была? Наша. Отца, значит, деда, прадеда, прапрадеда. У меня бритвы есть, набор, так они прапрапрадеда. Во-от такие, прям ножи!

— Да? — откликнулся Фредди.

— А. то! Хотите, покажу?

— Буду ждать с нетерпением, — холодно пообещал младший брат, направляясь к двери.

— Ты уходишь? — огорчился старший.

— Да. Мне нехорошо. Видимо, приступ. Сид мрачно глядел ему вслед.

— Вот из-за них, — сообщил он, — бывают революции. Добрый Тони поспешил смягчить обиду.

— У него манера такая.

— Манера? А вот из-за такой манеры кровь потечет по мостовым.

— Как неприятно! — поежился Тони. — И скользко… Не сердитесь на Фредди, Сид. Может, он и высокомерен, но служит вашим интересам. Помните, вы мне дали лосьон? Фредерик пытается его пристроить. Вспомните об этом, когда дойдет до гильотины. Кстати, когда вы ждете эту вашу революцию?

— Со дня на день.

— Ну, тогда я еще успею съездить за батарейкой. А вы тут посидите, отдохните. Можно картины посмотреть. Вы их любите?

— Мне вот эта нравится, — отвечал Сид.

Беседуя, он ходил по комнате, и сейчас остановился перед портретом мужчины в латах с воинственным подбородком, который держал руку на эфесе длинного и, вероятно, острого меча.

— Ктой-то? — с уважением спросил Сид.

— Один мой предок, — отвечал Тони. — Ричард Длинный Меч. Король Шотландии назвал его лжецом, а он дернул короля за нос. Посадили, естественно.

— От это да!

— Приговорили к казни, а дочь принесла этот меч в тюрьму. Ну, он и убежал.

— Да, люди были…

— Смотрите-ка! — воскликнул Тони.

— А что, милорд?

— Странно… Вы на него похожи.

— Эт я?

— Да, похожи. Сид захихикал.

— Ни сном, ни духом, милорд! Мои предки с вашими не знались. Только вот мамаша, но она — женщина приличная.

Тони засмеялся.

— Да что вы, Сид, я просто так. Ну, пока. Хотите закурить — сигареты вот здесь.

— Спасибо, милорд.

Тони вышел в сад, а Сид, хотя был не прочь закурить, не сразу направился к столику. Он постоял перед портретом и даже принял похожую позу, вздернув подбородок и сжав невидимую рукоять.

— Дела-а… — вымолвил он.

Пока он говорил, дверь открылась, и вошел Слингсби. Его величавые черты затуманила забота. Сид очнулся и сказал:

— Ку-ку, дядя Тед!

— Где мамаша? — спросил дворецкий.

— А кто ее знает? Может, у вас?

— Нет, не у меня. Бродит по дому. Это нехорошо.

— Да ладно, чего она сделает! Любит старые места… Все ж, целых два года прожила, когда его милость нянчила.

— Мало ли что она любит! Ее место — среди слуг. И тебе тут торчать нечего.

Сид Прайс решил, что самое время осадить наглого дядю.

— Да? — сказал он. — А мне его милость разрешил. Мало того, я сейчас закурю.

— Еще чего!

— Его милость предложил, — гордо сказал Сид. — Съели, а? Дворецкий застыл на месте.

— Да как ты…

Сид сжал правый кулак.

— Молчи, смерд! — вскричал он. — А то рассеку надвое!

— Ты что, сбрендил?

— Шутка, дядя Тед. Его милость сказал, что я похож на этого типа.

— Вот как?

— Да-да, сказал. И верно, похож. Одно лицо. Он всмотрелся в картину.

— Дэ! Из меня-то граф получше бы вышел, чем из этих самых. Подумаешь, аристократы!

— Да ты что? — возмутился Слингсби, хотя такой величавый человек не может это полностью выразить. — Завел, понимаешь, в моем доме эти свои разговорчики!

— В чьем, в чьем? — грубо фыркнул Сид. — Шляпы долой перед графом Слингсби! Чего там, перед целым герцогом!

Дворецкий гневно смотрел на племянника, жалея примерно в сотый раз, что не он его воспитывал. Судьба современной молодежи нередко тревожила Слингсби, а в Сиде Ланселоте Прайсе были все ее худшие черты.

— Ух, высек бы я тебя!.. — сказал он, отдуваясь. — Жаль, руки не доходят.

Сид не зря ходил на дебаты в рабочем предместье.

— И не дойдут, — парировал он. — Куда вам!

Последовала перебранка. Дворецкий старался как мог, но Сид превосходил его в искусстве спора, и спасся он лишь потому, что в комнату вошла женщина.

Она была немолода и не очень опрятна. Готовясь к визиту, миссис Прайс надела черное шелковое платье и напомадила волосы чем-то из запасов сына, но особым блеском не отличалась. Лицо у нее было багровое, глаза остекленели, и взгляд вряд ли мог сосредоточиться.

Однако, немного поморгав, она худо-бедно узнала участников ссоры и обратилась к ним с должной суровостью:

— Ай-я-я-яй! Чего ругаетесь?

Слингсби перекинулся на нее, радуясь новому антагонисту. Достойным дворецким не подобает препираться с сосунками; к тому же, племянник оказался необычайно вертким. Каждое ваше слово он метал обратно как бумеранг, видимо — поднаторел среди большевичков. Словом, брат осуждающе взглянул на сестру.

— Явилась! — промолвил он. — Пьянчуга старая! Схватившись для верности за кресло, мамаша Прайс охотно приняла бой.

— Это кто у тебя пьян… ик!

— Привет, мамань! — сказал Сид. — Лыко вяжешь?

— А то! — с достоинством отвечала она. — Ну, выпила капельку, а кто… ик! — виноват? Другой пожалел бы… я женщина хворая.

— Ничего, выдюжишь.

— Оно конечно, только сердце все скачет. Чего вы тут не поделили?

— Дядя Тед не верит, что из меня вышел бы какой-нибудь граф.

— Много он понимает!

— И вообще, — вступил в беседу Слингсби, — нечего ему тут делать.

Мамаша Прайс туманно смотрела на него.

— Эт кому, ему? Прям сейчас! Скажи про кого другого!

— Что ты плетешь?

— Да так… Я свое знаю.

— А я знаю свое, — сообщил дворецкий. — Тебе тут делать нечего. Иди в мою комнату.

Миссис Прайс отпустила кресло, чтобы гордо скрестить руки, но чуть не упала. Однако в голосе ее остался призвук гордо скрещенных рук.

— Ты тут не очень, Теодор! Знай, с кем говоришь. А то я тако-ое скажу…

— Ладно, только не здесь. Это тебе не вокзал какой-нибудь.

Сид был счастлив, словно достал лучшее место на матче века.

— Давай-давай! — подбодрил он родительницу. — Давай, не спускай.

Однако мамаша Прайс угасла. По ее щекам текли слезы.

— Кому я нужна? Никто меня не любит! Ой, я бедная, нес…

— Эй, выше нос!

— Меня родной брат обижает! Родной сы-ы-ын…

— А что я? Что я? Ты на себя погляди!

— Ой, Господигосподигосподи!

— Ладно, мамаша!

— Сам виноват, — мрачно сказал Слингсби. — Надо было смотреть.

— Так она просила! Припадок у нее!

— Что его милость подумает?

Слова эти навлекли страдалицу на новую мысль.

— А выпью-ка я за него вина!

— Чайку, — поправил ее брат. — И не здесь, у меня. Сил с тобой нету! Пошли, пошли, оба!

— Где Полли? — жалобно спросила мамаша Прайс.

— В парке, — отвечал Сид, — смотрит на кроликов. Никогда их не видела. То есть живых, надо понимать. К чаю вернется, как это, голубь в голубятню.

— Хорошая девушка, — сказала мамаша Прайс, — американка, да, что поделаешь! Я всегда говорю, люди разные бывают. Кто-кто, а она никого не застрелила, хоть там у них и принято. Тихая такая, уважительная. А чтоб стрелять — да Боже мой!

— Мамаша все в кино ходит, — пояснил Сид. — По ней, там одни гориллы да гангстеры.

— Ка-ак пальнет! — сердито сообщила гостья. — Я так понимаю, это надо запретить. А Полли прямо говорит, не скрывает, что оттуда, но чтобы кого застрелила… Тихая такая, воспитанная. И работница хорошая. Женись, сынок, женись, бывает и хуже. Никого не застрелила.

— Чего мне жениться, мать? — сурово сказал Сид. — Еле кручусь, работы много. Мне не до баб. Я в свои ножницы влюбленный.

— Меня бы кто любил! — взвыла мамаша.

— Хорошее дело. А то, может, чаю? Оп-ля, пошли!

— Где Тони… ик… его милость? Мы не обнимались!

— Обнимитесь, обнимитесь, — заверил Слингсби. — Идем! Нет, таких зануд…

Двери закрылись, в комнате воцарился мир.

Глава IV

Мир распростер свои мягкие крылья не только над гостиной. День достиг той точки, когда (если каким-то чудом погода стоит хорошая) все сущее озаряет поистине волшебный свет. Люди, звери, вещи словно заснули. Лужайку покрыла тень. В кустах щебетали птицы. Предвечерние ветерки обещали долгожданную прохладу.

Эту мирную тишину нарушили зловещие звуки. Сами по себе они вполне привычны в наше автомобильное время — гудки, скрип тормозов, сдавленный крик; но сейчас они просто поражали, как какая-нибудь сенсация.

Сменила их тишина, тоже довольно зловещая. Потом заскрипел гравий, и в дом, через окно до полу, вошел лорд Дройтвич без пиджака. Шел он осторожно, поскольку нес девушку. Завидев диван, он прислонил ее к подушкам, отошел немного, отер лоб и вгляделся получше, после чего сказал:

— Ой, Господи!

Девушка лежала на спине, закрыв глаза. Ему она напомнила подбитую птичку, а так, сама по себе, была субтильной, даже хрупкой и очень хорошенькой. Несчастному пэру показалось, что губы у нее как раз такие, которые охотно улыбнутся, если вообще приоткроются.

— Ой, Господи! — повторил он. — Ой, батюшки!

С отчаяния он взял неподвижную ручку и стал ее гладить изо всех сил. Казалось, что бьешь бабочку, но он не сдавался, и, наконец, девушка открыла глаза.

Они были приятные — большие, цвета старого хереса, но даже если бы они оказались рыбьими, он все равно бы обрадовался. Открыла — и на том спасибо.

— Привет! — сказала она.

Голос тоже был приятный — мелодичный, низкий, но Тони плохо разбирался и в голосах. Он молча вытирал лоб. Девушка огляделась и, видимо, что-то вспомнила.

— Знаете, — сказал Тони, с облегчением и даже почтением глядя на нее, — я в жизни не видел такой замечательной девушки.

Она улыбнулась. Да, он был прав. Улыбалась она при малейшей возможности.

— Это вы про меня? Почему?

— Во-первых, — отвечал Тони, — потому что вы улыбаетесь, хотя я вас переехал. Во-вторых, потому что вы не спросили: «Где я?»

— Я и так знаю. Тони глотнул воздуху.

— Я знаю, где должен быть я, — сказал он. — В суде. Судья надевает шапочку и говорит: «Подсудимый!..»

— Да вы же не виноваты! Я выскочила из кустов прямо под колеса.

— Выскочили?

— Еще как! Надо быть осторожней.

— И мне тоже. Скажите, вы часто сидите в кустах?

— Там была белка. Я хотела ее рассмотреть. Вы их любите?

— Мы редко встречались.

— А я их много видела, в Центральном парке, но издалека.

— В Центральном парке? Это в нью-йоркском?

— Да.

— Значит, вы оттуда?

— Да. Жила там всю жизнь, пока сюда не приехала.

— Почему вы приехали?

— Очень хотела увидеть разные страны. А с Англии начала, потому что язык один.

— Ага, понятно!

— Подкопила денег, и пожалуйста!

— Какая вы смелая!

— Получилось очень хорошо. У меня прекрасная работа.

— А где?

— У мистера Прайса.

— Вон что! Вы у Сида служите?

— Да. Я маникюрша. А вы его знаете?

— Очень давно.

— Ну да, вы же здесь работаете. Наверное, он тут часто бывает.

— Часто. Его мать была здесь няней.

— Да-да. Смешно, правда? Он рос вместе с лордом Дройтвичем. То есть, когда они были совсем маленькие. Наверное, их иногда путали. А теперь мистер Прайс — парикмахер, у лорда Дройтвича — такой замок… Ой, послушайте! Вам не влетит, что вы меня сюда принесли?

— Конечно, нет!

— Что ж, вам виднее. Вообще-то я думала…

— Да, кстати! Как это я не спросил? Вы не ранены? Она подумала.

— Не знаю. Странное такое чувство. Тони поднял и опустил ее руку.

— Больно?

— Н-нет, — неуверенно сказала она. — А вот колено побаливает.

— Можно, я посмотрю? Теперь их не закрывают.

— Да, это верно. Осторожней, пожалуйста!

Она спустила чулок. Он тщательно осмотрел ногу.

— Ссадины есть. Пойду, намочу платок.

Он отошел к чайному столу, вернулся с очень мокрым платком и осторожно приложил его к колену.

— Если надо, кричите, — предложил он.

— Да что вы, совсем не больно. — Она огляделась. — Какая красота! Наверное, хорошо тут работать. Говорят, лорд Дройтвич очень добрый.

— Кто говорит?

— Миссис Прайс. Она его обожает. Ее послушать, он был ужасно красивым младенцем. У нее есть фотография, он в раковине, совсем голый.

— Гадость какая!

— Ну, что вы! Очень хорошенький. Добрый такой. Он женат?

— Вроде бы собирается.

— Конечно, уж кто-нибудь его подцепил. Тони это не понравилось.

— Что с вами? — спросила девушка.

— Да так, ничего. — Он положил мокрый платок в карман. Она натянула чулок, пошевелила коленом и сообщила:

— Гораздо легче.

Тони стоял, немного нахмурив лоб. Ему казалось, что помолвка должна бы вызвать более теплые чувства. То Фредди, а теперь эта барышня с какими-то странными глазами…

— Подцепил? — проверил он.

— Ну, конечно. Из-за титула.

Тони вымученно улыбнулся. Да, как-то все странно.

— А вам не приходило в голову, — осведомился он, — что лорда Дройтвича можно полюбить?

Она покачала головой, и так резко, что каштановые волосы упали на глаза.

— Нет. Светских девушек я знаю. Я им делаю маникюр.

— Они вам что-то рассказывают?

— Они разговаривают друг с другом, словно меня и нет. Да, я-то их знаю. Щучки, вот они кто.

Тони стало еще хуже.

— А как они… подцепляют мужчин?

— Ну, льстят им… воркуют… Много есть способов. Притворяются, что влюблены. Кокетничают с кем-нибудь, чтобы вызвать ревность…

— Берти!

— Что?

— Ничего. Так, междометие. От избытка сердца. Говорите, говорите.

— Я думаю, в таком месте они будут гулять с ним при луне…

Тони потер подбородок.

— А Фредди-то прав.

— Фредди?

— Это мой брат.

— Он тоже тут работает? Тони засмеялся.

— Кто, Фредди? Вы его не знаете. Уж он-то не сеет, не жнет…[62]

Она удивилась.

— Слушайте, — спросила она, — кто вы? Как-то вы говорите… не похоже на шофера.

— Добрый вечер, милорд, — раздался голос матушки Прайс. — А я — ик — вас ищу-ищу!

Девушка вскочила, укоризненно глядя на Тони.

— Милорд?!

— Вы уж простите. Привет, няня.

— Это нечестно!

— Да-да. Простите.

— Нет, так меня провести!

— Полли, — укоризненно сказала миссис Прайс, — что ты говоришь? «Провести», это надо же!

— Няня, — возразил ей лорд, — мне очень стыдно, но это правда. Надо было меня лучше воспитывать.

— Я ли вас не холила, я ли не лелеяла, — запричитала мамаша Прайс.

— А щеткой не били. И что же? Я солгал нашей гостье. Да-да, солгал. Если хотите — наврал. Боже ты мой!

Он закрыл лицо руками. Полли засмеялась. Миссис Прайс стала строже.

— Полли, ты обидела его милость.

— Нет, — сказал Тони, — это я обидел Полли. Наехал на нее. Так мы познакомились.

— Ничего не понимаю, — сказала миссис Прайс— Что-то это все мне не нравится.

Вероятно, она развила бы тему, но дверь открылась, и явился Слингсби.

— Опять она тут! Сколько тебе говорить… — Он заметил Тони. — Прошу прощения, милорд. Я не знал, что здесь ваша милость.

— Ничего, Слингсби, ничего.

— Разрешите заверить, милорд, что эта особа без моего ведома то и дело, pardon, суется сюда, как кролик в норку.

— Да сказано вам, я не против. Мы так мило болтаем.

— Чрезвычайно рад, милорд. Тони обернулся к Полли.

— Кстати, — сказал он, — познакомились ли мы? Я — Дройтвич. Лорд.

— А я — Браун. Полли.

— Очень рад, мисс Браун.

— Я тоже, лорд Дройтвич,

Они пожали друг другу руки. Тут и вошли леди Лидия с сэром Гербертом.

Леди Лидия остановилась, едва переступив порог. Она не любила миссис Прайс и не считала, что место ей в гостиной. Кроме того, ругая беспечную Полли, мамаша Прайс занимала слишком много квадратных футов.

— А, Прайс, — сказала она. — Как поживаете?

Мамаша Прайс сделала книксен.

— Спасибо, миледи, не жалуюсь, только вот сердце что-то…

— Ах-ах, — холодно откликнулась леди. — Следите за здоровьем.

— Тетя Лидия, — сказал Тони, — это мисс Браун. Я отшвырнул ее на семнадцать ярдов два фута и одиннадцать дюймов. Машиной. Европейский рекорд.

К иностранкам леди Лидия была мягче.

— Надеюсь, моя милая, — сказала она, — что вы не ушиблись. Мой племянник за рулем очень опасен. Насколько я помню, вы маникюрша? Надо будет показать вам руки, когда поеду в город.

Миссис Прайс почему-то решила поговорить о здоровье с сэром Гербертом.

— Вот вы спросите, — сказала она, глядя на него взглядом старого морехода, — почему у меня сердце щемит…

— Нет-нет, не спрошу, — поспешил ответить сэр Герберт. Жена решила его спасти.

— Слингсби, — сказала она, — отведите Прайс к экономке и дайте ей портвейна или чего она хочет.

— Мне бы любви! — взмолилась почетная гостья, прижимая к глазам нечистый платок. — Можно с вами поговорить, милорд?

— Я к тебе зайду, — обещал несчастный граф, понимая, что тетя Лидия больше не выдержит. — Надо машину в гараж отвезти.

— Ясное дело, — захныкала страдалица. — Машина ему лучше меня. Я ли его не…

Леди Лидия и сэр Герберт переглянулись.

— Слингсби! — резко сказала хозяйка.

Дворецкий знал свое место и не стал бросать сочувственных взглядов, но с пониманием запыхтел.

— Сию минуту, миледи. — Он повернулся к сестре. — Пошли, я тебя прошу! Почудила и хватит.

Только что леди Лидия заметила в нем сочувствие. Теперь он заметил сочувствие в Полли, и не ошибся. Та подошла к мамаше Прайс и повела ее, приговаривая:

— Вот так. Пойдем, отдохнем…

Миссис Прайс засомневалась.

— Отдохнуть-то отдохнем, только если б я захотела, я бы…

— Прайс! — крикнул сэр Герберт.

Она взглянула на него, словно до сих пор не замечала.

— Добрый вам вечер, Сырырбырт. Я вот говорю…

— Неважно, — прервала ее леди Лидия. — Лорд Дройтвич к вам зайдет.

— Конечно, — подтвердил Тони.

Мамаша Прайс покачала головой со скорбью Моны Лизы.

— Он меня не любит. Никто меня не любит!

— Чушь! — сказал сэр Герберт. — Любит. Идите, идите… вот так. Пенсию вам платят исправно?

— Да-да, Сырырбырт. Только я так думаю, зачем? Продала первородство за похлебку…

Фыркнув напоследок, она подчинилась Полли. Шествие замыкал Слингсби, выражая и отрешенность и извинение за сестру. Тони смотрел им вслед.

— Что она хочет сказать?

— Ничего. Ничего! — Сэр Герберт затряс головой, словно отгонял муху. — Она напилась. Уведи-ка ее к себе, Лидия, и подержи, пока не уедет.

— Да, ты прав.

Тони удивленно на них глядел.

— Господи! — воскликнул он. — В чем дело?

— Она болтливая дура, — сообщил сэр Герберт. — Может навыдумывать про твоего отца…

— При чем тут отец?

— Ну, про меня. Про кого хочешь. Ради Бога, не спрашивай!
— Почему ты волнуешься?
— Я? Волнуюсь? Какая чушь! Я ничуть не волнуюсь.
— А, вон что! — обрадовался Тони. — У тебя с ней что-то было!
— Тони, — сказала леди Лидия, — не говори глупостей.
— Лидия, пошли, — сказал сэр Герберт. — Зачем мы теряем время? Поймай ее и держи, пока не проспится. Может, она сейчас рассказывает.
Когда дверь за леди Лидией закрылась, Тони обернулся к дяде.
— Ну, дядя Герберт, посмотри мне в глаза. Было у вас что-то двадцать пять лет назад?
Сэр Герберт фыркнул.
— Конечно, нет! Двадцать пять лет назад я предпочитал хористок.
— Хм… — сказал Тони. — Как-то ты странно говоришь. Уклончиво. Меня всегда удивляло, что ты ей платишь.
— Мой дорогой! Она нам преданно служила!
— Ладно, я сам ее люблю, особенно на расстоянии. Сида я люблю меньше. Наверное, бранит аристократов в Гайд-парке. На меня смотрит так, словно я торможу прогресс. Знал бы он, что такое быть графом! Побыл бы на моем месте!
— Господи! — закричал сэр Герберт. — Что ты говоришь?
— А что? Мы, графы, самые несчастные люди. Хозяйство само собой не идет. Если бы Сид Прайс оказался…
— Тони! Прошу тебя!
— Что ты волнуешься? Дрожишь весь…
— Я не дрожу.
— Дрожишь, как цветок на ветру. Скажи мне, дядя Герберт…
— А, вот вы где!
Из двери торчала голова мамаши Прайс. Сэр Герберт нашел в ней сходство с Медузой.
— Господи! — застонал он. — Где же Лидия?

Глава V

Мамаша Прайс скромно просочилась в комнату. В руке у нее был полупустой бокал, чем и объясняются, вероятно, изменения, достаточно резкие, а вот хорошие ли — это как кому. Из глубин скорби она взмыла на вершину радости.

— Можно? — осведомилась она. — Вы тут, а я — там, хе-хе! Скажут, я выйду. Пора нам, мой миленький, потолковать, — добавила она, обращаясь к лорду Дройтвичу.

Тони попятился. Да, она шаталась, но поцеловать его могла.

— Нянечка! — взмолился он. — Не надо, я занят! Мамаша Прайс захихикала.

— Да уж, не свободен, хе-хе! Захомутали. Поздравляю — ик — и желаю. А вам стыдно, Сырырбырт!

— Почему? — растерялся баронет, — Что я такое сделал?

— Сами знаете… ик…

— Вы бы лучше прилегли!

Мамаша Прайс обиженно выпрямилась, веселье ее угасло.

— Прям счас! — отвечала она. — Хватит, я от вас нахлебалась!

— Ну что это! — вскричал сэр Герберт, кидаясь к входившей в комнату супруге. — Лидия, зачем ты ее выпустила?

— Я ее не поймала, — ответила леди. — Скорее всего, она рыскала по дому. У Слингсби ее не было.

Тут появилась Полли и спросила:

— А, вы ее нашли?

— Мы что, играем в прятки? — удивился Тони. Приветливость мамаши Прайс тем временем вернулась.

Допив свой бокал, она одарила собравшихся улыбками и повела такую речь:

— Ле-ик-жентлемены, выпьем за нашего красавчика и его… ик… супружницу. Мир да любовь! Что ж это вы. Ледилиди? До дна, до дна!

— Какая мерзость! — сказала хозяйка, снова спугнув радость оратора.

— Эт кто, я? — Она тыкнула пальцем в Тони. — Тоже мне, защитничек выискался! Не-ет, хватит, я все скажу!

Сэр Герберт бросил взгляд на леди Лидию и, вероятно, набрался новых сил.

— С меня тоже хватит, — промолвил он. — Немедленно идите в

библиотеку!

Мамаша Прайс отшатнулась.

— Вы меня не хватайте! — взвизгнула она. — Ишь, какой! Да я сколько лет… ик… совесть продаю-ю-ю…

Полли выступила вперед.

— Идемте, миссис Прайс, — мягко сказала она. — Там хороший диванчик, я вас причешу, к ужину будете как новенькая.

— Ты хорошая девочка, — захныкала мамаша Прайс— Ни в кого не стреляешь… Я Силу всегда говорю, эта Полли… — Тут она развернулась к сэру Герберту. — Ой, Сид, Сид! Из-за вас ему жизнь испортила… Да, Сырырбырт, все из-за ва-а-ас… Ик!

— Хватит!

— Ну, это мы еще посмотрим.

С этими грозными словами она наконец вышла, столкнувшись с Фредди, которому казалось, что наступила пора коктейлей.

— Если зрение меня не подвело, — заметил он, — она назюзюкалась.

— Еще как! — горестно подтвердил сэр Герберт.

— Что ж вы ее не выгоните вместе с сыночком?

— Нет! — воскликнула леди Лидия. — К сыну ее пускать нельзя!

Фредди совсем растерялся.

— Ничего не понимаю!

Тони, достаточно строгий, выступил вперед.

— Вот именно. Но должен понять. Тут какая-то тайна.

— Что ты, что ты, что ты! — быстро ответил сэр Герберт.

— То. Не такой я дурак. Почему она говорит, что продавала совесть?

— Герберт, — выговорила леди Лидия, — скажи ему.

— Лидия!

— Да. И ему, и Фредди. Я больше не выдержу.

— Я жду, дядя Герберт, — напомнил Тони.

— Что ж, пеняй на себя, — ответил его дядя.

Глава VI

Приняв классическую позу английского джентльмена, то есть стоя спиной к камину, несчастный баронет спросил:

— Тони, ты знаешь, как и где ты родился?

— В Индии… — растерянно отвечал граф.

— …где жили тогда, — прибавил Фредди, — родители нашего героя. По хрупкости здоровья его послали в Англию…

— Нет, — прервал его сэр Герберт. — Все не так.

— Значит, меня обманули, — сказал Фредди. Леди Лидия посмотрела вверх из глубин кресла.

— Говори, Герберт.

Муж ее дернул горлом, словно глотал неприятное лекарство.

— Хорошо, — согласился он. — Тони, ты родился на Мотт-стрит, в Найтсбридже, над парикмахерской.

Тони заморгал.

— Зачем же мама… — начал он.

— Если под «мамой» ты подразумеваешь покойную леди Дройтвич, ее там не было.

Фредди снова посмотрел на дядю.

— Ты напился?

— Говори! — взывала леди Лидия. — Не крути ты вокруг да около!

— Я хотел помягче…

— Не надо.

— Правильно, — одобрил Тони. — Швыряй свою бомбу и хорони мои останки.

— Что ж, — сказал баронет, — эта… хм… женщина — твоя мать.

— Как?! Отец польстился…

— Нет-нет. Все гораздо хуже. Ты — законный сын.

— Почему «хуже»? Если бы я был незаконный, я бы не имел права на титул.

— А ты и не имеешь, — сообщила леди Лидия.

— Вы оба в своем уме?!

— Все очень просто, — начал сэр Герберт. — Сын Дройтвича прибыл из Индии, его воспитывала кормилица. Естественно, у нее был ребенок того же возраста…

— О, Господи! Понятно. Наследник умер, а я…

— Наследник не умер.

— Где же он?

— Там, на людской половине. Его зовут Сид Прайс.

Раздался пронзительный крик. Кричал не Тони — он тупо глядел на дядю, а тот, кто еще недавно считал себя его братом.

— Это неправда, — утешил его Тони. — Не может такого быть.

— Может, может, — возразила леди Лидия.

— Нет, не может! — крикнул Фредди. — Вы посмотрите на его галстук!

Тони подошел к окну, постоял и вернулся.

— Объясните получше, — сказал он. — Вы уверены?

— Вполне.

— Вы давно это знаете?

— С тех пор, как тебе исполнилось шестнадцать.

— Однако! Больше десяти лет. А как же это обнаружили?

— Миссис Прайс попала в аварию. Все обошлось, но она думала, что умирает.

— И послала за Дройтвичем, — продолжил рассказ сэр Герберт. — Решила покаяться на смертном одре.

— Так… — сказал Тони.

— Я был в клубе, он меня вызвал в эту парикмахерскую, и она все повторила. Года за два до возвращения хозяев из Индии она подменила их ребенка своим.

— Так-так… — сказал Тони.

Фредди еще боролся с судьбой.

— Ну, это черт-те что! — воскликнул он. — А как насчет семейного сходства?

— Все младенцы похожи на Дройтвича, — сказал сэр Герберт.

— Такие, знаешь, — пояснила леди Лидия, — круглые, розовые, глупые.

Фредди не сдался.

— Хорошо, а особые приметы? Они у всех есть. Даже в документах пишут: «Приметы».

Сэр Герберт важно кивнул.

— К этому я и подхожу. Сын Дройтвича ошпарил руку, еще в Индии. Когда они вернулись, шрам исчез. Через четырнадцать лет его обнаружили у Прайса.

— Черт знает что! — сказал Тони. — Если вы точно знали…

— Подожди, — прервала его леди Лидия. — Сейчас поймешь.

— У леди Дройтвич, — продолжал баронет, — было слабое здоровье. Если бы мы отняли у нее обожаемого сына и заменили каким-то чудищем, она бы этого не перенесла. Мы с Дройтвичем проговорили целый вечер, и мне пришла в голову неплохая мысль: принесем к ней этого типа, оставим их вместе, а уж материнское сердце само сработает.

— И как, сработало?

— Что ты! Когда принесли дитя, — торжественно вымолвил сэр Герберт, — она сказала, что в жизни не видела такой пакости.

— Ее просто трясло, — прибавила леди Лидия.

— Муж предложил усыновить его, и она решила, что дело нечисто. Я думаю, бедный Дройтвич немало перенес.

Сэр Герберт вздохнул и немного распустил воротничок, явственно радуясь, что достиг конца повести.

— Это все? — спросил Тони.

— Да, все.

— Чего тебе еще надо?! — возмутился Фредди.

— Я посоветовал Дройтвичу сдаться, — дополнил свой рассказ сэр Герберт. — В конце концов, есть мальчик, воспитанный как сын графа…

— Да, Тони, — подтвердила леди Лидия, — у тебя превосходные манеры.

— …и есть исключительно неприятный субъект.

— Аминь, — заметил Фредди. Тони, однако, не успокоился.

— А мне-то что делать? — крикнул он.

— Тебе? — удивилась леди Лидия. — Неужели это не ясно?

— Вот именно, — поддакнул сэр Герберт. — Сиди тихо и смотри, чтобы эта мегера не болтала.

— Да, Господи! — не унимался Тони. — Как же я могу…

— Не дури, — укоризненно сказал Фредди. — Не распускайся, старик. Ты обо мне подумал? Тебе не стыдно подсунуть мне такого братца?

— Нет, правда, Тони! — вступила в беседу леди Лидия. — Отец, и тот решил ничего не трогать. Что ж ты беспокоишься?

— Молодец, тетя Лидия, — одобрил ее Фредди.

— Беспокоиться? — Тони обернулся к дяде. — А ты никогда не беспокоился?

— Естественно! Я для него сделал, что мог. Два раза в месяц, приезжая в Лондон, я захожу к нему постричься…

— А я его всем рекомендую, — прибавила леди Лидия. — Поэтому он и открыл женский зал.

— Если бы он его не открыл, — напомнил Фредди, — он бы не нашел

эту очаровательную барышню. Да мы ему счастье принесли!

Тони засмеялся.

— Что говорить, сплошные жертвы! Однако…

Кто-то постучался в дверь. Все замолчали и переглянулись.

— Прошу, — сказал Тони.

Появление Полли вызвало большую радость по меньшей мере у троих членов семейного совета. Леди Лидия приветливо улыбнулась. Полли была спокойна и сдержанна.

— Можно вас на минутку, леди Лидия? — спросила она.

— Конечно-конечно. А в чем дело? Говорите при всех.

— Хорошо, — согласилась Полли. — Скажите, пожалуйста, можно ли верить миссис Прайс?

Глава VII

Воцарилось тяжкое молчание. Нарушили его, в конце концов, супруги Бессинджер. Сэр Герберт издал тот звук, который издает овца, если подавится травой; леди Лидия нашла слова, хотя хотела бы вскрикнуть.

— Верить? — спросила она, сжимая руки. — А что ж она говорит?

— Что детей подменили.

— Значит, она вам сказала? — бесстрастно осведомился Тони.

— Да.

— Вот гадюка! — взорвался баронет. — При чем тут вы? И вообще, какое право…

— Я просто попалась ей под руку, — ответила Полли. — Она бы сказала кому угодно. И потом, она знает, что мне нравится мистер Прайс.

— Нравится? — недоверчиво спросил Фредди.

— Да. Он со мной вежлив, а это нечасто бывает с нами, маникюршами. Он никогда меня не обижал, и я ему желаю добра.

Сэр Герберт попыхтел.

— Прекрасно, моя милая, — сказал он, — но вы же не думаете, что лорд Дройтвич…

— Я хорошо к нему отношусь, — продолжала Полли, — и хочу попросить, чтобы ему вы не рассказывали.

— Что?!

— Кому, Прайсу?

— Может быть, — сказал Фредди, — вы случайно прибавили «не»?

— Мистер Прайс, — отвечала Полли, — очень счастливый человек. Он любит свою работу и гордится своим мастерством. Правда, он мечтает переехать на Бонд-стрит, но так, как мечтает мальчишка о празднике. В общем, ему хорошо живется. Он — настоящий парикмахер и жить без своего ремесла не сможет. Титул и замок испортят ему жизнь.

— Что ж, — заметила леди Лидия, первой набравшая дыхание, — можно посмотреть на дело и так.

— Только так, — заверил Фредди и улыбнулся Полли. — Кстати, знаете ли вы, что каждое ваше слово — прекраснее жемчужины туманной?

— Я просто смотрю по-житейски, по-человечески. Если кому неудобно, он счастлив не будет. Вот, например, если королю жмут башмаки…

— Соломон! — почтительно воскликнул сэр Герберт. — Соломон, а

не девушка!

— Мистер Прайс будет все время беспокоиться, как бы чего не натворить. Сделает ляп, а там…

— Речь идет о нарушении этикета, — пояснил Фредди.

— Он будет думать, что над ним смеются. А он этого не любит. Я знаю, я пробовала с ним шутить.

Сияли все, кроме Тони.

— Да, — сказал он, — вы правы, ему тут будет хуже. А как насчет меня? Могу я жить на чужие деньги и носить чужой титул?

Фредди сокрушенно покачал головой.

— Какой ты мрачный, старик! Я бы сказал, зануда. Так нельзя.

— Можешь или не можешь, — сказала леди Лидия, — здесь тебе намного лучше, чем в парикмахерской, под именем Прайс.

— Вот именно! — поддержал ее муж.

— И потом, как же Вайолет?

— Да, — снова помог жене сэр Герберт. — Ты же не хочешь ее потерять?

Леди Лидия заволновалась.

— Ты что-то путаешь. Титул ничего для нее не значит, она мне сама говорила.

— Конечно-конечно, — поспешил согласиться баронет. — Тонкая, жертвенная душа!

— Таких людей обижать не надо, — сказала Полли. — Стыдно пользоваться их качествами.

— Соломон… — повторил сэр Герберт, осторожно глядя на Тони. Глядела на Тони и тетя, глядел и брат.

— Хорошо, — беспечно сказал предмет их тревоги. — Что такое совесть, в конце концов? Мы все здесь свои. Оставим как было.

— Ура! — закричал Фредди.

— Слава тебе, Господи! — выдохнула леди Лидия.

— Особенно за то, — благочестиво прибавил сэр Герберт, — что эта пьяная идиотка спит в библиотеке, а там никого нет. Подумать страшно, что было бы, если бы она шлялась по замку…

— Простите, милорд, — спросил Слингсби с порога, — не знаете ли вы, где моя сестра?

Сэр Герберт подскочил, как загарпуненный кит.

— Что? — крикнул он, обретя голос.

— Разве она не в библиотеке? — хрипло прошептала его жена.

— Там ее нет, миледи. Полли вскрикнула.

— Значит, она притворилась, чтобы я ушла! Зачем я поверила? Нет, зачем я… Никогда себе не прощу!

Она кинулась к дверям. Сэр Герберт поднял руку.

— Минуточку!

— Слингсби, — сказал Фредди, — найдите эту мегеру и пошлите сюда.

— Слушаюсь, сэр.

— Ну вот, — сказал младший сын, когда дверь закрылась. — Если она виделась с этим гадом, надежда одна. — Он махнул рукой. — Соломон-девица.

— Да, — согласилась леди Лидия. — Только вы, моя милая, уговорите этого Прайса, как уговорили лорда Дройтвича.

— Лорду Дройтвичу, — напомнила Полли, — мои соображения выгодны.

— Да, да, да, да, — нетерпеливо заметил сэр Герберт. — Но если как следует объяснить, что ему с положением не справиться…

— Тогда он упрется, как мул. Он очень гордый.

— Какой неприятный персонаж! — огорчился Фредди. — Всегда его не любил.

— Спросите его, какой из него выйдет пэр? — предложила леди Лидия. — В конце концов, собственный отец решил, что он не годится. Так вот, вы спросите…

— Я знаю, что он ответит.

— Что?

— «Не хуже прочих».

— Вообще-то он прав, — признал Тони.

— Пойду посмотрю, как там дела, — сказала Полли.

— Идите, — одобрил ее сэр Герберт. — Что же еще сделаешь?

— Спасибо вам большое, — сказал Тони, открывая перед ней дверь.

Полли ему улыбнулась и вышла, а он вернулся на свое место в семейном совете. Председателем себя явно чувствовал сэр Герберт.

— Теперь так, — сказал он. — Самое умное — предложить ему денег.

— Да, — поддержала леди Лидия, — и побольше.

— На том условии, — продолжал председатель, — что он подпишет бумагу.

— Правильно, — сказал Фредди. — Только не надо на него давить. Полегче, как бы между прочим.

— Понимаю, — кивнул баронет. — Чтобы не вздумал, что нам это важно.

— Вот именно! — обрадовалась леди Лидия. — Недоверчиво, может быть — насмешливо…

Тони внес в этот радостный хор неприятную ноту.

— И чего вы крутите?!

Фредди пришлось снова его одернуть.

— Старичок, — сказал он, — иногда крутить приходится. Что я, в Оксфорде не крутил? Ничего не попишешь.

— А, ясно! Иначе нельзя.

— То-то и оно!

— Но ведь противно.

— Ничего, держись. А мы прорепетируем. Итак, небрежность, легкий юмор…

Раздался стук. Семейный совет замер.

— Входите!

Вошел лакей Чарльз.

— Простите, милорд, — сказал он. — Вы просили напомнить, что надо пораньше одеться.

Семейный совет расслабился.

— О, да! Спасибо, Чарльз, — сказала леди Лидия.

— Кстати, — осведомился сэр Герберт, — вы, часом, не знаете, где этот Прайс?

— У экономки, сэр Герберт, — честно ответил лакей. — Беседует с мамашей.

Глава VIII

Лакеям нечасто выпадает случай потрясти своих хозяев, словно террорист с бомбой. Это не входит в их обязанности. Должно быть, из всех младших слуг Англии только Чарльзу удалось в тот день привести баронета на грань инсульта, его жену — на грань инфаркта, и сделать так, чтобы младший сын графа уронил монокль. Как ни странно, добрый слуга этого не заметил. Английские аристократы мгновенно обуздали себя.

— Вот как? — сказала леди Лидия, не выдавая своего отчаяния. — Вы уверены?

— Да, миледи.

Младший сын поднял монокль с невозмутимостью Чок-Маршаллов.

— Ей получше? — осведомился он. — Бедная женщина…

— Она думала, ей конец, мастер Фредерик.

Сэр Герберт чуть не вскрикнул, сдержался, но все-таки издал что-то вроде писка горюющей мыши, а верный лакей подивился его доброте к бывшей няньке. Тем самым он умилился и поспешил его утешить:

— Все обошлось, сэр Герберт. Я ее знаю. Через полчаса будет петь и плясать.

— Она-то будет, — сказал Фредди.

— Чарльз, — сказал Тони, — позовите сюда, пожалуйста, Прайса.

— Сию минуту, милорд. И он удалился.

— Что он там засел? — рассердился сэр Герберт, еще трясущийся от шока. — Мы посылаем за ним буквально всех, а он не идет. Не идет, чтоб его черти драли!

— Должно быть, увлечен беседой, — предположил Фредди. — Не может оторваться от матери.

— Это ужасно! — вскричала леди Лидия. — Она ему все сказала.

Фредди плавно помахал рукой.

— Ну и что? Все по-прежнему. Юмор, небрежность, легкость. Зачем нас столько учили, если мы не обдурим какого-то парикмахера?

— Лично я скажу… — начал сэр Герберт.

— Как ни в чем не бывало, — вставил Фредди.

— Да-да. Так вот, я скажу…

— С юмором.

— Да! Я скажу…

— Легко и небрежно.

— Да, да, да! Небрежно. Легко. «До меня доходят странные слухи…»

— Правильно, — одобрил Фредди. — Хороший слог. Надо его подавить.

— Попробую, — обещал сэр Герберт.

— Тут подошли бы длинные слова, — посоветовал Фредди. — Скажем, «необоснованные слухи, исходящие, по всей вероятности…»

Послышались быстрые шаги, семейный совет застыл снова. Ручка повернулась, вбежал Уоддингтон. За ним шла Вайолет.

— Лорд Дройтвич! — вскричал банкир.

— Отец взволнован, — пояснила дочь. — Последние новости…

— Новости? — затрепетал сэр Герберт.

— Она сказала вам? — спросил Тони.

— Конечно, — отвечал Уоддингтон.

— Зачем?! — возмутился Фредди. — При чем тут вы?

— Э?

Леди Лидия заметила непорядок.

— Постой, Фредди.

— Да, — настаивал Тони, — при чем тут мистер Уоддингтон?

— Хорошенькое дело! — вскричал банкир. — Ну, знаете ли!

— Простите, — сказал Тони, — я невежливо выразился. Однако поневоле удивишься. Когда человек может потерять титул и все деньги…

— О чем вы говорите? — не понял будущий тесть.

— Разве она вам не сказала?

— Она?

— Мистер Уоддингтон имеет в виду помолвку, — объяснила леди Лидия. — Твою, между прочим.

— Мою? О, Господи! Забыл.

— Как смешно! — сказал Фредди и верности ради засмеялся. — Что называется, недоразумение. Один имеет в виду одно, другой — другое.

— Что вы сказали про титул?

— Да так, ничего, — сказал сэр Герберт. — Шутка.

— Чистой воды юмор, — поддержал его Фредди. Мистер Уоддингтон не нажил бы столько денег, если бы не имел прозорливости. Он гордился тем, что видит насквозь кирпичную стену. Что-то тут не сходилось, и он решил разобраться.

— Нет, — возразил он, — это не шутка. Вы посмотрите на себя! Какие вы нервные, какие серьезные! Тут что-то не так. Раз моя дочь вручила вам, Дройтвич, свое счастье, я имею полное право…

— Да-а, — томно протянула Вайолет. — Я редко соглашаюсь с папой,

но сейчас…

Тони повернулся к ним. Его терпение иссякло. Примерно так чувствовал себя Самсон перед тем, как обрушить храм.

— Хорошо, — сказал он, — надо так надо. По-видимому,

Уоддингтон, я — не граф.

— То есть как?

— Вот так. Подменили в раннем детстве.

Вайолет приподняла изящные брови. Косметичка что могла, то выщипала, но оставалось достаточно, чтобы их приподнять.

— Подменили? Что вы имеете в виду?

— Ну, это как в «Детских балладах»,[63] — пояснил Тони, и Уоддингтон побелел. — Не читали? Были два мальчика, свой и чужой. Я — чужой.

— Чужой?

— Да. Что тут непонятного? Сейчас мы побеседуем с настоящим графом. Надеюсь, все обойдется.

— Мы попытаемся, — сказала тетя Лидия, — его убедить, чтобы он отказался от своих прав.

— У него они есть? — спросил банкир.

— О, да! — ответил Тони.

— Папа хочет сказать, — объяснила Вайолет, — что бывают разные случаи. Возьмем дело Тичберна. На перекрестном допросе он сдался. Этот ваш субъект — не мошенник?

— О, нет!

Уоддингтон сунул пальцы в прорези жилета.

— Вот как? — воинственно спросил он. — А что, если он не откажется? Э? Что тогда? Мне интересно узнать, что с вами будет.

— Я стану парикмахером, — ответил Тони.

— Если это шутка…

— Да-да! — вмешался сэр Герберт. — Я же вам говорил. Уоддингтон фыркнул.

— Нет. Я шутки сразу вижу.

— Замечательный дар! — сказал Тони.

— Это — не шутка. Это — правда. А, черт! Послушайте, если он выиграет, у вас не будет ничего?

— Ну, что вы! У меня будет парикмахерская в Найтбридже.

— Ни титула… ни замка… ни денег!..

— Тут вы правы.

— А у меня сейчас будет удар.

— На людях? — удивилась Вайолет. — Что ты, пойдем в библиотеку.

Уоддингтон глубоко вдохнул воздух и сообщил:

— Лучше я помолюсь.

— Хорошо, — согласилась дочь. — Леди Лидия, можно молиться у вас в библиотеке?

— Пожалуйста, — ответила хозяйка. — Молитесь где угодно!

— Где вам только захочется, — уточнил сэр Герберт.

— Спасибо, — сказала Вайолет, подгоняя к дверям дрожащего отца.

Когда они вышли, Тони засмеялся.

— Возьму-ка я листочек, — сказал он, — и запишу всех жителей Англии, которые не знают нашей тайны.

— Молодец, старикан, — сказал Фредди. — Приятно слышать смех.

— Истерический, — уточнил Тони.

В дверь опять постучались, и наконец появился мистер Прайс.

Глава IX

Когда он вошел, Фредди Чок-Маршалл, образец изысканной сдержанности, с укоризной оглядел родных. Они держались плохо, что там — мерзко. Где легкость? Где небрежный юмор? Дядя Герберт дергался, словно его внезапно поразил паралич. Тетя Лидия была похожа на леди Макбет. Что же до брата (он предпочитал называть его именно так), даже подслеповатый ребенок мигом определил бы полное отчаяние.

Словом, семья никуда не годилась, и достопочтенный Фредди, печально вздохнув, посмотрел на Сида.

Тот, слава Богу, был в порядке. Красотой он не отличался ни раньше, ни теперь. Он вообще не изменился, что обрадовало Фредди. Казалось бы, узнав, что ты лорд, можно обрадоваться — но нет. Сид был таким, как обычно. Вероятно, мамаша Прайс говорила с ним о погоде или о будущих выборах. Словом, Сид был в порядке, хотя уродства не утратил.

— Вы меня звали, сэр Эрберт? — спросил он.

И голос ничего, не наглый. От облегчения Фредди закурил.

Тем временем сэр Герберт, сидевший у камина, вел себя очень глупо. Вместо того чтобы сухо ответить: «Да», он подергался, словно ему под пиджак залетело насекомое, и пролепетал:

— Звал… Да-да, звал. Хотел, знаете ли, видеть. Собственно, мы все…

Заметив взгляд племянника, он прервал фразу, и Фредди взял власть в свои руки.

— Присаживайтесь, — сказал он.

Сид посмотрел на него с холодной неприязнью и отвечал:

— Ничего, я постою.

Фредди это не понравилось. Нет-нет, так нельзя. И смотрит странно…

В беседу вступила леди Лидия. Она попыталась улыбнуться, и зря, ничего не вышло.

— Как ваша матушка? — спросила она. Сид не растрогался.

— А чего ей сделается? Она вечно помирает.

— Может быть, солнечный удар? — бодро предположил сэр Герберт. — Мне сегодня так напекло голову…

— Надралась она, — пояснил Сид. — А то, удар!

— Ах ты, Господи! — опечалился баронет. — То-то я заметил, она какая-то странная. Видимо, ей мерещится… хм… что она больна. Прайс!

— Да, сэр Эрберт?

— А часом… э-э…

— Что, сэр Эрберт?

— Нет, ничего.

На Фредди он не смотрел осторожности ради, и тот решил, что пора взять дело в свои руки.

— Тони, старик, — с предельной небрежностью сказал он, — ты о чем-то хотел спросить Прайса.

— Я? — несмело удивился Тони.

— А кто? — Фредди смотрел на него как укротитель. — О переезде на Бонд-стрит.

— Да-да! — припомнил Тони.

Сид с еще большей неприязнью посмотрел на Фредди.

— Я туда не переезжаю, — сказал он.

— Ах, почему же! — вскричала леди Лидия, снова кидаясь в пучину. — Это самое лучшее место.

— Переезд денежек стоит.

Сэр Герберт прокашлялся.

— Об этом мы и хотели потолковать. Лорд Дройтвич мог бы дать вам денег…

Сид посмотрел на Тони.

— А с какой стати?

— Понимаете… — начала леди Лидия.

— Вот именно, — поддержал ее муж.

— Лорд Дройтвич — очень странный человек. Он относится к вам как к брату…

— Такой романтичный, знаете ли…

— Ну как, Сид? — вмешался Тони. — Согласен?

— Эт на что? Вы мне ничего не предложили.

— Да? Забыл, наверное. Так вот…

— Это нелегко выразить, — объяснила леди Лидия. Сид холодно посмотрел на нее.

— Что ж, выражу я, — предложил он. — Вы мне даете деньги, а я подпишу бумагу, что не претендую на титул.

И он сурово оглядел окаменевший совет.

— Думаете, я молчу, — продолжал он, — так мать мне не сказала? Сказала, как миленькая! Только я не очень поверил, пока сюда не пришел. Смотрю, вы трясетесь…

— Мы не трясемся! — воскликнул сэр Герберт.

— Да? Это вы зря. Нет, подумать, двенадцать лет меня за нос водили!

Теперь, узнав самое худшее, леди Лидия обрела мужество.

— Докажите, — сказала она.

— А чего? Вон, к примеру, картина. Один к одному.

— Для суда это не свидетельство.

— Тетя хочет сказать… — начал Тони.

— Она вам не тетя.

— Леди Лидия, — кротко согласился Тони, — хочет сказать, что вам будет трудно доказать свои права.

— Знаю-знаю. Как говорится, суд равных.[64] Ничего, мы и сами лорды.

Сэр Герберт решил взять величавостью.

— Что за пустые толки? — сказал он. — Если лорд Дройтвич…

— Он не лорд Дройтвич.

— Ладно, пусть будет Икс, — предложил Фредди.

— Если семейство, — продолжал сэр Герберт, — предложит вам тысячу фунтов в год…

Сид неприятно засмеялся.

— Тысячу фунтов!

— Не будем торговаться, — сказал Тони. — Больше поместье не выдержит.

Сид засмеялся опять.

— Ладно. А вот я вам предложу, чтобы вы убирались тихо-мирно. И на судейских сэкономите.

Гордый дух Фредди не выдержал.

— Нет, такого нахальства… Сид сурово на него посмотрел.

— Ну, хватит, — сказал он. — Надоело. Я — граф Дройтвич, ясно? А ты — мой младший брат. Полезешь еще, не буду давать денег.

Фредди посмотрел в потолок, словно моля Всевышнего послать хорошую молнию; но не вымолил.

— Пока не решит суд пэров, — сказала леди Лидия, — вы не лорд Дройтвич и не граф.

— Ничего, они-то решат. Не беспокойтесь, тетенька! Леди Лидия пошатнулась. Сэр Герберт рыцарственно кинулся на помощь.

— Слушайте, Прайс!

— Какой я вам Прайс? Прайс, видите ли! Вот подадим в суд за оскорбление личности, будет во всех газетах: «Баронет по дороге в камеру». Как вам, а?

— Сид, — спокойно сказал Тони.

— Да? — откликнулся герой дня, — Ну-ну, чего там?

— Вас никогда не били? Сид несколько оторопел.

— Да вы что? Да я…

— Так не хамите.

— Ладно-ладно. Такой уж я, еронический. Люблю эти, сарьказмы. Нет, сами посудите. Вы человек честный. Как я, по-вашему, лорд?

— Да.

— Благодарствуйте.

— Не за что.

— Чего еще надо? — спросил довольный Сид. — Пойду, покурю, а вы тут потолкуйте. — Он подошел к столу, взял пригоршню сигарет и вышел на лужайку, прибавив: — Даю десять минут по моим золотым.

— Вот так, — сказал Тони.

Двери распахнулись, вбежал Уоддингтон, за ним с присущей ей томностью вплыла Вайолет.

Глава X

— Ну? — кричал Уоддингтон. — Ну как? Все в порядке?

— О, нет! — отвечал Тони.

— То есть…

— Он все знает и будет бороться.

— Какие у него шансы? — осведомилась Вайолет.

— Прекрасные.

— Если эта мегера даст показания, — вскипел сэр Герберт, — мы бессильны!

— О, Господи! — сказал Уоддингтон.

— Надежда одна, — сказала леди Лидия. — На эту девушку.

— Какую? — спросила Вайолет. — Которую он привез?

— Да. Она его может уговорить. Приведи ее, Фредди.

— Сейчас.

Вайолет подняла брови.

— Почему именно она?

— Потому что она его понимает.

— Они что, жених и невеста?

— Нет, — сказал Тони.

— Скорее, да, — возразила Вайолет. — Тогда убеждать его ей невыгодно. Если он будет граф, то она — графиня.

— Он ей не жених, — не сдался Тони. — А графиней она быть не хочет.

— Какая странная девица! Ее что, в детстве уронили?

— Нет, послушай… — начал Уоддингтон.

— Ах, папа, отстань! Делец пылко засопел.

— В мое время, — сказал он, — с отцами говорили вежливо.

— Наверное, отцы были другие, — заметила Вайолет. Тут вернулся Фредди с Полли. Семейный совет ей очень обрадовался.

— Мы вас так ждем, дорогая! — вскричала леди Лидия. — Дайте нам совет. Мой племянник ввел вас в курс дела?

— Более или менее, — сказал Фредди.

— Насколько я поняла, — сказала Полли, — мистер Прайс все знает.

— Да, — сказала леди Лидия. — Вот мы и хотим, чтобы вы ему все объяснили.

Полли покачала головой.

— Ничего не выйдет.
— Почему?
— Теперь уже поздно. Тони кивнул.
— Конечно, — сказал он. — Остается одно, борьба.
— На жизнь или на смерть! — согласился Фредди.
— А можно и не бороться, — сказала Полли. — Будет лучше.
— Что вы говорите? — возмутилась Вайолет. — Какая ерунда!
— Нет-нет, — возразил Фредди. — Среди нас — особа женского пола, которая не говорит ерунды. У нее есть какая-то мысль, я это вижу.
— Да, есть, — согласилась Полли, — и хорошая. Вы хотите, чтобы мистер Прайс не требовал своего?
— Хотим, — мрачно отвечал сэр Герберт.
— Тогда пусть побудет графом и увидит, как это трудно.
— Что вы хотите сказать?
— Пусть станет лордом сейчас. Отдайте ему титул.
— Моя дорогая!.. — начал сэр Герберт, ожидавший чего-то получше. — Как можно? Только Палата лордов…
— Да, а пока пускай он будет здесь. Готовьте его, учите, чтобы он не посрамил рода.
Леди Лидия восторженно вскрикнула:
— Какая блестящая мысль!
— Да, мысль ничего… — согласился сэр Герберт.
— Я вам говорил, это Соломон, а не девушка, — напомнил Фредди.
Делец не разделил их восторгов.
— Не понимаю, — сказал он.
— Ну, папа! — как все современные девушки, Вайолет не выносила родительской тупости. — Пошевели мозгами, если они есть. Мистер Прайс так измучается, что сам все бросит.
— Почему?
— Да по разным причинам, — отвечал сэр Герберт. — Скажем, из-за лошадей.
— Я его буду возить на концерты, — предложила леди Лидия.
— А я его буду учить одеваться, — пообещал Фредди.
— Слингсби будет глядеть сквозь него, — припомнила Вайолет.
Тут Фредди не согласился.
— Это ему все равно. Слингсби — его дядя.
— Тогда наймите другого дворецкого.
— А, ясно! — понял наконец Уоддингтон. — Прекрасная мысль.
— Но не очень честная, — сказал Тони.

— Честная? — возмутилась леди Лидия. — Ну, что ты говоришь!

— По-моему, — не сдался Тони, — это некрасиво.

— Нам не до тонкостей! — сказал сэр Герберт. — В сущности, мы ему только поможем. Откроем глаза, как говорится.

— А, ясно! — сказал Тони. — Чистый альтруизм.

— Ты тут ни при чем, — заверила леди Лидия. — Поживи пока в Лондоне.

— Хорошо.

— Если мистер Прайс останется здесь, — сказала Полли, — как я попаду в город?

— Я вас подвезу, — сказал Тони, немного менее мрачно. — Вы готовы?

— Только попрощаюсь с миссис Прайс.

— Жду через десять минут у входа.

— Спасибо, лорд Дройтвич.

— Зовите меня Сид.

Леди Лидия обернулась к Полли.

— Не могу выразить, мисс Браун, как мы вам благодарны.

— Молодец, каких мало, — согласился Фредди.

— Спасибо, леди Лидия, — сказала Полли. Семейство почтительно смотрело ей вслед.

— Какая умница! — вздохнул сэр Герберт.

— Гений, — объяснил Фредди. — Редкостный дар.

— В жизни не встречал такой девушки, — сказал Тони. Вайолет странно на него посмотрела.

— Это заметно, — сказала она.

Нависло неприятное молчание, но тут явился Сид.

— Что такое? — с подозрением спросил он. — Вроде вас было поменьше.

— Моя невеста, мисс Уоддингтон, — представил Тони. — Мой будущий тесть, мистер Уоддингтон. Лорд Дройтвич.

Сид удивился.

— Эй! — крикнул он. — Вы что, сдались?

— Вот именно, — сказал Тони. — Уезжаю, оставляю все вам. — Он вынул связку ключей. — Этот, золотой, от вашей гардеробной, этот — от винного погреба, этот — от почтового ящика. Про остальные объяснит Слингсби. Да, вот ключ от лондонского дома на Арлингтон-стрит, а вот — от замка. — Он бросил связку на стол. — Давайте мне ключи от парикмахерской, и мы в расчете.

Сид тупо глядел на него. События разворачивались слишком быстро.

— До свиданья, тетя Лидия, — сказал Тони. — Привет, дядя Герберт. Пип-пип, Фредди.

— Пип-пип, стариканчик.

— До свиданья, Вайолет.

— До свиданья, Тони.

— Au revoir, лорд Дройтвич. Встретимся при Филиппах.[65] Он вышел. Сид растерянно огляделся.

— Эй! — сказал он. — Чего это? Ему никто не ответил.

— Пора одеваться к обеду, — сказала мужу хозяйка.

— И верно!

— Как, папа, идем?

— Э? А! Да-да.

Фредди мрачно посмотрел на Сида.

— Что вылупился? — спросил тот. — Надумал чего, а?

— Да вот, — отвечал Фредди, — представляю вас в Палате лордов. Люблю посмеяться.

— Тьфу! — сказал Сид.

Но его никто не услышал. Фредди ушел. Он постоял, подумал, подошел к портрету над камином, несмело принял прежнюю позу — подбородок кверху, сжатый кулак. Потом отошел, и ему явилась новая мысль.

Заложив одну руку в проем жилета и помахивая другой, он неуверенно начал:

— Лорды! Можно сказать, я тут в первый раз… И смущенно умолк. В комнате был Слингсби.

— М-дэ… — сказал дворецкий.

— Эй, дядя Тед…

Дворецкий стал еще мрачней, чем обычно.

— Да, ваша милость?

Как и семейный совет, Сид решил говорить небрежно.

— Сказали, а? — осведомился он.

— Угм, — отвечал мажордом. — Одеваться пора, к обеду.

— Во что?

— Там приготовлено.

— Да мне б помыться…

— Это верно. Помыться бы не мешало.

— Дядя, налей мне ванну, — попросил Сид.

— Сам наливай, — отвечал Слингсби. И величаво удалился.

Глава XI

Недели через две после сенсации в высшем обществе, которую мы только что описали, друг Фредди Чок-Маршалла, Кубик Бриднорт, решил, что самое время подровнять волосы. Прихватив шляпу и трость, он отправился в Салон Прайса. Время — без малого час, день недели — суббота.

Салон, как мы, возможно, упоминали в нашей хронике, расположен рядом с Гайд-парком, на Бромтон-роуд, в тупичке, именуемом Мотт-стрит. Именно здесь поколения Прайсов вели нескончаемую войну с упорными волосами лондонских жителей. Здесь прадед срезал прыщик на подбородке самого Веллингтона[66] и получил нагоняй, ибо герцог не скрывал своих чувств. Почти вся знать, обитающая к югу от парка, стриглась здесь дважды в месяц. Лорд Бриднорт, чья семья жила на Кадоган-сквер, тоже так делал.

Как постоянный клиент, он был уязвлен, что его не обслужит хозяин. Когда он вошел, Сида не было. В салоне находился только усатый человечек в очках, которого звали Джордж Кристофер Мич, хотя посетитель этого не знал и знать не хотел.

Мич окутал клиента простыней и приступил к делу. Дойдя до той фазы, когда к затылку приставляют зеркало, он его приставил, а Кубик посмотрел и остался доволен, хотя был весьма придирчивым.

— Неплохо, — сказал он.

Джордж Кристофер Мич убрал зеркало.

— Побрить, сэр?

— Нет, спасибо.

— Помыть, сэр?

— Нет, спасибо.

— Смазать? Опрыскать?

— Нет-нет.

— Хорошо, сэр.

Мич с достойной покорностью снял простыню, и Кубик явился миру, словно бабочка из кокона. Явившись, он вгляделся в свое румяное отражение.

— Да, — сказал он, — неплохо.

— Спасибо, сэр.

— Конечно, Прайс еще лучше…

Мичу эти слова не понравились. Две недели назад он служил у самих Труффитов, покинул их — по чистому недоразумению, и считал, что такой далекий запад, как Бромтон-роуд — рангом пониже, даже если речь идет об историческом заведении Прайсов. Словом, он не соглашался с тем, что стрижет хуже бывшего хозяина.

— Мне не довелось, — сухо сказал он, — видеть работу мистера Прайса.

— Он всегда меня стриг, — объяснил Кубик. — И отца, пока у него были волосы. А как же так вы его не видели?

— Мистер Прайс тут не был две недели, сэр. Договорился со мной и отбыл.

— А, вы новенький?

— Да, сэр. Я служил у Труффитов, — со значением сказал Мич.

— Значит, Прайса нет две недели?

— Именно так, сэр.

— Что ж это с ним?

— Он за городом, сэр.

— Отдыхает?

Мич таинственно понизил голос, забыв свои обиды.

— Мне представляется, сэр, что он ушел на покой.

— То есть как?

— Так, сэр. Насколько я понимаю, у нас новый хозяин.

— Вот это да! — воскликнул Кубик. Он удивился. Ему всегда казалось, что Прайс вечен, как Британский музей. Сюда водила его няня, чтобы подстричь локоны. Он просто не представлял, что династия может смениться.

— Неужели он продал парикмахерскую?

— Не могу сказать точно, — важно отвечал Мич, — но вот Уже две недели, как мистер Прайс тут не был, а один человек то и дело заходит. Я полагаю, присматривается.

— Какой еще человек?

— Очень приятный, сэр, молодой. Прекрасные манеры. Некий Антони.

— Да? — сказал Кубик.

Он был консервативен и не любил перемен. Ну, что это? Салон столько лет переходил от отца к сыну, и вдруг его покупает какой-то незнакомец с манерами!

Что ж, такие времена, печально подумал он. Того и жди, закроют «Чеширский сыр» и Симеона.[67] Или Итон и Харроу.[68]

— Надеюсь, он ничего, — сказал Кубик. — А то сюда ходит много народу.

Тут дверь отворилась, и он увидел безупречный силуэт своего друга Фредди, который, по его мнению, находился в Ленгли-энд.

— Привет! — сказал он.

— Привет, Кубик!

— Ты в Лондоне? — спросил лорд Бриднорт, видимо, полагая, что это — мираж или видение.

Фредди заверил, что он в Лондоне.

— А Тони?

— М-мэ, — сказал Фредди. — Д-да, он тоже в Лондоне.

— Значит, все тут?

— Да. Вчера приехали.

Говорил Фредди осторожно, словно взвешивал слова, и смотрел странно. Ему совсем не хотелось, чтобы молодой поставщик сплетен проник в опасную зону. До сих пор никто не узнал, что случилось в роковой летний день, но зарекаться нельзя. Он не знал, что Кубик ходит сюда с детства, и его присутствие показалось ему подозрительным.

Тем самым, он искоса на него смотрел, думая о том, что, при всей его глупости, газеты могут посулить ему хорошие деньги.

— А ты почему здесь? — спросил он.

— Зашел постричься. А ты?

— Побрить, сэр? — услужливо осведомился Мич.

— Мне нужен хозяин, — ответил Фредди.

— Недавно ушел, сэр. Поговорил с нашей маникюршей и ушел.

— Надолго?

— Не думаю, сэр. Вроде бы собрался тут перекусить.

Говоря так, Мич еле слышно фыркнул. У Труффита в салоне не ели. Если мистер Труффит хотел есть, он шел в ресторан.

— Ты видел этого типа? — спросил Кубик.

— Да, — ответил Фредди. — Мы встречались.

— Как это?

— Ну, так. Как люди встречаются.

— Где?

— Не все ли равно?

— Зачем он тебе нужен?

— Ну что ты пристал!

— Просто спрашиваю.

— Почему?

— Интересно, кто он такой.
— А почему?
— Ну, Господи! — вскричал Кубик. — Я сюда хожу с детства, ничего не меняется, и вдруг этот субъект…
— Моя фамилия Мич, сэр.
— Вдруг мистер Мич говорит, что салон продали какому-то Антони. Мне интересно, кто он такой, можно ли на него положиться.
Подозрения Фредди не угасли.
— И все?
— А что тебе еще надо?
— Ты не от газеты?
Кубик удивился еще больше.
— О чем ты говоришь?
— Ну нет, так нет! Я просто подумал…
— Что?
— Что ты собираешь материал для колонки «Слухи, сплетни».
— Какая колонка! Я там уже не работаю.
— Выгнали? — спросил Фредди, давно удивлявшийся, что приличная газета держит Кубика. — Давно?
— Ничего не выгнали. Они очень мной довольны. Ярко, говорят, умно…
— Так чего ж ты ушел?
— А ты не слышал?
— О чем?
Лорд Бриднорт схватил друга за лацкан.
— Женюсь!
— Женишься?
— Вот именно. На Луэлле, единственной дочери Дж. Тротмортона Бимиша из Нью-Йорка.
— Не может быть!
— Может.
Фредди закурил сигарету.
— Она что, слепая?
— Почему?
— Да так, подумал… Ладно, поздравляю и так далее. Когда ж это ты успел?
— Позавчера. Вчера было в «Морнинг Пост».
— Не читаю, все времени нет.
Тут Фредди остановился. Его осенила идея. Глаза у него засветились,

как светятся они у истинных мастеров.

— А этот Бимиш богатый?

— Чуть не лопнет.

— И лысый?

— Конечно. Они все лысые.

— Значит, — сказал Фредди, — ему нужен бальзам Прайса. Помнишь, я тебе дал флакон?

— Дал? А, помню! Я его кокнул.

— Ну и дурак. Очень полезная штука. — Он повернулся к Мичу. — Пошлите дюжину флаконов лорду Бриднорту, в клуб «Трутни», на Довер-стрит.

Мичу это понравилось. Дело есть дело.

— Хорошо, сэр.

— А ты их дай этому типусу. Лорд Бриднорт заколебался.

— Послушай, ну как я дам? Мы не очень близко знакомы.

— Да ты женишься на его дочери.

— Понимаешь, люди не любят, когда намекают на их лысину. Вот мой папаша…

— При чем тут папаша?

— А Елисей?[69]

— Какой еще Елисей?

— Такой. Из Библии. Тоже был лысый как шар. Намекнули на это дети, и — хапц! — их съел медведь.

Фредди нервно засучил прекрасно обутыми ногами. Довод был веский, но инстинкт продавца — тоже не шутка.

— Вот что, — сказал он, — когда ты его увидишь?

— Сегодня, в «Ритце». Потом пойдем в Тауэр.

— Возьми и меня, я с ним поговорю.

Эта мысль Кубику понравилась.

— Ну, если ты сам… Медведей не боишься? Тогда пошли.

Фредди посмотрел на часы.

— В «Ритц» забежать успею. В 2.30 у меня встреча.

— С кем?

— Да так, с одним…

— А не с одной?

— Если бы! Когда мистер Антони вернется, — обратился он к Мичу, — скажите, что заходил Чок-Маршалл и зайдет опять.

— Хорошо, сэр.

Кубик вернулся к прежней теме:

— Кто этот Антони? В жизни не слышал.

— Да вот, знаешь, Антони… Фамилия такая. Пошли.

На Мотт-стрит они схватили такси и доехали до «Ритца». Фредди был собой доволен. Как ни поразили его недавние события, о своей миссии он не забывал.

Глава XII

Несколько минут после того, как жених и его расторопный приятель уехали в гостиницу, мистер Мич располагал салоном по своему усмотрению. Как хороший парикмахер, он потратил это время на подготовку к новому визиту — наточил бритву, переставил шампуни и лосьоны, поправил объявление на стене, сообщил любопытному ребенку точное время, и, вполне довольный, встал на пороге, чтобы подышать тем, что на Мотт-стрит называют воздухом.

Когда течение мыслей подвело его к проблеме, заглянуть ли на угол, в «Кружку и гусеницу», дверь этого заведения открылась, и оттуда вышел человек.

Он был массивен, приятен с виду и обвешан пакетами. При виде него Мич бросился к бритве и принялся ее точить. Послышался свист, и вошел сам хозяин, мистер Антони.

— Привет, Мич, — сказал он. — Вот и я.

— Очень рад, сэр, — отозвался учтивый парикмахер.

— Бритву точите?

— Да, сэр.

— Точите, Мич, точите.

Тони сложил пакеты на столик у дверей с надписью «Женский зал». Для человека, перенесшего удар, он выглядел слишком хорошо. И неудивительно; еще никогда он не был так счастлив.

Неплохо быть лордом, иметь земли и большой дом на Арлингтон-стрит. Но еще лучше, как оказалось, владеть салоном, в котором служит Полли. Двух недель вполне достаточно, чтобы убедиться, что ты наконец полюбил. К этому дню сознание Тони наглухо заполнил образ той, кого называют Прекрасной дамой. Он видел Полли каждый день, много с ней беседовал и дошел до того состояния, когда все остальное стало почти нереальным. Джордж Кристофер Мич удивился бы, узнав, что для хозяина он — расплывчатый призрак.

Как ни странно, Полли не походила на юношескую мечту бывшего пэра. Мечта эта, почерпнутая из пантомимы, была достаточно величавой. Однако, увидев Полли, новый хозяин салона понял, что пришел к концу пути. Ему нравились ее хрупкость, и острота ее ума, и смуглое сияние личика, и блеск в глазах, который неизменно предварял чудеснейшую улыбку. Словом, таких — одна на миллион. На два. Нет, на три.

Освободившись от пакетов, Тони, от полноты чувств, заговорил с Мичем. Призрак или не призрак, а побеседовать можно.

— Как тут дела? — спросил он.

— Все хорошо, сэр. Тихо, спокойно. Подстриг одного джентльмена.

— Прекрасно.

— Не хотел ни шампуня, ни лосьона.

— Ай-яй-яй!

Мич улыбнулся отеческой улыбкой.

— Не огорчайтесь, сэр. Я знаю по опыту, что в субботу клиенты приходят под вечер.

— Под вечер?

— Да, сэр. К слову сказать, недавно вас спрашивал мистер Чок-Маршалл.

— Вот как? Значит, они в городе. Просил что-нибудь передать?

— Да, сэр. Что он еще вернется.

— Это хорошо. А теперь повесьте-ка снаружи «Закрыто». Мич не пошатнулся, но был к этому близок.

— Вы закрываете салон, сэр? — едва проговорил он.

— Да.

— В час? В субботу?

Тони разворачивал свертки. В них оказались сандвичи, два бокала и украшенная золотой фольгой бутылка того мрачного вида, который бывает у шампанского, если его купишь в кабачке.

— Наверное, очень плохое, — заметил он. — Но что поделаешь?

— Э-э, сэр, — сказал вежливый Мич.

— Или, другими словами, — продолжил Тони, — что тут попишешь?

— М-дэ, сэр, — отвечал на всякий случай растерянный Мич. Тони развернул свои доводы:

— Я молод, Мич. Солнце сияет. Я пригласил закусить даму. Значит, меня нельзя отвлекать. Значит, надо закрыть салон. Что нам богатство, Мич, за которым так гонятся? Важно ли, что мы пожертвуем какими-то стрижками?

— В субботу, сэр, обычно бреются.

— Что ж, каким-то бритьем. Кровь моя кипит, Мич, я собираюсь пировать, даже если все дело лопнет.

Мич вздохнул.

— Как вам угодно, сэр. Вы хозяин.

— Вот именно.

— Простите, сэр, есть у вас хозяйское чутье?

— Как не быть!

— Еще раз простите, сэр, вы человек загадочный. Мистер Чок-Маршалл — истинный джентльмен, а он говорит так, как будто давно вас знает.

— Он и знает.

— Вот видите! — победно воскликнул Мич. — Да, сэр, вы очень загадочный.

Тони потрепал его по плечу.

— Нет, я очень обычный. Но не будем говорить обо мне. Поговорим лучше о мисс Браун. Где она?

— В женском зале, сэр. Делает маникюр.

— Да? Надеюсь, она скоро кончит. А то шампанское перегреется.

— Пойти спросить, сэр?

— Нет, не надо. Идите домой, к деткам.

— Я не женат, сэр.

— Не женаты?

— Да, сэр. Но скоро женюсь. Мы помолвлены восемь с половиной лет.

Тони посмотрел на своего помощника с искренним интересом. Новая жизнь была хороша и тем, что свела его с такими людьми. Он все время узнавал о Миче что-то новое. Скажем, вчера выяснилось, что тот играет на саксофоне. Казалось бы, на чем, на чем…

— Да, — заметил он. — Марафон, а не помолвка.

— Нельзя жениться очертя голову, сэр.

— Вот уж не согласен! — радостно сказал Тони. — Можно и нужно.

Терпеливая улыбка осветила лицо Мича.

— Я тоже так думал, сэр. Когда был помолвлен в первый раз. Тони заинтересовался.

— Вот как? Значит, был первый раз?

— Да, сэр. — Мич любил рассказывать свою повесть, если слушали с сочувствием. — Но она меня обманула. Сбежала с почтальоном.

— Быть не может!

— Может, сэр. Отпраздновала день рождения, а потом…

— Какой ужас! Да, бывают на свете легкомысленные, корыстные женщины.

— Не все они такие, сэр, — сказал рыцарственный Мич.

— О, как вы правы!

— Моя невеста в жизни бы так не сделала.

— Вы уверены?

— Совершенно, сэр.

Они помолчали. Тони поиграл мылом для бритья.

— Кстати, Мич, — сказал он, — как вы предлагали руку и сердце?

— Ну, сэр…

— Нет, серьезно. Мне очень нужно знать! Как это вообще делают?

— Понимаете, сэр, по вдохновению.

— По вдохновению?

— Да, сэр. Как-то так, приходит в голову… К примеру, с первой барышней мы сидели на кладбище, и я ее спросил, не хочет ли она, чтобы на ее могиле была моя фамилия.

— Ей понравилось?

— Очень, сэр.

— Но вы на этом не остановились?

— Нет, сэр.

— Так-так… А во второй раз?

За очками Мича что-то мелькнуло. Он явно вспоминал давние, счастливые дни.

— Пошли мы в кино…

— При чем тут кино?

— Фильмы, сэр, очень чувствительные. Рональд Колмен,[70] сэр, это вам не фунт изюма. После сеанса я просто обнял ее и поцеловал.

— Она обрадовалась?

— По всей вероятности, сэр.

Тони посмотрел на Мича с восхищением.

— Чего же вы восемь лет тянете? Поразительно!

— Она не жалуется, сэр. А вы не собирались жениться? Этот бесхитростный вопрос подействовал на Тони так, словно ему ударили шлангом по переносице.

— Черт! — воскликнул он.

За две волшебные недели Тони и не вспомнил о Вайолет, разве что мельком, мимоходом. Ему казалось, что она давно в прошлом. Но кто сказал, что помолвка расторгнута? Он так считает — а она? Очень может быть, обходит магазины, покупает приданое…

Сейчас, здесь, он не мог понять, почему оказался таким кретином среди этих роз. Ну, хорошо, он там был, и она была, но что из этого следует? При чем тут поцелуи? И вдруг…

Его передернуло. Он вспомнил все до мелочей. Да, после таких сцен не отступишь. Если она собирается выйти за него замуж, он связан, выхода нет.

— Черт! — воскликнул он. — Да. Собирался.

— Вот как, сэр? — удивился Мич. — А как вы к ней подступились?

— Мич, — сказал Тони, — я не подступался, она на меня набросилась.

Помощник снова удивился и хотел продолжить расспросы, но дверь женского зала открылась, и вошла Полли, сменяя духом весны дух бриллиантина и лорда Бриднорта. При ее появлении весь мрак исчез, как исчезали волосы под рукой Джорджа Кристофера Мича. «Бог с ним, с будущим, — подумал Тони. — Настоящее, вот что важно!» А оно включало свидание с Полли.

Легко сказать, свидание. А вдруг Мич не уйдет?

— О, вот и вы! — возликовал Тони. — Я жду-жду…

— Только пять минут, сэр, — уточнил аккуратный Мич.

Тони не согласился.

— А мне показалось, часы. Идите, вешайте «Закрыто»!

— Вы закрываете салон? — вскричала Полли. — В субботу?

— Вот и я говорил, мисс, — удовлетворенно сказал помощник.

Тони взмахнул бутылкой.

— Хватит-хватит! Не спорьте. — Тут он заметил, что делает, и посмотрел на бутылку с сомнением. — Не надо бы ее трясти. Или надо? — Он присмотрелся к этикетке. — Никогда такого не пробовал. Интересно, хлопнет оно? Вот что, Мич, смотрите на меня, и, когда надо, чмокните. Создаст, как говорится, атмосферу. Ах, забыл, вы же уходите! Идите, идите.

— Если вы решили закрыть, сэр… в такое время… в субботу…

— Да, да, да.

— Тогда мне здесь нечего делать. Разве что…

Тони посмотрел на Мича, как друид на свою жертву.

— Может, вас побрить? — ласково спросил он.

— Нет, сэр, — твердо ответил Мич. — Нет, сэр, спасибо.

— А то, знаете, побрил бы. Что-то давно не работал.

— Вы собирались закусить, сэр.

— Вам не нравится, когда едят в салоне?

— Не мне судить, сэр, — достойно ответил Мич. — У Труффитов так не делали.

Дверь за ним закрылась, и Тони повернулся к Полли, которая раскладывала сандвичи.

Глава XIII

— Хороший человек, — сказал Тони, — но есть в нем и снобизм. Никогда не забудет напомнить, с каких высот он спустился.

Полли жевала сандвич со здоровым аппетитом девушки, работавшей все утро.

— Зачем же он ушел от Труффитов?

— В парикмахерских кругах ходят темные слухи, но никто ничего не знает.

— Может, он бывший граф? Тони подумал.

— Возможно, — признал он, — но не думаю. В нас, бывших графах, есть что-то такое, а в нем этого нет. Скорее всего он — жертва рыцарства. Взял на себя вину, защищая честь дамы.

— Какой?

Тони задумчиво доел сандвич.

— По-видимому, — сказал он, — голубоглазой маникюрши, хрупкой, но прекрасной. На свое скудное жалованье она содержала больного отца. Каждую субботу она приносила домой тощий конверт, затем расходовала деньги на жилье, на бакалею и на унцию табака для престарелого родителя. Но вот однажды ее настигла беда.

— Отец умер?

— Нет, он облысел. Представьте, что это значило. У нее не было денег на восстановитель. Всю субботу, до самой ночи Мэйбл (так ее звали) мучительно думала. Утром, над копченой рыбой, она нашла выход. Она вспомнила, что мистер Труффит держит на полке восстановитель в той самой зале, где работают они с Мичем.

— Неужели она украла бутылку?

— Как не украсть! Только Мич вышел, она… А через несколько дней Труффит его вызвал.

Тони взял еще один сандвич и съел в молчании.

— Что же случилось? А вот что: Труффит спросил Мича, взял ли он бутылку. Мич мог доказать свое алиби, но отвечал: «Да, мистер Труффит», спокойным, тихим голосом. Тот очень огорчился. «Подумайте как следует, Джордж, — сказал он, бесконечно страдая. — Неужели это вы?» — «Да, сэр», — не сдался Мич. Они долго молчали. Мистер Труффит вздохнул. «Что ж, — сказал он, — если вы настаиваете, остается одно». В тот же день все парикмахеры построились в каре, и мистер Труффит отобрал ножницы

у Мича, стоящего посередине.

— Какой человек! — восхитилась Полли.

— Мистер Труффит или Мич?

— Мич.

— Молчаливый герой. Тони взял бутылку.

— Готовы к напитку «Лукреция Борджа»?

— Спасибо, да.

— Кстати, утром Фредди заходил.

— Вы его видели?

— Нет. Он, кажется, вернется.

— Как у них там дела?

— Да, хорошо бы узнать. Знаете, эту жидкость лучше испытать на мышах.

— Я никогда не пробовала шампанского.

— И сейчас не попробуете, — заверил Тони, открывая бутылку. — Ну, хоть хлопнула.

Он наполнил бокалы и пододвинул к Полли бумажную тарелочку.

— Возьмите корнишон, вкус отобьет. Полли отпила вина.

— Оно хорошее. Отпил и Тони.

— Могло быть хуже. Напоминает бальзам Прайса. Полли поставила бокал.

— По-моему, вы молодец!

— Кто, я? — удивился, хотя и обрадовался Тони. — Почему?

— Мало кто веселился бы на вашем месте.

— То есть закусывая с вами?

— Ах, сами знаете! Очень трудно такое пережить.

— Ну, что вы! Эти две недели я ужасно счастлив.

— Счастливы?

— Я в своей стихии. Мои предки — парикмахеры, и в атмосфере лосьонов я просто обретаю мир. Голос крови, ничего не попишешь…

Полли пила вино мелкими, птичьими глотками. Лицо ее было задумчиво.

— Неужели вы во все это верите? — наконец спросила она.

— Конечно. А вы?

— Нет. Она просто напилась.

— Как интересно! Возьмите сандвич.

— Мало того, она сама признается, не выдержит.

— Да?

— Да.

— Почему вы так думаете? Она вам что-то говорила?

— Еще бы! Ее мучает совесть.

— Бедняга, — сказал Тони. — Глупое положение. Как будто уронил спичку в пороховой погреб.

Полли посмотрела на него через столик. Больше всего она любила тех, кто легко проигрывает.

— Да и всем нелегко, — сказала она. — Сэру Герберту, леди Лидии.

— Или Фредди. Бедный старый Фредди! Вот уж кому несладко.

— А Слингсби? Называть своего племянника «ваша милость»!

— Ничего не скажешь, беда. Даже думать о ней не хочется. Давайте лучше подумаем, куда нам сегодня пойти.

— А мы куда-нибудь пойдем?

— Естественно. В такой хороший день вы должны развлечься. Я человек деловой. Если работник развлекся, он будет лучше работать.

— Не надо меня портить, — сказала Полли. — Мне придется зарабатывать и потом, когда вы опять будете графом.

— Дался вам этот граф! Нет, я им не буду. Через сорок лет вы увидите меня здесь в халате и шапочке, с седыми усами. Так и слышу, как все говорят: «Смотрите-ка, настоящий добрый старый цирюльник! Не будем его обижать, сядем к нему».

— Через сорок лет вы будете графом с подагрой, который ворчит, что страна дошла до ручки.

— Вы думаете?

— Я знаю. Тони покивал.

— Что ж! Если, как сказал мистер Труффит, вы настаиваете, дело ваше. А я вот не думаю. Однако мы отклонились от темы. Куда мы сегодня идем? Точнее, куда мы сегодня едем? У нас ведь машина. На реку? В солнечный Сассекс? Только скажите.

Полли странно посмотрела в сторону.

— Не стоит мне никуда ездить, — тихо сказала она.

— Почему?

— Не знаю…

— Нет, Полли, почему?

Она взглянула ему в глаза, но губы ее дрожали.

— Что ж, слушайте. Когда я была маленькой, меня посылали летом на две недели к бабушке, в Коннектикут. Там был истинный рай. Но однажды я отказалась ехать. Понимаете, мне это слишком нравилось. Я знала, как будет плохо, когда все кончится.

Она снова отвела взгляд. Тони охнул и взял ее за руку.

— Полли, — сказал он. — Вы что, правда? О, Господи!

Он выпустил ее руку. Скрипнула дверь, и воздух Мотт-стрит коснулся его затылка, предупреждая о том, что они Уже не одни. Тони сердито обернулся. Сперва он подумал, что это Д. К. Мич, но оказалось, что это Слингсби.

Дворецкий был исключительно хорош в сюртуке и котелке, в которых посещал столицу. Он негромко пыхтел, поскольку прекрасная погода соблазнила его пройтись пешком от Арлингтон-стрит.

— Привет! — сказал Тони.

— Добрый день, милорд, — сказал Слингсби, глядя на него с той почтительной нежностью, с какой пастух глядит на потерянную овцу, которую особенно любил. Решение сэра Герберта пожить немного в Лондоне он искренне одобрил. После отъезда Тони ему пришлось много вынести, и он хотел излить душу своему сюзерену.

Увидев, что люди едят, он автоматически вошел в привычную роль — подошел к столу, молча взял бутылку и разлил вино, а потом встал у Тони за стулом.

— Ну-ну, дядя Тед! — сказал Тони. — Уж нам-то служить не надо.

— Я бы предпочел служить, милорд.

— Я не лорд. Я ваш племянник.

— Я бы предпочел рассматривать вас как лорда. Полли разрешила проблему с женским тактом.

— Мы уже поели, — сказала она, — во всяком случае, я. А вы?

— Я тоже, — сказал Тони.

Полли встала и начала убирать со стола, причем очень умело — собрала сразу весь мусор, от помощи Тони отказалась, быстро уставила поднос.

— Вы это все не унесете.

— Унесу. Спасибо.

— Очень тяжело.

— Я сильнее, чем вы думаете.

Она ушла в женский зал. Тони встал и закурил сигарету.

— Рад, что зашли, — сказал он. — Я слышал, все сейчас в Лондоне. Как там дома?

Дворецкий мрачно нахмурился.

— Одно скажу, милорд, — отвечал он. — Упадок и крах.

— Упадок?

— И крах, милорд.

— То есть, все плохо?

— Да, милорд.

— Что ж, ничего не поделаешь. — Тони снова сел к столу.

— Понимаете, дядюшка…

Слингсби заморгал.

— Понимаете, дядюшка, надо смотреть правде в глаза. Мы оба знаем, что я — не лорд Дройтвич.

Слингсби никогда не прерывал хозяев, но тут не удержался.

— Я этого не знаю, милорд. Я смотрю на Сида и вижу, что он, извините, из простых. Настоящий аристократ, быть может, станет есть рыбной вилкой закуску, но вымазывать хлебом соус!..

— Да он научится, дайте срок.

— С удовольствием, милорд. Десять лет без обжалования. Он продолжал бы, но дверь снова открылась, и вошла особа, при которой он этого делать не мог.

— Хо! — заметил он. — Явилась, а? Тебя-то мне и надо. Мамаша Прайс молча крякнула. Она очень изменилась с тех пор, как бродила в слезах по замку. Слезы были и теперь, но не пьяные, а, скажем так, духовные. Лучше всего определят ее слова «черный шелк и сокрушение».

Полли, встретившая ее, увидела, что корпулентный Слингсби уподобился туче.

— Не сердитесь на нее, пожалуйста! — попросила она. — Ей плохо.

Мамаша Прайс издала звук, соответствующий «Слушайте, слушайте!» Слова Тони о спичке и погребе были провидческими. Можно сказать и по-другому: ей казалось, что она проткнула пальцем плотину.

Дворецкий тем временем не сдался.

— А почему ей должно быть хорошо? — безжалостно спросил он.

Мамаша Прайс горестно всхлипнула.

— Я ничего такого не хотела!

— Конечно-конечно, — сказал Тони, подошел к ней и положил руку на пышное плечо.

— Вам виднее, милорд, — сказал суровый Слингсби. — Хотела или не хотела, но что она наделала? Я не привык, — горько прибавил он, — служить человеку, который предлагает за столом обследовать голову гостя и выяснить, почему тот лысеет.

Полли ахнула.

— Он так сделал?

— Да, мисс. И сказал сэру Грегори Пизмарчу, что скоро придется носить меховой парик.

— Меховой?

— Как говорится, тупэ, милорд, — пояснил дворецкий. Тони это понравилось.

— Надо записать. Хорошее слово. Скажу какому-нибудь клиенту.

Мамаша Прайс наконец дала волю слезам.

— Не огорчайтесь так, миссис Прайс! — взмолилась Полли.

— Что я наде-е-лала! — пропела несчастная.

— Сейчас скажу, — отвечал непреклонный Слингсби. — Ты выгнала его милость из родного замка и подкинула туда чудовище, которое сравнило с луковицей лорда Певенси.

— Старого Певенси? — обрадовался Тони.

— Да, милорд. В лицо. Его светлость, как обычно, был несколько властен, и Сид посоветовал ему вспомнить, что он — не единственная луковица в супе.

— Сколько лет я хотел ему это сказать! Слингсби посмотрел на Тони с упреком.

— Вы вправе, милорд, подходить к делу с некоторым юмором, но зрелище было не из легких. Я боялся, что его светлость хватит удар.

— Божемой-Божемой-Божемой-Божемой! — заголосила мамаша Прайс, поглядывая с упреком на Полли, которая оставила бутылку на столе, а теперь уносила.

— Не пей, дочка! Берегись! Сколько от него горя! Без Полли дворецкий почувствовал себя свободней.

— Эй! — сказал он. — Давай, говори! Что думаешь делать?

— Божемой-Божемой-Божемой!

— Хватит! Разоралась! Тони вмешался в беседу:

— Не надо, Слингсби. Сдержите себя.

— Милорд! — укоризненно вымолвил дворецкий. — Ну как, сестрица? Что будем делать?

— Голова кругом идет! Сама не знаю.

— Не знаешь? Что ж, я скажу. Признайся, что наврала.

— Может быть, может быть. Схожу-ка я в церковь, помолюсь. Дочка, — обратилась она к снова вошедшей Полли. — Я пойду помолюсь. Проводи-ка меня до угла.

— Хорошо, миссис Прайс. Мамаша Прайс вытерла глаза.

— Надо мне было знать. Я тогда зеркало разбила.

— А нечего было смотреться, — заметил Слингсби.

— Суровый вы человек, — сказал Тони, когда дверь закрылась. — Мастер диалога, но — суровый.

Дворецкий попыхтел.

— Мне тяжело, милорд. Только подумаю, волосы шевелятся.
— Волосы? Может, постричь?
— Нет, спасибо, милорд. Тони вздохнул.
— Работать хочется. Какой я парикмахер, пока не пролил крови?
Дворецкий почтительно, но строго нахмурился.
— Мне не нравится, милорд, когда вы так шутите.
— Виноват. Знаете, мы, мастера…
Остановил его громкий и неожиданный звук. Кроме того, Слингсби побагровел. Обернувшись, Тони понял, в чем дело. Вошел человек в костюме для верховой езды, но без соответствующей беспечности.
— Чтобы мне лопнуть! — воскликнул Тони. — Пятый граф собственной персоной! Заходите, милости просим.
Сид мрачно смотрел на дворецкого. Трудно было сказать, кто из них мрачнее.
— О! — сказал он. — И ты здесь.
— Да. Здесь. А тебе что?
— Ну, змий!
— Мерза…
— Для тебя — милорд.
— Друзья мои, — вмешался Тони, — прошу вас! Садитесь, — прибавил он, обращаясь к гостю.
— Лучше постою.
— Почему же?
— Катался.
Тони его понял и пожалел.
— Да, сперва нелегко. Зато скоро будете скакать.
— Скорей подохну. Одни синяки, одни…
Он замолчал, не зная, как реагировать на неприятный смех дворецкого. Потом решил его презреть.
— Говорят, — сказал он Тони, — два моих предка свалились с лошади.
Тони кивнул.
— Да. На охоте. Дед и дядя. Получается два.
— Скоро будет три.
— Что поделаешь, noblesse oblige!
— Чего-чего?
— Да так, неважно.
Дворецкий счел нужным вмешаться.
— Так тебе и надо.

— Лезут тут всякие слуги!

— Друзья мои, друзья мои! Сид нахмурился.

— Все она, мамаша. Сказала бы мне пораньше, я бы привык.

— Горбатого… — вставил Слингсби.

— Опять лезет!

— Горбатого могила исправит, — твердо продолжал дворецкий. — Как был, так и будешь обезьяной, разве что дрессированной. Научишься тому-сему, а что толку? Вот женщины делают подтяжку, а потом улыбнуться не смеют.

— Что ж, по-твоему, отказаться от своих прав? Ну, дурак!

— Не смей меня так называть!

— Кто-то ж должен!

— Друзья мои, друзья мои!

Слингсби не впервые решил, что словами Сида не проймешь. Умней его не замечать; что он и сделал.

— Разрешите откланяться, милорд.

— Да, так будет лучше, а то подеретесь. Заходите, всегда рад.

— Благодарю вас, милорд.

И дворецкий окинул Сида презрительным взглядом.

— Значит, мучают вас? — спросил Тони.

— А то! — отвечал Сид, напоминая жертву инквизиции, которую между прочим спросили, как там в подземелье. — Вздохнуть не дают. Все борются против этих, как их, инстинтов. — Он тяжело вздохнул. — Я понимаю, они хотят как лучше…

— Какая у вас программа?

— Ну, вот сегодня… Братец повел к портному, а потом мы в полтретьего катаемся. В пять с леди Лиди концерт. После обеда лекция. Потом еще Слингсби, гад, учит, как есть-пить. Вилки там, ножики…

— Вы не опоздаете на встречу с Фредди?

— Еще как! — Сид горько хмыкнул. — Совсем не пойду. Ну его.

— Побудете на старом месте?

— А то! — Сид вдохнул воздух. — Как пахнет!

— Значит, скучаете?

Сид с подозрением взглянул на Тони.

— Да нет, — быстро сказал он. — Так зашел.

— Понятно.

— Мы, Дройтвичи, люди эмпульсивные. И взять кой-чего надо.

— Берите, берите. Все на месте.

— Тут ночуете?

— Нет, в клубе.

— А мамаша… это, миссис Прайс, еще тут?

— Да. Сейчас пошла в церковь.

— Хотел бы я ее повидать…

— Пойдите за ней. Кстати, потом вас не побрить?

— Эт вам? Нет уж, мерси. Я еще жить хочу.

— Ну-ну! Где дух крестоносных Дройтвичей?

— Не знаю. Я человек осторожный. А вам брить не советую. Хотите — стригите, хоть живы останутся. Только не подпаливайте! Тут нужна твердая рука. Огонь, как-никак.

И с этой максимой он вышел.

— Огонь… Твердая рука… — пробормотал Тони. — Каждый день чему-нибудь учишься.

Он еще обдумывал эту истину, когда явился новый гость.

Глава XIV

Фредди переоделся и в костюме для верховой езды выглядел еще элегантней. На Тони он смотрел с торжественной нежностью.

Тони ему обрадовался.

— Старый хрыч! Заходи. Хочешь масла для волос? Нет, лучше шампанского, но его унесли.

— А ты в порядке, Тони! — сказал Фредди. — Я утром тут был, тебе передали?

— Да. Жаль, что ушел. Закусили бы.

— Я был в ресторане с Кубиком и его будущим тестем. Богатый как Рокфеллер, лысый как яйцо.

— Какое яйцо?

— Любое.

— Зачем ты мне об этом говоришь?

— Затем, что я ему вручил бальзам Прайса.

— Какой ты, однако, прыткий! — восхитился Тони. — Да, мне это выгодно.

— Тебе?

— А кому? Теперь я тут хозяин.

— Не дури. Ты тут недолго просидишь.

— Ты думаешь, Сид откажется от иска?

— Думаю? — Фредди засмеялся. — Я знаю. Он слабеет на глазах. Вчера вспоминал свою вольную жизнь, чуть не плакал. Игры там всякие, заливной угорь… Поверь, он при последнем издыхании.

Бродя по салону, он подошел к зеркалу и сразу замолчал, поднеся руку к подбородку.

— Ничего себе!

— В чем дело?

— Зарос.

Каждый, кто видел боевого коня при звуке трубы, легко представит Тони. Он задрожал. Он облизал губы. Глаза его сверкнули.

— Зарос? — сказал он тем голосом, каким, наверное, говорил Моисей, глядя на Обетованную землю. — И правда!

Фредди тем временем сел в кресло.

— А где этот тип? Такой, в очках.

— То есть Мич?

— Он самый. Кликни его, а? Я спешу.

— Не беспокойся, — сказал Тони, оборачивая его простыней.

— Что ты делаешь? — испугался Фредди.

— Так, все готовлю.

— А!

Фредди откинулся на спинку, Тони стал взбивать пену. Иногда он думал, зачем таких, как Фредди, посылают в мир. Теперь он знал. Промысел Божий ничего не делает зря.

Сид появился в ту самую секунду, когда он взял бритву. Фредди закрывал глаза, когда его брили, тем более сейчас, и думал, что это вошел Мич. Точнее, думал он о том, не лучше ли добрый старый мартини, чем все эти модные штучки. В эти размышления сочился ласковый голос Тони.

— Знаешь, Фредди, каждый парикмахер помнит ту великую минуту…

Фредди открыл глаза, словно лесной зверек, заметивший ловушку под листьями.

— Эй! Ты что?

— Ничего, старик, все в порядке.

— В по-ряд-ке???

Сид больше не мог сдержаться. Эта сцена разбудила в нем былую страсть. Он кинулся вперед с криком:

— Дайте мне!

И, выхватив у Тони бритву, взмахнул ею смело, дерзко, решительно, как взмахивал мечом Роланд.

— Ой, не могу! — сказал он. — Дюлютанты безрукие! Чем благодарить небеса, Фредди испугался.

— Эй, что вы делаете?

— Садитесь!

— Да я…

— Сидите тихо, ясно? — сказал Сид сквозь зубы. Он уже не чувствовал, что судьба играет им в футбол. Сильный и властный человек был на своем месте.

Фредди смирился. О том, почему эта морда здесь, а не в манеже, он решил пока не думать. Побриться надо? Тогда лучше, чтобы тебя брил мастер. Он закрыл глаза и скова откинулся на спинку.

Тони смотрел на Сида с немалым удивлением.

— Вы ли это, милорд? — воскликнул он. Сид метнул в него холодный взгляд.

— Да, я-то лорд. А об этом две недели мечтал.

— Как я вас понимаю!

— Вы только поглядите!

— Я и гляжу.

— Может, чему научитесь. Тони подошел ближе.

— Мысль я схватил, — сказал он. — Держать покрепче, водить туда-сюда.

— Глядите! — вскричал гордый Сид. — Главное — корень, ясно? Куда волос растет, туда и ведем. Как говорится, по шерсти. А против шерсти что будет?

Обращался он к Тони, но у него были и другие слушатели. В дверь незаметно вошли три человека. Мысль зайти к Тони посетила и леди Лидию с мужем, и Вайолет.

При виде субъекта, который, если не чудо, станет лордом Дройтвичем, они застыли, поскольку он брил клиента в своей парикмахерской.

— Что будет, а? — продолжал Сид. — Выдерните луковицу. Работал у меня такой Перкинс. И что ж, научился он? Да Боже мой! Говорю, говорю: «Альф, ты что, спятил…»

Повесть эту, несомненно — с моралью, кончить не удалось. Первая из вошедших больше не могла сдерживать чувства.

— Та-ак!.. — сказала леди Лидия.

Глава XV

Все разумные люди знают, что творца надо судить по всему его творчеству, а не по отдельным ошибкам. Тем самым, мы не осудим Сида Прайса за порез на подбородке. Он был и остался лучшим мастером к западу от Мраморной арки.

Однако клиента он порезал, испуганный внезапным вторжением, и тот с печальным воем зарылся лицом в полотенце.

Сид этого почти не заметил. Он смотрел на посетителей.

Первым заговорил Тони.

— Так, так, так, так! — сказал он. — Семейство в сборе! Леди Лидия едва взглянула на него.

— Как поживаешь, мой дорогой? — наскоро осведомилась она и обратила взор к Сиду. — Вот как вы себя ведете, если вас на секунду оставить без присмотра!

Фредди тоже страдал, оглядывая себя в зеркале.

— Что вы наделали? — воскликнул он, и голос его дрогнул от жалости к себе. — Какая рана! И это — парикмахер!

Сид мог бы сказать, что и парикмахер не устоит, если заорать на него сзади, но сдержался и подошел к делу с другой стороны.

— Я не парикмахер, я граф

Сэр Герберт громко фыркнул.

— Хорошенький граф!

Тони присмотрелся к профилю Сида и переспросил:

— Хорошенький?

Сэр Герберт выразил мысль иначе:

— Тоже мне, граф! Бреет клиентов!

— Я думаю, — заметила Вайолет, — он соскучился по своим лосьонам.

Вайолет мало кто любил, и слова эти, быть может, объяснят такие чувства.

Тем временем Сид достаточно оправился, чтобы спорить. Он знал, что спорит мастерски.

— Хорошо, хорошо, хорошо, — начал он. — Простите, виноват. Как говорится, поддался порыву. Мы, Дройтвичи, люди эмпульсивные. Зашел сюда кой-что взять, а братца моего вот-вот зарежут. Ну, подскочил. Ну, спас. Чего тут плохого?

— Ничего, если, по вашему мнению, резать его не надо, — сказал Тони.

— Все равно порезали, — напомнил Фредди.

Сид этого не вынес. Положив бритву, он горестно махнул рукой.

— А ну это все!.. — сказал он. — Не могу, хватит! Согнувшись под грузом страданий, он подошел к окну и посмотрел на улицу. Сэр Герберт и леди Лидия обменялись многозначительными взглядами.

— М-да… — сказала леди Лидия и немного помолчала, являя образ доброты, сраженной неблагодарностью. — Я вижу, вы устали от нашей помощи? Мы стараемся, чтобы вы не посрамили своего титула, а вы… вы… Ничего не цените! Что ж, воля ваша…

Сид в тревоге обернулся.

— Да я что!.. Да я…

— Тогда о чем вы думаете, любезный? — спросил сэр Герберт. — Сейчас вы должны сидеть на лошади. Однако вы проникаете в этот салон, чтобы заняться своим, с позволения сказать…

— Что вы, что вы! — воскликнул несчастный Сид. — Я просто подумал, надо помочь. Как-то в голову не пришло, стоит ли овчинка выделки.

— Какой отвратительный образ! — сказала леди Лидия.

— Ну, варенье — сахара.

— Ненамного лучше! Что ж, оставим эту тему. Вам пора.

— Пора? — проговорил Сид, надеявшийся, что в суматохе об уроке забыли.

— Мергатройд ждет вас с половины третьего.

— Если вам безразлично имя Дройтвичей, — заметил сэр Герберт, — пожалейте хотя бы животных.

Это повлияло даже на Фредди при всех его страданиях.

— И правда! — воскликнул он. — Они там совсем замерзли. Дух рыцарственных Дройтвичей совсем угас в их предполагаемом потомке. Сид буквально окаменел.

— Не могу я, — взмолился он. — Одни синяки! Нога прям как туча какая-нибудь…

— Мне кажется, — предположила Вайолет, — что нам собираются показать лодыжку.

Тони стало не по себе, словно его затащили на очень уж неравный матч.

— Синяки или не синяки, — твердо сказал сэр Герберт, — учиться надо. Вам не приходило в голову, что граф Дройтвичский охотится?

— Вероятно, вы думаете, — прибавила леди Лидия, — что можно охотиться на мотоцикле?

Сид поник под грузом упреков, но все же проговорил:

— А чего лис губить? Тоже, знаете, животные. Повисло тяжкое молчание. Потом сэр Герберт с угрожающим спокойствием обратился к жене:

— Что ж, Лидия, оставим все это. Не хочет соответствовать своему положению, его дело.

Сид перепугался.

— Нет-нет, иду! — закричал он. — Иду, иду!

— Постойте, — сказал Тони. — Подождите минутку. Ну что вы, честное слово! Они над вами издеваются.

— Тони! — вскричала леди Лидия.

— Зачем вам учиться верховой езде? Не хотите — не учитесь. Сид остановился и прищурился.

— Чего это вы за меня вступаетесь?

— Да мне вас жалко!

— Вон как? — Сид горько засмеялся. — Умный какой выискался!

— Что вы имеете в виду?

— Знаю я вас! — сказал Сид голосом хорошего человека, разоблачающего змею. — Не хотите, чтобы я учился, да? Хотите, чтоб все надо мной смеялись, да? Как бы не так! Всему выучусь, себя не пожалею!

— Не забудьте, в пять концерт, — напомнила леди Лидия.

— Концерт? — огорчился Сид. — Тьфу ты!.. Хорошо, тетя. Приду. Нет, собачья моя жизнь…

Он побрел к выходу. Фредди последовал за ним, так же мрачно глядя в будущее.

— Ну и вид у меня! — сказал он. — Все лицо порезано.

Глава XVI

Семейный совет мгновенно утратил прежнюю суровость. Из грозного судьи, обличающего уж очень подлого злодея, сэр Герберт превратился в приятного джентльмена, каким и был по природе. Дамы улыбались счастливой улыбкой. Только Тони невесело смотрел на эту веселую кампанию.

— Замечательно! — сказал сэр Герберт.

— Да, — согласилась Вайолет. — Просто блеск!

— Еще недельку, — подхватил баронет, — и ему конец. Леди Лидия улыбалась Тони. Вайолет тоже его одобрила:

— Мастерский удар, ничего не скажешь!

— Да, — поддержала ее леди Лидия. — Очень умный ход.

— Истинный Макиавелли,[71] — заметила Вайолет. — Не знала за вами такой тонкости.

Тони ничуть не обрадовался.

— Быть может, — осведомился он, — вам интересно узнать, что я его действительно пожалел?

— Что?!

— Да, мне его жалко.

— О чем ты говоришь? — удивился сэр Герберт.

— Тони, — сказала Вайолет, — вы бредите.

— Нет, я его жалею, — упрямо ответил Тони. — Мне и раньше не нравилась эта затея, а теперь и подавно.

Леди Лидия почти заблеяла от чувств.

— Как же его иначе урезонишь?

— Как хотите, а это нечестно.

— Нечестно! — фыркнул сэр Герберт.

— Да, — отвечал Тони, — у таких, как мы, одно оправдание — честь. Когда мне было стыдно, что я живу за чужой счет, я утешался тем, что я — человек чести. И вот, пожалуйста, вступаю в заговор, чтобы обмануть этого беднягу!

Сэр Герберт был слишком потрясен, чтобы фыркать.

— Что за дурацкая мысль!

— Такие речи, — язвительно прибавила Вайолет, — произносят в Гайд-парке.

— Ну и ладно, — сказал Тони. — Хорошо, я оратор из Гайд-парка. Но

ничего не поделаешь, игра — нечестная.

— Разреши заметить, — сказал сэр Герберт, обретя былую велеречивость, — что мы это делаем ради твоего блага.

— Да, — поддержала леди Лидия. — Мы заботимся о тебе.

— Дуй, ветер, дуй, — сказала Вайолет. — Ведь ты не так ужасен, как эта черная неблагодарность.

Если она хотела облегчить атмосферу, попытка не удалась. Тони сердито на нее посмотрел, снова удивляясь, как же это он свалял такого дурака.

— Ой, ради Бога! — сказал он. — Хоть не острите! Вайолет заиндевела.

— Прошу прощения, — сказала она.

Тони воззвал к сэру Герберту. Он знал, что женщины не всегда разбираются в вопросах чести, но в баронете видел безукоризненного джентльмена.

— Неужели вы меня не понимаете? — беспомощно спросил он. — Неужели не видите, что жестоко загонять человека в седло, когда он на подушке сидеть не может?

— Что поделаешь, мой мальчик! Иногда нужна операция.

— Ой, не могу! Противно слушать!

— Ну, знаешь! — сказал оскорбленный сэр Герберт.

— Простите, — перепугался Тони, — но… а, черт!.. Разве это честная игра?

Леди Лидия ухватилась за слово с прытью опытного диалектика.

— Это вообще не игра. Это намного серьезней.

— Неужели ты не понимаешь, — подхватил сэр Герберт, — что если он сделает свое дело, вся аристократия в опасности?

— Какая чушь! И раньше бывали неотесанные лорды.

— Они не воплощали традицию. Посуди сам — мы век за веком говорим о священном наследии, а тут является этот субъект, родовитый как не знаю что, и ведет себя хуже разносчика. Назвать человека луковицей!..

— Вся наша социальная система, — продолжила леди Лидия, — стоит на том, что потомок множества графов не может быть вульгарным.

Тони не уступил.

— Ну и ладно. Видит Бог, мне Сид не нравится, но обманывать его нельзя.

Вайолет поджала губы. Глаза ее сверкнули тем холодным блеском, который помог ее отцу отстоять девяносто семь супов во враждебном мире.

— А без красивых слов, — спросила она, — что вы предполагаете сделать?

— Сказать Сиду правду.

— То есть?..

— Что он может жить, как хочет. Что графы не всегда ездят верхом, ходят на концерты, блещут манерами.

— Другими словами, — вскипел сэр Герберт, — пустить все прахом!

— Я думаю, ты сошел с ума, — сказала леди Лидия. Тони невесело улыбнулся.

— Наследственное, от прадедушки. Не слыхали? Безумный Прайс. Мы располагались у самого парка, нам покровительствовал клуб «Мальборо». Но прадед изобрел средство для удаления волос и разорился. Так мы оказались здесь.

— Кажется, — сказала Вайолет, — вы просили меня не острить. Нельзя ли попросить вас о том же?

Тони кивнул.

— Хорошо. Хватит комедий. Чем же мы их заменим?

— Может быть, — предположила Вайолет, — вы уделите минутку мне?

— Да, — согласился сэр Герберт. — Как быть Вайолет?

— Ради нее, — сказала леди Лидия, — ты не имеешь права жертвовать единственным шансом.

Тони помолчал, глядя на невесту.

— Поня-ятно. Значит, вы не выйдете за парикмахера?

— А вы как думаете?

— Если я скажу Сиду правду, вы меня бросите?

— Хотите свалить вину на меня?

— Нет. Я просто…

— Ах, все равно! Пускай так, брошу. Если вы такой честный, что помогаете этому субъекту занять совершенно неподходящее положение…

— Не в том дело…

— …которое не принесет ему счастья…

— …и не в этом…

— …то я за вас не выйду, — холодно закончила она. — Ясно?

— Вполне, — ответил Тони.

Сэр Герберт очень огорчился. Конечно, Дройтвичи не бедны, но Девяносто Семь Супов были бы весьма кстати.

— Послушай! — сказал он. — Зачем же так…

Мы не узнаем, какие бы доводы он привел, потому что Полли,

проводив мамашу Прайс, вернулась и стояла в дверях, смущенная тем, что застала семейную сцену.

— Ой, простите! — начала она.

— Ничего, мы уже поговорили, — успокоил ее Тони. — Все в порядке?

— Да.

— С кем? — спросил сэр Герберт.

— С моей мамашей. Полли проводила ее в церковь.

— Полли? — сказала Вайолет. — Рада узнать, как вас зовут.

— Что этой женщине делать в церкви? — спросила леди Лидия.

— Мы, Прайсы, очень набожны, — ответил Тони. Вайолет по-прежнему занималась Полли.

— Насколько я понимаю, — сказала она, — вы с лордом Дройтвичем часто видитесь?

— Да.

— Как это мило!

— Герберт! — вскричала леди Лидия. — Герберт, у меня мысль! Сейчас ее нужно подстеречь! Она поддастся.

— Ты думаешь?

— Да-да. Когда она выйдет, мы…

— Молодец! Так и сделаем.

Быстро дыша, леди Лидия обернулась к Полли, надеясь на то, что победы можно достигнуть и в последний час. Леди знала таких старушек. Они особенно чутки к гласу разума, когда побывают в церкви. Значит, лови их и вей из них веревки.

— Где эта церковь?

— Первая улица налево.

— Лидия! — вскричал сэр Герберт так, словно завидел лису. — Скорей!

Жена не подкачала, словно тоже увидела лису.

— Бежим!

— А то упустим!

Они выскочили из салона, как гончие, а Тони обернулся к Вайолет.

— Не пойдете с ними?

— Хотела заглянуть в магазин. Машину пока оставлю здесь.

Подходя к дверям, она посмотрела на Полли и заметила:

— Конечно, я не знала всех привлекательных сторон этого заведения.

— О чем вы? — спросил Тони.

— О приятном обществе, — ответила Вайолет.

Глава XVII

Уход наследницы супов, да еще сразу после отбытия супругов Бессинджер, несколько ошеломил Полли. Она села в кресло и растерянно посмотрела на Тони. Хотя бы он был устойчив в этом неверном мире, где люди кидаются прочь, словно кролики.

— Что она хотела сказать? — спросила Полли.

— Да ничего, — ответил Тони. — Так, шутит.

Он улыбался счастливой улыбкой, полагая, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Мысль о том, что наконец-то он свободен, приводила его в восторг. Но Полли не удовлетворилась таким легкомысленным ответом,

— Мне кажется, — сказала она, — скорее ваша гостья сердится.

— Это да.

— Почему?

— А почему бы ей не сердиться?

Прозрев мужскую уклончивость, Полли подошла к сути дела.

— Она расторгла помолвку?

— Да, — с удовольствием ответил Тони. — Мы с ней не поженимся.

Сказав это, он нежно посмотрел на Полли. Скованность его исчезла, и прекрасная маникюрша оказалась лицом к лицу с решительным мужчиной.

— Слава Богу, — прибавил он, — я свободен.

— Мне кажется, вы рады, — сказала Полли.

— И мне так кажется.

— Никогда не встречала светской девушки, — продолжала она, — у которой сердце — не мороженая рыба. Правда, что до внешности…

— Да, она ничего себе…

— Но так ли это важно?

— Вот именно.

Женское любопытство побудило Полли спросить:

— А почему вы решили на ней жениться?

— Так, вздумалось…

— Да-да…

Они немного помолчали. С Бромтон-роуд доносился шум машин. Лондон занимался своими делами, не ведая о том, что происходит в салоне Прайса. Полли встала и посмотрелась в зеркало. Тони взял «Тэтлер» и попытался хлопнуть пролетавшую муху. Это не удалось, и муха полетела дальше, презрительно фыркнув.

— Знаете… — сказал Тони, кладя на место «Тэтлер». Полли обернулась.

— Да?

Тони поправил галстук.

— Насчет этих помолвок…

— Да?

— Мич мне тут рассказывал…

— Мистер Мич?

— Да.

Что-то стукнуло в дверь. По-видимому, один из мальчиков, оживлявших Мотт-стрит, бросил в нее ботинок. Тони не обратил на это внимания, не обратила и Полли. Он стоял посреди комнаты, сжимая руки. Она с интересом смотрела на этикетку бальзама.

— Я думала, мистер Мич женат. Тони покачал головой.

— Конечно, — сказал он, — у него тот унылый вид, какой бывает у женатых, но он только помолвлен.

— Вот как?

— Да. Помолвлен. Полли поставила бутылку.

— Во второй раз, — прибавил Тони. — Это вдохновляет. Мальчик с ботинком, или другой, что-то пронзительно заорал второму (или третьему) мальчику. Полли подождала, пока он утихнет.

— Почему вас так занимает мистер Мич? — спросила она.

— Не Мич. Только его методы.

— Что?

— Методы. Приемы.

— О?

— Очень поучительно.

— А какие они?

Последняя скованность у Тони исчезла. Он уподобился певцу, взявшему верную ноту.

— Разные. С первой барышней он был осторожен.

— Осторожен?

— Да. Говорил околичностями.

— Как это?

— Они сидели на кладбище, и он спросил, не хочет ли она, чтобы на ее могиле была его фамилия.

Полли подумала.

— Не так уж хорошо.

— С другой стороны, не так уж плохо. Сработало.

— Она хотела, чтобы на могиле?..
— Да. Не сразу, конечно, а после долгих счастливых лет.
— А вторая?
— Тут все иначе. Они пошли в кино.
— При чем тут кино?
— Это очень важно. Совсем другой метод. Полли опять подумала.
— Он сделал ей там предложение?
— Нет, еще лучше. Он заметил, как она расчувствовалась, когда герой обнял героиню, и после фильма сам ее обнял.
— А поцеловал?
— Еще бы! Она чуть не растаяла. По крайней мере, мне так кажется. Он говорил короче — «поцеловал», и все. Но можно представить, что такое поцелуй Мича!
Мич вырос в сознании Полли; женщины любят решительных. «Ну и что, — подумала она, — если усы висят? Душа, вот в чем суть». И она сказала:
— Молодец!
— Именно, — согласился Тони. — Значит, вам больше нравится второй метод?
— Конечно.
— Вы уверены?
— Уверена.
— Прекрасно. Я думал, надо спросить.
И, не хуже Мича, он схватил ее в объятия, а там — поцеловал.
— О, Полли! — сказал Тони.
— О, Тони! — сказала Полли.
Казалось бы, просто, но они друг друга поняли. А если бы он понял не совсем, ее сияющие глаза довершили бы дело. Помазки, бутылочки, бритвы и объявления смотрели на них с неприязненной отрешенностью, намекая на то, что в этом салоне такого не случалось со времен Регентства. [72]
— Ты меня любишь? — спросил Тони.
— Конечно!
Немного успокоившись, он сел на край раковины и благоговейно посмотрел на Полли.
— Что за легкий тон? — сказал он. — Меня трудно любить. До сих пор этого не бывало. Вот любить тебя — легче легкого.
— Да?
— Да. Тебя каждый полюбит. У меня это заняло две секунды. Только

ты выскочила из кустов, кинулась под машину — все! Сразу подумал: «На ней я и женюсь».

— Не может быть!

— Еще как может!

— Что же ты во мне увидел?

— Мне понравилось, как ты пролетела по воздуху.

— Не надо мне было терять сознание.

— Почему?

— Я бы почувствовала, что ты меня несешь на руках, а я очнулась только на диване.

— Сейчас наверстаем, — сказал Тони, поднял ее и понес по комнате.

— Тебе надо больше есть, — заметил он, ставя ее на пол.

— Зачем?

— Нельзя весить десять фунтов.

— Я вешу сто пять.[73]

— Чепуха!

— Нет, правда.

— Значит, я очень сильный.

— Ты замечательный. Только… о!

— Что такое?

— Все равно ничего не выйдет.

Тони огорченно смотрел на нее. Ему казалось, что такие слова недостойны лучшей из женщин.

— Не выйдет? Почему?

— Ты не можешь на мне жениться. Тебе надо жениться на девушке своего круга.

— Какого еще круга?

— Ну, ты же граф!

— Слушай, — сказал Тони, — если я — граф, ты будешь графиней.

— Не могу.

— Придется. Женский род от графа — графиня. Чему вас только учат?

— Как ты не понимаешь?

— Не будешь графиней, не буду графом. Первое условие. Полли на него посмотрела.

— Ты меня так любишь?

— Я? Тебя? Ты что, не слушала?

— О, Тони!

— О, Полли!

Соскользнув с раковины, он снова ее обнял так, что позавидовал бы

Мич.

— Какие молодцы, наши крестные! — сказал он. — Тони и Полли… Поразительно! Идеальная пара. «Тони и Полли придут на уик-энд…», «Как, вы не знаете Тони и Полли?»

— Тони и Полли… — нежно повторила она.

— Просто соль и перец… Или Суон и Эдгар.[74]

— … или Аберкромби и Фитч…[75]

— … или Фортнем и Мейсон…[76]

Тони остановился. Дверь открылась, и пятый граф Дройтвичский вошел в салон, словно вернувшийся домой голубь.

Глава XVIII

«Сидеть в седле, — советует Британская энциклопедия в блистательной статье «Верховая езда», — надо как можно тверже. Того, кто сидит нетвердо, лошадь может сбросить при малейшем движении». Сид этой статьи не читал, но думал точно так же. Когда он вошел, стало ясно, что его недоверие к благородному созданию, лошади, вполне обоснованно. Шляпа была помята, костюм в грязи, сам он двигался с трудом. Словом, попытка уклониться от урока не была пустым капризом.

Тони огорченно посмотрел на него. Полли, хорошо относившаяся к своему недавнему хозяину, пожалела его еще сильнее. Ангел-служитель мгновенно проснулся в ней.[77]

— Мистер Прайс! — воскликнула она. — Сейчас принесу арники.

Сид остановил ее, махнув рукой, и не заметил с горя, что она неправильно его назвала.

— Не надо! — Лицо его перекосилось. — На то место, которое у меня болит, женщина не может ставить примочки.

Тони был мужчиной и помнил первые уроки верховой езды.

— Бедный вы, бедный! — сказал он. — Опять сбросила?

— А как же, — горько ответил Сид. — Ничего, я привык. Она меня еще и лягнула.

— Лягнула? — пискнула Полли.

— Три раза в одно и то же место. Очень меткая тварь. Если я сяду на стул, копыто отпечатается.

Полли предположила, что ему надо бросить этот спорт. И впрямь, он был не из тех, кто становится жокеем.

— Не беспокойтесь, бросил, — сказал Сид, снова перекосившись, так как он по рассеянности прислонился к креслу. — Больше я лошадей не увижу, разве что жареных.

Повисло молчание. Сиду, наверное, было нечего сказать; собеседники не хотели смущать его. Он снял шляпу, какое-то время смотрел в зеркало, потом взял щетку и причесался. Наконец он обернулся к Тони и сообщил:

— Надо поговорить.

— Просим, просим.

Сид опять заглянул в зеркало. Это его укрепило, поскольку он сразу перешел к делу:

— Что вы мне предлагали, а? Если я откажусь. Тысячу в год?

— Да, кажется.

Сид немного подумал, потом произнес:

— Ну, это мало.

— Так вы тогда и сказали.

— Но для начала — сойдет. Тони удивился.

— Я не совсем понимаю. Какого начала?

— Ну, если будем торговаться.

— О чем?

Сида явно раздражала такая тупость.

— О том, чтобы я сдался.

— Сдались?

— Да. Очень уж накладно. Тони тихо свистнул.

— Что ж это вы так, сразу?

— Нет, я долго думал. Лошади эти… Концерты… Лекции всякие… Ой, Господи! Хватит. Сторгуемся — и ладно, подавитесь вашим титулом.

Полли показалось, что она лишняя, и она спросила:

— Мне уйти?

— Конечно, нет, — ответил Тони.

— Вам надо поговорить…

— Мы и говорим. Я, во всяком случае, все объясню. Сид, старый кретин! Ответьте на один вопрос.

— Ладно, — сказал Сид, прочно усвоивший мрачную манеру.

— Скажите, как именно вы представляете себе графа? Сид ответил не сразу, видимо — искал слова.

— Ну-у… Я не знаю… Такой хлыщ… то есть тип… в общем, барин что надо.

— Образованный?

— А то!

— Любит музыку, всякие лекции, скачет на коне, танцует, блещет, предлагает тосты?

Сид обратился за поддержкой к рекламе лосьона.

— Да, — сказал он. — Так мне говорили.

— А вы и поверили!

— Тут поверишь! Тони засмеялся.

— Найдите такого графа, и я съем свою шляпу. Фетровую, с бурой ленточкой.

Сид уставился на него. Пелена еще не упала с его глаз, но уже сдвинулась.

— Это как?

— Девять графов из десяти, — со знанием дела сказал Тони, — не отличат Брамса от Ирвинга Берлина.[78] Семь никогда не были на лекции. Восемь с половиной не произнесут речь даже за деньги. По меньшей мере два не умеют ездить верхом.

Сид издал те звуки, какие издала бы рыба, если бы ее душили.

— Тогда, — спросил он, сразу схватывая суть, — чего они меня морочат?

— Чтобы вы сделали именно то, что собирались сейчас сделать.

Наступила тишина. Неприглядная истина проникала в сознание Сида. Когда он заговорил, голос у него был именно тот, который взывает из глубин.

— Ну, гады!

— Удивляюсь, — продолжал Тони, — что вы так долго терпели. Можно было сразу догадаться. Посмотрите на меня! Ходил я на лекции? А на концерты? Верхом ездил, ничего не скажу, но мне это нравится. Что-то вы, Сид, одурели.

Сид снова бросил на него подозрительный взгляд.

— Чего вы мне все это говорите?

— Прайсы, знаете ли, славятся честностью. Сид задрожал от гнева.

— Да? А вот эти Бессинджеры… Нет, таких гадов! Помочь они хотят, хо!

За недостатком слов он выкрикнул «Хо!» еще раз. Тони его убедил, хотя следующая фраза ему не понравилась.

— Вы уж их простите!

— Эт как?

— Они меня очень любят.

— А меня, собственного родственника! Это надо же!

— Они не чувствуют, что вы их родственник. И леди Лидия, и сэр Герберт, и Фредди думают, что я — настоящий Дройтвич.

Сид горько фыркнул.

— Думают они, э?

— Нельзя их за это винить.

Судя по новому звуку, Сид полагал, что можно. Он быстро шагал по комнате. Глаза у него сверкали, уши пламенели.

— Может, они думают, что я не тяну на графа?

— Боюсь, у них есть такая мысль.

— Да? Ну, я им покажу! Я им всем покажу!

— Надо понимать, предложение отменяется?

— Еще как! — пылко заверил Сид. — Это же надо, так заморочили! А

я-то думал, у меня кочан варит.

Он фыркнул снова, и секунду казалось, что в салоне есть эхо. Потом стало ясно, что кто-то громко сопит.

Сопела мамаша Прайс, только что вошедшая в комнату.

Глава XIX

Посещение церкви почти не принесло ей покоя. Она явственно страдала, словно ее томило бремя. Сопела она тоже горестно.

Сид с неудовольствием на нее смотрел. Много раз за протекшее время он хотел ее повидать, но сейчас ей не обрадовался. Он был поглощен досадой.

— Приветец, ма! — рассеянно бросил он.

Мамашу Прайс переполняли совсем не материнские чувства. Если бы Сид к ней пригляделся, он бы заметил растерянность. Она плюхнулась в кресло и отвела взгляд.

— Здравствуй, Сид.

— Тебе что, худо?

— Голова разболелась.

— А у меня… м-м… задняя часть.

— Сэр Герберт и леди Лидия пошли за вами, миссис Прайс, — сказала Полли.

Мамаша кивнула.

— Я их видела. Поговорили… Сид вскипел.

— Да? Я бы уж с ними поговорил! Мамаша поднесла руку ко лбу.

— Я бы им сказал, будь здоров! Я этому Эрберту!..

— Не кричи, дорогой, — взмолилась мамаша. — Голове хуже. Полли, доченька, дай-ка мне чаю.

— Сейчас пойду наверх, поставлю.

— Полли поставит чайник, — подтвердил Тони. — А я ей помогу. Согреем булочки… Тони и Полли!

Она взяла его за руку, и они удалились. Сид услышал, как Тони поет в женском зале и на лестнице. Ему это не понравилось. В такие минуты не до песен.

— Чего им от тебя надо? — спросил он мамашу. — Чертову Эрберту и этой самой Лидии?

— Уговаривали меня, — объяснила мамаша Прайс— Чтоб я, значит, в суде не выступала.

— Ничего себе, гады! — Голос у Сида дрогнул. — Это главного свидетеля перед самым судом! Змеюки высший сорт. Засадить бы их как следует…

— Сырырбырт очень переживает!

— Он еще не так запереживает! Я ему покажу!

— Он думает, ты на графа не потянешь.

— Да? — Сид пронзил ее взглядом. — Ты вот скажи, какие эти графы?

Мамаша Прайс растерялась.

— А Бог их знает… — беспомощно сказала она.

— В концерты ходят, да? Танцуют, гарцуют прямо на мустангах? Еще чего! Семьдесят концерта не видели, восемь с половиной… то есть два… на лошади не ездят…

— Тебе виднее, — не очень уверенно согласилась мамаша.

— А то! Я уж их знаю. Изучил вопрос. Морочат меня, мне экспер сказал.

Мамаша Прайс что-то искала на полке.

— Ой, батюшки! Одеколончику нету?

— Такой буду граф, что держись! Мамаша печально на него посмотрела.

— А что хорошего, сынок?

— То есть как это, что? Мамаша вздохнула.

— Так ты распрекрасно жил… Тут, на этом самом месте. Две недели прошло, а как сто лет. Где ж эта бутылочка?

— Посмотри на верхней полке.

— Как мы чай пили! Сосиски ели с картошкой… — Она опять посопела. — Будешь граф, кто тебе даст сосисочку?

Сид на мгновение заколебался, но быстро с собой справился.

— Жизнь, — значительно сказал он, — это вам не сосиска. Такая уж моя планида.

— Ой, батюшки, батюшки, батюшки!

— Чего теперь охать? Одно слово, судьба.

— Хорошо так жил, не жаловался!..

— Эй! — предостерегающе крикнул Сид, завидев Вайолет Уоддингтон. Холодная и спокойная с виду, она кипела гневом, почти таким же праведным, как у него самого.

— Я бы хотела поговорить… с мистером Прайсом.

Сиду это понравилось. Кто мистер Прайс, тот мистер Прайс. Он ткнул пальцем наверх.

— Чай они варют. С Полли Браун. Вайолет поджала губы.

— Как мило! Нехорошо мешать в такую минуту, правда? Передайте ему, пожалуйста, чтобы он мне написал. Он поймет.

— Слава тебе, Господи! — заметила мамаша, найдя наконец флакон.

— Мне бы хотелось узнать, что он решил, — объяснила Вайолет.

— Пойду, скажу.

— О, не беспокойтесь!

— Да ничего.

— Спасибо.

— Не за что, — ответил учтивый Сид. — Пока. То есть до свидания.

Когда он ушел, мамаше казалось, что надо попросить прощения.

— Я тут одеколончик взяла, мисс. Голова раскалывается.

— Сегодня она у всех болит. Надеюсь, я не помешала?

— Ой, нет, мисс! Мы так, говорили. Сиду дался этот титул, а я думаю, одни хлопоты.

Вайолет насторожилась.

— Как странно!

— Странно, мисс?

— Вы же главный свидетель. Мамаша печально задрожала.

— Ой, мисс! — простонала она. — Не знаю, хорошо ли я сделала?

— Если вы спрашиваете меня, — сказала Вайолет, — нет. Он будет несчастен.

— Вот я и говорю. Так что Сырырбырт меня отыскал, а я и согласилась.

— Я не совсем понимаю, — заметила Вайолет. — На что вы согласились?

Мамаша робко посмотрела на дверь.

— Ой, мисс! — тихо ответила она. — Не могу я Сиду сказать, а я бумагу подписала, Сырырбырт составил, что я от всего отказываюсь.

Глава XX

Услышав эти слова, Вайолет лишилась речи. Потом глотнула и вскрикнула:

— Что?!

— Подписала, мисс, — отвечала мамаша, с надеждой глядя на нее. — Значит, это ничего?

Вайолет опять что-то проглотила.

— Это очень хорошо, — медленно сказала она, и ничего не прибавила, потому что вошел ее жених.

— Чай готов, няня, — сказал он и кивнул гостье. — Привет, Ви.

— Выпейте чаю, миссис Прайс, — сказала та. — Вам очень нужно.

— Золотые слова, милочка. Пойду попью.

Тони проводил ее до дверей, а заодно и закрыл их. Он был немного растерян. Вайолет как-то странно смотрела. Совсем не сердито, не обиженно, а нежно, что ли. Он решил, что она хочет его уговорить, и сразу перешел к делу.

— Ну, вот. Я ему сказал, — начал он.

— Всю правду?

Она странно улыбалась.

— Да.

— Как это хорошо!

Теперь она улыбалась, как дама былых времен, которой довелось узнать, что ее рыцарь — без единого пятна и порока. Кроме того, она подошла и положила ладонь ему на руку.

— Ты думал, я и впрямь тебя брошу? Я тебя испытывала. Я проверяла твое мужество и твое чувство чести.

Он тупо на нее глядел. Ему казалось, что это сон — что-то слышишь, а знаешь, что неправда. Так не говорят. Во всяком случае, Вайолет так не говорит. Какие-то титры из немого фильма. И потом, где она прятала такое бескорыстие и благородство?

Вайолет быстро его поцеловала.

— Мне пора, — шепнула она. — Столько дел! Завтра кончишь работать, зайди ко мне.

Она быстро вышла, Тони тупо смотрел ей вслед. Поцелуя он не заметил, гадая, что все это значит. Сзади послышался голос:

— Тони!..

Он повернулся. В дверях стояла Полли с чашкой чая.

— Я принесла тебе чай, — сказала она. — Он стынет. Тони посерел и машинально протянул руку.

— Спасибо.

На улице заиграла шарманка. Катили омнибусы. Лондон занимался своими делами.

Тони поставил чашку и медленно сказал:

— Я не подлец, Полли.

— Я знаю, Тони.

Он сел в кресло. У него кружилась голова.

— Ты видела? — спросил он.

— Да.

— Слышала, что она сказала?

— Да.

Тони разъярился и ударил кулаком по ручке кресла.

— Что мне делать?!

Полли побледнела и закусила губу.

— Она говорила, если я скажу Сиду… Ну, про них, что его обманывают… Она меня бросит. А теперь… Испытывала, видите ли! Что мне делать?!

— Что ж, не повезло.

— Не повезло! — он истерически засмеялся. — Прости. Я прямо впал в детство. Но и ты смотри, что говоришь. Не повезло! Это потерять тебя? А, черт! Не женюсь я на ней, и все. Хорошо, я свинья, пусть меня свиньей и считают. Пойду, объясню ей… Попрошу, чтобы она меня отпустила…

Полли покачала головой.

— Нельзя.

— Полли!

— Это уже будешь не ты.

— Пол-ли!!!

— Ты не будешь счастлив, — сказала Полли, — если сделаешь что-то плохое. И я не буду. Я не думала, что она такая. Я думала, она щучка. И вот, ошиблась. Нельзя ее бросать. Это подло.

— Да, Господи! Как же мы будем жить? Я нужен тебе, ты нужна мне.

— Ее бросать нельзя.

— Но, Полли…

— Одеколончик забыла, — сказала, входя, мамаша Прайс. Как и Полли, она несла чай.

— Эй, ты чего это? — заорал Сид, входя за нею.

— Одеколончик…

— Мой чай унесла!

Мамаша удивилась и посмотрела на чашку.

— Чай?

Сид очень сердился.

— Дай, Господи, — благочестиво сказал он, — чтоб ты совсем не спятила. Суд на носу. Наговоришь чего-нибудь…

Мамаше показалось, что самое время открыть правду. Можно бы и повременить, но очень неприятно смотреть, как твое дитя заблуждается. Она издала странный, блеющий звук.

— Сид… Я тебе что скажу…

Именно в этот миг с улицы вошли леди Лидия, сэр Герберт и Вайолет. Сид расправил плечи.

— Хо! — заорал он. — Рыптилии. Справа налево — сэр Змий и леди Змеюка!

Баронеты обидчивы. Будь сэр Герберт женщиной, мы бы сказали, что он затрепетал. Во всяком случае, он побагровел.

— Однако! — сказал он. — Однако!

— Еще чего!

— Я не позволю!

— Дэ? А меня морочить? Хо-хо! Выкурить думали? Прям счас! Чихать я на вас хотел!

— Нет, — сказала леди Лидия.

— То есть это как?

— Дело в том, — сказал сэр Герберт, — что у меня есть бумага, подписанная миссис Прайс, где она абсолютно отказывается от своих измышлений.

Челюсть у Сида отвисла. Он посмотрел на баронета. Он посмотрел на его супругу. Он обернулся, чтобы посмотреть на мамашу, как смотрел Цезарь на Брута. Та беспокойно засопела.

— Я как раз тебе хотела сказать!

Тони вышел вперед и протянул руку. Сэр Герберт передал ему документ с той осторожностью, с какой кладут сокровище в сокровищницу.

— Возьми, Тони, — сказал он. — И храни получше. Тони сел на ручку кресла и, хмурясь, стал читать. Мамаша вступила в беседу:

— Я думаю, я хорошо сделала.

— Да-да, — сердечно признал сэр Герберт. — Очень хорошо. Прекрасно.

— Спасибо, Сырырбырт. Так мне и барышня сказала.

— Какая барышня? — спросил Тони.

— А вот эта, миленький, — мамаша указала на Вайолет. — Я ей, значит, говорю, а она меня и похвалила.

— Естественно, — заметил сэр Герберт.

— Конечно, — подхватила леди Лидия.

— Когда это было? — спросил Тони. — Перед тем, как я пришел?

Он посмотрел на Вайолет, потом отвернулся.

Сэр Герберт тем временем сказал побежденному Сиду:

— Надеюсь, даже вам понятно, что дело автоматически проваливается?

Сид глубоко вздохнул, глядя на мамашу.

— Надо было знать! — простонал он. — Если уж она пошла в церковь…

Сэр Герберт немного смягчился.

— Поскольку вы признаете, что иск отпадает, лорд Дройтвич проявит снисходительность. Скажем, если вы хотите переехать на Бонд-стрит…

Он резко замолчал, испуганный криком жены, и тут же крикнул сам:

— Тони!

Сидя на краю раковины, Тони держал в левой руке драгоценный документ, а в правой — зажигалку. Бумага потрескивала и крошилась в пламени.

— Что ты делаешь! — крикнула Вайолет, а он ей странно улыбнулся. Пепел осыпался вниз. Тони встал и обтер пальцы.

— Тут нужна твердая рука, — сказал он.

Глава XXI

Легкий свет, льющийся через французские окна, залил гостиную Ленгли-энда мирным пламенем. Оно играло на бокалах и серебре. Оно плясало на старых креслах. Оно омывало золотым потоком портрет Длинного Меча. Однако последнего из его потомков оно омыть не смогло, поскольку Сид, не любивший солнца, спрятался в тени, где и читал про бега в утренней газете.

Солнце не освещало его, но согревало изнутри, ибо со сцены в салоне Прайса прошло две недели, и каждый день он поздравлял себя с ее поразительным завершением. Все шло как нельзя лучше, и Сид приятно мурлыкал, читая газету.

Его отвлек звук шагов по гравию. Взглянув поверх газеты, он с удивлением увидел Тони, который должен был находиться за семьдесят миль, в Лондоне. Однако против такого гостя он ничего не имел. Сэру Герберту и леди Лидии он охотно говорил, что о них думает, не щадил и достопочтенного Чок-Маршалла, а к Тони относился неплохо. Мало того, он ему нравился, правильный человек. Поэтому Сид обратился к Тони совсем не так, как обращается хозяин к незаконному пришельцу, влезающему во французское окно.

— А, это вы, любезный Прайс?

— Доброе утро, милорд, — почтительно заметил Тони.

— Чего пришли?

— Сэр Герберт позвал, на совещание, — объяснил гость. — Мы с Полли приехали в машине.

— Как Полли?

— Очень хорошо. Через неделю поженимся. Сид удивился.

— Эт как? А вообще, ничего девица. Поможет в салоне.

— Какая идиллия! — сказал Тони, — Муж занимается клиентом, жена — клиенткой… Но нет! Сразу после свадьбы мы едем в Кению. Займемся кофе, знаете…

Сид снова удивился.

— Э! А салон?!

— Продаю.

— Что-о?! — испугался Сид. — То есть ка-ак?

— Так. Его хочет купить некий Пупэн.

— Это салон — итальяшке?!

— Он швейцарец.

Сид стал из желтого густо-розовым. Глаза его сердито сверкнули.

— Да хоть дикарь! — еле выговорил он. — Салон продать, это ж надо… Шесть поколений, шесть поколений, и все Прайсы! А вы слыхали, что Роланд Хилл,[79] этот самый, с маркой, к нам захаживал? Теккерей[80] нам должен два пенса, стриг бакенбарды. Да мы брили самого доктора Криппена![81]

Тони пожал плечами.

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — Мне нужны деньги. Корыстный век.

Сид, приподнявшийся было, снова сел в кресло.

— Ладно, — мрачно произнес он. — Не мое дело.

— Вот именно. Простите, мне надо посмотреть, как там Полли. Может, ее белки покусали. Передайте, пожалуйста, что я в саду.

— Кому это?

— Сэру Герберту с шайкой.

— Да? — Сид горестно фыркнул. — А чего они собираются? Какие такие совещания?

— Понятия не имею. А как он сейчас с вами, строг?

— Да ну его, гада! — с чувством сказал Сид. — Совсем довел.

— Что ж, надо человеку развлечься, — заметил Тони. — Скоро увидимся.

Он исчез в освещенном солнцем саду, а Сид вернулся к газете. Однако скачки утратили свою прелесть, и он закрыл глаза, нахмурив лоб. Сколько себя не убеждай, сколько не думай, тяжело, когда фамильный салон переходит в чужие руки. Он помнил этот салон столько же, сколько себя. Можно сказать, тот был для него святилищем. Как он играл там в три года!.. Какой поднялся шум, когда в шесть он разбил бутылку лосьона!.. А как он брил в первый раз! И что же? Там воцарится швейцарец. Сид не знал Омара Хайяма,[82] иначе его поразили бы строки о льве и ящерице. Очень уж похоже. Казалось бы, что ему Прайсы? И все-таки…

Тяжело вздохнув, он увидел массивную фигуру Слингсби. Он не слышал, как тот вошел. К тому же, как все люди, он не любил, чтобы на него смотрели, когда он этого не знает.

— Чего надо, старый кот? — спросил он, немного багровея.

— Зашел посмотреть, свободна ли комната, — холодно ответил дворецкий.

— Да? — Сид попытался читать. С ними — только так. Облить

презрением. Но тут он припомнил, что кое о чем спросить надо.

— Кто это там приехал, похож на рыбу?

Слингсби посмотрел еще холоднее, словно негодующая лягушка.

— Такое описание мне ничего не говорит, — сухо ответил он. — Недавно прибыл мистер Уэзерби, наш семейный поверенный.

— На совещание, да? Не иначе, дует мое вино! — Сид неприязненно засмеялся и сменил тему. — На скачках погорел, морда?

Слингсби не собирался говорить о скачках с кем попало. Однако Сид продолжал:

— Поставь-ка на Швейцарского Сыра. Верное дело. Дворецкий раздулся от обиды.

— Я в подсказках не нуждаюсь.

— Может, бросил играть? — предположил Сид. — Эт хорошо, а то выгоню. Что ж это, честное слово, слуги на скачках играют! Так и ложки сопрут.

— По-про-сил бы… — с трудом проговорил оскорбленный Слингсби.

Сид сурово на него посмотрел.

— А «милорд» кто скажет?

— Только по решению суда, — твердо ответил дворецкий. Сид похохотал.

— Ничего, это скоро! Мамаша выступит, да еще портрет. А что я тогда сделаю, знаешь?

— Да, — с удовольствием сказал Слингсби. — Примешь мое заявление об уходе.

Сиду оставалось только показать ему язык. Слингсби показал в ответ свой. Эту неприятную сцену и застал сэр Герберт, быстро войдя в гостиную.

— Господи! — вскричал он.

Языки исчезли. Слингсби с явным усилием снова обрел достоинство.

— Прошу прощения, сэр Герберт, — сказал он. Тот махнул рукой.

— Не за что! Он любого доведет. Сколько раз я сам хотел! — Он обернулся к Сиду. — Ну-с, молодой человек…

— Чего надо, змий?

Сэр Герберт разумно решил не слышать последнего слова.

— Мне нужна эта комната. Приехал мой поверенный, мистер Уэзерби.

— Совещание у них, хо-хо!

— Конечно, если вам непременно нужно тут быть, мы можем повести его в библиотеку.

Сид поднялся.

— Ничего. Мы, Дройтвичи, люди воспитанные. Только зря вы деньги тратите. Посмотрели бы лучше на картинку. Вот — он, а вот — я. Надо бы ее в суд передать, а то неровен час… Ладно, я пошел.

Слингсби мрачно посмотрел ему вслед.

— Поистине, сэр Герберт, — сказал он с большой болью, — иногда мне хочется, чтобы его признали лордом. Хоть племянником не будет.

Сэр Герберт не потрепал его по спине, так все же не делают, но посмотрел на него очень ласково.

— Нет, Слингсби, не признают, если мы правильно поведем дело. Приехала миссис Прайс?

— Да, сэр Герберт. Роберт привез ее в «роллс-ройсе» примерно час назад. Она в моей комнате.

— Этот субъект знает, что она здесь?

— Нет, сэр Герберт.

— Так. Хорошо. Лорд Дройтвич тоже приехал?

— Да, сэр Герберт. Гуляет по саду с мисс Браун.

— Мисс Браун? — Сэр Герберт поднял брови. — А, маникюрша!

— Да, сэр Герберт.

— Зачем он ее привез?

— Не могу сказать, сэр Герберт.

— Может быть, для свидетельства. Она первая слышала рассказ этой мегеры. Что ж, неважно. Пойдите, позовите его. Когда я позвоню, пришлите к нам миссис Прайс.

— Слушаюсь, сэр Герберт.

Дворецкий удалился, а баронет, оставшись один, медленно подошел к портрету и смотрел на него, задумчиво потирая подбородок.

Послышались голоса, предупреждая о том, что жена и стряпчий приближаются.

Глава XXII

Описывая мистера Дж. Дж. Уэзерби из юридической конторы «Полт, Уэзерби, Полт и Полт», Сид был не совсем прав, но подошел близко к цели. Большие стеклянные глаза, глядящие сквозь очки, действительно напоминают о рыбе. Юрист озирался в той свойственной юристам манере, которая наводит на мысль, что они ищут улики за гардинами и под пианино.

— Заходите, заходите! — сказал сэр Герберт, отрываясь от портрета. — Здесь лучше, чем в библиотеке. Солнечней как-то.

Мистер Уэзерби подозрительно прищурился, словно предупреждая, что не потерпит никаких уловок, и благосклонно произнес:

— Очень приятная комната. Леди Лидия задрожала.

— Не для меня. Здесь это случилось.

— Садитесь, Уэзерби, — вмешался сэр Герберт. — Я послал за лордом Дройтвичем. А вот и он! Спасибо, дорогой, что приехал!

— Здравствуй, тетя Лидия, — сказал Тони. — Можно тебя так называть?

— Еще бы, еще бы!

— Здравствуйте, мистер Уэзерби. Надеюсь, не опоздал? Я показывал сад Полли.

Сэр Герберт кивнул.

— Да-да. Хорошо, что ты ее привез, но, скорее всего, Уэзерби скажет, что это свидетельство не нужно. Что ж, можем начинать. Все мы в сборе.

— А где Фредди? — спросил Тони.

— В Лондоне, у Бриднорта. Я ему звонил, приглашал, но он что-то бормочет про важное дело. Что ж, перейдем к делу и мы.

Мистер Уэзерби сложил кончики пальцев.

— Разрешите мне проверить факты, — начал он. — Эта особа подписала документ о том, что история выдумана?

— Да.

— Он был должным образом заверен?

— Да.

— И лорд Дройтвич его сжег?

— Да.

— Если есть в мире справедливость, — сказала леди Лидия, сурово глядя на Тони, — это сочтут свидетельством в твою пользу. Мой брат был

тоже сумасшедший.

Тони ей улыбнулся; мистер Уэзерби сверкнул очками.

— Могу я спросить, лорд Дройтвич, почему вы сожгли документ?

— Можете, — сказал Тони. — Иначе мне пришлось бы жениться на Вайолет. А так я женюсь на Полли.

— Тони! — вскричала леди Лидия.

— Какое безумие! — вскричал стряпчий.

Тони не надеялся, что его поймут. Может быть, доброе сердце дороже короны, но не для сэра Герберта и леди Лидии. Конечно, он их любил, но не был слеп. Они принадлежали к аристократии, которая не страдает легкомыслием, когда речь идет о неравных браках. Он это знал, и решил не уступать.

— Чепуха! — мягко сказал он. — Она вам нравится. Леди Лидия не собиралась это обсуждать. Да, Полли ей нравилась, но можно хорошо относиться к такой девушке, не считая при этом, что она достойна стать женой главе рода.

— Наши чувства здесь ни при чем, — сказала она. — Это невозможно.

— Именно, — согласился сэр Герберт.

Мистер Уэзерби ничего не сказал. Он полировал ноготь уголком платка.

— Почему? — спросил Тони.

— Она маникюрша!

— Самая подходящая жена для парикмахера. Сид мне только что говорил…

— Исключено, — сказал сэр Герберт.

— Вот что, мои дорогие, — сказал Тони. — Спорить нам незачем. Я женюсь. Если мне удалось заполучить саму Полли, не так я глуп, чтобы отказаться.

— А если суд признает тебя лордом Дройтвичем?

— Тогда в семье будет наконец нормальная леди Дройтвич.

Сэр Герберт посмотрел на леди Лидию. Леди Лидия посмотрела на сэра Герберта. Оба они посмотрели на мистера Уэзерби, но зря, поскольку он полировал другой ноготь. Семейные юристы умеют хранить удивительное безучастие. Физически Уэзерби присутствовал, духовно был за сотни миль.

— Говорила я, что он сошел с ума? — вскричала леди Лидия.

Тони жалел этих страдальцев, но уступать не собирался.

— Ну, тетя! Ну, моя дорогая! — сказал он. — Ты же знаешь, что огорчаться незачем. Улыбнись, тебе же нравится Полли. Сама знаешь…

— Ничего я такого не знаю.

— Тогда узнай. Жаль приставлять пистолет к голове, но если семья не примет Полли, я оставляю это дело. Что вам лучше, графиня Полли или граф Сид? Подумайте. Как заметил он сам, даю вам десять минут по моим золотым.

И Тони вышел на лужайку. Сэр Герберт и леди Лидия снова обменялись взглядами.

— Он так и сделает, — сказал сэр Герберт.

— Да, — сказала леди Лидия.

— И заметь, он упрям, как осел.

— Да. Отец был точно таким же.

— Старый Прайс? — спросил Уэзерби.

— Мой брат Джон, — ответила леди Лидия. — Помню, он хотел жениться на официантке.

— Потом, потом, — сказал сэр Герберт. — Сейчас главное — миссис Прайс.

Мистер Уэзерби мгновенно ожил. Это его касалось, и он снова обрел ту прыть, которую обретают стряпчие, если тронуть их сердце.

— Для меня очевидно, — сказал он, — что она должна снова подписать отказ.

— Именно, — согласился сэр Герберт. — Вы ее и убедите. Ваши доводы весомей наших.

— Нас она слушать не будет, — пояснила леди Лидия. — Герберт несколько раз взывал к ее высшему «я», и все без толку.

— Понимаете, — прибавил сэр Герберт, — она очень суеверна. Ей кажется, что это знамение. Такой знак с неба.

— Конечно, вы ее убедите! — вступила леди Лидия. — Она темная старая женщина. Если говорить торжественно… сурово… ну, вы знаете, *юридическим* тоном…

Мистер Уэзерби умудренно кивнул. Он не сумел бы найти такие слова, но совершенно соглашался с хозяйкой.

— Понимаю, понимаю. Лучше будет сейчас составить бумагу, чтобы иметь ее наготове.

Он поднялся и подошел к столу, но заметил, что сообщество увеличилось. Безупречно одетого пришельца бурно приветствовали родные.

— Фредди! — воскликнул сэр Герберт. — Я думал, ты не приедешь.

Фредди кивнул и пояснил:

— Передумал, знаете ли. Привет, тетя Лидия.

— Доброе утро, Фредди. Ты знаком с мистером Уэзерби?

— Конечно. Здравствуйте, мистер Уэзерби. Как там иски и киски?

Стряпчий угрюмо улыбнулся, сел к столу и стал строчить пером по бумаге. Леди Лидия обратилась к племяннику:

— А почему ты решил приехать?

— Важное дело. Где Тони?

— В саду. С… невестой.

— Что? — Фредди вздрогнул. — Я думал, Вайолет его бросила.

— Да. Это другая, Полли Браун. Фредди очень обрадовался.

— Неужели Тони подцепил такую девушку? Молодец! Да, прямо скажу, молодец!

— Рада, что тебе это нравится…

— А уж он, я думаю, рад! — не унимался Фредди. — У меня для него тоже хорошие новости. Будет петь и плясать.

Сэр Герберт, звонивший в звонок, вернулся и спросил:

— Какие новости?

Племянник посмотрел на него сурово.

— Такие, — сказал он. — Только для Тони. Прости, дядя Герберт, ты чересчур любопытен.

И, погрозив баронету пальцем, он направился в сад. Леди Лидия пожала плечами, заметив при этом:

— Ну и семейка!

Открылась дверь, появился Слингсби.

— Вы звонили, сэр Герберт?

— Где миссис Прайс?

— Здесь, сэр Герберт.

— За дверью?

— Да, сэр Герберт.

— Пусть войдет. Останьтесь и вы. Нам будет нужен свидетель.

Мистер Уэзерби встал с бумагой в руке.

— Готово? — спросил сэр Герберт. Юрист вручил ему бумагу.

— Прекрасно.

Дверь открылась снова, и появилась мамаша Прайс в черном шелковом платье.

Глава XXIII

Мамаша была трезва и настороженна. Ей все это не нравилось. Как греки и римляне, она руководствовалась знамениями и, когда Тони сжег документ, сочла это знаком небес. Иначе говоря, она считала, что ошиблась, поставив подпись.

Две недели жила она в таком убеждении, но сегодня, на Мотт-стрит, ей перешла дорогу черная кошка. Мнения об этих кошках разделяются. Одна школа мысли полагает, что они к счастью, другая — что к беда. Третья, самая маленькая, считает ее просто предупреждением. К этой школе принадлежала и мамаша Прайс, а потому не знала, чего, собственно, ждать. Тем самым держалась она, как Даниил, только что попавший в львиный ров.[83]

— А, миссис Прайс! — сказал сэр Герберт.

— Да, Сырырбырт, — согласилась она, хотя и несколько нервно.

— Садитесь, — сказала леди Лидия таким голосом, словно с удовольствием бы предложила ей чашечку цикуты.

— Спасибо, Ледилиди.

— Это, — сообщил сэр Герберт, — мистер Уэзерби, наш поверенный.

Мамаша Прайс, осторожно присевшая на краешек кресла, поднялась и сделала книксен. Тревога снедала ее. Из разных журналов она знала все о семейных поверенных. От них добра не жди. Им по силам отменить последнюю волю, похитить наследника, что там — убить баронета. Этого Уэзерби она заподозрила сразу, и теперь, ерзая в кресле, жалобно глядела на хозяйку.

— А можно я капельку выпью, Ледилиди?

— Нет!

— Ну, ладно, — смирилась мамаша, безутешно сопя.

— Поймите, миссис Прайс, — вкрадчиво сказал сэр Герберт, — мы пригласили вас не на пир и не на банкет. Это — деловое совещание. Позже вас угостят портвейном.

— Спасибо вам большое, Сырырбырт…

— Ну, что ж, Уэзерби, начнем, — сказал баронет. Юрист, протиравший до сих пор очки, надел их и сухо, резко покашлял. От этих неприятных звуков свидетельница затряслась, как желе. Можно было и не кидать на нее дополнительный взгляд над очками, чтобы сообщить, что охота началась. Если бы зловещий служитель закона крикнул «Ату ее,

ату!», это бы ничего не прибавило.

— Миссис Прайс, — начал он.

— Да, сэр?

— Насколько я понял, вы нервничаете.

— Чего я делаю, сэр?

— Беспокоитесь, — перевел сэр Герберт.

— Да нет, Сырырбырт, меня в автомобиле укачало.

— Ага, ага… Что ж, возьмите себя в руки. Бояться вам нечего, если… Как вы считаете, Уэзерби?

— Именно, — подтвердил юрист. — Если вы скажете правду.

— Всю правду, — уточнила хозяйка.

— И ничего кроме правды.

— Ой, Господи! — пробормотала мамаша, несмело поднимая руку.

Сэр Герберт взглянул на юриста.

— Подпишем бумагу? — сказал он.

— Вот именно.

— Другими словами, документ?

— Именно, именно, — подтвердил поверенный, держащий упомянутый листок.

Все помолчали. Мужчины и леди Лидия серьезно смотрели друг на друга. Мамаша заползла в кресло, как черепаха в панцирь. Странные слова свистели над ее головой, и она совсем пала духом. Бодрости ей не прибавил и новый кашель юриста.

— Итак, миссис Прайс…

— Да, сэр?

Он вперил в нее очки.

— Мне известно, — грозно произнес он, — что вы распространяете крайне сомнительные слухи, пытаясь принести вред нынешнему лорду Дройтвичу, то есть лишить его имений и титула.

Из двадцати слов этой фразы мамаша поняла не больше семи, но покорно ответила:

— Да, сэр.

— Теперь скажите, миссис Прайс, небывало ли у вас галлюцинаций?

— Чего, сэр?

— Ну, видений.

— Нет, сэр.

— А на мой взгляд, бывали. Вы обладаете очень богатым воображением, — произнес юрист, все больше походивший на удава, гипнотизирующего жертву. — Я утверждаю… *утверждаю*, миссис

Прайс… что ваша история — чистейшая фикция.

— А что это, сэр? — осторожно спросила мамаша. Юрист опять покашлял, а кроме того, постучал по столу футляром от очков.

— Задам вам несколько вопросов, — сказал он. — Любите ли вы читать, миссис Прайс?

— Да, сэр.

— Что именно?

— Журнал такой, «Фэмили Геролд».

— Так-так. А ходите ли вы в театр?

— Да, сэр. Если пьеса хорошая… Чувствительная.

— Та-ак. Теперь слушайте, миссис Прайс. Напомню вам, что подмененные дети — распространенный сюжет журнальных рассказов, что же до пьес, именно эту ситуацию пародирует покойный У. Ш. Гилберт в «Отмщении младенца».

— Это вы к чему, сэр?

— К тому, миссис Прайс, что на вас заметно повлияли рассказы, мелодрамы и, быть может, горячительные напитки.

— Вот именно! — вступил в беседу сэр Герберт.

— Точнее не скажешь, — одобрила и леди Лидия.

По всей вероятной, супруги едва удержались от крика «Ура!».

Мамаша не сразу поняла речь юриста, но вскоре все-таки встала и даже подбоченилась.

— Садитесь, — сказал поверенный. Она послушно села, прибавив:

— Сию минуту, сэр.

— Теперь, — продолжал он, — мы переходим к следующему пункту. Две недели назад вы подписали документ, гласящий, что в указанной истории нет ни слова правды.

— Да, сэр. Его сожгли.

— Это мне известно. Не беспокойтесь, я приготовил другой. Будьте добры, подойдите сюда.

Он указал на стол.

— Возьмите перо, миссис Прайс. Прошу! Вот здесь, вот здесь.

— Слингсби, — сказал сэр Герберт. Дворецкий вышел вперед.

— Заверьте подпись миссис Прайс.

— Сию минуту, сэр Герберт.

— Видите ли, миссис Прайс, — пояснил мистер Уэзерби. — Подписывая эту бумагу, вы действуете в собственных интересах. Если вы не подпишете, вы окажетесь в крайне затруднительном положении. Суд непременно спросит, почему один раз вы клянетесь в одном, а другой раз

— в другом. Лжесвидетельство — тяжкое преступление.

— Чего, сэр?

— Лже-сви-де-тель-ство.

Мамаша Прайс поняла, что значила черная кошка. Она испуганно схватила перо, а поверенный, облегченно вздохнув, снял очки и стал протирать их.

Стол стоял у окна и, подняв на мгновение взор, страдалица увидела поросшую кустами лужайку. Она вгляделась получше, застыла — и воскликнула:

— Ой!

Сэр Герберт вскочил, раздраженно бросив:

— Что там еще?

Мамаша твердо взглянула на него. Теперь она знала, что напутала с этой кошкой… Да, конечно, знак свыше — но для чего? Чтобы не подписывать. Иначе в тот самый миг, когда она склонилась над бумагой, не появилось бы такое знамение, яснее которого не сыщешь.

— Не подпишу, — сказала она.

— Что?!

— Не буду, и все тут.

— В чем дело? — крикнула леди Лидия. Мамаша Прайс воздела руку, указывая на окно.

— Вот!

На кусте сидела сорока.

Глава XXIV

Когда в большой гостиной одновременно кричат: «Что за чушь!», «Она с ума сошла», «Черт побери!» и «Да вы сами посмотрите!», какофония может испугать внезапного пришельца.

И впрямь, Сид испугался. Шум как раз достиг апогея, и ему почудилось, что он попал в клуб, на дебаты. Это его огорчило. Казалось бы, поступил, как граф, разрешил этим гадам собраться в его собственном доме, а они интриги разводят, мало того — скандалы.

— Ти-ихо! — взвыл он.

Шум угас, и он холодно оглядел присутствующих.

— Да уж! — горестно вымолвил он. — Совещаньице, ничего себе. А по мне, попугаи в клетке, один к одному.

Сэра Герберта глубоко огорчило его появление.

— Уходите!

Сид на него взглянул.

— Не ори, змей.

Тут он заметил мамашу Прайс и очень удивился.

— А ты чего явилась? Мамаша волновалась.

— Ой, Сид! — закричала она. — В самое время увидела!

— Кого это?

— Да сороку. Это верный знак. А то я уж стала подписывать.

— Подписывать? — Сид понял се. — Ну, я скажу, голубчики! Опять за свое! Нет, такого змея… — обратился он к сэру Герберту. — Только отойди, только их оставь, а они… Ума с ними решишься! Эй, вы! — Он тыкнул в юриста. — Чего с ними связались? Напишу лорду-канцлеру, мигом из сутяг погонят.

Решив, что все это не по плечу слабой женщине, леди Лидия воззвала к сильному полу.

— Неужели вы не можете выгнать этого субъекта?

— Куда им! — отвечал Сид. — Сперва я тут кой-чего сделаю.

Он повернулся к дверям, как Веллингтон к воинам под Ватерлоо, и скомандовал:

— Лестницу!

И лакей Чарльз внес стремянку, на которую растерянно воззрился сэр Герберт.

— Это еще что? — спросил он.

Сид показал на портрет Длинного Меча.

— Принимаем меры, — объяснил он. — Оставишь его тут, вы ему лицо перерисуете.

Он поднял другой конец стремянки и направился к камину. Чарльз, ничего не понимая, покорно шел за ним. Молодые лакеи рады семейным сценам, да еще таким бурным. А вот пожилые дворецкие им не рады. К тому же, им трудно смотреть, как в гостиную вносят стремянки. Слингсби буквально кипел; лишь почтение к знатному роду удерживало его от действий. Обычно он не говорил, пока к нему не обращались, но всему есть пределы.

— Вы велели снять портрет, сэр Герберт? — осведомился он.

— Ни в коем случае! — вскричала хозяйка.

— Конечно, нет, — прогудел ее муж. — Уберите лестницу!

Юрист молчал, но смотрел на Сида таким зловещим, судейским взглядом, словно напоминал, что прецедент, дело Рекса против Уинтерботтема, Гуча, Симмса и Мерриуэзера, кончился провалом.

Однако ни крики, ни взоры Сида не испугали. Он знал свои права.

— Покажу-ка я его суду, — обещал он. — Больша-ая будет польза.

Мамаша, как и Чарльз, не все понимала, но думала, что в нужный момент стоит вставить словечко.

— Ой, Сид! — сказала она. — И чего ты торопишься? Сид властно повел рукой.

— Не твое дело. Эй, вы! — заорал он, поскольку Слингсби перейдя от слов к делу, вырвал у него конец, стремянки. Теперь они с ликующим Чарльзом подняли ее вверх.

— Что ж мне, под лестницей идти? — перепугался Сид. — Перед самым судом? Нет уж, увольте!

Ощутив, что и невидимый мир восстал против него, он схватил Слингсби за фалды, и начался бой. От тех, кто его созерцал, трудно было ждать блестящих реплик. Уэзерби цокал языком, выражая крайнее недовольство. Мамаша Прайс голосила: «Сыночек!», Слингсби рычал: «Пусти, болван!» Остальные молчали, если не считать пыхтения и единичных воплей.

Граф благосклонно смотрел с портрета. Ему довелось побывать во многих битвах. Если он о чем жалел, то об отсутствии боевых топориков. А так, все шло как надо, тем более что к бойцам присоединился сэр Герберт. Правда, пытаясь оттолкнуть стремянку, он оказался между ступеньками и метался в отчаянии.

— Стойте! — кричал он. — Я сейчас разорвусь! Вы меня раздавите!

Стойте!

Послушный своему господину, дворецкий сумел сдернуть лестницу. На лету она сбила Сида, но сэр Герберт спасся и упал в кресло, держась за ногу.

— Палец! — плакался он. — Большой палец! Всё вы, — он метнул взгляд в Сида, — хулиган собачий.

Словесные удары Сида уже не трогали, эту фазу он прошел. Сейчас он держался за живот и беспокоился:

— Нет, они мне что-то сдвинули! Ну, всё туда же, суд разберется.

Сэр Герберт мрачно обернулся к Слингсби:

— Окажите любезность, выведите этого субъекта. Лицо дворецкого озарила блаженная улыбка.

— Простите, сэр Герберт, не могли бы вы это повторить? Леди Лидия не повторила, но дополнила речи мужа:

— Покажите ему дорогу к воротам в парк.

— С великой радостью, миледи. Благодарю вас, миледи.

Облизнувшись от счастья, дворецкий внимательно посмотрел на носок правой ноги и, нервно сжимая руки, направился к Сиду. Тот отступил к окну.

— Попрошу! — взвизгнул он. — Только без рук!

— Теодор! — вскричала мамаша. — Не смей его трогать!

— Белла, не мешай.

— Я предупредил, — продолжил Сид на ходу и вдруг рванул наружу, где и столкнулся с Тони, не задев его спутника и спутницу. Тони мягко швырнул его обратно, заметив при этом:

— Что-то мы рано начинаем футбольный сезон.

Он удивленно посмотрел на тяжело пыхтящего Слингсби, напоминающего вулкан, а потом на Сида, укрывшегося за тахтой и запасшегося на всякий случай тяжелой вазой.

— А что тут у вас такое? Ответил ему сэр Герберт:

— Лорд Дройтвич доказывает свою родовитость потасовкой с дворецким.

— Да ладно, — проворчал Сид. — Очень уж я разозлился.

— Это заметно, — признал Фредди.

— Что ж, Дройтвичи ошибок не делали?

— Делали, — сказал сэр Герберт. — Если вы и правда Дройтвич, ошибку сделал ваш отец.

Сид обиделся.

— Слыхала? — спросил он мамашу Прайс— Я тут из кожи лезу, —

сообщил он сэру Герберту, — а с вами и с тетушкой — как об стенку.

— Да что случилось? — настаивал Тони.

Сэр Герберт хрюкнул. Палец немного утих, но чувства, чувства!

— Он хотел снять Пурбу.

— Какую пурбу? — возмутился Сид. — Я картину брал.

— Ее написал художник Пурбу, — с холодным презрением сообщила леди Лидия.

— Дэ? — Сид подумал. — Ну ладно. Тони все еще удивлялся.

— Зачем вам этот портрет?

— А чтоб чего не переменили, пока я его в суд не отвез. Мамань, — он поднял руку, — посмотри-ка, на кого он похож?

— Э…а…

— На меня, верно?

— На тебя, сынок, на тебя.

— Нет, конечно, той силы. Я буду покруче. А может, была, да ваш Бурбур изобразить не пожелал. Ладно, главное — чтобы сейчас чего не учудили.

Тони засмеялся.

— Не беспокойтесь. Я прослежу, чтобы с ним все было в порядке.

— От это я понимаю! — восхитился Сид. — Простой парикмахер, а какое сердце! И ведь если мамаша все подтвердит, ему ж ничего не останется!

— Скорее всего, — признал Тони. Сид несколько удивился.

— Вам что, выиграть не хочется? — спросил он.

— Честно говоря, — ответил Тони, — после того, что сообщил Фредди, я и сам не знаю. Выиграю — буду графом…

— Не будете, не будете.

— …а проиграю — миллионером.

— О чем ты говоришь? — спросил сэр Герберт.

— Скажи им, Фредди.

И достопочтенный Фредерик Чок-Маршалл вышел вперед с присущим ему изяществом.

Глава XXV

Когда Фредди находился в обществе, казалось, что только он — взрослый среди недоразвитых детишек. Сейчас это было очень заметно. Оглядев отцовским взором небольшую группу, он как бы дал понять, что много вернее препоручить ему все дела.

Прочистив горло, подтянув манжеты, он начал свою речь.

— Не знаю, — сказал он, обводя собравшихся пытливым взглядом, — читал ли здесь кто-нибудь стихи?

Сэр Герберт, и без того нервный, заскрипел, как игла на пластинке, и попросил не отвлекаться. Менее сдержанный оратор мог бы немного сдать, но Фредди холодно взглянул на дядю.

— Я и не отвлекаюсь, — сообщил он. — Как ты узнаешь, не став намного старше и толще, слова мои относятся к делу. Я собирался предположить, что вам попадался такой стишок: «Сокровища сияющих камней таятся в темной глубине пе-Щер, и россыпи прекраснейших цветов безвестно увядают на лугах».

— О, Господи!

— Да, на лугах, — сурово подтвердил Фредди. Возмутился же сэр Герберт, а поддержала его леди Лидия.

— Герберт, ты прав. Фредди, мой дорогой, ну зачем же это? Мог бы прочитать в другое время, мы с удовольствием послушаем.

— Тетя Лидия, — отвечал он, стараясь быть помягче с женщиной, — не могла бы ты помолчать хоть минутку? Говорить невозможно, если свои же родные то и дело встревают. Значит, молчишь?

— О, пожалуйста!

— Почему же, спросите вы, эти камни и цветы безвестны? — продолжал Фредди. — Что мешает им сделать карьеру, создать себе имя? Казалось бы, камни — сияют, цветы — прекрасны, всё в порядке. А славы нет! В чем же их ошибка? Сейчас скажу. Ошибка в том, что им не попался мастер своего дела, виртуоз рекламы, торговый гений. Что толку от самого лучшего камня, если никто о нем не знает? Цветы — то же самое. Равно как и эликсиры или, если хотите, бальзамы.

Сэр Герберт что-то хотел сказать, но встретил взгляд племянника и сдержался.

— Давным-давно, — продолжал Фредди, — один человек изобрел эликсир для лысых. Я имею в виду, что у них вырастали волосы. Состав

мне неизвестен. Немного того, немного сего… Назывался он бальзамом Прайса.

Сид оперся подбородком в ладони и пристально глядел на портрет. Тут он заволновался.

— Что такое? Наш бальзам?

— Если Фредди не будет читать стихи, — успокоил его Тони, — вы всё скоро узнаете. Тем, у кого слабое сердце, советую за что-нибудь держаться. Ну, прочитай нам «Гунга Дин» и «Атаку легкой кавалерии»,[84] и — к делу.

Фредди не терпел понуканий.

— Этот бальзам, — сказал он, — всегда отличался бесценными качествами, но некому было им заняться. Старый Прайс продал своим клиентам флакончика два — и все. Как говорится, застой. Тут явился ваш покорный слуга и увидел, что в темных пещерах или, скажем, на лугах — золотое дно. Где же пещеры, где луга? Найтбридж, Мотт-стрит, вот где!

И он обвел аудиторию горящим взглядом.

— Я взялся за дело. Прежде всего я послал полдюжины флаконов будущему тестю Кубика, узнав из надежных источников, что тот — лысый, как шар. Мы потолковали за ланчем. «Попробуйте! — сказал я. — Больше ни о чем не прошу. Какой тут риск? *Попробуйте*». Очень мозговитый дядя, надо заметить. Не удивляюсь, что он миллионер. Понял — с налета. Стал мазать голову. И через две недели — *две* недели! — яйцеобразный купол покрылся нежной щетинкой. Сид громко вскрикнул.

— Если это правда, — сказал он, — имя Прайсов не умрет.

— Теперь, — продолжил Фредди, — создана компания для массового производства. Она просила меня узнать у Тони, сколько он хочет. Так и сказали: «Пусть назовет цифру». Пределов нет. Этот тесть выпустит акции на американский рынок, и деньги потекут рекой. Я в этих делах не разбираюсь. Кажется, так всегда с этими финансами.

Сид встал. Вид у него был точно такой, как у мистика.

— Да я сто тысяч затребую! — вымолвил он.

Фредди презрительно засмеялся. Сид резко повернулся к нему, он вообще не любил, когда смеются.

— Чего раскудахтался? — спросил он.

— Как тут не засмеяться! «Затребую!» Да вы-то при чем?

— Эт я?!

— Вы. Бальзам принадлежит Тони.

Челюсть у Сида медленно отвисла, лицо посерело.

— Хо! Грабить меня вздумали!

— Почему *вас?*

— Вот именно, — подхватил сэр Герберт. — Или то, мой дорогой, или это. Если вы лорд Дройтвич, вы ничем не связаны с Прайсом.

Нависло молчание. Сид явственно думал. Потом, вскрикнув «У-у!», он схватил мамашу, подтащил к столу и вложил перо ей в руку.

— Быстро, ма! — прикрикнул он. — Давай подписывай!

— Так я же, сынок…

— То-то и оно, *сынок!* — заорал Сид. — Твой родной сын Сид Прайс, единственный владелец бальзама! — Он оглядел собравшихся. — Нужны мне теперь эти титулы! Да на что они дались? — Он положил бумагу в карман. — Вот, у меня документик есть. Что, съели? Пошли, мамаша.

Вихрь событий совсем сбил с толку несчастную женщину. В сознании ее мелькали кошки, сойки, юристы и бумаги.

— Значит, я правильно сделала? — робко спросила она.

— А то! — заверил сын. — Понять не могу, откуда ты взяла эту чушь. Графы какие-то!..

Он вытолкнул мать на газон и сказал обернувшись:

— Если кому понадоблюсь, гостиница «Ритц»!

— Не забудьте, — сказал Фредди, — мне десять процентов за комиссию.

Сид искоса взглянул на него.

— Ох, сел бы ты ко мне в кресло! И с этими словами он ушел.

Тони взял Полли за руку и сказал ей:

— Ну, вот!

Сэр Герберт молодел на глазах.

— Тони! — взволновано сказал он. — Поздравляю!

— Спасибо, — улыбнулся племянник. — Ах, ты про это? Я думал, ты рад, что мы с Полли поженимся.

Сэр Герберт несколько замялся.

— Э… м-мэ… — начал он.

Но тут вмешалась леди Лидия. Она подошла к Полли и ее поцеловала. Если за поцелуем скрывался вздох о том, что графиней Дройтвич никогда не станет богатая и знатная девица, его никто не услышал.

— Душенька, — сказала она, — Тони и впрямь можно поздравить.

И прибавила, обращаясь к Слингсби:

— Смешайте мне, пожалуйста, коктейль.

— Нет! — твердо возразил Фредди. — Ради такого случая коктейли смешаю я. — Он постучал себя по груди. — Я, Фредерик Чок-Маршалл, принесший добрую весть из Аахена в Гент.[85]

— Если ты меня отравишь, — сказала леди Лидия, — я умру счастливой.

Слингсби посторонился, давая им пройти, а потом пошел за ними. Его лунообразное лицо блаженно светилось.

— Коктейль? — сказал сэр Герберт, — Неплохая мысль. Как вы, Уэзерби?

— Не против.

Тони поцеловал Полли.

— Наконец, — сказал он, — мир и счастье пришли к Анто-ни, пятому графу Дройтвичскому.

Полли, немного отойдя, печально на него взглянула.

— Тони, я не могу!

— Чего ты не можешь?

— За тебя выйти.

Тони благодушно улыбнулся.

— Подожди, приведу тебя на Ганновер-сквер, в церковь Святого Георгия — мигом обкрутимся!

— У тебя такой большой замок…

— Ничего, привыкнешь.

— Я не смогу стать графиней!

— Чем они плохи?

— Это я не гожусь!

— Вот что, — сказал Тони, — когда ты дала мне слово, я был парикмахером. Труд и уменье вывели меня в графы. Разве можно меня бросать? Зачем же я тогда старался? Представь, как падут духом те, кто карабкается вверх! Стоит ли, подумают они, так надрываться, если *она* отвергнет нас в час победы?

— Ой, Тони, как ты не видишь? Как не понимаешь? Я совсем… я просто…

— Хватит, — решил он и взял ее на руки. В дверях он остановился, чтобы ее поцеловать.

— Тони и Полли! — сказал он. — Старая добрая фирма.

И он понес ее в гостиную, где, судя по звукам, достопочтенный Фредди Чок-Маршалл сел к роялю.

Французские каникулы

Перевод с английского Н. Трауберг

От автора

«Французские каникулы» немного меня удивляют. Обычно я прекрасно помню, как писалась каждая книга, — как пришел в голову замысел, и так далее, но тут я просто теряюсь. Написал я это в 1956 году, когда несколько лет жил в Резембурге, и в толк не возьму, почему в американской глуши мне захотелось, чтобы все происходило во Франции и в книге кишели французы. Вот в 1930–1935, когда я обитал неподалеку от Канн, учил язык в местной школе Берлица и читал романы Колетт,[86] или пьесы Куртелина,[87] или «Ви Паризьен», это было бы понятно.

Говорить я толком не научился, но читаю по-французски, а больше мне и не надо, поскольку на девяносто третьем году, никогда не покидая Лонг-Айленда, я вряд ли буду резво болтать с французом и сумею скрыть свои взгляды на карандаши.

Если верить моей учительнице, говорить, собственно, можно только о карандашах, которые у нас, во Франции, зовутся crayons. Она сообщила мне все, что я о них знаю.

"Le crayon est jaune", — говорил я. — "Le crayon est bleu", "Don-nez-moi le crayon de ma tante"[88] и много еще интересного. Если бы мне повстречался владелец карандашной фабрики, я бы очаровал его знаниями, но обычно карандаш в беседу не ввернешь, так что вскоре я это бросил и вернулся к нормальному бульканью и хрюканью иностранца, зажатого в угол чем-нибудь таким, галльским.

Лучше всего я помню, что кто-то написал о книге мерзкую рецензию в каком-то еженедельнике, а Ивлин Во[89] кинулся меня защищать и несколько месяцев терзал подлеца зубами и когтями. Я часто думаю, почему это случается так редко, ведь перебранка оживила бы прессу (видит Бог, она в том нуждается) и показала пострадавшему, что он на свете не один.

Прав ли тот рецензент? (Не Ивлин Во, а первый.) Очень может быть. Я, слава Богу, не могу найти у себя что-нибудь плохое. Другие могут, я — не могу. Когда я кончу роман, перепишу, отполирую где надо, мне легко, мне уютно, мне все нравится. Это чувствовал я и перечитывая «Каникулы». По-моему, Никола Жюль Сэн-Ксавье Опост, маркиз де Мофриньез, совсем не дурен. Да, конечно, кое-чем он обязан Куртелину, но и Шекспир с кого-то списывал. Быть может, мой Хрыч — не образец добродетели, но не всем же быть образцами. Нравится мне и мистер Клаттербак, хотя он слишком

любит поесть.

Несколько слов о заглавии. Оно не оригинально, но всякий, кто пишет роман, где действие происходит во Франции, вправе так его назвать. Удивляюсь только, что американский издатель так все и оставил. У них просто какая-то болезнь, вечно меняют названия. Когда автобиографию «Теперь уже поздно» издали под заголовком «Какая удача!», Милн[90] сказал: «Такая уж у них привычка. Я думаю, клятва на верность (которую, так и вижу, дают без пиджака, держа в правой руке синий карандаш) кончается словами: «Торжественно обещаю менять любое название, каким бы оно удачным не было, заменяя его своим и подчеркивая, тем самым, все достоинство моей конторы и моей свободы».

По какой-то причине «Французских каникул» немало. Что ж, будем надеяться, что мои войдут в сотню лучших книг под этим названием.

П. Г. Вудхауз, 1973

Глава I

Если вы обрыщете с хорошей лупой тот кусочек штата Нью-Йорк, который зовется Лонг-Айлендом, вы найдете у Большой Южной бухты крохотное селеньице Бенсонбург.[91] Воздух там свеж, природа прекрасна, общество — смешанное. Одни — скажем, издатель Рассел Клаттербак — обитают на роскошных виллах, другие еле сводят концы с концами. Сестры Трент, дочери покойного Эдгара Трента, сводили эти концы на маленькой ферме, располагавшейся в долинке неподалеку от берега.

Я не надеюсь, что нынешним людям знакомо имя Трента. Он написал одну хорошую пьесу, «Братья-каменщики», и то довольно давно. Денег она приносила ровно столько, чтобы он мог хоть что-то оставить Кейт, Джо и Терри; и те, по совету Кейт, купили ферму, где стали разводить кур, а отчасти—и пчел. Джо подумывала об утках, но ее отговорили. Терри справедливо заметила, что на курах не наживешься, зато они и не воняют, как газовая труба, а Кейт прибавила, что человек в своем уме никогда бы не выдвинул такого предложения. Кейт была на несколько лет старше Джо и Терри и обращалась с ними, как с трудными детьми.

В тот знаменательный день Терри покормила кур и, устало глянув на пчел, отправилась на кухню, где Джо с холодной неприязнью раскладывала яйца по коробкам. Она была очень красива, даже лучше Терри, что немало. Они обе пошли в мать, а Кейт, напротив, в отца, чья сила таилась в уме, а не во внешней прелести.

— Ой, не могу! — сказала Джо. — Надо бы издать закон против этих яиц.

Терри сочувственно кивнула.

— Да-да. Это же только подумать! Молодые, возвышенные, стремящиеся к жизни, радости, любви — а что у нас есть? Яйца. Сколько ты разбила?

— Только два. Оба несвежие.

— От Хетти. Она их прячет.

— И не кудахчет, заметь!

— Да, знаю. Терпеть не могу сильных, молчаливых кур!

— А я — каких угодно. Только услышу «курица», и все, мне плохо. Питер хочет, чтобы я его звала Петушком. Его так в конторе прозвали. Ну, знаешь!

— Предложение делал?

— Да.

— Что ж ты тянешь? Он тебе нравится?

— Да, нравится. Очень. Но как с моими планами, а? Вдруг телевидение ее купит…

Речь шла о продаже отцовской пьесы. Кто-то памятливый вспомнил, что на Бродвее в свое время она шла с большим успехом, и теперь Питер Уимз из юридической фирмы «Келли, Дубинский, Уикс, Уимз и Бэссинджер» вел переговоры. Джо ожидала успеха, Терри — провала.

— Не купит, — сказала она. — Они ничего не покупают. Тамошние акулы — истинные садисты! Посверкают золотом перед вдовой и сиротой, крикнут: «Первое апреля!» — и привет. Это всем известно.

— Значит, ничего не выйдет?

— Естественно.

— М-да… Ну, спасибо, что утешила.

— Не за что. Рада служить. Так что брось ты свои замыслы, выходи за Питера. Он… Эй, что там? — Терри подошла к окну. — Машина какая-то.

— Наверное, кто-то подвез Кейт.

— Нет, вылезает человек. И в каком костюме! Да это же Питер…

— Питер! — подскочила Джо, рассыпая яйца. — Ты думаешь, это к добру?

— Вроде бы да. Вряд ли он проедет 85 миль просто так, ради шутки. Что ж, Ватсон, охота началась. Пошли, узнаем, в чем дело.

Питер вылез из машины. Он был солиден и серьезен, что явно предвещало будущий переход из младших партнеров в старшие. Однако при виде Джо он стал еще и румяным, а в его красивых глазах что-то засияло.

— О… э… здрасьте… — сказал он. — Еду вот в Истхемптон, думаю — дай загляну. Ой! — изменил он тему и сообщил, что его укусила пчела.

— Бог с ней, — заметила Джо. — Вы скажите, что нового? Терри не понравилась такая черствость. Она знала этих пчел. Поистине, кусают, как змии, и жалят, как скорпионы.[92]

— Ты бы все-таки помягче, моя душечка, — сказала она. — Человек при смерти.

— Да ничего, обойдется!

— Они кусают всех, кроме Кейт. Что поделаешь, сила личности!

— Так какие же новости? — не сдалась Джо. — НОВОСТИ какие?

Как истинный законовед, Питер хотел изложить дело медленно и плавно, но под давлением обстоятельств перешел к самой сути.

— Все в порядке. Сегодня купили.

— Слава тебе, Господи! — воскликнула Джо.

— О, счастье! — подхватила Терри. — О, радость! Значит, удалось?

— Конечно, я составлю формальное письмо, но так, знаете, проездом…

— Сколько же мы получим?

— Если вычесть юридические расходы…

— Ой! — испугалась Джо. — А не получится, как в «Холодном доме»?[93]

Питер с упреком на нее посмотрел.

— Я свел расходы к минимуму. Ради вас… и… э… ваших сестер.

— Так я и знала, Питер, — сердечно сказала Терри. — Спасибо вам большое. Какой вы молодец! Они-то хотели ободрать нас до костей, а вы не сдавались, как рыцарь, и пришлось им раскошелиться.

— Поначалу были некоторые разногласия, но их удалось уладить.

— По столу стучали?

— Так, раза два.

— То-то и оно. Вы молодец, Питер. Это мне в вас и нравится. Надежный человек. На чем же порешили?

— Каждая получает около двух тысяч. Джо посмотрела на Терри.

— Что ж, если сложимся — хватит.

— Вполне, — согласилась Терри. — Если бы оказалось больше, был бы соблазн их припрятать. А так — тратим, и спасибо!

Питер удивился.

— Тратите?

— Вы не согласны?

— Мне кажется, четыре тысячи — очень приличная сумма. Если собрать все яйца вместе…

— Ой, не надо! — вскричала Джо.

— Мы чувствительные! — подхватила Терри. Питер попросил прощения.

— Я хотел сказать, если вложить все в государственные бумаги…

— А зачем? Мы ждать не хотим. Не знаю, что сделает Кейт, а нам надо развлечься.

— Так все же уйдет!

— И Бог с ним.

Питер вздохнул. Он думал о том, что только появится клиентка со странностями, Келли, Дубинский и К° немедленно зовут Уимза.

— Ах, женщины, женщины! — огорчился он. — Вам бы все сразу. Цыплят, знаете ли…

— Опять! — возмутилась Джо.
— А можно без пернатых? — спросила Терри.
Питер опять попросил прощения, но не сдался, и уговаривал бы, сколько мог, если бы за его спиной не раздался голос:
— Добрый день, мистер Уимз.
Обернувшись, он увидел Кейт, которую очень боялся, поскольку она напоминала ему гувернантку, оказавшую большое влияние на его мягкую натуру.
— Ну и денек! — сказала Кейт, охрипшая от жалости к себе.
— Плохой? — уточнила добрая Терри.
— Еще бы! Мистер Клаттербак считает, что мы много берем за мед.
— Он бы о пчелах подумал! Им-то каково? Надеюсь, ты поставила его на место?
— Я была тверда, — сказала Кейт, и Питер охотно ей поверил. — Но все равно, неприятно…
— Ничего, есть хорошая новость, — сказала Терри. — Питер продал этих «Каменщиков». Мы получим по две тысячи. Ну как, ожила?
Кейт все-таки улыбнулась.
— Прекрасно! — сказала она с той самой интонацией, с какой говорила гувернантка, если сумма у Питера сходилась с ответом. — Две тысячи долларов!
— Питер не дал им спуску. Пытал, терзал… Словом, эти сыны Велиала[94] ели у него из рук.
— Очень рада, — сказала Кейт мягче, чем обычно. — Хотите молока, мистер Уимз?
— Нет, спасибо.
— Что вы, надо выпить! Принеси молока, Джозефина.
— Иду, иду!
— Пожалуйста, не надо!
— Съешьте яичко, — предложила Терри. — Очень укрепляет.
— Нет, спасибо. Мне пора.
— Пойду, скажу Джо. До свидания, Питер, еще раз спасибо. Молока не надо, — сказала она, входя в кухню. — Он уезжает. Так я и думала, он боится Кейт.
— Я сама ее боюсь.
— И я. Комплекс младшей сестры. Если вам терли губкой лицо, этого не забудешь. Ты ей собираешься сказать насчет наших планов?
— Нет.
— И отступать не хочешь?

— Ни в коем случае. А ты что, колеблешься?

— Ну, нет! Ладно, я ей скажу.

— О, Терри! Правда, скажешь? Интересно, что она ответит?

— Скоро узнаем, она идет. Беги лучше отсюда. Джо убежала в самое время. Кейт была сурова.

— Что я слышу? — сказала она. — Мистер Уимз говорит, что вы собираетесь потратить деньги? Вы в своем уме?

— В своем? — повторила Терри. — А в чьем же? Ты не горюй, мы просто хотим отдохнуть. Ну, развлечься, рассеяться.

— Отдохнуть?

— Да. Во Франции. Мы хорошо говорим по-французски. Джо хочет поехать с Сэн-Рок, это в Бретани. Там какой-то праздник в конце июля. А я бы хотела в Ровиль, это в Пикардии. Теперь, когда с неба упали деньги…

Кейт показалось, что кухонный стол колеблется, как море на сцене.

— Ты собираешься все потратить? — спросила она для верности.

— Я — да, а у Джо более сложный план. Она хочет выйти за миллионера.

— Что!

— Они там кишат.

— Джо хочет выйти замуж по расчету?

— Ну, зачем же так! Она просто хочет побыть среди богатых. Замуж выходят за тех, с кем общаются. Видишь много слесарей — выйдешь за слесаря. Так и миллионеры. Какой-нибудь ей понравится.

— Я запрещаю!

— Так я и знала… Но мы уже все решили. Кейт опустилась на стул.

— А где вы купите платья?

— Конечно, в Париже.

— Ну, надолго вам денег не хватит!

— Да, конечно. Мы вот как решили: богатой мисс Трент мы будем по очереди. Бросим монетку, и та, кто выиграет, станет на месяц хозяйкой, а другая — горничной. А потом — наоборот, уже в другом месте. Ротация!

— Что ж, — сказала Кейт, — поеду с вами.

Сказав это, Кейт удалилась, и в дверь заглянула Джо.

— Ну, как? — спросила она.

— Да ничего. Едет с нами.

— Ой, Господи!

— Это очень хорошо. Самый лучший тон. Так. Берем монетку… нет, лучше карты. Кто из нас будет мисс Трент, а кто — верная Феллоуз? Какая фамилия, а! Нашла в одной книжке. Тяни ты.

— Пятерка.

— Ну, это мы одним махом!.. Сейчас вытяну короля или королеву. Тройка! Черт знает что!

— Вы забываетесь, моя милая, — сказала Джозефина.

Тьма окутала Бенсонбург, бархатная тьма летней ночи. Куры, кудахтавшие с утра, затихли на своих насестах, а последняя пчела, не зная, кого ей кусать, направилась в улей. Молодой месяц серебряным серпом висел в небе, и Терри три раза поклонилась ему, тревожно думая, что готовит ей грядущее.

Среди прочего оно готовило ей маркиза де Мофриньеза, графа д'Эскриньона, мистера Уинтропа Петлера с Парк-авеню (Ньюпорт), Фредерика Карпентера, прославившегося минеральной водой «Фиццо», Дж. Рассела Клаттербака (издательство «Уинч и Клаттербак») и, на закуску, Пьера Александра Бюиссонада, который был комиссаром полиции.

Глава II

Через три недели после начала Бенсонбургской экспедиции, ровно в 11 часов утра, высокий, изящный, очень элегантный господин свернул с Рю Белло на Рю Ванэ. То был Никола Жюль Сэн~Ксавье Опост, маркиз де Мофриньез-э-Валери-Моберан, которого друзья ласково называли Старым Хрычом. Шел он в министерство дарственных и завещаний, где занимал положение employe attache a l'expedition du troisieme bureau,[95] то есть был довольно мелким служащим. Он спешил: собиралась гроза, а у него не было зонтика. Красивое лицо тоже подернулось тучей. Мысль о работе всегда огорчала его.

Несколько лет назад, когда богатая американка еще не развелась с ним, он таких мыслей не знал. Можно сказать, что он обитал в чертогах, кишащих рабами и слугами. Но все это кончилось. Кроме небольшого жалованья, он владел только изысканной внешностью, непобедимым духом и безупречным набором костюмов, рубашек, галстуков и носков, большей частью — неоплаченных.

Минут через двадцать после того, как он вошел в угрюмую каморку, где, кроме него, работали месье Супэ и месье Легондю, в другом, более просторном кабинете месье де ла Урмери, директор, нажал на кнопку.

Появился самый мелкий клерк.

— Досье Киболя, Овид! — сказал де ла Урмери.

— Сию минуту, месье.

— Я думаю, оно у Супэ.

— Нет, месье, у маркиза. Он сейчас над ним работал. Директор очень удивился.

— Кто работал? Маркиз?

— Да, месье.

— Значит, он здесь?

— Да, месье.

— На службе?!

— Да, месье.

Директор сурово и недоверчиво взглянул на подчиненного.

— Думайте, что говорите, Овид. Взвешивайте каждое слово. Вы всерьез утверждаете, что *маркиз работает?*

— Да, месье.

— Неслыханно! — воскликнул де ла Урмери. — Пошлите его ко мне.

Пусть прихватит досье Киболя.

Старый Хрыч не любил этого досье, он его не понимал. То ли мэр, то ли жители сельской местности что-то дарят то ли музею, то ли министерству. Ничего не разберешь! Сунув его в карман, он пошел по коридору с обиженным видом. Он был выше такой чепухи.

Однако мрачность его быстро таяла, и, входя в святилище, он очаровательно улыбался, или, по версии директора, мерзко скалился.

— Доброе утро, месье.

— Доброе утро, маркиз.

— Дождь, знаете ли, — продолжил беседу подчиненный. — А я забыл зонтик. Так всегда! Кстати, я вам не рассказывал о зонтичном клубе?

— Какие еще клубы? — заорал начальник. Старый Хрыч мгновенно обрел деловитость.

— Вы за мной посылали?

— Да, — признался Урмери, — но особых надежд не питал. Вот уж чудо, так чудо! Аномалия! Феномен! Если не ошибаюсь, вы не заходили к нам две недели?

— Быть не может!

— Уверяю вас.

— Ах, как бежит время!

— Не без того. Если вам не трудно, перестаньте скалиться.

— Я улыбаюсь.

— Тогда перестаньте улыбаться.

Они помолчали, и в это время маркиз без спроса присел.

— Надеюсь, — предположил директор, — вы не сочтете меня невежливым, если я потребую объяснений. В конце концов, у нас есть традиции, и одна из них заключается в том, что работа идет неспешно. Мы не любим суеты. Достойная размеренность уместна, даже, посмею сказать, живописна. Но есть же пределы! Две недели, маркиз! Две недели вы ногой сюда не ступили. Нельзя ли узнать, в чем дело? Только не говорите, что хоронили тетушку!

— У меня нет тетушек.

— Ну, племянника.

— И племянников нет. У меня есть только сын Жефферсонг. Что за имя! Моя жена, то есть первая жена, ее уже давно нет, была американкой. Как, между прочим, и вторая, с которой я недавно развелся. Мой сын — писатель. Пишет, знаете ли, всякое.

Тон его был суров. Наследник Мофриньезов не вправе тратить молодость на пустяки. По фамильной традиции он должен искать богатую

невесту, тем более если он так привлекателен.

Директора не интересовали литературные успехи молодого писателя.

— Он здоров, этот ваш сын?

— В высшей степени. Воевал в маки. Очень закаляет.

— Прекрасно. А то у наших служащих вечно кто-то мрет. То кузина, то дядя — ну, просто как мухи! Одно слово, напасть.

Маркиз сочувственно поквакал и откинулся в кресле, пытаясь понять, какое животное напоминает директор. Остановился он на мопсе.

— Итак, — продолжал тот, — ваш сын в добром здравии. Значит, дело не в нем. Посмотрите, что творится. В третьем отделе, кроме вас, служат Супэ и Легондю. Супэ поступил к нам сорок два года назад и несколько утратил былую прыть. Легондю — в расцвете сил, но последнее время ведет себя как-то странно.

— Совершенно спятил, — согласился маркиз. — Вас почему-то не любит… Собирается убить топориком, специально купил.

— Вот как? — равнодушно произнес директор. — Однако я не кончил. В третьем отделе двое неполноценных служащих, а третьего просто нет. В чем дело? Почему вы уклоняетесь от работы?

Маркиз немного подумал.

— Видимо, погода.

— Простите?

— До сегодняшнего дождя стояли прекрасные дни. Солнце там, небо, перистые облачка, легкий ветерок. Как хорош Париж весной!

— Какая весна? Сейчас июль.

— Как хорош Париж в июле! Вот вчера, к примеру…

— И позавчера, и позапозавчера, и…

— Я просыпаюсь. Я встаю. Я бреюсь. Я принимаю ванну. Я завтракаю. Я беру шляпу и трость. Я выхожу на улицу — и что же? Свет, смех, веселье. Ну, можно ли в такое время сидеть в каморке с ветхим Супэ и безумным Легондю? И вот, я — на бульваре, передо мной кофе и коньяк… Поразительно!

— Точнее, непозволительно.

— Но я силен, — продолжал маркиз. — Я кладу на столик часы. Я говорю себе: «В одиннадцать — на службу». Когда стрелки укажут одиннадцать, я прибавляю: «Нет, в полдвенадцатого». Когда они…

— В двенадцать, естественно, второй завтрак?

— Вот именно.

— А потом опять сначала?

— То-то и оно. Очень утомляет! Я даже похудел.

— Разрешите осведомиться, почему вы явились сегодня?

— Дождь пошел.

— Понятно.

Де ла Урмери медленно встал. Маркиз нервно поднял руку.

— Дорогой мой, что вы делаете? Так нельзя.

— Не понял?

— Вы еле выползли из кресла. Да, мы не молодеем, но надо владеть собой. Вот, скажем, вы легко кладете ногу на ногу? Рукой не помогаете? Ни в коем случае нельзя. Я вам дам целый список — нельзя пыхтеть, нельзя шаркать ногами, нельзя покашливать, нельзя с шумом всасывать суп, нельзя храпеть. Если вы храпите, положите под голову две или три подушки. А главное, — сказал маркиз, сурово помахивая пальцем, — помните: чем ты седее, тем важнее парикмахер; чем ты грузнее, тем…

Видимо, палец был последней соломинкой. Директор говорил пылко и долго, а когда решил набрать воздуха, понял, что усилия его не пропали даром.

— Поправьте меня, если я ошибся, — сказал маркиз, — но вы меня, кажется, увольняете.

— Вот именно, — подтвердил де ла Урмери. — Обычно мы просим подать прошение об отставке, но есть случаи…

— Подумайте!

— Я подумал.

— Подумайте еще. Вы совершаете серьезную ошибку. Конечно, не хотелось бы затрагивать эту тему, но когда в министерстве служит настоящий маркиз, это, знаете ли, придает какой-то блеск. Или, если хотите, светский лоск.

— Служит? Что-то не заметил.

Старый Хрыч обдумал эти слова и признал:

— Неплохо сказано.

— Спасибо, — отвечал директор, вполне с ним согласный. — Ну, вот, любезный маркиз. Всего вам хорошего.

Маркиз встал, уже ничуть не огорчаясь.

— Что ж, — заметил он, — сейчас лучшее время для отдыха. Иначе, знаете, машина износится. Это вам всякий врач скажет. Поеду-ка я в Биарриц.

— Да хоть к черту!

— Нет, лучше в Сэн-Рок, там ведь праздник. Будут буквально все. До свидания, мой дорогой. Нет, не «прощайте», я вам еще понадоблюсь. Адрес оставляю, будем держать друг друга в курсе. А, кстати! Что-то я на

мели. Не могли бы вы?.. Нет? Ничего, ничего, справлюсь. Вас и так много дергают. Пойду, посмотрю, как там Жефферсонг.

Попрощавшись с месье Супэ, который был по-старчески любезен, и с месье Легондю, который его не заметил, маркиз поэлегантней надел шляпу и вышел, вертя тростью. Дождь миновал, сияло солнце. Придя домой, Хрыч ощутил, что у него что-то есть в кармане; то было злосчастное досье. Весело насвистывая, он швырнул его на полку, к носовым платкам, снова надел шляпу и направился на Рю Жакоб, где в скромной однокомнатной квартире жил граф Д'Эскриньон.

Глава III

Своего сына и наследника маркиз видел часто лишь года два-три. Когда отец женился во второй раз, мачеха так не понравилась пасынку, что он уехал в Америку. Теперь он снова жил в Париже и, как резонно заметил маркиз, что-то писал, но не издавался, и отец с полным правом мог считать его блудным сыном. Да, конечно, красив, учтив, и шарм Мофриньезов при нем, но что толку? Хрыч был недоволен. Молодой граф еще не свел его в могилу, но в то же время как бы и свел.

Добравшись до места, маркиз увидел, что сын его, без пиджака, тарахтит на машинке, древней, как их род.

— Привет, пап, — сказал он. — Садись, только пыль смахни. И молчи минут десять. Я работаю.

Джефферсон д'Эскриньон происходил от брака с Лореттой Энн, единственной дочерью мистера Поттера и его жены Эмилии (Коннектикут). В 20-х годах прелестная американка упорхнула в Париж, поскольку тогда происходило Великое Переселение Народов, и все молодые создания, у которых была хоть какая-то душа, хватали перо или кисть, чтобы отправиться на rive gauche.[96]

Родители разрешили Лоретте Энн присоединиться к этим толпам, и как-то поутру она сидела перед мольбертом в Люксембургском парке, когда туда явился совсем молодой маркиз. По строгим правилам богемы, они тут же познакомились, а через три недели — поженились. В должное время союз их был благословлен потомством. Но не успел юный муж привыкнуть к тому, что лицо может быть так похоже на яйцо всмятку, как ему пришлось узнать, что сына назовут Джефферсоном.

Однако время, великий целитель, сделало свое дело. Дитя обрело человеческий вид, а к имени отец приспособился. Когда сын отвалился от машинки, он сказал почти без отвращения:

— А ты, Жефф, все работаешь.

— Завтра надо сдать.

— Ну, мешать не буду…

— Ничего, я успеваю.

— Как ты вообще?

— Да так. Что-то ем, а главное — жду рассвета.

— Рассвета?

— В прозе это значит: «Надеюсь продать роман».

— Ты его и пишешь?

— Что ты! Это статейка. Роман — там, в Америке. Послал такому Клаттербаку.

— Клаттербак? — прикинул маркиз. — Что ж, можно и Клаттербаку! Я вот знал одного Квокенбуша. Кстати, твой отчим, один из мужей твоей любезной мачехи. Ты что, видел этого Клаттербака?

— Нет, мы не знакомы. У нас есть общий приятель. Месяца два назад он передал роман — и ни ответа, ни привета. Видимо, Клаттербак учится читать. А почему ты здесь в это время дня? Ты же на службе.

— Нет, я не служу. Не надо было туда идти. Это большая ошибка.

— Тебя что, выгнали?

— Ну, что ты! Директор чуть не плакал. Но я был тверд.

— Что же ты будешь делать?

— Думал отдохнуть в Сэн-Роке. Там князь Бламон-Шеври. Кстати, Жефф…

— Сколько? — быстро спросил Джефферсон.

— Тысяч десять.

— А пять нельзя?

— Десять как-то лучше.

— Ладно. Бери.

— Спасибо. А ты не знаешь, часом, кого-нибудь богатого?

— Нет, разве что тебя. Зачем он тебе нужен?

— Да вот, зонтичный клуб…

— Что это?

— Тут дело в человеческой природе. Человек по природе не хочет мокнуть, но по той же природе ему лень захватить зонтик. Основываем клуб. Каждый что-то платит и получает значок или повязку. Его застает дождь. Он входит в ближайшую лавочку и получает зонтик. Дождь кончился — отдаешь в другую лавочку. Просто, казалось бы, а какой доход! Миллионы членов…

— Откуда ты их возьмешь?

— В том-то и суть. Нужен начальный капитал. Ах, если бы ты женился!

Джеф вздохнул.

— Я так этого жду!

— Ты хочешь, чтобы я себя продал?

— Естественно.

— А как у тебя, кстати, с душой?

— С душо-ой?! Да у меня такая душа, прямо девать некуда!

— Я бы не назвал тебя романтиком. Маркиз снисходительно помахал рукой.

— В нашем жестоком мире, Жефф, не до романтики. Голова важнее сердца.

— Ты не всегда так думал.

— Это когда я женился на маме? Ну, знаешь! Я был молод и глуп.

— Вот и я молод и глуп. Маркиз забеспокоился.

— Ты что, влюбился в какую-нибудь нищенку?

— Нет-нет. Я вообще молод и глуп, не в частности. Маркиз с облегчением вздохнул.

— А то я уже испугался. С вами, писателями, глаз да глаз… А вообще, никак не пойму, что плохого в богатой невесте. Что-то в тебе от этих Поттеров… такое, прости, мещанское. Чем плох брак по расчету? Один дает знатность, другой — деньги. Нормальное соглашение. Ах, что с тобой спорить! Упрямый, как мул. Вылитая мать. Как заладила — Жефферсонг, и все тут! Помню, сказал я что-то, а она схватила ведро воды и меня облила. Озеро было, а не комната! Помню, кошка взлетела на шкаф, а хвост у нее — во-от такой. Ты что, не знал? Мокрый хвост значительно больше. Да-да. — И, сообщив это сведение из естественной истории, маркиз удалился.

А Джеф продолжил статью.

Глава IV

1

Говоря о том, что в Сэн-Роке к концу июля праздник, Джо не ошибалась. Тихий и мирный городок внезапно пробуждался, и все до единого — и жители, и отдыхающие — веселились, как только могли. Кем был святой Рох[97] и за что его канонизировали, не знал почти никто из местных, тем более — из приезжих, но кому это мешает резвиться сутки напролет?

Об этом и думала Кейт, сидя в номере у Джо в отеле «Манифик».

— Ради Бога, закройте окна! — застонала она, когда духовой оркестр грянул марш прямо над ухом.

— Мы задохнемся, — отвечала Терри.

— Лучше задохнуться, чем оглохнуть. Они не утихнут до ночи. Я утром выглянула на улицу, и какой-то корсиканский бандит пустил мне в лицо такую штуку… Тещин язык, что ли.

— Наверное, он очень робкий. Боялся познакомиться. Жаль, что тебе это все не нравится!

— А это может нравиться?

— Я вечно себя корю, что вытащила тебя.

— Теперь поздно об этом думать.

Терри вздохнула. Сегодня Кейт была совсем не в духе. День святого Роха выманил на свет худшие ее свойства.

— Может, Ровиль тебе больше подходит…

— Я думаю, меньше.

— Там хоть тише. Ты послушай, какой шум. Интересно, в чем дело? Схожу, посмотрю.

— Ничего подобного! Это опасно. Все с ума посходили. Мне очень не нравится, что Джо ушла.

— О, с ней все в порядке! Она в ресторане с Честером Тоддом.

— Так она и сказала. Что еще за Тодд?

— Ты его видела. Он вчера заходил.

— Меня не было.

— Да, правда. Ну, он приятель Карпентера, у которого та огромная яхта. Они приплыли из Канн.

— Какой он *человек?*

— Молодой, приятный, богатый. Мозгов немного, но Джо он нравится. Надеюсь, дело выгорит.

Кейт сердито фыркнула.

— Ну и выражения! Охотиться за мужем… Чудовищно! Она еще не договорила, когда вошла Джо, причем такая, что Терри пискнула от восторга.

— Джо-о! Вот это платье!

— Хорошее?

— Не то слово. Жду не дождусь, когда оно ко мне перейдет.

— Еще недельку. А тебе нравится, Кейт?

— Я ложусь, — холодно отвечала сестра. — Навряд ли удастся заснуть, но лежа все-таки легче.

— Она не в духе, — сказала Терри, когда закрылась дверь. — Ей не понравилось, что ты пошла в ресторан с Тоддом.

— А как не пойти? Время не терпит. Мой месяц кончается в следующий вторник.

— Я тебе дам еще две недели.

— Дашь? Ой, Терри, ты ангел! За две недели я управлюсь.

— Ну и выражения! Охотиться за мужем… Чудовищно!

— Кейт так и сказала?

— Слово в слово.

— Какая мегера! Если хочешь выйти за принца, дома сидеть нельзя. Сам он на белом коне не явится.

— Можно сказать и так. Я думаю иначе, но это уж мое дело. А как все идет?

— Неплохо.

— Только вот эта Джейн…

— Да, Джейн Паркер мешает. Вечно она рядом крутится. Но я не думаю, что это опасно. Они — как брат с сестрой. Никакой романтики.

— Сегодня она придет?

— Нет. Ну, мне пора. Значит, платье годится?

— Еще как!

— И тебе не жалко двух недель?

— Конечно, нет.

— Ангел. Ты пойдешь куда-нибудь?

— Нет. Поболтаю с Арманом.

— Кто это?

— Лакей. Мы очень дружим.

— А, этот! Спокойной ночи, моя милая. До завтра.

— И вам доброй ночи, мадам, — отвечала Терри и пошла посмотреть, как там Кейт.

Однако общество старшей сестры было настолько утомительным, что через полчасика младшая вышла в коридор, к Арману, который всегда был готов развлечь, наставить и утешить.

Арман удивился, что она не пошла на праздник.

— Всю ночь танцуют, — сообщил он. — В городских садах. Глаза у нее сверкнули, ноги задвигались, и она замурлыкала:

Девицы, девицы,
Летите, как птицы,
Пляшите при свете луны…

— Pardon? — спросил ее приятель.

— Да нет, я просто пою, мой кочанчик. Танцевать мне не с кем.

Арман объяснил, что стоит ей появиться в садах, и сотни партнеров кинутся к ней. По-видимому, в день своего святого Сэн-Рок забывал о приличиях.

Терри задумчиво прикусила губу.

— А что, это мысль. В конце концов, молодой бываешь только раз.

Арман с этим согласился.

— Но я несвободна. За мной следят. Хотя, может, она заснула.

Подойдя к двери, она услышала храп. Несмотря на бесчинства Сэн-Рока, природа брала свое.

И Терри зашла к Джо, за платьем, о котором она мечтала.

2

Примерно тогда же, в дешевом пансионе, лежал на кровати маркиз. Через некоторое время он привстал и посмотрел на дверь, полагая, что шаги за нею принадлежат долгожданному сыну.

Однако вошла горничная и протянула телеграмму. Он открыл ее, опасаясь, что сын ответил отказом на вопль из бездны.

Но то был не сын; то был директор; текст же гласил:

«Где дело Киболя?»

Маркиз раздраженно швырнул бумажку. Ему было не до Киболей.

Сын явился через четверть часа, в тот самый миг, когда отец утратил надежду. Дорога от Парижа длинна, день был жаркий, и бедный граф выглядел непрезентабельно. Рухнув в кресло, он удивленно взглянул на родителя и закрыл глаза. Отец — это отец, но есть же пределы.

Маркиз поцокал языком.

— Не спи, Жефф!

— Я не сплю… почти. Опять у тебя неприятности?

— Мягко сказано, мой мальчик. Можно понять по телеграмме. Я надеялся, между прочим, что ты прилетишь на крыльях ветра.

— Я приехал самым медленным поездом. Других билетов нет.

— Устал?

— Еще бы!

— Прости. Вернее, спасибо. Ты не дашь мне пятнадцать тысяч франков?

— О, Господи!

— Знаю, знаю. Мало того, понимаю. У тебя их что, нету?

— Есть. За статью получил.

— Это хорошо! — одобрил маркиз, забывая о нелюбви к писательству.

— А зачем ты меня вызвал?

— Вот за этим. Хотя, конечно, всегда рад…

— Попросил бы выслать! Маркиз покачал головой.

— Ты бы мог отказать. В письме это как-то легче.

— И то верно! Ну, что ж, бери. Цена крови.

— Понимаю, понимаю, — отвечал великодушный Хрыч, — Всем нам нелегко. Наверное, ты заметил слова «речь идет о жизни и смерти». Фигура речи, это да, но довольно точная. Речь идет о свободе и неволе. Меня могли посадить в тюрьму, а ты представляешь здешние тюрьмы? Бламон-Шеври говорит, они и в Париже не подарок.

— В тюрьму? — удивился ко всему привычный сын. — Что ж ты такое натворил?

— Старая, старая история — начал отец. — Когда ты беден, тропа дозволенного все уже. Чуть шагнул в сторону… Вчера это случилось. Виноват, естественно, подлец Шеври.

— Что ж натворил твой князь?

— Пригласил в ресторан. — Голос несчастного Хрыча задрожал от гнева. — Пошли мы в лучший отель, стал он заказывать… Блюда, вина — все самое лучше. Под конец его вызвали к телефону. Больше я его не видел.

— Тебе пришлось платить? Ну и друзья у тебя!

— Он мне не друг. Я человек терпимый. Я многое могу понять, но это!.. Выпороть бы его у входа в клуб!

— Разве его не отовсюду выгнали?

— В том-то и дело, отовсюду. Итак, сижу, в кармане у меня сто франков…

— То есть, десять тысяч?

— Нет, сто. Зашел в казино, понимаешь. Ну, неважно. В кармане сто франков, а счет — на двенадцать тысяч.

— Ты вроде просил пятнадцать.

— Конечно, конечно. Именно на пятнадцать. Что у меня с памятью?

— Значит, ты удрал? Маркиз поднял брови.

— Мой дорогой, за кого ты меня принимаешь! Нет. Я подумал секунды две и, когда лакей отвернулся, перескочил к соседнему' столику. Салфетку, естественно, перебросил через руку. Смотрю, аргентинец или грек выкамаривается перед дамой. Я подаю счет. Он, едва взглянув, кидает пачку денег. Благодарю, беру деньги, кладу на свой столик. Сегодня утром заходила полиция. Дали мне срок до завтра.

— Ну, все в порядке.

— Да. Какой груз свалился! Душа просто скачет и поет. Как говорила твоя мама, опять его повело, то есть меня. Как, прошвырнемся?

— Я лягу.

— Куда?

— В постель.

— *В постель?*

— Ты ездил со всеми остановками в самый жаркий день лета?

— А, вон что! Что ж, отдыхай. Ты снял номер в этой морилке?

— Да, они назвали это номером.

— Ну, иди. А может, прошвырнемся?

— Нет. Лягу и засну.

— А я пойду. Приятных тебе сновидений, — сказал маркиз, бросая взгляд в зеркало.

3

Пробиваясь сквозь толпу, Терри добралась до городского сада, которого бы не узнал и лучший друг. Обычно он был чинным до скуки. Дети гуляли в нем с няньками, парочки шептались на скамейках, старички

читали местные газеты. Посетителя это убаюкивало, наводя на мысль о том, что Сэн-Рок развлечь нетрудно.

Сейчас все изменилось. Оркестр, выпучив глаза, играл на эстраде, а вокруг нее вертелись веселящиеся жители. Предсказание Армана не исполнилось. Золотая молодежь занималась собственными дамами, и вскоре беглянка, устав от мелькания и суеты, возжаждала тишины и покоя. Тем самым, она пошла погулять на дюны, где давно стемнело, а с моря дул прохладный ветер.

Не успела она отойти от площадки, как на нее налетело что-то плотное, оказавшееся очень изысканным и моложавым старичком.

— Mille pardons, mademoiselle![98] — сказал он.

— Pas du tout, monsieur.[99]

— Ах, вы из Америки! — восхитился незнакомец, — Какие воспоминания! Моя жена… То есть первая жена, ее давно нет…

Он говорил бы еще, но Терри смыла, или, точнее, унесла цепь держащихся за руки жителей. Крайний справа размахивал брюками. Подумав, как лорд Ларди у Гилберта: «Что за обычаи, однако, у этих самых французжан!», Терри продолжила свой путь.

У моря было темнее, чем она думала, настолько темнее, что она не видела ничего, и когда рядом раздался голос, подскочила дюймов на шесть.

— Эй! — заметил голос.

У Терри был хороший характер, но и ему есть пределы. К тому же она прикусила язык, что придало суровость артикуляции.

— Кто это? Вы меня напугали, — сказала она. Голос очень обрадовался.

— Ура! Американка! Вот здорово!

— Да, я из Америки.

— Славатегосподи! А то я знаю по-ихнему два слова.

— А что вы хотите сказать?

— Понимаете… — Он смутился. — Вы не подойдете ближе?

— А как лучше?

— Не подходить. Я без штанов.

— Что-что?

— Ну, без брюк.

Терри заволновалась. Она любила интересные происшествия.

— Почему?

Незнакомец совсем расстроился.

— Почему? Да потому, что их стащили пьяные гады. Гуляю себе,

никого не трогаю, а они ка-ак набросятся…

— Ой, да я же их видела! То есть брюки. Еще в саду. Один субъект размахивал ими, как знаменем с надписью Excelsior.[100]

— Я ему покажу Excelsior! Да, а как отсюда уйти? Хожу тут, жду…

— Вот я и пришла. Как вам помочь?

— Прямо и не знаю. Хорошо бы добраться до яхты.

— У вас есть яхта?

— Стоит у пристани. А внутри двадцать семь пар брюк. Разрешите представиться, Карпентер.

— Я о вас слышала. Вы приятель Тодда.

— А вы знакомы с Честером?

— Так, видела.

— Ну, тогда все в порядке. Он где-нибудь поблизости. Найдите его, пожалуйста, и попросите подплыть сюда на лодке. Тогда он перевезет меня на яхту.

— Сейчас все сделаю..

— Так неудобно вас беспокоить…

— Ерунда, — сказала Терри. — Рада служить.

Однако, вернувшись в парк, она поняла, что Честера Тодда быстро не изловишь. Где-то он был, но скорее в отеле, чем на танцульке. Отелей в Сэн-Роке одиннадцать, а еще пятнадцать ресторанов и два казино. Пока все обойдешь… Она даже вздрогнула.

А вздрогнув, заметила у ближнего столика изысканного, хотя и немолодого господина, и подбежала к нему за советом. Конечно, он не Честер Тодд, но и не местный житель.

— Простите, — сказала она.

Маркиз плавал в тихом блаженстве. Свет, музыка и пачка денег в кармане перенесли его в ту эпоху, когда все это играло в его жизни большую роль. Не хватало только дамы; и она явилась.

— Вы меня помните? — спросила Терри.

— Ну, как же, как же! — спохватился он. — Разве можно вас забыть? Я как раз заказал шампанского. Не присоединитесь ли?

Терри покачала головой.

— Не могу. Я делаю доброе дело.

— Pardon?

— Помогаю несчастному. Там, на дюнах — человек без штанов.

Маркиз не совсем понял.

— Почему же?

— Я сама спросила. У него их стащили. Не знаю, зачем. Наверное,

думали, что это смешно. Вот он и ждет, чтобы его спасли. Вы не помогли бы?

Маркиз, в сущности, не собирался тратить такой вечер на спасение какого-то санкюлота. Он бы так и сказал, но Терри прибавила:

— Его надо отвезти на яхту. У него там двадцать семь пар брюк.

— На яхту?

— Да.

— У него есть яхта?

— Да, очень большая. Паровая, что ли. Стоит у пристани.

Парк покачнулся перед взором маркиза. Яхта тут была одна, Фредерика Карпентера, владевшего пакетом акций столовой воды «Фиццо». Если верить местной газетке, стоил он миллионов двадцать.

— Он… он вам представился? — спросил маркиз на всякий случай.

— Да. Его фамилия Карпентер. Он очень страдает. Если вы крикнете: «Эй, мистер Карпентер, идем на помощь! Держитесь!», — он будет очень рад.

— Иду, иду, — заверил маркиз и ускакал, как кролик, трепеща от счастья. Много лет он искал и ждал благодарного миллионера.

4

Терри тоже вернулась в отель веселая. Что-что, а приключение у нее было. Однако, завидев Кейт, очень прямую, хотя и в розовом халате, она немного одумалась, догадавшись, что ей предстоят неприятные четверть часа.

Кротко выслушав то, что показалось бы несколько суровым даже в устах Михея или Иеремии,[101] она решилась спросить про Джо и с удивлением узнала, что та давно дома.

— Потому я и не сплю, — пояснила Кейт. — Явилась, ничего не сказала и ушла к себе.

— Не сказала?

— Ну, сказала, что у нее болит голова. Не удивляюсь.

— Что-то тут не так. У нее никогда не болит голова. Дело в этом Честере.

Кейт вскрикнула в той самой манере, в какой вскрикивают старшие сестры. Она давно опасалась самого худшего.

— Ты думаешь, он ее оскорбил?

— Ну, что ты!

— Откуда ты знаешь? Кто он, в конце концов? Он мог ее поцеловать!

— Ранние христиане только это и делали. Я боюсь, что он ее не поцеловал. Жаль, нельзя ее разбудить.

— Можно, — сказала Кейт. — Джо-зе-фи-на!

— Да? — печально откликнулась Джо.

— Иди сюда!

— Я сплю.

— И-ди сю-да! — заорала Кейт, и сестра появилась, с неприязнью глядя на нее.

— Что у тебя случилось с мистером Тоддом?

— Ничего. Поели, потанцевали, и я пошла домой.

— Он тебя проводил?

— Конечно.

— Подвез в своей машине?

— Нет, в такси.

О такси Кейт знала все.

— Он тебя поцеловал?

Джо засмеялась глухим, невеселым смехом.

— Зачем же? — спросила она. — Разве почтенные, женатые люди целуют молодых девушек?

Терри взвизгнула.

— Он *женат?*

— Да, очень давно. На Джейн Паркер. Она не носит его фамилию, потому что выступает под своей. Надо было знать, она знаменитая скрипачка. А он — принц-консорт, мистер Паркер. Так сказать, играет вторую скрипку… Бери свои две недели, Терри. Завтра лечу домой и выйду за Питера.

И она удалилась.

— Что ж, — сказала Кейт. — Спасибо, хоть одна образумилась. Едем и мы?

— Нет, — сказала Терри. — Я хочу в Ровиль.

— Чего ты там не видела?

— Как — чего? Это алмаз Пикардии, Мекка водных курортов. Кроме того, со мной там что-то случится.

— Ну, знаешь!

— Да, знаю. Вернее, предчувствую. Я вообще такая, мистическая.

— Ну, зна…

— Вот увидишь, — сказала Терри.

5

Через два часа, в пансионе Дюрана, маркиз ворвался к сыну и стал его трясти, чтобы разбудить.

— Жефф!

Джефферсон застонал. Как и Кейт, он опасался худшего и винил себя за то, что отпустил без присмотра столь неустойчивое создание.

— О, Господи! — сказал он. — Что еще? Опять неприятности?

— Что ты, что ты, что ты! Знаешь, где я пробыл два часа? На яхте. У Фредерика Карпентера, миллионера.

Джефферсон вздохнул.

— Ты напился. Пройди-ка по прямой.

— Какие еще прямые?! — обиделся аристократ. — Пройти я могу, пожалуйста, но ты меня огорчаешь. Представь себе такой случай: ты потерял штаны.

— Что?

— Боже мой, шта-ны! Ты миллионер, а штаны взять негде.

— Почему?

— Неважно. Ты бегаешь по дюнам и ждешь спасения. Тут приплываю на лодке я. Кричу: «Эй!» Беру тебя в лодку. Отвожу на яхту. Прижмешь ты меня к сердцу? Естественно. Что и сделал этот Карпентер. Вообще-то я зову его Мяч. Он сам просил.

— Мяч?

— Университетское прозвище. Он был звездой футбола. Итак, он буквально пылал благодарностью…

— А ты, конечно…

— Ничего подобного! Да, более слабый человек мог бы воспользоваться ситуацией, более слабый — но не я. Представившись, я погоревал о том, что я из чистого каприза продал мою яхту, поскольку мы, Мофриньезы, жить не можем без моря. Он немедленно меня пригласил. Отплываем через три дня. Успеешь съездить в Париж, все там устроить.

— При чем тут я?

— Он и тебя пригласил.

— Да я работаю! Какие яхты!

— Что за чушь! — нетерпеливо фыркнул маркиз. — Вот на яхте и работай. Хотя зачем тебе писать, в толк не возьму. Я их навидался, писателей. Очень противные. Наверное, это у тебя от матери. Искусство! Я ее и не видел без зеленой краски. Ладно, пиши, дело твое. Ну как,

согласен?

Джефферсон представил себе душную комнатку на Рю Жакоб, потом — яхту в море, и кивнул.

— Молодец. Плывем в Ровиль, прелестнейшее местечко. Там поселимся в отеле «Сплендид». Все свои — миссис Пеглер, это одна американка, и ее племянница Мэвис. Племянник с женой еще побудут здесь. Такой, знаешь, Честер Тодд…

— Да, знаю. Брал у его жены интервью. Эти, как ты говоришь, племянники владеют какой-то столовой водой.

— Как мой Карпентер? Этих владельцев столовых вод просто тянет друг к другу. Смотри, до чего же все хорошо складывается. Мяч даст мне денег на зонтичный клуб. Конечно, я ничего не говорил, еще рано. Ладно, мой дорогой, не буду тебя задерживать. Спокойной ночи, приятных снов.

6

Когда Фредди Карпентер курил свою последнюю трубку на яхте «Белинда», к нему присоединился его друг и гость Честер Тодд.

— Пип-пип, — сказал Честер.

— Привет, — сказал Фредди.

— На празднике был? Фредди затрясся.

— О, да! Они у меня стащили брюки.

— Не может быть!

— Еще как может! Стащили и унесли.

— Неприятно. А ты что сделал?

— Спрятался в дюнах. Так бы там и сидел, если бы одна девица не привела старичка, а тот не отвез меня на яхту. Красота, а не старичок! Я пригласил его в Ровиль.

— Вечно ты всех приглашаешь! Он ложки украдет.

— Что ты! Он маркиз…

— Французский?

— Ага.

— Точно украдет.

— Чего ты взъелся на маркизов?

— Уж мне есть с чего. Тетя Гермиона была за одним замужем. Ты бы ее послушал! Нет, искренне советую, отмени-ка ты это.

— Не могу. Я обижу Никола.

— Кого-кого?

— Никола. Он просил его так называть. Честер покашлял.

— А как насчет Жюля, Сэн-Ксавье и Огюста, не говоря о де Мофриньезе-э-Валери-Моберан?

— Да, это все он. Вот карточка. Откуда ты его знаешь?

— От тети Гермионы. Он — тот бывший муж, которого она извергла во тьму внешнюю. Ничего будет прогулочка. Представим себе, что Ной в пару к тигру прихватил бегемотиху. Что ж, спокойной ночи. Пойду, лягу.

Глава V

1

Ровиль-сюр-Мэр лежит на берегу Ламанша. В Париже и в других городах можно увидеть плакаты, призывающие там отдохнуть, все как один — восторженные. Как и многие морские курорты, Ровиль был когда-то рыбачьей деревушкой, где дети моря в синих фуражках ловили рыбу или играли в шары. Потом его настиг прогресс. На Promenade des Anglais,[102] длиной с милю, стоят два казино, а отелей просто не счесть — и тебе «Карлтон», и «Принц Уэльский», и «Бристоль», и «Мирамар», и самый роскошный — «Сплендид». Ровиль гордится «Сплендидом», и не зря — там есть бармен Филипп, служивший в Париже, Chez Jimmy,[103] и блестящий оркестр, и несравненная кухня, и сад, где можно покончить с собой после казино, и очень дорогие номера, большей частью — с балконами, выходящими на море.

Терри как раз стояла и смотрела на берег. Золотой песок в крапинках зонтиков был очень красив (см. плакаты), но она хмурилась, а там и сказала сестре:

— Знаешь, мне скучно.

— Еще бы! — поддержала Кейт.

— Я думаю, здесь не лучше, чем в Сэн-Роке.

— Хуже.

— Да, — Терри вошла в комнату. — Мы ни с кем не знакомы. Я думала, на курортах все общаются, но нет, ничего подобного. Наверное., нужны рекомендации. Прямо бойкот какой-то! Почему бы Дейлу Карнеги[104] не написать что-нибудь вроде: «Как не чувствовать себя изгоем на морском курорте» или «Как познакомиться с молодым человеком, у которого карие глаза и шрам на щеке»?

Кейт настороженно выпрямилась.

— С кем — с кем? Кто это?

— Не понимаю.

— Кто этот субъект со шрамом?

— Да так, один… Живет в отеле. Занятный такой, похож на Грегори Пека.[105]

— Он с тобой заговаривал?

— Что ты! Это же Ровиль. Тут никто ни с кем не заговаривает, пока вас не представят друг другу два епископа и кавалерственная дама. Жаль, что Джо уехала!

— Если бы ты была умнее, ты бы тоже уехала.

— Не люблю сдаваться.

— Ну, знаешь!

— А вообще-то ты права. Уедем?

— Хоть сейчас.

— Хорошо. Едем домой.

— Когда?

— Когда скажешь. А я пойду поплаваю, все же занятие.

2

Маркиз в ослепительной панаме беседовал с сыном на террасе отеля. Последние дни он был немного простужен и вышел в первый раз.

— Поразительно! — развивал он занимавшую его тему. — Я на минуту растерялся. Главное, откуда ни возьмись… Мяч говорил: «Миссис Пеглер…» Я же не знал, что она разошлась с Квокенбушем! Вообще, мог бы знать, она все время разводится. До меня был Роке, раньше — еще какие-то…

Джеф предположил, что к разводу привыкают, как к наркотикам.

— Думаешь — ну, один-то раз! Но нет. Приходится повторить, а то замучает ломка. Так и втягиваешься. Какая печальная судьба!

— Ты считаешь, ее надо жалеть?

— Если ты такой добрый, да.

— Оно конечно, но все-таки, посуди сам, какая-то тут есть неточность, какая-то несобранность. То она миссис Квокенбуш, то миссис Пеглер… Что ж, придется терпеть. Хотя вообще терпеть ее трудно. Ты ведь сам говорил, что она женщина жесткая.

— Куда уж жестче! И как ты на ней женился?

— Сам не пойму, — отвечал маркиз. — Правда, паукам еще хуже.

— Прости, не понял.

— У них очень трудная жизнь. Наш Супэ их собирает. Так вот, после свадьбы она его ест.

— Кто кого?

— Паучиха, своего мужа.

— Вот это да!

— Супэ сам видел.

— Вообше-то с голоду…

— Что ты говоришь! А так врать не буду, Гермиона меня не съела или не доела.

— Я часто думал…

— Что?

— Нет, ничего. Маркиз оживился.

— Ты хочешь спросить, что я в ней нашел. Ни-че-го, мой мальчик. Я пошел на это ради тебя. А ты — сбежал из дома. Зачем я принес жертву, а? Бежал. В Америку.

— Она меня просто выжила. Значит, ты пожертвовал собой, без вздоха, без стона?

— Да. Теперь твоя очередь.

— Ну, пап!

— При чем тут «ну, пап»?

— Если ты хочешь женить меня на Мэвис…

— Я сказал о ней хоть слово?

— Нет, но у тебя глазки блестели, когда ты нас знакомил.

— И зря. Она выходит за Карпентера.

— Они помолвлены?

— Еще нет, но Гермиона не отступит. Хотя, если ты приналяжешь…

— Спасибо, обойдусь.

— Ладно, она какая-то странная. Знает только два слова: «Да, тетечка».

— Я слышал и «Нет, тетечка».

— Неужели? Все равно, о-ней не поболтаешь.

— Равно как и с Мячом. Они очень подходят друг другу.

— Духовное родство?

— Оно самое.

— Ты прав. Странный, однако, этот Мяч. Казалось бы, очень щедрый, но есть в нем и прижимистость. Заговорили мы про зонтичный клуб, он обещал любую сумму, сколько я захочу. Так, да? А назавтра вылез мрачный, молчит… — Тут маркиз заметил, что сын куда-то смотрит. — Ты меня слушаешь? Сам вижу, нет. В чем дело?

— Прости, пап. Там девушка прошла. Наверное, к морю.

— Какая такая девушка?

— Американская. Портье мне сказал, ее фамилия Трент. Живет тут, в «Сплендиде».

Маркиз встрепенулся. Живет в «Сплендиде»! Да что там, американки

вообще богаты. Прав этот Ирвинг Берлин, «Благослови Бог Америку».[106]

— Хорошо бы с ней познакомиться, — отрешенно заметил Джеф.

— Положись на меня.

— А что ты сделаешь?

— Да тысячу вещей.

— Назови хоть три.

— Хватит одной. Возьму лодку и сообщу ей, что будет шторм. Беру к себе, подплываем к берегу — et voila![107]

— Однако, мозги у тебя!

— А ты что думал?

— Наверное, сработает.

— Еще бы!

— Она не осадит человека твоих лет.

— Каких лет? Нет, каких это лет? Я себя чувствую на двадцать. А как я ее узнаю?

— Это легко. Ангел Боттичелли[108] в алой купальной шапочке. Видны и волосы, солнечные лучи. Глаза — как небо. Руки, губы, зубы, да все вообще — лучше некуда. На носу — две веснушки. Как тут не узнать!

3

Примерно через 45 минут миссис Пеглер вышла на террасу с Фредериком Карпентером и своей племянницей Мэвис. Она была красива, сурова, а искусная прическа и тонкие темно-серые брови придавали ей сходство с барышней самого начала века, которая о чем-то задумалась. Так оно и было; миссис Пеглер думала о своем бывшем муже и его сыне.

Чувства ее, когда они встретились на яхте, были сильнее его чувств. Он удивился; она ужаснулась, словно заметила на тропинке ядовитую змею. Ей стало ясно, что зреет заговор, призванный разрушить ее терпеливые труды.

От кого-то из брошенных мужей, то ли Рокса, то ли Квокенбуша, Гермиона получила добрую долю акций искристой воды «Фиццо», причем контрольным пакетом владел Карпентер. Племянники ее, Мэвис и Честер Тодд, владели не менее искристой водой «Чистый источник». Естественно слить эти воды воедино, соединив узами брака Мэвис и Карпентера.

Все шло прекрасно, пока откуда-то не выполз этот змий. Маркиза она знала. Опыт показал ей, что он просто не может упустить богатую невесту.

Сперва втерся в доверие к Карпентеру, а потом притащил сынка, уповая на его пресловутый шарм.

Джефа она терпеть не могла, но честно признавала, что его романтический вид опасен для Мэвис. Слава Богу, та почти не выходила (последствия морской болезни), но здесь, на суше, опасность ждет ее.

Думая обо всем этом, Гермиона пересекла террасу и увидела в углу, за столиком, своего бывшего мужа, который живо беседовал с блондинкой в летнем платье от Диора. Надо сказать, они сразу узнали друг друга.

— Это вы! — воскликнул маркиз.

— Я, — отвечала Терри.

— М-да… — резюмировал собеседник.

Она села в лодку, хотя и не поверила в прогноз, и они, весело болтая, направились к берегу. Там Терри пошла переодеться, а теперь они беседовали о сыне маркиза, Джефе.

— Может быть, вы его видели, — предположил маркиз. — Такой, знаете, со шрамом.

— Что?

— Не пугайтесь, это — наша гордость. Его ранили в маки.

— Где-где?

— Здесь, во Франции. Так называли Сопротивление. Уж кто-кто, а он пролил кровь за свою страну. Мало того! Он не только смел, он талантлив. Пишет, знаете ли, книги. А мать писала картины. Даровитая семья! Конечно, не мы, не Мофриньезы. У нас в роду никогда…

Именно в этот миг появились Гермиона, Мэвис и Фредерик.

— Ах, вот ты где! — сухо сказала маркизу бывшая жена. Он не ответил, и через полминуты Терри услышала сквозь блаженный транс, как он представляет их друг другу.

— Мисс Трент, миссис Пеглер. Мисс Тодд, ее племянница. Мистер Карпентер, хозяин яхты. Мы с мисс Трент познакомились на празднике, в Сэн-Роке. Она и спасла вас, мой дорогой Мяч.

— Э?

— Она сообщила мне о вашей беде. Сижу, помнится, в саду, размышляю, а тут она и появляется…

— О!

— Естественно, я кинулся вам на помощь.

— До этого, — холодно осведомилась миссис Пеглер, — вы с мисс Трент знакомы не были?

— Конечно, нет. Счастливая случайность, ха-ха!

— Та-ак… Точнее, случайное знакомство.

Не разделяя ее чувств, Фредерик смотрел на Терри в упоении. Рыжие волосы сверкали, веснушки светились.

— Значит, это вы? Спасибо, мисс Трент! Трент?.. — Он задумался. — А, помню! Была мисс Трент и в Сэн-Роке.

Терри сжалась от страха, но спокойно ответила:

— У меня нет там родных. У меня их вообще нет, кроме двух сестер. Одна — тут, со мной, другая — в Америке. А вы благополучно приплыли к двадцати семи парам брюк?

— Э? О, да! Да, приплыл. Кстати, не хотите ли посмотреть яхту?

— С удовольствием.

— Прошу!

После их ухода повисло молчание, которое нарушила миссис Пеглер, мрачно сказавшая племяннице:

— Мэвис.

— Да, тетечка?

— Походи по магазинам.

— Да, тетечка.

— Мне надо кое-что сказать маркизу.

— Да, тетечка.

— Никола, — и впрямь сказала Гермиона, когда Мэвис скрылась, — неужели ты думаешь, что я тебя не раскушу?

— Раскусишь, ma cherie?[109] — удивился маркиз.

— Вот именно.

— Я не совсем понимаю, та petite.[110]

— Пожалуйста, я объясню. Неужели ты думаешь, что я думаю, что ты думаешь…

— Что-что?

— Неужели ты думаешь, что я слепая? Я вижу тебя насквозь.

— Никак не пойму, куда ты гнешь.

— Подожди минутку. Ты хочешь женить своего сына на Мэвис.

— Какая чушь!

— А чтобы отвлечь Фредерика, ты притащил эту девицу…

— Мисс Трент.

— Возможно, хотя и спорно. Но дело не в том. Сразу ясно, что это за птица. Носится одна по курортам, знакомится с кем попало…

— Ты сомневаешься, что она — леди?

— Вот именно.

— Ну, знаешь, ma cherie!

— Я тебе не cherie, а миссис Пеглер!
— Какой позор для маркизы де Мофриньез!
— Напротив, достижение. Но не в том дело. Мэвис выйдет за Фредерика, а если ты не оставишь своих козней…
— Козней?
— Никола! Я тебя знаю. Мы прожили вместе несколько лет. Как это я вынесла, в толк не возьму, но так уж случилось. Словом, если ты не оставишь своих козней, я скажу Фредерику, что ты приживала и бездельник, у которого нет ничего, кроме титула.
Маркиз приятно засмеялся.
— Ма cherie, он об этом знает! Я сразу сказал, что я на мели, и он ухом не повел. Вот титул его ошарашил, это да, но я с этим справился. Так что не трудись впустую, побереги силы.
Когда миссис Пеглер удалилась, одарив его убийственным взглядом, маркиз заметил у столика рассыльного из «Сплендида». В руке у него была тарелочка, а на тарелочке лежала телеграмма. Маркиз распечатал ее и прочитал:
«Где черт вас дери дело Киболя впрс».
Скомкав бумажку и бросив под стол, он удивился мелочности начальника. И все ему неймется! Поистине, суета. Однако, вспомнив о своей победе, маркиз оживился, кликнул лакея и заказал виски с содовой.

4

Осмотрев яхту и вернувшись в отель, Терри постояла на ступеньках, чтобы полюбоваться видом. Он нравился ей и прежде, но теперь песок стал золотистей, море — синее, острова — еще волшебнее. Что поделаешь, любовь обостряет чувства.
Двадцать минут, только двадцать минут назад *он* сидел за машинкой. Фредди извинился:
— Привет, Джеф! Прости, что мешаем.
— Ничего, ничего.
— Показываю мисс Трент яхту. Мисс Трент, граф д'Эскриньон.
Так это и началось.
Терри пошла в номер. Кейт читала «Нью-Йорк Геральд Трибьюн», умиротворявшую ее тоскующее сердце.
— Ну как, поплавала? — спросила она.
— Да, — отвечала Терри. — И познакомилась с Грегори Пеком. Он

граф.

— Еще бы!

— Нет, правда. У него отец маркиз.

Кейт фыркнула. У нее было свое мнение о французских маркизах.

— Очень милый, — сказала Терри и пошла переодеться к ланчу. Повесть свою она немного сократила, скажем — не упомянула о том, что, когда Фредди куда-то позвали, Джеф немедленно ее обнял, и поцеловал, и стал говорить что-то вроде «Je taime» и «Je tadore».[111]

Кейт всего не расскажешь; но кое-что сказать надо.

— Да, кстати, — крикнула она. — Я домой не еду.

— Что!

— Не е-ду! Прости, ошиблась. В Ровиле очень хорошо.

Глава VI

1

Пьер Александр Бюиссонад, комиссар полиции, сидел у себя на Рю Мостель. Он был крупноват, с багровой складчатой шеей (вид сзади) и густыми бровями. Мнения по его поводу разделялись на две школы; одни считали его неправдоподобно учтивым, дельным и надежным, другие — чем-то вроде озверевшей черепахи. К первой школе, заметим, принадлежал только он сам.

Сейчас он беседовал с человеком, который хотел получить право на огнестрельное оружие. К пятой минуте разговора кроткий посетитель по фамилии Флош решительно стал адептом второй школы, поскольку комиссар сообщил ему, что дверь не заперта, а на всяких идиотов времени не напасешься.

— Я же хочу получить разрешение! — напомнил Флош. — Можете вы его дать?

— Нет.

— Почему?

— Потому, — отвечал Пьер Александр четко, как на экзамене.

— Я живу в опасном районе!

— Переезжайте в безопасный.

— Я поздно возвращаюсь. Понимаете, я играю на кларнете.

— Не играйте. Есть другие занятия.

— Какие?

— Здесь не бюро по найму.

— А если на меня нападет апаш?

— Тогда я вам дам разрешение.

— Так он же меня убьет!

— Естественно.

— В жизни не слышал такой чепухи! — сказал кларнетист. Комиссар на него посмотрел.

— Все, — сказал он. — Некогда мне разговаривать. Не нравятся вам законы, сами и меняйте.

— Если бы я мог! Да чихал я на эти…

— Что-о-о? Еще одно слово, и я вас арестую. Нет, какая наглость!

Какая низость! Вон отсюда! Да вы анархист! Эй, Пюнэ!

— Да, господин комиссар?

— Вывести.

Несчастный Флош выскользнул сам, терзаясь мрачными мыслями, а комиссар грозно повернулся к подчиненному, который, как все подчиненные таких начальников, выглядел старше своих лет.

— Вот что, Пюнэ, — сказал он. — Вы дурак и остолоп. Сколько раз сказано, всякими мелочами меня не обременять. Разрешение, видите ли! А вы что, маленький? Ладно. Кто там теперь? Жалоба на таксиста? А может, на хозяйку? Или собачка потерялась? Что вы стоите, как идиот?! От-ве-чай-те!

— Там дама, господин комиссар. Мадам Пэглэр.

— Чего ей надо?

— Не знаю, господин комиссар.

— Вот и не пускайте.

— То есть как «не пускайте»? — удивилась миссис Пеглер, вплывая, словно галеон под парусами. — Хорошенькие порядки! Это вы комиссар?

— Я, мадам.

— Значит, вы мне и нужны. — И она плотно уселась в кресло.

Комиссар воздел к потолку и руки, и взоры, явно спрашивая Всевышнего, почему Он допускает такие издевательства над достойными людьми.

— Нужен! — дрожащим голосом воскликнул он. — Кто вас обидел, а? На кого жалуетесь, на мужа? Разрешите сообщить, примирение семейств не входит в мои обязанности. Если супруг не привел сожительницу в дом, мы не имеем права вмешиваться. Что, привел? Я вас спрашиваю!

— Экут, месье…[112]

— Привел или нет? Если да, сообщите в прокурорский надзор, и я приму свои меры. Если нет — па-апросил бы…

— Муа, же…[113]

— Хватит. Все ясно. Он вас побил. Тогда представьте в суд два показания свидетелей. В суд! Не мне! Нет, сколько можно! Я добрый человек, мадам, но…

— А ну вас! — сказала миссис Пеглер.

Вернее, она сказала что-то соответствующее по-французски, а это звучит помягче, и все же комиссар был потрясен. Оторвав взоры от неба, он посмотрел на посетительницу точно так, как смотрел на Флоша.

— Мадам!

— При чем тут муж? Он в Америке. Если вы помолчите, я вам объясню, зачем пришла.

Комиссар несколько смягчился. Слово «Америка» ему понравилось. Как все французские чиновники, он считал, что американцы богаты, и кое-что из их денег перепадает достойным людям. Приветливым он быть не мог, но что умел, то сделал.

— Слушаю, мадам, — сказал он не точно так, как сказал бы это голубь, но с некоторым сходством.

Миссис Пеглер заколебалась.

— Строго между нами…

— Естественно, мадам!

— Это дальше не пойдет?

— Ну, что вы, мадам!

— Наверное, вы слышали о мистере Карпентере. У него большая яхта.

— Конечно, мадам! Богатый американец.

— Именно. Так вот, я хочу, чтобы он женился на моей племяннице.

— Да, мадам?

— Да. Все шло хорошо, и вдруг…

— Они поссорились, мадам?

— Нет. У Мэвис на это ума не хватит. Появилась некая особа…

Комиссар сокрушенно поцокал, явственно удивляясь царящему в мире злу.

— Кто именно, мадам?

— Живет в отеле «Сплендид» под фамилией Трент. Комиссар уважал людей, живущих в таких отелях.

— Вы хотите, чтобы я приказал обыскать ее номер?

— Нет, не хочу. Идите туда сами.

Месье Бюиссонад побагровел. Он сознавал свой ранг и собирался объяснить, что комиссар — это вам не топтун какой-нибудь, но миссис Пеглер успела заметить:

— Дам пять тысяч долларов.

Он судорожно глотнул, вращая глазами, шевеля усами. Его, несомненно, оскорбили, но реагировал на обиды он точно так же, как Пу-Ба,[114] то есть, не отвечая, быстро подсчитывал, сколько же это будет франков.

— Ну, как? — напомнила миссис Пеглер. Он очнулся. Франков оказалось немало.

— Рад служить, мадам, — лаконично ответил он. Миссис Пеглер снова заколебалась.

— А ордер нужен?

— Нет, мадам.

— Нельзя же зайти просто так. Комиссар слегка улыбнулся.

— Конечно. Тут требуется тонкость. Мы подождем, пока эта особа уйдет, а уж тогда… Пара пустяков!

— Пустяков? Не думаю. Комиссар снова улыбнулся.

— Вы забываете, мадам, что эта особа ничего не знает. Ей неизвестно, что… — он чуть не сказал «…что сам Бюиссонад идет по следу», но сдержался и закончил: — что она под подозрением. Вы с ней близко знакомы?

— Нет.

— Но пригласить на ужин можете?

— А, ясно! Я ее приглашаю, а вы…

— Вот именно. Она живет одна?

— Там есть какая-то Кейт. Видимо, тоже авантюристка.

— Пригласите их обеих в какой-нибудь дальний ресторан.

Порекомендую «Grenouilliere» в Омале. Модное местечко, тридцать километров от города.

— Вот это разговор, — одобрила его миссис Пеглер. — Это я понимаю.

Поначалу он казался ей то ли чучелом, то ли надломленной тростью, [115] но теперь она узнала в нем мудрого мужа, которому можно поручить важнейшие дела.

Она встала, двинулась к двери, а Флош и Пюнэ от двери отпрыгнули и направились кто — к столу, кто — на воздух, на солнышко.

2

«Подумать только! — говорил себе маркиз. — В самых зачерствелых душах таится неожиданное добро». Только что он беседовал с бывшей маркизой и снова обрел веру в людей. Если бы за минуту до этого ему сказали, что его пригласит в дорогой ресторан та, от кого он ждал в лучшем случае яда, он бы не поверил; но чудо свершилось, и он спешил рассказать о нем сыну.

Услышав перестук клавиш, маркиз поджал губы и нахмурился.

— Я тебе помешал? — холодно спросил он, входя в комнату.

— Да, — отвечал Джеф. — В чем дело?

— Случилась странная вещь. Твоя бывшая мачеха пригласила в

«Grenouilliere» нас с тобой и мисс Трент с сестрой. Удивительно! Я думаю, она стала мягче. Что-то тронуло ее душу.

— Наверное, услышала песню, которую любила в детстве.

— А что, может быть. Ты бы видел, как она улыбалась! Говорит, только я умею заказывать обед. С медового месяца і такой не помню. Поразительно!

— Да уж…

— О расходах не беспокойся, платит она. Значит, так… Икра, bisque d'ecrevisses, форель а l'Archduc, куропатка perigourdain,[116] спаржа… В общем, ясно. Я еще не все продумал, но поверь, это будет пир богов. Ты, конечно, едешь?

— Прости, не могу. У меня тут одна встреча.

— Отложи.

— Не решусь, он очень хочет меня видеть. Такой Честер Тодд, племянник нашей мегеры. Утром приехал из Сэн-Рока.

— А, да! Брат этой странной барышни с большими глазами. Наверное, и его пригласили.

— Нет. Мегера не знает, что он здесь, и он просил не говорить. Хочет отсрочки.

— Что ж, понять его можно. Жаль, жаль! Ну, что поделаешь…

— Вот именно. А теперь — прости, я работаю.

— Сколько можно! — возмутился маркиз, считавший труд формой невроза. — Черт знает что! В такой день лучше гулять с мисс Трент.

— Несомненно.

— Играть с ней в теннис.

— О, да!

— Купаться. Кататься на лодке.

— Да, да, да.

— Чего ж ты сидишь? Джеф вздохнул.

— Интересно, мучался так Эрл Стэнли Гарднер?[117] — сказал он. — Наверное, нет. Тогда он не писал бы по шестнадцать книг в год. Что ты ко мне пристал? Доведешь еще до инсульта, да что там, до отцеубийства, а это большой грех. Я изо всех сил стараюсь не думать о мисс Трент, избегаю ее, а ты — гулять, играть!

Маркиз очень удивился.

— Она же тебе нравится!

— Это мягко сказано.

— Ты что, влюбился?

— Да.

— Ничего не понимаю! Джеф снова вздохнул.

— Что ж тут непонятного? Все очень просто. Я ничего не могу предложить.

— А имя Мофриньезов?

— И доходы Мофриньезов.

— Нельзя так много думать о деньгах, мой мальчик.

— Прости, это фамильное. Но ничего не попишешь, она богата, я беден.

— Жефф!

— Не надо. Когда речь идет о браке, я — истинный Пот-тер. Не могу жениться ради денег, совесть не велит.

Маркиз содрогнулся. Конечно, он слышал, что бывают такие люди, но это его не радовало.

— Ты меня разочаровал, — с печальным достоинством промолвил он в дверях.

И, скорбно пройдя по террасе, присел под одним из зонтиков, воплощая старую, как мир, трагедию отца, который не может понять сына.

Нет, посудите сами, что же это такое! Да, бывало, Мофриньезам приходилось преодолевать себя. В портретной галерее, пока ее не продали, были редкостные рыла, ибо в нашем несовершенном мире богатство и красота совмещаются нечасто. Да, их предки — и не двое, не трое — шли нелегким путем. Они закрывали глаза, сжимали зубы, но выполняли свой долг.

Но Жеффу это не угрожает! Его богатая красотка и богата, и красива. Мало того, он в нее влюблен. При чем же здесь дурацкая совесть? Вопрос был труден, и мы не удивимся, что бедный маркиз заказал полбутылки шампанского.

Он выпил бокал, налил снова и, отрешенно глядя на бусинки пузырьков, немного успокоился, но действие славного вина мгновенно уничтожил неприятный голос над ухом.

— Где, — проревел месье де ла Урмери, — дело Киболя? ГДЕ! ДЕЛО! КИБОЛЯ?!

Именно в эту минуту на террасу вышла Кейт. День стоял жаркий, и ей захотелось выпить лимонада, или, как выражаются в этой нелепой стране, ситронада. Усевшись под зонтиком, она увидела маркиза, пылко беседующего с невысоким и толстым человеком, похожим на мопса, которому зачем-то забинтовали голову.

3

С того самого дня, когда граф и маркиз вошли в их орбиту, Кейт беспокоилась, чуя недоброе. Взволновал ее, собственно, разговор с Терри, которая решила отряхнуть с туфелек песок Ровиля и внезапно передумала. Если девушка рвется домой и вдруг, увидев субъекта, похожего на Грегори Пека, об этом забывает, старшая сестра просто обязана узнать его финансовый статус. В сущности, она понимала, что услышит. Чего-чего, а историй о нищих иностранных графах она читала достаточно. Чувства ее удивительно гармонировали с чувствами миссис Пеглер: та боялась авантюристок, она — авантюристов.

Сложность заключалась в одном — как подойти к делу? Спроси авантюриста, что он замышляет, и он обдаст тебя холодом. Спроси его друзей, они солгут, сами о том не зная, ибо сведения черпают от самого авантюриста. Думая об этом, Кейт пила ситронад и поглядывала на маркиза, беседующего с забинтованным мопсом.

Чем больше она смотрела на них, тем яснее становилось, что они хорошо знакомы, но не дружны. Слов она не слышала, но жесты подсказывали, что мопс обзывает маркиза оскорбительными именами. Когда ей уже казалось, что беседа будет длиться вечно, маркиз, выражавший внимание с тем видом, с каким воспитанный человек слушает то, что слышал сотни раз, встал, похлопал мопса по плечу и удалился. Он удалился, пообещав посмотреть, нет ли Дела в его номере, а месье де ла Урмери, тяжко отдуваясь, потянулся к бокалу. Знаток этикета непременно заметил бы, что нельзя пить вино человека, которого ты называл такими словами, но он бы знатока не услышал. Золотистый нектар освежил его горло, когда он заметил, что у столика стоит какая-то дама.

— Ах ты, Боже мой! — сказала она с несомненным состраданием.

Месье де ла Урмери не швырнул в нее бокал, потому что там оставалось шампанское, и заменил это действие взглядом василиска.

— Вы попали в железнодорожную катастрофу? — спросила тем не менее дама.

Полагая, что ее хорошо бы освежевать тупым ножом, а затем опустить в кипящее масло, он все же ответил:

— Нет. Ударили топором.

— Что?!

— То, — твердо сказал чиновник.

— Быть не может! — вскричала дама и поклохтала, словно курица.

— Может, — отвечал Урмери. — Повторяю, кто-то ударил меня топором.

— О, Господи!

— И не убил, заметьте. Казалось бы, бьешь топором, так уж бей с размаха. Но нет! Ничего не умеют. И это чиновники, ха-ха?!

Дама поклохтала еще, потом спросила:

— Кто же вас ударил?

— Один мой служащий, Легондю.

— Зачем?

— Затем, что он псих. Фигуры ему являются, видите ли! Посидят, посверкают и велят перебить всех начальников, начиная с меня. Бред какой-то! Сияют, вы подумайте!

— Конечно, вы огорчены…

— Огорчен?! — взорвался Урмери, словно его начинили тринитротолуолом. — Я в полном отчаянии! Сперва эта свинья маркиз…

Кейт облегченно вздохнула. Она и не знала, как подвести его к этой теме.

— Я видела, вы с ним беседовали, — заметила она.

— Да уж, я с ним побеседовал! — злорадно подтвердил чиновник. — Уехал, видите ли, с этим досье!..

— Простите?

— Ну, с делом Киболя. Когда я уволил его, он…

— Я не совсем поняла. Он служил у вас?

— Можно сказать и так. Но ничего не делал.

— Значит, он не богат?

— Опаздывал каждый день, все путал, вечно где-то шлялся… А, что? Богат? Не смешите меня!

— У него же замок в Арденнах.

— Давно продал. Женился, правда, на американке, но они давно разошлись. Богат! Ха-ха!

— Та-ак… — промолвила Кейт с той суровой радостью, с какой произносят «Я же вам говорила»; и тут появился маркиз, рассыпаясь в извинениях.

— Мой дорогой, — сокрушался он. — Что вы обо мне подумаете?

Месье де ла Урмери лаконично заметил, что не скрывал своего мнения.

— Только что вспомнил, — продолжал маркиз, — я оставил вашего Киболя дома, в Париже. Он в верхнем левом ящике комода, под носовыми платками. Консьерж вас пустит, скажите, что от меня. Искренне советую

дать ему несколько франков.

Месье де ла Урмери постоял, выражая взглядом, что слов у него нет, потом повернулся и ушел. Маркиз взялся было за шампанское, когда женский голос сухо произнес:

— Хотела бы с вами поговорить.

Подняв глаза, он увидел Кейт. Губы у нее сомкнулись в тонкую черточку, взор сверкал, и она напомнила ему одну из прапрабабушек XVIII века, третью слева, если считать от входа, которая с самого детства нагоняла на него страх и трепет.

4

Джеф боролся с трудным пассажем и, увидев маркиза, позавидовал сиротам — они, в конце концов, хоть работать могут! Однако сыном он был хорошим и мысли свои скрыл.

— Привет, — благодушно сказал он. — Что ты ходишь туда-сюда?

Тут он заметил, что отец на себя не похож, зато похож на человека, которого ударили в самое слабое место.

— Что случилось? — забеспокоился Джеф. — Кредитора встретил?

— Жефф, — отвечал маркиз, — я весь дрожу. Какой кошмар! Мисс Трент…

Джеф побледнел.

— Ей плохо? Ее кто-то обидел? Маркиз удивился.

— Кто ее может обидеть? А плохо ли ей… Пожалуй, нет. С виду — в полном порядке.

— Что же ты меня пугаешь? Я думал, ее сбила машина или…

— Машина! Есть вещи похуже, — Маркиз сердобольно помолчал и все же решил нанести удар сразу: — Я говорил с ее сестрицей. Она узнала, что мы бедны. Но это не все! У мисс Трент тоже нет денег.

— Что?!

— Денег нет, — пояснил маркиз. — Они втроем владеют фермой, разводят кур. Собственно, это и не ферма, а так, ерунда какая-то.

— Почему же она живет в таком отеле?

— Насколько я понял, она получила небольшое наследство и решила его потратить. Ну, это понятно, — одобрил маркиз, который, будь он девицей, сделал бы то же самое. — Надеется поймать богача. Какое счастье, что я все узнал, пока ты не натворил глупостей! Я не набожен, но иногда кажется, что… как бы это выразиться? Что кто-то меня *хранит.*

Он замолчал, услышав крик, а там — и увидев, что сын его буквально сияет. Если бы Клаттербак сообщил Джефу, что издаст роман как можно скорее, он вряд ли сиял бы ярче.

— Слава Тебе, Господи! — воскликнул граф. — Ой, какое счастье! Тогда все в порядке. Если она…

Маркиз задрожал.

— Ты что, хочешь на ней жениться?

— Конечно! Сейчас напишу ей, приглашу завтра пообедать. Когда подадут кофе, а лакей уйдет, я… ну, я знаю, что сделаю.

— Мой дорогой! — взмолился маркиз. — Одумайся!

Джеф удивился.

— Ты чем-то недоволен?

— Еще бы! Жениться на нищей… Нет, ты не можешь!

— Могу, могу. Чего ты скачешь? Смотри, как удачно: у нее ничего нет, и у меня ничего нет. Ты подумай, мы всему будем радоваться. Купили шляпу — праздник. Богатые и не знают таких…

— Кроме того, — перебил его маркиз, — они не живут под крышей, в тесной каморке. Шесть пролетов лестницы…

— Красота! — вскричал Джеф. — Пришел в мансарду, зажег свечу у кровати и воображаешь, что ты в Версале. Балдахины там, купидоны… Да, это жизнь!

— О, Господи! — простонал маркиз.

— Ты заметил, — продолжал Джеф, — как у нее вздернут носик? А на нем — две веснушки. Представляешь, какое блаженство, когда можешь на них смотреть в любое время?

— А ты представляешь, — отвечал маркиз, — что она скажет, когда узнает, что у тебя нет денег?

— Обрадуется, я думаю.

— Ну, нет. Я бы на ее месте тут же забыл о тебе и вышел за Карпентера.

— То — ты, а то — она! Карпентер, еще чего! В жизни она за него не выйдет. Это ангел, а не девушка.

— Послушай, Жефф…

— Не буду. И вообще, я хочу побыть один. Тут фраза не дается.

Маркиз, который и так не отличался прытью, буквально выполз в вестибюль. Романтические бредни глубоко его оскорбляли. С трудом одолев лестницу, он направился к бару, красе «Сплендида», и, поставив изящную ногу на медную перекладину, попросил Филиппа, прежде служившего в Париже, смешать ему что-нибудь такое, особенное.

5

Примерно через четверть часа освежившийся маркиз, еще нетвердо ступая, вышел из бара и встретил в вестибюле возвращавшуюся с пляжа Терри.

Посмотрел он на нее искоса. Она ему нравилась, очень нравилась, но, честно говоря, она же его надула! Нельзя, в конце концов, так выглядеть и так блистать, если ты разводишь кур на Лонг-Айленде. Это нечестно, думал он, и непорядочно.

Однако ни его манеры, ни голос не выдавали, как глубоко он ранен и как разочаровался в американках. Поцеловав ей руку с обычной своей галантностью, маркиз заверил ее в том, что бесконечно рад предстоящей встрече в ресторане.

— Миссис Петлер, — сказал он, — сообщила мне, что вы приняли приглашение.

— Да, — отвечала Терри, — и с большим удовольствием. Занятно ужинать на природе. Это ведь хороший ресторан?

— Говорят, очень хороший.

— А кто там будет?

— Насколько я понял, двое друзей миссис Петлер.

— И ваш сын?

— Нет. У Жеффа какая-то встреча.

— Да? — сказала Терри, стараясь скрыть досаду. — Наверное, с Фредди Карпентером.

— Нет, Фредди остается здесь. Они идут в концерт с мисс Тодд.

— Ну, ничего. Зато вы там будете.

— Да, *я* буду.

— А что еще нужно? — воскликнула Терри и, лучезарно улыбнувшись, пошла по лестнице наверх, в свой номер.

Когда она туда пришла, сестры еще не было, и этому она обрадовалась. Ей хотелось побыть одной, чтобы обдумать серьезнейшую проблему — почему Джеф так странно себя ведет.

Ну, посудите сами. Если они оставались вдвоем, что бывало исключительно редко, он был очень вежлив, можно сказать — подчеркнуто учтив, но как-то сдержан, что ли. Ни словом, ни жестом, ни улыбкой он не намекал на то, что все-таки было, как будто величайшее мгновение ее жизни для него — какой-то пустяк, незначительный эпизод. А собственно, так оно и есть; так он на это смотрит. Это она, по своей дурости, придает

значение поцелуям и дрожащему, сбивчивому голосу, а он, конечно, целует любую девушку, если та не полное чудище, и признается ей в любви. Французы все такие. Наверное, забыл через десять минут. Наверное, у него тут сотни подружек. Наверное, эта «встреча» — с какой-нибудь Фифи или Мими на высоких каблуках, в бантиках и кружеве, которая называет его «cheri».[118]

Она сердито думала об этой особе, равно как и о Джефе, когда юный фельдмаршал, который принес маркизу телеграмму от месье де ла Урмери, вручил записку и ей. Она развернула ее, и мир изменился. Только что он был худшим из миров, но вот — в нем засияло солнце, оркестр заиграл какую-то райскую мелодию, цветы пробились сквозь ковер. А Джеф, этот низкий ловелас, этот червь, а быть может — волк в человеческом образе, засиял нездешним светом.

Она прочитала записку три раза. Та была короткой и достаточно сдержанной, но ей показалась образцом красноречия. Когда она читала ее в пятый раз, запоминая каждое слово, раздался телефонный звонок. Портье сообщил ей, что два джентльмена (или как это по-французски) настоятельно просят их принять.

6

Джентльмены эти оказались довольно плюгавыми. Один — маленький, унылый, с широкой бородкой — напомнил ей кларнетиста из отеля; другой, повыше, с висячими усами, тоже не отличался веселостью. Беседу начал именно он:

— Разрешите представиться, мадемуазель. Пюнэ.

— Здравствуйте.

— Мой зять, месье Флош.

— Добрый день. Чем могу служить? — сказала Терри, с трудом сдерживаясь, чтобы не поделиться с ними своей радостью.

— Я — из местной полиции, мадемуазель, — сообщил тот, что повыше.

— Да?

— Помощник комиссара.

— Вот как?

— Конечно, он — свинья, — продолжал месье Пюнэ. — Тиран. Rodommier.[119]

Этого слова Терри не знала, но догадалась, что оно нелестное, и запомнила для будущих надобностей. Можно, к примеру, назвать так Клаттербака, когда он коснется цен на мед.

— Мы с месье Флошем, — продолжал гость, — слышали, как он плетет против вас козни. Да-да, через дверь! Слышали мы, Жасэнт?

Второй гость, носивший, по всей видимости, это странное имя, взмахнул бородкой, выражая этим что-то вроде «Еще бы!», то есть «Tu paries bien».

Терри удивилась. Будь она международным шпионом, она приняла бы сообщение, беззаботно воскликнув «О 1а 1а!», и повела бы рукой в роскошных кольцах; но она шпионом не была.

— Как это, «плетет козни»? — спросила она, все больше удивляясь. В конце концов, этот комиссар в жизни о ней не слышал.

— Сегодня он придет с обыском по просьбе мадам Пэглэр, — пояснил посетитель.

Терри вздрогнула. Это было немного понятней.

— Пожалуйста, — сказала она, — расскажите мне, в чем дело. Месье Пюнэ рассказал. Когда он закончил свою повесть,

Терри чувствовала себя, как путник, который темной ночью, в грозу, видит при свете молнии, что стоит на краю обрыва. Чувства к миссис Пеглер, и без того не слишком пылкие, заметно ухудшились. Тонкой душе неприятно узнать, что ее приглашают в ресторан только для того, чтобы произвести у нее обыск.

— Как вы считаете, — спросила она, — что мне делать?

На это месье Пюнэ ответить мог. Глаза его мстительно сверкнули.

— Мадемуазель, на вашем месте я бы пригласил физически сильного мужчину. Эта свинья войдет, а он ка-ак прыгнет…

— И donne lui un marron,[120] — впервые подал голос месье Флош.

— Marron?

Месье Пюнэ перевел это жестом и, узнав, что мускулистый мужчина даст комиссару marron или, если хотите, в ухо, Терри от всей души поддержала проект. Жаль, конечно, что Джеф не сможет применить прежние навыки, но есть, в конце концов, Фредди. Она плохо представляла себе, как производят обыск, но могла предположить, что делается это ночью, когда Фредди уже придет с концерта. Да, он тут очень уместен. И она улыбнулась месье Пюнэ.

— Спасибо вам большое!

Месье Пюнэ скромно заверил, что всякий сделал бы то же самое, подразумевая под этим «всякий, кто так натерпелся от Пьера Александра

Бюиссонада». Оба героя широко улыбались, даже месье Флош, сколько видно из-за бородки, напоминая веселых селян из оперетты, удаляющихся за кулисы, тем более что сами они именно удалились, оставляя Терри размышлять о неожиданном повороте дел.

Мысль о Фредди ее подбадривала. Он, как и всем, уже рассказал ей о своих футбольных успехах, и ей казалось, что чемпион Принстона — как раз то, что нужно, чтобы внушить Пьеру Александру, что нельзя врываться ночью к девушкам, тем более — с обыском. Встреча в темноте с Ф. Карпентером перевернет его жизнь. Он станет лучше, чище. Жаль только, что миссис Пеглер не разделит его участи. Когда Терри дошла до этой мысли, появилась Кейт. Вид у нее был победный, и не без оснований.

— Ну, вот! — начала она. — Я все узнала про этого маркиза и его сынка. Так и есть, оба — жулики. У них нет ни пенса.

Трудно отрицать, что Терри удивилась.

— Что? — переспросила она.

— Я говорила с начальником маркиза из какого-то учреждения. Тот у него служил, маркиз — у начальника. Он его уволил, начальник — маркиза.

— Ты хочешь сказать, маркиз — не маркиз?

— Да нет, они все тут маркизы! Суть в том, что он — нищий. Эти обедневшие аристократы рыщут по курортам. У него нет денег, и он…

Терри удивилась снова. Денег? При чем здесь деньги? Какая чепуха! Важно одно — завтра она обедает с Джефом.

— Мало того, — продолжала Кейт, — я ему сказала все про тебя.

— Да что ты!

— Сказала-сказала. И про кур, и про мед — ну, все. Он ускакал, как белый кролик из «Алисы». Не иначе, к сынку. Теперь ты его не скоро увидишь! Не маркиза, сынка.

— Я с ним завтра обедаю.

— Это ты так думаешь. Когда он тебя пригласил?

— Сейчас принесли записку.

— А написал он ее до того, как узнал новости. Вот увидишь, пришлет другую, что у него важные дела.

— Ничего подобного!

— Наверное, уже пишет, — закончила Кейт и ушла к себе, снять шляпу.

Терри смотрела, не видя, на картину, ибо в лучших номерах отеля «Сплендид» было все, что угодно, и чувствовала себя точно так, как должен был чувствовать комиссар после встречи с мускулистым

мужчиной. Вдруг ей стало легче. Она поняла, что Кейт несет какую-то чушь, и радостно засмеялась.

Она еще смеялась, входя в номер сестры.

— Знаешь, — сказала она, — я не поеду в ресторан.

— То есть как?

— Обойдутся без меня.

— Ты же обещала!

— Ну и ладно.

— Я не могу без тебя ехать.

— Что ты, можешь! Скажи этой Пеглерше, что у меня болит голова.

— Она к тебе зайдет.

— А ты скажи в ресторане, за тридцать километров.

— Ничего не понимаю! Только вчера ты ныла, что нет знакомых…

— Да, я такая, переменчивая.

— Что подумает миссис Пеглер?

— А нам какое дело? Дай ей marron.

— Что-что?

— И прибавь, что это — от меня, — сказала Терри.

Глава VII

1

Джеф вернулся поздно, как возвращались все, кто ужинал с Честером Тоддом. Когда жена не могла мягко пресечь его порывы, общительный Честер всей душой отдавался вечерним развлечениям. Сегодня она была в Париже, поскольку завтра ей предстоял концерт в изысканной аудитории, и без нее любящий муж совершенно разгулялся. В двенадцатом часу, отведя его в постель, Джеф пошел к себе принять душ, а выйдя из ванной вполне ожившим, увидел на столе письмо.

Как выяснилось, его переслали с Рю Жакоб, где он жил в Париже, автор же обитал в отеле «Риц». Джеф удивился, его друзья не были так богаты, но, распечатав конверт и увидев подпись, подпрыгнул, как фазан в брачную пору. Таких сильных чувств он не испытывал с того дня, когда, зайдя на ферму за яйцами, обнаружил там множество немецких солдат.

Он поморгал, прочитал подпись снова, но она не изменилась:

«Дж. Рассел Клаттербак».

Посмотрев на письмо минут пять, он решил с ним ознакомиться. Оно оказалось деловым и коротким. Дж. Рассел Клаттербак, явно полагавший, что время — деньги, приехал во Францию и хотел с ним побеседовать. Возможно ли, спрашивал он, разделить с Джефом второй завтрак в час дня, в среду? Несмотря на смятение, адресат вычислил, что среда будет завтра.

Рухнув в кресло, он понемногу пришел в себя. Послание, при всей своей краткости, давало пищу для размышлений — не столько текстом, сколько подтекстом. Дж. Р. К. хочет поговорить. Начиная отсюда, надо читать между строк. Когда занятой издатель тратит время на молодого писателя, речь идет не о политике, а о том, что творение данного автора потрясло его, как потрясает астронома новая планета. Ясно коту, что Клаттербак замыслил не светскую встречу, но деловое совещание.

Дрожа от этой мысли, Джеф внезапно вспомнил, что завтра обедает с Терри.

Семьдесят процентов восторга мгновенно исчезли. Однако выбора не было. О Клаттербаке он знал только то, что издатель этот пишет

многообещающие письма, но представлял себе, что человек он важный и может обидеться, если оборвать его на половине фразы и сказать: «Простите, спешу! У меня свидание». Что ж, надо оставить Терри записку.

Сперва он хотел рассказать ей все, поделиться мечтами и надеждами, но обуздал себя. Он не был особенно суеверным, и все же — кто его знает, еще сглазишь! Как выразился бы Питер Уимз, цыплят по осени считают.

Помня об этом, он сообщил, что его внезапно вызвали в Париж. Когда он вернется, сказать нельзя. И впрямь, подумал он, кто знает, не возникнет ли одна из тех прекрасных дружб, которые не мыслят разлуки?

Записку он оставил портье. Потом позвонил Фредди и попросил одолжить ему назавтра машину. Мысль о поезде была ему противна. Нет, тут надо, словно цыган, мчаться по большой дороге, мечтая о Терри, — и, конечно, о Расселе Клаттербаке.

2

Когда Джеф позвонил, Фредди сидел на балконе (как и Терри, жил он на самом роскошном, втором этаже) и любовался лунным светом, серебрящим воду. Повесив трубку, он вернулся к этому занятию.

Настроен он был сентиментально. Как хороша ты, ночь! Ни туч, ни облаков на темно-синих ясных небесах, думал он (или что-то в этом роде). Его широкую грудь теснили какие-то чувства, связанные с Мэвис.

Примерно час назад его чувства к ней можно было, худо-бедно, назвать теплохладными. Если бы ему предложили ее описать, он сказал бы: «Так, ничего себе…» Да, тихостью и сходством с мышью она выгодно отличалась от лакированных бойких девиц, вгонявших его на вечеринках в истинный ступор. Сам Фредди бойким не был. Он был робким и любил девушек тихих, хотя, видит Бог, их днем с огнем не отыщешь. Словом, Мэвис его не пугала, как говорится — не отвращала, но не больше. Душа оставалась спокойной.

Сегодня все изменилось. С глаз его спала пелена; он понял, что они созданы друг для друга. Так калифорнийский житель копается в саду, и вдруг из-под его лопаты брызжет нефть. Фредди казалось, что ангел-хранитель коснулся его плеча и прошептал: «Ты что, совсем одурел или просто ослеп? Да именно *ее* ты ищешь всю свою жизнь!»

Прежде всего, ему очень понравилось, что она охотно согласилась сбежать с концерта в кино. Когда он признался, что его тошнит от серьезной музыки, а она отвечала, что точно то же самое происходит с ней

и в концерт она пошла только из-за тети, полагающей, что эти концерты развивают душу; когда они оба так сказали, он понял, что есть на свете разумные девушки.

За обедом выяснилось, что и он, и она терпеть не могут креветок, зато обожают Агату Кристи, и это очень их сблизило, но когда он узнал, что дядя Джордж, о котором она раза два упоминала, — не кто иной, как сам Змеюка Тодд, Фредди подумал о браке.

Змеюка некогда был одной из ярчайших звезд футбола. Через двадцать лет, в 50-х, имя его произносили с благоговением, и при мысли о том, что он сможет называть дядей это богоподобное создание, Фредди подавился телятиной, так что официанту пришлось ударить его по спине. Когда из глаз перестали течь слезы, пленник любви посмотрел на Мэвис так пылко, что, в свою очередь, подавилась она. Исследователю Шекспира все это напомнило бы первую встречу Ромео и Джульетты.

Если он верно истолковал происшествие с телятиной, думал теперь Фредди, а также то, что в темном зале удалось взять Мэвис за руку, — дело в шляпе. И представить только, размышлял он, глядя на светлый круг луны, катящийся по темно-синей глади, представить только, что Мэвис не беднее его, если не богаче! Другими словами, она польстится не на эти чертовы деньги. Она любит его — если любит, но это, вроде бы, ясно — не из корысти, а из-за него самого.

Такого с ним еще не бывало. Несколько девиц выказывали ему явственную приязнь, но он печально ощущал, что дело не в нем, а в «Фиццо», приносящей миллион за миллионом. И вот, наконец, появилась та, что смотрит на него, а не на банковский счет.

Пока он предавался мечтам, зазвонил телефон, и он не сразу решился подойти. Наверное, подумал он, опять Джеф. Да, он хорошо к нему относился, но сейчас — не до Джефов. Однако телефон не унимался. Он встал, снял трубку и рявкнул:

— Алло!

Раздался нежный голос:

— Мяч…

Нет, не Джеф. Голос девичий.

— Мэвис? — проворковал он. — Мэ-э-вис?

— Нет, это я, Терри Трент.

— А, Терри! Вернулись?

— Куда?

— Сюда. С этого обеда.

— Я не поехала. Вот что, Мяч!..

— Да?
— Я боюсь. Тут бродит какой-то вор.
— Кто-кто?
— Вор.
— А, вор! Ну, что вы! Почему вы так думаете?
— Ручка двери повернулась, будто кто-то хочет войти, — осторожно сказала Терри. Нельзя же признаться, что она ждет грабителя! Фредди не очень умен, но все же удивится, что она — ясновидящая. Нет, так, с ручкой — лучше всего.
— Понимаете, — разъяснила она, — все думают, что я уехала и в номере никого нет. Мне страшно, Мяч! Идите сюда.
— Сейчас, сейчас. Мне как, одеться? Что?
Терри ничего не сказала, она хихикала на радостях и унялась только для того, чтобы ответить:
— Да что там, не надо. Идите как есть.
— Я в пижаме.
— Значит, идите в пижаме. И прямо по балкону, окно открыто.

3

Через несколько минут в номер негромко постучали, и раздался голос Фредди:
— Пип-пип!
— Что?
— Я здесь.
— Это хорошо.
— Вам померещилось, здесь никого нет.
— Вы все осмотрели?
— Да.
— Что ж, выключите свет и посидите в темноте на всякий случай.
— Ладно, — отвечал добрый Фредди, и примерно полчаса длилось молчание. Наконец он жалобно произнес:
— Эй!..
— Да?
— Сколько мне тут сидеть?
— Не знаю. Вам скучно?
Фредди признал, что бдение нагоняет тоску, и Терри огорчилась. Она понимала, что нельзя всю ночь держать в темноте странствующего рыцаря;

с другой стороны, нельзя и открыть правду. Наверное, Фредди относится к миссис Пеглер, как к матери, и очень обидится, что ее подозревают в таких кознях. Когда она (Терри, а не миссис Пеглер) уже решила все бросить, в замочную скважину проник едва слышный голос:

— Э-эй!..

Терри приоткрыла дверь и прошептала:

— Что такое?

— На балконе какой-то тип.

— Значит, я права!

— Тиш-ш! — прошелестел Фредди, словно член тайного общества, беседующий с другим членом тайного общества.

Терри закрыла дверь. Пришло время действий, кончилось время слов — а жаль, она бы хотела подбодрить защитника. Хотя вообще-то он надежен. Туповат, это да, но могуч, и знает, что делать в таких случаях. Что-что, а с комиссаром он управится. Она села на кровать и прислушалась.

Сперва было тихо, только что-то стучало, может быть — ее сердце. Потом поднялся шум. Начался он, как и следовало ожидать, с восклицания: «Эй!», сменившегося звоном стекла, треском мебели, стуком шагов и тяжелым сопением дерущихся мужчин, а завершился криком боли.

Кричал комиссар, которому Фредди, к счастью (или к несчастью, смотря с чьей точки зрения), заехал в правое ухо. Он опрокинулся на балкон, перелетел через перила и исчез в ночи. Комиссар был отважен, но разумен. Он знал, когда надо отступить.

— Эй! — снова сказал Фредди сквозь балконную дверь.

Терри выглянула.

— Да вы герой! — вскричала она. — Убили его?

— Нет. Он куда-то делся.

— Зайдите, расскажите подробней.

Она залезла в постель, а Фредди вошел, немного растерянный, но бодрый. Кому-кому, а ему драка понравилась. Последнее время он часто думал, что растренировался, и был рад убедиться, что порох в пороховницах есть. Однако кое-что его огорчало.

— Надо было сесть ему на живот, — сокрушался он. — А то я его треснул, и он вывалился. Осторожности мне не хватает. Другой раз…

— Не будете же вы драться все лето!

— Кто их тут знает, на курортах! Бриллианты всякие…

— Вы думаете, он хотел украсть мои драгоценности?

— Очень может быть.

— Слава Богу, вы спасли наши жемчуга!
— Да, это хорошо.
— И бриллианты, не говоря о сапфирах. Огромное вам спасибо. Вот что значит удар! Наверное, большая практика. Бокс?
— Да нет, футбол. Практически то же самое.
— Вы очень хороший футболист?
— Не сказал бы. Играл, это да, но в сборную Америки, — с трудом признался он, — меня не взяли. Я все-таки не Змеюка Тодд!
— А кто это?
— Вы о нем не слышали?
— Вроде бы нет.
— Ну, знаете!
Они помолчали. Фредди всматривачся в Терри. Странно, думал он, как они во всем этом спят — кружева какие-то, ленточки… Наверное, на случай пожара. Вообще-то ничего, красиво. Только если бы на месте Терри была Мэвис, а рядом — он… Эта мысль исторгла долгий, чувствительный вздох.
— Не удивляюсь, что вы зеваете, — сказала Терри. — Идите спать.
— Да я не хочу, — отвечал Фредди, собиравшийся еще часа два смотреть на лунное небо. — Нет, вы правда не слышали про Змеюку Тодда?
— Правда. А кто он такой? Гангстер?
— Он футболист, — почтительно ответил Фредди. — Самый лучший полузащитник, какой только был. Змеюкой его прозвали за то, что он буквально вился змеей. Еще его называли Скользкий Тодд и Неуловимый Призрак. Три года играл в сборной Америки. Неужели не слышали?
— Нет.
— Чудовищно! — вскричал Фредди и собирался было подробно описать, как Змеюка пробежал 87 ярдов на историческом матче 1930 года, но тут послышался странный, зловещий звук, и ручка двери зашевелилась.

4

Фредди взглянул на Терри, Терри — на Фредди. Оба подумали об одном и том же. Неустрашимый враг явился снова, подбираясь к цели иначе.
Терри восхитилась Пьером Александром Б. Она не видела его, и ей не нравилось то, что она о нем слышала, но в упорстве ему не откажешь,

истинный бульдог. Те, кто испытал руку Фредди, напоминающую окорок, обычно полагали, что с них хватит. Так полагали многие; но не комиссар. Да, думала Терри, этих комиссаров изготовляют из стали.

Однако сейчас было не до мыслей. Она сдвинула брови и махнула рукой в сторону ванной, стараясь внушить Фредди, чтобы он посидел взаперти, пока не сочтет, что снова пришло время действий. Язык мимики труден, и ее приятно удивило, что туповатый рыцарь сразу его понял. Многозначительно кивнув, он юркнул в ванную с прытью Змеюки Тодда, и в тот же миг дверь открылась, являя взору не П.А. Бюиссонада, но неизвестного субъекта, который сообщил свистящим шепотом, что он — agent d'hotel, то есть частный сыщик.

Дома, в ванной, Пьер Александр промывал глаз борной кислотой. К этой мерзкой Трант он не пошел бы ни за какие деньги и надеялся, что в будущем — тут он приложил к синяку сырое мясо — как-нибудь удастся собрать на нее материал.

Что до сыщика, он был щуплый и усатый. Если прибавить испуганный взор, это придавало ему сходство с нервной креветкой. Он и впрямь нервничал после того, как портье ему передал, что жители третьего этажа жалуются — вроде бы внизу кого-то убивают.

Увидев, что Терри жива и здорова, он приободрился.

— Ха! — сказал он. — Оч-чень хорошо! Прекрасно.

Терри не разделила его радости. Конечно, ей было приятно, что это — не Пьер Александр, но зачем к ней вообще врываться? Когда ложишься в постель, сыщик неуместен. И она сухо спросила:

— Что вы тут делаете?

Сыщик доверительно объяснил, что обитатели отеля слышали шум, то есть, гам, или, точнее, тарарам.

— Я не шумела.

— Видимо, ваш сосед.

— Им что-то приснилось. Или померещилось.

— А что, может быть. Но мне приказали выяснить, в чем дело.

— Это не причина врываться ко мне ночью.

Сыщик поджал губы и передернул плечами, как бы намекая на то, что у него — свои методы.

— Вы спали, мадемуазель? — осведомился он.

— Да.

Сыщик обрадовался.

— Вот потому и не слышали! Нам сообщили, что cambrioleur,[121] проникнув в номер с балкона, обрушил какую-то мебель. Понимая, что

начнется розыск, он испугался и спрятался.

— Где?

— В ванной, — отвечал сыщик, вдохновленный свыше.

Конечно, он не собирался никого там застать, но предположил, что, если туда заглянет, можно отчитаться со спокойной совестью. Он заглянул; и тут же отпрянул. Мы не преувеличим, если скажем, что встреча с Фредди сразу состарила его на несколько лет.

— Зеленые ели! — вскричал он. Это выражение (или что-то похожее) он подцепил у американцев в конце войны и употреблял в минуты сильных эмоций.

Убийц он не встречал, не знал их повадок, но слышал, что, загнанные в угол, они неуправляемы. Поскольку это ему не нравилось, он трясся двадцать секунд подряд, пока Терри не сказала:

— Это мой друг.

Пелена спала с глаз сыщика, как падала недавно с глаз Фредци. Убийц он не знал; но таких вот друзей знал досконально. Иногда ему казалось, что бблыпую часть жизни вытаскивал их из чужих ванных. Возможно, на них очень действует здешний воздух. Как бы то ни было, на Фредди он смотрел сурово, когда говорил:

— Придется вам уйти.

— Он как раз уходит, — заверила Терри.

— Надеюсь, мадемуазель, вы осознаете, что ситуация…

— Да, конечно!

Сыщик внезапно явил лучшую, высшую сторону своей души:

— Я — что, — сказал он. — Любовь, она вещь хорошая. Да вот начальство не велит. Ваш друг понимает по-французски?

— Нет.

— Тогда не передадите ли, мадемуазель, чтобы он шел к себе? И побыстрей (au trot[122]), — прибавил сыщик.

— Передам.

— Спасибо вам большое!

И сыщик удалился, пощелкивая языком.

— Что тут было? — спросил Фредди. — Ни черта по-ихне-му не понимаю!

— Он смущен, — объяснила Терри. — Вы — у меня в ванной, ночью, в голубой пижаме…

Фредди густо покраснел и от стыда, и от гнева. Его рыцарская душа не выносила легкомысленных речей.

— Я ему голову оторву!

— Не вините его, он француз. У них нечистое воображение.

— Хорошо, что я из Америки.

— И я тоже. Ты видишь в ясном свете, что…[123]

— Да, что?

— Не помню. Как же это там?

— Бог его знает. Дальше я обычно мычу.

— Вот и я. Слова знают только аргентинцы, португальцы и греки. Да, Мяч, вам пора идти. Спасибо, что заглянули. Вы просто молодец!

— Ну, что вы!

— Постойте, нельзя ж отпускать вас без выпивки. Вы как, готовы?

— Вообще-то не прочь.

— Тогда пошли в комнату. Терри зажгла свет.

— Ой, Господи! Что тут творится! Кто уронил лампу?

— Я думаю, мы оба. Я приберу немного, ладно?

— Да-да. А я все приготовлю.

Фредди работал быстро. Когда Терри принесла виски и сэндвичи, царил полный порядок. Как заметила хозяйка, «и не подумаешь, что заходил взломщик!» Они сели на диван.

— Одно слово, уютно! — заметил Фредди.

— Вот именно. Возьмите сэндвич.

— Спасибо. Знаете, я просто поверить не мог, что вы не слыхали про Змеюку.

— Я плохо разбираюсь в футболе. Только раз была на матче.

— Господи милостивый!

— Да и то много. Какая-то дурацкая игра.

— Дурацкая!!!

— Ну, мне так показалось.

— А что в ней — м-м — глупого?

— Посудите сами — столпились в углу, голова к голове, зады торчат…

— Совещание на поле, — пояснил Фредди. — Без него нельзя.

— Вот и я говорю, как-то нелепо.

Фредди мрачно молчал. Уют исчез, как не бывало. Казалось бы, хватит того, что человек не знает Змеюку, но называть дурацким совещание!.. Он вздрогнул. Неприятно слушать кощунства из прекрасных уст.

— Сидели бы дома, — продолжала Терри, — читали бы что-нибудь…

Фредди отключился. Он видел столик, на котором при помощи двадцати двух кусков сахара показывал Мэвис прошлогоднюю игру

армейской команды с флотской. Видел он и то, как сияли ее глаза, когда соответствующий кусок прокладывал себе дорогу под крики многотысячной толпы.

— Или решали бы кроссворд. Вязали бы, в конце концов! Или…

Она не закончила фразы, зато вскрикнула, равно как и Фредди. Он к тому же вскочил и застыл, словно статуя, заказанная почитателями. Дело в том, что за дверью послышался смех, потом дверь открылась, и вошла Кейт, за ней — маркиз, а за ним — сухонький человечек в пенсне, судя по виду — английский чиновник.

5

Против ожиданий, Кейт прекрасно провела вечер. Поначалу миссис Пеглер расстроилась из-за Терри, но потом все пошло замечательно. Маркиз, ее сосед по столу, оказался исключительно приятным. Что-что, а это он умел, когда надо было кого-нибудь умаслить. Домой, в отель, их вез сэр Перси Бент, действительно — крупный чиновник, и сейчас, за дверью, Кейт смеялась какой-то его шутке.

Однако при виде гостя смех замер с тем булькающим звуком, с каким уходит из ванны последняя вода. Секунду-другую, окаменев, Кейт смотрела на пижаму, на взлохмаченные волосы и на виноватое лицо, потом перевела взгляд на Терри и, не найдя слов, направилась в свою комнату. Сестра покорно пошла следом; и дверь за ними закрылась.

Удивился и маркиз, но он давно привык к деликатным ситуациям.

— А, Мяч! — заметил он. — Еще не спите? Вы не знакомы с сэром Перси? Сэр Перси Бент — мистер Карпентер.

— Очень приятно…

— Мистер Карпентер практически владеет «Фиццо». Наверное, вы пьете эту воду?

— О, да! — Сэр Перси с уважением посмотрел на Фредди. — На ночь, с капелькой виски. Жена предпочитает с лимоном. Кстати, о женах, мы спугнули нашу очаровательную хозяйку…

— Кого-кого? — спросил Фредди, не отличавшийся быстротой ума.

— Вашу супругу, — пояснил сэр Перси, указывая на закрытую дверь.

— Мы не женаты, — сообщил Фредди, и гость подскочил, со свистом втянув воздух. Он знал, что французские курорты славятся легкостью нравов, но не до такой же степени! Побледнел он так, что даже Фредди очнулся и поспешил рассказать про взломщика.

Слушали его плохо, что там — все хуже и хуже. Он и сам понимал, что получается неубедительно. Кончил он уныло, чем подтвердил худшие опасения гостя.

— Так-так… — сказал сэр Перси. — Что ж, мне пора. Голос его был холоднее льдинок в бокале, взор — точно таким, словно он застал Фредди за кражей важнейшего документа. После его ухода несчастный рыцарь не мог опомниться, пока не расслышал, что маркиз что-то ему говорит.

— Ну, Мяч! Это, знаете ли…

— А?

— Получше ничего не могли придумать?

— Э?

— Взломщик! Драка в темноте! Слабо, мой друг, слабо.

— Да я правда дрался со взломщиком!

— М-дэ…

— Дал ему в ухо, и он ушел.

— Гм-м…

— Что значит «Гм»? Нет, что значит «Гм»?!

— То, мой мальчик, что я вам не верю. Где следы борьбы?

— Я все убрал.

— Гм-м…

— Ну вот, опять! Сказано вам, *дрался.*

— М-дэ…

— Ой, не могу! Да прекратите вы…

— Хотел бы я это прекратить! Но вряд ли сумею. Сэр Перси немедленно начнет рассказывать, что он тут видел.

Фредди подпрыгнул, словно лосось в брачный сезон.

— Немедленно?

— Да. И позже тоже, днем и ночью. Ему недель на пять хватит.

— А, черт! — Фредди закрыл лицо руками. Он не страдал так с той поры, когда, болея за добрый старый Принстон, получил сполна от мастодонтов, болевших за добрый старый Йейл. — Надо бы мне послушаться этого типа.

— Месье Тип? Кто это?

— Да нет, просто один субъект. Здешний сыщик. Он тут был.

Маркиз горестно охнул.

— Вас видел agent d'hotel? Здесь, в этой комнате?

— Нет, в ванной.

— Ну, знаете! — маркиз буквально задохнулся. — Так. Все ясно. Остается одно. Немедленно подайте объявление о помолвке с мисс Трент!

— Что?!

— Я непонятно выражаюсь? — холодно осведомился маркиз.

— Да я хочу жениться на Мэвис!

— Мой мальчик, мало ли чего вы хотите! Существует *долг*, — сообщил маркиз, знавший о долге по слухам. — Даму компрометировать нельзя. Какой позор!

— Да, Господи…

— У человека чести выбора нет.

Фредди погрузился в отчаяние, а маркиз смотрел на него, как смотрят на шарик, бегущий по рулетке. Многое зависело от того, что будет, — свобода любимого сына, благополучие девицы, к которой он сразу почувствовал отеческую нежность…

Века сменялись веками. Наконец, когда Фредди поднял взор, лицо его явственно перекосилось.

— Ладно, — сказал он.

— Молодец, — одобрил маркиз и пошел звонить в парижскую редакцию «Нью-Йорк Геролд Трибьюн».

Только он исчез, появилась Терри. Вид у нее был такой, словно она прошла сквозь бурю, что, собственно, и случилось. Кейт умела бранить сестер, но этой ночью превзошла себя.

— Ой, Мя-ач! — сказана Терри. — Вы еще здесь? Я думала, давно ушли.

— Нет, не ушел. С маркизом разговаривал. Знаете что?

— Откуда же?

— А я сейчас скажу. Все в порядке.

— Очень рада. Убедите в этом Кейт.

— Мы с вами поженимся.

— Что вы! Зачем?

— Вы пойдете за меня?

— Нет.

— А этот Мафринюс очень советует.

— Не его собачье дело.

— Позор, говорит.

— Ну и пусть. Спасибо вам, Мяч, вы истинный рыцарь, но обо мне не беспокойтесь. Между нами говоря, я и так выхожу замуж.

— Нет, правда?

— Вроде бы, да.

— То есть, вы кого-то любите?

— Именно.

— Джефа? — догадался Фредди.

— Еще одно очко. Фредди заулыбался.

— Это хорошо. Он — ух, какой парень!

— И я так думаю.

— Правда, француз, — огорчился честный Фредди. — Ничего не попишешь. Хотя у него мать американка!

— Тогда все в порядке, — сказала Терри. — Ну, Мяч, катитесь к себе. Спасибо за помощь. Привет Змеюке.

Именно в этот миг появилась Кейт, подобная Саре Сиддонс[124] в роли леди Макбет, и Фредди юркнул на балкон, пробормотав что-то вроде «Спокононочи». Постояв немного на фоне летнего неба, он исчез, словно кошка в саду, поскольку при всей своей смелости эту особу боялся. Она воздействовала на него точно так же, как на Питера Уимза из юридической конторы «Келли, Дубински, Уикс, Уимз и Бэссинджер».

— Та-ак! — проговорила Кейт.

— Ты удивилась, что он еще здесь? — спросила Терри. — Ничего. Он ждал, чтобы сделать мне предложение.

— О! — воскликнула Кейт. Мы преувеличим если скажем, что лицо ее смягчилось, но все же ей явно стало легче. — Да, это лучше всего.

— А я ему отказала.

— Что!

— Он очень милый, но я за него не выйду.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Значит, ты сошла с ума. Неужели тебе неясно…

— Ой, хватит!

— Да что с тобой говорить! Терри охватило раскаяние.

— Ну, прости меня! Я не хотела тебя обидеть. Просто нервы сдали. Я какая-то взвинченная.

— И *грубая*. Что ж, пойду лягу. А, забыла! — Кейт открыла сумочку. — Когда я брала ключи, мне дали записку. Спокойной ночи.

6

Когда еду и вина заказывает маркиз Мофриньез-э-Валери-Моберран, гости, вернувшись домой, часто нуждаются в соде. Случилось это и с Кейт. Вскоре она вернулась, гордая и скорбная, и надменно произнесла:

— Соды нету?

Терри не ответила. Она что-то писала.

— Нету ли у нас соды? — повторила сестра.

Терри обернулась. Лицо у нее было бледное, глаза — какие-то темные.

— Есть. В ванной.

— Спасибо. Они помолчали.

— Ты ляжешь когда-нибудь? — спросила Кейт.

— Вот только допишу.

— А кому ты пишешь? — по-прежнему гордо, но не без любопытства осведомилась Кейт.

— Фредди. Можешь оставить утром у портье. Так, записка. Принимаю предложение.

— Что?! Значит, ты видишь, что я права?

— Ты всегда права, и с Джефом тоже. Ты сказала, что я получу любезное письмо — занят, то-се, деловая встреча. Вот оно, пожалуйста. Прочти, если хочешь, — сказала Терри и, горько плача, кинулась на тахту.

— Ой, дорогая! — запричитала Кейт, обнимая ее покрепче. — Ой, моя миленькая!

Глава VIII

1

Трапеза с издателем превзошла все ожидания. Начиная с мартини, она струилась, как бриз. Именно такие трапезы запечатлеваются на пленке памяти, когда с нее стерся даже вчерашний день.

Джеф, как все мы, нередко сомневался в том, что человек — венец мироздания. На эту мысль его наводили немецкие солдаты и консьерж в его доме. Однако сейчас, глядя на Клаттербака, он понимал, что заблуждался. Род человеческий, в сущности, неплох. Если он произвел на свет это дивное создание, он вправе похлопать себя по груди и лихо надеть шляпу набок.

Да, ничего не скажешь, телесно этот ангел не достиг идеала. Обычно издатели тощают от общения с авторами, он же — раздался во все стороны и благодаря круглому лицу, круглым глазам и круглым очкам походил на сову, отдавшую должное полевкам. Ближних он превосходил не внешностью, а речью.

Поначалу, надо признаться, и здесь он ничем не блистал, ибо за коктейлями говорил о том, как хорошо без жены в Париже. Конечно, заверил он, она — лучшая из женщин, но не всегда его понимает. Скажем, трудно внушить ей, что человек умственного труда должен время от времени развлекаться, иначе у него будет язва. Примерно это слышал Джеф и от Честера Тодда.

Предупредив, что он ни в малой мере не сидит на диете, Клаттербак заказал внушительный ланч и развил свою тему, выражая признательность Промыслу, подсунувшему любимой супруге простейшую корь. Однако когда официант привез бифштекс с жареной картошкой, он перешел к делу, представ перед Джефом во всем своем очаровании.

— Так вот, эта ваша книжка, — сказал Клаттербак, впиваясь в мясо вилкой и зубами. — Поразительно! Где вы научились так писать по-английски? И не подумаешь, что француз.

— Я наполовину американец. Оба языка мне родные.

— И про Америку пишете, как будто там долго жили.

— А я и жил. Отец женился, мы с мачехой не ладили, и я туда уехал на несколько лет. Чего я только ни делал! И водой торговал, и на ранчо

вкалывал, и бродил с другом по пустыне… Ну, всякое бывало. К началу войны я служил официантом в нью-йоркском отеле.

— В каком?

— «Бербадж».

— Бывал там, бывал. Кормят хорошо, но мало. А потом вы проливали кровь за Францию?

— Именно. Вообще-то я немного пролил. Мог и больше.

— Не были в этих, как их, маки?

— Был.

— Тяжело, а?

— Нелегко.

— Кормят плохо, я думаю.

— Да, не особенно.

— Ах, как я вас понимаю! Вот, посудите. У меня домик в таком Бенсонбурге, на Лонг-Айленде. Сидим мы как-то в воскресенье, пьем коктейль, тут заходит кухарка и сообщает, что соседский дог съел баранье жаркое, когда она отвернулась. Представляете? Мясная лавка — в Уэстхемптоне, это шесть миль, и вообще закрыта по воскресеньям. Пришлось обойтись яйцами. Я съел штук пять, ну, шесть, с беконом, закусил сыром, пирогом… Ничего, выжил, но не дай Бог опять так влипнуть! Эй, гарсон! Анкор[125] картошки фри. Да, боец Сопротивления, это вам не кот начхал. Очень хорошо для суперобложки.

Джеф подавился. На Клаттербека он смотрел так, как месье Легондю — на светящуюся фигуру, посоветовавшую ударить топором месье де ла Урмери.

— Простите, вы не скажете это еще раз? — спросил он.

— Про картошку?

— Нет, про суперобложку. Вы ведь о ней говорили?

— Говорил.

— Значит, вы хотите издать мою книгу?

— Естественно, — отвечал Клаттербак, совершенно уподобляясь сияющей фигуре. — Именно такие книги я люблю. Веселая — раз. Забавная — два. Смелая — три, но, заметьте, не переходит предела. Напоминает Ивлина Во. А главное, нормальные люди, которых видишь каждый день, а не эти чертовы издольщики, которых терзают в Алабаме, что ли. Если бы вы знали, — прибавил издатель, печально подкладывая себе картошки, — сколько мне приходится про них читать!

— Страдают, да?

— Как нанятые. А не крестьяне, так дети-калеки. Вот, послушайте,

такой сюжет, читал в самолете. Незаконный ребенок — калека, естественно — живет у злого отчима. Тот шестнадцать страниц его лупцует, а потом убивает мамашу. Не свою, этого типуса. Типус сходит с ума и умирает в поле. Отчим вешается, настоящий отец стреляется. Сколько трупов?

— Вроде четыре.

— Неужели так мало? Ну, вам видней. Одна девица обожгла лицо, а ребенок — не тот, уже другой, попал под автобус, обе ноги отрезали. Любой аппетит отобьет! — вскричал Клаттербак, кромсая бифштекс, как сэр Галахад кромсал врагов. — А тут ваша книжка. Кстати, вы ее мне прямо прислали, значит, у вас нет агента. Это хорошо. — Тут он отвлекся, сравнив этих субъектов с покойным Джесси Джеймсом[126] и особо описав одного из них, чьи нравственные правила неприятно удивили бы команду пиратского корабля. — Наверное, вы думали, чего мы так долго молчим. Дело в том, что я встречался с теми-семи.

— С теми-семи?

— Ну, журналы там, студии, карманные серии. Очень заинтересовались. Да уж, сразу взяли на заметку. Когда я сказал, что мы надеемся продать 100 000…

Зал завертелся и взлетел, как Нижинский.[127] Когда он вернулся на пол, Джеф переспросил:

— Вы им сказали, что надеетесь продать 100 000?

— Мы всегда так говорим, — пояснил Клаттербак, вводя его в тайны издательского дела.

2

Сердечно попрощавшись, Джеф расстался с издателем в 7 часов утра. Конечно, ланч не занял столько времени, но он перешел в обед, продолжился ночным обзором Монмартра и завершился на рынке миской лукового супа. Словом, Джеф вышел из машины в начале одиннадцатого и пошел к себе отоспаться.

Почти сразу после этого из отеля вышла Кейт. Несмотря на соду, она не очень хорошо себя чувствовала и решила подышать морским воздухом. Записку для Фредди она оставила у портье и направилась по Promenade des Anglais.

Утро стояло прекрасное, дул ветерок, сияло солнце, и Ровиль был в

лучшем виде. Толстые мужчины плескались у берега или лежали на пляже, намазанные маслом, обретавшим мерзкий бурый оттенок. Кейт быстро полегчало. Через час, вернувшись в номер, она и чувствовала себя, и выглядела лучше, а потому весело окликнула сестру:

— Терри!

— Да?

— Я отдала записку портье. Мистер Карпентер получит ее после ланча. Он играет в гольф. — Она заглянула в дверь. — Что ты делаешь?

— Складываю вещи.

— Вещи?

— Мы улетаем следующим рейсом. Я, во всяком случае. j Кейт засопела.

— И я, конечно! С большим удовольствием. Хватит с меня этой Европы. А вот ты… Не слишком ли ты спешишь?

— Спешу, это да, — отвечала Терри.

— Как же мистер Карпентер? — спросила Кейт.

— А что с ним?

— Он не удивится?

— Нет, я ему написала.

— Еще одну записку?

— Да. Пойду мимо портье, оставлю. Кейт фыркнула.

— Ты прямо министерство иностранных дел! Только и шлешь ноты. А что там сказано?

— Что я за него не выйду. Подумала, знаешь, и решила — нет, не могу.

Кейт и засопела, и фыркнула. Ее особенно раздражали люди, которые вечно передумывают. Кто-кто, а она решений не меняла.

— Ну, что это! — сказала она. — Вчера ты отвергла предложение. Потом написала, что принимаешь. Теперь пишешь, что нет. Честное слово, мне его жалко. Он совсем запутается.

3

Запутался и Честер Тодд. Примерно в час он сидел у казино, хрупкий, слабый. Ему всегда было плохо после кутежей, а тут он кутил два вечера, позавчера — с одними американцами. Теперь он удивлялся, с какой стати пригласил позавтракать тетку, тогда как надо было предаться одиночеству и покою.

Миссис Пеглер тоже не сверкала. Она только что беседовала по телефону с Бюиссонадом (вчера он скрывался из-за глаза) и узнала о провале. Мало того, он был с ней довольно груб.

Тем самым, беседа шла вяло. После затянувшегося молчания Честер воскликнул:

— Вот это да! — И схватился за голову, чтобы не лопнула. — Какая девица!

Речь шла о Терри. Чтобы зарезервировать авиабилет, надо, если ты в Ровиле, пойти в офис, а чтобы в него пойти — пересечь террасу. Следуя за взглядом племянника, миссис Пеглер всмотрелась в предмет его интереса.

— Если, — заметила она, — тебе нравятся конфетные барышни…

— Ну, ты скажешь! — возмутился Честер. — Конфетная, ха-ха! Красота в чистом виде. Кто ж это такая? Вроде бы ее видел…

— Некая мисс Трент, — отвечала тетя.

— Ты с ней знакома?

— Немного. Фредерик ее видел в Сэн-Роке.

— Я тоже видел в Сэн-Роке девицу по фамилии Трент. Как-то мы ужинали с ней, Джейн и Фредди. Наверное, родственница.

— По-моему, у *этой* родственников нет. Только сестра в Америке.

— Странно. Я ее несомненно видел. Где же?

— Неужели это важно?

— Да нет… — вяло согласился племянник, и беседа угасла. Миссис Пеглер враждебно размышляла о месье Бюиссонаде, Честер Тодд думал о том, как вынесет этот мерзкий ланч. Увидев через несколько минут свою сестру Мэвис в сопровождении Фредди, он испытал чувства, которые испытывают после кораблекрушения, заметив парус. Фредди он вообще любил, но сейчас ему особенно радовался и приветствовал с таким восторгом, что измученная голова чуть не отлетела.

— Мяч! — возликовал он.

— Хо-хо! — откликнулся Фредди.

— Как сыграл?

— Лихо.

— Я захватил твою почту.

— Молодец.

— Так и знал, что тебя увижу. Закусим, а?

— Мы с Мэвис собирались пойти в «Мирамар».

— Чушь какая! — твердо сказал Честер, готовый втащить Друга в ресторан, только бы не завтракать с тетей. — «Мирамар», скажешь тоже! Здесь и сейчас.

— Ну, если ты хочешь, — согласился добрый Фредди. — Вы не против, дорогая?

— Конечно, нет! — отвечала привыкшая к немногословию Мэвис.

Однако за столом Честер порядком разочаровался. Он полагал, что Фредди заметно оживит общество хотя бы рассказами о гольфе; но тот почему-то молчал, возлагая бремя беседы на несчастного друга, которому хотелось откинуться в кресле и размышлять.

Вдруг все изменилось. Миссис Пеглер, вернувшись к жизни, осудила суету и гонку. Возьмем, к примеру, ее доброго приятеля, сэра Перси Бента. Уж как она его уговаривала провести здесь остаток отпуска — но нет, куда-то едет на машине. Хочет, видите ли, посмотреть страну!

Тут Фредди, отрешенно крошивший хлеб, внезапно встрепенулся:

— Уехал он?

— Да. Вчера, после завтрака.

— А… — Фредди закашлялся, словно что-то попало ему в горло. — Он *ничего* не говорил?

— В каком смысле?

— Ну, про меня?

— С чего ему о тебе говорить?

— Да так, случайно.

— Он тут провел один день и тебя не видел. Странно, что ты им интересуешься.

— Кто ж его не знает! — вскричал Фредди и, заметно изменившись, стал подробно и красочно описывать свою игру.

Уже подали кофе, и Честер, понимая, что хозяин не вправе оставлять гостей, все-таки решился встать и уйти, очень уж эти гости разгулялись. Предлог у него был такой: надо купить «Нью-Йорк Геролд Трибьюн», парижский выпуск, что там пишут про концерт.

Не успел он скрыться, Фредди снова закашлялся.

— Э-э, миссис Пеглер, — проговорил он, бросая отчаянный взгляд на Мэвис, но та осталась верна своим траппистским навыкам.

— Э-э, миссис Пеглер, — продолжал Фредди, — не уделите ли минутку?

— Да, Фредерик?

Отхлебнув бренди, страдалец собрался с мыслями.

— Вы, часом, не знаете пятнадцатую лунку?

— Я не играю в гольф.

— Да? Ну, такая лунка, очень обманчивая. Ведешь прямо — ничего, а скользнешь — все, конец, скатится вправо, там всякие заросли. Ну, я

провел чин-чином, а Мэвис угодила в эти заросли. Стали мы искать ее шар, сами понимаете, то-се, беседуем, и я… Под сосной, верно?

— Да, Фредди, — признала Мэвис.

— Значит, под сосной, — тут Фредди покраснел, — я сделал предложение. Ну, Мэвис, то-се… в общем, согласилась.

Он помолчал, и не без значения. Робкий по природе, он не был уверен, что миссис Пеглер хочет для племянницы жениха, который, конечно, не последний человек в футболе, но в сборную не вошел. Однако, к его удивлению и радости, она не наставила на него лорнет, а расплылась в улыбках.

— Надеюсь, вы не огорчены? — предположил он.

— Ну, что вы!

Он все же решил напомнить о хорошей стороне дела.

— Вот, вы теряете племянницу, но получаете племянника.

— И точно такого, как хотела!

— Нет, правда?

— Еще бы!

— Это хорошо. Что там, это очень хорошо. Это просто замечательно. А то я боялся, при *таком* дяде Мэвис себя продешевила. Я ведь кто?

— Вы прекрасный человек, дорогой Фредди! Мэвис будет с вами очень и очень счастлива.

— Да, тетя, — согласилась Мэвис.

Миссис Пеглер поцеловала Фредди, который испугался, конечно, но сохранил похвальную стойкость.

— Я так на это надеялась! — пояснила она. — Сегодня — счастливый день. Пойду-ка брошу кости. Вы не обидитесь, что я вас оставляю?

— Нет, тетя, — сказала Мэвис.

— Нет, что вы! — вскричал Фредди с неподдельной радостью. — Идите, обдерите этих лягушек.

Чтобы ободрать лягушек, надо запастись припасами. Миссис Пеглер пошла в caisse[128] и поменяла чек на 500 000 франков. Засовывая деньги в сумку, она заметила у самого локтя своего племянника.

— Честер, — сообщила она, — какая новость! Мэвис выходит замуж.

— Правда? — откликнулся Честер. — Какое совпадение! И Фредди тоже.

— Ну, конечно.

Честер рассердился. У него еще болела голова.

— Почему «конечно»? Нет, почему «конечно»? Совпадение. А кто этот субъект?

Миссис Пеглер решила, что он шутит, и натужно улыбнулась, ибо, как и мудрецы, считала: «Смейся слабым шуткам, хорошие и сами управятся».

— Какой ты глупый, Честер! — сказала она. — Фредерик, кто ж еще.

Честер покачал головой, что было глупо, она едва не раскололась.

— Прости, — возразил он, когда стало полегче, — но и ты не так уж умна. Фредди женится на мисс Трент, которую мы видели на террасе. Вот, в газете. — Он ткнул пальцем в первую страницу. — Посмотри сама.

Глава IX

1

Некоторые удары, подобно каталепсии, лишают человека возможности говорить и двигаться. Когда племянник удалился в той мечтательной манере, которая свойственна молодым людям с перепоя, тетя, словно Лотова жена,[129] пребывала в виде соли. Потом, нервно отряхнувшись, пошла объясняться с Фредди.

По дороге она встретила Мэвис. Сияющая жертва, не ведающая о своем горе, исторгла бы из нее жалость, если бы это было возможно, а так, она попыхтела.

— Где Фредерик? — глухо спросила она. — В ресторане?

— Нет, тетя, — отвечала Мэвис и с непривычной пространностью объяснила, что идет на минутку в отель, а жених ее сидит в баре, просматривает письма.

Он их как раз просмотрел, когда миссис Пеглер застала его над первой запиской Терри. Горестно распластавшись в кресле, он смотрел вдаль невидящим взором. Миссис Пеглер присела рядом, но он едва видел ее сквозь туман.

— Вот что, Фредерик, — сказала она, прожигая его взглядом. — Что-это-значит? Не откажитесь от объяснений.

Немного очухавшись, он понял, что и ему очень нужно объяснить все как есть понимающему человеку. Как бывает всегда в таких случаях, трудно было одно — с чего начать.

— Это про Терри Трент? — проверил он.

— Вот именно.

— Она хочет за меня выйти.

— Так я и думала.

— А я — нет. Прямо удивляюсь. В первый раз она отказала. Миссис Пеглер подавила желание избить его сумкой до консистенции желе и поставила сумку в угол, от греха подальше.

— Значит, вы делали ей предложение?

— Конечно.

— Вы предлагаете руку всем подряд?

— Ой, Господи, нет! Тут особый случай. Понимаете…

— Нет, не понимаю.

— Дело было так…

Не все одарены красноречием, тем более — Фредерик. Рассказ его был темен и запутан, так что миссис Пеглер не разобралась в том, что Келли, Дубински, Уикс, Уимз и Бэссинджер назвали бы minutiae.[130]

— Ничего не поняла!

— Не поняли?

— Конечно. — Она пылко посопела. — Ни единого слова. Почему вы просили эту особу выйти за вас замуж?

— Мафринюз посоветовал.

Миссис Пеглер взвилась, словно загарпуненный кит. Да-да, несомненно, это — козни ее бывшего мужа! Они с этой особой составили заговор, достойный Макиавелли. Сколько раз за годы, проведенные с Никола Жюлем Сэн-Ксавье Огюстом она могла уронить на него тяжелый предмет! Поистине, нет слов печальнее, чем «могло б случиться»…

— Значит, он там был? — сказала она, легко лязгнув зубами. Скрежетать она не скрежетала, но все же и не без того.

— Конечно, — ответил Фредди. — Я же говорил! Пришел с этим Бентом, потом тот ушел, а маркиз и начал — позор, то-се, честный человек, должен жениться… Вроде сказал про эту noblesse, но точно не помню. Ну, я его понимаю. Сидишь с ней один, в пижаме…

— В *пижаме?*

— Ага. Вообще-то я уже лег, а тут она зовет. Короче, это, предложил я ей руку, она отказала, ну, я на радостях и объяснился с Мэвис. И вдруг получаю записку: «Отказ не считается». Положение, а? — Фредди покачал огненной головой. — Да, ничего не скажешь, положеньице! А как вы-то узнали?

— Прочитала в газете.

— В *газете!*

— Да. В сегодняшнем выпуске «Парис Геролд Трибьюн».

— А, черт!

— Понять не могу, кто это напечатал.

— А я могу! Маркиз им позвонил. Что же мне делать?

— Вы хотите жениться на Мэвис?

— Еще как!

Миссис Пеглер хранила спокойствие. Оно отдавало холодом, но это лучше истерики. Чтобы не сорваться, она встала и направилась к рулетке.

— А делать вам надо вот что, — сказала она. — Откупиться. Если бы, поддавшись первому порыву, она стукнула его сумкой, он вряд ли был бы больше потрясен. Как замечал маркиз сыну, Фредди, подобно многим богачам, страдал прижимистостью. Да, он мог откупиться от сотни обманутых девиц, но что с того?

— Вы думаете, — спросил он, — она подаст в суд?

— Конечно.

— Такая хорошая девушка?

Спокойствие миссис Пеглер дало небольшую трещину.

— Какая ерунда! Нет, вы уж скажете! Да она обычная авантюристка, они с этим гадом все подстроили.

Фредди не совсем понял.

— С каким гадом?

Миссис Пеглер объяснила, что речь идет о маркизе де Мофриньезе-э-Валери-Моберан.

— Сговорились заранее. Она выдумала про взломщика…

— Так он же был! Я его сам ударил. Миссис Пеглер нервно отмахнулась.

— Неважно! Этот гад подстроил все так, что вы должны выплатить ей кучу денег. Сами знаете, как относятся присяжные к богатым людям. В общем, копите денежки, много понадобится. — И с этими словами она ушла туда, где аргентинцы, португальцы и греки, стиснув зубы, горя глазами, собрались у зеленого стола, ожидая, когда крупье начнет игру.

Через две минуты в бар вошел маркиз.

2

Угостившись в «Сплендиде» (ибо он мог, подписав счет, надеяться на Карпентера), Никола де Мофриньез явился посмотреть на игру. Было время, он играл и сам, но как-то разочаровался. Теперь его больше привлекала сигара и, собственно, за ней он и пришел.

Заметив Фредди, он подсел к его столику.

— Добрый день, мой мальчик, — сказал он, со вкусом пуская дым.

Фредди глядел на него искоса. До сих пор этот Мофринюз ему нравился и изысканным вкусом, и складностью речи; но теперь он глядел на него глазами миссис Пеглер и видел гада, науськивающего девушек на честных миллионеров. Тем самым, ответил он сухо.

— Гм! — произнес он, выражая этим странным звуком презрение, омерзение, гадливость и праведный гнев.

Маркиз ничего не заметил и выпустил красивое кольцо дыма.

— Глядел вот газету, — сказал он. — Быстро реагируют! Что ж, поздравляю и завидую. Прелестная девушка!

Фредди не решился заметить, что девушек, собственно, две, так что ему придется выбирать между двоеженством и судом; а потому промолчал.

— Да и ей повезло, — продолжал маркиз. — Какого бобра убила! Красив, благороден, богат, а главное — щедр. Вот именно, щедр. Немногие откликнулись бы так на мою просьбу. Я навеки в долгу…

— О чем это вы?

— Да о зонтичном клубе! Вы же даете на него деньги.

— На *что* даю?..

Маркиз наконец подметил что-то странное. Поистине, могло показаться, что широкий, добрый Карпентер превратился в какого-то прижимистого субъекта. Не захочешь, а испугаешься. Во всяком случае, огорчишься.

— Несколько дней назад, — не без тревоги напомнил он, — вы мне обещали…

— А теперь передумал.

Маркиз пошатнулся. Нелегко пошатнуться, сидя в кресле, но ему это удалось.

— Передумали?!

Фредди горько засмеялся. Маркиз давно не слышал таких противных звуков.

— Конечно. Что я, дурак? При таких расходах…

Он резко встал, решив пройтись по Promenade des Anglais. Может быть, полегчает, а главное — он избавится от всяких пресмыкающихся. Ну их совсем, этих гадов, думал он.

Страдал и самый гад. Его было нелегко выбить из седла, но тут он утратил всю свою бойкость. Рука его дрожала, словно камертон, а когда за спиной раздался голос, маркиз так подскочил, что чуть не выронил сигару. Обернувшись, он увидел Мэвис. Она блаженно улыбалась, что немало удивило маркиза.

Галантно вскочив с места, он задел что-то ногой и увидел, что это —

знакомая сумка его бывшей жены. Почему она лежит на полу, он не понял, но гадать не стал, поскольку Мэвис спросила:

— Вы не видели Фредди?

Кого-кого, а Фредди он видел, и потому опять задрожал.

— Только что ушел, — ответил он и заметил, что Мэвис как-то странно изменилась. Через секунду-другую он понял, что это — смущение. Щеки ее заалели, туфелька выписывала по ковру замысловатые узоры.

— Он вам сказал?

— Сказал?

— Да. Что мы обручились.

— Об-ру-чи-лись?!

— Да.

— Вы — с ним? С Фредди?

— Да.

Маркиз испытал к Мячу невольное уважение. Конечно, есть у него недостатки, но — прыток, прыток!

— Поздравляю! — воскликнул он, подавляя легкую дурноту. — Очень рад! Желаю счастья!

— Спасибо.

— Великое событие!

— О, да.

— Наверное, ног под собой не чуете?

— Не чую, — кивнула Мэвис и, радостно улыбнувшись, двинулась к двери.

Маркиз никак не мог бы сказать того же о себе. Кроме ног, он ощущал и сумку. На сей раз он поднял ее и рассеянно осмотрел.

Трудно рассматривать рассеянно сумку, в которой, судя по объему, лежит полмиллиона франков. Жену свою маркиз знал и помнил, что в казино она, как правило, дочиста обирает соперников.

Он опустился в кресло и пощупал подбородок. Не в силах отогнать настойчивую мысль, он открыл сумку, заглянул в нее — и тут у самого локтя появился искуситель.

— Я бы, — сказал искуситель, — не колебался.

— Да? — переспросил маркиз.

— Без всяких сомнений. Тебе нужны деньги на зонтичный клуб, Фредди их не даст, а значит…

— Резонно, резонно.

— И вообще, ты берешь их в долг. Пойдет дело с клубом, отдашь. А так, она все равно их потратит.

— Это верно.

— Ты ее, собственно, спасешь.

— Именно, именно.

— Можешь ли ты их взять? Да, можешь. Тебя никто не заподозрит. Ну, посуди: женщина оставляет сумку в баре казино. Тут бывают сотни людей.

— Да-да, ты прав.

— Конечно, я прав. И вот что, сунь деньги в карманы, а сумку положи за подушку. Вопросы есть?

— Нет, — отвечал маркиз.

Через мгновение он шел к выходу, карманы у него раздувались. В дверях он встретил Фредди.

— А, Мяч!.. — рассеянно промолвил он.

Фредди обдал его холодным взглядом, которым смотрят на гадов, если ты их не любишь, а они говорят тебе: «А, Мяч!»

3

Оказавшись на Promenade, Фредди внезапно вспомнил, что забыл на столике письма, и поспешил взять их. Он не хотел, чтобы все их читали.

Сунув письма в карман, он перечитал записку Терри с тем нездоровым чувством, какое велело жрецам Ваала утыкать себя ножами.

И записка, и вызванные ею мысли оставались прежними. Как ему показалось, что в него угодила водородная бомба, так казалось и теперь.

Нужна немалая сила духа, чтобы, обручившись с девицей, легко отнестись к еще одному обручению. Конечно, Бригем Янг[131] или там Генрих VIII[132] и ухом бы не повели, а вот от Фредди осталась только тень.

Быстро перебрав в уме соответствующие иски, он припомнил, что Арчи Биклс потерял 2000 долларов, равно как и Тодди ван — ну, этот. А по сравнению с ним Арчи и Тодди были практически нищими. Спасибо, если судьи не сдерут с него полмиллиона.

Именно в этот миг он увидел сквозь ту же мглу, какая скрывала недавно миссис Пеглер, мальчика в фельдмаршальской форме.

— Мсье Карпантэр? — осведомился мальчик.

Мгла немного поредела, и Фредди заметил, что дитя протягивает ему какой-то подносик. На нем лежал конверт, на конверте красовалось его имя. Он уныло открыл письмо, увидел первые слова, и зал залили

сладчайшие звуки. Судя по всему, пели и ангелы, приятными звонкими голосами.

Поглядев на мальчика, он улыбнулся ему, охваченный нежностью. Ему захотелось спросить, как его зовут, какую кинозвезду он особенно любит и надеется ли в свое время стать президентом. Все это было невыполнимо из-за плодов Вавилонской башни, однако замена нашлась. Широко улыбаясь, он положил на подносик тысячу франков, и фельдмаршал Руритании[133] рассыпался в бурных и непонятных благодарностях. Фредди же, перечитав записку, возвел очи к небу.

Между ним и небом, у бара, стояла Терри, беседуя с барменом.

— Эй! — заорал Фредди во всю силу.

Терри и бармен беседовали о сэндвичах и молоке. Купив билеты и взяв из банка деньги, прекрасная американка испытала чувство, вызванное отчасти тем, что хищные птицы вообще разгулялись в этот день, терзая всем внутренности, отчасти же — тем, что она не ела с утра. Сердце ее было разбито, ничего не скажешь, но здоровые девушки в два-три часа дня все равно стремятся к сэндвичу. Тут бармен ее прекрасно понял, а вот насчет молока никак не мог поверить.

Крик Фредди удивил их обоих. Терри обернулась, нехотя двинулась к столику и села в то самое кресло, которое недавно почтил маркиз. Бармен, довольный тем, что не надо слушать всяких шуток о молоке, принялся протирать бокалы.

— Привет, — сказал Фредди. — Ничего денек.

— Дело вкуса, — ответила Терри.

— Прочитал вот вашу записку.

— Какую? Вторую?

— Ага. Что вы за меня не выйдете.

— Вы уж меня простите, — сказала Терри.

— Ничего-ничего, — радостно откликнулся Фредди. — Я женюсь на Мэвис.

— Правда?

— А то! Прямо так и предложил, у пятнадцатой лунки.

— Ну, Фредди, я очень рада!

— И я тоже. Вы больше ничего не писали?

— В каком смысле?

— Да мне. Что вы опять передумали.

Терри немного развеселилась. Ее всегда развлекали беседы с Фредди.

— Нет-нет. Полный конец.

— Это хорошо, — признал Фредди. — Сами понимаете, трудно

жениться на двоих.

— Да уж, нелегко. Очень страдали?

— Хуже некуда. Ладно, не будем об этом говорить. Только одного я не понял — на что я вам нужен?

— Ну, Фредди, вы такой душенька!

— Может быть, но вы же любите Джефа.

Терри, как и миссис Пеглер, захотелось ударить его сумкой, но, как и миссис Пеглер, она себя обуздала.

— Когда вы станете старше, — кротко сказала она, — вы узнаете, что бывает несчастная любовь. Как говорится, безответная. Понимаете, у меня нет денег.

— Э?

— Ну, капля какая-то. Отец писал пьесы, одну вдруг вспомнили и поставили на телевидении. Я получила две тысячи долларов и решила их потратить в Мекке высшего света.

— Это где?

— Справочники для туристов именуют ее Ровилем, жемчужиной Пикардии и вот этой Меккой. И откуда они берут такие выражения? Со стен и заборов?

Фредди никак не мог переварить новость.

— Я думал, вы в золоте купаетесь.

— И Джеф так думал. А узнал, что нет, — сбежал, как кролик.

— То есть уехал?

— Он пригласил меня в ресторан, а потом прислал записку, что все отменяется. Вызвали по делу. Когда вернется — не знает. То есть не вернется.

Фредди мыслил неспешно и не сразу понял, что тут неверно. Что-то не так, это ясно, — но что? Наконец он догадался:

— Нет, он вернется. Он взял мою машину.

— Машину взял?

— Именно. Зашел ко мне и сказал, что у него встреча в Париже, с издателем. И попросил машину. Я, конечно, дал. Вот что! Пойду, посмотрю, на месте она или нет.

Он умчался, стремясь помочь, и что-то сдвинулось у Терри в сердце — не надежда, а так, слабое упование. Раздувать его она не хотела, как тогда, с телевизионными правами. Чем больше понадеешься, тем горше разочаруешься. Чтобы отвлечься, она направилась к бару и, кроме сэндвичей, спросила бренди с содовой, чтобы подкрепиться. Бармен с облегчением потянулся за бутылкой, потом поставил ее на поднос, и Терри

вернулась к столику.

Если вы сидите в кресле, где французский маркиз спрятал сумку, вы рань или поздно ощутите какую-то помеху. Чтобы выяснить, что же давит вам спину, вы встанете и посмотрите.

Терри сделала все это и вытащила роскошную, расшитую сумку, которая показалась ей знакомой. Она не могла припомнить, где же ее видела, но эти сомнения мгновенно разрешил Честер Тодд.

— Простите, ради Бога! — сказал он довольно смущенно, поскольку явно знал эту девушку, а вспомнить не мог. — Вы случайно не… А, вот она! Сумка миссис Пеглер, — пояснил он. — Она так и думала, что забыла ее здесь, и послала меня за ней.

— Вот и хорошо, — сказала Терри. — То-то я думаю, знакомая сумка!

— Спасибо, — сказал Честер и немного замешкался. — Простите, что обеспокоил.

— Что вы, что вы!

Тут прискакал Фредди, сияя от счастья.

— Честер, привет! — крикнул он. — Все в порядке. Машина здесь.

— О, Фредди!

Фредди обернулся к Честеру.

— Понимаешь, мы думали, он уехал, а он тут.

— Да, — сказала Терри. — Мы ошиблись.

4

На бледном лице Честера Тодда застыло удивление. Он был потрясен и растерян, не хуже Отелло. Миссис Пеглер он застал у кассы, она получала деньги по чеку, в этот вечер — третьему. Вид у нее был суровый, словно она полагала, что обдирать этих даго не слишком прибыльно. Будущие расходы и убытки Фредди в суде терзали ее сердце.

— Знаешь что? — сказал Честер.

— Сумку нашел?

— Да-да, но ты только послушай. Ты знаешь эту девицу, на которой Фредди женится?

— Фредди женится на Мэвис.

— Все ты путаешь! — терпеливо возразил Честер. — Он женится на мисс Трент. Только она — не мисс Трент.

— Что ты порешь?

— Я не порю. Ее фамилия Феллоуз. Она горничная той мисс Трент, с

которой я познакомился в Сэн-Роке.

— Что?!

— Говорил же я, кого-то она мне напоминает. Мы сидели у мисс Трент, она подавала коктейли.

Миссис Пеглер глубоко вздохнула.

— Ты уверен?

— Еще бы! Прихожу, она держит твою сумку, ну, мы поговорили, вдруг бежит Фредди и говорит, что кто-то там не уехал. Она улыбнулась. Тут я и вспомнил. Я еще тогда сказал: «Какая У вас хорошенькая горничная», а мисс Трент ответила: «Феллоуз? Да, она мила». Странная штука память, как ты думаешь?

Миссис Пеглер не собиралась обсуждать странности памяти. Она мгновенно оживилась:

— Да это же все меняет!

— А, что?

— Долго объяснять. Фредерик с ней связался, она может вчинить иск…

Честер так удивился, что часто заморгал.

— Фредди?

— Он самый. Сделал ей предложение, а потом обручился с Мэвис.

Честер заморгал еще чаще.

— Что ж он, на двоих женится?

— Как видишь.

— Не думал, что он такой ходок! — восхитился Честер. — Вот уж, поистине, чужая душа — потемки.

Миссис Пеглер по-прежнему сияла.

— Ну, теперь все изменится. Ты *совершенно* уверен, что это она?

— Конечно! Одного я не понимаю, на какие деньги она живет в «Сплендиде»?

— Уж на какие-нибудь, — мрачно ухмыльнулась миссис Пеглер, но тут же снова расцвела. — Ну, теперь все в порядке. Я даже надеюсь, мне повезет. Дай-ка сумку.

— Пожалуйста.

Миссис Пеглер улыбалась, но улыбка ее исчезла, как дыхание с зеркала.

— Что это значит? — резко спросила она.

— Э?

— Тут ничего нет!

— А должно быть?

— Конечно. Пятьсот тысяч франков. Где ты нашел сумку?

— Собственно, я не нашел. Эта девица ее держала. Стоит у стола, а я подошел и говорю: «Простите, вы случайно не видели…» Смотрю — сумка у нее. Я взял ее и пошел.

Миссис Пеглер боролась с чувствами, которые не так легко выразить. Наконец ей это удалось.

— Та-ак!

— Э?

Миссис Пеглер горько усмехнулась.

— Я сказала «Уж на какие-нибудь живет», но не думала, что на ворованные. Честер, вызови такси!

— Куда ты едешь?

— В полицию, — отвечала миссис Пеглер.

Глава X

1

Возвращаясь в отель по террасе казино, Терри внезапно остановилась. Перед ней стоял человек, исключительно похожий на мистера Клаттербака, которому дома, в Бенсонбурге, она часто продавала яйца и мед. Судя по склоненной голове, он углубился в мысли. Но тут он голову поднял, показав тем самым, что он похож на Клаттербака, поскольку он и есть Клаттербак.

— Здравствуйте, — удивленно сказала Терри.

Сосед посмотрел на нее совиным взглядом. Подбородки его слегка колыхал бриз.

— Минутку, минутку! — воскликнул он, поднимая руку, словно собрался управлять уличным движением. — Сейчас, сейчас!.. Продаете мед — заметим, слишком дорого, фамилия начинается с «Дж». Дженс? Джексон? Дженкинс?

— Скорее Трент.

— Трент! — Клаттербак победно сверкнул очками. — Так я и знал. Конкретно *вас* зовут Терри.

— Да. Это от «Тереза».

— Совершенно справедливо. Что вы здесь делаете?

— Так, отдыхаю. Мы получили немного денег и решили проветриться.

За фермой присматривают сердобольные соседи. А вы что делаете так далеко от Бенсонбурга?

— Дела в Париже.

— Тут не Париж. Тут Ровиль-сюр-Мэр.

— Каждый имеет право приехать из Парижа в Ровиль! — вызывающе сказал Клаттербак. — Простите, если резковат. Совсем не спал, и вез меня сюда один псих, явно стремившийся к самоубийству. Земли мы коснулись раза два, не больше. Заметьте, на чужой машине! А теперь я его ищу. Вы, часом, не знаете, где граф д'Эскриньон?

— Что?!

— Наверное, я не так произнес?

— Вы знакомы с Джефом?!

— В жизни о нем не слышал.

— Ну, с Эскриньоном!

— Вот, вы точно так же произносите. Значит, его зовут Джеф? Знаком, как же! Были вчера в Париже, утром ели луковый суп, а потом он понесся сюда, но забыл сказать свой адрес. Хожу по отелям, спрашиваю.

— Не надо. Он в «Сплендиде», очень близко. Ярдов сто.

— Сто ярдов я одолею, — признал старый атлет. — Хорошо, что вы с ним знакомы. Давно?

— С тех пор, как я здесь.

— Замечательный парень. Сражался в маки, то-се. Очень умный.

— Да, он книжку написал.

— А я ее издаю.

— Ой!

— Почему вы кричите?

— Я очень рада, — объяснила Терри. — За него. Вы же такой хороший издатель!

— Куда уж лучше!

— Можно я вас поцелую?

— Нет, нельзя. Мне некогда. Я должен немедленно его найти. Вопрос жизни и смерти.

— А может, сперва зайдем ко мне, выпьем? Клаттербак облизнулся. Однако глаза за очками тут же потускнели.

— Ваша сестра там?

— Какая? Джо уехала, Кейт — здесь, в Ровиле.

— Та, которая смотрит на людей, как герцогиня на мокрицу.

— Это Кейт.

— Тогда я лучше не пойду.

— Хотите, я вам позвоню, если ее нету?

— Да, пожалуйста. Я буду у Эскриньона. В каком он номере?

— Портье скажет.

— Все забываю, что у них есть портье. Все ж, дикий народ, французы… Хорошо, вы мне звоните.

— А может, он спит? Не ложился до утра, потом сюда ехал…

—'Ничего, разбужу. Выжму на него губку. Прекрасный способ! — убежденно сказал Рассел Клаттербак.

Терри блаженно улыбалась, направляясь в свой номер, пока не увидела, точней — не услышала сестры. Та явно паковала вещи, и Терри пришло в голову, что она может и рассердиться.

На нерешительное покашливание Кейт откликнулась:

— Это ты?

— Я.

— Билеты купила?

— Э… а… да. Купила.

— Прекрасно. Скоро все уложу. Когда мы едем?

— Мы не едем, — пискнула Терри.

Нависло молчание. Нечистая совесть подсказала Терри, что оно длится не меньше получаса. Наконец появилась Кейт.

— Что ты сказала? — спросила она, напоминая при этом классную даму, которая настигла своих питомиц за курением. — Не едем?

— Да.

— Ты *опять* передумала?

— Да. Понимаешь…

Кейт повернулась, ушла в спальню и вышла оттуда в шляпе. Окинув сестру серьезным взглядом, она покинула номер. Дверь хлопнула; Терри позвонила Клаттербаку, а потом заказала две бутылки шампанского. Для человека, который печатает Книгу, ничего не жалко. Судя по объему, две бутылки — в самый раз. Она слабо похихикала, представив себе со свойственным ей здравым смыслом, как трудно приходится сестре. Она, то есть Терри, была ей обузой с раннего детства и, по всей видимости, останется ею, когда они станут седыми старушками. Одно утешение — Джо сердит сестру еще больше.

2

Джеф не спал, и Клаттербаку не пришлось выжимать губку.

Многообещающий писатель уже помылся, оделся и с удовольствием, хотя и с опозданием, завтракал. Увидев гостя, он на мгновение подумал, что тот ему снится.

— Мистер Клаттербак! — воскликнул он.

— Называйте меня Расе, — сказал издатель, с удивлением глядя на стол. — Кофе и какие-то трубочки! Это второй завтрак?

— Первый.

— Хорошо, первый — но все же!..

— Да, так мы утром едим.

— Господи! — вскричал издатель и что-то пробормотал, упоминая Джорджа Рипли.[134] — Не ждали меня, а?

— Вообще-то не ждал. Но очень рад. Почему вы приехали?

— Потому что попал в переплет. Мне нужна помощь. Да-да, очень нужна! — Он намазал маслом круассан и опустился в кресло, словно бронтозавр в свою топь. — Я весь дрожу. Понимаете, моя жена…

Отчасти от чувств, отчасти оттого, что он говорил с набитым ртом, голос его звучал так скорбно, что Джеф испугался. Он знал, что миссис Клаттербак подхватила корь, но корь вроде бы не смертельна. Хотя, кто ее знает!..

Он поискал нужные слова:

— Она… она, надеюсь, в порядке?

— Еще в каком! — заверил гость. Раздался звонок. Клаттербак взял трубку.

— Слушаю. А, это вы! Ушла, да? Очень хорошо. Скоро приду. — Он повесил трубку. — Тут одна наша соседка пригласила выпить. Так вот, моя супруга в полном порядке, и даже более того. Я бы сказал, грызет мебель. Знаете, от чего происходит половина всех бед? От этой разницы между нашим и вашим временем.

— Там у вас на пять часов раньше?

— Вот именно. Когда здесь три часа ночи, там десять вечера. Забывая об этом, моя супруга звонит мне, а меня нет. Звонит в одиннадцать. Нету. Когда я вернулся в «Ритц», я узнал, что она звонила до двух.

— То есть по-нашему — до семи.

— Именно, — глухо отозвался гость. — Вы женаты?

— Еще нет. Как раз собираюсь.

— Собираетесь? — Клаттербак удивленно на него поглядел и докончил круассан. — Ну, когда соберетесь, узнаете: если жена не застает вас всю ночь, требуются объяснения.

— Это понятно.

— Мы-то с вами знаем, что я был трезв, как стеклышко, но… Что вы так смотрите?

— Смотрю? Простите. Вспомнил этот луковый суп…

— Ну и что?

— Вам не кажется, что вы были немного возбуждены?

— Нет, не кажется. Почему вы так подумали?

— Знаете, вы целовали бармена, пели с ним «Старик-река»…[135]

Рассел Клаттербак достойно выпрямился.

— Что же тут такого? В ходе беседы он упомянул, что родился в Мичигане, мало того — в моем родном городке. Естественно, оба мы обрадовались. Не каждый день встретишь за тридевять земель бармена-земляка! Но не в том дело. Когда моя жена спросит вас, где я был, что вы ей скажете?

— М-да…

— Я думал, вам придет в голову что-нибудь получше, — укоризненно заметил издатель. — Такой умный человек! Зачем писать книжки, если не можешь выдумать хорошей истории? Ну, ну, постарайтесь!

Джеф постарался и с третьего захода предложил свой вариант.

— Что вы делали вчера после ланча? — спросил он. Клаттербак махнул рукой, словно беседовал со слабоумным.

— Сами знаете, что я делал. Лег и заснул. Джеф покачал головой.

— Вот тут вы не правы. После ланча я отвез вас в Ровиль. Дело в том, что отцу нездоровится, и я не могу надолго отлучаться. Ну, как?

— Гениально.

— Убедительно?

— Еще как!

— Нельзя оставлять отца без присмотра.

— Конечно! Это бесчеловечно. А что, у вас правда болен отец?

— Нет, здоров.

— Он тоже граф?

— Он маркиз. На одну ступень выше. Маркиз де Мофриньез-э-Валери-Моберан.

— Вот это да! Жена будет в восторге.

— И посмеется над недоразумением. Звонит в Париж, а вы-то — в Ровиле! Конечно, кое-что надо подработать.

— Действуйте. А я схожу к этой барышне. Пока, Джеф!

— Пока, Расе. Жду встречи.

Оставшись один, Джеф принялся оттачивать сюжет, спрямляя острые углы, заполняя досадные пробелы. Однако мысли его при этом были

заняты Терри.

До сей поры женщины играли в его жизни незначительную роль. Да, его к ним тянуло, но не всерьез. Они появлялись и исчезали. Он любил их, если тут уместно это слово, но спокойно с ними расставался. Словом, они не очень много значили. Так, что-то вроде игры.

Однако он был романтиком и знал, что где-то ждет та девушка, о которой мечтает всякий романтик. Увидев Терри на яхте, он понял, что это — она. Поэт сказал: «Бродил я средь женщин, искал тебя», и Джеф был с ним согласен. Другой поэт заметил: «Если ты Эми поцеловал, больше не жди и не ищи, ведь целовал ты Эми».[136] Тоже резонно. Оба поэта знали свое дело.

Размышление это прервал телефонный звонок. То был Арчи Брайс, приятель из «Геролд Трибьюн».

— Где ты пропадаешь? — с упреком спросил Арчи. — Я тебе целый день звонил.

Джеф отвечал, что был он в Париже, встречался с издателем.

— С *моим* издателем, заметь! — уточнил он. — Сам Клаттербак, дай ему Господи. Ты же меня рекомендовал. Ну, вот, он взял книгу.

— Красота! А как он вообще?

— Очень веселый.

— Аппетит при нем?

— Еще бы!

— Скоро он лопнет. Но я звоню по другому делу. Ты не встречал там, в Ровиле, такого Фредди Карпентера?

— Я у него гощу.

— Вот как? Тогда ты ее должен знать.

— Кого?

— Его невесту.

— Невесту? Ничего не слышал. А когда они обручились?

— Позавчера вечером. Кто-то нам сообщил, сегодня — в газете. Такой богач — материал хороший, мы бы хотели интервью с барышней: кто она, где познакомились ну, сам знаешь. Излови ее и разговори.

Джеф засмеялся.

— Мэвис не разговоришь. Она знает два слова: «Да, тетя».

— Что еще за Мэвис?

— Ну, его невеста. Мэвис Тодд.

— Нет-нет. Ты ошибся. Постой, сейчас погляжу. Не «Тодд», а «Трент». А зовут ее Тереза.

3

Заказав шампанское, Терри стала думать о том, как бы ей утешить сестру.

Купить шоколада? Нет, она его не любит.

Тогда — цветов? Нет, она сочтет это глупой тратой денег.

Решая эту сложную проблему, Терри услышала стук в дверь и, открыв ее, обнаружила не Рассела Клаттербака, а маркиза.

Покинув казино, он хотел было взять такси и съездить в Омаль, ему там очень понравилось; но тут его посетила нежданная мысль, совпавшая с мыслью его бывшей супруги. Кому-кому, подумал он, а Терри сам Бог велел подать в суд. Надо ей это подсказать.

Тихая радость переполняла его. Все складывалось как нельзя лучше в этом лучшем из миров. Сын его Жефферсонг любит эту девицу. Девица тоже любит Жефферсонга. Однако у них нет денег; но это исправит Карпентер. Получив по чеку полмиллиона, останется заняться флердоранжем[137] и звоном колоколов.

Словом, маркиз очень радовался, но знал, как себя держать, и проговорил со всей возможной скорбью:

— Дорогое дитя, я принес дурную новость. Если не ошибаюсь, Фредерик Карпентер сделал вам предложение?

— Да. Он говорит, это вы посоветовали.

— Верно, я. Для человека чести другого пути нет. Однако я не знал, что Фредерик — не человек чести, а бессердечный мерзавец. Только что мне стало известно, что он обручен с Мэвис, племянницей моей бывшей супруги.

— Да, он мне говорил. Маркиз удивился.

— Вам? По телефону, наверное? — прибавил он, представив себе, что сделал бы на месте Фредди.

— Нет, в баре.

— Есть ли предел его наглости?! — вскричал маркиз, искренне поражаясь цинизму молодого поколения. — Не отчаивайтесь. — Он погладил ее руку. — Немедленно подавайте в суд.

— В суд?!

— Естественно. Дорогое дитя, это верное дело. Слава Богу, я догадался послать объявление в парижскую «Герольд Трибьюн»…

— Ой, Господи!

— Да-да. Сразу и послал. Оно в сегодняшнем номере. Присяжных

убьет наповал. Несколько сотен тысяч я вам гарантирую. Долларов, конечно. Сколько можно! — добродетельно прибавил маркиз. — Где предел для этих распутников? Пусть узнают, что нельзя безнаказанно разбивать сердца невин…

— Да у меня все в порядке!

— Прошу вас, потише! — укоризненно сказал маркиз. — А то услышат еще! Так нельзя. Вы — в отчаянии. Вы хотите покончить с собой. Плакать можете?

— Я редко плачу.

— Попрактикуйтесь. На них это очень действует. Дважды — нет, трижды — мне довелось присутствовать на суде, когда моему другу князю Бламон-Шеври предъявляли соответствующий иск. И каждый раз эти особы доводили присяжных слезами до того, что те удваивали сумму. Заметьте, дело у них было совсем не такое чистое, как у вас!

— У меня оно чистое?

— Чище некуда.

— Да? Кажется, я его подпортила.

— Чем же?

— Написала Фредди, что за него не выйду. Маркиз покачнулся.

— Написали ему *письмо?!*

— Да. Он очень обрадовался. Кажется, ему стало гораздо легче.

Маркиз едва добрался до столика и налил себе шампанского. Мечты его рухнули. Тем самым, Рассел Клаттербак, пришедший через несколько мгновений, застал очень мрачную атмосферу; но ее не заметил. Он был слишком счастлив. Хорошему издателю дороже всего блестящий сюжет, а творение Джефа превзошло все ожидания. Когда Терри представила гостя маркизу, он поздравил его с гениальным сыном.

— Да, мозги у него есть! — сообщил он. — Далеко пойдет, помяните мое слово. А что это, конфеты? — Он ловко схватил одну из них, надо же время от времени поддерживать силы. — Терри, можно от вас позвонить? В Америку, жене.

Пока он уговаривал дать ему Бенсонбург, 0231, а Терри пыталась подсказать, что лучше звучит «Бонг-сонг-бу-ур zero deux troix un[138]», снова постучались в дверь, и сердце у Терри подпрыгнуло. Не Джеф ли?

Это был не Джеф, а очень крупный человек с багровой шеей и густыми бровями. Под одним глазом красовался лиловый синяк.

— Мадемуазель Трант?

— Да.

— Разрешите побеседовать, — сказал комиссар Бюиссонад и ввалился

в номер, явственно напоминая шерифа из второразрядного вестерна.

4

Когда миссис Пеглер втащила к нему в кабинет упирающегося Честера Тодда, комиссар переваривал второй завтрак. Встретил он ее неприветливо, явно показывая, что она вызывает у него аллергию. Даже мысли о пятистах долларах, которые он благоразумно взял заранее, не смягчали убеждения в том, что особа эта — истинная чума. Американок он вообще не любил, и она его в этом утверждала.

Однако по мере того, как она рассказывала свою поразительную повесть, он заметно оживлялся. Такие случаи он любил. Это вам не смутные подозрения, а солидное, верное дело, в которое приятно впиться зубами.

Вот почему теперь он с довольным видом стоял посреди комнаты. Одна рука лежала на столе, другая — висела вдоль бока, но была готова подняться и указать грозным перстом на преступную особу. Настал его час.

Однако особа не волновалась. Самый вид его и синяк сообщили ей, кто он, и она смотрела на него с достойным отвращением.

— Мадемуазель, я — Бюиссонад, комиссар полиции.

— Так я и думала. Вы хотите со мной поговорить. В чем дело?

— Разрешите ваш паспорт?

— Он у меня в сумке.

— А сумка?

— За вашей спиной, на столе.

— Благодарю, мадемуазель.

Открыв сумку, он высыпал на стол все, что в ней было, взял паспорт и мрачно его просмотрел.

— Все в порядке, да?

Месье Бюиссонад метнул первую молнию:

— Нет, мадемуазель, ни в коей мере. Это паспорт Терэз Трант, тогда как ваша фамилия Фэлло-ус. Вам это кажется занятным? Вы улыбаетесь?

— Простите. Я вас слушаю.

— Фэ-лло-ус, — повторил Бюиссонад. — У нас есть свидетельства, что в Сэн-Роке вы были служанкой мадемуазель Трант. Так?

— В определенном смысле.

— Не понимаю. Были вы служанкой или не были?

— Была.

— Прекрасно. Собственно говоря, отрицать это бесполезно. Вас опознали. Итак, в Сэн-Роке вы — Фэл-ло-ус, служанка. Здесь, в Ровиле, вы мадемуазель Трант. Наводит на размышления. Невольно спросишь, что же сталось с настоящей мадемуазель Трант?

— Она вернулась в Америку.

— Оставив вам свой паспорт, одежду и деньги. Что может быть естественней!

— Что ж, я ее убила?

Именно так думал месье Бюиссонад и уже представлял свою фотографию в газетах.

— Это, — сказал он, — мы и выясним.

Рассел Клаттербак смотрел на комиссара с явственной неприязнью. Тот, в конце концов, испортил приятнейший визит.

— Кто этот субъект? — спросил он, глядя на него тем холодным взглядом, каким взглянул бы на преуспевающего автора, переметнувшегося в другое издательство. — Напоминает страдальца-издольщика.

Обращался он к маркизу, но, поскольку тот еще не пришел в себя, ответила Терри:

— Это комиссар полиции.

— Ну, знаете! — удивился Клаттербак. — Тут что-нибудь украли?

Маркиз собрался с силами и объяснил:

— Он говорит, что фамилия мисс Трент — Феллоуз.

Клаттербак мгновенно увидел ошибку. Он вообще быстро соображал.

— Какая-такая Феллоуз, если она Трент?

— А он говорит, не Трент.

— Конечно, Трент!

— Вы ручаетесь?

— А то как же! Мы очень хорошо знакомы. Я давно покупаю у мисс Трент мед и яйца. Цена, конечно, завышена, ссылаются на всяких пчел…

— Комиссар считает, что она — служанка мисс Трент.

— Кто-кто? Да он спятил.

Месье Бюиссонада оскорблял не только тон, но и самый язык. Он презирал английский, полагая, что речь англичанина слишком похожа на бессмысленный птичий щебет.

— Parlez francais, monsieur![139] — заорал он. Клаттербак окинул его еще одним холодным взглядом.

— Как я могу парле фронгсе? Эй, Терри!

— Да, мистер Клаттербак.

— Скажите этому типу с подбитым глазом, что он кретин. Правда, кто тут у них не кретин? Хотя бы у одного француза были все дома!

— Кто эти люди? — спросил комиссар.

— Мои друзья, — ответила Терри. — Толстый — мистер Клаттербак, американский издатель, а тощий и длинный — маркиз де Мофриньез.

Бюиссонад немного отмяк, он почитал аристократию, но дело есть дело.

— Пусть объяснятся.

— Сейчас, сейчас. Вы не говорите по-английски, месье Бюиссонад?

— Нет.

— Тогда вы не поймете мистера Клаттербака, тем более, что он ест. У него домик рядом с нами, в Америке. Мы давно знакомы. Так что можете не сомневаться, что моя фамилия Трент. Тереза Трент, для вас — Терри, мы ведь с вами подружимся. Вот у вас глаз подбит, мне вас жалко. Ударились в темноте?

Комиссара сбить не удалось.

— Свидетель утверждает, что ваша фамилия Фэл-ло-ус. Да вы и сами…

— Сейчас-сейчас. Это сложная история, слушайте внимательно. Представьте себе, что вы с сестрой, две девушки, разводите кур.

Месье Бюиссонад заморгал. Он не смог это представить.

— Вам хочется посмотреть мир, — продолжала Терри. — Внезапно вы получаете немного денег. Теперь, думаете вы, можно съездить во Францию. Ah, la belle France![140] — И Терри поцеловала свои пальцы.

— Я все понял, — сказал Клаттербак маркизу. — «А, ля бель Фронгс!» — это «О, прекрасная Франция!»

— Однако, — продолжала Терри, — мы не могли купить два набора парижских туалетов. Вот мы и решили, что один месяц сестра будет мисс Трент, а я — служанкой. Потом мы куда-нибудь переедем и обменяемся. В Сэн-Роке был ее месяц, и я там стала Феллоуз. А здесь я — мисс Трент. Вы не запутались?

— Нет, мадемуазель.

— Все понятно?

— Да, — любезно отвечал комиссар. — Блестящая мысль.

— И нам так кажется.

— Значит, у вас было мало денег?

— Не очень много.

— Этот отель для вас дороговат?

— Еще бы!

— Охотно верю. А потому, — Любезность его исчезла, словно он нажал кнопку, — когда вам представилась возможность украсть пятьсот тысяч франков из сумки мадам Пеглер, вы ею воспользовались. Поистине, рождественский подарок!

Комиссар взял со стола билеты.

— Мадемуазель собиралась нас покинуть. Что ж, это понятно.

— Что он говорит? — поинтересовался Клаттербак.

— Обвиняет меня в том, — сказала Терри, — что я украла деньги у миссис Пеглер.

— Это еще кто?

— Моя бывшая супруга, — объяснил маркиз. — Я был женат дважды.

— А я вот — трижды, — сообщил Клаттербак. — Однако суть не в этом. Даже француз мог бы понять, что это — ерунда. Вы даже не видели этой сумки!

— Видела, — сказала честная Терри. — Я ее нашла. Но там ничего не было. Конечно, я ее не открывала, но понятно на ощупь.

Клаттербак почесал нижний из трех подбородков, странно глядя на нее сквозь очки.

— Нашли сумку?

— Да. Она была в кресле, за подушкой. Чувствую, там что-то лежит, смотрю…

— И находите сумку?

— Да.

— А в ней ничего нет?

— Так мне показалось.

— А *он* что говорит?

— Что там пятьсот тысяч франков.

— Господи милостивый!

Когда Терри молила небеса, чтобы не заплакать, маркиз, судя по всему, чем-то подавился, а Клаттербак протирал очки, в дверь постучали.

Комиссару этот звук показался последней соломинкой. Он распахнул дверь и, увидев молодого человека, швырнул ее ему в лицо. Именно поэтому Джеф закачался, прижимая к носу быстро алеющий платок.

Терри закричала. Маркиз вцепился в кресло. Клаттербак передернул в отчаянии плечами, поскольку знал, что здесь, во Франции, может случиться что угодно.

— Глупо, — сказал он, имея в виду поступок комиссара, — очень глупо. Нет, что за народ!

Терри взяла Джефа за руку и отвела в ванную. Бранясь по-французски, он остался там, а Терри, вернувшись, пронзила комиссара взглядом. Потом, не находя слов, ушла в спальню.

Месье Бюиссонад спокойно смотрел ей вслед. Он мог и подождать.

Глава XI

1

Мистер Клаттербак задумчиво сосал леденец и при этом хмурился. Терри он видел только в летний сезон, но был о ней очень хорошего мнения, другими словами, не верил, что она таскает деньги из сумок. Такая милая девушка! Чушь! В жизни ничего не стащит. Но сумка оказалась пустой…

Предположим, что раньше там лежали деньги. Человек, едва сводящий концы с концами при помощи кур и пчел, испытает огромный соблазн, увидев такую сумму. Кто-кто, а он, Клаттербак, знал силу соблазна. Помнится, он обещал жене сесть на диету, отказавшись от хлеба, картошки и сладостей. Два дня он держался, на третий позавтракал в клубе — ерунда, отбивная со шпинатом — и увидел, как официант несет на соседний столик кусок торта с клубникой. Через минуту-другую он посыпал сахарной пудрой сверкающий холмик и поливал его сливками… а там и другой. Слаб человек.

Пришла пора созвать совещание. Прихватив карамелек, он вывел маркиза на балкон.

— Вот что, маркиз, — сказал он. — Мне это все не нравится. Маркиз вынул носовой платок, надо сказать — один из дюжины, которую он купил год назад в Париже, у Шарвэ, если это зовется покупкой, и отер лоб. Он тоже ощущал, что дело плохо. Чувствительному человеку неприятно узнать, что грехи его вышли наружу, и, при всем своем оптимизме, он не видел ни проблеска надежды.

Его этический кодекс оставлял желать лучшего, шулеры — и те иногда поджимали губы, но были у него и пределы, дальше которых он не "шел. Одно дело украсть, если очень нужно, другое — спокойно смотреть, как обвиняют прелестную барышню. Поизносившаяся честь Мофриньезов кое-где была достаточно крепкой.

Клаттербак тем временем продолжал:

— Нет, я не говорю, что она их стащила. Я просто ничего не знаю. Но в одном я уверен — присяжные не проглотят ее историю. Моя жена, к примеру, не проглотила бы. Свидетелей нет, ничего нет, кроме ее слов, но нет и денег. Черт знает что! Да, положеньице… Такая хорошая девушка, а

как ее спасти — не пойму.

Маркиз снова отер лоб и произнес:

— Мистер Клаттербак, она невиновна.

— Вы думаете?

— Я знаю.

— Ну, если так… Но вряд ли вы убедите этого издольщика.

— Простите, кого?

— Почему-то он мне их напоминает. Манера, что ли… В общем, комиссара. Странно, кстати сказать, что у них есть комиссары. Я думал, это что-то русское. Да, распространяется коммунизм…

— Мистер Клаттербак, — заверил маркиз, — я сумею его убедить. Дело в том, что…

Рассказ его вызвал симпатии аудитории. Клаттербак отличался широтой взглядов и мало чему удивлялся.

— Так-так, — сказал он, серьезно и внимательно выслушав исповедь. — Нашли деньги на полу и положили в карман. Разумно, очень разумно. Я бы и сам их взял. Проблема одна, как быть? Во всем признаться?

— Естественно, — ответил маркиз с благородным видом. — Что же еще? У меня есть план.

— Это хорошо. Какой же?

— Этой уловкой успешно воспользовался мой друг князь Бламон-Шеври. Один из его многочисленных кредиторов пригрозил отправить его в тюрьму, если он не вернет денег. Их у князя не было.

— Это часто случается.

— Но и в тюрьму он не хотел.

— Кто туда захочет!

— Что же он сделал? Замечу, что уговоры ни к чему не привели, кредитор был тверд. Тогда Бламон-Шеври сказал: «Что ж, я это предвидел. Лучше смерть, чем бесчестье». С этими словами он сунул руку в карман и поднес ее ко рту. Потом он пошатнулся. Потом упал. Кредитор кинулся за доктором, а князь, отряхнув брюки, удалился через черный ход.

Клаттербак вдумчиво помолчал и похлопал маркиза по руке.

— Хотите проделать это с комиссаром? — мягко осведомился он.

— А что? Посудите сами. Я признаюсь. Он берет меня под арест. Я говорю насчет бесчестья. Глотаю. Шатаюсь. Падаю. Он бежит за врачом, а я прыгаю с балкона в машину. Она там стоит.

Клаттербак опять похлопал его по руке и поглядел на него с нежностью. Открывать глаза наивному аристократу так же больно, как

признаться ребенку, что Деда Мороза про-
сто нет.

— Ничего не выйдет, — сказал он. — Никуда он не побежит. Я вас прекрасно понимаю, нельзя, чтобы мисс Трент услали на Чертов остров, но тут нужна тонкость. Я бы сделал так. Вы прыгаете с балкона и едете куда-нибудь в Бельгию, а я со временем излагаю факты комиссару.

Маркиз был потрясен. Мы хоть как-то представим его чувства, если скажем, что Клаттербак показался ему изящным.

— Вы это сделаете? — прошептал он.

— Что именно?

— Ну, всем этим займетесь?

— Конечно.

— Может быть, лучше подождать…

— Чтобы вы убрались подальше? Естественно. Маркиз глубоко вздохнул.

— Скажите, у вас все издатели такие?

— Ну, что вы! — Клаттербак презрительно махнул леденцом. — Большей частью у них не хватает ума провести муху. Спрыгнете сами или помочь?

— Спасибо, — отвечал маркиз. — Я справлюсь.

2

Когда корпулентный комиссар ударяет вас дверью со всего размаха, это неприятно, но все же отвлекает от других забот. Первые минуты в ванной почти принесли Джефу желанный покой души. Однако вскоре мысли его вернулись к чудовищной новости, которую так легко, так бездумно сообщил Арчи, и в тот же миг гномы снова принялись терзать его раскаленными щипцами при помощи коллег с ножами и пинцетами.

Одного он понять не мог — почему это сделала Терри. Женщин он знал, на их счет не обольщался, но ведь она — другая: открытая, честная, чистая. Она его любит, в конце концов. И что же? Стоило ей узнать, что он беден, как она кинулась в объятия Карпентера, другими словами — продалась за деньги.

В холодной ярости пришел он сюда и в той же холодной ярости собирался выйти из ванной. Арчи просил его взять интервью. Что ж, пожалуйста! Он ей покажет, кто она такая. Вежливо, сдержанно, учтиво — но так, что она предпочла бы порку. Задержавшись перед зеркалом, он

порепетировал.

«Добрый вечер, мисс Трент!»

Да, именно так. То-то она удивится! Холодно, сухо, отрешенно — «Добрый вечер».

«Парижский выпуск «Геролд Трибьюн» просил меня, если не возражаете, узнать у вас подробности помолвки. Конечно, вы понимаете, что жизнь *такого* человека представляет огромный интерес. Читатели очень любят читать о миллионерах. Деньги завораживают их, как и вообще многих».

Слишком тонко? Нет, в самый раз. Учтиво, любезно, сдержанно — но с холодным презрением.

Он открыл дверь и увидел Терри. Она сидела на чемодане и плакала.

Терри Гроза комиссаров исчезла, как и не было. Остался только страх. Нет, еще беспомощность и безнадежность.

Клаттербак говорил о том, поверят ли ей присяжные. Газетные карикатуры внушили ей, что присяжных здесь нет, и она представляла себе грозного судью, которого гораздо трудней убедить, чем дюжину простых смертных.

Судья посмотрит на нее и холодно скажет: «Виновна».

Подумав об этом, она утратила последнее мужество.

Сердце у Джефа перевернулось. Он точно знал, что он не будет с ней отрешенным, холодным, презрительным, а главное — что она не выйдет за Фредди. Выйдет она за него, Джефа Эскриньона, а если кто захочет помешать, пусть пеняет на себя.

Однако прежде всего надо ее утешить. Что случилось, в конце концов? Все прекрасно, лучше некуда. Он подошел к ней, обнял ее и спросил:

— Mon ange, mon tresor, qu'est ce que tu as,[141] — и что-то еще по-французски.

Это помогло. Она отряхнулась, как собачка, вышедшая из моря.

— Ничего, — сказала она, — просто я испугалась.

— Испугалась? Кто же тебя испугал? В чем дело?

— Даже мистер Клаттербак сомневается!

— Ничего не понимаю.

Бюиссонад устал. Никогда — ни мелким шпиком, ни всемогущим начальником — он не видел, чтобы обвиняемый юркнул в ванную и заперся. Поистине, век живи, век учись.

С этими мыслями он загрохотал в дверь. Джеф удивился.

— Что это?
— Комиссар. Он меня арестует. Джеф нежно взял ее за руку.
— Расскажи мне толком, что случилось.

3

Мистер Клаттербак, с суровым укором глядевший с балкона на толстых купальщиков, один другого страшнее, услышал из комнаты пылкую французскую речь. Узнав голос Джефа, он слегка нахмурился. Ему казалось, все-таки, это немного безвкусно, даже невежливо. Однако тут же он понял, что беседует Джеф с комиссаром, человеком настолько темным, что он не знает английского. Заглянув в комнату, издатель увидел нос своего подопечного и окончательно его оправдал.
— Ну, знаете! — сказал он. — Этот издольщик времени не теряет. Вы напоминаете мне У.С. Филда.[142]
Джеф отрешенно на него взглянул. Клаттербак заметил в нем напряженность. И то сказать — кулаки сжаты, глаза мечут молнии, шрам побелел. Словом, вид у молодого писателя был опасный. Двухминутная беседа с комиссаром убедила его, что осмысленно только действие. Слово «действие» он толковал широко.
— Где Терри Трент? — спросил Клаттербак.
— В ванной. Моет глаза.
— Она что, плакала?
— Да.
— Не удивляюсь. А что тут творится?
— Мы с комиссаром поспорили. Он считает ее воровкой, а я — нет.
— Убедили его?
— Вряд ли.
— Стоит насмерть?
— Именно.
— Тогда готовьтесь к большой радости, — сказал Клаттербак. — Деньги украл маркиз.
Джеф дернулся.
— Сам сказал, — заверил Клаттербак. — Вот только что. Передайте комиссару, это потрясет его слабый разум. Какой, однако, гад, — прибавил издатель, пользуясь темнотой упомянутого чиновника.
— Истинное чудище. Напоминает одного шпика…
— Parlez francais, — предложил месье Бюиссонад, но тщетно.

— Нет, *мой отец!* — удивлялся Джеф.

— Он самый. История интересная, но мы в нее вдаваться не будем. За него не беспокойтесь, он на полпути в Бельгию, а там его не возьмут. Кстати, сколько ему лет?

Джеф задумался.

— Да так, шестьдесят с лишним.

— Очень уж он ловко спрыгнул. Прямо акробат. Ну ладно, к делу. Докладывайте комиссару и смотрите, что будет.

Поток французской речи издателю понравился, но, как ни странно, не вызвал желанного эффекта. Комиссар усмехнулся и пожал плечами. Это Клаттербака удивило.

— Ну, как? — спросил он.

— Не верит.

— Не *верит?!*

— Говорит, маркизы не крадут.

— Вот сноб собачий! Сказали вы, что ваш родитель спрыгнул с балкона, как ошпаренный кот, и мчится в сторону Бельгии?

— Конечно.

— А он не верит?

— Да.

Клаттербак свистнул.

— Что же вы будете делать?

— Знаете, у нас в маки я научился двум-трем штукам. Попробую их использовать.

— Каким это штукам?

— Способам, помогающим вывести кое-кого из строя.

Клаттербак его понял.

— То есть стукнуть?

— И связать. Вы не возражаете?

— Что вы, что вы! Ни в коей мере. А потом?

— Летим с Терри в Америку. У нее как раз есть билеты.

— В Америку, да? Загляните к моей супруге.

— Непременно.

— То есть вы ее не увидите, но через дверь поговорить можно.

— Замечательно! Поеду к ней с женой.

— Вы говорили, что не женаты.

— К тому времени женюсь.

— На Терри?

— На ком же еще?

— Это хорошо. Она мне нравится.

— А уж мне!

— PARLEZ FRANCAIS! — взревел комиссар. Клаттербак приветливо ему улыбнулся и оптимистично взмахнул рукой. Потом он снова стал серьезным.

— А эти ваши штуки сработают? — засомневался он.

— До сих пор не отказывали.

— Большой он очень…

— Бывали и побольше.

— Поймите меня правильно, — сказал Клаттербак, — я всецело за то, чтобы вывести его из строя. В жизни не видел человека, который бы в этом так нуждался. Даже среди авторов, и то… Я просто подумал, не попробовать ли сперва чего-нибудь другого.

— Чего именно?

— Прежде всего, тут требуется такт.

— Такт?

— Помните этого бармена, моего земляка? Он рассказал мне: часто, особенно по субботам, посетители несколько распускаются. По его словам, лучше всего на них действует такт. Сперва умягчаем жертву спиртным напитком. Я далеко не уверен, что шампанское не зачарует нашего противника.

Джефу показалось, что Клаттербак — наивный оптимист (если помните, именно так подумал издатель о маркизе). Кто-кто, а комиссар вряд ли поддастся шампанскому.

— Что ж, попробуйте, — равнодушно отвечал он.

— Пробовать нужно все, — назидательно промолвил Клаттербак, — это мой девиз.

И, налив бокал шампанского, он поднес его комиссару, который тихо сидел, сложив на животе руки.

— Шампань, мусье? — осведомился издатель. — Вулеву?[143]

Комиссар удивился. Конечно, он заметил вино, они все замечают, но не надеялся на угощение. Лицо его смягчилось; неприязнь к американцам дала первую трещину. Выпив бокал до дна, он отдал его Клаттербаку, а тот налил ему снова.

Джеф недоверчиво смотрел на пиршество любви.

— Ничего не выйдет, — сказал он.

— Может, смягчится?

— Нет.

— А вы посмотрите, что сейчас будет, — заметил издатель. — Сюда я

бросил таблетку.

Джеф охнул, понимая, что недооценил находчивость дивного издателя. Вот так всегда. Пылкая юность мыслит о насилии, мудрая зрелость знает и другие способы.

— Тот бармен дал мне вчера две штучки. Когда вы достигнете моих лет, — назидательно сказал Клаттербак, — вы узнаете, что нет дилеммы, которой не решит снотворное. Дали бы мне власть, каждый ребенок, с самых ранних лет…

Он прервал свою речь. Комиссар соскользнул на пол и удобно залег там, отрешившись от земной суеты. Клаттербак оглядел его, как Микеланджело оглядывал свои шедевры.

— Говорил я вам? Такт. Что лучше такта?

Он развил бы тему, если бы не зазвонил телефон и он не кинулся к нему, как подобает примерному мужу.

— Алло? Да? Что? А, здравствуй, душенька! Как ты там? Что-о? Пыталась дозвониться в «Ритц»? Но я не в Париже! Я в Ровиле. Да, такое местечко. Приехал сюда к автору. Выехали с ним из Парижа вчера днем, всю ночь провели в дороге.

Краем глаза он увидел Терри и нежно помахал ей рукой.

— Пока, Расе, — сказал Джеф.

— Увидимся в Америке, Джеф, — отвечал издатель. — Почему я называю тебя Джеф, душенька? Это не тебя, лапочка, это автора. — Он оглянулся, все ушли. — Слушай, знаешь, кого я встретил? Терри Трент. Ну, из этих, с медом. Помнишь ее, да? Она выходит за автора. Его зовут граф д'Эскриньон, а отец у него — маркиз какой-то. Летят сегодня в Америку, зайдут к тебе… — Дверь тихо открылась. — Я позже позвоню. Тут пришла старшая сестрица — да-да, Кейт, — и я ей должен объяснить, почему на полу лежит полицейский. Целую, целую! Еще позвоню.

Он положил трубку, поправил очки и приготовился объяснять положение дел несколько изумленной даме.

Глава XII

1

Мистер Клаттербак сидел в своем офисе на Мэдисон-авеню и ждал Терри, чтобы пойти с ней в ресторан.

Девять месяцев, истекшие с того дня, когда он так удачно проявил такт в ровильском отеле, несколько увеличили его объем. Войдя и увидев его, Терри подумала: «Нет, как он это делает?» Сам Шекспир, и тот спросил бы: «Какою пищей добрый Клаттербак довел себя до толщины такой?»

— Следите за фигурой, Расе, — с материнской заботой сказала Терри.

— Кому бы говорить! — откликнулся обиженный издатель. — Между прочим, вы опоздали.

— Минуты на две. Джеф позвонил из Бостона. Он там с пьесой.

— Как, получается?

— Будет гвоздем сезона.

— И в Нью-Йорке тоже. Всегда так, — печально сказал хозяин. — Нет в мире справедливости. Я сгораю тридцать лет на работе, а что толку? Ваш драгоценный Джеф пишет книжку за несколько недель, Сэм Берман ее инсценирует, тоже недели за две, и она идет год за годом, это я вам обещаю. Кроме того, он получит четыреста тысяч долларов за экранизацию.

— Он не все получит.

— Вполне достаточно. Нет, более чем достаточно. Наживаются только авторы. Вскоре вы увидите, как я торгую на углу карандашами. Если смогу их купить.

Терри погладила его по лысине.

— Не узнаю Рассела Клаттербака! — сказала она. — Я понимаю, что с вами. Подсознательно, неосознанно вы хотите есть. По своей духовности вы этого не видите. Оставь вас без присмотра, вы будете нюхать розу и думать о возвышенном. Куда мы, кстати, идем? Не скупитесь. Можно подвести под графу «Развлечения».

— Мы идем в «Мазарэн». Лучшее место в городе. Я — один из владельцев. Пошли, пошли! Не сидеть же нам тут до вечера! Женщины — страшные копуши. Суетятся, мечутся… Миссис Клаттербак точно такая

же. Да, кстати. Не придумаете, почему меня не будет завтра вечером? Для жены, естественно.

— Нет, не придумаю.

— Придется спросить Джефа. Где он там, в Бостоне? В «Ритце»? Позвоню из ресторана. Завтра большая игра, без меня не обойдутся. Бессмысленно садиться за покер, если не готов играть до утренней зари. Джеф что-нибудь придумает. Он человек надежный. Прямо не верится, что он француз!

— А что в них плохого?

— Ну, чешут по-своему. Бородки носят.

— Джеф бреется.

— Да, — признал честный Клаттербак, — бородки у него нет. Хотя, кто его знает, может отрастить… Скучаете без него, а?

— Еще как! Знаете стихи про эту тетю, которая тосковала по роковому возлюбленному?[144]

— Нет.

— А надо бы. Издатели вообще-то читают?

— Не больше, чем требуется.

— Словом, эта тетя — я.

— Так что от брака не устали?

— О, нет!

— Еще рано судить. Сколько вы женаты?

— Восемь месяцев три недели и два дня. Это — рай, и все лучше и лучше.

— Да, брак — вещь неплохая, но есть у него и изъяны. Вот подождите ветрянки.

— Ветрянки?

— Очень хлопотно. У моей жены была.

— Правда?

— Еще бы! Вся в розовых пятнышках.

— Да у нее же недавно была корь!

— Да, была.

— У нее что хочешь бывает.

— Это верно. Подхватывает любую заразу. Корью болела дважды.

— Я думала, так нельзя.

— Ей можно. Ну, спрашиваю в последний раз, идете вы или нет?

«Мазарэн» был одним из тех роскошных ресторанов, которые кишат между Мэдисон и Парк-авеню. Он, несомненно, процветал. Сперва

казалось, что мест нет, но для мистера Клаттербака отыскали уютный уголок. Вообще принимали его, как царя, официанты кидались к нему по первому знаку. Когда толпа поклонников поредела, Терри и Рассел начали свой пир.

Великий издатель никогда не начинал пиров с духовных радостей и душевных излияний; поначалу он ел в сосредоточенном молчании. Наконец настал миг, благоприятный для беседы.

— Ну, вот, любезная Терри, — сказал он.

— Ну, вот, любезный благодетель.

— Я хочу поговорить об издателях и писателях. Уинч и Клаттербак издали книжку вашего избранника. Почему же они — в стороне? Где наши права, где наши выгоды? Все — у писателей.

— Так их, Расс! Бей бедняков!

— Ха-ха, бедняков! Да они все, как один, богаче меня. Кто зимует во Флориде? Писатель. Чей лимузин окатывает грязью издателя, который тихо ждет автобуса? Посмотрите на своего супруга. Купается в золоте. Я думаю, он всем доволен?

— Д-да, он рад, что книжка расходится…

— Хорошо издана!

— …и пьеса имеет успех…

— Дополнительные права. Мы их тоже когда-нибудь получим.

— …но он скорей огорчен…

— Чем же это?

— Понимаете, его отец…

— Маркиз?

— Да-да. Так вот, он исчез куда-то.

— Передайте, что с маркизом все в порядке.

— Откуда вы знаете? Вы о нем слышали?

— Мало того, я его видел. Точнее, я с ним вижусь довольно часто.

Терри удивилась.

— Он здесь, в Нью-Йорке?

— Да.

— Почему же вы нам не сообщили? А ему вы передали наш адрес?

— Конечно. И он сказал, что заглянет, когда будет в тех местах. Тут он был недельку, не больше, сами понимаете, дела…

— Я бы очень смутилась, если бы его увидела. Как будто Джон знакомит меня с мамой.

— Кто-кто?

— Джон. Вы не слышали этой песни?

— Нет.

— Значит, вам ведомо не все. Отец ее вечно пел. Жених повел невесту к матери, та оглядела ее, покачала головой и говорит: «Бедный Джон, ах, бедный Джон!»

— А кто такой Джон?

— Господи, Расе! Вы поглупели от еды. Жених, конечно. Я хочу сказать, что маркизу не понравится брак с нищенкой.

— Не ему судить. Его жена еще беднее.

— Жена? Разве он женился?

— Конечно. Месяц назад. Надо было вам сказать, да вот, запамятовал. Очень милая женщина. Француженка, это да, но должен же кто-то быть французом. Раньше она служила кухаркой.

— Кухаркой?!

— Да. И какой! Раза два я ел ее обеды… А, вот и он, маркиз!

Терри обвела глазами зал.

— Где он? Не вижу.

— А вон там, у столика, где официант накладывает кому-то омлет с куриным фаршем. Ах, надо было взять! Хорошая штука.

Терри с удивлением увидела высокого, элегантного господина, на которого показывал Расе.

— Он что, метрдотель?

— Да, и очень хороший. Я сразу понял, в чем его призвание. У меня на такие вещи чутье. «Метрдотель, — сказал я, как только его увидел. — Стиль, манеры, внешность, достоинство — ну, все!» Так что когда он мне написал, что сидит без денег, я тут же устроил его в Нью-Йорке. Конечно, пришлось подучиться. Это он проделал во Флориде.

— Там он и встретил кухарку?

— Да. Она служила у одних богатых людей. Однажды маркиз оказался с ней рядом в кино. Любовь с первого взгляда, или с первого куска рагу. Неделю назад он поступил сюда и, как я и ждал, произвел сенсацию. У него… Что это бывает у французов?

— Бородка?

— Да нет!

— Вы же сами говорили.

— Говорил, но это здесь ни при чем. Кончается на «ква». А, вспомнил — «Je ne sais quoi».[145] Так что Джеф может о нем не беспокоиться. Метрдотели с голоду не умирают. Кому-кому, а им есть, что подкопить. Это издатели в конце концов торгуют яблоками.

— А не карандашами?

— Карандашами *или* яблоками. Хотел бы я стать метрдотелем!

— Фигура у вас не та.

— Сколько можно говорить о моей фигуре! Ваш Джеф будет точно таким через пять лет.

— Не будет!

— Посмотрим.

Терри зачарованно следила за передвижениями маркиза. Клаттербак не ошибся. Да, именно — стиль, манеры, внешность, достоинство. Поднимая крышку и являя взору жареную курицу с грибами, он был величав, словно полномочный посол уважающей себя страны, вручающий какому-нибудь монарху верительные грамоты.

Пока он приближался к их столику, она подметила в нем изысканную важность, которой не было в Ровиле. Заметив ее, он шире открыл глаза, но других проявлений чувства себе не позволил.

— Надеюсь, все в порядке, мистер Клаттербак?

— В идеальном!

— Мадам, — проговорил маркиз, отвешивая точно такой поклон, как надо.

Его отрешенная величавость так поразила Терри, что она не знала, что сказать. Клаттербак не помогал ей; он переваривал пищу, тихо пыхтя и глядя вдаль остекленевшим взором.

— У вас очень интересная работа, — сказала она наконец.

— Исключительно интересная, мадам.

— Мистер Клаттербак говорит, он хотел бы стать метрдотелем.

— Вот как, мадам?

— А я ему отвечаю…

— Это неважно, — внезапно очнулся ее спутник. — Закажите кофе, а я схожу позвоню вашему муженьку.

Маркиз издал шипящий звук, призывая официанта, а затем сказал ему:

— Le cafe. Vite.[146]

С исчезновением издателя дело пошло намного легче. Маркиз не улыбался, но глаза его приятно светились, что побудило Терри сказать:

— Джеф в Бостоне.

— А!

— Они там ставят пьесу по его книге.

— О!

— Говорят, он очень много заработает.

Сияние в глазах маркиза стало еще ярче. Метрдотели не бедствуют, но любящий сын всегда пригодится — скажем, заплатить налог.

— В общем, у нас все хорошо, — продолжала Терри. — Мистер Клаттербак говорит, что вы тоже женились. Вы счастливы, да?

— Исключительно счастлив, мадам. Маркиза — весьма незаурядная женщина.

— Словом, вам повезло, как и мне.

— Мадам?

— Не зовите меня «мадам»! Я — Терри.

К маркизу частично вернулась былая холодность. Называть клиента по имени! Бог знает что!

— Вы говорили о том, что вам повезло, мадам?

— И мне, и вам. Мы ведь оба женились без денег. Маркиз вздрогнул. К этой теме он не мог относиться холодно.

— Деньги? — презрительно бросил он. — Нет, мадам, главное — любовь. Помню, я говорил Жеффу: «Если ты женишься по любви, все станет приключением, даже новая шляпа для *нее*. Богатые не знают грез, замыслов, препятствий. Для тех, кто живет в замке, нет воздушных замков. Что нужно влюбленным? Маленькая мансарда. Угасишь свечу и можешь думать, что ты — в Версале, под шелком балдахина, над которым пляшут амуры».

— О! — сказала Терри; что тут еще скажешь?

— Любовь и тяжкий труд, — дополнил свою речь маркиз. — Вот они, ключи счастья.

— У вас трудная работа?

— Zut![147] — воскликнул маркиз, не любивший этого слова, но что поделаешь? — Я этому рад, я счастлив. Жить стоит ради любви и ради труда, я всегда это говорил.

Тут официант принес кофе, стал наливать его, но, под суровым взглядом маркиза, не смог остановиться. По столику расплылось бурое пятно. Маркиз разразился речью, слишком быстрой для Терри. Судя по тому, что официант убежал с невиданной прытью, можно было предположить, что его послали за скатертью.

— Простите, ради всего святого! — вскричал метрдотель. — Новичок, ничего не умеет! Взял его из жалости. Да, непростительная слабость, но все же старый друг, князь Бламон-Шеври. Пойду, присмотрю. Ничего не умеет!

Он озабоченно удалился, а к столику тем временем подкатывался Клаттербак. Он был чем-то огорчен.

— Застали Джефа? — спросила Терри.

— Застал. Нет, какой змий!

— Расе, вы говорите о человеке, которого я люблю! Издатель тяжело опустился в кресло.

— Знаете, что он мне сказал?

— Нет, не знаю.

— Что я должен стыдиться! Жена больна, а мне, видите ли, понадобился какой-то покер. Это ваш Джеф так сказал. И отказался помочь. «Останьтесь с ней, — говорит, — развлеките ее, что-нибудь спойте, если надо — станцуйте. Утешайте ее и ублажайте хотя бы до тех пор, пока сыпь не исчезнет. Будьте примерным мужем, вот как я».

— Молодец!

— Кто?

— Джеф, конечно.

— Ничего подобного. Обычный подкаблучник. Ничуть не лучше комиссара. И зачем вы за него вышли, Терри Трент? Хотя, выбирать не из чего. Хватай, что дают.

— Вот именно, — сказала Терри.

Примечания

НЕУЕМНАЯ ДЖИЛЛ (1920)

Один из ранних романов Вудхауза. Вообще-то он писал уже почти 20 лет, сперва — затерявшись среди многих, потом — обретя внезапную славу. Но примерно до 1925 года он мог бы оставаться «одним из…» — у него есть еще не все неповторимые черты, дающие ему право называться классиком. Если выделять десятилетие между временем, когда он «проснулся знаменитым» (1915) и началом т. н. «золотой поры» (1925), «Джилл» попадает как раз на середину и очень типична. Уже есть вудхаузовские легкость, тонкость, уют, но еще нет лаконизма и порой изменяет вкус. Скажем, любовные беседы были бы позже совсем иными. Через 53 года он сам удивлялся тому, что Фредди Рук гораздо больше похож на опереточного простака, чем на человека.

Однако, на наш взгляд, прелести в романе немало — Нелли с ее попугаем, доброта Фредди, и уют, уже близкий к тому, который чуть позже описан в «Билле» (Баттерси, Флик, собачка) и в других книгах «золотой поры». Считается, что пора эта кончилась в 50-х, но тут можно спорить, что мы нередко и делаем.

НА ВАШЕМ МЕСТЕ (1931)

В 1931 году Вудхауз работал по контракту на студии «Метро-Голдвин-Майер» в Голливуде. Работа была необременительной, и Вудхауз, не привыкший к такому режиму, в свободное время занимался своими проектами, написал несколько рассказов, пьесу и большую часть романа «На вашем месте». В 1934 году Вудхауз вместе с Г.Болтоном (ему посвящено первое американское издание романа) переделали книгу в пьесу «Кто есть кто», которая, однако, не имела успеха. Как ни странно, Вудхауз считал, что некоторая неясность финала — достоинство, а не недостаток.

ФРАНЦУЗСКИЕ КАНИКУЛЫ (1956)

Чаще всего действие романов Вудхауза происходит в Англии и Америке. Здесь он, как и в романе «Переплет» (1932), помещает героев во Францию. Идея зонтичного клуба принадлежит Гаю Болтону (1884–1979). Вудхауз делил с ним гонорары от «Каникул», но скрывал это от жены, которая недолюбливала Болтона.

Название в подлиннике — "The French Leave" — аналогично нашему «уйти по-английски», не прощаясь. Пришлось оставить другую аллюзию, благо фильм «Римские каникулы» вышел на экраны в 1953 году и был очень знаменит.

Н. Трауберг, М. Кузьменко
Российское Общество Вудхауза
http://wodehouse.ru

---

notes

Примечания

1

Винчестер — одна из 9 старейших английских школ. Основана в 1382 г. епископом Винчестерским.

2

молодой Трипвуд — см. романы о лорде Эмсворте.

З

колесница Джаггернаута (инд. «Джагганат» — царь мира) — на этой колеснице ежегодно вывозили (а может быть, и вывозят) статую Кришны. Ревностные его почитатели кидались под ее колеса.

4

Олбэни — фешенебельный многоквартирный дом на Пиккадилли. Назван по титулу одного из бывших владельцев, герцога Йоркширского и Олбэнского.

5

добрые сердца ценнее короны… — цитата из Альфреда Тениссона (1809–1892) «Леди Клара Вер де Вер».

6

Хейлибери — мужская привилегированная школа, основана в 1862 г.

7

Рип ван Винкл — герой романа Вашингтона Ирвинга (1783–1834), вышедшего в 1820 г. Рип засыпает и просыпается стариком, через двадцать лет.

8

огненное испытание — см. 1 Петр 4:12. Принято (особенно в англиканстве и протестантстве) цитировать в сокращенном виде: «Огненного испытания не бойтесь». Полный текст: «Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного».

9

Брокен — гора, на которой, по преданию, собирались ведьмы в т. н. Вальпургиеву ночь (с 30 апреля на 1 мая).

10

Касабьянка, Луи (1755–1798) — капитан французского судна, который взорвал его, чтобы не отдать англичанам, и погиб вместе с сыном-подростком. Этому посвящены хрестоматийные стихи Фелисии Доротеи Хименс (1793–1835).

11

Большой пожар — так называют пожар 1666 г., уничтоживший больше половины Лондона.

12

Здесь — пугалом *(франц.)*.

13

Игла Клеопатры — гранитный обелиск, возведенный на набережной Темзы в 1878 г.

14

Баттерси — район на правом, южном берегу Темзы.

15

«Савой» — одна из самых фешенебельных гостиниц в Лондоне. Находится на Стрэнде.

16

Тушеная курица *(франц.)*.

17

А ла мэтр д'отель *(франц.)*.

18

«…словно червь в бутоне» — «Двенадцатая ночь» У. Шекспира. Акт II, сцена 4.

19

…наелся розовых лепестков — отсылка к сатирической повести Люция Апулея (род. ок. 125 н. э.).

20

Бивэн — см. роман «Дева в беде».

21

«Птица с пронзительным взглядом» — пьеса ирландского поэта и драматурга Эдуарда Дансени (1878–1957); полное имя и титул — Эдвард Дилон Мортон Дрэкс Планкерт, барон Дансени).

22

Седрах, Мисах и Авденаго — т. н. «отроки в пламенной пещи». См. Дан 3:15 и далее.

23

Юстон, Паддингтон, Ватерлоо — лондонские вокзалы.

24

«Вслед за девушкой» — см. «Дева в беде».

25

трость надломленная — см. Мтф 11:7; Ис 42:3.

26

Белгрейв-сквер — одна из самых фешенебельных площадей Лондона.

27

Севен Дайлс (букв, «семь циферблатов») — маленькая площадь неподалеку от центра, вокруг которой, однако, примерно до конца XIX века были трущобы. Сама фраза — цитата из музыкальной комедии Гилберта и Салливена «Иоланта» (см. ниже).

28

гребные гонки — ежегодные соревнования по гребле между Оксфордом и Кембриджем.

29

…*утучнел, потолстел и разжирел* — см. Втор. 32:15.

30

«Гунга Дин» — стихи Редьярда Киплинга (1865–1936).

31

«Кьюнард» и «Белая звезда» («Уайт Стар») — судоходные компании, обслуживающие линию между Англией и США (первая названа в честь Сэмюеля Кьюнарда, основавшего ее в 1839 г.).

32

Король Кофетуа — легендарный король из Африки, полюбивший нищенку. Впервые упоминается в старинных балладах, потом — у Шекспира, в «Тщетных усилиях любви» (IV, 1), «Ромео и Джульетте» (II, 1) и части 2-й «Генриха IV» (V, 3).

33

Сёррей — графство, в которое входят районы и пригороды Лондона, расположенные на южном берегу Темзы.

34

Сандрингэм — одна из загородных резиденций английских королей. Находится в Норфолке (восток Англии).

35

Сэр Филип Сидни (1554–1586) — прославленный поэт и деятель Елизаветинской эпохи. Умирая в Нидерландах, уступил стакан воды раненому со словами: «Ему нужнее».

36

Гилберт и Салливен — создатели комических опер: композитор сэр Артур Сеймур Салливен (1842–1900) и автор пьес сэр Уильям Швенк Гилберт (1836–1911).

37

Фасга — горная цепь, с одной из гор которой Моисей видел Землю обетованную. (См. Втор. 34:1).

38

Саймон Легри — жестокий работорговец из романа Харриет Бичер-Стоу (1811–1896) «Хижина дяди Тома» (1851–1852).

39

Томас Джефферсон (1743–1826) — 3-й президент США (1801–1809); мыслитель, политик, архитектор.

40

Ньюпорт — фешенебельный морской курорт в штате Род-Айленд (точнее назвать его «приокеанским», поскольку он расположен на берегу бухты Атлантического океана, носящей индейское название Наррагансет).

41

хлеб…пускать по водам — см. Еккл. 11:1.

42

…*фунтов 180*. —1 фунт = 453,59 г., 180 фунтов=81,6 кг.

43

Капитан Кидд — Уильям Кидд (ок. 1645–1701) — мореплаватель и пират.

44

Метрополитен-Тауэр — небоскреб на углу 57-й стрит и Шестой авеню.

45

Мидяне — ханаанское племя, сражавшееся с израильтянами. Гимн, где они «рыщут», Вудхауз упоминает очень часто.

46

«ни Божий закон, ни закон людской не северней сороковых» — строка из баллады Р. Киплинга «Стихи о трех котиколовах» (1882). В подлиннике — «не северней 53-й широты»

47

трапписты — католический монашеский орден, члены которого дают обед молчания.

48

«Мы с тобою, отец Авраам» — начало песни (по-видимому, народной), сложенной в ответ на призыв Авраама Линкольна (1809–1865) в 1861 г.

49

Полианна — героиня одноименной повести Элинор Портер (1869–1920), которая во всем видит только хорошее. Издана в 1912 г.

50

Напротив *(франц.)*.

51

«Звездное знамя» — гимн США.

52

…*из Трои и Аттики* — Мэйсон хочет сказать, что Джилл похожа на Елену Прекрасную.

53

…*мальчик с лисицей* — по преданию, спартанский мальчик спрятал под плащом лисицу и, чтобы этого не заметил учитель, терпел, когда она грызла ему внутренности.

54

Колледж Магдалины (Модлин-колледж) есть и в Оксфорде, и в Кембридже.

55

«Из всех печальных слов…» — вошедшие в поговорку строки из «Мод Маллер» Гринлифа Уитьера (1807–1892).

56

Роберт Грин Ингерсол (1833–1899) — американский писатель и политический деятель.

57

Джесси Джеймс (1847–1882) — во время Гражданской войны был партизаном на стороне южан. После войны — главарь банды, грабившей банки и поезда. Стал героем народных баллад и кинофильмов.

58

…*чувства пери* — речь идет об эпизоде из комической оперы Гилберта и Салливена «Иоланта, или Пэр и пери» (1882). Пери (как, надеюсь, все знают) — нечто вроде феи в персидской мифологии.

59

Идущие на смерть приветствуют тебя *(лат.)*.

60

Хобокен — морской порт в штате Нью-Джерси, напротив Нью-Йорка (т. е. на левом берегу Гудзона).

61

Сухой *(франц.)*.

62

не сеет, не жнет — Мтф. 6:26.

63

«Детские баллады» — произведение английского драматурга Уильяма С. Гилберта (1836–1917).

64

суд равных — обычно это выражение приписывают Р. Киплингу. На самом деле оно восходит к Magna Carta (Великой хартии вольностей, 1215).

65

Встретимся при Филиппах — это выражение означает, «придет час расплаты». Имеется в виду битва при Филиппах в Македонии (42 до н. э.), когда войска Марка Антония и разбили Брута и Кассия, убивших Юлия Цезаря.

66

Артур Уэсли, герцог Веллингтон (1769–1852) — английский военный и государственный деятель.

67

«Чеширский сыр» — старинное кафе на Флит-Стрит. *«Симеон»* — ресторан на Стрэнде.

68

Итон и Харроу — старейшие частные школы в Англии (даты их основания— 1440, 1571).

69

Елисей — 4-я Книга Царств, гл. 2.

70

Рональд Колмен (1891–1958) — англо-американский актер, исполнял роли романтических героев-любовников, чаще всего, аристократического происхождения. Обладатель «Оскара» (1947). Как раз в то время, когда Вудхауз писал «На вашем месте» был (как и сам Вудхауз) вице-президентом Голливудского крикетного клуба.

71

Николо Макиавелли (1469–1527) — итальянский политик, писатель, имя которого стало синонимом хитрого и циничного государственного деятеля.

72

Регентство — в Англии период с 1811 по 1820 г., когда Георг IV (тогда принц Уэльсский) был регентом при своем отце, Георге III.

73

То есть около 48 кг.

74

Суон и Эдгар — магазин на Пиккадилли-Серкус.

75

Аберкромби и Фитч — сеть магазинов одежды в США.

76

Фортнем и Мейсон — известнейший универсальный магазин на Пиккадилли.

77

Ангел-служитель мгновенно проснулся в ней — отсылка к хрестоматийному отрывку из поэмы Вальтера Скотта (1771–1832) «Мармион».

78

Ирвинг Берлин (1888–1989) — американский композитор, автор мюзиклов и более 800 песен, многие из которых стали американской классикой, например патриотическая песня «Благослови Бог Америку» (God Bless America). Написанная в 1938 году, она стала неофициальным гимном США — отчасти по той причине, что официальный гимн имеет слишком сложную мелодию.

79

Роланд (Тоуленд) *Хилл* (1795–1879) — английский педагог и администратор, создатель современной почты.

80

Уильям Мейкпис Теккерей (1811–1863) — английский писатель, автор знаменитого романа «Ярмарка тщеславия».

81

доктор Криппен — убил свою жену в Лондоне в ночь на 1 февраля 1910 года. Классический пример в истории криминалистики.

82

Омар Хайям (1050–1123) — персидский астроном, математик и поэт.

83

Даниил, только что попавший в львиный ров — Книга Даниила, гл.6.

84

«Гунга Дин» и *«Атака легкой кавалерии»* — хрестоматийные стихотворения Редьярда Киплинга (1865–1936) и Альфреда Теннисона (1809–1892).

85

принесший добрую весть из Аахена в Гент — аллюзия на стихотворение Роберта Браунинга (1812–1889) «Как привезли добрую весть из Гента в Аахен». Заметим, что Вудхауз всегда пишет «из Аахена в Гент», тогда как у автора — наоборот.

86

Сидони-Габриэль Колетт (1873–1954) — французская писательница, автор романов о любви и о кошках.

87

Жорж Куртелин (наст, имя — Жорж Муано; 1858–1929) — французский писатель и драматург.

88

Этот карандаш — желтый. Этот карандаш — синий. Дайте мне карандаш моей тети *(франц.)*.

89

Ивлин Во (1903–1966) — английский писатель.

90

Алан Александр Милн (1882–1956) — английский писатель, автор книг о Винни-Пухе.

91

Бенсонбург — под этим именем Вудхауз описывает Резембург, где он жил постоянно с 1955 г.

92

кусают, как змии, и жалят, как скорпионы — Притчи 23:32.

93

«Холодный дом» — роман Чарлза Диккенса (1812–1870).

94

сыны Велиала — см. 2 Кор. 6:15. Велиал (Велиар) — в Библии демоническое существо, дух небытия, лжи и разрушения.

95

Служащий экспедиции третьего отдела *(франц.)*.

96

Левый берег [Сены] *(франц.).*

97

святой Рох (1295–1327) — покровитель зачумленных; к нему обращаются за защитой от чумы и прочих эпидемий.

98

Простите, пожалуйста, мадемуазель! (букв. «Тысяча извинений») *(франц.).*

99

Не за что, месье *(франц.)*.

100

Excelsior — выше *(лат.). знаменем с надписью Excelsior* — строка из стихотворения «Эксцельсиор» американского поэта Г. У. Лонгфелло (1807–1882).

101

Михей, *Иеремия* — самые суровые из Ветхозаветных пророков.

102

Английская набережная (букв. «Набережная англичан») *(франц.)*.

103

У Джимми *(франц.)*.

104

Дейл Карнеги (1888–1955) — автор бестселлера «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей».

105

Грегори Пек (р. 1916) — американский киноактер, чьи герои отличались мужеством и обаянием. Лауреат «Оскара» (1962).

106

Ирвинг Берлин (1888–1989) — американский композитор, автор мюзиклов и более 800 песен, многие из которых стали американской классикой, например патриотическая песня «Благослови Бог Америку» (God Bless America). Написанная в 1938 году, она стала неофициальным гимном США — отчасти по той причине, что официальный гимн имеет слишком сложную мелодию.

107

И пожалуйста *(франц.)*.

108

Сандро Боттичелли (1445–1510), один из наиболее выдающихся художников эпохи Возрождения.

109

Моя дорогая *(франц.)*.

110

Малышка *(франц.)*.

111

Я тебя люблю. Я тебя обожаю *(франц.)*.

112

Послушайте, месье… *(франц.)*.

113

Я… *(франц.)*.

114

Пу-Ба — персонаж комической оперы сэра Уильяма С. Гилберта (1836–1917) и сэра Артура С. Салливена (1842–1900) «Микадо» (1885), чиновник, занимающий множество постов одновременно.

115

он казался <…> *надломленной тростью* — Исайя 36:6.

116

Суп из креветок, [форель] по-эрцгерцогски, перигордские [куропатки] *(франц.).*

117

Эрл Стэнли Гарднер (1889–1970) — американский писатель, создатель образа адвоката-детектива Перри Мейсона.

118

Дорогой *(франц.)*.

119

Негодяй *(франц.)*.

120

Ударит (Букв. — «даст ему каштан») *(франц.)*.

121

Грабитель, взломщик *(франц.)*.

122

Рысью *(франц.)*.

123

Ты видишь в ясном свете, что… — «…что мы приветствовали при слабых отблесках последнего заката», то есть американский флаг. Первые строки государственного гимна США.

124

Сара Сиддонс (1755–1831) — английская актриса. Известность ей принесла трактовка образа леди Макбет: Сиддонс считается едва ли не лучшей леди Макбет в истории мирового театра.

125

Еще *(франц.)*.

126

Джесси Джеймс (1847–1882) — во время Гражданской войны был партизаном на стороне южан. После войны — главарь банды, грабившей банки и поезда. Стал героем народных баллад и кинофильмов.

127

Вацлав Нижинский (1889–1950) — русский танцовщик и хореограф, с 1911 г. жил заграницей.

128

Кассу *(франц.)*.

129

Лотова жена — Бытие, 19:26

130

Подробности, частности *(лат.)*.

131

Бригем Янг (1801–1877) — вождь мормонов, которые поначалу практиковали многоженство.

132

Генрих VIII (1491–1547) — английский король (с 1509 г.) из династии Тюдоров, женился шесть раз.

133

Руритания — вымышленное государство из романа Энтони Хо-упа (1863–1933) «Узник Зенды».

134

Джордж Рипли (1802–1880) — социальный реформатор, один из основателей т. н. Фермы Брука в Массачусетсе — коммунистической общины, существовавшей с 1841 по 1847 г.

135

«Старик-река» — песня из мюзикла «Шоу-пароход» Оскара Хаммерштена II (1895–1960) и Джерома Керна (1885–1945).

136

«Если ты Эми поцеловал» — песня американского композитора Фрэнка Лессера (1910–1969), которую исполнял Фрэнк Синатра (1915–1998).

137

флердоранж — цветы апельсина *(франц.)*, венок из которых надевает невеста.

138

Ноль два три один *(франц.)*.

139

Говорите по-французски, месье! *(франц.)*.

140

О, прекрасная Франция! *(франц.)*.

141

Мой ангел, сокровище мое, что с тобой? *(франц.)*.

142

У. С. Филд (настоящие имя и фамилия — Уильям Клод Дьюкенфильд, 1880–1946) — американский киноактер комедийного жанра. Снимался в амплуа мошенников, преимущественно — злобных.

143

Не хотите ли? *(франц.)*.

144

стихи про эту тетю, которая тосковала по роковому возлюбленному — см. «Кубла Хан» С. Т. Колриджа (1772–1834).

145

Что-то такое-этакое *(франц.)*.

146

Кофе. Быстро *(франц.)*.

147

Черт возьми! *(франц.)*.